УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)
П 49

Полторанин М.Н.

П 49 Власть в тротиловом эквиваленте. Полная версия / М.Н. Полторанин. – М.: Алгоритм, 2017. – 576 с. – (Политические бестселлеры).

ISBN 978-5-906979-08-7

Михаил Полторанин, демократ-идеалист, в 1990-х достиг апогея своей политической карьеры: был министром печати и информации, зампредом правительства, правой рукой Бориса Ельцина. Во всей своей зловещей достоверности открылись перед Полтораниным тайны кремлевского двора – он видел, как происходило целенаправленное разрушение экономики России, разграбление ее богатств, присвоение народной собственности кучкой нуворишей.

Как это было, какие силы стояли и по-прежнему стоят за спиной власти, в деталях и лицах рассказывает Михаил Полторанин в своей книге, в чем-то покаянной, целиком основанной на подлинных фактах.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

© Полторанин М.Н., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906979-08-7

СОДЕРЖАНИЕ

А. Островский. Предисловие 6

От автора 32

Глава I. Воруй-город и красная гусеница 39
Глава II. Почем ртуть из Кремля 80
Глава III. Как пилили державу 112
Глава IV. Донесение президента России
президенту Америки 153
Глава V. Воруй-страна, или Чеченизация России 227
Глава VI. Лев Рохлин, или Открой, стучится Сталин! 453

Интервью 547

Вместо послесловия. Народ и власть.
Читая Михаила Полторанина 571

Всякая власть исходит от народа.
И никогда уже к нему не возвращается.
Габриэль Лауб

Предисловие

За строкой воспоминаний М.Н. Полторанина

Книга Михаила Никифорович Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте» сразу же привлекла к себе внимание читателей. Не только потому, что автор когда-то входил в ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, но и потому, что в ней затрагиваются некоторые тайны недавнего времени.

Прежде всего, это касается истоков перестройки

Широко распространено мнение, будто бы М.С. Горбачев и его команда пытались реформировать советское общество чуть ли не вслепую

«Никакой программы перестройки не было, — писал бывший шеф КГБ СССР Владимир Александрович Крючков. — Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собою этот замысловатый лозунг. *Попытки выяснить*, к чему же мы идем, какие цели преследуем, какие конкретные и перспективные задачи решаем, *наталкивались* на многословие Горбачева, а то и *на глухую стену молчания*».

Отрицал существование программы перестройки и А.Н. Яковлев. Он утверждал, что «преобразования в 1985 году начались *без плана и даже без идей*». «Что касается плана, — разъяснял Александр Николаевич, — то его и не могло быть. Кто в то время мог принять «план» коренной реформации общественного строя, включавший в себя ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности? Кто? Аппарат партии и государства? КГБ? Генералитет?».

На этом настаивает другой сподвижник генсека В. А. Медведев: «В дискуссиях последних лет часто звучит вопрос: имел ли Горбачев, начиная перестройку, ее программу? Конечно, тщательно разработанной по всем пунктам и подпунктам программы не было, да и не могло быть. *Была сумма идей, на основе которых постепенно формировался новый политический курс*». И далее: «Я считаю, что весь период от мартовского и апрельского Пленумов ЦК КПСС до XXVII съезда включительно и даже до конца 1986 года — это и был период формирования и упрочения политики перестройки».

Между тем директор Института США и Канады, Г.А. Арбатов, которого американцы называли «советским Киссинджером», утверждал, что когда уже после 1991 г. он задал М. С. Горбачеву вопрос о программе реформ, тот ответил, что *к весне 1985 г.* имел *«общий план»* и уже обдумывал решение «нескольких важнейших проблем», но «что делать дальше», во многом «подсказывал» «ход событий».

О том, что к 1985 г. общая «концепция перестройки» у него была, М.С. Горбачев заявлял позднее сам. «Концепция перестройки была», утверждает Михаил Сергеевич, не было конкретного плана, «как меню или расписания поездов».

Чтобы понять степень искренности бывшего генсека на этот счет, необходимо учесть, что разработку программы перестройки начал еще Ю.В. Андропов в 1982 г. И М.С. Горбачев имел к этому самое непосредственное отношение.

Поднявшись на вершину власти, Михаил Сергеевич немедленно приступил к составлению «плана» конкретных действий. Бывший американский посол Д. Мэтлок утверждает: «Едва заняв пост генсека, Горбачев поручил составление первоначального *проекта «программы»* двум настроенным на реформы соратникам, Александру Яковлеву и Михаилу Полторанину. Их отправили на загородную дачу, дабы они могли несколько недель поработать в тиши и покое...»

Откуда же у американского посла такая информация?

Оказывается, он почерпнул ее 23 сентября 1992 г. из беседы с бывшим тогда вице-премьером М. Н. Полтораниным. И хотя воспоминания Д. Мэтлока были опубликованы в 1995 г., М.Н. Полторанин подтвердил упоминаемый им факт только после того, как в 2003 г. книга Д. Мэтлока появилась в Москве на русском языке.

«Я, — заявил он в 2004 г. на страницах газеты «Москвичка», — работал в «Правде», занимался экономическими проблемами... В 85-м году — весной — написал большую статью об инерции, о том, к чему мы пришли и что нужно делать. Горбачев ее прочитал, отметил пять направлений и включил меня в группу», «которая *той же весной* занялась *подготовкой концепции перестройки*».

Через пять лет в интервью журналу «Русская жизнь» М.Н. Полторанин подтвердил факт своего участия в разработке концепции перестройки и уточнил, что к этой работе его привлек Валерий Иванович Болдин, с которым он был знаком по работе «Правде». Когда М.С. Горбачев начал формировать свою команду Валерий Иванович, ставший к тому времени помощником генсека, порекомендовал ему Михаила Никифоро-

вича. М.С. Горбачев пригласил его для беседы, а после нее отправил «на сталинскую дачу», видимо, в Волынское, где и расположилась рабочая группа.

Из текста последнего интервью явствует, что работа продолжалась «три месяца».

Однако в беседе со мной 2 октября 2012 г. Михаил Никифорович сделал уточнение. Оказывается, одновременно с разработкой концепции перестройки шла подготовка доклада, посвященного научно-техническому прогрессу. Оба документа («Доклад генерального секретаря по научно-техническому прогрессу» — не менее 50 с. и «Предложения по реформированию экономии и политической системы» — 32 с.) были подготовлены примерно за месяц: не ранее 18 марта (публикация упоминавшейся статьи М.Н. Полторанина) — не позднее 23 апреля (открытие Пленума ЦК КПСС).

Сначала предполагалось, что вопрос о научно-техническом прогрессе будет обсуждаться на Апрельском пленуме 1985 г., затем было решено созвать для рассмотрения этого вопроса специальное совещание. В связи с этим, по словам М.Н. Полторанина, в мае-июне доклад по научно-техническому прогрессу был подвергнут доработке.

Следовательно, «три месяца» заняла работа над докладом, а «концепция перестройки» была готова уже к 23 апреля 1985 г.

По свидетельству М.Н. Полторанина, кроме него, в рабочую группу, которая подготовила концепцию, входили академик Абел Гезевич Аганбегян, помощник генсека Аркадий Иванович Вольский, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Вадим Андреевич Медведев, сотрудник газеты «Правда», один из авторов воспоминаний Брежнева Александр Павлович Мурзин и директор ИМЭМО Александр Николаевич Яковлев.

Что представляла собой эта команда?

Ученик лауреата Нобелевской премии академика Л.В. Канторовича, А.Г. Аганбегян занимал в это время пост директора Института экономики Сибирского отделения АН СССР. К этому времени он, по его собственному признанию, неоднократно «месяцами работал в Москве на дачах ЦК КПСС», «готовил речи на экономические темы для руководителей государства, материалы съездов и т.д.». Внимание будущего генсека он, по всей видимости, привлек «весной 1984 года», когда «написал Горбачеву доклад о положении в экономике на 132 страницах». «В декабре того же года, — вспоминает А.Г. Аганбегян, — по поручению Горбачева вместе с коллегами я участвовал в под-

готовке пленума по научно-техническому прогрессу, и меня даже не отпустили встречать Новый год в Новосибирск».

В отличие от А.Г. Аганбегяна А.И. Вольский был известен только в аппаратных кругах. Будучи помощником генсека, он принимал участие в разработке подготавливаемой Ю.В. Андроповым программы реформ, в частности в 1983 г. им был разработан проект реформирования СССР, предусматривающий разделение его на 41 штат.

К реформаторам принадлежал и В.А. Медведев. Характеризуя содержание своей записки от 17 марта, упоминавшейся ранее, он пишет, что особое место в ней занимали два предложения: «освободить партийные комитеты от оперативно-хозяйственных дел» и в связи с этим ликвидировать в ЦК «отделы по отраслям народного хозяйства», а также предоставить членам партии возможность свободного обсуждения любых проблем («не должно быть запретных тем для высказываний и обсуждения»). По существу речь шла об отстранении партии от власти и ликвидации внутрипартийной цензуры.

Обще представление о той позиции, которую занимал А.Н. Яковлев на заре перестройки, дают две его записки, составленные в декабре 1985 г.: «Тезисы об основных слагаемых перестройки» и «Императив политического развития».

В первой из них, который можно назвать «манифестом перестройки» или же программой-максимум, он утверждал, что марксизм — это не более чем религия, что существующий социализм — это «социальный каннибализм», что речь должна идти «не только о демонтаже сталинизма, но и о замене тысячелетней модели нашей государственности». Предлагая «начать своеобразную деиндустриализацию страны», он провозглашал такие цели, как восстановление частной собственности и переход к рыночной экономике».

Во втором документе, который можно назвать программой-минимум, намечались некоторые конкретные шаги, направленные на достижение конечных целей: освобождение партии от хозяйственных и других государственных функций, переход к двухпартийной системе, введение альтернативных выборов, децентрализация управления и т.д.

Возникает вопрос, может быть Александр Николаевич «созрел» до подобного рода идей только к концу 1985 г.?

Послушает его самого: «Деятели, — утверждал он, характеризуя работников аппарата ЦК КПСС, в котором проработал около двадцати лет, причем не где-нибудь, а главным образом в Отделе агитации и пропаганды — были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. *Все до одного*, и

я — в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостным, истинные убеждения держали при себе».

Некоторое представление о степени откровенности А.Н. Яковлева в тот период мы можем судить на основании воспоминаний бывшего советского социолога И.Г. Земцова, который летом 1983 г. встречался с Александром Николаевичем в Канаде. Во время этой встречи А.Н. Яковлев заявил: «Не пришло ли время признать, что марксизм с самого начала оказался ошибочным...Коммунисты пытались создать рай на земле... И выяснилось — его построить невозможно».

Таковы были основные участники рабочей группы, перед которой была поставлена задача — составления концепции перестройки.

В упоминавшихся интервью М.Н. Полторанин отмечал, что им были «предоставлены самые секретные материалы Академии наук, Госкомстата, Госплана и даже КГБ», рисовавшие реальную картину положения дел в стране.

Среди них особе место занимала аналитическая записка, которая рассматривала три возможных сценария развития событий: а) если в стране не будет перемен, к началу 2000 г. ее ждет кризис, б) если все ограничиться частными переменами, страна будет оставаться в застое, в) выход из создавшегося положения лежит только на пути серьезных преобразований.

По существу эта записка обосновывал необходимость того, что позднее получило название перестройки.

По всей видимости, именно эта записка упоминается в воспоминаниях А.Н. Яковлева. Составленная возглавляемым им ИМЭМО при участии «ведущих ученых нескольких институтов» и рассматривавшая «перспективы развития советской экономики», она действительно предсказывала: «Если советская экономика и дальше будет развиваться на тех же принципах, то где-то в последнее десятилетие XX века мы резко откатимся назад примерно на 7-е место по ВНП и окажемся в глубоком экономическом кризисе».

Рабочая группа была ознакомлена также с уже имевшимися предложениями по реформированию страны, в частности с концепцией реформирования экономики, которая к этому времени была разработана Комиссией Н.А. Тихонова. Имеется в виду «Концепции совершенствования хозяйственного механизма предприятия», в основе которой лежала идея о *переходе к многоукладной рыночной экономике*. По утверждению Н.И. Рыжкова, который принимал участие в ее разработке, планировалось оставить в руках государства 50% собственности,

30% должна была составлять корпоративная собственность, 20% — индивидуальная.

Исходя из этого, нетрудно понять, какие перемены планировала созданная М.С. Горбач рабочая группа.

По словам М.Н. Полторанина, в области экономики ставилась задача отказа от валовых показателей, перераспределения средств между группой А и Б в пользу последней и расширение прав предприятий.

Комментируя свое выступление на Апрельском пленуме 1985 г., М.С. Горбачев пишет: «Нужно было менять саму систему руководства экономикой, *оставить на долю верхних эшелонов социально-экономическую и научно-техническую стратегию, а все остальное передать на усмотрение производственных коллективов*».

По сути дела это означало отказ от прежней системы планирования, переход к рыночным отношениям. И действительно, по свидетельству М.Н. Полторанина, разработанная весной 1985 г. концепция перестройки намечала создание многоукладной рыночной экономики.

По существу речь шла о возвращении к НЭПу.

Идею «о введении модели нэпа» М.С. Горбачев обсуждал с учеными еще в 1983 г. По свидетельству А.И. Лукьянова, который возглавил после смерти К.У. Черненко Общий отдел ЦК КПСС, подобная идея рассматривалась в ближайшем окружении нового генсека и весной 1985 г.

В своей книге М.Н. Полторанин тоже пишет, что разработанная ими концепции перестройки имела в виду использование опыта НЭПа и планировала создание рядом с государственным частного сектора («дать людям право открывать частное дело»: «для начала — в сфере обслуживания, производстве еды и всего того, на чем мы спим и сидим и что на себя надеваем»).

Передавая настроения, царившие среди членов рабочей группы, М.Н. Полторанин пишет: «Пусть рядом с государственными элеваторами появятся частные зернохранилища, рядом с государственными мебельными, обувными, швейными фабриками и мясокомбинатами — начнут выпускать продукцию частные предприятия. Дальше — больше». Причем, «чтобы не всполошить влиятельных талмудистов от партии», тогда речь еще не шла о приватизации государственной собственности, а о сдаче ее в аренду: «арендуйте — обрабатывайте и перерабатывайте».

По утверждению А.И. Лукьянова, тогда же весной 1985 г., накануне Апрельского пленума ЦК КПСС, А.Н. Яковлев выступал

с предложением о необходимости «фермереризации сельского хозяйства». О своих предложениях начать реформирование советской экономики с фермеризации, заявлял позднее и сам А.Н. Яковлев. Летом 1985 г. этот вопрос А.И. Лукьянов специально обсуждал с М.С. Горбачевым. В частности, рассматривалась возможность внедрение так называемого семейного подряда. В 1986 г. этот вопрос был вынесен даже на страницы печати.

Это значит, что цель, намеченная Ю.В. Андроповым, цель, пути к которой искала комиссия Н.А. Тихонова, была взята М.С. Горбачевым в качестве ориентира с первых же дней пребывания его у власти.

Между тем переход к многоукладной рыночной экономике означал изменения и классовой структуры советского общества, и системы управления, и идеологии.

В беседе со мной М.Н. Полторанин сообщил, что разработанная концепция перестройки предполагала реформирование КПСС и принципиальное изменение ее роли в советском обществе. С одной стороны имелась в виду демократизация партии (восстановление коллегиального руководства, ротация кадров), с другой стороны, освобождение ее от хозяйственных и иных государственных функций, что должно было означать отстранение ее от реальной политической власти и превращение в чисто идеологический инструмент.

Подобная идея родилась еще при И.В. Сталине и бродила в умах советской элиты не только в период хрущевской оттепели, но и в брежневские времена. Ее пытались реализовать Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, Н.А. Косыгин, Ю.В. Андропов.

Концепция перестройки намечала не только отстранение КПСС от власти, но и реформирование государственного устройства. Прежде всего, речь шла о введении альтернативных выборов. На этой основе предполагалось создание нового органа власти — Съезда народных депутатов СССР и учреждение новой должности — избираемого съездом президента страны.

А.И. Лукьянов утверждает, что уже тогда в руководстве партии рассматривалась идея «внедрения основ парламентаризма». И уже тогда, по его словам, А.Н. Яковлев высказывал мысль о необходимости разделения КПСС на две партии.

Реформирование государственного устройства СССР предполагало также децентрализацию управления за счет «расширения экономической самостоятельности союзных республик». О степени этой децентрализации свидетельствует то, что концепция перестройки предусматривала учреждение должности представителя президента СССР, который наделялся

правом вето, т.е. правом в исключительных случаях приостанавливать или отменять принимаемые республиками законы.

14 декабря 1997 г. на страницах «Minneapolis Star-Tribune» М.С. Горбачев заявил, что общий смысл перестройки сводился к следующему: а) «ликвидация монополии государственной собственности», б) «раскрепощение экономической инициативы и признание частной собственности», в) «отказ от монополии коммунистической партии» на власть и идеологию, г) «плюрализм мысли и партий», д) «реальные политические свободы», е) «создание основ парламентаризма».

Эти цели полностью соответствовали той концепции перестройки, которая была разработаны весной 1985 г.

«В кругах Коммунистической партии стало принято отсчитывать перестройку...с апреля 1985 года... — пишет Д. Мэтлок. — В действительности принятая на этом пленуме программа была не той, со временем ставшей известной миру под названием перестройка... а куда более ограниченной программой. Ее точнее было бы именовать Андроповской платформой, поскольку по сути своей она являлась подходом, разработанным по его настоянию». Эти идеи, по утверждению американского дипломата, «и составили основу программы ограниченных реформ, явленную миру на Апрельском пленуме в 1985 году».

«*Ряд сторонников Горбачева,* — отмечает Д. Мэтлок, — *настаивали на принятии более серьезных реформ с самого начала, но тот отказывался*».

Утверждая, что «у Горбачева был план» реформ, Г. А. Арбатов отмечал, что Михаил Сергеевич «*раскрывал*» его «*лишь постепенно*». «С самого начала было ясно, что он *не может говорить всего*...Тактично, разумно было бы, чтобы перестройка разворачивалась постепенно».

В своей книге «Глупость или измена. Расследование гибели СССР» я выдвинул версию о том, что, начиная перестройку, М.С. Горбачев и его ближайшее окружение ставили перед собою цель не создания социализма с человеческим лицом, как это провозглашалось, а вхождение СССР в «общеевропейский дом».

О том, что эта версия не лишена оснований свидетельствует дневник ближайшего помощника М.С. Горбачева Анатолия Сергеевича Черняева, который 21 января 1990 г. записал: «...Все очевиднее, что по началу общеевропейский дом будет без нас».

Это означает, что генсек и его окружение действительно ставили перед собою задачу вхождения советской страны в

«общеевропейский дом». Об этом свидетельствует и подписание СССР в январе 1989 г. Венской конвенции, признававшей приоритет международного законодательства над национальным, и публикация в январе 1988 г. на страницах «Правды» статьи «Мировое сообщество управляемо», означавшей готовность советского руководства присягнуть мировому правительству, и разработка концепции «общеевропейского дома», обсуждавшейся на заседании Политбюро ЦК КПСС в марте 1987 г.

Уже после того, как моя книга вышла в свет, мне удалось найти запись беседы Егора Яковлева с А.Н. Яковлевым и М.С. Горбачевым. В ходе этой беседы А.Н. Яковлев заявил:

«Горбачев уже был генсеком, я секретарем ЦК, и мы говорили о нелепой внешней политике СССР. Я ему доказывал, что все эти ракеты, бесконечная гонка вооружений, совсем не то, что нам надо. *Стране пора входить в европейский дом.* Мне кажется, тогда был первый максимально откровенный разговор о самой системе».

Поскольку присутствовавший при сем Михаил Сергеевич не возражал, его молчание можно рассматривать как подтверждение слов Александра Николаевича. В связи с этим возникает вопрос: когда же имел место этот «максимально откровенный разговор».

Секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлев стал 6 марта 1986 г., 26 марта 1987 г. концепция общеевропейского дома была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК КПСС. Следовательно, упоминаемый «максимально откровенный разговор» имел мест не ранее марта 1986 — не позднее марта 1987 г.

А поскольку в октябре 1986 г. в Рейкьявике уже рассматривался и вопрос о ликвидации ядерного оружия, и вопрос о превращении Варшавского Договора из военной в политическую организацию, вероятнее всего «максимально откровенный разговор» состоялся не ранее марта — не позднее октября 1986 г., т.е. накануне Рейкьявика.

Между тем доказывать в это время М.С. Горбачеву необходимость ликвидации ядерного оружия и вхождения СССР в общеевропейский дом не имело смысла, так как предложение о ликвидации ядерного оружия было сделано им публично 15 января 1986 г., а лозунг «Европа — наш общий дом» провозглашен осенью 1985 г. Это дает основания думать, что после XXVII съезда А.Н. Яковлев обсуждал с М.С. Горбачевым не вопрос о необходимости вхождения СССР в общеевропейский дом, а вопрос о путях достижения этой цели.

Между тем необходимо понять: достижение этой цели было невозможно при сохранении советского блока и Советского Союза в прежнем его виде. Поэтому вхождение нашей страны в общеевропейский дом предполагало ликвидацию «мировой системы социализма» (вместе с Советом экономической взаимопомощи и Организаций Варшавского договора), расчленение СССР (по-другому — превращение его в конфедерацию), приватизацию государственной собственности, отказ от монополии партии на власть и идеологию, переход к альтернативным выборам и многопартийности.

Именно в этом направлении и намечала реформирование страны разработанная весной 1985 г. концепция перестройки.

Таким образом, утверждения, что у М.С. Горбачева и его ближайшего окружения не существовало никакой программы и перемены проводились то ли вслепую, то ли на ощупь, это сознательное или же бессознательное искажение истины.

Единственно в чем можно согласиться со сторонниками названной точки зрения и что не может не вызывать удивления, концепция перестройки не утверждалась ни партийным съездом, ни пленумом ЦК КПСС, ни Политбюро ЦК КПСС. Более того ни один из этих партийных органов не был даже поставлен в известность о разработке упомянутой концепции.

Почему же М.С. Горбачев и его ближайшее окружение скрывали и до сих пор скрывают этот факт?

Потому что одно дело, если отказ партии от власти, децентрализация управления государством, переход к рыночной экономике предпринимались под влиянием обостряющегося экономического кризиса, роста оппозиционного движения и национального сепаратизма, и совершенно другое дело, если все это было намечены до начала экономического и политического кризиса в стране и представляло собою лишь подготовку к уничтожению «мировой системы социализма» и расчленению СССР.

Для чего же нужна была «концепция перестройки», если она не утверждалась на партийном съезде, не рассматривалась на пленуме ЦК КПСС, осталась неизвестна даже членам Политбюро?

Получается, что документ готовился для каких-то других инстанций. Предвижу обвинения в конспирологии. Но не будем торопиться с выводами. Посмотрим на факты.

А факты свидетельствуют, что уже 18 апреля 1985 г. М.С. Горбачев познакомил со своими «планами перестройки советской экономики» прибывшего в Москву директора Вестминстерского банка Фридриха Вильгельма Кристианса. Вест-

минстерский банк, хотя и считается английским, однако давно принадлежит к числу международных банков, входящих в финансовую империю Рошшильдов. Многие годы Ф.В. Кристианс входил также в руководство Дойче банка.

Таким образом, задолго до того, как вопрос об экономической реформе был вынесен на заседание Политбюро ЦК КПСС, еще до того, как Апрельский пленум ЦК ККПСС взял общий курс на перестройку, М.С. Горбачев уже обсуждал эту проблему с одним из представителей международной финансовой олигархии.

5—6 октября 1985 г. М.С. Горбачев совершил свой первый заграничный вояж в качестве генсека и посетил Париж. Почему именно Париж, а не Варшаву, не Берлин и не Прагу, Париж, а не Бонн, не Лондон и не Токио? Вопрос, который еще ждет ответа.

С чем же прибыл в столицу Франции новый советский генсек? Оказывается с планами реформирования с своей страны.

«После первой встречи и продолжительной беседы один на один с Горбачевым в Елисейском дворце в октябре 85-го, — пишет бывший пресс-секретарь генсека А.С. Грачев, — президент Франции Франсуа Миттеран сказал своим ближайшим советникам: «*У этого человека захватывающие планы*, но отдает ли он себе отчет в тех непредсказуемых последствиях, которые может вызвать попытка их осуществления?».

«На Миттерана, — пишет А.С. Грачев, — явно произвела впечатление решимость нового лидера подвергнуть критическому *пересмотру все основные механизмы советской системы*». «Главное, чем он поразил и «воспламенил» социалиста Миттерана, пожалуй, еще больше, чем суперконсервативную Тэтчер, был *развернутый план внутреннего раскрепощения советского общества*».

Выслушав эти откровения, Ф. Миттеран заявил: «Если вам удастся осуществить то, что вы задумали, это будет иметь всемирные последствия».

Получается, что «концепция перестройки», известная только очень узкому круг лиц, близких к новому генсеку, утаенная от руководящих органов партии, до сих пор скрываемая от нас, готовилась для рассмотрения за пределами страны.

* * *

В связи с этим обращает на себя внимание сообщаемый М.Н. Полтораниным факт, что рабочую группу по подготовке «концепции перестройки» возглавлял Александр Николаевич Яковлев.

Прежде всего, следует отметить, что весной 1985 г. А.Н. Яковлев не входил в аппарат ЦК КПСС и занимал скромную должность директора Института мировой экономики и международных отношений. Этот институт находился в ведении Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, который тогда возглавлял В.А. Медведев. Между тем, в нарушение партийной иерархии возглавить рабочую группу по подготовке «концепции перестройки» было доверено первому, а не второму, причем Вадим Андреевич был поставлен в подчинение Александру Николаевичу.

Что же представлял собою А.Н. Яковлев и почему именно ему было оказано новым генсеком такое доверие?

Родился Александр Николаевич в 1923 г. в крестьянской семье под Ярославлем. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1943 г. был ранен и демобилизован, после чего поступил в Ярославский пединститут, в 1945 г. был направлен в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1946 г. работал инструктором сектора печати Ярославского обкома партии, с 1948 г. заведовал отделом областной газеты «Северный рабочий», с 1950 г. занимал пост заместителя заведующего Отдела агитации и пропаганды обкома, с 1951 г. там же возглавлял Отдел школ и высших учебных заведений, в марте 1953 г. стал инструктором Отдела школ ЦК КПСС.

Ему было 30 лет. Перед ним открывались блестящие карьерные перспективы. И вдруг в 1956 г. мы видим его слушателем АОН при ЦК КПСС. А.Н. Яковлев объясняет это тем, что после XX съезд КПСС он поставил под сомнение и марксизм-ленинизм, и всю практику большевизма. «Давным-давно, — писал он в 1999 г., — более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм не наука, а публицистика», причем не какая-нибудь, а «людоедская и самоедская». Именно поэтому, если верить ему, он ушел из аппарата ЦК КПСС в науку.

Однако секрет этого поворота в жизни А.Н. Яковлева гораздо проще.

31 мая 1956 г. Отдел школ ЦК КПСС, в котором он работал, был упразднен, а большинство его сотрудников сокращено. В их число, по всей видимости, попал и Александр Яковлевич. Дело в том, что, придя к власти, Н.С. Хрущев взял курс на замену прежних номенклатурных работников — практиков работниками с высшим образованием. Между тем, все высшее образование Александра Николаевича ограничивалось двумя курсами заочного обучения в Ярославском пединституте. Учитывая это, его, видимо, рекомендовали в аспирантуре Академии общественных наук.

В 1958 г. он был направлен на стажировку в Колумбийский университет, которая продолжалась до августа 1959 г.

Отбыв положенный срок в аспирантуре, Александр Николаевич защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Критика американской буржуазной литературы по вопросам внешней политики США в 1953—1957 гг.», после чего, несмотря на якобы наступившее после XX съезда «прозрение», снова вернулся в аппарат ЦК КПСС.

В 1960 г. А.Н. Яковлев стал инструктором Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, затем возглавил здесь сектор телевидения и радиовещания, с 1965 по 1973 г. он был первым заместителем заведующего этим отделом и некоторое время фактически его руководителем. Кроме того, с 1966 по 1973 г. входил в состав редакционной коллегии главного теоретического органа ЦК КПСС журнала «Коммунист».

В 1967 г. Александр Николаевич стал доктором наук, в 1969 г. — профессором. Как явствует из его личного дела в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭиМО), он «защитил докторскую диссертацию на тему «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945—1966 гг.)».

Однако все попытки найти в библиотеках автореферат этой диссертации закончились неудачей. Я уже решил, что диссертация имела закрытый характер и ее автореферат нужно искать среди книг для служебного пользования и вдруг узнаю: не было никакой диссертации, и ее защиты тоже не было. Степень доктора исторических наук Александру Николаевичу присудили по совокупности научных работ.

Что же это были за труды? И какое отношение они имели к науке?

Судите сами: 1) «Идейная нищета апологетов «холодной войны». Американская буржуазная литература по вопросам внешней политики правительства США в 1953—1960 гг. (М., 1961. 237 с.). 2) Сторонники марксизма в новом Свете (М., 1962. 32 с.), 3) Призыв убивать. Фальсификаторы проблем войны и мира (М.. 1965. 103 с.) 4) Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе (М., 1967. 467 с.)

Заслуживают внимания и научные труды профессора А.Н. Яковлева, изданные после 1967 г.: 1) «Пакс Американа. Имперская идеология: истоки, доктрины» (М., 1969. 367 с.). 2) «США:

от великого к больному» (М,. 1969. 447 с. — редактор). 3) «По ступеням войны и обмана. О чем свидетельствуют секретные документы Пентагона» (М., 1971. 127 с. - в соавторстве). 4) «Опыт и методика комсомольской политической учебы». Сб.ст. (М., 1972. 158 с. — составитель). 5) «Основы политических знаний. Учебное пособие для начальных политических школ системы партийной учебы» (1-е изд. М., 1972. 352 с. 2 изд. М., 1973. 368 с. 1974. 368 с.).

Занимая на протяжении восьми лет пост первого заместителя заведующего Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, А.Н. Яковлев по сути дела был шеф-поваром на кухне советской идеологии. В 1968-м, после ввода советских войск в Чехословакию, он «по поручению руководства выезжал в Прагу» («выполнял там ответственную работу».

Сначала Александр Николаевич принадлежал к группе А.Н. Шелепина, затем перешел к его противникам, но, несмотря на это, в 1973 г. был отправлен в почетную ссылку — послом в Канаду.

Когда М.С. Горбачев познакомился с А.Н. Яковлевым, когда и как между ними установились доверительные отношения? И что лежало в их основе? Мы не знаем. Можно лишь отметить, что Михаил Сергеевич — человек не сентиментальный. Вот его собственное признание: «Когда-то Маргарет Тэтчер сказала: «Я давно знала, что вы человек без нервов!» Это, наверное, то качество, которое я унаследовал от отца».

По словам А.Н. Яковлева впервые он услышал фамилию М.С. Горбачева еще тогда, когда тот был секретарем крайкома комсомола. Их заочное знакомство продолжилось, когда в 1967 г. одним из заместителей А.Н. Яковлева стал ставропольский приятель М.С. Горбачева М.В. Грамов. Считается, что личное знакомство Александра Николаевича и Михаила Сергеевича произошло только весной 1983 г., когда Михаил Сергеевич готовился к поездке в Канаду. Познакомил их В.И. Болдин.

Между тем в упоминавшейся беседе А.Н. Яковлева и М.С. Горбачева с Егором Яковлевым Михаил Сергеевич бросил фразу о том, что он познакомился с Александром Николаевичем еще до 1983 г. По некоторым данным, это произошло в 1978 г., когда М.С. Горбачев впервые посетил Канаду в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома партии.

Следующий визит в Канаду состоялся 16 по 24 мая 1983 г. Туда М.С. Горбачев отправился на следующий день после того, как здесь закончилась очередная встреча членов Бильдербергского клуба, проходившая с 13 по 15 мая 1983 г. в г. Монтебелло (провиниця Квебек).

Своему пребыванию в Канаде М.С. Горбачев посвятил в мемуарах две странички, но ничего существенного в них нет за исключением фразы: «...Канадские газеты писали потом, что именно они «открыли Горбачева».

По свидетельству А.Н. Яковлева, в Канаде между ним и М.С. Горбачевым состоялся откровенный разговор о положении дел в стране, в ходе которого обнаружилось, что они не только одинаково сознают необходимость перемен в стране, но и близки в понимании их характера и масштабов.

«Особенно памятен наш разговор с Михаилом Сергеевичем на ферме министра сельского хозяйства Велана. — вспоминал А.Н. Яковлев, — Мы прибыли туда вовремя, а министр опаздывал из-за непогоды. Мы с Горбачевым пошли в поле. Кругом никого, только охрана на опушке леса. Сначала обычная беседа, но вдруг нас прорвало, начался разговор без оглядок. Почему? Трудно сказать, Он говорил о наболевшем в Союзе, употребляя такие слова как отсталость страны, необходимость кардинальных перемен, догматизм и т.д. Я тоже как с цепи сорвался, Откровенно рассказал, насколько примитивной и стыдной выглядит политика СССР отсюда, с другой стороны планеты». В словах Михаила Сергеевича А.Н. Яковлев услышал «сигнал о неизбежности грядущих перемен», сигнал, который его собеседник подавал «из-за спины первого лица (а им был в то время Юрий Андропов».

«...Именно в разговорах со мной еще в Канаде, когда я был послом, — уверял позднее Александр Николаевич, — впервые родилась идея перестройки».

М.С. Горбачев, как и все другие лица, успешно делавшие карьеру, хорошо знал, где и что можно сказать, где слукавить, а где лучше всего промолчать. Поэтому его откровенность с А.Н. Яковлевым требует объяснения.

Можно было бы допустить, что, используя Михаила Сергеевича, Ю.В. Андропов пытался таким образом прощупать А.Н. Яковлева. Однако, во-первых, для этого не требовалось посылать за океан члена Политбюро, а во-вторых, к тому времени Юрий Владимирович обязан был иметь исчерпывающую информации о советском после в Канаде.

В связи с этим заслуживает проверки версия, что, демонстрируя откровенноть, М.С. Горбачев пытался таким образом довести через него свои реформаторские мысли до кого-то еще. Но до кого? Вероятнее всего, до кого-то, с кем Александр Николаевич контактировал за границей.

Широко распространено мнение, согласно которому, вернувшись из Канады, М.С. Горбачев добился возвращения А.Н. Яковлева в Москву и назначения его директором ИМЭМО.

Однако эта версия находится в противоречии с фактами. Из Канады М.С. Горбачев вернулся не ранее 24 мая. Между тем, не позднее 31 мая А.Н. Яковлев уже был избран или, точнее, утвержден Ученым советом ИМЭМО в качестве его директора. При всем влиянии М.С. Горбачева сделать это за неделю он не мог даже технически. Чтобы пройти процедуру выдвижения, согласования, избрания, требовалось не менее месяца.

Это значит, что вопрос о возвращении А.Н. Яковлева в Москву был решен до поездки М.С. Горбачева в Канаду. И действительно, 14 мая 1983 г. А.С. Черняев записал в дневнике свой разговор с Александром Николаевичем, из которого явствует, что к этому времени уже предпринимались усилия по его «вытягиванию» из Канады в Москву, в частности его кандидатура представлялась на пост директора АПН, но не получила поддержки Ю.В. Андропова.

Существует мнение, согласно которому, Ю.В. Андропов относился к А.Н. Яковлеву самым негативным образом и называл его «проходимцем».

По свидетельству бывшего работника аппарата ЦК КПСС М. И. Кодина (1943—2009), когда в 1983 г. возглавлявший Отделом ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу Степан Васильевич Червоненко представил Ю.В. Андропову документы на награждение А.Н. Яковлева в связи с его 60-летием орденом Ленина, «Юрий Владимирович поднял тяжелый взгляд на Червоненко и глухо проговорил: «Ему не орден Ленина давать надо, а в тюрьму сажать... — И пояснил: — Как председателю КГБ мне не раз поступали оперативные данные, что работает этот деятель *не только на наши спецслужбы*, ведет, по меньшей мере, двойную игру». — «В таком случае, следует немедленно отзывать посла и освобождать от должности», — резонно заметил Червоненко. «К сожалению, соответствующими документами Комитет не располагает», — признался Ацдропов. Повисла напряженная пауза. «Что там у нас есть пониже для награждения?» — генсек невольно вздохнул. «Орден Знак Почета, но это уже нижний предел», — подсказал заведующий отделом загранкадров. «Может, все-таки орден Дружбы Народов?»

Из этого вытекает: или Ю.В. Андропов зачем-то дурачил подчиненных, или же был не волен в своих действиях.

Вернувшись в Москву и приступив 16 августа 1983 г. к исполнению обязанностей директора ИМЭМО, А.Н. Яковлев, по утверждению В.А. Крючкова, «довольно быстро вошел в неофициальную команду Горбачева». Этот факт признавал и сам

Александр Николаевич. «...За спиной института, — писал он, имея в виду ИМЭМО — стоял Михаил Горбачев».

Однако за спиной ИМЭМо стоял не только ЦК КПСС, но и КГБ СССР. Поэтому некоторые считали его филиалом КГБ, точнее филиалом Первого главного управления или внешней разведки, возглавляемой В.А. Крючковым.

Как явствует из воспоминаний А.Н. Яковлева, после возвращения в Москву руководитель ПГУ и первый заместитель председателя КГБ СССР В.А. Крючков «возобновил» с ним отношения. Причем теперь они вышли за рамки официальных и приобрели личный характер. В.А. Крючков и А.Н. Яковлев не только стали бывать вместе в сауне, но и вести довольно откровенные разговоры.

«Например, — вспоминал Александр Николаевич, — когда я сказал, что хорошо бы на примере одной области, скажем Ярославской, где крестьян надо искать днем с огнем, проэкспериментировать возможности фермерства, он (т.е. Владимир Александрович. — *А.О.*) отвечал, что это надо делать по всей стране и нечего осторожничать».

Если верить А.Н. Яковлеву, в своих банных беседах с В.А. Крючковым он затрагивал не только вопросы реформирования экономики. «Когда я говорил о необходимости постепенного введения альтернативных выборов, начиная с партии, он высказывался за повсеместное введении таких выборов».

Вспоминая о своей деятельности на посту директора ИМЭМО, А.Н. Яковлев писал: «...за спиной института стоял Михаил Сергеевич Горбачев и в то время — второе лицо в партии. Он часто звонил мне, иногда советовался, давал разные поручения». И далее: «Особенно ладно шла работа с Горбачевым, Он постоянно звонил, иногда просто так — поговорить, чаще — по делу, с поручениями. Писали ему разные записки, включая познавательно-просветительские».

К сожалению, конкретное представление об этом сотрудничестве М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева пока отсутствует. Можно назвать только несколько эпизодов. Так, в 1984 г. Александр Николаевич принял участие в подготовке доклада Михаила Сергеевича на совещании по идеологической работе, в декабре того же года был включен в состав возглавляемой М.С. Горбачевым делегации Верховного Совета СССР в Великобританию, в ночь с 10 на 11 марта 1985 г. М.С. Горбачев привлек его для подготовки своего первого выступления на Пленуме ЦК КПСС, а затем в подготовке его выступления «на траурном митинге по случаю похорон Черненко».

К этому следует добавить, что А.Н. Яковлев был причастен к тем переговорам о взаимных действиях, которые велись накануне смерти К.У. Черненко между М.С. Горбачевм и А.А. Громыко. В переговорах участвовали сын А.А. Громыко Анатолий, Е.М. Примаков, А.Н. Яковлев и, по некоторым данным, В.А. Крючков.

Еще более тесным стало сотрудничество М.С. Горбачева и Я.Н. Яковлева после избрания Михаила Сергеевича генсеком.

В июле 1985 г. А.Н. Яковлев возглавил Отдел пропаганды ЦК КПСС, в марте 1986 г. был избран секретарем ЦК КПСС, в январе 1987 г. стал кандидатом в члены Политбюро, в июне того же года — членом Политбюро, осенью 1988 г. с поста руководителя Отделав пропаганды был переведен на должность руководителя Международной комиссии ЦК КПСС.

Уже 12 марта 1985 г. А.Н. Яковлев по предложению М.С. Горбачева представил ему записку о необходимости пересмотра внешней политики СССР и о подготовке встречи на высшем уровне с американским президентом Р. Рейганом.

Выступая в 1992 г. в Конституционном суде, А.Н. Яковлев заявил, что, он «активно участвовал в международных делах» и «был во всех абсолютно поездках Генерального секретаря и Президента, на встречах, скажем, с Рейганом, с другими лидерами европейского континента, на высшем уровне».

Действительно А.Н. Яковлев сопровождал М.С. Горбачева во всех его наиболее важных зарубежных поездках: в Женеву (1985 г.), в Рейкьявик (1986 г.), в Вашингтон (1987 г.), в Нью-Йорк (1988 г.), на Мальту (1989 г.), в Японию (1991 г.).

Ему в обход второго секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева была доверена подготовка доклада генсека к XXVII съезду КПСС в конце 1985 — начале 1986 г. Он в 1986 г. руководил работой по подготовке экономической реформы, он принимал участие в подготовке Январского пленума ЦК КПСС 1987 г. Ему было поручено в начале 1987 г. вести переговоры с прибывшими в Москву представителями Совета по международным отношениям. Он в 1988 г. возглавил Комиссию по реабилитации жертв сталинских репрессий. Под его руководством в том же году были разработаны основы новой советской национальной политики и подготовлен доклад генсека на XIX партийной конференции. Возглавив в 1988 г. Международную комиссию ЦК КПСС, он в январе 1989 г. принимал участие в переговорах с Трехсторонней комиссией и лично с Киссинджером, был причастен к подготовке и осуществлению так называемых «бархатных революций» 1989 г. в странах Центральной Европы. В том же году ему было довере-

но возглавить Комиссию Верховного Совета СССР по оценке секретного протокола 1939 г., решения которой сыграли важную роль в разрушении СССР. Он был одним из инициаторов избрания М.С. Горбачева президентом СССР и представлял его съезду народных депутатов в марте 1990 г. Его в том же году М.С. Горбачев собирался провести на должность вице-президента СССР. Он ездил как личный представитель президента СССР к Г. Колю и Д. Бушу, а 24 декабря 1991 г. присутствовал при передаче дел М.С. Горбачева Б.Н. Ельцину.

Комментируя последний факт, один из авторов пишет: « Это могло означать только одно: он являлся гарантом неких секретных соглашений между лидерами. По сути, это означало, что Яковлев представляет некие третьи силы».

По свидетельству А.И. Лукьянова, в аппарате ЦК КПСС, если не считать помощников и секретарей генсека, был только один человек, который ежедневно контактировал с ним — это заведующий Общим отделом. Между тем, выступая в Конституционном суде, А.Н. Яковлев заявил: «Редкий день, чтобы я не разговаривал с Горбачевым, у нас были очень частые контакты, иногда не по одному разу в день».

Об этом А.Н. Яковлев писал и в своих мемуарах: «Мы встречались очень часто. А разговаривали почти каждый день и достаточно откровенно — на уровне добротного взаимного доверия». И далее: «...У меня с Михаилом Сергеевичем были частые и очень откровенные разговоры на самые разные темы. В Москве, в Сочи и в Крыму во время отпусков, при поездках в разные страны. Иногда — многочасовые и в неформальной обстановке. О положении в стране, прошлом и будущем, планах и людях, об искусстве и литературе. Мало сказать, что беседы носили доверительный характер, они еще были душевными, товарищескими».

Несмотря на то, что Александр Николаевич в основном находился за кулисами политики, а Михаил Сергеевич не сходил с экранов и страниц печати, позднее «газеты писали, что он лишь озвучивает то, о чем говорит ему Яковлев».

Ходили даже слухи, будто бы не М.С. Горбачев, а А.Н. Яковлев был «отцом перестройки». Если верить документу, который был обнародован летом 1990 г., когда Александра Николаевича спросили об этом, он якобы ответил: «Ну, уж прямо так! Но я не отрекаюсь от этого, от того, что М.С. Горбачев озвучивает мои идеи».

Подобные представления были в свое время распространены не только в нашей стране, но и за рубежом, «Я знаю, — заявил в 1989 г. в беседе с А.Н. Яковлевым Збигнев Бжезинский, —

что Вы являетесь главным стратегом в области осуществления перестройки и в области нового внешнеполитического курса СССР».

* * *

Однако с А.Н. Яковлевым были связаны и представления другого рода. «После провала путча, — вспоминал он позже, имея в виду августовские события 1991 г., — мне показали бумагу, где я фигурирую как глава какой-то вымышленной конспиративной организации демократов, и у меня там какая-то дурацкая кличка — «Папа»... Почему «Папа», бог его знает... И это донесение какого-то якобы серьезнейшего агента! Вот что сочиняли».

Если учесть, что упомянутый доклад имел место в январе-феврале 1990 г., когда в стране шла подготовка к республиканским выборам и становилось очевидно, что оппозиция, взявшая курс на ликвидацию СССР и всей советской системы, может одерживать победу, когда Межрегиональная депутатская группа вела так называемую» русскую игру», цель которой заключалась в развале СССР, когда Б.Н. Ельцин провозгласил лозунг разделения России на семь республик, а сторонники Д.А. Сахарова выступали за предоставление независимости всем этносам, населявшим советское государство, информация В.А. Крючкова приобретала вполне убедительный характер.

Итак, упоминаемый В.А. Крючковым доклад М.С. Горбачеву по поводу А.Н. Яковлева все-таки имел место. Как же отреагировал на эту информацию глава партии и государства?

Может быть, поставил перед главой КГБ задачу ликвидировать или же парализовать деятельность этой «сети»? Нет. Может быть, предложил продолжать работу по сбору материала? Нет. Может быть, поинтересовался, откуда такие сведения получены и можно ли им доверять? Нет. Может быть, не поверил сообщенной информации и потребовал более убедительных доказательств? Ничего подобного.

«...С моей стороны, — пишет М.С. Горбачев, — естественно, досье было не только отклонено — я не дал Крючкову права разрабатывать его дальше».

Получается, что глава государства запретил даже собирать сведения о тех силах в стране, которые, возможно, готовились к низвержению существующего строя. Как же так? Ведь подобную информацию докладывал не кто-нибудь, а председатель КГБ СССР?

Оказывается, если верить М.С. Горбачеву, в основе сообщения В.А. Крючкова лежала «идея жидомасонского заговора».

Косвенно факт подобного доклада подтверждает дневник А.С. Черняева, из которого явствует, что в 1990 г. председатель КГБ СССР действительно ставил М.С. Горбачева в известность «о замыслах сионистов».

Эта проблема занимает особое место в книге М.Н. Полторанина, который утверждает, что вся перестройка была задумана и осуществлена под руководством еврейской организации « Бнай брит», которую он считает масонской.

Можно по-разному относиться к вопросу о масонстве и о роли в нем евреев (я лично считаю, что имеющие на этот счет публикации в своем подавляющем большинстве имеют сугубо публицистический, очень часто пещерный, а не исследовательский характер), но ведь председатель КГБ, наверное, докладывал генсеку не уличные и не газетные слухи, а информацию, которая поступала к нему, как от секретной агентуры внутри страны, так и по каналам внешней разведки. Как же можно было не только отмахнуться от этих сведений, но и запретить КГБ собирать информацию на этот счет далее?

В этой же связи следует обратить внимание и на слова В.А. Крючкова о масонстве, сказанные им в одном из интервью: «Было время, когда к масонским ложам относились, как к чему-то сказочному, а потом выяснилось, что это серьезное дело, которым надо бы заниматься... Комитет заинтересовался этой проблемой, но, чтобы ее размотать по-настоящему, нужно было, чтобы ею занялось и высшее политическое руководство. А там такого желания не было. Поэтому наша информация надлежащим образом не оценивалась, не изучалась...».

А поскольку масонство — это вполне реальный и признанный факт, не свидетельствует ли отсутствие желания высшего политического руководства СССР в разработке данной проблемы о том, что масонские нити вели в эти круги?

Что же могло дать В.А. Крючкову основания заподозрить одного из членов Политбюро ЦК КПСС в подобного рода связях?

Частично ответ на этот вопрос, по всей видимости, дают воспоминания бывшего советского социолога Ильи Григорьевича Земцова «Лица и маски», которые были опубликованы издательством «Наука» в 2008 г.

Илья Григорьевич Земцов — родился 1938 г. в Баку, в 1967 г. в Институте философии АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема нравственного идеала личности в марксистской этике». В 1971 г. в Институте конкретных социальных исследований защитил закрытую докторскую диссертацию на тему «Социальная мотивация поведения лично-

сти. Критический анализ буржуазных теорий», которая под редакцией Г.В. Осипова сразу же была издана для служебного пользования. Правда, с защитой возникли проблемы, поэтому в том же 1971 г. состоялась новая защита в Душанбе.

Через два года И.Г. Земцов эмигрировал в Израиль.

За границей получил известность как автор таких книг, как биографии Ю. Андропова, К. Черненко и М. Горбачева (1985—1987 гг.); «Борьба за власть в Кремле» (в 3 томах, 1988 г.); «Грани перестройки» (1989 г.); «История советской социологии» (1999 г.); «Крах эпохи» (в 2-х томах, 2000 г.); «Лица и маски» (2008 г.); «Советский язык как энциклопедия советской жизни» (2010 г.) .

По утверждению И.Г. Земцова, победив на выборах 1977 г., новый премьер-министр Израиля Менахем Бегина (1977—1983) предложил ему установить с Москвой неофициальный или тайный канал. В связи с этим И.Г. Земцов отправился в Париж и там, если верить ему, совершенно случайно встретил находившегося в командировке профессора Владимира Алексеевича Карпушина, с которым был знаком по Москве.

Владимир Алексеевич Карпушин, (1920 — 1990) закончил философский факультет МГУ, защитил сначала кандидатскую («Формирование философских взглядов Карла Маркса» (1949), потом докторскую («Индивидуализм экзистенциалистской теории человека» (1967) диссертации, преподавал в ряде столичных вузов. С 1970 г. работал в Высшей дипломатической школе МИД СССР, с 1974 г. — заведовал кафедрой.

По словам И.Г. Земцова, зная о связях В.А. Карпушина с КГБ, он посвятил своего знакомого в замысел установления тайного канала связи между Москвой и Тель-Авивом и тот изъявил готовность передать это предложение Ю.В. Андропову. Ю.В. Андропов поставил в известность о сделанном предложении Л.И. Брежнева и получил его добро на установление тайного канала связи между ним и М. Бегином.

Тогда же было решено, что канал связи пройдет через Канаду и к нему будет подключен советский посол в Оттаве А.Н. Яковлев. В книге «Кто поставил Горбачева» я ошибочно датировал эти действия 1981 г. Более внимательное знакомство с книгой И.Г. Земцова дает основание думать, что он встречался с А.Н. Яковлевым уже зимой 1977/78 г. Затем А.Н. Яковлев поставил в известность об этом своего непосредственного начальника — министра иностранных дел А.А. Громыко, и после этого канал связи заработал.

Тайный канал связи между Москвой и Тель-Авивом действовал вплоть до смерти Л.И. Брежнева, после чего, как пи-

шет И.Г. Земцов, «работа Канала затухает», но «ненадолго». Из его воспоминаний явствует, что в 1983 г. перед отъездом А.Н. Яковлева в Москву он снова встречался с ним в Канаде.

Есть основания думать, что этот канал продолжал функционировать и после смерти Ю.В. Андропова. Основанием для этого служит сообщаемый И.Г. Земцовым факт, что в 1984 г. через А.Н. Яковлева он вступил в контакт с М.С. Горбачевым и договорился о встрече с ним. Встреча должна была состояться во время пребывания делегации Верховного Совета СССР в Великобритании. По всей видимости, чтобы обеспечить максимальную секретность, М.С. Горбачев согласился встретиться с И.Г. Земцовым после того, как советская делегация покинет Лондон и отправится в Шотландию. Однако именно в это время пришло сообщение о том, что умер министр обороны Д.Ф. Устинов, и М.С. Горбачев, прервав свой визит, вынужден был вернуться в Москву.

Несмотря на то, что встреча не состоялась, этот факт имеет огромное значение. Одно из двух: или с ведома К.У. Черненко М.С. Горбачев должен был подключиться к тайному каналу связи между Москвой и Тель-Авивом, или же М.С. Горбачев сам собирался установить неофициальный контакт с правительством Израиля.

Есть основания думать, что тайный канал связи между Москвой и Тель-Авивом продолжал действовать и после того, как М.С. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Из воспоминаний И.Г. Земцова явствует, что в Рейкьявике (октябрь 1986 г.) М.С. Горбачев собирался предложить «американскому президенту сделку — разрешить эмиграцию в обмен на отказ от СОИ», причем в момент самой встречи И.Г. Земцов находился в Рейкьявике.

Насколько известно, Политбюро ЦК КПСС готовилось к обсуждению в Рейкьявике только вопроса о сокращении или же ликвидации ядерных вооружений. Между тем М.С. Горбачев вышел за рамки предоставленных им полномочий. Получается, что представитель израильского правительства знал о намерениях советского генсека больше, чем советское руководство. Подобное могло быть, если у И.Г. Земцова был источник информации в ближайшем окружении генсека или же если И.Г. Земцов через посредника принимал участие в предварительном обсуждении поведения М.С. Горбачева в Рейкьявике.

После прихода М.С. Горбачева к власти И.Г. Земцов неоднократно посещал Москву, неоднократно посещали ее и представители еврейских общественных организаций. Так, в марте 1987 г. советскую столицу посетил руководитель Между-

народного еврейского конгресса Эдгар Бронфман. В 1988 г. сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Николай Владимирович Шишлин писал о нем: «Входя, как минимум в первую десятку, если не в пятерку американских миллиардеров, Бронфман» обладает большим влиянием как в Израиле, так и в США. Вслед за тем до гибели СССР он побывал в Москве еще, как минимум, четыре раза: в июне и октябре 1988 г., в феврале 1989 г., в январе 1991 г. Среди лиц, с которыми он встречался здесь были М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлев.

Не исключено, что в годы перестройки А.Н. Яковлев имел и другие подобные же контакты, причем не только с Э.Бронфманом.

Как вспоминал И. Земцов: «*Ответственным за развитие наших* [советско-израильских] *связей многие годы* был и Александр Яковлев, у которого мы нашли *полное понимание*».

Вероятнее всего, первоначально тайный канал использовался только для обсуждения советско-израильских отношений.

Поэтому во время встреч Ю.В. Андропов и А. Н. Яковлев обсуждали не только кадровые вопросы советской разведки в Канаде, но и советско-израильские отношения. Александр Николаевич сам же, правда, лишь вскользь упоминает, как во время одной из таких встреч Юрий Владимирович сообщил ему об аресте автора книги «Осторожно, сионизм».

Можно с полной уверенностью утверждать, что в данном случае А.Н. Яковлев спутал две совершенно разные книги.

Во-первых, книга Юрия Иванова «Осторожно: сионизм» увидела свет в 1969 г., а Александр Николаевич стал послом в Канаде в 1973 г. Во вторых, Ю. Иванов был сотрудником Международного отдела ЦК КПСС и его книга появилась не в Самиздате, а в Политиздате, т.е.прошла цензуру. Причем она неоднократно переиздавалась и не только на русском, но и на других языках (как в СССР, так и за рубежом).

Поэтому можно почти с полной уверенностью утверждать, что в разговоре Александра Николаевича с Юрием Владимировичем речь шла не о книге «Осторожно, сионизм», а о книге «Логика кошмара», в которой утверждалось, что революция 1917 г. была сделана жидо-масонами и приводился так называемый «турецкий список», в котором фигурировали некоторые советские политические деятели послевоенного периода, зачисленные в масоны. Автор этой книги тоже имел фамилию Иванов, но звали его не Юрий, а Анатолий. Он действительно был арестован и осужден. Это позволяет датировать дан-

ную встречу А.Н. Яковлева и Ю.В. Андропова не ранее августа 1981 г. (арест автора названной книги) — не позднее марта 1982 г. (суд над ним).

Спрашивается, какое же отношение имела эта книга к кадрам советской разведки в Канаде? Никакого. Почему же шеф КГБ счел необходимым познакомить советского посла с фактом ареста автора какой-то самоиздатовской рукописи? По все видимости, потому, что в ходе беседы А.Н. Яковлева с Ю.В. Андроповым затрагивались те проблемы, которым была посвящена книга А.М. Иванова: сионизм, антисемитизм, масонство. И связано это было с действием тайного канала связи Москва — Тель-Авив, к которому были причастны и Александр Николаевич и Юрий Владимирович.

В связи с этим возникает вопрос о возможности использования данного канала связи не только для неофициального обсуждения вопросов советско-израильских отношений, но и некоторых других проблем.

Несмотря на то, что тайный канал был создан для поддержания советско-израильских отношений, причастные к его функционированию лица обсуждали не только вопросы о взаимоотношении двух государств. Как явствует из воспоминаний И.Г. Земцова, когда летом 1983 г. он в очередной раз посетил Оттаву и здесь имел одну из своих тайных встреч с советским послом, состоявшуюся «в небольшой гостинице на окраине города», А.Н. Яковлев заявил: «Не пришло ли время признать, что марксизм с самого начала оказался ошибочным...Коммунисты пытались создать рай на земле... И выяснилось — его построить невозможно». Исходя из этого, он считал необходимым реформирование советской системы.

Причем, ознакомив И.Г. Земцова со своим видением будущих реформ в Советском Союзе, А.Н. Яковлев заявил, что «у них» с М.С. Горбачевым на этот счет «было сходное видение мира».

Если подобные откровения действительно имели место, а у нас нет никаких оснований ставить свидетельство И.Г. Земцова под сомнение, тогда получается, что летом 1983 г. между покидавшим Канаду советским послом и представителем израильского правительства существовали не официальные, а доверительные отношения.

С этой точки зрения заслуживают рассмотрения и переговоры И.Г. Земцова с А.Н. Яковлевым в 1984 г. о встрече с М.С. Горбачевым. Причем показательно, что накануне этой несостоявшейся встречи названные посредники обсуждали положение дел в руководстве КПСС. «Горбачев, — сообщил Алек-

сандр Николаевич своему собеседнику, — идет во власть», «все решится в ближайшее месяцы». Как будто бы он уже знал, что К. У. Черненко осталось жить два месяца и что Михаил Сергеевич будет его преемником

Стоит вспомнить и о подготовке к Рейкьявику, когда представитель израильского правительства знал больше о будущей линии поведения М.М. Горбачева, чем советское руководство.

Это дает основание предполагать, что после смерти Л.И. Брежнева тайный канал между Москвой и Тель-Авивом стал выходить за рамки чисто советско-израильских отношений. Поскольку М.С. Горбачев обсуждал свои будущие реформы с В. Кристиансом и Ф. Миттераном, он мог обсуждать их и с представителем израильского правительства.

В таком случае его, разумеется, могло интересовать не столько мнение само правительства Израиля, сколько мнение стоящей за ним еврейской финансовой олигархии.

А. Островский

От автора

Горькая правда похожа на оголенные провода, по которым бежит ток. Дотронешься — тряхнет.

Чтобы народ к такой правде не прикасался, власть закрытого общества обматывает ее, как изолентой, враньем и цензурными воспрещениями. Иначе током будет бить по сознанию нации, и невозможно его усыпить для последующего сковывания народной воли. А бодрствующее сознание всегда враждебно режиму, нацеленному на свои корыстные интересы.

Если мы хотим знать правду о том, кто нас ведет, куда и зачем, — надо чаще браться за оголенные провода. То есть вникать в суть происходящего и, называя вещи своими именами, делать определенные выводы.

Честный анализ событий может способствовать этому.

Когда я возглавлял госкомиссию по изучению и рассекречиванию закрытых документов, много спрятанной правды открылось мне из недавнего прошлого. А работа в российском правительстве и других органах власти позволила дотянуться до строго охраняемых секретов нынешнего Кремля. Собирался еще раньше выплеснуть кое-что на читателя.

Классик русской литературы Виктор Петрович Астафьев сказал мне: «Не торопись». Мы снимали о нем фильм в Овсянке не берегу Енисея и в перерыве ели гороховый суп, приготовленный классиком. Тогда одни за другими издавались «размышлизмы» действующих политиков. Больной, но бодрый Виктор Петрович посмеивался над ними: «Какое-то недержание у людей — торопятся с конъюнктурными скороспелками попасть на книжные полки. Но нет от них сытости мысли: не отстоялось. Я даже гороховому супу даю отстояться. Писать надо, когда нельзя не писать».

Нельзя не писать — это теперь про меня. В молодежных аудиториях нас, ветеранов политики, стали терзать расспросами: а как на самом деле умирал Советский Союз и почему Россия не выбирается из колеи, которая ведет туда же, где вдруг очутился СССР? Люди хотят достучаться до правды, а она за тяжелыми засовами демагогии и удобных для власти мифов, сочиняемых по заказу. На официальном уровне идет героизация

палачей постсоветской эпохи и воспевание палачества как явления, а защита интересов народа выдается за злодеяние.

Почему так происходит? В своих заметках, основанных на редких документах, на личных наблюдениях и в чем-то показанных, я попытался ответить на этот вопрос. Можно воспринимать изложенное в книге как свидетельские показания: на моих глазах происходили события — от подготовки к разгрому великой державы и подбора кадров для достижения этой цели до превращения демократической России в угрюмый паханат.

* * *

И теперь на моих же глазах (как и на ваших глазах, читатель) этот паханат все прочнее утверждается в нашей стране.

Отслужил два срока президентом Владимир Владимирович Путин, посидел на кремлевском троне Дмитрий Анатольевич Медведев, и вот Путин снова на вершине власти... Почти три пятилетки правят они страной при благоприятнейшей мировой конъюнктуре. Сами, как говорится, не нищенствуют и наплодили целую кучу валютных миллиардеров — из друзей, из знакомых.

А что получила за эти щедрые, изобильные годы Россия, что получили мы с вами — ее народ? На эти вопросы я постарался дать в книге обстоятельные ответы.

Мы очутились в бесштанной незащищенной стране, которую безнаказанно шпыняют кому ни лень — вплоть до государств-замухрышек.

Не на ту дорогу вывел Россию Ельцин, и мы растеряли в пути то, что имели? Да, говорили нам кремлевские небожители, так оно и случилось.

Но за три пятилетки можно было раз пять, если не раз десять, свернуть с гибельной ельцинской тропы по топким болотам и выйти на торную прямую дорогу. Ни Путин, ни Медведев сделать этого не пытались.

Почему?

Удивительно, но общество в своем большинстве теряет способность думать — слепой ум делает погоду. Как незрячий человек верит безоговорочно поводырю и безрассудно ему подчиняется, так и слепой ум не сомневается в искренности слов мошенников от политики. Он воспринимает демагогию властей некритично, не может самостоятельно проанализировать ситуацию.

Да и сами власти, если разобраться всерьез, и Кремль в первую очередь, за сиюминутными выгодами для себя не замеча-

ют или не хотят замечать надвигающейся угрозы для российской государственности.

Полная бесконтрольность и неограниченная доступность к финансовым ресурсам страны затмевают их разум.

Эта угроза — в одноногой России.

Еще со школы мы знаем: чем больше опор у конструкции, тем остойчивее, прочнее эта конструкция. Не важно — здание вы возводите или проектируете какой-нибудь механизм. Для государственного устройства применимы те же принципы.

Не случайно же еще в античные времена Афины и Рим с подведомственными им провинциями расставались с одноногим абсолютизмом. Разделяя власти на три самостоятельные и независимые друг от друга опоры — законодательную, исполнительную и судебную — подводили эти опоры для усиления остойчивости государства под общественный строй.

Тогда же в европейской политике получил прописку сложный комплекс сдержек и противовесов, разработанный для сохранения равновесия между тремя ветвями власти, чтобы свести к минимуму риски произвола и коррупции.

Опять-таки еще со школы я знал, как, очевидно, и вы, читатель, что античный мир заложил для дальнейшего развития цивилизации мощнейшую базу — расцвели наука, медицина, техника, астрономия, философия, юриспруденция, физика, математика, литература, театр, градостроительство и проч. и проч.

США, например, создавали свои государственные институты в конце XVIII — начала XIX века под влиянием древнеримских образцов. А уровня развития естественных наук, медицины и астрономии Европа, после тяжелой контузии Средневековьем, достигла лишь в начале XIX столетия.

Не весь объем информации интересовал составителей программ для школ и вузов. Многое казалось им мелким, не заслуживающим внимания. Вот, например, нормативы на строительство древних дорог. Ну кому они интересны!? А я, будучи в Италии, наткнулся на них в архивах и поразился высочайшей организации обыденной жизни в Римской республике.

До таких нормативов и сегодня додумались не везде. А там детально расписаны принципы трассировки, ширина полотна и его конструкция, допустимые уклоны, калибры водостоков и многое другое — от этого определялись категории дорог. Причем нормативы были закреплены законодательными актами парламента. Исполнители не могли пороть отсебятину и гнать брак. Потому-то немало римских дорог сохранилось по сию пору.

Напомню: это было два тысячелетия назад.

А потом Старый Свет будто погрузился на несколько столетий во мрак полного солнечного затмения — деградировало все. А что деградации не поддавалось — было разрушено силой.

Вы, читатель, наверное, знаете причину этой вселенской катастрофы. И позиция ваша зависит от источников информации.

Я же в этом вопросе не могу, да и не хочу, отмахиваться от мнений таких философов-просветителей, как Вольтер, Монтескье, Шопенгауэр, Шеллинг, Фейербах и другие. Они считали, что виной всему «христианский динамит», а точнее, введение христианства в Европе (христианизация) — это отбросило цивилизацию континента на тысячелетие. «Христианская церковь ничего не оставила не тронутым в своей порче, она обесценила всякую ценность, из всякой истины она сделала ложь...» «Христианство было вампиром imperii Romani, за ночь оно погубило огромное дело римлян — приготовить почву для великой культуры...»

Это слова еще одного мыслителя — Ницше. В его учении немало противоречий, но наблюдения всегда точны. В том числе за становлением ранней западной церкви, которая «конфисковала мораль». Философ говорит: «Это был самый роковой род мании величия, какой когда-либо до сих пор существовал на земле: маленькие выродки святош и лжецов стали употреблять понятия «Бог», «истина», «свет», «дух», «любовь», «мудрость», «жизнь», как синонимы самих себя, чтобы этим отграничить от себя «мир» (Фридрих Ницше, «Антихрист»,главы 44, 58, 62).

Из истории, как слов из песни, фактов не выкинешь. Что было — то было с ранней Церковью. Обосновавшись в языческой Европе, она стала активно прибирать к своим рукам очаги управления обществом. Монополизировала институты контроля за состоянием науки, культуры, философии, права, морали и т. д., что позволило ей зомбировать человека феодальной эпохи и с его помощью превратить античную цивилизацию в руины. И на этих руинах утвердить свою мораль, свои ценности — с преследованием инициативы, красоты, учености, таланта, с кострами и пыточными подвалами инквизиции, с унижением человеческого достоинства.

Только возрастающее сопротивление народов позволило ослабить нажим Церкви — и мы стали возвращаться к античным истокам.

Этой крепкой спайке высшего духовенства с властолюбивыми светскими правителями мы обязаны истреблению демократии римского образца по всей Европе и утверждению

в странах континента жесткого абсолютизма, различных диктаторских и фашистских режимов.

Одноногая структура власти не способствовала процветанию таких государств. И тем не менее возвращаться к демократии народам приходилось с помощью революций или гражданских войн.

В середине XX века рушились в Европе последние колонны абсолютизма — в Португалии, Германии, Испании, Италии... Одноногая конструкция государства оставалась только в СССР. Еще со времен Троцкого.

При Сталине эта конструкция стояла прочно, но при его сменщиках стала с каждым годом все больше крениться. Почему?

Предварю ответ тем, что при демократической организации деятельности государства вся тяжесть проблем распределяется равномерно на несколько точек опоры, а при одноногой системе — на волю только одного человека. Там — ветви власти и все государственные институты действуют автономно и суверенно, без оглядки на чье-то желание, а лишь на основе законов, одобренных обществом. Здесь — по командам и прихоти диктатора. Если вождь не крохобор и не хапуга, то в обществе вырабатывается неприязнь к воровству. Жуликам в таком климате не уютно. А если глава государства сам плюет на законы с Ивановской колокольни да еще крышует каких-нибудь сердюковых, значит бал в стране будут править ворюги. Править и измываться над вами, читатель.

Роль личности на вершине власти при абсолютизме гипертрофирована — народ уже не влияет на судьбу страны. Эта судьба целиком зависит от морального и интеллектуального состояния узурпатора.

Личность Сталина была такой широты и мощи, что одноногая система управления без труда и основательно держалась на его плечах. Сталина можно сравнить с биороботом, всецело устремленным на развитие государства и собранным из сверхпрочных элементов. Золотая голова, стальной характер, железная воля, гранитный аскетизм... Он везде успевал, во все вникал и не ленился лично контролировать и направлять многочисленные процессы в то русло, которое считал единственно верным.

Власть для него была инструментом для преобразования государства.

Преемники Сталина приходили к власти уже не ради того, чтобы положить жизнь за страну. Им нужны были уют, особые

условия быта, бесконтрольность и беспрекословное подчинение себе всех и вся.

Они оставили сталинскую структуру власти, перевели рычаги управления на себя, но не имели необходимой энергетики и интеллектуальной силы пользоваться ими и контролировать процессы. «Беспривязное» чиновничество — партийное, гэбэшное, прокурорское, советское и проч. — почувствовало вольницу (ведь жило это племя не по законам, а по указивкам сверху) и начало подгрызать, казалось, нерушимую стойку, на которой держался СССР. Подгрызать воровством, бесхозяйственностью, распространением националистического угара.

Зная алчную суть чиновничества, Сталин регулярно прочищал его ряды, используя в кадровой работе угрозу тюремных нар и каменной стенки. Это сохраняло порядок.

Преемники вождя отказались от этого метода. А другие при одноногой модели общественного устройства неэффективны. И растащиловка государства, предательство его интересов приняли массовый характер.

По инерции, заданной Сталиным, Советский Союз еще двигался вперед, причем долгое время. Но одноногая конструкция государства в конце концов не выдержала алчности чиновничества и опрокинулась навзничь.

Вот такая модель государства, подсунутая нам когда-то связкой высшего духовенства и светских властолюбцев! Модель опасная, рождающая только безответственность и бесконтрольность правителей.

На исходе 80-х и в самом начале 90-х очнувшееся общество новой России попыталось встать на демократические опоры. Но сначала Ельцин, а потом Путин занялись наглой узурпацией власти. Об этом я и рассказываю в своей книге.

Не оскудевает российская земля политическими авантюристами. Сморю, как шустро подсунул паханат себе под зад — чтобы мягче сиделось — Совет Федерации и Госдуму РФ, прокуратуру, следственный комитет, судебный корпус, полицию, бизнес, средства массовой информации. Одноногий абсолютизм заявляет о себе все решительнее. Причем даже не скрывает, что несет с собой разрушительную силу. Совсем скоро может войти в привычный обиход термин «олигархический фашизм».

И опять наблюдаем мы спайку высшего духовенства Церкви со светскими претендентами на личную диктатуру. Церковь сама организована на принципах монополизма. И светская власть ей выгодна та, где царствует монополизм, абсолю-

тизм. Они опираются друг на друга, извлекая материальную выгоду.

Центр тяжести в многонациональной сегодняшней одноногой России расположен так же высоко, как высоко он был расположен в одноногом Советском Союзе. И вороватая публика из чиновничества и олигархов грызет конструкцию с такой же силой, как и в прежние времена. Эта конструкция шатается все сильнее, готовая рухнуть от даже несильного ветра.

Опять нам собирать осколки того, что было когда-то домом? Или мы научимся не наступать на одни и те же грабли?..

В книге достаточно места уделено сегодняшнему состоянию средств массовой информации России. Многие журналисты, переиначивая Максима Горького, могут так выражать свою нынешнюю гражданскую позицию: «Бесчинству власти поем мы песню!».

Мелкая сущность бюрократии 90-х годов помогла разрушить большую страну — СССР. Она же принялась активно подгрызать цель поменьше — Россию.

Что нас ожидает? Читайте эти заметки.

Глава I

Воруй-город и красная гусеница

1

Перемывать косточки власти — любимое занятие наших людей. На кухнях. За дружескими застольями. И даже в тайге.

Был у меня знакомый охотник-промысловик Федор Паутов, ловил капканами баргузинских соболей. В его закопченной сторожке я пару раз ночевал. Долгими зимними вечерами Паутов обрабатывал в избушке шкурки зверьков. Постоянное одиночество при подрагивании язычка пламени в керосиновой лампе рождало в охотнике самодеятельного философа. Он всему находил свое объяснение.

— Власть — это эгоистичная женщина, — говорил Паутов. — Она хочет быть у тебя единственной и на всю жизнь. Сколько проклятой ни давай, ей все мало. Ты вроде бы сам приводил ее в свой дом, а захочешь прогнать — не получится. С местными начальниками проще. А с самыми большими — никак. Оплот у них очень надежный.

А оплот — кто? На это у охотника тоже имелся ответ: феодалы. Они были и будут всегда. Разговоры наши шли еще в советские времена, и феодалами Паутов называл партийных секретарей.

Охотник мужицким чутьем доходил до понимания характера власти в Советском Союзе. Да и не только он. Народ хоть и не участвовал в назначениях кремлевских постояльцев, но видел, из каких элементов конструировался режим.

Кремлевские постояльцы — генеральные секретари ЦК КПСС — не были самодержцами Всея Руси. Из своей среды их отбирали и ставили на божницу члены Центрального комитета — первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. По определению охотника Паутова, феодалы. Сговорившись, эти феодалы могли сместить генсека, что они сделали с Никитой Хрущевым. Но это был исключительный случай. Первые секретари оберегали режим от малейших встрясок, потому что были его опорой и сердцевиной.

Они, как гусеницы, готовились превратиться в бабочек, чтобы, расправив крылья, самим взлететь на божницу. И до сих пор непонятно, по каким признакам секретари отбирали себе вождей. Теперь это не так важно.

Важнее осмыслить другое: как умудрились они сдать свою, казалось бы, неприступную власть и страну? Как из партийных секретарей выклевывались руководители постсоветской поры, и в частности новой России? Как из номенклатурной гусеницы вызревало крылатое существо и воспаряло в большую политику? И наконец, какая среда формировала взгляды, сортировала красных партийных гусениц по полочкам иерархии? Прежде чем перейти к конкретным фамилиям — и в первую очередь к фамилии Ельцин — сделаю краткий экскурс в историю с секретарями.

За двадцать пять лет работы в советской печати я повидал много партийных функционеров. С кем-то сходился накоротке, с кем-то общался по долгу службы. Сегодня их преподносят как этакий монолит, как безликий отряд исполнителей, обструганных сусловским ретроградством. Нет, это были разные люди, порой разные до противоположности — и по широте кругозора, и по отношению к людям, к работе и даже по отношению к святая святых — самой машине власти в СССР. Опираюсь в этих выводах на личные наблюдения. Поделюсь некоторыми из них.

С первым секретарем Восточноказахстанского обкома партии Неклюдовым я познакомил, как говорится, по случаю. Московский журнал «Партийная жизнь» заказал ему статью о перспективах социально-экономического развития Рудного Алтая. Край этот был тогда на подъеме: добывал золото, серебро и редкоземельные металлы, перерабатывал урановое сырье, выпускал машины, строил заводы и гидростанции. Как там трудились в обкоме над материалом, не ведаю, но звонит Неклюдов редактору областной газеты «Рудный Алтай»:

— Мне отделы набросали статью — не статья, а сухая справка. Подошли молодого парня, не зашоренного штампами, мы тут с ним поработаем...

Молодым литсотрудником был я, меня и отрядили на рабское дело.

Мне пришлось поднять ворохи документов, протоколы пленумов и заседаний бюро — там же, в обкоме, накропал на машинке новый вариант статьи Неклюдова, который журнал и опубликовал. Через какое-то время звонит помощник секретаря: его шеф вызывает меня к себе.

Никогда не ждешь приятностей от походов к начальству. Но тут хозяин кабинета подходит к столу в комнате отдыха — там самоварчик и два стакана в «партийных» подстаканниках, ломтики лимона на блюдцах. Это был фирменный набор для приватных бесед у обладателей номенклатурных кабинетов.

В самоваре не чай, а коньяк. Секретарь нацедил по полстакана, открыл сейф и протянул мне конверт с деньгами.

— Вот гонорар за статью, он ваш, — сказал он, взявшись правой рукой за стакан. — Нет, нет, возражать бесполезно. Чужую работу я присваивать не приучен. Давайте за успешное дело и еще раз спасибо!

На том и расстались.

У партработников считалось за правило ездить по своим регионам и «шевелить» хозяйственное начальство. Часто мотался по области и Неклюдов. Но было у него еще одно правило: он всегда готов был подсадить в свою машину кого-то из журналистов. Не для пиара, а чтобы подбросить к объекту. Звонит редактору газеты помощник секретаря: «Завтра шеф едет на Зыряновский свинцово-цинковый комбинат. Есть место в машине. Быть в семь утра у обкома». Или: «Завтра шеф едет на Бухтарминскую ГЭС, выезд в шесть утра». Расстояния в области большие, а с транспортом у редакции было худо. Иногда редактор отказывался из-за нехватки штыков, а чаще звал кого-то из свободных сотрудников и отправлял в командировку «окунуться в проблемы». Многократно приходилось ездить и мне.

В долгой дороге не всегда попадались столовые. Останавливались и, подняв капот машины, подогревали на двигателе банки с тушенкой. Управлялись с банками всем экипажем.

Мы не составляли свиту секретаря. А добравшись в его машине до места, шли заниматься своими делами, возвращаясь обратно на перекладных. И все же я видел не раз, как этот прямолинейный рязанский мужик резко отчитывал директоров за очковтирательство, за тесноту в рабочих бытовках и даже за грязь в туалетах.

По правде сказать, думалось поначалу, что этот человек с боксерскими кулаками такой смелый с людьми, от него зависящими. Но как-то на территории титано-магниевого комбината я стоял в окружении монтажников и слушал их жалобы на неустроенность. Подъехали несколько легковых машин, из первой вышли Неклюдов и всесильный председатель Совмина СССР Косыгин, прилетевший в область с инспекцией. Они покрутились вокруг строящегося цеха и направились к монтажникам. К моим недавним собеседникам стали подтягиваться другие рабочие.

Обычные вопросы приезжего начальства: как живете? как дела? Будто трубу прорвало, как полилось из людей недовольство. Плохо с жильем, нет детсадов, прожить на зарплату трудно. И все в том же духе. Косыгин слушал, покусывая губы, потом, как мне показалось, со злобой произнес:

— Хватит! Плохо работаете! Надо лучше работать — тогда и жить будете лучше.

Наступила неловкая тишина. И тут раздался простуженный голос Неклюдова:

— Не надо людей обижать, Алексей Николаевич. Работают они хорошо. Плохо работает ваш Госплан: дает средства и фонды только на промышленные объекты, а весь соцкультбыт зарубает. Вот достроим цеха, но кто в них будет работать? Некому!

Было заметно, как у предсовмина краснеют уши.

— Ну, это обсуждать не на митингах, — сердито бросил Косыгин. И они уехали.

Не знаю, какие у них разговоры были потом — и в области, и в Москве, только пошли вскоре деньги и на жилье, и на школы с детсадами, и даже на дворец культуры. За короткое время вырос большой поселок Новая Согра. А Неклюдов работал еще несколько лет.

Почему так подробно рассказываю о человеке с чужого теперь для России Рудного Алтая. Не потому, что это впечатление молодости. Неклюдов не составлял исключения, более того, он был типичен в секретарской среде 60—70-х годов прошлого века. Перейдя работать в газету «Правда» — «Правда» была тогда не нынешним зюгановским бюллетенем, а могущественным изданием тиражом 14 миллионов экземпляров, где, помимо официоза, печатались публицистические статьи, фельетоны, аналитические материалы, — я имел возможность много ездить по стране. И видел немало подобных секретарей — особенно в России.

Невозможно забыть того же Конотопа, первого секретаря Московского обкома КПСС. Он не просто противился установкам партии на уничтожение «неперспективной» деревни, а даже с некоторым вызовом бросил все силы на благоустройство этой деревни — жильем, школами, детсадами и магазинами. К тому же Василий Иванович сидел как заноза в номенклатурной попе чиновников центральных аппаратов ЦК и Совмина — не позволял вырубать леса Подмосковья под расширение дачных угодий. И те в отместку стучали на него Брежневу при каждом удобном случае. Мы в «Правде» старались поддержать руководителя московского обкома сочувственными публикациями. Хотя всякий раз получали за это нагоняй от наших кураторов.

И Конотоп, и Неклюдов, и множество других первых секретарей попали на эти должности в хрущевский период демонстративного «очеловечивания партийных кадров». Вычищая

сталинских назначенцев и являя себя демократом, Хрущев двигал на ключевые посты людей от сохи, которые придерживались здравого смысла в работе и еще не научились жить по принципу «чего изволите?». Немало этих секретарей досталось в наследство Брежневу.

Развращает любая власть. У первых секретарей она была немалая. Но в эпоху раннего Брежнева разгуляться им не давали — над всеми постоянно висел домоклов меч в виде твердой руки Суслова. Того самого Суслова, второго секретаря ЦК КПСС, ведающего партийными кадрами. Он имел тогда огромный вес, большое влияние, и даже генсек побаивался его — в костлявом Суслове ему мерещилась тень Сталина.

С одной стороны, это был закостенелый догматик, малюта скуратов для отступников от постулатов марксизма. Вынюхивал инакомыслие в трудах творческой интеллигенции. А с другой, представлял из себя бессребреника, аскета. Годами носил одну пару галош, а половину зарплаты отдавал в партийную кассу. Спартанского образа жизни Суслов требовал и от кадров. Он развернул борьбу с партийными попойками, получившими распространение при Хрущеве. Как приговор, не подлежащий обжалованию, стали звучать для секретарей обвинения в барстве и стяжательстве.

Сусловскую инквизицию — Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС — возглавлял другой экзекутор — Пельше. Он рассылал своих опричников по регионам, и те рыли землю в поисках компромата. По линии КПК было снято много голов с партийных секретарей, возомнивших себя удельными князьями. Результаты проверок и беспощадные вердикты по ним направлялись в партийные комитеты страны. Это заставляло других призадуматься.

С годами, однако, все заметнее набирал силу Брежнев, от коллективного руководства оставались одни ошметки. Была задвинута на задворки и спарка Суслова с Пельше. Построенная на принципе жесткого централизма КПСС, уже в который раз за свою историю подчинила себя воле чиновников из аппарата ЦК. Иного и быть не могло: централизм всегда приводит к единоначалию. Создавая любую вертикаль власти, упрешься в это единоначалие, где вождь только царствует, а его полномочия растащила стая приближенных чиновников.

При «ручном управлении» страной только сверхэнергичный Сталин, закаленный Гражданской войной и интригами, ухитрялся не отдавать свою власть в руки чиновничьего аппарата. Те же, кто шел после «вождя всех народов», в той или иной степени становились марионетками этого аппарата.

Брежнев, как известно, был сам большим жизнелюбом — и гулянки ему подавай, и золото, и охоту. А куда конь с копытом, туда и рак с клешней: чиновники аппарата ЦК тоже возлюбили подношения, поездки в те регионы, где и сауны с угощениями, и чемоданы с подарками занесут в самолет. Секретари обкомов, привыкшие честно работать и считавшие скромность за норму, в результате аппаратных интриг оказались чужими на этом празднике жизни. Система стала выдавливать их — человека за человеком. Ершистая позиция кадров, их твердость в отстаивании интересов дела воспринимались бюрократами-жизнелюбами наверху, как покушение на общественные устои.

Послевоенный экономический ренессанс убаюкивал многих. Все, что поднимало страну, все что делало ее сверхдержавой — и ракетостроение, и воздушный флот, и ядерная мощь, и многое другое — закладывалось и проектировалось в сталинские годы. Пусть иногда и в шарашках или зонах, окруженных колючей проволокой. Даже решение о строительстве первой атомной подводной лодки в СССР было подписано еще в сентябре 1952 года Сталиным.

А за темпами мирового научно-технического прогресса сталинская система кнута стала не поспевать. Дальновидные технократы — в Политбюро и Правительстве — бились с «карьерными партийцами», не нюхавшими производства, за обновление экономических механизмов. Удивительно, но борьба шла между прогрессивными членами ЦК и заскорузлыми аппаратчиками, спекулировавшими близостью к генсеку. Надо было менять машину власти и принципы руководства экономикой, чтобы на всех уровнях людям стало выгодно добиваться высоких результатов работы. Только зачем это празднолюбивым чиновникам аппарата ЦК, если жареный петух не клюет! Они изо всех сил держались за систему кнута, но у которой для удобства «своих» вождей регионов свинтили гайки безответственностью и очковтирательством. Кнут — для рабочего люда, а для партийной бюрократии — больше уюта и льгот. Началось плавное, пока не очень заметное, перерождение этой бюрократии в буржуазию. Своего пика оно достигнет к концу 80-х годов.

По логике чиновников из Кремля, и что это за демагогия о приоритете интересов дела! Руководство страны, дескать, щупает теперь не результаты, а смотрит на показатели: нужна оптимистическая цифирь в отчетах. И цифирь радовала. А дела? Они частично отодвинулись на второй план. На Балхашском медеплавильном заводе в 1979 году я увидел в работе прокат-

ный стан, выпущенный в Германии до войны. На нем красовались клейма со свастикой. По инструкции смазывать узлы стана полагалось салом шпик, но время было голодное, рабочие этого сала не видели, и для смазки использовали солидол. А стан буянил и безбожно мял лист: в цехе возвышались штабеля изуродованного проката. Между тем, на задворках завода уже не первый год лежал в ящиках новый импортный стан, купленный за валюту. Почему не монтируете? «А куда спешить, с плановыми показателями у завода полный ажур, к чему лишняя головная боль». В те годы много рыскали по предприятиям «народные мстители» — активисты комитетов народного контроля. Они доносили по инстанциям, что под дождем и снегом валяется по стране нового импортного оборудования на десятки миллионов долларов. В тех ценах! Центральные газеты охотно печатали материалы контролеров, а КПК исключал виновных расточителей из партии и отдавал на расправу прокуратуре.

Правда, аппаратчики ЦК всячески старались умерить пыл «народных мстителей». Чтобы они не лезли в газеты с разоблачениями и чтобы сами журналисты не зарывались, была дана команда Главлиту — этому защитнику гостайн — не допускать к печати материалы о громких фактах безхозяйственности. Варварское использование недр — государственная тайна. Печатать нельзя. Опасное загрязнение окружающей среды — государственная тайна. Даже низкую урожайность зерновых ввели в разряд государственных тайн. Первые секретари, которые думали только о личной карьере и которых народ называл временщиками, блаженствовали. Влиятельные чиновники из ЦК ставили заслоны от критики этих людей и их регионов. Потому что курировали их, кормились там и могли погореть, донеси до верхов кто-то правду. Появилось множество так называемых закрытых зон.

В одну из таких зон я прилетел как-то по просьбе народных контролеров. Шел теплоход по Оби и на фарватере в районе Сургута натолкнулся на что-то и пропорол днище. Полезли водолазы смотреть, а там все завалено стальными трубами. В Тюменском обкоме на контролеров прицыкнули: не выносить сор из избы! Выяснилось, что виновник инцидента Миннефтегазстрой СССР — он прокладывал в области нефтепроводы. Трубы с «материка» привозили на баржах, складировали на берегах Оби, а дальше на машинах по участкам. Трассу нужно строго вести по проекту: геодезисты указывали проектировщикам гиблые места, где могут деформироваться трубы на стыках, и нефтепровод на чертежах огибал эти места. По утвержденному километражу составлялась смета.

Но строители шли напрямик, плюхали трубы в эти «сучьи места» (может быть, когда-то отрыгнется сие авариями!) и составляли отчеты о досрочном выполнении проектного задания. Лишних труб набралось несколько десятков километров. Как с ними быть? Чтобы они не мозолили глаза пассажирам вертолетов, столкнули штабеля бульдозерами в Обь.

Повадки показушников из Миннефтегазстроя мне были известны. За несколько месяцев до поездки в Тюмень я летал на полуостров Мангышлак: там вводили в строй нефтепровод от нового месторождения к морскому терминалу. Все было торжественно — телекамеры, речи, оркестры. В величавых позах стояло руководство обкома партии. Запульсировала нефть из трубы, замминистра подставил ладони, и все вокруг озарилось от фотовспышек. Потом нефть перестала идти, сказали, что нужно кое-где подналадить. Что-то подозрительное было в этом шумном мероприятии. Назавтра я поехал по трассе и уже километров через пятнадцать увидел конец нефтепровода и там цистерны, из которых закачивали жидкость для показушной акции. А до месторождения, откуда и должна была течь нефть по трубам, ой как далеко! Проехал до него по нетронутой пустыне, и там меня встретили два гудящих огненных столба высотой с девятиэтажный дом — горели фонтанирующие скважины. Такие пожары случаются из-за грубого нарушения техники безопасности. Так что до реального пуска месторождения коню негде было валяться еще не один месяц.

Какой смысл обкомовским чиновникам Мангышлака и здесь, в Тюмени, прикрывать очковтирательство бракоделов? Вопрос профанистый по тем временам. Кому же было не понятно, что обком и прежде всего его первый секретарь — руководящая и вдохновляющая сила всех трудовых побед региона. Вернее, рапортов о них. Главное протрубить о досрочном вводе объектов. А министерство еще долгое время не будет спускать им плановое задание. Под видом доводки оборудования. Продукции нет, зато есть награды обкомовским и министерским чиновникам.

Тюмень и города вокруг нее (в состав области входил и Хантымансийский национальный округ) поразили меня тогда своей убогостью: деревянные домишки, сгорбленные от старости, непролазная грязь. Ни культурных центров, ни современных микрорайонов. Многие семьи жили в балках. Балок — это горе, лыком подпоясанное: обрезок газопроводной трубы диаметром 1,4 метра, обшитый досками с торцов и с вырезанными сварщиками окошками. Тюменские главки получали «под нефть» из Госплана громадные деньги и пыта-

лись обустраивать город. Кивали при этом на Арабские Эмираты. Но все усилия пресекались первым секретарем обкома партии Богомяковым. «Никаких побочных трат! Все средства только для выкачки нефти». И шли отчеты из области — один радужнее другого.

Эта позиция Богомякова очень нравилась его кремлевским кураторам: в экономике образовывались провал за провалом, а на нефть можно купить за границей и зерно, и оборудование, и даже преданность ленинизму некоторых африканских режимов. На секретаря, журча, стекали награды — орден Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени и прочая и прочая. Я спросил при встрече Богомякова: почему в области ничего не делается для людей?

— Стране нужна нефть, — ответил секретарь. — А народ может потерпеть.

Мы с ним тогда еще не знали, что всякому терпению приходит конец.

В Тюмени я подружился с одним из первооткрывателей сибирской нефти — начальником Главтюменьгеологии Фарманом Салмановым. Он тоже испытал на своей голове силу обкомовского кулака: несмотря на предупреждения построил крупный спортивный комплекс и получил строгий выговор.

— Нефть утечет, — сказал Салманов Богомякову на заседании бюро обкома. — А что вы оставите области?

Фарман сам сконструировал агрегат для разделки рыбы на строганину. Пригласил к себе на дачу для опробования изобретения начальников других главков и меня. Заправили агрегат мороженой нельмой — грохот, чешуя по всей комнате и истерзанные кусочки мяса.

За вечер успели и над хозяином пошутить и откровенно поговорить о проблемах Сибири.

А вскоре Салманов стал замминистра геологии СССР. Чтобы потом не возвращаться к его персоне, расскажу о казусе, произошедшем с ним.

В середине 92-го, будучи вице-премьером российского правительства, я порекомендовал Салманова Президенту РФ на должность министра топливной промышленности. Вместо одного из «мальчиков» гайдаровского призыва. Все-таки сколько открытий на счету Фармана, лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, ученый — член-корреспондент Академии наук. И главное — принципиальнейший человек, любимец рабочего люда. Уж он бы не позволил Гайдару сначала обескровить доходную отрасль, а потом рассовать ее по карманам различных жучков. Ельцину понравилось досье на Салманова, и он пригласил его на беседу.

В тундре Фарман простудился и стал глуховат на одно ухо. На это же ухо был глуховат и Ельцин. В кабинете они сели наискосок друг к другу — тугое ухо в тугое ухо, и так общались несколько минут.

— Странный у нас был разговор, — сказал мне после встречи Салманов. — Какой-то нелепый разговор. Я ему об одном, а он мне про другое.

— Не подходит кандидатура, — позвонил мне после их встречи и Ельцин. — Я ему про Фому, а он мне про Ерему. Странноватый человек.

Я расспросил Фармана, как они сидели за столом, и все понял.

Так неверный поворот головы оставил целую отрасль без хорошего хозяина.

Тогда, по возвращении из Тюмени, я написал статью обо всем увиденном. Скандалил с цензорами, защищая абзацы, уговаривал начальство не резать по живому. Наконец материал поставили в номер. А поздно вечером по ТАССу прислали литерную ленту с пометкой «в номер!»: поздравление Брежнева Богомякову с очередным взятым рубежом и благодарность за ленинскую заботу о жителях области. Ну какой из журналиста конкурент товарищу Брежневу, и моя статья полетела в корзину. Оперативно работали ребята в аппарате ЦК!

Ну а были секретари, которые понимали губительность политики Центра и осуждали ее? За «всю Одессу» сказать не могу — многих из них наблюдал только на съездах КПСС, чинно слушающих доклады и так же чинно жующих сосиски в буфетах Кремлевского дворца. Пишу только о том, что сам наблюдал, и о тех, с кем встречался. Да, были среди них люди, у кого диктат кремлевских чиновников вызывал тошноту и кто приходил в ярость от их глупых решений. Некоторые открыто выступали на пленумах ЦК КПСС, отстаивали передовые позиции. Чем и продвигали общее дело. Но чаще мятежи эти случались в кабинетных беседах, что называется, без права выноса разговора. Свидетелем таких камерных бунтов мне быть приходилось.

Меня командировали как-то в Приморье, посмотреть, насколько продвинулась работа по созданию единого транспортного узла из Дальневосточного морского пароходства, железной дороги и автопредприятий. Страны тихоокеанского региона готовы по Транссибу перебрасывать в Европу свои морские контейнеры и платить за это большие деньги. Дело для СССР весьма выгодное. Я поездил по краю, поговорил со специалистами. От порта Находка, куда должны прихо-

дить контейнеры, до Транссиба проложена только одна колея. Там железнодорожные составы и заткнут пробкой весь транспортный поток.

В разговоре с первым секретарем Приморского крайкома партии Ломакиным я поинтересовался, ставил ли он перед Москвой вопрос о выделении средств для срочной прокладки второй колеи между Находкой и Владивостоком. Расстояние там небольшое, можно управиться быстро. Ломакин поднялся из-за стола и подозвал меня к большой карте Советского Союза, висевшей на стене.

— Конечно, ставил, — сказал он. — И о деньгах на реконструкцию угольных шахт тоже ставил — они у нас загибаются. Но один очень известный в Союзе партийный вельможа подвел меня в своем кабинете к такой же карте и говорит: «Вот видишь, Приморский край свисает мешком к Китаю. Перекроют китайцы верхушку мешка южнее Хабаровска, и плакали наши денежки. Средств не получишь».

Ломакин помолчал немного, потом, добавив в голосе яда, произнес:

— Вы что же там, в Москве, совсем очумели. Уже и территориями готовы разбрасываться!

В порыве гнева он причесал под одну гребенку с партийными вельможами и меня. Тут было, конечно, не до обид.

Не меньше желчи вылил в своих высказываниях и первый секретарь ЦК компартии Киргизии Турдакун Усубалиев. Я приехал во Фрунзе (Бишкек) уже во время правления Андропова заниматься проблемами местничества. Таким приглушенным термином именовали тогда национализм. Киргизы с узбеками не могли поделить горные пастбища, дело доходило до перестрелок. Узбеки в отместку прекратили поставки цемента из Кувасая строителям гидростанции на реке Нарын. А еще были крупные межнациональные разборки из-за воды для полива сельхозкультур.

Территорию Киргизии распирает клином Андижанская область Узбекистана. Проехать из Фрунзе на юг своей республики, в Ош, можно только через эту область. Иных дорог нет. И вот по распоряжению первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова соорудили на границах шлагбаумы и выставили около них милицейские посты. Останавливали все без исключения машины с киргизскими номерами. Высаживали пассажиров. И, вручив им мешки, направляли в поле собирать узбекский хлопок. Если насобирали по 20 килограммов каждый — езжайте дальше. А кто отказывался или не выполнял норму — поворачивайте назад.

— Я пытался поговорить с Шарафом Рашидовым, — делился со мной Усубалиев. — Но он ультимативно предложил передать его республике наши пастбища. Разве мы ханы какие, делать друг другу такие подарки. В Узбекистане полно денег для подмазки москвичей, плюс к этому Шараф кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. А кто я со своим Кыргызстаном?

По стране как раз шли «андроповские облавы»: в кинотеатрах вдруг прерывали сеансы и милиционеры с собаками проверяли у зрителей документы. Так пытались отлавливать тех, кто прогуливает в рабочее время. Хватали людей на рынках и в магазинах.

— Не тем занимается Андропов, — коснулся Усубалиев и этой темы. — Мелкая, вредная суета. По единству Союза уже трещины намечаются — вот за что надо браться всерьез. Я докладывал в ЦК КПСС о нарастании межнациональных кризисов в Средней Азии, а мне отвечают: разбирайтесь между собой сами. Если здесь сами начнут друг с другом разбираться, еще с оружием в руках, — что будет? О чем думает руководство партии?

О чем думали в руководстве партии, можно было судить хотя бы по высказываниям одного из влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Кунаева. В том же году мы, группа публицистов центральных газет, прилетели в Алма-Ату, и нас привезли на встречу с Кунаевым. На одной стене кабинета секретаря большой портрет хозяина из рисовой соломы («Подарок хлеборобов Кзыл-Орды»), на другой еще один портрет, вытканный из шерсти («Подарок чимкентских ткачих»). Чай с сушками на столе, недолгий рассказ об успехах республики. Потом Кунаев стал перечислять города Казахстана, куда бы он порекомендовал съездить. Можно в Караганду, там черная металлургия и шахты. Можно в Павлодар, где тракторный завод и производство ферросплавов. Можно в Актюбинск, в Усть-Каменогорск...

— А можно поехать в Орун-бори, — сказал после некоторой паузы Кунаев. — По-русски его называют Оренбург.

— Но это же Россия, — напомнил кто-то из журналистов.

— Нет, это Казахстан! — проговорил хозяин кабинета, прищурившись. — Россия прикарманила Оренбургскую область. Но мы считали и будем считать ее казахской.

До этого мне уже говорили, что любимое произведение Кунаева — националистическая книга Олжаса Сулейменова «Аз и я», где утверждается, будто цивилизацию в Европу принесли казахи на копытах своих лошадей.

Кстати, с середины 80-х годов прошлого века наше общество стало озабоченно почесывать в затылке: откуда в стране взялось столько нарывов, из которых потек гной сепаратизма и этнической нетерпимости. В союзных республиках и автономных образованиях России один за другим начали формироваться национальные народные фронты и им подобные организации, чьи усилия направлялись на разрушение государства. Продукция агитпропа винила в этом только и только происки империалистов и подрывную работу агентов влияния. Но нам, журналистам, хорошо знавшим закоулки партийных трущоб, в общем-то, было понятно, кто закладывал динамит под интернациональные основы страны. Это были сами партийные функционеры. Радикалы от интеллигенции и молодежь — только инструмент в их руках. Они вскармливали националистическое подполье, науськивали на Москву, а когда возня за власть в Кремле при череде замен фамилий Брежнев — Андропов — Черненко — Горбачев ослабила скрепы, потащили козыри из рукавов.

Зачем это делалось? Выскажу парадоксальное мнение — от безысходности. Бюрократы союзного центра, желая сказать, кто в доме хозяин, переусердствовали в продавливании на местах своих некомпетентных решений. И что пагубнее всего, грубо пережали с администрированием. Заработанное всеми они складывали в общий котел, но делили уже по своему усмотрению. Те, кто был с командой Кремля на короткой ноге или давал взятки, купались в фондах. А многие были вынуждены обивать московские кабинеты, сталкиваясь с чванством чиновников. (По той же опасной дороге пошла теперь путинско-медведевская администрация — о чем чуть позже). Национальные кадры воспринимали это как проявление шовинизма великороссов. Мне запомнился разговор с первым секретарем ЦК Компартии Литвы Гришкявичюсом, когда приезжал в Вюльнюс по заданию «Правды». Секретарь прошел всю войну, устанавливал в республике после нее советскую власть.

— В молодости я выкуривал «лесных братьев» из схронов, — сказал Гришкявичюс. — А сейчас так затянули бюрократическую удавку, что хоть самому отправляться в лес и начинать борьбу за свободу действий.

Партийные вожди автономных республик России тоже вовсю эксплуатировали чувство национальной ущемленности. Особенно в Татарстане, Башкирии и Туве. Они мечтали об этнократии — собственном мини-государстве, где все решается с позиций примата интересов доминирующей национальности. Опять забегу вперед. Совсем не случайно в Казани,

желая заручиться поддержкой автономных образований, Ельцин позднее бросил популистскую фразу: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!». Он по личному опыту секретаря обкома, да и горкома партии, знал, насколько глубоко засел у всех в печенках диктат московской бюрократии, и решил спекульнуть на чувстве протеста. Полагая, естественно, что это просто слова, а действия будут совсем другими. Но он не рассчитал взрывной силы высказывания, и пожар сепаратизма пополз по России.

2

Был обычай у журналистов центральных газет встречаться в пивбаре Домжура. Уютный подвал, где не переводились соленые сухарики, а иногда бывали и раки. Там можно было поговорить не спеша, поделиться увиденным в командировках. Рассказывали обычно истории, которые вымарывала из статей сверхбдительная цензура. Истории смешные и грустные.

Перед приходом к власти Горбачева буйство партийной фантазии в стране набрало немалую силу. Кто-то из журналистов вернулся из Ленинграда и поведал, как обком возглавил в городе поход против кровопийцев-комаров. В Ворошиловграде газетчика из Москвы провели на пост № 1 — так, помавзолейному, называли круглосуточный милицейский наряд у могилы жены первого секретаря обкома. Кто-то побывал в Краснодаре — там первый секретарь крайкома партии обязал население играть в шахматы. А в Волгограде областной вождь приказал снести бульдозерами все частные теплицы, чтобы люди покупали совхозные помидоры. Словом, поиск обкомами своего неповторимого почерка шел повсеместно.

При этом жизнь шла своим чередом: строились заводы, работали предприятия, снимали урожай с полей. Заведенный когда-то и обновленный «прогрессистами» механизм развития производства и хозяйственных связей продолжал функционировать. Иногда четко, а часто с перебоями. Успехи к многим коллективам приходили не благодаря помощи руководства областных комитетов, а вопреки их самодурским решениям. Потому-то союзные министры не подпускали обкомовцев к своим крупным предприятиям, особенно ВПК: «Пропагандой занимайтесь, командовать производством не позволим». Даже кадрами директоров и главных инженеров ведали министерства. Политбюро их поддерживало: страна должна развиваться, а не болтать. Хозяйственники сплошь и рядом были украшены синяками от незаслуженных партийных взысканий.

У меня был знакомый первоцелинник Саша Христенко, директор совхоза недалеко от нынешней Астаны. Он купил в воинской части списанный танк за копейки, без башни, чтобы зимой по бездорожью подвозить сено к животноводческим фермам. Бураны в степи наметают такие сугробы, что даже на тракторе «Кировец» не пролезть. Директора вызвали в обком и дали строгий выговор с занесением в учетную карточку за разбазаривание средств. Пришла зима, из-за метелей не видно белого света, а танк таскает себе на прицепах сено скоту. А по всей округе не могут пробиться к кормам — идет падеж. Опять вызывают в обком: отдай танк в соседний район. А Христенко упертый, бывший матрос Балтийского флота, говорит: «Фиг вам! Я же предлагал оснастить хозяйства танками, списанными на металлолом, а мне выговором по морде. Из принципа не дам!» Ну что же, раз из принципа, тогда получай — исключили директора из партии. Не терпели во многих обкомах людей, кто хватался за принципы, будто за пистолет. Москва заступилась за Христенко.

Но были регионы, которые при разговорах в Домжуре почти никогда не упоминались. Ни со знаком плюс, ни со знаком минус. Среди них была и Свердловская область. Мне не доводилось бывать в ней, но знал, естественно, что область напичкана предприятиями военно-промышленного комплекса. А в регионах, где была сосредоточена «оборонка», обкомам отводилась второстепенная роль. Если на территориях с гражданскими отраслями секретари считались главными толкачами — ездили в Москву вышибать ресурсы, то здесь правили бал влиятельные союзные министры от «оборонки». И со средствами у них задержек не было, и даже руководящие кадры предприятий они, как я уже говорил, подбирали и назначали сами, формально согласовывая с местными партийными органами, А первые секретари, отодвинутые в сторонку, опекали в основном кто строительство, а кто сельское хозяйство.

И когда Ельцина утвердили сначала завотделом, а потом секретарем ЦК КПСС по строительству, все выглядело логично. Не было в этом выдвижении ничего унизительного, о чем заговорили потом недоброжелатели Бориса Николаевича. Прежде чем вырастить человека полноценным первым секретарем обкома, его, по неписаным правилам ЦК, обкатывали предварительно на разных должностях в других регионах. Для расширения кругозора. Тогда он, например, как Лигачев, мог сразу претендовать в ЦК на ключевые позиции. А Ельцин был из так называемых местечковых секретарей — в Свердловске учился, в Свердловске начал прорабом и в том же

свердловском соку варился все остальные годы. Другой местечковый секретарь из Ставрополя Горбачев, несмотря на эксплуатацию курортных возможностей края, тоже не миновал ступеньки отраслевого секретаря. И свое перемещение в столицу в такой ипостаси Ельцин воспринял как шаг наверх. Тем более что генсек, как я позже узнал, намекнул ему на перспективы карьерного роста.

Заговорили журналисты о Ельцине весной 86-го года, когда он поработал несколько месяцев первым секретарем МГК КПСС. Годами сидел на этом месте член Политбюро Гришин, и от общественной жизни столицы тянуло такой казенщиной, хоть нос зажимай. Гришин появлялся на людях только в дни редких пленумов, восхвалял в тусклых речах руководство страны и рассказывал, какой рай создал для москвичей горком. Потом надолго исчезал в недрах охраняемых кабинетов, оставляя этих москвичей на растерзание взяточникам и бюрократам.

А Ельцин ввалился в Москву как контролер в подсобку универмага, где торгаши рассовывают дефицитный товар по сумкам друзей. В городе с устоями «рука руку моет» поднялся переполох. Секретарь сам ходил по магазинам и рабочим столовым, а из Свердловска пригласил большую группу надежных ребят, и те под видом просителей-москвичей провоцировали чиновников на взятки. Потом их брали с поличным. Но впечатляло не столько это, сколько откровенность публичных высказываний Ельцина. В это же время на экранах ЦТ постоянно мелькал Горбачев: его округлые, как окатыши, фразы, с неизменным «углубить» и «осмыслить», не доходили до сердца. Люди истосковались по честным словам. А Ельцин откровенно говорил о произволе бюрократии и о том, что дальше так жить невозможно.

На его встречу с московской интеллигенцией в доме политпросвещения я пришел из любопытства. Но в ответах секретаря на вопросы собравшихся звучала такая крамола, что впору наряд КГБ вызывать. Он возлагал вину на КПСС за многие промахи, а от самоуверенности центральных властей не оставил камня на камне. Много еще политического кипятка вылил на наши головы Ельцин.

В «Правде» мы напечатали несколько выступлений Бориса Николаевича. Цензура тряслась от бессилия: фрондерствовал не какой-нибудь бумагомарака, а кандидат в члены Политбюро. Для него у них руки коротки. В редакцию пошли письма с просьбами связать авторов с первым секретарем МГК — они

готовы работать при нем даже дворниками. Так искренне тогда верили слову.

Осенью 86-го года, поздно вечером, у меня на квартире раздался телефонный звонок. В трубке я узнал скрипучий голос Ельцина. Борис Николаевич хотел бы встретиться со мной завтра утром, желательно часов в семь — больше будет времени для разговора. Приехал по еще темной Москве, в кабинете бодрый Ельцин за голым столом, на котором только раскрытая папка с вырезками моих статей. Видимо, подготовленная помощниками. Поговорили о наших семьях и о том, как непросто приживаться в столице сибирякам.

— Я прочитал ваши статьи, — прервал хозяин кабинета разминочный разговор, — готов подписаться под многими. Мне сейчас очень нужны соратники.

Он снял пиджак и повесил его на спинку стула. Подошел к журнальному столику в углу и, скривившись, большим и указательным пальцами потянул газету «Московская правда». Так тянут из норки дождевого червя.

— Все, что она пишет, меня не устраивает, — произнес Ельцин. — Мне нужен новый главный редактор.

Он вернулся за стол и уже не таким жестким голосом продолжал:

— Предлагаю вам эту должность. Мне вас рекомендовал Валерий Иванович Болдин. Правда, у вас был там какой-то прокол, но это не поменяло его отношения к вам.

Прокол у меня действительно был. И серьезный. Болдин, будущий член ГКЧП, служил тогда помощником Генерального секретаря ЦК КПСС. Он хорошо знал меня по работе в «Правде». И в мае 85-го года, с ведома Горбачева, только что пришедшего к власти, включил в бригаду для подготовки доклада своего шефа на июньском пленуме ЦК. Пленум должен был подхлестнуть темпы развития научно-технического прогресса. Бригадой руководили будущие члены Политбюро Александр Яковлев и Вадим Медведев, мобилизовали в нашу компанию и нескольких академиков, в том числе Абела Аганбегяна. Меня привезли в Волынское, где размещалась ближняя дача Сталина, и целых полмесяца не выпускали домой — там ночевал, там кормили и даже сигаретами обеспечивали. Секретность была, как в гулаговских шарашках: можно заказывать любые совминовские документы, но все твои выписки из них, все твои черновики охрана вечером запихивала в полосатые мешки и уносила сжигать.

Когда я «отмотал» за забором Волынского положенный срок, Яковлев разрешил мне взять с собой экземпляр доклада — по-

шлифовать кое-какие места. За чтением сего опуса меня и застал замглавного редактора «Правды» профессор от экономики Валовой. Он зашел ко мне в кабинет и, увидев разложенные по столу листы доклада, загорелся: «Дай взглянуть на полчаса. Прочитаю и сразу принесу». Как ни возражал, а настойчивость Валового свое взяла. Не зря он слыл прилипчивым человеком. Ни через полчаса, ни через час доклад мне не вернули. Поднялся на этаж к Валовому, а секретарша: «Он срочно уехал домой». Никаких бумаг не оставил. И дома телефон отключен. Только назавтра принес мой должник строго конфиденциальный документ, пробормотав какие-то извинения.

А через пару дней в «Правде» выходит огромная редакционная статья Валового, на полполосы, — можно сказать, не статья, а конспект горбачевского доклада о научно-техническом прогрессе. Не зря московский профессор прятался от меня почти целые сутки. До чего же шныроватый мужик! И меня-то угораздило попасться, как карасю на макуху, и подвести всю бригаду. Я был унижен и раздавлен. Ярость Горбачева, говорят, не знала предела. Еще бы! Ему читать доклад на пленуме, а с чем выходить — с перепевами газетной публикации? Пришлось помощникам срочно браться за текст.

Вкратце я рассказал эту историю Ельцину.

— Провинциальная простодырость, — равнодушно отреагировал он. И, припомнив, видимо, что-то свое, добавил: — Нам от нее надо избавляться в Москве. Иначе затопчут. А над моим предложением подумайте.

И мы договорились встретиться дня через три.

Меня в «Правде» не припекало: вольность с командировками у специального корреспондента, промышляющего анализом эффективности партийного руководства экономикой страны. Не было потогонной системы. Посмотришь на карту Советского Союза — вот тут еще не бывал, надо подумать над темой и съездить. А перейти в городскую газету значило надеть на себя вериги — в издании чиновники привыкли видеть сантехника и лезли с указаниями со всех сторон. Поэтому при следующей и других встречах с Ельциным я подробно обговорил условия перехода в «Московскую правду»: газета должна превратиться из подметальщика улиц в общественно-политическое издание с выходом по подписке на всю страну, а к редактору со всякими установочными звонками будет обращаться только первый секретарь МГК. Он согласился.

А какую сверхзадачу ставит Ельцин перед газетой? Ну, сказал он, надо помогать Михаилу Сергеевичу Горбачеву в его перестроечных усилиях. Тогда он еще дышал почтением при

упоминании имени генсека. А в чем помогать? Ведь почти два года стоял у власти Горбачев, именно стоял, топтался на месте, и все это обернулось только эпидемией выборов директоров предприятий. Собирались на собраниях крикуны да бездельники и кричали: «Долой директора Петрова, он много требует. Сделаем начальником своего парня». Или призывы генсека шельмовать принципиальных хозяйственных руководителей, которые недовольны перестроечной болтовней партийных функционеров. И в этом поддерживать Горбачева? А может быть в том, чтобы по-прежнему усиливался диктат чиновников Центра, все меньше отвечающих за дела? Но, как говорят китайцы: «Не тот дурак, кто на чердаке сеял, а тот, кто ему помогал». Тогда я не понимал, что Горбачев и сам повязан цепями цековских условностей и не может рвануть постромки без риска потерять все.

Ельцин соглашался с доводами как-то пассивно, превозмогая внутренние сомнения. Одно дело бросать с трибуны на потребу публике якобинские фразы, но при этом в действиях своих строго придерживаться установок правящей стаи. И совсем другое — отважиться на полное или хотя бы частичное неприятие правил, установленных этой стаей. Психологически он еще комфортно чувствовал себя в оболочке партийной гусеницы.

Все же мы пришли к общему мнению, что «Московская правда» должна сосредоточить огонь на партийных вельможах и привилегиях, которые те нагребли под себя. Это ахиллесова пята бюрократии, потому что отгораживание номенклатуры от народа больше всего уязвляло людей. Через прорывы этой закрытой темы в газеты и можно было создать у недовольства обывателей критическую массу, способную толкнуть на активный протест.

Но Виктор Афанасьев, главный редактор «Правды», воспротивился моему переходу. Он вытащил меня когда-то из Казахстана в Москву, дал квартиру, и тут такой кувырок. Резонными были его доводы. Но мне хотелось, используя благоприятный момент, попробовать сделать из городской газеты общесоюзную. Да и планы первого секретаря по расчистке авгиевых конюшен в столице сулили нескучную жизнь. Член Политбюро Александр Яковлев, куратор всех идеологических институтов, взялся «утоптать» Афанасьева, но взамен потребовал у Ельцина уступить ему опытного китаиста из аппарата горкома партии. «Торгаши!» — ворчал Борис Николаевич, но все же согласился пойти баш на баш. И в декабре того же года я пришел в «Московскую правду».

3

За одиннадцать месяцев совместной с Ельциным работы мне пришлось стать свидетелем такой эволюции личности, которую другие переживали годами: от сгустка энергии, от уверенного в себе оптимиста до растерянного человека, упустившего твердь из-под ног. Он подробно описал свои московские ощущения в книге «Исповедь на заданную тему». Мне же хочется рассказать о своих ощущениях того непростого периода: как Ельцин выглядел со стороны и какие интриги закручивались в столичных кабинетах.

Кто и когда повесил на Москву ярлык образцового города — не так важно. Но было принято всем ставить ее в пример. Особенно по части производственных успехов. Не дай бог, если какой-нибудь щелкопер вякнет в газете по простоте своей о недостатках на заводах — его в ЦК замордуют внушениями. Не могло быть негатива под боком ЦК! Но стоило внимательно присмотреться к делам, и открывалась безрадостная картина.

В министерствах москвичей называли «декабристами». Как и всем в стране, столичным предприятиям спускали из министерств задания на выпуск продукции. И часто эти годовые задания не выполнялись. А в декабре райкомы партии Москвы, спасая свои предприятия, упрашивали руководителей ведомств скорректировать планы. Министры тоже не без греха. Они стояли на партучете в столичных райкомах и старались с ними не ссориться. Планы задним числом уменьшались, «декабристы» на бумаге оказывались в передовиках, да еще получали премии. А то, что Москве убавляли, профильным предприятиям других регионов прибавляли дополнительными заданиями. Чтобы не падали общие показатели отраслей. Так продолжалось многие годы.

Нужно поискать директоров-чудаков, чтобы при такой райской жизни они еще утруждали себя, скажем, модернизацией производства. Оборудование старело, заводы травили выбросами целые микрорайоны и шлепали продукцию, подобную автомобилю «Москвич». Когда делали фильм «Карл Маркс: молодые годы», производственные кадры снимали на одной из столичных фабрик. Натура удачно передавала ощущение той эпохи.

Мне не раз приходилось ездить с Ельциным по предприятиям. Бросалось в глаза, что он почти всегда был ошарашен увиденным. Возможно, сравнивал со свердловскими заводами военно-промышленного комплекса, где к автоматизиро-

ванным линиям привыкли, как кухарка к сковороде. Еще более ошарашенным выглядел Ельцин, когда директора таких предприятий и секретари райкомов вместе с ними, вызванные на заседание бюро МГК, зачитывали по бумажкам отчеты о своей работе. И к хвастливому тону докладов, и к заверениям: «вып — перевып» дубовые стены зала давно привыкли. А Ельцин изумленно смотрел на докладчика («За идиотов, что ли, он нас принимает?»), не перебивая, что-то энергично записывал, а потом начинал «распиливать» его по частям. Мне многократно приходилось бывать на заседаниях бюро ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов, и я признавался себе, что такую цепкость, такую «убийственность» вопросов и такое знание деталей обсуждаемых проблем видел редко. Пишу во времена, когда доброе слово об интеллекте Бориса Николаевича считается неуместным. Но из любой песни не выкинешь слов. Он очень тщательно готовился к заседаниям и в процессе обсуждения, без криков и грубости, превращал самоуверенных особ, как бы пришедших за наградой, в наперсточников-очковтирателей. Но это было в первые месяцы нашей совместной работы.

Чем заканчивались такие сеансы моментов истины? Чаще всего с виновных сдирали начальственные погоны. Или заставляли выкладывать партбилет на стол. Когда позже Ельцина обвинили в издевательстве над московскими кадрами, имели в виду и эти открытые уроки ниспровержения. Коронуя его на Москву, Горбачев дал карт-бланш свердловскому выходцу в очищении столицы от гришинской мафии. И Ельцин со свежими силами рубил партийной секирой направо-налево, снимая головы с первых лиц районного чиновничества! А кого назначать вместо них? Не мобилизовать же из регионов Союза эшелоны честных профессионалов — назначали тех, кто прежде «ходил» под этими первыми лицами. У них была одна выучка, одни принципы жизни. Поскольку «первые» в закрытой от общества власти всегда подбирают «вторых» и всех остальных под себя. Оценивают их через сито своих моральных критериев. И сколько ни черпай из отравленного колодца, вода будет все та же.

Газета не могла стоять в стороне от борьбы с безответственностью чиновников. Поработав в «Мосправде» немного, я обнаружил в коллективе замечательных журналистов — они умели и материал подать ярко и докопаться до сути проблем. Не их вина, что газета прятала зубы перед чинушами даже среднего уровня, да и не очень заботилась о разносторонних интересах читателей. Такие были обозначены рамки

под прессингом опекунов. А заставь того же краснодеревщика постоянно сколачивать ящики для отходов, и в нем тоже будут признавать лишь косорукого плотника. Мне было легче, чем прежним редакторам, — в кармане у меня обещание Ельцина оградить творческий коллектив от мстительного дерганья многочисленными начальниками. Как шутили ребята, их, голодных, выпустили из загородки в урочище непуганых бюрократов. И редакция постаралась использовать свободу в интересах общего дела.

Приятно было смотреть, как раскрываются аналитические способности Аллы Балицкой или Марины Гродницкой. Работу райкомов партии и райисполкомов они изучали, что называется, с лупой в руках — в печать шли их статьи, где обнажались корни казенщины и показухи. На стройках и предприятиях готовы были кричать: «Полундра!» при появлении Наталии Полежаевой. Где брак, где приписки — она находила даже под толстым слоем вранья. Заблистал публицистическими материалами и Шод Муладжанов, нынешний главный редактор «Мосправды»: я сказал ему по секрету о договоренностях с Ельциным начать кампанию против беспредела вельмож. И он согласился взвалить на свои плечи небезопасную тему привилегий чиновников. Методично сдирая маску святош с лица бюрократии, ставил в газете вопрос: «почему?». Почему в обычных школах на головы детям валится штукатурка, а в спецшколах для отпрысков партийных вельмож бассейны в зеркалах, меблированные комнаты психологической разгрузки? Почему в обычных детсадах холод и теснота, а в спецдетсадах за ту же плату райский простор и даже зимние сады с певчими птичками? Почему в больницах для народа постоянные очереди и не хватает врачей, а в ЦКовских поликлиниках на каждого пациента по нескольку медиков? Или почему во всех магазинах тотальный дефицит, а в спецраспределителях полный ассортимент продуктов и промтоваров по сниженным ценам? И таких «почему» с публицистическими раздумьями было много. Перед читателями открывалось истинное лицо номенклатуры: хищное, неприглядное.

С азартом работами и другие журналисты — хотел бы всех перечислить, да не об этом разговор. Одни устраивали рейды по магазинам и овощным базам — чем кормят москвичей? Другие занимались дегустацией духовной пищи — шли материалы о репертуарной политике, об отношении издательств к «неофициальным» писателям. Постепенно в редакции дозрели до вопроса: вот полощут всюду слово «перестройка», а что и как должно перестраивать общество? Если политическую

систему, то на просевшем фундаменте возводить новые стены небезопасно. Что делать с фундаментом-то? Если браться за хозяйственный механизм, то как не выплеснуть вместе с водой и ребенка? Должны же мы вместе с читателями поискать брод через бурную реку проблем.

И газета завлекла к себе в авторы экономистов с реформаторскими идеями, специалистов по государственному устройству. С немалым трудом, после долгих стычек с цензурой и маскировки острейших мест, напечатали несколько громких статей. Об ущербности уравнительных принципов коммунизма и даже об архаичности ряда ленинских положений. Вскоре мне это припомнят, вытащив на ковер перед всем составом Политбюро, но про это чуть позже. Зато еще больше возрос интерес к нашему изданию.

Подписка на «Мосправду» росла по стране из квартала в квартал. Тираж поднялся в десять раз — со ста тысяч до миллиона экземпляров. Тут и вмешалось управление делами ЦК, по понятным причинам ограничив подписку.

Люди стали распространять газету, оттискивая на ксероксах полосы. Но все это было уже к концу 87-го года.

А в начале лета у нас состоялся с Ельциным памятный разговор. Мы остались в кабинете одни, выглядел Борис Николаевич обеспокоенно. «Вы ничего не замечаете?» — спросил он. А что конкретно надо было заметить? «Я снимаю чиновников за безобразия, а их устраивают на работу в ЦК, — продолжал он. — На бюро заставляем предприятия увеличивать выпуск продукции, а министерства целенаправленно режут фонды на сырье. И везде так: мы толкаем вперед, а нас тянут назад — какой-то тихий саботаж».

Ельцин поднялся из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Внешних причин для тревоги вроде бы нет, рассуждал он, и дисциплину в Москве подтянули, и все идеи первого секретаря чиновники одобряют. Но на словах. А на деле важные решения игнорируют — не демонстративно, но и без особой утайки. Кругом, как болото: бросаешь камни — только чавкает и тут же затягивается. Даже круги перестали идти. Все как будто чего-то ждут.

Мы в редакции тоже заметили: горком начал работать на холостых оборотах. Но объясняли это другим. Ельцин предпочитал внешний эффект от своих поступков: пошумит прилюдно о недостатках и ткнет в чью-нибудь сторону пальцем — «Поручаю!» или «Исправить!». Полагая, что все будет сделано как надо. А чиновники — народ ушлый. Первое время тут же брались за работу, но потом поняли, что Ельцин вскоре за-

будет о сказанном, переключится на другие проблемы. И что нужно только согласно кивать, а делать не обязательно. Никто не спросит. У горкома был большой аппарат инструкторов и инспекторов, но контроль за исполнением решений налажен из рук вон плохо. Любое дело гибнет от бесконтрольности: нужны не импульсивные жесты, а системная работа. Поручил — проверь: что, когда и как сделано.

Как можно мягче я сказал об этом Борису Николаевичу. Мой ответ его разозлил.

— Вот пусть редакция и возьмет на себя контроль, — пробурчал он.

Это было, конечно, нечто! Небольшой коллектив журналистов станет бегать по столичным предприятиям и сверять по партийным цидулькам — какие пункты каких решений еще не выполнены. А аппарат горкома будет дремать в кабинетах. Но первый секретарь уже забыл про свою идею. Он вслух размышлял, и из этих размышлений выходило: кто-то координирует действия против Бориса Николаевича, чтобы создать впечатление у Горбачева, будто Ельцин может только молоть языком, а на серьезное дело не способен. Ведь генсек не вникает в детали.

Подозрение засело в нем так глубоко, что он возвращался к этому разговору не раз. И было видно, как с каждой неделей им все сильнее овладевала апатия. Я часто приходил в горком. И если раньше стоял шум от посетителей в «предбаннике» Ельцина, то с середины лета это была, пожалуй, самая тихая зона. А директора предприятий и секретари горкомов кучковались в приемной второго секретаря горкома Юрия Белякова. Центр власти переместился туда. Беляков был верным соратником Бориса Николаевича, очень порядочным человеком — по просьбе шефа он переехал в Москву из Свердловска. Ельцин ему доверял и взвалил на него всю работу.

Были ли основания у подозрений Бориса Николаевича? Думаю, были. Московская бюрократия — это не только гигантское осиное гнездо, где ткнешь в одном месте — загудит и примется жалить весь рой. Московская бюрократия — это еще и что-то типа масонского ордена, где все скорешились на взаимоуслугах, переженились и сплелись в липкую паутину финансовых связей. Она простерла щупальцы в Кремль и различные министерства, делегировав туда своих представителей. Эксплуатируя притягательную силу столицы — кому для родственников союзных чиновников квартиру по блату, кому здания для подпольной коммерции — московская бюрокра-

тия повязала номенклатуру тугим узлом круговой поруки. Как говорится, живи в свое удовольствие да радуйся!

А тут свалился на голову заезжий гастролер из Свердловска. Если бы Ельцин сидел, подобно Гришину, как мышь под веником, не дергая мафию за хвост, его бы на тройке с бубенцами ввезли в члены Политбюро, о чем, кстати, очень мечтал Борис Николаевич, являясь только кандидатом. Но Ельцин посягнул на устои бюрократии, на ее уникальное положение, и она как один поднялась на оборону Москвы от «чужеземца». Как не поднималась в 41-м году, отдав эту черную работу сибирякам.

А сама отсиживалась в чистых квартирах города Куйбышева.

Бог не обделил Ельцина хитростью и коварством. И при желании он мог с их помощью нейтрализовать интриги бюрократии, разделяя и властвуя. Что потом Борис Николаевич с успехом делал на президентском посту. А здесь он видел, как Лигачев все откровеннее выражал ему свою неприязнь. Но демонстративно, не учитывая несоразмерности сил, отвечал тем же. Он все еще надеялся на безоговорочную поддержку генсека и продолжал наживать врагов лобовыми атаками. Он полагал по каким-то ему известным причинам, что Горбачев и дальше будет тискать его, как нянька младенца, загораживая от колючего ветра и отгоняя партийных мух. Но ставропольский говорун уже начал увязать во внутрикремлевской борьбе и, потеряв интерес к московскому бузотеру, всем своим поведением как бы стал говорить: «Разбирайся там, парень, сам!» Я не раз заставал Ельцина в кабинете очень расстроенным: звонил Горбачеву, там отвечали, что занят, — освободится, перезвонит. Но ответных звонков не было. По неписаным правилам номенклатуры это воспринималось как тревожный сигнал.

4

Ельцин начинал понимать, что он один. Но вместо того, чтобы собраться внутренне, активно искать выход из положения, секретарь горкома «поплыл». Из него, как из мяча, стал выходить воздух. Что делать дальше? Кругом враждебная среда, Москва, как клетка для вольнолюбивого льва. В Свердловске Ельцин махнул бы на север области, и там, у костра, под шулюм из куропаток и сосьвинскую селедочку пропустил бы с товарищами стаканчик-другой. На сердце полегчало бы, и в себе разобрался получше. А тут съездил раз-другой на Воробьевы горы побродить в одиночестве, полежал в барокамере, на-

сыщаясь кислородом, — никакого удовлетворения. Душно от притворных улыбок чиновников с большой фигой в кармане. Кислорода в душах людей так не хватает, а всю Москву в барокамеру не засунешь! Могу свидетельствовать, что Ельцин тогда не пил, по крайней мере, мне это видеть не приходилось. Он жил в своей московской клетке постоянно на людях и за ним следили сотни предвзятых глаз. Он все больше скисал.

Каждый понедельник, ранним утром, мы по-прежнему собирались в кабинете первого секретаря — члены бюро горкома и редактор газеты. Совещания теперь проходили вяло, без привычного ельцинского громогласия: «Это ш-шта такое?!» Члены бюро кратко и по-казенному отчитывались за неделю, Ельцин ладонью правой руки молча катал по столу горсть карандашей. Искру возмущения в сидящих высекал обычно председатель Мосгорисполкома Валерий Сайкин. Вообще-то это был не амбициозный человек, а дорога его по жизни начиналась как у меня: рос в многодетной семье без отца, погибшего на фронте, занимался классической борьбой... Правда, он коренной москвич — работал на ЗИЛе директором, там его приметил Горбачев и сосватал Ельцину в предгорисполкома. Уже тогда замаячила в столице катастрофа с коммунальным хозяйством — тысячи километров водопроводных и канализационных труб превысили все сроки эксплуатации. Срочных мер требовали другие большие проблемы.

Сайкин считал, что всем этим должны заниматься райисполкомы, а сам взялся за строительный комплекс. Он исходил из здравого смысла. Но райисполкомы при Промыслове были как бы на беспривязном содержании и разучились работать. Дело шло с большим скрипом — ответственных за него не сыщешь. Позвонишь Сайкину, чтобы поговорить, а секретарша: «Валерий Тимофеевич на железнодорожной станции на разгрузке пиломатериалов». Или: «Валерий Тимофеевич на разгрузке шифера...» Так и хотелось ругнуться: «Елки-палки, он что, работает бригадиром кровельщиков, а не председателем горисполкома?» Газета писала обо всем этом — Сайкин скандалил. Они там, на ЗИЛе, были защищены от критики пуленепробиваемым гришинским щитом и таким же щитом хотели теперь опоясать горисполком. Почему-то особое раздражение вызывали у Сайкина публикации о плохом качестве овощной продукции в столице.

Он привел к себе в замы химика — работника Минхимпрома СССР, тоже коренного москвича, и поручил заниматься плодоовощными базами. При мне его утвердили на заседании бюро горкома, и Ельцин, перекладывая бумаги, сказал: «Будет

теперь у Сайкина зам по капусте». Этим замом стал нынешний академик значительного числа академий, почетный работник почти всех отраслей и, главное, инициатор переброски северных рек в сторону руководителей правящей партии мэр Юрий Лужков. К нему еще вернусь в следующих главах. Мы вместе с ним были депутатами Моссовета, встречались на сессиях, но никогда он не подходил ко мне с какими-либо претензиями.

Эти претензии Сайкин, видимо, копил для понедельничных совещаний у Ельцина. Он взлетал в рассуждениях с вялых вилков капусты до твердых позиций в политике: газета зарвалась, все ее полосы надо обрамлять в черные рамки. Температура за столом поднималась. Члены бюро по очереди, исключая Юрия Белякова, апеллировали к первому секретарю: газета призвана поднимать авторитет коммунистов-руководителей, а «Мосправда» втаптывает их в грязь. Ельцин слушал молча, время от времени посматривая на меня. Его глаза как бы говорили: «Мотайте себе на ус!» Обычно он заканчивал совещания, не комментируя выступления членов бюро. Но както очень усталым голосом сказал мне:

— Знали бы вы, что приходится выслушивать в ЦК мне по поводу газеты...

Вскоре об этом узнал и я. Политбюро проводило совещание с главными редакторами центральных газет. Вызвали и меня, поскольку я утверждался на свою должность секретариатом ЦК КПСС. В небольшом зале длинный стол президиума, за которым живые боги, вершители судеб нашего брата — объекта перестройки: в центре Горбачев, по разные стороны от него члены Политбюро: Лигачев, Соломенцев, Зайков, Чебриков, Воротников, Никонов и другие. Начался ровный разговор: какая газета удачно проводит линию партии, а какой нужно бы добавить оптимизма в статьях. Перестройка вступает в решающую стадию, и журналисты обязаны уже сами видеть человеческое лицо социализма и с выгодных ракурсов показывать его людям. Щипнули «Аргументы и факты», пожестче прошлись по «Московским новостям»...

И тут почему-то Никонов, секретарь по селу, с которым горожан связывали разве что поездки на уборку картошки, заговорил о «Московской правде». На его взгляд, это очень вредная газета — она заражает народ пессимизмом. В президиуме поднялся шум. Сильнее всех распалился Лигачев. «Это не газета, это антипартийное безобразие, — нажимал он на голос. — Такие надо закрывать к чертовой матери». Конкретизировал причины разноса секретарь ЦК Александр Яковлев. «Московская правда», говорил он, как крыса, подгрызает коммунисти-

ческие основы и — какое кощунство! — замахивается даже на Ленина. Из президиума волной плеснулся выдох негодования. Это потом они, в безопасные времена, стали выдавать себя за давних борцов с тоталитаризмом.

За несколько дней до совещания мы опубликовали статью Шода Муладжанова «Чья карета у подъезда?». В ней — о кортежах лимузинов с сановными чиновниками, которые носятся по улицам, подвергая опасности всех остальных. В статье назывались и адреса, где у подъездов спецшкол и спецучилищ всегда столпотворение государственных машин — привозят и отвозят отпрысков крупных вельмож. И когда очередь в президиуме бросить свой камень дошла до Председателя КГБ СССР Чебрикова, он голосом железного Феликса сказал, что как раз эти публикации привели к вчерашнему опасному инциденту. Двигался кортеж секретаря ЦК, а из кустов его забросали камнями. «Полторанин подстрекает народ на бузу, — заключил Председатель КГБ. — За это надо под суд отдавать!»

Я вжал голову в плечи — неужели сейчас зайдут с наручниками? И взглянул на Горбачева. Он смотрел на меня. В его глазах искрилась усмешка, а лицо выражало удовлетворение. Два года спустя на первом съезде народных депутатов СССР с таким выражением лица он смотрел в зал из президиума, а с трибуны катились потоки речей — одна смелее другой. В числе депутатов-москвичей я сидел в первом ряду, и наши взгляды встретились. Горбачев что-то быстро набросал на листе бумаги, поманил меня рукой и протянул записку. «Какой разброс мнений! Какой накал плюрализма!» — было в этой записке. Михаил Сергеевич очень любил, когда вокруг стояла пыль столбом от споров, но только не задевающих лично его. Он купался в удовольствии от столкновений одних групп с другими. И от возможности в любой момент непререкаемым словом рассадить всех сверчков по своим шесткам. Но сейчас, в этом зале, столкновений не было, если не брать во внимание чью-то цель бить по стороннику Ельцина, а рикошетом по самому Ельцину. Была обычная порка несговорчивого человека, шел тяжелый каток по улице с односторонним движением. Политбюро хотело и дальше превращать всю страну в эту улицу и давить катком тех, кто отважился двигаться не по правилам верховных властителей. Перестройка не тронется с места, пока не спустишь партийных богов с их защищенного от законов политического неба.

Члены Политбюро, видимо, рассчитывали на оргвыводы. Но Горбачев завершил заседание неожиданно примирительным тоном.

— Ладно, — сказал он, — люди здесь все взрослые. Понимают, на что идут. Пусть делают выводы из нашего разговора.

Выходили в «предбанник» молча. В одних глазах коллег я видел злорадство: «Доигрался, парень!» — в других сочувствие. И тогда, и сейчас редактора — народ очень разный. У большинства из них в генах сидит священный трепет перед начальством, они готовы поклоняться даже пеньку, если его водрузили по недоразумению на божницу. Они будут гнобить несогласную мысль, прикрывая свое ничтожество демагогией о высоком долге перед страной. И гораздо реже — перед тобой люди с внутренним стержнем, которые учитывают объективную ситуацию, но при этом стараются соответствовать своему профессиональному предназначению.

Вернувшись в редакцию, я долго сидел в одиночестве и отходил от высочайших оплеух. Ох и паскудная у меня жизнь — ни дня, ни ночи покоя. До моего прихода в «Мосправду» по утвержденному свыше графику номера газеты сдавали в печать ранним вечером. После шести в столице происходили значительные события, творились сенсации, а завтрашний номер в типографии уже был отпечатан и приготовлен к доставке. Новости москвичи узнавали по телевидению — зачем им газета, которая дает материал с опозданием на сутки. Это, естественно, сказывалось на тираже. Я упросил Ельцина повлиять на управделами ЦК, чтобы с нас не брали штрафы за сдачу в типографию номеров в более поздние сроки. Он договорился. И мне приходилось работать в редакции до двух или даже до четырех часов утра, а в десять утра — планерка. Но до нее нужно еще успеть прочитать подготовленные отделами материалы. Да к тому же постоянные дерганья по инстанциям и споры с опровергателями.

У меня от авитаминоза уже проступили пятна на руках. Так я сидел, вспоминая злые лица членов Политбюро, и фантазировал: очутиться бы на прежней работе, да отправиться в командировку, например к рыбакам Камчатки, где лососи пляшут в струях водопадов, пробиваясь вверх по течению. Или поехать опять к воркутинским шахтерам и там после спуска в забой, соскоблить с себя в бане угольную пыль, выпить залпом ковш холодного кваса да поговорить с горняками по душам. Только ведь снова начнут шахтеры мучить вопросами: почему они в богатой стране сидят даже без жратвы. И неужели я, мужик из народа, не вижу, сколько развелось вокруг паразитов. Вижу, конечно. (Догадывались бы они, сколько станет паразитов лет через 10 — 15!) И знаю давно, что главные паразиты сидят в Кремле, а они, как тарантулы, рождают скопище

паразитов поменьше. И пока маток-тарантулов не раздавишь, все будет изрыто норами вседозволенности. Нет, не до созерцания мне лососевых карнавалов, надо не обращать внимания на синяки и делать свое маленькое дело. Капля за каплей, капля за каплей — и даже от чиха ягненка поползет по валуну широкая трещина.

Правда, выпускать интересные номера становилось все сложнее. Почти ежедневно мы сцеплялись с цензором из Главлита, приставленным к «Мосправде». Он взял манеру третировать нас ультиматумами далеко за полночь. Днем, как хорек, отлеживался где-то в дупле, а по темноте принимался за наш курятник: или надо кастрировать материалы или цензор вышвырнет их из номера. Я своими злыми ночными звонками просто достал его начальника, главного цербера страны Болдырева. Спросонок он долго не понимал, о чем речь, просил передать трубку стоящему рядом со мной цензору. Иногда дозволял пропустить статьи в прежнем виде, а чаще нам приходилось кроить их абзацами (времени для переверстки номера не оставалось), выплескивая заложенный смысл.

Зазвонил телефон — в трубке был усталый голос первого секретаря.

— Вернулись? — с нотками равнодушия спросил он. — Почему не докладываете?

— А что, — говорю, — докладывать? Ну, топтали меня, ругали последними словами...

— Знаю, — сказал Ельцин, — в горкоме уже потирают руки.

Этой фразой он как бы отделял себя от горкома. Случайно вырвавшись, фраза выдала его настроение последнего времени: он один, и по ту сторону идеологического плетня остальной горком.

Помолчав, Ельцин предложил:

— Надо пригасить критику. Зачем гусей дразнить.

Что значит пригасить? Газета ведь занимается критикой не ради критиканства. Мы отстаиваем конституционные права граждан и тех, кто ставит себя выше Основного закона, за ушко вытягиваем на солнышко. Любое предложение в газете по реформированию системы можно заклеймить очернительством. Любую статью о воровстве чиновников можно истолковать как призывы к погромам. У демагогии нет берегов. И нельзя перед ней выбрасывать белый флаг. Это я постарался объяснить Ельцину. Он слушал, не перебивая, но в конце разговора сказал:

— Все-таки подумайте...

Летнее затишье в конторах чиновников дело обычное. Отпуска, поездки делегаций за рубеж. И к концу лета 87-го московская политическая жизнь находилась в состоянии дремы. Но это было затишье с настораживающим подтекстом. Будто сидишь у себя в комнате дома, а в подполе что-то шуршит, кто-то возится беспрестанно. Знаешь, там обитают мыши. Но почему они так возбудились?

Газета продолжала свое дело, нужно было уточнять с чиновниками кое-какие факты или моменты. А позвонишь отраслевому секретарю горкома, и секретарша тебе: «Он уехал в ЦК». Позвонишь кому-то еще — то же самое. Один уехал, другой... Ельцин терпеть не мог, когда кто-либо из работников горкома бегал в ЦК за его спиной. А тут кот еще на крыше, но мыши уже пустились в пляс. С чего бы это?

5

В августе меня вызвал к себе зав. отделом пропаганды Юрий Скляров. Тоже бывший правдист — суховатый, педантичный исполнитель. Он сказал, что в секретариате ЦК готовится вопрос об отстранении меня от должности. Тут же был зам. заведующего, и Скляров велел мне идти с ним для мужского разговора. Меня повели по этажам Старой площади, ключом открыли двери неприметной комнатки и усадили за стол. В комнатке не было даже телефона. Замзав сказал, что они выполняют поручение товарища Лигачева, и изложил суть этого поручения.

Оказывается, они считают меня своим человеком, который участвовал в разработке концепции перестройки и по поручению ЦК как правдист расследовал неприглядную деятельность некоторых первых секретарей обкомов КПСС — их потом снимали с работы. Но вот я связался с авантюристом Ельциным и порчу себе карьеру. Зачем мне это нужно! Мне надо только написать записку на имя Лигачева, будто я раскаиваюсь как истинный ленинец и что антицековская, антипартийная и другая антизараза исходит от Бориса Николаевича: это он меня заставляет делать такую омерзительную газету. Напишу — и вопрос о снятии меня с должности отпадет. Могу работать хоть до Второго Пришествия.

Вот с какой стороны они решили ударить! Сказать, что я сильно был огорошен, значит ничего не сказать. Оскорбительно, конечно, когда тебя принимают за такой же партийный пластилин, как и они сами. Система вылепила из них не то сторожевых тварей, не то падальщиков, и они абсолютно уверены в податливости моральных устоев других. Но меня

встревожило иное. Чтобы трусоватые клерки из аппарата ЦК начали говорить о кандидате в члены Политбюро в таком непочтительном тоне и так развязно, должны были произойти наверху события исключительного характера. События, предопределяющие крутой поворот в судьбе Ельцина. Я догадался: Лигачев шьет дело против московского секретаря. Не случайно, выходит, активно таскают работников горкома в кабинеты ЦК. И от меня требовали забить свой гвоздь в гроб его политической карьеры. На такую акцию пойти самостоятельно Лигачев не мог — не того он полета. Значит, получено «добро» от генсека?

Записку писать я отказался. Не надо меня унижать предложением стать Иудой, тем более что Ельцин никогда не вмешивался в политику газеты — ее определяю я, как редактор. И я один несу ответственность за содержание «Мосправды». Сказал это замзаву и поднялся уходить.

— Нет, номер не пройдет, — остановили меня. — Приказано закрыть в комнате и пока не будет записки, не выпускать.

Замок в двери щелкнул, и я остался один.

Все это походило на дурной сон. Они хотели припугнуть меня, пройтись шантажом по нервам, как наждаком? Что-то совсем обнаглели ребята из аппарата ЦК, но не должны же они заигрываться. Однако время шло, а обстановка не менялась. Через каждый час в дверь просовывалась физиономия замзава: «Написал?» — «Нет!» — «Ну, тогда сиди дальше!» Не бить же его стулом по голове. Потом замзав, видимо переключился на другую работу, и вместо его знакомого до боли лица стало появляться очкастое диво инструктора.

Давно закончился обеденный перерыв — сижу без еды, без воды, без возможности сходить в туалет. Надо что-то придумывать! Без телефона не позвонишь никому (о мобильниках тогда еще слыхом не слыхивали), а нужно срочно выйти на Ельцина, и на работе меня, конечно, уже потеряли. Стал настойчиво стучать в дверь, инструктор появился не сразу. Я сказал, что созрел до записки. В ответ самодовольная ухмылка: «Давно бы так!» Только, говорю, сто лет уже не пишу от руки, мне нужна пишущая машинка и приспичило в туалет. Инструктор остался ждать у дверей приемной замзава, где стояла машинка, а я направился к туалету в конец коридора. И, поравнявшись с лестницей, стремглав бросился вниз, а там мимо постового — на выход.

Ельцин был в кабинете один. Мой рассказ он выслушал с озабоченным видом. Иногда останавливал и просил вернуться к каким-то деталям.

— Я чувствую, как меняются настроения наверху, — сказал Борис Николаевич. — И Лигачеву Михаил Сергеевич уступает все больше власти. Тот им пытается командовать на заседаниях Политбюро. А с Лигачевым у меня сейчас отношения хуже некуда.

Ельцин встал, повесил на спинку стула пиджак и медленными шагами принялся ходить по кабинету. Кривясь от подступающей боли, потирал время от времени левую часть груди правой рукой. Ходил молча и долго.

О чем он думал? Терзала Ельцина, мне кажется, мысль, что Горбачев отступился от него окончательно. Сдал на милость московской мафии. Сдал на милость ненавистного аппарата и прежде всего аппарата ЦК, который расставлял руководящие кадры в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик. И мог в удобный момент, настроив этих людей, попортить кровь генсеку. А у аппарата свой царь и бог — его могущественный куратор, второй секретарь ЦК Егор Лигачев.

Может, он думал о чем-то о другом? Но вот Борис Николаевич остановился у телефонного аппарата кремлевской связи, постоял в раздумье и, решительно сняв трубку, позвонил Лигачеву.

— Егор Кузьмич, — сказал он чуть звенящим от напряжения голосом, — у меня Полторанин — он сбежал от ваших людей. Зря вы томите его в какой-то камере, как заключенного. Спросили бы лучше меня...

В трубке с сильной мембраной даже на расстоянии было слышно нервное возмущение Лигачева.

— Какая тюрьма? Какие люди? Что ты там напридумывал! — кричал он, то ли не понимая причины звонка, то ли делая вид, что не понимает.

— Спросили бы лучше меня, — повторил Ельцин с нажимом, — я сам в состоянии отвечать. Да, это я направляю редактора! Да, это я даю ему поручения! Что вы хотите еще услышать?

Он говорил, конечно, неправду, потому что до поручений не опускался никогда. Мы сами творили, полагаясь на свои взгляды и опыт. Он просто решил отвести удар от меня, взять огонь на себя. В такой-то тяжелый момент, когда к ногам его уже подступили потоки грязной партийной подлости.

Это был поступок с большой буквы. В нем снова проснулся Боец, ему нравилось чувствовать себя хозяином положения. Пусть даже на короткое время.

— Без нашего согласия они вас не снимут, — решил он на прощание успокоить меня, хотя знал, что я пришел совсем не за этим. — А мы согласия не дадим.

Ельцин навряд ли знал, что Горбачевым замышлялись революционные, одному ему ведомые реформы в стране. Ради них генсек должен был уцелеть, не потерять силу. Поэтому ему нужны сторонники и союзники, крепко стоящие на ногах. Он обязан был не ошибиться в выборе между враждующими сторонами. И этот выбор был сделан. Боец Ельцин все еще вызывал симпатию своими бесхитростными поступками и убежденностью в необходимости жесткой ломки системы. Но он одиночка по сути. Ушлый Лигачев с двойным дном считал перестройку временной блажью. Но — за ним аппарат, и он предсказуем. Публично Лигачев заявлял: в партии у нас один вождь, а все мы — его тень! И в этом он был союзником. Хотя за кулисами вел свою игру. Ельцин шумел: в партии не должно быть вождя, мы все отвечаем за дело в равной степени. И этим он нес опасность, расплескивая по стране бензин анархизма, где уже занимались очаги недовольства. Хотя для себя воспринимал Горбачева как безусловного лидера.

Так что выбор был сделан не в пользу Лигачева или Ельцина. Победить должен Горбачев. Но для этого проиграть предстояло Ельцину.

После памятного разговора мы виделись очень редко. Он еще попытался вынуть голову из петли и отправил в сентябре отдыхавшему на море генсеку длинное письмо. В нем с позиций «рябины кудрявой» корил Горбачева за отвергнутую любовь. Но генсек не ответил. Так поступают эстрадные звезды с назойливыми фанатами.

А потом грянул октябрь, с его пленумом ЦК и речью на нем Бориса Николаевича.

На следующий после пленума день и пространство вокруг ельцинского кабинета, и даже весь «секретарский» этаж словно вымерли. Конца ждали, но стремительная развязка всех оглоушила. Ельцин сам сдирает с себя погоны, он больше Никто!

В гостинице «Москва», еще накануне вечером, знакомые члены ЦК из регионов пересказали мне выступление Бориса Николаевича. Почти со стенографической точностью. Выходила какая-то невнятина: Ельцин просил отставки, потому что кто-то наверху мешает ему развернуться, и партия начала отставать от народа. Это звучало жалобой на судьбу, высказанной клочковатыми мыслями. ВИП-постояльцы гостиницы поиздевались надо мной. Мол, не мог написать своему шефу приличную речь. А я узнал о ней вместе со всей Москвой, когда покатился слух и затрещали все телефоны. Почему и помчался к знакомым в гостиницу за новостями.

По звонку Ельцина я пришел к нему по этому вымершему пространству — Борис Николаевич сидел бледный, подавленный. Он поинтересовался реакцией московской интеллигенции на вчерашнее событие (он всегда спрашивал меня о мнении людей на происходящее). А какая реакция, если никто ничего не знает — одни слухи! Правда, рассказал о встречах в гостинице и спросил, как он мог подняться с такой неподготовленной речью?

— Не собирался выступать, — признался Ельцин. — Но сидел, слушал похвальбы Горбачеву с его окружением — что-то накатывало. Начеркал короткие тезисы на обшлагах рубашки. И решил выложить все, что думаю.

Это нервы. Они у него не выдержали напряжения, которое нарастало с каждым днем. И получилось, что думает-то он мелковато. Убого. И никакой Ельцин не боец, а капризный политический недоросль.

Зная о приготовлениях неприятеля, он должен был сам готовиться к генеральному сражению. Готовиться основательно, подтягивая крупнокалиберные идеи. И дать это сражение в удобный момент. А он, юнец, выскочил на поле раньше времени, да еще с обыкновенной хлопушкой. И не только подарил ненавистной бюрократии повод поизмываться над своей интеллектуальной несостоятельностью. Он плюнул на тех, кто поверил в него, и укрепил убежденность воровской чиновничей шайки столицы в ее безнаказанности.

6

Как и сейчас, Москва соединяла в себе два непохожих города. Один — это серые непричесанные кварталы для, как теперь говорят, рядовых москвичей. А удел рядовых — томиться в очередях за дряблой морковкой, за справками у приемных чинуш, за разрешением на копеечные льготы. Их никто не заковывал в цепи — они сами уступили свои права. И вместо того, чтобы вернуть их активными действиями, ждали мессию от партии. Но мессия вроде бы появился и вот уже шлет прощальный привет.

А другая Москва — это лоснящийся от самодовольства Воруй-город. В нем лучшие дома, лучше устроен быт и ломятся от изобилия закрома. Трудно очистить Воруй-город от скверны. У него — хозяева взяточники-чиновники самого высокого ранга. За ними идут их подельники, их прихлебатели, прикормленные преступные авторитеты. А еще из Воруй-города проложено много тайных ходов — в Кремль и правительство, — по которым разносят воровскую долю влиятельным

персонам. И вот чуть было пригорюнившийся Воруй-город засалютовал самоубийственной выходке первого секретаря. И схватил за грудки другую, нищую Москву: «Ну, кто тут тявкал, что нас можно победить?!»

Помнится, в тот же день Ельцина уложили в больницу, и я увидел его только одиннадцатого ноября, когда Бориса Николаевича привезли прямо из палаты на пленум Московского горкома.

Я не был членом горкома, но усиленная охрана пропустила меня на этаж, где шла подготовка к политической казни первого секретаря. На сцене-эшафоте трибуна и пустой пока стол для президиума. Первые пять пустых рядов зала отгорожены тряпичным бордовым канатом, вдоль него спинами к сцене выстроились кэгэбисты-синепогонники. В конце зала уже рассаживались кучками статисты — члены горкома. А у дверей зала заседания бюро еще один строй синепогонников — за дверями Лигачев с Горбачевым собрали будущих выступающих. На октябрьском пленуме Ельцин заявил только о самоотставке с поста кандидата в члены Политбюро, а про Москву самоуверенно сказал: будет так, как решат столичные коммунисты. «Петух свердловский! — наверно, думал о нем Лигачев. — Как мы прикажем, так и решат!» И теперь шла последняя накачка: кому что и как говорить.

Я поболтался по коридору и заглянул в кабинет секретаря горкома по идеологии Юрия Карабасова. Это был безвредный человек, с хорошим чувством юмора. У меня с ним наладились добрые отношения. Я спросил, собирается ли он выступать и что ждать от пленума.

— Не собираюсь, но могут заставить, — сказал секретарь. — А что ждать, сам не знаю. Это как повернет Горбачев.

Тут он распахнул свой пиджак и показал рукой на бумаги сначала в левом, потом в правом внутренних карманах.

— На всякий случай, приготовил две противоположные речи, — улыбнулся и подмигнул Карабасов,. — одна в поддержку, а другая с осуждением.

А мог ведь перепутать в суматохе дебатов — не приведи, Господи! Но на трибуну его не потянули. Все выступавшие были подобраны по особым лигачевским стандартам, как огурцы в супермаркетах.

Распахнулась дверь зала заседаний бюро, и оттуда повели колонну «поднакаченных» ораторов. С двух сторон колонну сопровождал строй синепогонников — это выглядело как конвой. Проинструктированных рассадили на пяти отгороженных от всех рядах. Синепогонники остались в зале. Я при-

строился на свободное место и вместе со всеми притих в ожидании.

Через какое-то время по рядам покатился шорох: «Ельцина привезли!» Так, наверное, катилось когда-то по Красной площади: «Пугачева ведут!» Ту т из боковой двери на сцену выплыло партийное руководство страны — Горбачев, Лигачев, Зайков и Медведев. Михаил Сергеевич вел под руку Ельцина, за другую руку первого секретаря поддерживал синепогонник. Все сели в президиум и поручили вести пленум второму секретарю горкома Юрию Белякову.

Несчастный Беляков! Его, приличного человека, сорвали из Свердловска с хорошего места, засунули в этот московский гадюшник, где бюрократия относилась к Юрию Алексеевичу как к креатуре Ельцина и считала чужим. Он тащил на себе в последние месяцы всю работу Бориса Николаевича, и теперь его вывели на эшафот распорядителем казни своего шефа. Не все выдерживали высоковольтное напряжение партийных интриг, и вскоре Беляков ушел из жизни в возрасте пятидесяти с небольшим. А тут лигачевские шавки вручили ему список фамилий подготовленных выступающих — там были сплошь люди, которых Ельцин выгнал с работы. По этому списку Беляков весь вечер бубнил, не поднимая глаз: «Слово предоставляется... Слово предоставляется...»

Ни до, ни после этого я никогда не видел столько помоев, вылитых на одного человека. Поднимались по списку из первых пяти рядов — и по бумажкам клеймили Ельцина. Он негодяй, он подонок (я не придумываю эти слова) и ходит с ножом, чтобы ударить партию в спину. Он утюжит руководящие кадры дорожным катком. Он выгнал с работы за ничтожные взятки большого чиновника, и тот стал приносить домой меньше денег, поэтому вынужден был выброситься в окошко. И так весь вечер. Досталось по первое число и «Московской правде». Некоторые в зале не понимали, что сами разоблачают себя. Ельцин сидел с фиолетовыми губами и опущенной головой, Поднимал ее, скосив удивленный взгляд на трибуну, когда кто-то предлагал судить его как преступника. Он помнил, как эти же люди еще недавно на пленумах говорили: повезло Москве, что у нее есть Ельцин. И сейчас, наверное, скажи вдруг Горбачев: «Хватит! Мы доверяем вашему первому секретарю», и все пять первых рядов, порвав заготовленные тексты и расталкивая друг друга локтями, побегут к трибуне клясться в любви. Ведь принципы чиновников, насаженных на властную вертикаль, как на осиновый кол, были, есть и будут мягче куриного студня.

С лица Лигачева не сходило выражение торжества. Лицо Горбачева менялось по мере того, как нарастал поток помоев с трибуны. К концу пленума генсек сидел красный, задумчивый, устремив взгляд в дальнюю точку зала. И мне показалось, что мысленно он уже не здесь. Мысленно он видит, как точно так же когда-то партийные подхалимы топчут его. Топчут грубо, до хруста костей, не соблюдая приличий.

И покаянные слова своего политического крестника он почти не слушал. Не слышать бы их и нам, переживающим за Ельцина. Это был лепет морально раздавленного человека. Это было обращение к «Воруй-городу» с просьбой простить его за временно причиненные неудобства столичной мафии.

Ельцина увезли в больницу, а первым секретарем горкома сделали Льва Зайкова. К Москве он отношения не имел, родился в Туле. Но ближе к ночи лигачевские службы передали во все газеты по ТАССу биографию Зайкова, где, черным по белому, было написано: родился в Москве. Да еще подчеркнули: обязательно дать в этой редакции. Деталь незначительная, но говорила о многом. Для рабочего люда столицы нет разницы, кто где родился или крестился. А «Воруй-городу» из Кремля был подан сигнал: «Мы человеку даже документы поддела-ли, чтобы его приняли за своего». А свой своему в этом городе, как ворон ворону...

Зайков принял мою отставку, но попросил какое-то время еще поработать, пока в ЦК не подберут нового редактора. Пошли пустые дни, мы все выскребали из души, как грязь, впечатления от московского судилища. Академия общественных наук собрала как раз на семинар редакторов партийных и молодежных газет всех областей Советского Союза. Они захотели встретиться со мной — и как с редактором, и как с секретарем Союза журналистов СССР. Я приготовил выступление о жизни столицы и вышел было с ним перед коллегами. Но какое там! Они сказали: «Брось валять дурака! Расскажи, что тут за грохот вокруг имени Ельцина!» Его выступление на октябрьском пленуме так и осталось секретом, а грубая ругань по поводу Бориса Николаевича на московском политическом шоу была опубликована повсеместно. Редактора хотели понять, почему такое бешенство номенклатуры на речь Ельцина. Не из-за пустяков же! Знали бы они, что именно из-за пустяков, что именно из-за больного самолюбия партийных вождей, задетого только мизинцем. Но как им объяснить?

Кровь из носу, но я должен достать стенограмму выступления — чего тогда стоит работа в Москве! Такое коллективное решение вынесли мои коллеги. Я загорелся вместе с ними,

еще раз вспомнил перекошенные хари на московской трибуне и сказал: хорошо, буду стараться! Тем более что редактора молодежных газет пообещали найти лазейки и напечатать текст. У них отношения с комсомольским начальством либеральнее.

А дома я сел и задумался: что сейчас народ волнует больше всего? Да то же, что и нас в редакции. Кругом трескотня об успехах, а жизнь все хуже и хуже. И я стал писать. Болтовня о перестройке — это дымовая завеса, за которой прячутся истинные намерения высшей номенклатуры. Она не думает о людях, а только обустраивает свою жизнь. Вместо школ и детских садов воздвигает на берегу моря дворцы для себя. Вместо того, чтобы улучшать обеспечение народа, забирает у него последнее для своих спецраспределителей. Лигачев создал в ЦК удушающую атмосферу подхалимажа и лепит из Горбачева нового идола. Слово правды в партии под запретом. А именно партия доводит страну до ручки. И если партия не начнет внутри себя срочное очищение, народ вынесет ей приговор. И дальше в таком же духе почти на четыре страницы. Не ахти какая смелость по сегодняшним временам, но пережимать тоже не стоило.

Этого не было в выступлении Ельцина. Но это рассчитывали от него услышать многие люди. Я знал, что стенограмму в ЦК мне никто не даст, да и не нужна она никому в том состоянии. И оформил свою писанину как выступление первого секретаря МГК. Тогда становится понятным взрыв бешенства в рядах номенклатуры. Она сама играет без правил, как преступное формирование, и не заслуживает рыцарского отношения к ней. И в выступлении — все правда. Просто одна фамилия будет заменена на другую. А в общем, это теплый привет родному ЦК.

На ксероксе с друзьями мы изготовили больше ста экземпляров. Я передал их редактору молодежки из Казахстана Федору Игнатову, и он «одарил» ими коллег. Знаю, что выступление было опубликовано в прибалтийских газетах, на Украине и даже на Дальнем Востоке. Текст пошел по рукам. О Ельцине заговорили. Позже стали гулять по стране еще два или три «выступления». Более радикальные. А потом партократы спохватились и напечатали речь в журнале ЦК. Но ее-то народ и посчитал за подделку.

С женой Ельцина Наиной Иосифовной и мамой Клавдией Васильевной мы поехали к нему в больницу на Мичуринке. Я покидал «Московскую правду», переходил политическим обозревателем в Агентство печати «Новости» (АПН) и хотел

сказать прощальное «спасибо» за совместную работу. Жена и мама Бориса Николаевича сделали свое дело и уехали. А мы остались одни. В центре холла журчал фонтан, мы сели на скамейке под декоративными пальмами. И долго говорили про жизнь.

Выглядел он получше — чувствовалось, что поправляется человек. И лицо у него стало злее, и кулаки сжимались чаще. Он о многом передумал здесь, на больничной койке, и, видимо, многое переосмыслил. В нем происходили заметные, качественные изменения. Вроде бы обсуждали постороннюю тему, вдруг он переводил разговор на партию — вихрь возбуждения рождался внутри него и поднимался вверх. Злость, если не сказать злоба, сипела сквозь стиснутые зубы, как пар из перегретого чайника.

На скамейке под пальмами, на свежие впечатления, я еще не готов был делать для себя какие-то выводы. Но вот мы простились — я по дороге перебирал в памяти наш разговор, вспоминал выражение лица Бориса Николаевича и многое понял.

Именно на моих глазах, под пальмами, на скамейке, проходил или продолжался процесс трансформации человека. Превращение партийной гусеницы в еще непонятное существо. Оболочка красной гусеницы начала шелушиться, трескаться и осыпаться. Изнутри, как черные иголки, стали высовываться мокрые лапки — но что появится оттуда завтра, было еще непонятно ему самому.

Ельцин писал в своей книге, что в бане смыл с себя преданность партии. Это метафора. Мне кажется, он определился там, на больничной койке. Раньше у него было деление: Он и горком. Теперь взята новая высота: он и партия. (Потом будет еще одна: он и народ!)

Как всякий функционер, Ельцин отождествлял партию не с миллионами рядовых коммунистов — шахтеров, металлургов, строителей, которые своим трудом позволили ему получать бесплатное образование, жилье. Наконец, вывели его, прораба, на руководящую орбиту. Он отождествлял партию с аппаратом КПСС, с кучкой ее высших руководителей. И теперь он и они, олицетворяющие собой всю партию, будут по разные стороны баррикад.

Они его вышвырнули. Они его предали, отдали на поругание «Воруй-городу». Они унизили его показательной поркой на своем партийном шабаше.

Он должен мстить. Но как, если ты за бортом политики? Надо думать. Искать и искать варианты. Он будет теперь хитрее, коварнее. Если придется просить, притворяться немощ-

ным, даже заискивать перед сильными — пойдет и на это. Сама бескостная конструкция номенклатурной гусеницы придумана для выработки в них эластичности поведения. И не нужно больше ложиться на амбразуру, а надо начать пользоваться этим «даром», как используют гибкость своего тела гимнастки для достижения крупных побед.

Если удастся добиться цели, он воздаст им сполна. А чтобы добраться до цели, готов объединиться с самим Сатаной. Он вдруг почувствовал, что в душе у него оказалось много места для ненависти. Для презрения к людям.

Поражение от «Воруй-города» его многому научило. Он использует для своего утверждения опыт, блатные законы, мафиозные схемы этого города. И создаст для себя неповторимое государство по имени «Воруй-страна». Потом передаст его для доработки колуном и рашпилем другой гусенице, другого колера — по цвету гэбистских погон. Но до этого еще долгий путь борьбы. И я, как свидетель, хочу пройти его в своем рассказе вместе с вами, читатель.

Рассказ будет не столько о самом Ельцине как о человеке. И эволюции его личности. Навряд ли кого-то интересуют воспоминания о нем — теперь это совсем не актуально. Был Борис Николаевич, отжил свое — и нет его. Все люди, к сожалению, смертны.

Но всегда будет привлекать наше внимание ельцинское явление и та обстановка, в которой оно стало возможным. Мне самому важно понять: где, кем и на каких поворотах подбрасывались «арбузные корки», чтобы поскользнулась страна. И грохнулась так, что до сих пор мы потираем ушибы. Ведь не с бухты-барахты лег на общинную Россию ельцинский олигархат — бесчеловечная, людоедская система. Лег и держится на штыках по сей день. Все более укрепляясь, наглея и дожевывая страну.

Глава II

Почем ртуть из Кремля

1

Была тогда мода у власти надевать камуфляж на конторы. Смотришь на вывеску — какая-нибудь фабрика по пошиву бюстгальтеров. А из цехов по ночам вывозили военную амуницию. Все привыкли: надо вводить противника в заблуждение. И даже сейчас к этому относишься с пониманием.

А еще были замаскированные пропагандистские центры. Среди них особое место занимало Агентство печати «Новости» (АПН). Для простодушных иностранцев его именовали общественной организацией — формально так это и было. Поскольку учредителями АПН выступали союзы журналистов и писателей СССР, а также общество «Знание». И цель провозглашалась что надо — нести свет добрых идей в темные уголки планеты. АПН издавало 60 газет и журналов на 45 языках, в том числе «Московские новости», имело свой телецентр.

На самом деле это была контора, привязанная к спецслужбам нашей страны. Среди замов председателя правления АПН были генералы КГБ, а корпункты в западных столицах укомплектованы кадровыми разведчиками. Все делалось по образцу идеологических центров ЦРУ США.

На полиграфических мощностях агентства могли печатать фальшивые номера зарубежных изданий и выбрасывать их во враждебные страны для «наведения шороха». А еще работала сверхсекретная группа специалистов, которая сочиняла всякие гадости про внутренних оппонентов нашей системы, за деньги покупала согласие известных западных журналистов ставить подписи под этими материалами (в архивах сохранились их имена) и за деньги же пристраивала написанное в зарубежной прессе. А потом эти пасквили перепечатывали газеты Москвы — как мнение мирового сообщества. Советские люди читали и думали: если уж там про них пишут такое, значит они действительно негодяи.

Правда, были в агентстве редакции, где освещали внутренние проблемы нашей страны. Статьи готовились для региональных изданий, но покупали их и газеты капстран. Туда и сосватал меня политобозревателем Егор Яковлев. Он был тогда главным редактором «Московских новостей» и од-

новременно замом председателя правления АПН Валентина Фалина.

Я виноват перед Валентином Михайловичем — по своей политической молодости в 90-е годы необдуманно попенял ему, будто он развел в этом ведомстве синекуру для бездельников-кагэбистов. А он, бывший посол СССР в ФРГ, просто не отступал от принятых правил и по-своему стоял на страже интересов державы. К тому же Фалин был большой либерал: позволял группе обозревателей достаточно объективно отражать в прессе поступки наших властей.

После жизни-молотилки в «Московской правде» работа в АПН казалась подарком судьбы. Командировки по стране и за рубеж, знакомства с журналистами ведущих изданий мира. Была специальная служба, которая организовывала для иностранных делегаций поездки по городам и весям. К ее работе по просьбе гостей нередко подключали и меня — им надо поболтать в пути о московских событиях, а мне-то получалась не лучшая трата времени.

Запомнилась только сверхэмоциональная группа журналистов из Токио. Мы везли ее поездом на Кубань — в одном месте шел ремонт железнодорожного полотна, и состав медленно полз по участку. В окно было видно, как женщины в оранжевых жилетах таскают шпалы на плечах. Японцы глазели и о чем-то спорили между собой. Переводчица пояснила: удивляются. Потом мы ехали на микроавтобусе и тоже напоролись на ремонт. Самосвал высыпал на дорогу кучу горячего асфальта, а женщины в таких же жилетах разбрасывали его лопатами. Картина для нас более чем привычная. Но опять заплескался галдеж.

Громче всего затараторили гости на чайной плантации, куда нас привезли посмотреть на уборку краснодарского чая. Тогда в магазинах он лежал повсеместно. Вдоль кустов по дорожкам громыхало два зеленых комбайна. Они срубали чайный лист вместе с ветками — пыль поднималась столбом и плыл запах березовых веников. Я спросил переводчицу: что же так возбудило японцев?

— Изумляются самураи, — засмеялась она. — Говорят, что мы странный народ. Там, где мир использует механизмы, у нас женщины пашут вручную. А там, где все работают только руками, на той же уборке чая, у нас — комбайны.

Да, мы такие, нас не свернешь. Всегда выбирали и по сей день выбираем свой, особый путь для России.

Весной 88-го я вернулся из такой же командировки, а сосед по кабинету Альберт Сироткин встретил новостью: уже триж-

ды звонил Борис Николаевич, просил, как вернусь, сразу же с ним связаться. Мы не виделись после того больничного разговора. Я думал, что после московского пленума Горбачев отошлет Ельцина послом Советского Союза куда-нибудь в Данию или Бельгию. Не лобное место в политике, да у Бориса Николаевича и не было других вариантов. Дергаться бы не стал. Но Михаил Сергеевич, назначив его первым замом председателя Госстроя СССР в ранге министра, оставил на всякий случай бойца возле себя, как оставляют у постели ружье в тревожную ночь. Ельцин долго отдыхал на курортах Прибалтики и вот теперь объявился.

Я не забыл нашу последнюю с ним встречу в больнице — впечатления от нее остались малоприятные. Будто дьявол высунулся наружу из человека — не со злым лицом, а со злобным мурлом. Неужели он всегда сидел и сейчас сидит, притаившись, в душе Ельцина? Чур меня и других! Зачем винить весь мир в своем поражении, не взыскивая с себя. Мы с ним проиграли Москву (я и себя относил к неудачникам), но эта победа партаппарата может быть пирровой. И нельзя терять чувства достоинства.

Но стоял у меня перед глазами и другой Ельцин. Тот, который возвысился в своем кабинете с телефонной трубкой в руке и задирал всесильного Лигачева: «Да, это я направляю редактора! Да, это я даю ему поручения! Что вы хотите услышать еще?» Прикрывая меня, он подставлял свою грудь, хотя желающих «выстрелить» в нее было немало. Какая внутренняя причина толкала его на такие поступки? За время совместной работы я наблюдал многократно, как эта пружина работала безотказно. Особенно тогда, когда Ельцин был убежден, что творит правое дело. Конечно, с ним надо встречаться и поддерживать в нем азарт борьбы с всесилием партократии.

У меня для него было кое-что припасено. Собкор в Советском Союзе газеты «Каррера дела Сера» долго приставал ко мне с просьбой дать интервью о московской истории Ельцина. Я отнекивался, не желая возвращаться в политическую муть, но настырный итальянец все-таки дожал, и мы проговорили с ним в пресс-центре МИДа около четырех часов. Газета дала материал на целую полосу под убойным заголовком: «Как они казнили Бориса Ельцина». В нем рассказывалось не только о конфликте первого секретаря с «Воруй-городом», но и о раскладе сил в Политбюро. Не поскупился я и на характеристики горбачевского окружения. На Западе не любят журналистские блюда второй свежести, там предпочитают эксклюзив. Но тем не менее материал из «Каррера дела Сера» перепечатали газеты и журналы пятнадцати стран. Как раз накануне

моей последней командировки. Все это я собрал в портфель и, созвонившись, поехал к Ельцину.

В доме, где сейчас схрон уголовников под маскировочной вывеской «Совет Федерации», у него был целый отсек. Мы прошли в комнату отдыха, и Борис Николаевич открыл краны на всю мощь в умывальнике. До зубов вооружился человек! Вода хлестала, по радио кто-то бубнил про весенне-полевые работы, а мы говорили.

Ельцин, оказывается, уже прочитал интервью. А издания с перепечатками добыл его помощник Лева Суханов. На Суханова же обрушились после этого и звонки иностранных корреспондентов с просьбами устроить встречи с Борисом Николаевичем. А зачем встречаться, что говорить и как себя позиционировать — вот что Ельцина волновало.

Он понимал: будешь долго сидеть в тени — позабудут. Народ переключит внимание на других резвачей. Но опасен и фальстарт — положение шаткое. Я прямо спросил его: разобрался ли он в себе самом, просчитывает ли варианты развития событий и как думает влиять на них. Политическое мальчишество: сначала рвать на себе грозно рубашку, а потом лепетать: «Простите, больше не буду!» — бесперспективно. Мы всегда говорили с ним откровенно, без оглядки на должность. Только в конце 92-го, когда гайдаровская команда убаюкала его подхалимством, он стал морщиться от критических слов. Как-то на заседании президиума правительства стали облизывать его до неприличия, и я не выдержал: «Перестаньте врать! Плохо мы все работаем, и президент в первую очередь». «Борис Николаевич, это что же он себе позволяет!» — почти вскричал Геннадий Бурбулис.

— Михаил Никифорович все еще хочет учить меня, — со злостью произнес Ельцин. — И забывает, что я Президент. Повторяю — Пре-зи-дент!

Он до ужаса полюбил произносить это слово — «президент». И к месту, а чаще и не к месту.

Но до 92-го еще было далековато. И мы обдумывали стратегию поведения. Я высказал свое мнение, что на контакты с зарубежными журналистами надо идти. Но не выставлять себя противником Горбачева — на Западе к этому относятся настороженно. И вообще, если быть объективным — мы все политические дети Михаила Сергеевича. Он дал нам дорогу своей начальной политикой. Нужно выглядеть союзником генсека, но сожалеть при этом, что тот запутался в сетях консервативного крыла ЦК. А значит, опасно для перестройки топтаться с ним вместе, следует в интересах общества попытаться уйти в отрыв. Надо также трясти перед носом корреспондентов па-

кетом позитивных идей, на которые Ельцин намерен в будущем опираться. Поскольку для него вся наша пресса закрыта, придется использовать метод отраженного света. Так оно и вышло потом. Почти все интервью Бориса Николаевича, опубликованные позже на Западе, передавались на русском по «вражеским» голосам. А советские люди по ночам прилипали к приемникам, сквозь треск и шум выискивая в эфире «Голос Америки» или «Свободу». Лейтмотив всех интервью был один: народ достоин лучшей жизни, и мы обязаны делать для этого все.

Как «это все» делать в сложившейся ситуации, навряд ли знал он сам. Но уже то хорошо, что фальшивые голоса аллилуйщиков стал перебивать трезвый голос критики.

На прощание Ельцин еще раз поблагодарил за публикацию в итальянской газете, но, подумав, сказал:

— Они вам этого не простят.

И как в воду глядел.

Дня через два мне позвонили из КПК — Комитета партийного контроля при ЦК и предложили явиться по распоряжению Соломенцева. Ничего хорошего такие вызовы не предвещали. Угрюмый Михаил Соломенцев, член Политбюро и председатель КПК, был известен стране как инициатор повсеместной вырубки виноградников. И как соратник Лигачева по желанию заставить народ ходить по струнке, а также по борьбе за клановость номенклатуры.

В назначенный час меня встретили на Старой площади в приемной Соломенцева, но повели к управделами ЦК Николаю Кручине. Он был заместителем председателя КПК на общественных началах. Не хватало еще, чтобы обозревателем АПН занимался сам член Политбюро! Но это меня лишь ободрило. На столе у Кручины открытая папка, а в ней газета «Каррера дела Сера» и перевод моего интервью, отпечатанный на машинке, испещренный красным и синим карандашами.

— Статью, — сказал тихо Кручина, показав пальцем на интервью, — обсуждали на заседании Политбюро. Возмущались. И нам поручили вызвать тебя и исключить из рядов КПСС. За клевету на руководство партии. Соломенцев перепоручил это дело мне.

Исключение из партии в идеологическом цехе влекло за собой освобождение от работы. С волчьим билетом в зубах. И я уже чертыхнулся про себя: опять придется искать, где добывать для семьи кусок хлеба.

Было видно, что поручение это для Николая Кручины как в горле острая кость. Он не смотрел мне в глаза, а молча перебирал в папке бумаги.

Мы с ним давно знали друг друга. Николай Ефимович был первым секретарем Целиноградского обкома партии, когда два года подряд мы проводили на целине читательские конференции. Я работал ответсекретарем «Казахстанской правды» и возглавлял журналистские десанты в Целиноград. А после встреч с читателями Николай Ефимович приглашал нас на ужин, и там говорили «за жизнь». Затем я наезжал в Целиноград из «Правды», и мы с ним ближе сошлись, найдя общие алтайские корни.

— Я недавно в Новосибирск летал, — круто свернул от темы нашей встречи Кручина. — Сразу поехал на могилу сына. Она ухожена — друзья следят. Хороший там народ.

Он посмотрел на меня, в глазах его стояла тоска. Душевная рана сильно болела в Целинограде, кровоточила и теперь.

— А может, ты не давал интервью, просто с кем-то поговорил, а они все придумали, — нехотя вернулся он к теме. Ему не хотелось меня топить, и он бросил первый спасательный круг. — Напишем это в справке для Политбюро, и делу конец.

— Ну как не давал? Давал, — отодвинул я спасательный круг. — Отпираться — грязное дело.

— Конечно, — согласился Кручина. — А вот ты будто бы назвал Лигачева конвоиром демократии. Или не называл? Егор Кузьмич обвел это место синим карандашом и вопрос поставил большой.

— У него, что, другого занятия нет? — сдерзил я не к месту. — Называл. И другое о нем говорил. Могу же высказать свое мнение.

— Зря ты так, — беззлобно сказал Кручина. — Я с ним вместе в Сибири работал, там его все уважали. Это в Москве не угодишь никому.

Он еще бросал спасательные круги, но они проплывали мимо.

— Вот здесь ты будто бы говоришь о московском пленуме, — сказал Кручина почему-то с усмешкой, — читаю по тексту: «Горбачев сидел в президиуме красный, с испуганным взглядом. Мысленно он видел, как партийные подхалимы будут завтра топтать его точно так же, как Ельцина». Михаил Сергеевич подчеркнул это место трижды красным карандашом. Ведь ты же не мог это говорить — они придумали сами?

— Ну почему не мог, — пожал я плечами. — Говорил. Я сам видел это из зала.

— Глаза бы тебе завязать, — рассердился Кручина. — Мне бы меньше было мороки.

Он о чем-то задумался, потом спросил:

— А ты свой текст визировал? У нас такое правило: тексты интервью обязательно приносят на визу.

— Нет, не визировал, — признался я. — У западных журналистов это не принято.

— Принято — не принято, — как-то обрадованно передразнил Кручина. — А у нас принято. Вот и напишем: интервью давал, но для визирования газета материал не представила — поправить текст не имелось возможности. Ты обещаешь быть бдительнее, а мы ограничиваемся беседой с тобой и списываем дело в архив.

На том и сошлись.

Николай Ефимович пошел проводить меня до лифта и в коридоре негромко сказал:

— Слушай, не трогай ты их. Они на тебя злые, как черти. А нам не хочется рубить головы.

Видимо, не было уже прежнего лада внутри верхушки КПСС, если командный рык Политбюро воспринимали как бурчание привередливого начальства.

Да и за что было уважать Политбюро, когда оно целенаправленно работало против своей страны. Обдуманно или по недомыслию — суть не меняется. И это не оговорка. Это, можно сказать, установленный факт — свидетели ему многие документы.

2

88-й был самым роковым годом в послевоенной истории СССР. В нем нашей стране были нанесены раны, несовместимые с жизнью государства. Не зря блуждающие по власти либералы-большевики усиленно кивают сегодня на 91-й год. Тогда, мол, рухнул Союз, а они пришли склеивать из обломков Россию. Их с удовольствием поддерживают партократы, сидевшие в роковое время в Кремле или около него, а сейчас гуляющие с членскими билетами «ЕдРоссов». Но это обманка для простоватых окуньков-патриотов. 91-й — только последствия. Слом хребта Советскому Союзу состоялся в 88-м. И добивали неподвижное тело в 89-м и 90-м.

Чтобы поставить на колени любую державу, чтобы рассыпать ее на бесформенные кусочки, не обязательно наносить по ней ядерные удары. Достаточно дезорганизовать систему управления экономикой и обрушить финансовую базу. Не десантом зарубежных коммандос, а руками властей этой державы. Изнутри, под видом назревших реформ.

Горбачев понимал: задуманное им дело буксует, надо идти на прорыв. Запретительные инструкции брежневского аппарата по-прежнему висели удавкой на шее хозяйственников. Как бы снять эту удавку?

В конце 86-го председатель КПК при ЦК Михаил Соломенцев передал генсеку записку о результатах проверки инцидента в Иркутской области с руководителями объединения «Радиан» Министерства электронной промышленности. Объединение передовое, но успехов добивалось в обход запретительных инструкций из Центра, а по сути — в обход закона. За это прокуратура области арестовала хозяйственников и даже поместила в психушку.

Использовав записку как повод, Горбачев продиктовал поручение Предсовмина Рыжкову и члену Политбюро Зайкову: «До каких пор действующие в стране инструкции будут ставить инициативных руководителей в положение лиц, нарушающих закон. Мы не раз говорили, что нужны новые нормативные документы, отвечающие духу и требованиям съезда. Следует подготовить на этот счет предложения для рассмотрения на Политбюро ЦК». И подготовили. И рассмотрели.

Не зря говорят, что благими намерениями дорога в ад вымощена. В поручении Горбачева вроде бы звучало одно, а исполнение последовало совсем другое.

Удивительная продуманность стала прослеживаться в экономических шагах кремлевских властей. И их разрушительная последовательность. Что ни шаг, то новый капсюль-детонатор с гремучей ртутью, подсоединенный к еще дремлющему тротилу социальных проблем.

С января 88-го начал действовать закон о государственном предприятии, принятый Верховным Советом СССР с подачи Политбюро. Тогдашний Верховный Совет — это в основном чабаны и доярки, прибывшие взметать по командам ЦК на все согласные руки. Вроде бы долгожданный прыжок в демократию: всех достал диктат министерств, а закон давал предприятиям полную волю. Настолько полную, что «Государство не отвечает по обязательствам предприятия. Предприятие не отвечает по обязательствам государства» (статья 2). Министерства отстранились от влияния на хозяйственную политику предприятий и реализацию их продукции.

А где предприятия должны брать сырье или комплектующие для своего производства? Как где — в тех же министерствах, из государственных источников! Ведь плановая экономика оставалась незыблемой, сохранилось и централизованное распределение фондов. Так что министерства по-прежнему должны снабжать предприятия всем необходимым, а те могут распоряжаться этим по своему усмотрению. Лафа! Экономика превратилась в улицу с односторонним движением.

Но, как говаривал душка-генсек Леонид Брежнев: «Ну и пусть воруют. Все же остается в стране, нашим людям». И здесь,

казалось, не о чем говорить: для внутреннего рынка особой разницы нет — по командам сверху распределяют товары или предприятия сбывают их советским потребителям по своему усмотрению. Но статья 7 закона бурила шурфы для закладки под экономику тротиловых шашек: предприятия получали право самостоятельно создавать карманные компании с участием кооперативов и зарубежных фирм.

Была такая система кооперации — райпотребсоюзы, облпотребсоюзы, Центрсоюз, — где занимались сбором ягод и грибов, продажей за валюту меда, матрешек и кружев. Система отлаженная. Не о ней ли речь в законе? Но для чего надо объединяться в компанию, скажем, Уралмашу с бригадой бортников-добытчиков таежного меда — тут что-то не то. Расставило все по местам в мае 88-го принятие Верховным Советом СССР закона «О кооперации». За густым частоколом статей с общими фразами пряталась суть: разрешалось создавать кооперативы при предприятиях, почти на условиях цехов — с правом использования централизованных государственных ресурсов.

Только в отличие от цехов и даже в отличие от самих предприятий эти кооперативы могли по закону самостоятельно проводить экспортные операции, создавать коммерческие банки, а за рубежом — свои фирмы. Причем выручка в иностранной валюте изъятию не подлежала (ст.28), а за всю финансово-хозяйственную деятельность кооперативы отчитывались только перед своими ревизионными комиссиями.

А затем пошло и поехало. Весь 88-й и начало 89-го сходили, как с конвейера, постановления Совмина СССР (я насчитал 17 документов) — отменявшие госмонополию на внешнеэкономическую деятельность, запрещавшие таможне задерживать грузы кооперативов, разрешавшие оставлять выручку за кордоном и т.д. и т.п. Тропинка, проложенная властями, привела нас к намеченной ими цели: сначала освободили предприятие от обязательств перед страной, затем передали активы этих предприятий в руки кооператоров и вот, наконец, распахнули настежь границы.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы предугадать тогда, как будут созданы кооперативы и чем они начнут торговать за границей, получив доступ к государственным ресурсам. Не автомобилями же «Иж-комби» и не обувью «прощай молодость»! За считаные недели при большинстве предприятий были зарегистрированы кооперативы-присоски, хозяевами которых стали родственники директоров, секретарей обкомов, председателей облисполкомов и, конечно, влиятельных чиновников из Москвы. Секретарям обкомов — главной опоре режима, на-

верно, в голову не приходило, что конвертируя в валюту свою личную власть, они роют могилу Системе в целом.

Из государственных фондов на фабрики и заводы по-прежнему шли ресурсы для выпуска продукции, но теперь по закону директора были сами с усами. Они стали сливать эти ресурсы в собственность «семейным» кооперативам, а те отправляли их за рубеж на продажу. Началась, как тогда говорили, эпоха ВРГ — Великой Растащиловки Государства.

Цемент и нефтепродукты, металл и хлопок, пиломатериалы и минеральные удобрения, резина и кожа — все, что государство направляло предприятиям для переработки и насыщения внутреннего рынка, пошло железнодорожными составами за рубеж. Через зеленые зоны на наших границах. И там, за рубежом, чиновники стали складывать капиталы в кубышки, а вскоре инициировали разрушительную реформу банковской системы СССР. Чтобы в час «Х» легально, через свои банки, ввезти эти деньги, или, как называют экономисты, переходную ренту, в страну для скупки обескровленных предприятий. Они уже тогда, задолго до 92-го года, готовились к приватизации. И, полагаю, уже тогда запланировали выпускать чеки-ваучеры не персональные, а обезличенные. Так проще было стать хозяевами новой жизни.

А что дали нам с вами эти меры кремлевской власти? Повсеместный дефицит и остановку производства. Работая позже в президентских архивах, я обнаружил записку О. Шенина, О. Бакланова и А. Власова, адресованную Михаилу Горбачеву, «О совещании министров в ЦК КПСС». «Ситуация чрезвычайная, — сообщали они. — Обеспеченность сырьем и материалами в автомобильной и легкой промышленности и других отраслях составляет не более 30 процентов. Всего на две трети обеспечен материально-техническими ресурсами оборонный комплекс. Строителям на жилье и объекты соцкультбыта приходит лишь 30 процентов ресурсов. Многие предприятия, по словам министров т.т. Паничева, Пугина, Давлетовой, встанут». И дальше: «Особенно остро ставился вопрос о необходимости решительного пресечения разбазаривания сырья и материалов на зарубежных рынках, предотвращения хаоса во внешнеэкономических связях».

Горбачев, как всегда, поставил свою закорючку на полях документа и спустил его в архив. Все они видели, все знали. Да и как не видеть, если на твоих глазах экономика проваливается в тартарары. Из других записок того времени с закорючками Горбачева и остальных членов Политбюро открывалась вся подноготная положения страны. За год своего существования кооперативы вывезли из СССР треть произведенных у нас по-

требительских товаров, за второй год — еще столько же. Внутренний рынок обрушился. Постановлениями правительства на закупку импортной продукции бросили часть золотого запаса Советского Союза (за два года он сократился на полторы тысячи тонн). Золото текло за рубеж, а под видом «забугорного» нередко оформлялось «родное» продовольствие — опять-таки с внутреннего рынка. И мясо, и хлеб. К примеру, в портах Ленинграда, Риги или Таллина суда загружались дешевым фуражным зерном, огибали по морю Испанию с Грецией и приходили в Одессу с «импортной» продовольственной пшеницей по 120 долларов за тонну. Часть «добычи» уходила на взятки оформителям, а остальное складывалось на случай приватизации экономики. При разрешенной Кремлем анархии дельцы орудовали не таясь. Народ стал выходить на площади с требованием прекратить разграбление страны. На митинге в Куйбышеве в сентябре 88-го собралось, например, около 70 тысяч человек. Заводы встали, хозяйственные связи между республиками разрушились. Там начали образовываться националистические Народные фронты под лозунгом: «Спасаемся поодиночке!». И все стали сторониться Москвы, как проказы. Сначала в ноябре 88-го декларацию о суверенитете республики принял Верховный Совет Эстонской ССР, а за ним — Азербайджан.

По опыту знаю, что такие важные решения кремлевская власть не принимала второпях. Всегда создавались экспертные группы, в которые входили люди из аппарата Совмина и КГБ и, разумеется, ответственные работники заинтересованных министерств и ведомств. И когда затевалось дело с подготовкой законов о предприятии и кооперативах или готовились меры по отказу от госмонополии на внешнеэкономических направлениях при чрезвычайной ситуации, то обязательно привлекались «светлые головы» из МИДа, МВЭС да и других структур.

Давайте посмотрим, а кто обслуживал в то время кремлевскую власть и мог иметь отношение к роковым событиям 88-го. Не встретим ли мы там знакомые лица? Что касается Председателя Совмина СССР Николая Рыжкова, тут все понятно. Он был членом Политбюро и мимо него в Совмине ни одна бумага не могла проскользнуть. Плачущий большевик, как его назвали на съезде народных депутатов СССР, сегодня восседает в Совете Федерации и, по слухам, весь в шоколаде. Были у него как у Председателя Совмина верные замы — Иван Силаев и Юрий Маслюков. Они тоже не могли стоять в стороне от важных процессов. А мы, члены первого правительства России 90-го года, все гадали, почему Ельцин взял в премьеры чужого для себя человека — Силаева? Кто ему навязал или сосва-

тал его? Значит, были люди, кто управлял тогда и Ельциным, и самой ситуацией! Не они ли держали в загашнике и Юрия Маслюкова, чтобы он стал при Ельцине позже вице-премьером Правительства РФ?

Ну а ответственные работники МВЭС и экономических служб МИДа СССР той поры — разве могли без них обойтись в обосновании цели перехода от порядка к анархии и не с учетом их мнений готовились документы? Разве не они были в составе экспертных групп, готовивших рекомендации для высшего чиновничества? Того чиновничества, которое в тяжелых схватках за кремлевские коридоры перенесло атрофию интеллекта, разучилось думать и готово только подмахивать принесенные ему документы. Чем всегда пользовались недобросовестные клерки, проталкивающие личные интересы.

Замом министра внешнеэкономических связей (МВЭС СССР) работал тогда Олег Давыдов. В январе 93-го он стал первым замом, в сентябре того же года министром внешнеэкономических связей РФ, а чуть позже — вице-премьером правительства. Давыдов проплыл по политическому небосклону, стараясь не привлекать к себе особого внимания. Погромче вели и ведут себя Александр Шохин и Сергей Лавров — тогдашние начальник и зам.начальника управления международных экономических отношений МИДа СССР. Один сегодня возглавляет адвокатскую контору олигархов под названием РСПП, другой — министр иностранных дел России.

Ярче всех заблистала звезда Михаила Фрадкова — в 88-м первого зама начальника главного управления координации и регулирования внешнеэкономических операций МВЭС СССР. В 92-м он стал замом у министра МВЭС РФ Петра Авена, затем сам перешел в министры, а при Путине поднялся до поста Председателя Правительства России. Сегодня возглавляет службу внешней разведки.

Биографию Фрадкова нужно читать между строк. Безродный паренек из Куйбышевской области окончил Московский станкостроительный институт и сразу был направлен в Индию советником Посольства СССР по экономическим вопросам. Затем кто-то запускал его, как из катапульты, все выше и выше.

Кто знаком с законами кадровой политики тех времен, согласятся со мной, что с бухты-барахты людей из ниоткуда в капстраны не посылали. И не парили над ними потом ангелами-хранителями. Если такое случалось, за этим стояла могучая сила. Обычно такой силой, такой катапультой выступал КГБ — Контора Государственного Беспредела. Возможно, и в случае с Фрадковым да и с другими известными ныне товарищами без этого не обошлось?

3

В умах наших людей все заметнее созревает вывод, что развал страны — это не пьяная выходка трех бывших партийных функционеров. И рыдания пропагандистов нынешней власти при упоминании Беловежья — отвлекающий треп. (Будто бы не было у хозяев тогдашней державы сил специального назначения.) Да и выкормыши КГБ — первые российские банкиры-олигархи — успели кое-что выболтать. Выстраивается такая следственная версия: группка *умных* ребят (партийно-кагэбистская мафия?) готовила страну к расчленению, чтобы прибрать к рукам богатую недрами Россию с населением, которому все до лампочки. Готовила под чью-то диктовку. Организовали хаос. В пыли и грохоте развала дали харизматическому Ельцину поуправлять осколком СССР, не ослабляя контроля за ним и заставляя брать все плевки на себя. А потом устроили тихую передачу власти своему человеку — он должен быть весь в белом и постепенно утверждать диктатуру спецслужб в открытую, якобы демократическими методами.

Я не ставлю целью определять свое отношение к данной версии и распространяться на эту тему — мой рассказ о другом. Но полагаю, что в году этак 2017-м, когда Россию возглавит Комитет Национального Спасения, не карманная, а полновластная прокуратура займется разгадкой кремлевско-лубянских тайн. И хотя многие документы уже уничтожены, думаю, в сейфах таятся признания-исповеди тех, кого обошли, «кинули» при дележе собственности.

Не упомянул при перечислении имен я Михаила Сергеевича Горбачева. Но не по принципу: царь хорош, да бояре паскудные. Для меня, как и для многих, Михаил Сергеевич раскрылся не сразу. Видно было, что он не хапуга, не цеплялся зубами за кремлевскую власть. И демократ Горбачев не показушный, а истинный. Лозунг «Свобода личности!» для него не пустой звук. И как раз в обертке свободы личности скармливали ему зарубежные «друзья русского народа» кашицу НАТОвской корысти. И здесь в той же обертке свободы личности разные проходимцы несли Михаилу Сергеевичу на утверждение пагубные идеи, а он от удовольствия закатывал глаза. Слишком много скучковалось вокруг него проходимцев, и слишком верил Михаил Сергеевич им. Иногда хотелось воскликнуть: «Прости его, Господи! Он не ведает, что творит». А какую ставил он перед собой тайную сверхзадачу, стали догадываться позднее.

На первом съезде народных депутатов СССР ему бросили в лицо обвинение в доведении страны до хаоса. А Михаил Сергеевич поднялся и торжественно произнес: «Ну и что! Из хао-

са возродится порядок!» Уже шла гражданская война в Нагорном Карабахе, Узбекистане, загорался Кавказ. Какой из хаоса вырастает порядок, теперь знает каждый. Вроде бы не с моего шестка судить о такой личности, но скажу, тем не менее: он многого не понимал в большой политике. В глубинных процессах, которые отдавались наверху лишь толчками. Он не чувствовал жара подошвами ног.

Он попросту был юрист. А главное для юристов не содержание, а форма. Эту угловатую жизнь они готовы утрамбовать в форму одной статьи закона, а эту — какой бы она ни была разноплановой — в форму другой статьи. Юристы любят громкие фразы, внешний эффект, а суть дела отводят на второй план. Юристы в большой политике непредсказуемы, как шаровая молния.

Народу России надо, кстати, быть осторожнее, двигая во главу государства юристов. От них одни беды стране. Такая закономерность: был во главе государства юрист — Александр Керенский — дело закончилось октябрьским переворотом. Потом был юрист Владимир Ульянов (Ленин) — он создал ГУЛАГ и утопил пол-России в крови. Потом был юрист Михаил Горбачев — он подвел страну к самороспуску. Потом был юрист Владимир Путин — десятки миллионов обворованных россиян на себе испытали плоды его творений.

Другая закономерность с правителями-юристами: чередование противоположных качеств их характеров. На смену юристу-либералу приходил юрист без нравственных тормозов — жестокосердный, циничный. После безвредного краснобая юриста Керенского шел юрист Ульянов (Ленин) — государственный террорист. После юриста-демократа Горбачева шел юрист Путин. Но о нем у меня еще будет подробный рассказ.

Выступать против тогдашних экономических реформ в принципе — занятие ретроградов. Весь хозяйственный механизм нуждался в оздоровлении. Но Советский Союз не был нищим на паперти, о чем врут сегодня телеприслужники олигархов. Держава прочно стояла на ногах. В 85-м у СССР практически не было внешнего долга (а в 91-м он уже составил колоссальные суммы). Да, цена нефти в мире упала до десяти долларов за баррель (значит, везде наблюдалась рецессия). Но страну еще не успели посадить, как наркомана, на две трубы — нефтяную и газовую. Всем тогда хотелось большего, хотя за экономические показатели стыдиться не приходилось: за 1981—1985 годы валовой национальный продукт СССР возрос на 20 процентов (США — только на 14, а Италии, Англии и Франции — меньше чем на 10 процентов). Даже в 87-м — по инерции — страна сохраняла стабильное положительное саль-

до во внешней торговле: превышение экспорта над импортом исчислялось многими миллиардами долларов. Шел выпуск продукции в многопрофильных отраслях — даже капстраны покупали у нас силовые турбины, шагающие экскаваторы, механизированные комплексы для угольных шахт, станки, самолеты, конденсаторы, речные суда на подводных крыльях и многое-многое другое. И все это стало на глазах испаряться.

Помнится, все мы тогда ворчали: «Мало заботится о нас государство». Мы, журналисты, особенно и подзуживали читателей в своих публикациях.

Пять копеек стоил проезд в метро и автобусах, а хотелось ездить бесплатно. Получали бесплатные путевки в санатории, на курорты и досадовали, что там не «все включено». За киловатт-час электроэнергии платили четыре копейки, на том же уровне с нас брали за квартиры и газ, а мы возмущались: почему не снижают цены! В бесплатной медицине мы требовали введения института семейных врачей, а в бесплатном высшем образовании — постоянного повышения стипендий.

Просто мы привыкли с каждым годом жить лучше, и нас не интересовали проблемы властей.

Ворчать-то ворчали, но, поразмыслив, реально оценивали свой быт. Тогда не в моде были громкие социологические опросы. А вот служебные, закрытые замеры общественного мнения практиковались. Так, в конце 1982 года — по горбачевскому летоисчислению, в разгар застоя — подразделения Института философии Академии наук СССР провели анонимное анкетирование в союзных республиках. Анонимное — значит наиболее объективное. Были опрошены десятки тысяч человек. Как оценивали свое положение простые граждане по сравнению с тем, что было пять лет назад? Беру одну из самых «недовольных» республик — Украину. Вот что показало анкетирование (в процентах к ответившим):

	Вопросы	Лучше	Как раньше	Хуже
1.	Материально Вы стали жить	72	22	6
2.	Вы питаетесь	60	32	8
3.	Вы одеваетесь	64	31	5
4.	Ваши жилищные условия стали	56	36	8
5.	Вы отдыхаете	46	41	16
6.	Пассажирский транспорт работает	44	33	23
7.	Бытовое обслуживание стало	50	37	13
8.	Получить квалифицированную медицинскую помощь	58	29	13
9.	В целом Вы считаете, что стало жить	76	19	5

Можно делать скидку на «совковость» запросов тех лет, на то, как народ понимал «хорошие условия жизни». А можно и не делать. Наши люди всегда любили сытно поесть, красиво одеться, приятно отдохнуть. И хотели они от власти, чтобы она убирала с пути то, что давит идеологическим прессом, то, что мешает хорошо жить и работать.

Мешал предприятиям диктат Госплана и министерств? Безусловно. Вот и нужно было находить и устанавливать законами баланс между интересами коллективов и государства, между интересами личности и общества. А не опрокидывать с размаху все права на одну чашу весов, выдавая анархию за мать порядка.

То же самое с кооперативами. У частной инициативы был целинный простор — лесопереработка, пошив одежды и обуви, развитие прудовых хозяйств и сферы обслуживания... Продуктов питания на душу населения производилось тогда значительно больше, чем сейчас. Из развитых стран по этому показателю мы уступали только Соединенным Штатам Америки. Даже благополучная Англия на душу населения производила в год меньше России: пшеницы — на 61 килограмм, картофеля — на 118, мяса — на 2,5, молока — на 120, масла — на 3,9 килограмма, яиц — на 118 штук. Это доступные цены для всех не давали товару залеживаться на полках. Но проблема была и здесь — из-за нехватки хранилищ и перерабатывающих мощностей страна в цепочке «поле-прилавок» ежегодно теряла до 1,5 миллиона тонн мяса, 8,5 миллиона тонн молока. Крупные мясокомбинаты и многие заводы пищевой отрасли были построены еще до Великой Отечественной войны. Нужна была разветвленная сеть современных убойных пунктов, перерабатывающих цехов. Со всем этим могли справиться кооперативы. Дали бы людям свободу, беспроцентные ссуды, помогли бы с оборудованием и техникой — заиграл бы наш рынок всеми цветами радуги. Но свободу получили другие кооперативы, обирающие страну.

Я уже упомянул о митинге протеста в городе Куйбышеве. Начали показывать кулаки и рабочие других промышленных центров. А в ЦК КПСС повалили телеграммы от местных партийных чиновников: «все больше членов партии заявляют о своем выходе из нее», «начался поток выхода из партии. Подают заявления кадровые рабочие»... Кремлевская власть понимала, что тротиловый эквивалент ее взрывчатой политики нарастает. Капсюли с гремучей ртутью заложены — может бабахнуть в любой момент. А быть сметенной этим взрывом — такое в ее планы, конечно же, не входило.

Мы не знали тогда, что на уме у инициаторов экономических изысков, что они думали делать дальше. Кое-что прояснилось, когда я познакомился в архивах с Особой папкой совершенно секретных документов. Вот строки из записки того времени в Политбюро ЦК КПСС: «В связи с осложнением политической обстановки в стране Комитет государственной безопасности СССР полагал бы целесообразным создать еще 5 региональных отделений Группы «А» (Альфа) по 45 человек в каждом с дислокацией в городах Киеве, Минске, Алма-Ате, Краснодаре и Свердловске». И решение Политбюро (протокол № 182): «Согласиться с предложением Комитета государственной безопасности СССР». Кто такая «Альфа» и для чего она создавалась, думаю, рассказывать не надо. Все, кто поднимал голову против власти, были для Группы «А» террористами.

Но на «Альфу» надейся, а сам не плошай — так, наверное, прикидывали в Москве. И в регионы ушла шифротелеграмма: «Общий отдел ЦК КПСС сообщает, что в соответствии с принятым решением ЦК КПСС с введением в стране степени «Полная готовность» прием и передача шифротелеграмм осуществляется по системе шифросвязи Комитета госбезопасности СССР между *запасными* пунктами управления местных партийных и советских органов и пунктами управления страной» (Особая папка). Так зарываются в землю на случай войны. А поскольку внешние враги у нас к тому времени стали друзьями, оставался один супостат — свой народ. Впрочем, у наших властей перемирия с народом не бывает.

Готовились погреба и для высшей знати страны. За подписью Николая Рыжкова вышло распоряжение Совмина № 2833 рс о строительстве объекта «Волынское-3» — спецособняка с подземными коммуникациями. В распоряжении говорилось: «Возложить на КГБ СССР функции генерального проектировщика по разработке проектно-сметной документации объекта и функции заказчика; выполнить строительно-монтажные работы по обустройству монолитных железобетонных конструкций, а также отделочные работы внутри объекта с применением изделий из красного дерева; Госплану СССР и Минфину СССР выделить по заявкам управления делами ЦК КПСС необходимые валютные средства, а Минвнешторгу СССР произвести в 1988—1989 годах закупки специального технологического оборудования для строительства объекта «Волынское-3».

У них под Москвой и без этого было нарыто ходов, как у кротов на запущенном огороде. Воды не хватит, чтобы выкурить оттуда кого-то. Будучи вице-премьером Правительства России, я из любопытства попутешествовал по этим подземным закоулкам. Там вожди недовольной нации могли прятать-

ся от гнева неделями, подбадривая обкомы шифротелеграммами: «Держитесь, ребята. ЦК не выдаст — народ не съест!». Но нет, им надо еще и еще. Умилительно в распоряжении место про «изделия из красного дерева». Не могли они без комфорта спускаться даже в потусторонний мир.

4

А что же Ельцин, чем был он озабочен в ту пору? Я вернулся из Нагорного Карабаха, командировка была непростой — потоки беженцев, перестрелки, представитель Москвы в Степанакерте Аркадий Вольский передвигался по автономной области исключительно на бронетранспортере. Мой сосед по кабинету Альберт Сироткин опять сказал о многократных звонках Бориса Николаевича. Уже состоялась XIX партконференция, где Ельцин просил о политической реабилитации. Уже прошли в столице первые митинги Московского народного фронта.

Мы снова сидели с Ельциным в комнате отдыха — открытые краны в ванной и умывальнике. Он признался, что реакция людей на его выступление на XIX Всесоюзной партконференции была неожиданной. Не удосужились вникнуть в суть речи, а все зацепились за просьбу о политической реабилитации. «Осуждают, — с горечью произнес Борис Николаевич, — говорят, опять Ельцин перед начальством задницей крутит».

Кто звонит ему из бывших товарищей по ЦК? Почти никто — все боятся навлечь на себя неприятности. Только позванивает Николай Иванович Рыжков как земляк земляку. Уговаривает не лезть в политику: «Тебя пристроили, будь благодарен! Займись своим делом». Не иначе как поет с голоса Горбачева. Ельцину это очень не нравилось. Ездить по стране не давали, чтобы не баламутил народ, встречи с коллективами срывали, запретами обложили со всех сторон. Он чувствовал себя как медведь на цепи: в корыте корма полно, а в лес за забором, манивший запахом свободы, не сунешься.

В советской печати имя его было по-прежнему под запретом. А ему так хотелось высказаться не за рубежом, а в своей стране, перед своими гражданами и о выступлении на партконференции и о текущей политике. Он почему-то думал, что у меня имеется влияние на редакторов центральных газет. И просил поднажать на них. Если бы все было так просто! Странно, но он все еще считал редакторов самостоятельными фигурами. Я пообещал переговорить с Егором Яковлевым, главным редактором «Московских новостей». Хотелось помочь человеку, придавленному несправедливостью и местью обнаглевших от вседозволенности чинуш.

Егор был заводным человеком и обожал популярность. А популярность приносили острые публикации. «Московские новости» официально представлялись газетой не партийной, а учрежденной, как я уже говорил, общественной организацией АПН. В ней разрешались кое-какие вольности. И этим пользовались журналисты. Я предложил Яковлеву сделать с Ельциным большую беседу — это будет гвоздевой материал. Он сначала отмахивался, а через пару дней подошел ко мне и сказал: «Давай, делай!».

На даче в Успенке мы просидели с Ельциным половину субботнего дня — я пытался выдавить из него как можно больше разумных идей. И с сожалением обнаружил, что Борис Николаевич застрял в прошлых обидах и что для него нет темнее зла на земле, чем Егор Лигачев. Мы долго жевали эту подпахшую тему, затем я сказал ему: стоп! Надо обсуждать перспективу. Нравится Ельцину обстановка в стране? Нет! Почему? Нравятся экономические реформы? Нет! Почему? Что бы он делал сам на месте кремлевской власти?

Постепенно Ельцин разговорился — он как бы почувствовал себя на трибуне, перед толпой. Емко анализировал ситуацию, давал злые оценки не личностям, а действиям всей власти. Он, видимо, давно не спорил ни с кем, и родничок его мыслей засосало унылостью, как песком. А вот встряхнулся, добавил ярости, и пробила свежая струйка. Вернувшись домой, я расшифровал запись нашей беседы, подчистил кое-что — получилось две газетные полосы острого материала.

У Егора Яковлева был обычай складывать в папку подготовленные к печати статьи, если они грозили ему опасностью, садиться в машину и ехать за советом на Старую площадь к члену Политбюро, секретарю ЦК Александру Николаевичу Яковлеву. Этот Яковлев давал зеленый свет материалам о репрессиях Сталина в отношении соратников Ленина, о расстреле поляков в Катынском лесу, о сговоре Молотова с Риббентропом. А критический разговор о современной политике зачастую похеривал. «Забодал» он и несколько моих материалов. Его можно понять: надо быть Иванушкой-дурачком, чтобы давать добро на подкопы под тебя самого и твою команду. И когда Егор отвез на Старую площадь беседу с Ельциным, хорошего я не ждал.

И не ошибся. Из беседы вычеркнули несколько страниц целиком, по другим тоже погулял синий карандаш (почему-то любили цензоры синие карандаши!) — материала осталось на полполосы. Причем выброшенной оказалась самая суть. Но и это еще не все. Александр Николаевич разрешил напечатать осколки беседы только в номере на немецком язы-

ке (тогда «Московские новости» выходили на русском, французском, английском и немецком). Это было издевательство. Я повез Ельцину исчерканные страницы, он походил по кабинету взъерошенный, а потом сказал:

— Черт с ними, пусть печатают хоть это. Все-таки газета не иностранная.

Он ненавидел Александра Николаевича: и за его антиельцинское выступление на октябрьском пленуме ЦК, и за травлю в печати, подконтрольной секретарю ЦК по идеологии. Я слушал его иногда и думал, вот прижучит он однажды Яковлева в темном углу и тихо придушит. Но непостижимое дело! Став президентом РФ, Борис Николаевич лелеял его и, хотя держал чуть в стороне, обеспечивал непыльными должностями. Мне до сих пор не ясна подноготная их мирного сосуществования после развала Союза.

Блокаду удалось прорвать поздней осенью, и то через ВКШ — Высшую комсомольскую школу. Под видом встречи со слушателями-комсомолятами пригласили в школу редакторов молодежных газет и редакторов многих партийных изданий из союзных республик. К тому времени в национальных образованиях на Москву оглядывались уже меньше.

Встреча продолжалась около пяти часов — вопросы, ответы. Не сказать, что Ельцин искрил идеями и нырял в глубину проблем, но злые слова о вседозволенности чиновников, о круговой поруке в коридорах власти людей задевали. Здесь он на всю катушку использовал популистский прием, к которому впредь будет прибегать постоянно. Газеты больше месяца печатали отчеты о встрече — на читателей хлынул освежающий поток правды. О Ельцине снова заговорили.

И тут, в феврале, как раз начались окружные собрания по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. В стране предстояли первые альтернативные выборы — люди выдвигали, кого хотели. На Ельцина был большой спрос. Его назвали своим кандидатом десятка два городов.

Все-таки силен был Борис Николаевич своей интуицией! Где ему баллотироваться, чтобы пройти наверняка? Я предлагал и Свердловск, и Петрозаводск. А в Москву не верил, считал, что Воруй-город прокатит его на вороных. Но Ельцин стоял на своем: только столица! Он должен доказать, что Воруй-город и Москва — это не одно и то же. Что именно Москва его считает своим. Он будет полноценным депутатом от национально-территориального округа, а не приживальщиком в других городах. Мне казалось, что он глубоко заблуждается. Но ошибался, как позже выяснится, не он, а я. Он волчьим нюхом чуял добычу.

У меня тоже началась предвыборная пора. Выдвигая кандидата от Союза журналистов СССР, коллектив АПН остановился на моей фамилии. Надо было пройти чистилище — поездки по стране, победы на региональных собраниях. Каждый кандидат выступал с персональной программой: с чем он идет во власть? У меня программа состояла из четырех «де» — демократизация, деидеологизация, демонополизация и дебюрократизация. Плюс обещание пробить через Верховный Совет Закон о печати, позволяющий создать четвертую власть. Думаю, эта программа сегодня даже более актуальна, чем тогда.

Командировки для поездок не оформляли, надо было мотаться по областям и республикам за свой счет. А у меня-то откуда такие деньги? В аппарате Союза журналистов СССР работал Гриша Берхин — пролаза и мастер войти в любой кабинет. Он и предложил мне шабашку. Кандидатами в депутаты народ пошел косяками, а как составлять программы — мало кто понимал. Дело-то новое. Вот денежные люди и начали искать программистов, а Гриша Берхин — тут как тут! Мы наладили с ним конвейер: я писал, он размножал и поставлял заказчикам. Заработок делили пополам. Появилась возможность поколесить по стране без срочных редакционных заданий.

Средняя Азия еще находилась в дремоте. Хотя до ферганских событий оставалось всего месяца три, ничто здесь не намекало на перемены. Импульсы из Москвы отскакивали от брони феодальных традиций — и два столетия назад правили баи и ханы и теперь тоже они, только под псевдонимами первых секретарей ЦК и обкомов. Перед автоповозками партийных баев с одинаковой смиренностью склоняли головы люди и ишаки. А на Украине скандалил с властями Народный рух, обзывал их пособниками москалей. Скандалил шумно, похохляцки. И Грузию не узнать. Чтобы организовать со мной встречу, уже бежали за разрешением к Звиаду Гамсахурдиа. Хотя был он еще никто, и звать его было никак. А в Прибалтике корректны по-западному. Только мягко давали понять, что их интересуют лишь свои кандидаты.

И вправду, разный был по составу и содержанию Советский Союз: смесь керосина с компотом. И если не сепарировать эту смесь, а взбалтывать размашистыми реформами, мог получиться отвратный напиток для всех. Горбачеву страна казалась ровным газоном, где для косилки нужен общий режим и не должно быть рытвин и валунов. А Союз был не только многонациональным, но и многоцивилизационным. Он требовал дифференцированного подхода к назревшим проблемам. И когда в отношении хозяйственных специалистов

Михаил Сергеевич прокричал в Красноярске общий призыв: «Вы их давите снизу, а мы будем давить сверху» — к нему отнеслись совершенно по-разному. В одних республиках полезли под кровать за винтовками, в других стали крутить пальцами у виска. И возводить заборы повыше.

А в Москве ждали теледебатов. В конкуренты Борису Николаевичу Воруй-город пытался выставить Андрея Дмитриевича Сахарова, но тот, естественно, отказался, пошел по списку Академии наук. Тогда номенклатура выкатила орудие в лице гендиректора ЗИЛа Бракова.

Мне позвонил «свой человек» из горкома и попросил срочной встречи в укромном местечке. Мы встретились, и он рассказал: Ельцин и Браков в прямом эфире будут отвечать на вопросы якобы избирателей. Но эти вопросы уже приготовлены в ЦК и горкоме, запечатаны в конверты, а фамилии и адреса «задавальщиков» взяты по лености исполнителей из телефонного справочника. «Будьте бдительны», — сказал мой информатор. А как предугадаешь, что они там насочиняли.

В штаб Ельцина приехала тележурналистка из Казахстана Валентина Ланцева со своей группой (потом Ланцева работала у Бориса Николаевича пресс-секретарем) и получила задачу: записать теледебаты на «видик», отследить фамилии и адреса и срочно пройти по этим адресам с телекамерой.

А дальше-то что: поймаем жуликов за руку, но как рассказать людям об этом? Так хотелось воткнуть им занозу поглубже да с поворотом — сколько же можно терпеть беспардонность партийных чинуш! Но телевидение полностью в их руках.

Позвонил Грише Берхину: «Родной мой, выручай. Срочно нужен выход на «Взгляд». Эта программа была тогда самой популярной, в ней молодые ребята иногда выдавали коленца. Гриша съездил в «Останкино» и вернулся довольный: ходы нашел, надо только подмаслить. Там уже тогда любили теплоту в отношениях. Надо так надо — договорились.

Это не были теледебаты в прямом смысле слова. Ведущий программы «Добрый вечер, Москва!» сел между Ельциным и Браковым, стал вскрывать конверты и зачитывать кандидатам вопросы по очереди, называя фамилии и адреса авторов. Бракову шли вопросы в одном ключе, примерно такого характера: «Как вам удается добиваться больших успехов?» или «Как вам удается совмещать в себе качества хорошего руководителя и хорошего семьянина?». Гендиректор сидел вальяжно, отвечал с достоинством: ну как, работаю много. Я представил, как в кабинетах горкома режиссеры этого шоу подмигивали друг другу.

Ельцину вопросы били под дых, ниже пояса. В них были перепевы выступлений участников Московского пленума горкома. После четвертого или пятого наскока Борис Николаевич набычился и стал похож на боксера, пропустившего сильный удар. Отмахивался несложными фразами, иногда невпопад. Обидно было смотреть, как он проигрывает аппарату, и крепнуть в убеждении, что Ельцин в словесных дуэлях мастак небольшой. Сторонники его были разочарованы. Хотя и понимали, что кроется за всем этим какая-то подлость.

Утром группа Ланцевой порыскала оперативно по городу: трофей оказался великолепным. Многие названные в эфире избиратели уже переехали на другую квартиру. Их нашли — они в камеру высказали свое возмущение. Другие тоже не знали, что они задавали пакостные вопросы, и высказались в поддержку Ельцина.

Сейчас точно не помню, кто позвонил — Листьев или Мукусев и пригласил вечером в студию. А днем шел холодный весенний ливень. Кассеты мне везла дочь Ельцина Таня Дьяченко. Я ждал ее под козырьком у входа в здание АПН, а она бежала по ливню от метро «Парк Культуры», сняв с себя плащ и завернув кассеты в него. Вся мокрая, волосы слиплись. Я еще подумал тогда: «Какая у Ельцина хорошая дочь. Как она заботится о чести отца!». Когда слышу сейчас о ее алчных руках, всегда вспоминаю прилипшие к лицу русые волосы.

Вели программу Сергей Ломакин и Артем Боровик. До передачи сели, выработали тактику. Я был журналист русской школы, и журналистский азарт во мне перебарывал боязнь за свое будущее. Как все было дальше, описал сам Ломакин: «На «Орбиту» поговорили о демократии, а вечером выдаем всю эту историю по полному разряду. Я не помню такого количества «членовозов» около «Останкино», как после эфира с Полтораниным. Лысенко собрал партбюро, в результате меня на две недели отстранили от эфира. Я сказал ему назавтра: «Извини меня, Сережа, что оставил тебя без куска хлеба. Две недели приезжай ко мне домой, будем вместе грызть сухари». Он понимает горькие шутки, но один раз мы все-таки собрались у меня на пельмени. Они ему понравились. Артем Боровик не был штатным сотрудником телевидения. Репрессии его не коснулись.

А наутро после «Взгляда» у Моссовета собралась стихийная демонстрация. Все требовали расправы с гнобителями Ельцина. По Москве пошел шум недовольства. Вечером после программы «Время» на телеэкране несколько минут висела серая заставка, как перед объявлением войны, а потом проклюнулся диктор с сообщением Политбюро. В нем говорилось, что я

сочинитель инсинуаций, а они в Кремле и горкоме чисты, как агнцы. Ну что с ними делать, если у них сплошь божья роса. Если думают они не головой, а каким-то закрытым от постороннего глаза местом. Ельцин выиграл выборы с разгромным счетом, набрав 90 процентов.

Мне предстояло избираться через несколько дней после выхода «Взгляда». Квота для Союза журналистов СССР составляла десять депутатских мест, а предварительное чистилище прошли 150 кандидатов со всей страны. Наиболее одиозные фигуры — апологеты партийных порядков не выдержали конкуренции: их срочно перебросили в «Красную сотню» — список депутатов от КПСС. Кто-то сам снял свои кандидатуры, не надеясь на успех. Из оставшихся выбрать «десятку» должен был пленум Союза журналистов СССР.

Делегаты съехались в Москву — их поселили в гостинице «Украина». Вечером накануне главного действа в гостиницу заявилась большая группа работников отдела пропаганды ЦК во главе с завсектором Зубковым и начала обходить номера. Чуть ли не в приказном порядке давили на делегатов, чтобы они голосовали против меня. Работали до полуночи не покладая рук. Не видел, были ли у них на лбах следы от граблей, на которые они наступали с упертостью носорогов. Но на следующий день при тайном голосовании на пленуме я получил самый высокий результат. И стал народным депутатом СССР. А во время работы съезда был избран членом координационного совета МДГ — межрегиональной депутатской группы.

5

Весной и летом 89-го диверсанты от власти продолжали развозить гремучую ртуть по взрывоопасным участкам страны. На поверхности политической жизни царил оптимизм — крепили единство СССР указами и постановлениями, шумели митинги, буйствовал 1-й съезд народных депутатов. На нем открыто спорили о путях выхода из кризиса. А в подвалах власти за тайными непроницаемыми дверями шла другая работа, невидимая для народа, — по углублению этого кризиса.

Я встретил в Москве старого знакомого Теймураза Авалиани — его избрали народным депутатом СССР от Кузбасса. (Свое имя и фамилию ему, русскому, дал грузинский солдат, который подобрал его плачущим ребенком около убитых немцами родителей и отнес в детдом.) А познакомились мы с ним еще в 80-м, когда от «Правды» я приезжал в шахтерский город Киселевск. Там Теймураз Георгиевич, бывший директор шахты, взялся поднять обувную фабрику. И сделал ее лучшей в отрасли. Но приезжал я не по этому поводу. Авалиа-

ни написал письмо Брежневу, чтобы тот набрался мужества и ушел в отставку, поскольку уже не способен управлять страной. Дерзость необыкновенная! Через облвоенкомат директора пригласили на плановое медобследование и хотели засунуть в психушку. Но он вовремя сориентировался. И его друг, собкор нашей газеты, попросил меня приехать и от имени органа ЦК припугнуть беспредельщиков.

Мы зашли с ним на заседание МДГ. Он послушал Гаврила Попова, Анатолия Собчака, Виктора Пальма из Эстонии, сказал: «Нет, это опять словоблудие!». И потянул меня на выход. Там и сообщил новость: кто-то стремится спровоцировать в Кузбассе социальный взрыв. С чего он это взял? Много признаков преднамеренного доведения шахтеров до бунта: задержка денежных средств, запрет на выдачу спецодежды и другое. Но особенно показательно исчезновение товаров с прилавков магазинов. Сначала не стало мясной и молочной продукции, хлебных изделий. Народ загудел. Потом не стало постельного белья, носков, сигарет, лезвий для бритья. А потом исчезли с прилавков чай, стиральный порошок, туалетное и хозяйственное мыло. И все это в течение короткого времени. Шахтерам стало нечего есть и нечем умываться.

Опытный Авалиани заподозрил что-то не то. И с группой депутатов проехал по кожевенным заводам. Склады забиты мылом, на отгрузку в шахтерские города — запрет. Приехал в Кузбасс Председатель Совмина СССР Рыжков, посмотрел на все, пробурчал: «Так жить нельзя!» И отбыл восвояси, ничего не решив. Ему сказали: «Если нет у правительства денег, разрешите нам продать часть угля в Японию или Китай — мы обеспечим шахтеров продуктами. На складах угля скопилось около 12 миллионов тонн, он самовозгорелся, уходит в дым. А местные власти решить этот вопрос не имеют права». Но и здесь Рыжков ничего не сделал. Где-то разрешили гнать все и вся за границу, а шахтерам подзаконными актами самостоятельность наглухо ограничили.

Первым с ультиматумом к власти обратились горняки шахты имени Шевякова — Авалиани показал мне их документ. Обратите внимание на уровень требований: «С десятого июля спецодежду выдавать по установленным графикам; всем рабочим выдавать полотенце и мыло из расчета 800 гр. на человека в мойке; выдавать телогрейки всем рабочим и ИТР; организовать работу столовой в течение 7 дней в неделю, вывешивать заработок ИТР шахты на доску; организовать питание шахтеров в ночные смены бесплатно из расчета один рубль на человека; улучшить снабжение рабочих продуктами для дома»!!! Даже для лагеря с заключенными такие проблемы показались

бы мелочью. Их можно решить за один день. А здесь будто все сговорились сосать тянучку и доводить шахтеров до белого каления. Подняли проблему с телогрейками до Кремля.

Прилетел министр угольной промышленности СССР Щадов, повертел ультиматумом в руках: «Этот пункт посмотрим. Ну, а этот вы загнули». Он и дальше отделывался шуточками и ничего не решил. В назначенный день шахта встала. Примерно такие же требования были у других горняков. И тоже остались без удовлетворения. Как тут не поверить в спланированные действия!

Авалиани улетел домой и попал с корабля на бал. К середине июля уже бастовало 166 шахт — 181 тысяча человек. Теймураза Георгиевича избрали председателем забастовочного комитета Кузбасса.

Недели через две я встретился с первым секретарем Киселевского горкома партии Юрием Торубаровым — тоже знакомым по прежним командировкам. Киселевск был одним из главных стачечных центров. Газета «Вашингтон пост» написала, что правительство Горбачева хочет руками шахтеров развалить СССР. Я спросил Юрия Дмитриевича, как он относится к этому заявлению. Мысли других он читать не умеет, ответил Торубаров, но расскажет, как все происходило.

Забастовки начались в Междуреченске, Киселевск пока не качало. Прилетели иностранные журналисты — им рекомендовали поехать туда службы Александра Николаевича Яковлева. Расположились в гостинице и стали ждать, как ждут намеченную посадку космонавтов. Торубарову позвонили из ЦК КПСС, распорядились организовать митинги в поддержку междуреченцев, обеспечить транспорт и питание для забастовщиков. «Но забастовок-то еще нет!» — «Будут, куда вы от них денетесь». Горком выполнил рекомендации ЦК. Киселевск тоже встал.

— Что вы делаете? — сказал Торубарову корреспондент французской газеты «Монд». — Вы же страну разваливаете.

Так-то оно так, но партийная дисциплина превыше всего!

Горняцкие забастовки перекинулись на Воркуту, Караганду и Донбасс. Но все-таки эпицентром стачечного движения был Кузбасс.

Невозможно было не поддержать стремление горняков к нормальной жизни. В том числе и через забастовки. И мы болели за шахтеров. Бывая в Кузбассе, я видел, как живут многие семьи: в бараках-засыпухах постройки 30-х годов, перекошенных от времени и проседания грунта на выработках. Водопроводы порваны из-за обрушения почвы, висят угольная

пыль и газ. А тут еще очищенные жучками от политики полки магазинов.

Жадность власти часто толкала шахтеров на групповое самоубийство. В 77-м году я был включен в правительственную комиссию, которая расследовала причины взрыва на шахте «Сокурская» в Караганде. Погибло 72 человека. Расценки низкие, и горнякам надо было пахать без остановки, чтобы заработать на хлеб. А датчики автоматов все время реагировали на высокое содержание метана и останавливали технику. Нужна была предварительная дегазация угольных пластов — бурение шпуров-отверстий для выпуска газа из метановых мешков и проветривания забоев. Но это же для начальства лишняя трата денег — как-нибудь пронесет. И шахтеры, вспомнив о нуждах семьи и перекрестясь, залепляли датчики хлебными мякишами. Достаточно было одной искры от удара металл о металл — и взрыв.

Это был типичный случай с катастрофами на высокопроизводительных участках угольных предприятий. Мы выяснили, что с внедрением мощных добывающих комплексов старая система проветривания забоев не справлялась с удалением метана даже при дегазации. А новую не придумали. И наша комиссия порекомендовала отрасли уменьшить суточную нагрузку на лавы, то есть снизить производительность, подняв расценки, чтобы шахтеры не теряли в зарплате. Ради сохранения их жизней. В Караганде и Донбассе пошли на это. А «самостийный» Кузбасс проигнорировал рекомендации.

И когда сегодня показывают телесюжеты об авариях на шахтах, чаще всего просматривается та же причина — жлобы-олигархи, завладев собственностью, плюют с колокольни, как прежде, на безопасность рабочих и думают только о своем брюхе. Как бы ни прикрывали их подельники-губернаторы неудобоваримыми объяснениями.

К чести шахтеров Кузбасса они выбрали в стачкомы здравомыслящих людей типа Авалиани. Приехала на переговоры комиссия ЦК, Совмина и ВЦСПС — Слюньков, Воронин, Шалаев, а с ними налетела из Москвы целая стая экспертов-стервятников. Все тех же, кто помогал Кремлю готовить концепцию экономических преобразований. Они стали рекомендовать усилить требования шахтеров пунктами о создании при предприятиях кооперативов-посредников и праве шахтеров продавать весь уголь по своему усмотрению, прежде всего за рубеж. Это означало нанести по внутреннему рынку новый удар — оставить без сырья тепловые электростанции и коксовые батареи на металлургических комбинатах.

Представители ВЦСПС хотели руками шахтеров урвать для себя пару домов отдыха на берегу Черного моря, чтобы поживиться ими при приватизации. Добавок с политическими требованиями не предлагали — их вполне устраивали порядки. Правда, звучали предложения об экономическом обособлении области.

Но шахтеры отмели поправки представителей кремлевской власти: они не рвачи. Хотят и будут работать на государство, но и государство должно давать им все что положено. А положено — это безопасный труд, нормальные заработки, приемлемые условия жизни. Обо всем договорились с московской комиссией, но мало что впоследствии получили. И не могли получить. Не с этой же целью раздувался шахтерский пожар и закладывалась новая порция динамита под основание единства страны.

Разными причинами объясняли тогда, мягко говоря, неадекватное поведение власти. Кто-то считал, что одни группы в КГБ и Политбюро решили с помощью шахтеров тряхнуть другие. Но стоило ли ради интриг ставить на уши всю страну. Это тупая политика. А тротиловый эквивалент тупости верховной власти тоже очень большой — может разнести вдребезги все вокруг.

А если не хватало запалов для достижения разрушительных целей, решили добавить Кузбасс, Воркуту, Донбасс и Караганду? Добавили — не получилось. Пока. Попробуют в другом месте. При сверхдоверчивом народе у наперсточников от власти широкое поле возможностей. Только для чего им это? И куда они собирались девать свои коммунистические идеалы? Наш социализм с человеческим лицом, который полагалось строить по призыву властей?

А их, идеалов, давно не было и в помине. Это марксисты Плеханов с Ульяновым и догматики в раннем советском правительстве грезили мировой революцией и верили в коммунизм. Начиная со Сталина, поклоны коммунизму приобрели значение ритуала, не больше — обязательного, но несущественного, как восклицание на чих приятеля: «Будь здоров!». Сталин уже не был догматиком и с марксистской теорией обращался вольно, без пиитета. Как вспоминал Милован Джилас, бывший вице-президент Югославии, он сказал однажды Иосипу Броз Тито: «Даже при английской монархии возможен социализм».

Национализация жизнеобеспечивающих отраслей экономики и социальная справедливость — вот, на его взгляд, устойчивая база народного государства. Он считал, что, национализировав часть экономики, Рузвельт построил в Амери-

ке полусоциализм и вытащил страну из Великой депрессии. Как державник Сталин заботился об укреплении государства и создании вокруг него пояса безопасности, а идеологическое оформление этого процесса шло по инерции ленинских лозунгов. Диктатор сам был непритязательным в быту и не давал разгуляться чиновникам: власть не должна выделяться!

Еще меньше был марксистом Никита Хрущев. Но по другим причинам. Марксизм для него был прикрытием собственной непорядочности. В довоенные годы — он один из самых заметных активистов репрессий. По подсчетам доктора исторических наук М.Качанова, в 1935—1938 годах Хрущев подписал около 160 тысяч смертных обвинений в Москве и Киеве («ЛГ», № 48, 06 г.). А должность руководителя государства использовал для очистки своего окровавленного мундира, фальсифицируя историю и спекулируя марксистскими постулатами. Он под корень вырубил в стране частный сектор («Коммунизм накормит всех»?), подтолкнул наступление дефицита, но процесс огораживания номенклатуры особыми льготами еще сдерживал. Хотя из-за расхождения слова и дела блеск власти стал тускнеть в глазах общества.

Тотальное огораживание и чиновничью вольницу, как я упоминал, разрешил генсек Брежнев. По натуре своей мещанин он поднял мещанство в номенклатурной среде до уровня нормы жизни. Мир переживал потребительский бум, глобальная война уже невозможна — взаимное сдерживание ядерным паритетом. Никто не хотел сгорать в атомной топке. Но надо было говорить о природных напастях, чтобы народ не требовал большего. И надо было зудеть по-прежнему людям о коммунизме — пусть надеются, как раньше, на завтра. А при этом надо было обустраивать собственное благополучие. И власть начала жить по своим особым законам, все дальше отдаляясь от общества.

Уже выросло в этой власти новое поколение, которое с молоком матери — номенклатуры впитало в себя принцип бытия: Богу — богово, кесарю — кесарево. К черту равенство перед законом! Оно тяготилось своим двойственным положением в закрытой стране: все у него в руках, а за бугор с собой ничего не возьмешь. И тут произошло явление Михаила Сергеевича — все ограничительные загородки для чиновников он срезал либеральной пилой. Человека в рамках приличия держат вера или страх. Первого у них не было, а от второго они освобождались. Идейная, да и моральная, деградация власти достигла высокого уровня.

Людям из этой власти надоела боязнь потерять статус, а с ним и все блага. Надоело прятать лишние брюлики жен от глаз контролеров. Хотелось роскоши — открытой, наглой. При со-

хранении державы не утянешь лишнего за рубеж — возьмут за штаны. Система слежки и контроля отлажена. И надо порушить державу вместе с этой системой, чтобы в неразберихе сепаратизма и дележа территорий народы СССР еще долго таскали друг друга за волосы. Сразу они не побегут с ледорубами за предавшими их чиновниками, а потом время покажет.

Только с каким капитаном давать прощальный гудок единству державы? Это главный вопрос, и это должно быть тайной из тайн. Трудно определить персональные доли, на которые они рассчитывали или которые получили, — многие документы уничтожены, а кое-что, очевидно, лежит в тайниках ФСБ. Но и осталось немало следов — по ним видны направления подпольной работы.

Как раз в 89-м началась активная фаза вывоза капитала из нашей страны. Ожили даже те каналы, которые были налажены Комитетом госбезопасности прежде, но по тем или иным причинам дремали. Еще в 1969 году решением Политбюро № П111/162 («Особая папка») был создан Международный фонд помощи левым рабочим движениям. Долевой взнос КПСС составил 14 миллионов долларов, а годовые взносы колебались в пределах 16—17 миллионов. В 89-м эта сумма почти удвоилась. Дополнительно валюта шла по адресным назначениям — якобы на покупки типографий, телеоборудования, спецтехники для товарищей по идеологическим битвам. Битв уже не было, товарищи, преданные перестройкой, сложили оружие, а деньги шли. Куда? Отчетов КГБ не представлял и даже шутил иногда по этому поводу.

Ирландской республиканской армии (ИРА) было выделено несколько миллионов долларов. Договорились, что спустят контейнер с ними на плотике в назначенном месте, когда советское судно будет проходить у берегов Великобритании. Ирландцы ждали, корабль прошел, но никакого плотика не было. «Ищите лучше!» — ответили им из КГБ на запрос. Наверно, до сих пор ищут, а деньги превратились где-нибудь в виллу на Лазурном берегу.

По отработанной схеме сливал за рубеж богатство страны и Совмин. Вот он распорядился выдать Госбанку СССР 50 тонн чистого золота. Гохран передал это золото Госбанку, а через трое суток возвратил в Совмин экземпляр его распоряжения. Все, следы вроде бы замели. Госбанк передал это золото во Внешэкономбанк СССР. Безо всяких сопроводиловок (опять для того, чтобы не наследить). Курьеры с мандатами КГБ вывезли золото за рубеж и положили в хранилища совзагранбанков — филиалов Внешэкономбанка — в Лондоне, Париже, Женеве и Сингапуре. Официальная «крыша» опера-

ции — закупка продуктов питания для тех же шахтеров. Но в страну вернулось несколько мелких партий туалетного мыла.

А где же наше золото высочайшей пробы? Тю-тю! Оно уже продано ювелирным фирмам, а деньги положены на анонимные счета определенных людей. Тех людей, которые морочили нам головы о светлом будущем советского человека, а кое-кто морочит и сегодня. Счета находились под контролем у ЦРУ, и справки по ним контора давала только своему президенту. А уже президент США с этими справками на руках продавливал интересы своей империи и подлинных хозяев ее и всего мира — нью-йоркской финансовой камарильи. В начале сентября 90-го супербанкир Леопольд Ротшильд обратился к Горбачеву с «личным и конфиденциальным» посланием из Лондона, где якобы сожалел об ухудшении советской экономики. И откровенно косил под дурачка, предлагая раздеться догола: их «банкам требуется больше информации о золотом запасе Советского Союза и о масштабах его использования в последнее время». Хотя на Западе и без того многое знали. Как меня просветили специалисты, по описанной мной схеме с 89-го по 91-й ушло из страны около двух тысяч тонн золота.

Кто не помнит пустые магазины той поры, которые вроде бы должны были трещать от изобилия за проданный драгметалл! А рыжковский Совмин уже шел дальше. Совсекретным распоряжением («Особая папка») он установил специальный (не для всех) курс валюты: одним продавать доллар за 6 рублей 26 копеек, а управделами ЦК — за 62 копейки. Эмиссия позволяла дельцам от власти брать рубли в Госбанке без счета и обменивать на валюту. Миллиарды долларов ушли за границу, а вместо них в подвалы Гохрана свалили советские «фантики».

Это позволило управделами ЦК Николаю Кручине начать масштабное освоение зарубежной целины. Из его совсекретной записки в Политбюро «О развитии хозяйственно-экономического сотрудничества КПСС» (на ней резолюция: «Согласиться» и визы всего руководства, начиная с А.Яковлева) видно: создаются совместные акционерные общества с австрийцами, киприотами, поляками, финнами. С английскими фирмами будет использован лом цветных и черных металлов с территории советских воинских частей (какой там лом — вооружение?), расположенных в Польше и Венгрии. Даже к Нью-Йорку тянулась рука управляющего делами ЦК.

Он вовсю пахал по заданию партийно-кагэбистского руководства и на это партийно-кагэбистское руководство. И мне очень жаль моего старого знакомого Николая Ефимовича Кручину: неблагодарные товарищи в августе 91-го сбросили

его из окошка квартиры, замаскировав преступление под самоубийство. Он не мог это сделать, но мог кое-что рассказать, поскольку был по-сибирски человеком открытым.

Кажется, всем успели распорядиться кремлевские власти. Но болталась под ногами еще мелочевка — госдачи. И в конце января 89-го вышло совместное постановление ЦК и Совмина № 108-42 (Гриф «Сов.секретно») за подписями Рыжкова и Горбачева. В нем комитету госбезопасности поручалось распорядиться госдачами, в том числе «Семеновское», «Заречье-6», «Вешки-1», «Вешки-2» и «Сосновка-3». Наверно, Михаил Сергеевич рассчитывал на передачу собственности в пользу «нищих». Но забыл, с кем связался. По каким промежуточным переулкам эти дачи гуляли, знать не так интересно. Но пристроились они в этой жизни неплохо. «Состовка-3», например, сначала попала к нефтяной компании «Эвихон», а потом очутилась у близкого к Кремлю олигарха Михаила Фридмана. Рядом с ним другие олигархи. Черт возьми, они все что ли выросли из шинели Комитета госбезопасности!

Не берусь подсчитать, во сколько обошлась тогда нашей стране гремучая ртуть из Кремля. Из КГБ. Из Совмина. Из других центров легальной и тайной власти. Да и кто теперь за это возьмется! Все только знаем, что очень дорого. Но ходили мы еще по цветочкам. А расплата по полной программе была и будет пока впереди.

И Ельцин, хотя сидел еще тихо, но уже расправлял подсохшие крылья, счищая с себя последнюю номенклатурную шелуху. Он готовился к вознесению.

Он говорил мне потом, что к власти вел его бог. Если под богом Борис Николаевич имел в виду Михаила Сергеевича Горбачева с его окружением, с его политикой, тогда, безусловно, был прав. Не будь Ельцина, этот бог с ничтожно маленькой буквы должен был вознести кого-то другого. С таким же умением апеллировать к недовольству народа, с таким же желанием положить в карман власть. Сверхблагоприятная среда была создана Кремлем для превращения вчерашних соратников в вождей протеста.

В стране начиналась большая игра на опережение. Опасная игра. И мне пришлось быть свидетелем того, как это происходило.

Глава III

Как пилили державу

1

Неприятностей в моей жизни хватало. И в реке я дважды тонул, и били меня, а однажды чуть даже не подстрелили в тайге. Я еще пацаном ползал с дубинкой в густых зарослях шиповника, гоняясь за молодым глухарем, а подошедший охотник принял меня за росомаху и пальнул по кустам. Пуля порвала фуфайку и обожгла плечо. Позже, в августе 91-го и октябре 93-го, попал в расстрельные списки недругов — сначала у членов ГКЧП, затем у команды и.о. президента России Руцкого. И каждый находил для этого свои доводы.

А вот когда толпа волокла меня распинать на кресте, я не мог объяснить причину такой свирепости. Крест был сколочен на скорую руку: поперек ствола дерева прибит шершавый деревянный брус. И рядом люди — с молотками и гвоздями. А распинать на сельском стадионе в южной Грузии меня тащили по распоряжению Звиада Гамсахурдиа. Как я там оказался — история особая. С нее и начну.

В конце работы первого съезда, в июне 89-го, из нас, народных депутатов, сформировали временные комиссии, которые утверждали структуру и членов правительства СССР. Все шло без сучка и задоринки, пока на заседании нашей комиссии не появился министр газовой промышленности Черномырдин. С только что назначенным на съезде премьером Рыжковым он согласовал проект преобразования союзного министерства в концерн «Газпром» и принес его на утверждение.

Мы попросили Виктора Степановича представить весь пакет документов и взяли тайм-аут для их изучения.

Биография отрасли была мне известна по журналистским командировкам. Все последнее десятилетие страна напрягалась до хруста костей, создавая газовую империю. Усекались бюджетные вложения на дороги, школы, больницы и жилье в Центральной России — деньги шли на закладку северных городов Новый Уренгой, Ноябрьск, Ямбург, Пуровск... Открывались и обустраивались уникальные месторождения. Транспортные магистрали диаметром 1420 мм протянулись на 20 тысяч километров. Советский Союз по добыче газа вышел на первое место в мире. И последний аккорд: была создана ин-

фраструктура для продажи сырья за рубеж — газопроводы Уренгой — Помары — Ужгород (4500 километров) и Ямбург — Западная граница СССР (3473 километра).

И вот на все это богатство Черномырдин положил свой номенклатурный глаз. Могущество империи создавал бывший министр Сабит Оруджев. А рыжковский выдвиженец Черномырдин сочинял справки, работая в аппарате ЦК. Теперь он попросту решил приватизировать союзную отрасль.

По плану Виктора Степановича, министерство упразднялось и все его обязательства ложились на государство, точнее, на население, или, еще точнее, — на нас с вами. А всеми правами вместе с движимым и недвижимым имуществом одаривалась группа шустрых людей. За концерном сохранялись централизованные фонды, распределяемые Госпланом и Госснабом, а также функции союзного министерства во внешнеэкономической деятельности — экспорт, импорт. Он создавал свою сеть коммерческих банков, совместные предприятия за рубежом и посреднические структуры для торговли газом. И — сухой остаток проекта! — расходовал народные деньги по усмотрению группы директоров на принципах самоуправления.

Еще впереди были фокусы Черномырдина с рассовыванием России по сундукам олигархов — и нам такой замах показался чересчур откровенным. Мы чуть не задыхались от неловкости и возмущения. В комиссии были депутаты из разных республик: прибалты смотрели на все с равнодушным спокойствием, но россияне смело катили черные шары. И комиссия высказалась против проекта. Черномырдин слушал наши резоны, краснея от недовольства, молча встал и стремительно двинулся к выходу.

— Побежал ябедничать к Рыжкову, — съехидничал кто-то из депутатов. Мы все засмеялись, довольные результатом голосования. И зря: рано пташечка запела.

Была еще одна попытка пройти через нас — неудачно. И тогда тех, кто шумел громче всех, выражая свое несогласие, выдернули из состава комиссии — заменили на «тюбетейки». Так называли опору цековского аппарата — депутатов Туркмении и Таджикистана. Но выдернули нас под благовидным предлогом.

Меня вызвали в Кремль и назначили зампредом комиссии Верховного Совета по расследованию ферганских событий и обустройству турок-месхетинцев. Пришлось спешно паковать дорожную сумку и отправляться в Узбекистан. Других ершистых депутатов разбросали тоже по дальним точкам Союза.

В Узбекистане мне и сообщили звонком из Москвы, что создание «Газпрома» Черномырдин с Рыжковым пробили. В заявленном варианте. Приватизация сверхдоходной отрасли состоялась. Ельцин потом еще добавит чиновникам возможностей для обогащения. И станет «Газпром» для проходимцев всех мастей дойной коровой. А кормить эту корову будет народ через скачущие вверх тарифы на газ.

Июньскую жару в Фергане усиливали пожары — горели дома месхетинцев, валялись трупы на улицах. Погромщики на грузовиках и автобусах шныряли по городу — у всех в руках было оружие. Они гонялись за турками, но доставалось и русским. Размахивая зелеными полотнищами, недоросли-погромщики слали угрозы «старшему брату». Милиция помогала бандитам.

Кто должен возглавить борьбу за порядок? Ферганский обком партии и облисполком — так полагали члены комиссии. И мы поехали на встречу с руководителями этих организаций.

В Узбекистане я бывал часто — как и в других республиках Средней Азии. И наблюдал за эволюцией поведения местной бюрократии. Народ как был гостеприимным, приветливым и покорным, таким же и оставался. А вот чиновники в отношениях к Москве и России менялись. С каждым годом в них поднимался уровень национального высокомерия и эгоизма.

Еще лет семь назад они кидались брататься с командированными из столицы Союза, а в последнее время стали встречать бурчанием о кознях России. Я уже отмечал, что разрушение экономических связей между республиками в 88-м сыграло негативную роль. Но больше всего развращал местную бюрократию пофигизм Центра к искусственному раздуванию сепаратизма.

Народу было выгодно жить под общей крышей державы — всегда можно найти управу на своих чиновников-беспредельщиков. А местной знати очень хотелось избавиться от контроля Москвы, чтобы побайствовать вволю. И ей нужны были аргументы для объяснения соплеменникам, почему надо уходить из Союза. С экономическими аргументами кремлевская власть помогла. Не поскупилась и на политические.

Идеологическая служба ЦК сама копалась самозабвенно в грязи советской истории. Трясла, разбрызгивая нечистоты, пактом Молотова — Риббентропа, выискивала и подавала тенденциозно забытые факты притеснения нерусских народов страны. Смотрите, в какой клоаке вы жили и продолжаете

жить! Будто не было в тот драматичный момент более важных проблем. Эта служба проповедовала политический мазохизм и поощряла в СМИ самобичевание и самоунижение представителей титульной нации. Стало хорошим тоном проходиться с трибун по имперским замашкам Москвы и болтать об эксплуатации русским народом окраин Союза.

Какая эксплуатация?! Те же узбеки хорошо помнили ташкентское землетрясение 66-го, когда в городе было разрушено 36 тысяч жилых домов и общественных зданий. Прилетели Брежнев с Косыгиным, осмотрели руины и перебросили в Узбекистан все стройуправления России вместе с техникой и материалами. А Россия сказала: «Потерпим!». Шесть лет возводили русские люди в Ташкенте микрорайоны, дворцы, спортивные комплексы. Были массовые переброски строительных армий в Киргизию и Казахстан. Россия только вздыхала: «Потерпим!».

Мне пришлось быть однажды свидетелем спора между Кунаевым и Рашидовым: в чьей столице больше отделанных мрамором фонтанов — в Алма-Ате или Ташкенте. Рашидов, кажется, назвал цифру «130». Кунаев задумался и сказал, что Алма-Ата их скоро догонит. «А мы опять перегоним», — засмеялся Рашидов. Я видел часть этих фонтанов, на фоне дворцов — богатое зрелище. И видел утопающие в бездорожье деревни русских «эксплуататоров» — в Калининской, Вологодской, Псковской и Ленинградской областях. Избы, крытые осиновой щепой, в каких жили наши предки еще тысячу лет назад.

В Ферганском обкоме нас встретили очень недружелюбно. Там же сидели представители облисполкома. Они пили зеленый чай из пиал с изображением коробочек хлопка и всем своим видом давали понять, что с представителями союзного Центра им разговаривать не о чем. Обращаю внимание: на дворе стоял только июнь 89-го. Председателем нашей комиссии был Леонид Александрович Горшков — бывший горный инженер и бывший первый секретарь Кемеровского обкома — интеллигентный, выдержанный человек. Он болел (и в начале 90-х ушел из жизни), и мы его потом оберегали от поездок в другие регионы. А здесь Леонид Александрович пустил в ход всю дипломатию, все свое обаяние, но перед нами была каменная стена: месхетинцы не должны оставаться в Узбекистане. Стало понятно, что погромщики появились не вдруг — операцию спланировала местная власть. У местных властей тоже достаточно тротилового эквивалента, чтобы устраивать локальные взрывы.

— Мы приютили турок во время войны, — сказали в обкоме нам на прощание. — Теперь пусть убираются домой, в свою Грузию.

«В свою Грузию» — это в закавказскую местность под старым названием Месхет-Джавахети, откуда в 44-м 90 тысяч турок-месхетинцев были депортированы, якобы за сотрудничество с фашистами. Их расселили в Узбекистане, а часть в Казахстане и Киргизии. Притерлись с соседями — жили в мире и дружбе, но вот закружили над этой дружбой враждебные вихри. Убито было в столкновениях около 200 человек.

В приемной секретаря обкома меня познакомили с двумя молодыми узбеками. Симпатичные рослые парни. Они представились членами национального движения «Бирлик», образованного недавно. Что ребята делают в обкоме партии? «Услышали, что комиссия из Москвы, пришли на разведку». А чем занимается «Бирлик»? «Освобождаем народ от советского колониального ига», — не без иронии сказал тот, что чуть помоложе. Теперь-то известно: «Бирлик» создавался с помощью органов госбезопасности для раскачивания ситуации. А как только Союза не стало, узбекская власть прихлопнула это движение, отказав в перерегистрации. Но тогда ребята должны были активно морочить головы легковерам.

Бежавшие из города месхетинцы расположились лагерем за летным полем Ферганского аэропорта — их было около 20 тысяч человек. Мужчины, женщины, дети. Подразделения Советской Армии окружили лагерь оборонным кольцом, защищая беженцев от погромщиков. В одной из палаток мы собрали старейшин и обсудили ситуацию. Она была аховая.

Ни воды, ни еды. Делятся своими пайками солдаты. А нашкодившая власть о людях забыла. Послали месхетинцы делегацию в Тбилиси на предмет своего возращения на историческую родину, но оттуда делегацию выпроводили нецензурными выражениями. Грузины дали понять, что их граница для турок закрыта навсегда.

И теперь беженцы требовали от комиссии Верховного Совета СССР применить державную власть и переправить их хоть на танках в Месхетию. «Кто-то управляет страной? Вы понимаете, что происходит?» — вопрошали старейшины. Мы кое-что понимали, но до полной ясности было еще далеко.

Я предполагал, какими трудными будут переговоры с грузинами, а ехать в Тбилиси все-таки надо. Но прежде нужно было слетать в Ташкент — почему не шевелится республиканская власть? Возможно, она предложит что-то разумное, попросит месхетинцев перебраться в другие узбекские области.

А за палатками уже шумело людское море: тысячи женщин требовали обещаний от членов комиссии. А что мы могли им сказать? Пустых слов они уже наслушались вдоволь. Вышли к людям, начали говорить о своих намерениях. И вот сначала одна, потом другая, потом третья, четвертая поднесли к нам грудных младенцев и положили у ног прямо в пыль.

— Забирайте себе, — кричали женщины, — нам нечем кормить их. И все равно их здесь убьют.

Когда старейшины обругали женщин на своем языке, они взяли детей назад.

К армейскому оцеплению на близкое расстояние подкатили два грузовичка с молодыми узбеками. У них в руках было оружие. Они стали орать непристойности и кривляться, кто-то приспускал штаны и поворачивался задом к солдатам. Солдаты молча смотрели на все это, прижимая к груди автоматы.

С нами были армейские генералы — чины Средне-Азиатского военного округа. Это была их зона действия. И я по наивности сказал им:

— Уже над армией издеваются. Как вообще такое возможно — людей жгут, убивают, а наша армия не вмешивается.

— И не будет вмешиваться, — ответил военный в погонах генерал-лейтенанта. — После того как политики предали армию в Тбилиси, никто теперь пальцем не шевельнет. Вы же нам законов не дали.

О каких законах он говорил, я не совсем понял. Скорее всего, о порядке использования Вооруженных сил во внутрисоюзных конфликтах. Четкой регламентации до сей поры не было, хотя обстоятельства требовали. А вот то, как кремлевская власть предавала военных, происходило на моих глазах.

2

Едва открылся первый съезд народных депутатов, как на трибуну выскочил латвийский депутат и предложил почтить вставанием память жертв 9 апреля 89-го. Он говорил о девятнадцати погибших грузин во время разгона солдатами тбилисского митинга. Я плохо знал прибалтов-депутатов — они кучковались отдельно от всех. С ними по очереди хороводились то Александр Яковлев, то Михаил Горбачев. И фамилию латвийского выступавшего я не запомнил. Мы все поднялись, помолчали минуту — святое дело помянуть погибших.

Но на каждом очередном заседании съезда выходили на трибуну представители Грузии или других союзных республик и возвращались к тбилисской истории. Говорили подолгу, рисуя страшные картины имперского насилия, обвиняли

в зверствах советских солдат. Получалась такая картина: на площади собрались почтенные граждане — пели, танцевали, читали стихи. А Советская Армия в лице воздушно-десантного полка ворвалась в гуляющую толпу и учинила побоище. Руководил карательной операцией командующий Закавказским военным округом генерал-полковник Родионов. Он сидел с нами в зале, и лицо его выражало полное недоумение.

Кто Родионову давал команду из Москвы? Этот вопрос депутаты задавали неоднократно. Михаил Горбачев отвечал: «Не я!» Он вроде только что вернулся из Англии и не был в курсе событий. Председатель Совмина: «Не я!». Министр обороны: «Не я!» И так по цепочке все кремлевское руководство. Вопрос: а можно ли было обойтись тогда без военных, вообще не звучал. Выходило, что Пиночет-Родионов чуть ли не с бодуна самовольно решил потренировать армию на мирных грузинах. Многие в зале не знали деталей тбилисских событий и в перерывах пытали друг друга: что же произошло?

А в Грузии лопнул нарыв. Эта республика была в Советском Союзе на особом положении — островок развитого феодализма в море заскорузлого социализма. Здесь всегда правили не законы, а кланы. Еще Сталин щадил грузин по-землячески по части налогов и разных поборов. Хрущев их старался не трогать. А приятель Брежнева Василий Мжаванадзе, руководивший республикой до 72-го, открыто покровительствовал подпольным «цеховикам» и фруктовой мафии. Он очистил хлебные должности от клана гурийцев, расставил повсюду мегрелов — и те взяли под контроль весь легальный и криминальный бизнес. Высшее руководство республики, естественно, ходило «в долях». Абхазия при этом была как Золушка — она снабжала фруктовую мафию дешевым сырьем.

Гуриец Эдуард Шеварднадзе, сменив ушедшего на пенсию приятеля Брежнева, стал очищать хлебные должности от мегрелов и возвращать на их места людей из своего клана. Работы было невпроворот: Эдуард Амвросиевич успел выгнать с работы только 40 тысяч чиновников — мегрелов и посадить 30 тысяч человек. Контроль над легальным и нелегальным бизнесом перешел к тому, кому надо. Абхазия при этом по-прежнему считалась Золушкой и оставалась под игом фруктовой мафии.

Михаил Горбачев перетянул в 85-м Шеварднадзе в Москву, сделал членом Политбюро и руководителем МИДа. Московский гуриец оставил в Грузии вместо себя гурийца Джумбера Патиашвили. Но тот не оправдал надежд клана — стал сдавать одну позицию за другой. Начали активно поднимать го-

лову мегрелы во главе со своим вождем неистовым Звиадом Гамсахурдиа. Им хотелось вернуть контроль над легальным и особенно нелегальным бизнесом. И пошарить в абхазских сусеках.

В середине 88-го горбачевская команда озвучила, походя, план реформирования Союза ССР на либеральной основе. Задумывалось отказаться от иерархического принципа построения СССР и предоставить всем автономиям равные права с союзными республиками. Для многонациональной страны такая политическая бомба в тротиловом эквиваленте была повыше, чем бомбы Хиросимы и Нагасаки, вместе взятые. Я еще вернусь к этой теме. А тогда люди вздрогнули: будто черт дергал кремлевскую власть за язык.

Они ляпнули без серьезного обсуждения и на время забыли. А национальная элита автономий радостно возбудилась. Какая перспектива! В СССР было 20 автономных республик и восемь областей с округами. Это сколько же появится новых министерских и других престижных должностей! И первой зашевелилась Абхазия. Она решила сработать на опережение и сразу направила Горбачеву письмо с требованием «вернуть Абхазии статус Советской Социалистической республики, каковой она являлась в первые годы Советской власти (1921—1931 гг.)». Кремль никак не отреагировал. Но копия письма оказалась в штабе Гамсахурдиа. 18 марта 89-го абхазы на съезде «Аидгылара» приняли повторное обращение к Михаилу Сергеевичу и попросили присоединить их автономию напрямую к СССР.

Компания Гамсахурдии решила тоже идти на опережение. Там прикинули, сколько появится союзных республик на территории современной им Грузии — Абхазская, Аджарская, Юго-Осетинская и Грузинская. И везде надо делить землю с боем. Сначала в партийной прессе Грузии, подконтрольной, кстати, секретарю ЦК КПСС Александру Яковлеву, пошла волна статей откровенно расистского характера. Журналы «Критика» и «Молодой коммунист», газеты «Ахалгазда иверiели» и «Ахалгазда комуниси» пестрели заголовками «Грузия для грузин» и грозили: «Возьмем в руки оружие и гостям укажем дорогу туда, откуда они прибыли пару веков назад». Это про русских людей. И про московских политиков, которые провоцировали Абхазию. Вам, читатель, не видится в этом схожесть с нынешними событиями?

А в начале апреля Гамсахурдиа организовал на площади Тбилиси запрещенный митинг с требованием выхода Грузии из состава СССР. Были созданы отряды из спортсменов и

крепких мужиков, вооруженных металлическими прутьями, цепями и камнями. Здесь же шел сбор средств для покупки огнестрельного оружия. Ну а вокруг боевых отрядов расставили женщин, подростков и стариков. Все как полагалось у настоящих кавказских мужчин.

Не случайно депутаты от Грузии прикидывались на трибуне съезда овечками — было что скрывать. Лозунги митинга говорили сами за себя: «Давить русских!», «Русские! Вон из Грузии!». «Долой прогнившую Российскую империю». «Долой автономию!» и другие в том же духе. Это было сборище грузинских фашистов. Они выдвинули в первые ряды детей и старух, а из-за их спин швыряли в солдат из оцепления камни. Началась подготовка к погромам.

Ранним утром 9 апреля к толпе с призывом мирно разойтись обратился Католикос Грузии Илия II. Организаторы митинга бросили свой призыв: держаться! И в то же утро генерал-полковник Родионов приказал начать вытеснение людей с площади. Работали около тысячи человек — воздушно-десантный полк с саперными лопатками вместо щитов и дубинок и мотострелковый полк Внутренних войск. Началась паника. От сдавливания грудных клеток в толпе погибли 18 человек и один — от саперной лопатки. От ударов камней и металлических прутьев получили ранения 152 военнослужащих. Прилетевший в Тбилиси Шеварднадзе сказал после этих событий на совещании, что ему не понятно «как могли лидеры неформалов совершенно сознательно вести доверившихся им людей на заклание и из корыстных целей втягивать в ряды демонстрантов даже школьников младших классов — наших детей и внуков — и ставить их в первые ряды противозаконной акции». Он-то хорошо знал всю подоплеку произошедшего.

На съезде так и остался открытым вопрос: кто давал отмашку Родионову? Все свалили на него. Осудили самочинство генерала и Советской Армии. Только позже под давлением Анатолия Собчака Егор Лигачев признался, что решение принимали члены Политбюро под председательством Горбачева. А зачем было напускать тумана и прятать головы в песок, словно страусы? Или они совсем потеряли ориентиры в потемках своей замысловатой политики и стали считать защиту целостности страны греховным делом?

У наших вождей было и остается какое-то детское представление о существе и формах большой политики: надо выскочить незаметно из подворотни, пульнуть чем-то в прохожего и так же незаметно обратно нырнуть — я не я, и хата не

моя! Это от привычки жить в бесконтрольном режиме, где мозги зарастают салом. Попробуй удержаться у власти с таким поведением в нормальном государстве! И политикам, взошедшим на Олимп не в результате закулисных интриг, а в конкурентной среде, тоже приходится принимать серьезнейшие решения. Но ответственность за них они непременно берут на себя, не перекладывая на стрелочников.

Если на улице появляется лозунг: «Россия для русских!», нынешние телеподручные питерских олигархов (ТПО) начинают пугать народ русским фашизмом. Если где-то кричат: «Долой русских!», ТПО шепчет о росте национального самосознания. Все смешалось в моральных критериях! Для меня, как и для других русских людей, повидавших прелести межрасовых столкновений, эти лозунги смердят одинаково.

И в Тбилиси, и в Фергане были, как ни крути, фашистские вылазки! Национал-экстремисты прощупывали на прочность центральную власть и в целом Советский Союз. Даст власть им по зубам — отступят. Заскулит, покажет слабину — пойдут дальше. Горбачев повторял, как молитву: «Действуем только политическими методами». И доводил ситуацию своими зигзагами до критической точки. Но политические методы предназначены для политической борьбы. А к погромщикам, поднявшим руку на целостность многонациональной страны, во всех государствах иной подход.

Спустя несколько лет в разговоре с Горбачевым я напомнил ему о Тбилиси и Фергане и спросил, как он оценивает уровень демократии в США. Михаилу Сергеевичу вопрос показался странным и с каким-то подвохом. А какой в нем подвох! Он не раз отмечал устойчивость принципов американской демократии, да и мир принял ее чуть ли не за эталон государственного устройства. Там во главу угла ставят защиту конституционных прав граждан и придерживаются только политических методов борьбы.

И когда весной 92-го толпы чернокожих и латиноамериканцев вышли в Лос-Анджелесе с призывами: «Громить белых!» и начали жечь их имущество, демократия не побоялась показать мускулы. Потому что нависла угроза над целостностью страны. Не прячась за армию, президент США объявил о своем решении погасить межрасовый пожар, чтобы сохранить государство. В Лос-Анджелес были брошены около десяти тысяч национальных гвардейцев и около пяти тысяч военных с агентами ФБР. Они убили в столкновениях 15 человек и арестовали 12 тысяч погромщиков.

Всем было жаль погибших. Но абсолютное большинство граждан страны поддержало действия власти. Оно понимало, что иначе и быть не могло. Если люди из команды президента не озвучивали планов о повышении юридического статуса графств (counties) и муниципалитетов до уровня штатов, значит с головой у них все в порядке. Значит им можно доверять.

Если власть давит силой социальный бунт своих граждан или антиправительственные акции, это воспринимается всеми как тягчайшее преступление. И так должно восприниматься всегда. Но если жестко останавливает уничтожение людей за другой цвет кожи или за принадлежность к другой национальности, реакция совершенно иная. Поэтому ни одна страна в мире не сказала об ущемлении свободы личности лос-анджелесских погромщиков. И их подстрекателей-толстосумов.

Это у нас демократию власть трактует как право на вседозволенность распоясавшегося меньшинства. Иную точку зрения считает крайне реакционной. Хотя новая Россия и «содрала» у США Конституцию, как двоечник в школе у соседа-отличника, но преднамеренно налепила столько ошибок, что превратила разумного Павла в однобокого Савла.

3

Но вернусь в Узбекистан. С большой группой генералов мы прилетели в Ташкент из Ферганы на встречу с хозяином республики, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Исламом Каримовым. Позже он станет несменяемым президентом, а тогда Москва только-только утвердила его на главную партийную должность, вытащив из кашкадарьинской глубинки. Вот еще одна номенклатурная «гусеница» из многих на политпространстве СССР, взращенных Кремлем и переживших со временем качественное перерождение.

Каримов встретил нас не вставая, лишь кивнул и указал рукой на длинный ряд стульев вдоль стены кабинета: рассаживайтесь! Десять многозвездных генералов во главе с командующим военным округом и командующим Внутренними войсками МВД СССР молча сели, я как руководитель комиссии-делегации придвинул свой стул поближе к хозяину и спросил: «Как будем решать проблему с турками-месхетинцами?» 20 тысяч месхов ждали ответа у аэропорта Ферганы, еще 40 тысяч заняли глухую оборону в соседних городах и поселках, защищаясь с помощью солдат Советской Армии от узбекских националистов. У погромщиков, очевидно, был единый организационный центр.

Под Каримовым было кожаное зеленое кресло, которое издавало при вращении тихий писклявый звук. Хозяин кабинета повернулся в нем несколько раз, заполняя тишину кошачьей музыкой, и сказал примерно следующее: месхи трудолюбивый народ, но они занимают хорошие узбекские земли, которые нужны коренным жителям. Они хитрые, прилипли к плодородной Ферганской долине. Пусть люди сами разбираются, кому что принадлежит. Разве нет для турок других мест, кроме Узбекистана? Если нам их жалко, мы можем забрать беженцев в Россию.

— А к нам со своими порядками больше не лезьте, — заключил Каримов. — Нечего вам здесь делать. Кончилось время Москвы.

У человека еще не высохло на губах молоко кремлевских назначителей, а он уже фонтанировал таким антироссийским презрением. Хороша же была кадровая политика горбачевско-лигачевского Политбюро. Оно смещало партийных деятелей брежневской поры — кого на улицу, а кого переводом в столицу на второстепенные должности, — нередко выплескивая ребенка вместе с водой и отдавая важные регионы на откуп националистам. Так было с Украиной, Прибалтикой, Средней Азией и другими. За некоторыми смещенными ходила слава сукиных сынов, но, как говаривал вечно живой учитель членов Политбюро, это были «свои сукины сыны» — державники. А вместо них пришли сплошные «сукины сыны», но совсем чужие для Советского Союза. Случайно ли?

Генералы слушали хозяина кабинета молча, обмениваясь короткими взглядами. У некоторых из них играли на щеках желваки.

Каримов тоже был народным депутатом СССР — от Кашкадарьинской области. В перерывах работы первого съезда мы пару раз сидели с ним в кремлевском буфете за одним столиком — ели куриный бульон с пирожками и пили кефир из стеклянных бутылок. И я сказал на правах «собутыльника»:

— Уважаемый Ислам Абдуганиевич! Вы согласитесь, что мы находимся на территории Советского Союза, где действуют законы СССР...

— И что из этого? — недовольно напрягся первый секретарь ЦК.

— А то, — разразился я монологом, — что на этой территории совершаются массовые преступления. И должностные лица, и вы в том числе, не только не пресекают эти преступления, но и потворствуют им. Нашей комиссии Верховного Совета даны большие полномочия. Вот сидят генералы — руко-

водители всех силовых структур нашей страны. Вот среди них первый замминистра внутренних дел СССР, командующий Внутренними войсками, генерал-полковник товарищ Шилов. Все они ждут распоряжений от комиссии...

Генералы согласно закивали, не то соглашаясь, не то подыгрывая. А я продолжал:

— Их подразделения готовы сегодня же загрузить виновных чиновников в самолет и препроводить в Генеральную прокуратуру, в Москву. Кончилось время не Москвы, а время шуток с ней...

Никто нам не давал никаких полномочий — об этом даже речь не заходила в Кремле. Я блефовал от безысходности ситуации и боязни потерять окончательно в глазах военных лицо политической власти. Но надо знать азиатских чиновников — их спеси обычно хватает до первых крутых поворотов.

— К чему такой тон — нетерпимый тон, — скривился Каримов и примирительно сказал: — Мы все коммунисты и болеем за общее дело.

К выражению «мы — коммунисты» функционеры прибегали чаще всего в моменты большого душевного напряжения, когда к ним подступала растерянность. И я окончательно понял, что секретарь не выставит меня за дверь как держиморду, а начнет предлагать компромисс. И он действительно стал рассуждать: Ферганская долина для месхов закрыта — там уже мира не будет. Но погромщиков местная власть приструнит. А вот в южные области Узбекистана, почти на границу с Афганистаном, переселить семьи беженцев можно. Правда, там климат палящий и пески. Возможно, это был заранее рассчитанный ход: кто согласится из оазиса — цветущего сада перебираться в пустыню! Но стоять на возвращении турок на пепелища комиссия не могла.

В приемной секретаря результатов наших переговоров дожидалась группа месхов-старейшин. Мы сообщили им о предложении Каримова, но они наотрез отказались. «Только в Месхетию, на родину, — твердили старейшины. — Мы же получили реабилитацию. А временно согласны разместиться в соседних республиках». Мы оставили генералов в Ташкенте заниматься вместе с узбекской властью своими делами — бороться в погромщиками, а сами полетели сначала в Казахстан, потом в Киргизию и Азербайджан. Везде была одна реакция: «У нас своих турок хватает!» Только Азербайджан согласился принять несколько тысяч беженцев при условии, что Совмин СССР перепрофилирует у него два или три хлопководческих

совхоза в овощеводческие. Для создания рабочих мест. Что и было сделано позже. А комиссия полетела в Грузию.

В Тбилиси сразу трудно было разобраться, где центр власти и с кем вести переговоры. И в президиуме Верховного Совета республики, и в Совмине нам сказали, что они ничего не решают. Мы прилетели втроем: члены комиссии Александр Горбачев, бывший директор рисосовхоза из Дагестана, Геннадий Шипитько, бывший корреспондент «Известий» в Киргизии, победивший на выборах первого секретаря ЦК, и я. После тбилисских событий вся республика будто притихла в ожидании новых событий.

Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Гиви Гумбаридзе, сменивший по воле Кремля Джумбела Патиашвили, еще вчера работал председателем Комитета госбезопасности. Молодой, цветущий гуриец — ставленник Шеварднадзе сидел в затененном кабинете один и откровенно сказал нам, что он в республике ноль и тоже ничего не решает. О переселении месхетинцев разговаривать с ним вообще бесполезно — такие проблемы он тем более не решает. «А кто решает?» — «Люди Гамсахурдиа и, конечно, сам Звиад, без его воли теперь ничего не делается». — «Где можно встретиться с ними?» — «Не знаю». Прочную опору нашло себе в Грузии Политбюро ЦК КПСС!

Лучше вчерашнего Председателя КГБ знал обстановку Зураб Церетели — нынешний украшатель Москвы железными монстрами. Мы приехали в его феодальный замок на окраине города — большая охрана, свора цепных псов вдоль высоких заборов. Он устроил сначала экскурсию по винному погребу, показал свою живопись, а потом соединил нас с другим Церетели — сподвижником Гамсахурдии. А уже через того мы вышли на самого Звиада. Нас передавали по цепочке, как завзятые конспираторы, хотя никто, конечно, не прятался — от кого было прятаться им, хозяевам Грузии!

Ухарская политика кремлевской власти, просигналившей националистам державных окраин: «Гуляйте. Вам все дозволено!», подняла на поверхность массу людей с затаенными чувствами мести. Звиад был одним из них. Сын классика грузинской литературы Константина Гамсахурдии, он доказал на себе, что природа иногда отдыхает на детях: не выделялся никакими талантами, его съедали только безмерное тщеславие и жажда власти. В 79-м Звиада арестовали в Москве в момент передачи секретных документов резиденту американской разведки. И посадили в тюрьму. Вернувшись домой, он вел себя тише воды и ниже травы. А в конце 80-х вдруг стал бить себя в грудь, будто сидел за антисоветскую деятельность, и требо-

вать прав вождя. В принципе он не врал: предательство Советского Союза хоть и с натяжкой, но все же можно квалифицировать как антисоветский поступок. И противники гурийцев, этих жадных сотоварищей Москвы, приняли его игру.

Большие глаза Звиада, немного навыкате выражали недовольство учителя непонятливыми учениками. Он даже пристыдил нас: такие хорошие люди, а занимаемся недостойным делом расселения турок. Мы сидели с ним в помещении драмтеатра, и Гамсахурдиа декламировал:

— В то время, когда наши отцы воевали с фашистами, турки прислуживали оккупантам, уничтожали достойных сынов Грузии. Их вышвырнули за дело, теперь они опять лезут туда, где нагадили. Разве не очернит это память о жертвах войны?

Его аргументация могла обезоружить. Действительно, за массовые преступления, совершаемые ее представителями, любая нация должна отвечать. Многие это до сих пор забывают и говорят, что у преступлений нет национальности. Нет, если преступления единичны. А если тысячи представителей нации промышляют разбоем или предательством?

Только при чем здесь месхитинцы? Больше 40 тысяч турок (практически все взрослое мужское население) воевали в Красной Армии против фашистов, 26 тысяч из них погибли. А в ноябре 44-го Лаврентий Берия убедил Сталина, будто Турция хочет вступить в войну на стороне немцев и месхитинцы-единоверцы начнут поддерживать ее. Рейх уже на ладан дышал, и понятно было, что Турция не собиралась идти на самоубийственный шаг. Но грузинским шовинистам с помощью Берии удалось провернуть депортацию месхов, чтобы прикарманить их земли.

Наш аргумент вызвал у Гамсахурдии гнев. Зачем грязными лапами трогать достойное имя Берии, возмущался он. Сказано, что турки Грузии не нужны, значит так и будет. И если мы — члены комиссии — сами не турки, то могли бы это понять.

А почему, собственно, все должно зависеть от воли уважаемого Звиада Гамсахурдии? Он ведь выражает личную точку зрения — у него нет государственного статуса. Если в параличе вся официальная грузинская власть, тогда пусть люди на месте выскажут свое мнение. Нужен сход граждан Месхетии. Так мы сказали нашему собеседнику.

— Сход так сход, — нехотя согласился Гамсахурдиа. — Будет вам сход!

Через день нас ждал вертолет Ми-8, мы полетели в Ахалкалакский район. Странно только, что с нами не было ни одного сопровождающего. В большой машине лишь пилоты и мы,

три члена комиссии. Нам, понятно, никто не сказал, что Гамсахурдиа решил нас проучить. Своим активистам он велел собрать на сельском стадионе сотни три-четыре крепких мужчин и объявить перед нашим прилетом, что русские на броне танков везут в их район семьи турок — будут забирать у Грузии дома и землю. А первую группу турок везет на вертолете троица московских депутатов. Пусть толпа позабавляется с нами. Это мы узнали позже, по возвращении в Тбилиси — от людей Гамсахурдии.

Был летний ясный день. Вертолет пробирался по ущельям, меж склонами гор: внизу белели поселки и зеленели сады. В неширокой долине машина сбавила скорость, стала снижаться, и вот мы увидели сельский стадион — по одну сторону поля трибуны для зрителей, а по другую — пирамидальные тополя. Народу, по нашим прикидкам, было не меньше тысячи. Вертолет завис для посадки, люди разбежались в разные стороны, и мы плюхнулись на газон. Толпа сомкнулась недалеко от машины.

Я продумывал, с чего начать непростой разговор с местными жителями, и мы спустились по лесенке, приветливо улыбаясь. Вдруг от основной массы собравшихся отделилась и ринулась в нашу сторону толпа крепких мужчин. Они повалили всех троих на землю, схватили за руки и ноги и куда-то поволокли. Вокруг стоял гвалт. Меня тащили и били снизу ногами — по спине и по почкам. В смятении мы только успевали кричать: «Что вы делаете?» Кто-то пытался оторвать у меня вместе с лацканом пиджака значок народного депутата СССР.

Нас приволокли к тополям и бросили на землю. Толпа чуть расступилась, и я увидел, как два молодых человека прибивали поперек ствола дерева шершавый деревянный брус, а еще двое стояли рядом с молотками и гвоздями. Они мастерили крест. Я попытался подняться, но с ног меня сбили пинками. «Они хотят нас распять» — мелькнула догадка. Я даже представил, как они елозят моими руками по шершавому брусу, загоняя под кожу занозы, и сказал: «Вы же христиане. Бог накажет вас за такой грех землетрясением». У меня это вылетело экспромтом, но землетрясения там случались нередко, их очень боялись.

Исполнители приговора замешкались: нас трое, а крест один — с кого начинать. Пилоты что-то кричали по-грузински толпе. Высокий усатый мужчина подбежал к вертолету, сунул голову в дверь и объявил: «Там никого нет!»

— А где турки, которых вы везли с собой? — спросили нас из толпы.

— Какие турки? Мы летели одни.

— А где сейчас танки с турками, которые идут к нам?

— Какие танки? Нет никаких танков. Кто это вам все наплел?

Они стали разговаривать по-грузински, но понятно было, что люди ругаются между собой и кого-то ругают.

— А зачем вы приехали? — спросил седовласый грузин.

— Мы прилетели на сход. Советоваться с вами...

— Нечего с нами советоваться. Убирайтесь отсюда, — заорала толпа.

Нас снова подхватили за ноги и руки и поволокли к вертолету. Раскачав каждого в воздухе, забросили, как мешки с картошкой, в машину и захлопнули дверь. Мы полетели в Тбилиси, вытирая на лицах кровь и молча переваривая случившееся.

Комиссия представляла кремлевскую власть, хотя я и мои спутники присоединились к этой власти недавно и, можно сказать, случайно. Когда-то кремлевская власть своими волюнтаристскими, безжалостными решениями вырывала народы с корнем из родной земли и, как перекати-поле, пускала по ветру. А через десятилетия кремлевская власть, не понимая всей сложности проблемы, захотела восстановить историческую справедливость и призывала депортированные народы вернуться домой. Так было, например, с крымскими татарами, ингушами и вот теперь с месхетинцами.

А где те очаги, к которым звали вернуться беженцев? Там давно укоренились и греются семьями другие. Понятие исторической справедливости абстрактная форма. Оно не совпадает с понятием справедливости у тысяч людей, которых переселили когда-то на земли высланных. Они без боя брали эти земли, но отдавать без боя были не намерены. Последствия грубых ошибок и субъективистских решений власти всегда закладывались и закладываются, как мины на поле. Могут лежать годами, но обязательно взорвутся. И взрывы тем разрушительнее, чем больше недобросовестных людей используют чье-то недовольство в своих вождистских целях.

С Гамсахурдией после этого я виделся только однажды. Летом 91-го Ельцин стал Президентом России, и на его инаугурацию съезжались главы союзных республик. Министрам правительства РФ поручили встречать и опекать их. Мне среди других достался Звиад Гамсахурдиа. Я встретил его у трапа самолета во Внукове, мы сели в одну машину и в сопровождении милицейского эскорта поехали в грузинское представительство, которое уже переоформлялось в посольство независимого государства.

Он опять сработал на опережение. В ноябре 90-го Гамсахурдиа стал председателем Верховного Совета Грузии и в марте 91-го, проигнорировав союзный референдум о сохранении страны, провел свой референдум за выход из состава СССР. В апреле 91-го Верховный Совет объявил о политическом и государственном суверенитете Грузии и о выходе из состава Советского Союза. А в мае 91-го Звиад был избран президентом страны. Он действовал синхронно с новыми руководителями прибалтийских республик — они вместе теснили неповоротливую кремлевскую власть, заставляя бросать ее на политическом поле брани богатые стратегические трофеи.

Мы ехали, не вспоминая историю с распятием на сельском стадионе, будто между нами ничего не было. И Гамсахурдиа по-отечески меня наставлял:

— Почему центральная власть путается у России под ногами? Советского Союза уже нет. Переселите эту власть куда-нибудь в Магадан.

Вид у него был при этом серьезный. Я не выдержал и сказал, что мы согласны перевести Кремль в Магадан при условии, если Звиад позовет месхетинских беженцев в Грузию.

Гамсахурдиа сделал вид, будто не заметил подначки, и мечтательно произнес:

— Если мы совместно депортируем в Сибирь всех осетин из Южной Осетии, я пущу туда несколько турецких семей.

Он оставался бесцеремонным в любой ипостаси.

В Москве членов нашей комиссии ждал еще один сюрприз. Узбекские власти обманным путем уговорили беженцев-месхетинцев перебраться на юг России, будто бы там ждут их для переселения в Грузию. Сформировали несколько железнодорожных составов и выпихнули турок из республики. Чисто азиатское вероломство! Никто Россию не предупредил — поезда прибыли на Кубань явочным порядком. Но там месхетинцами уже занялись местные власти: организовали питание и начали расселять по совхозам. А наша комиссия доложилась президиуму Верховного Совета СССР — с турками катастрофа. Да там и не ждали других результатов. Над страной уже опускалась мгла вакханалии, по стержню державы — центральной власти пошли глубокие трещины.

4

А я должен был выполнять обещание, данное своим избирателям, — работать над законом о печати. Чем и занимался до середины 90-го. Горбачев утвердил рабочую группу во главе с незамеченным в идеологических драках с номенклатурой

юристом из Чувашии Николаем Федоровым. Потом он станет министром юстиции России и президентом своей маленькой приволжской республики. Президиум Верховного Совета насовал в группу многих партийных функционеров, но они, слава богу, отлынивали от дела, чем предоставили нам, журналистам, широкий простор для работы.

Федоров оказался порядочным человеком демократических взглядов (о чем запоздало потом сокрушались его назначители) и намеченный к одобрению депутатами цековский проект закона бросил группе на растерзание. Мы рвали его, как бобик грелку, там было за что зацепиться зубами: проект сохранял предварительную цензуру с армией церберов из Главлита, оформлял принципы партийного руководства прессой и давал право на выпуск газет и журналов лишь организациям КПСС, а также подчиненным ей структурам. Проголосовали: концепция документа неприемлема!

Взяли в работу проект трех юристов — Батурина, Федотова и Энтина. В нем было много хороших идей, но дело портили многословие и большое число заумных двусмысленных формулировок. Авторы проекта иногда участвовали в работе группы: слушали предложения заинтересованно и добросовестно перелопачивали спорные статьи закона. Журналист Домионас Шнюкас, депутат от Литвы, съездил в Польшу, привез оттуда и перевел на русский язык целый пакет наработок идеологов «Солидарности» по свободе слова. Использовали в полной мере и этот материал. В общем, взяли оттуда, взяли отсюда, кое-что вписали сами — авторский проект трех юристов подтянулся, избавился от полноты и заговорил четким голосом.

Работа нашей группы была под пристальным оком цековских функционеров. Они жульничали откровенно, разбавляя «федоровский проект» противоречивыми новациями и рассылая подделки по комитетам. Для чего это делалось? А чтобы в суматохе и неразберихе пропихнуть через Верховный Совет ущемляющие свободу слова статьи. Депутат из Ленинграда, бывший известинец Анатолий Ежелев бдительно следил за телодвижениями недругов демократического варианта закона и вовремя поднимал тревогу. В очень нервной обстановке закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» был принят 12 июня 90-го.

Первые месяцы наша группа работала в небольшом зале гостиницы «Москва». Этажом выше располагался Комитет Верховного Совета по строительству и архитектуре, который возглавлял Ельцин. Я частенько заходил к нему, направляясь в

буфет, — у Бориса Николаевича почти никогда не было посетителей. Сидел, скучая, верный помощник Лев Суханов, пришедший с шефом из Госстроя, а через распахнутую дверь был виден в пустынной комнате Ельцин за абсолютно чистым столом. Он оживлялся, услышав наш разговор с Сухановым, звал к себе, и мы обсуждали положение в МДГ и перспективы политики.

Ельцин и архитектура — соседство этих слов на табличке перед кабинетом вызывало у многих улыбки. Как можно сопоставить два понятия: архитектура — тонкие кружева, а Ельцин — бульдозер, оглашавший шумом округу! Комитет Бориса Николаевича стоял по статусу на обочине политической жизни Верховного Совета. И сам Ельцин воспринимал свою тихую должность как промежуточный пункт биографии. Основной состав съезда народных депутатов находился под полным контролем мстительного цековского аппарата, и при первой ротации Верховного Совета Бориса Николаевича могли забаллотировать без труда. И никакой Алексей Казанник уже не мог уступить ему место. (Состав народных депутатов процеживался в аппарате ЦК: кого надо вводить в Верховный Совет — они будут голосовать за кремлевские проекты любых законов, а кого — не пускать. Списки неугодных передавались руководителям республиканских делегаций, и эти делегации в полном составе вычеркивали отмеченные в ЦК фамилии. Синхронность действий республиканских групп мы с Ельциным испытали на себе еще при выборах первого состава Верховного Совета, когда набрали с ним равное число черных шаров и были забаллотированы. Голосовало 2250 человек — и случайно такое совпадение произойти не могло). Так что ловить Борису Николаевичу здесь нечего.

Надо забрасывать сети в другом пруду. И Ельцин стал готовиться к избирательной кампании в народные депутаты РСФСР. Отоварившись вторым мандатом, он рассчитывал на безоговорочную поддержку второго эшелона российских политиков — демократов. Первый эшелон интеллигентских политиков — народные депутаты СССР Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Георгий Арбатов, Юрий Афанасьев, Николай Шмелев, Олег Богомолов и многие другие не бросались с головой в омут: относились к Борису Николаевичу настороженно, чуя в нем запах популистского динамита, да и сами были не прочь занять лидирующее положение. А второй укос — выборы в республиканский парламент — обещал принести богатый урожай молодых бунтарей, не знающих середины. Время

от времени Ельцин ездил на встречи с электоратом, чтобы не дать людям перед выборами забыть о себе.

На одну из таких встреч он пригласил меня осенью 89-го. В доме культуры Раменок, на юго-западе Москвы, собралось вечером около двух тысяч избирателей — зал всех не вместил, радиоточки вывели в фойе и на улицу. Организаторы действа позвали еще депутата от «Красной сотни» — для противовеса, а скорее для битья. Но он по каким-то причинам не явился. На сцене поставили длинный стол под красной скатертью, перед нами с Ельциным положили большие букеты цветов, а перед пустым стулом, где должен был сидеть депутат от «Красной сотни», прислонили голик к табличке с его фамилией. Молодая женщина иногда подходила к столу и нарочито бережно поправляла голик, вызывая довольные смешки публики.

Выступил Борис Николаевич, потом слово предоставили мне, а потом мы стали отвечать на вопросы. В центре внимания был, разумеется, Ельцин — он разошелся, много говорил о привилегиях, смело ругал власть за невнимание к людям. Выходили из дома культуры, протискиваясь через толпу: слева и справа нам совали в руки букеты цветов.

Машины у меня не было, и Ельцин предложил довезти до метро. Мы свалили все букеты в его «Волгу», поехали, а у станции метро я вышел, оставив все цветы Борису Николаевичу для дочерей и супруги.

А через несколько дней по Москве пополз слух, что Ельцина на успенских дачах сбросили с моста с охапкой цветов. Сразу после выступления в Раменках. Он мне ничего не рассказывал, а я не расспрашивал. Люди видели, как мы вместе уезжали в машине, и связали его историю со мной. Пришла как-то моя жена с работы, врач боткинской больницы, и с укоризной сказала, о чем у них судачит народ: «Ельцин с Полтораниным поехали по чужим женщинам. Там их застукали мужья. Полторанин успел сбежать, а Ельцину досталось». Хотя жена знала хронику того вечера. Мне в этих рассказах не понравилось то, что я бросил в беде товарища по любовным походам. А так пусть болтают себе на здоровье.

Но кремлевская власть решила поднять личное дело народного депутата Ельцина, его семьи до государственного уровня особой важности. По указанию Горбачева службы министра внутренних дел Бакатина рылись вокруг этой истории больше полмесяца. А 16 октября 89-го Михаил Сергеевич посвятил этому случаю заседание Верховного Совета.

— Вопрос — сказал он не от себя, а почему-то от имени всего Советского Союза, — интересует уже не только общественность Москвы, но и страны.

На заседании долго мусолили цифры: какая была глубина воды, куда столкнули ночного визитера, какая высота мостика, сколько букетов цветов. Министр Бакатин голосом прокурора Вышинского цитировал показания сестры-хозяйки дачи и водителя «Волги». Все распалились, Михаил Сергеевич сидел очень довольный: ну, что теперь скажет задира Борис Николаевич? А Борис Николаевич сказал: «Никакого факта нападения на меня не было, никаких письменных заявлений я не делал, никуда не обращался, никаких претензий не имею. У меня все». Действительно все: человек сам никого не стукнул, никого не винит, чужих денег пока не брал, границу не нарушал. Что еще? Но обсуждение продолжалось, его показывали по телевидению, а стенограмму опубликовали в газете «Известия».

Даже те, кто еще надеялся на здравомыслие кремлевской власти, с горечью отмечали: до чего же она измельчала! Все время разборки, необъяснимые действия, поспешные заявления. Ниже какого плинтуса должна опуститься ответственность этой власти, чтобы Верховный Совет занимался разглядыванием портков друг у друга, когда в стране шли забастовки, десятки тысяч беженцев скитались по чужим углам, а национализм уже переливал через край.

Как раз в эти месяцы в Молдавии проводились издевательские акции против русскоязычного населения — специально подобранные молодчики избивали людей, постоянно оскорбляли на улицах. Причем вдохновителями акций были партийные функционеры, назначенные кремлевским аппаратом, близким к генсеку. В совсекретной записке Горбачеву замзавотделом национальных отношений ЦК С.Слободянюк сообщал, что трудовые коллективы предприятий городов Тирасполь, Бендеры, Рыбница, Кишинев требовали от Москвы пресечь нарушения Конституции СССР. Десятки тысяч людей готовы были создать рабочие дружины, чтобы защитить республику от кучки националистов. Или, как они называли их в обращениях к Центру, — от национал-карьеристов. Но в Центре жили установками Михаила Сергеевича на пленуме ЦК КПСС: такие события говорили «о росте национального самосознания у всех наций и народностей страны, о проявлениях национальных чувств».

В Литве Верховный Совет объявил присоединение республики к СССР в 1940 году незаконным. Начались в прессе грубые атаки против «русских агрессоров» из России и демонстративная подготовка к выходу из состава Союза. Работник государственно-правового отдела ЦК Ю.Кобяков поездил по республике и направил Горбачеву секретную записку, где

очень осторожно определил суть положения: «все труднее становится провести грань между позицией «Саюдиса» и действиями руководящих партийных работников республики».

«Саюдис» — это группа ориентированных на США литовских интеллигентов, требовавшая от русских убраться скорее, но... Но оставить и обновить все, что русские настроили для банановой в прошлом республики — морские порты, Игналинскую атомную электростанцию, нефтеперерабатывающие комплексы вместе с трубой и сырьем, заводы и фабрики в Каунасе, Клайпеде, Вильнюсе, Шяуляе. Плюс к этому — не забирать назад большую территорию Вильнюсской волости, переданную Россией в начале XX века литовцам. А также ни в коем случае не отторгать от Литвы Клайпеду с прилегающими районами. В марте 1939 года Германия аннексировала эти территории — без единого выстрела. Трусливые литовцы сдали Клайпеду без боя: административно она вошла в состав Кенигсбергского земельного округа. А весной 1945 года русские солдаты (опять сибиряки!) заплатили тысячами жизней, чтобы вырвать Клайпеду из лап Германии. Но Москва не стала включать ее вместе с Кенигсбергом в состав Калининградской области РСФСР, а подарила Литве. Еще она прирезала ей дельту Немана с портом Русна и почти половину Куршской косы — получай удобный выход к Балтийскому морю! Теперь Москва, чего доброго, могла и передумать.

В этой записке и других документах тех дней в ЦК (архивы хранят их сегодня) постоянные ссылки на многочисленные встречи с народом. Мнение у всех одно: слишком много вложила страна в экономику Литвы, и функционеры-националисты хотят отделиться от СССР, чтобы растащить все по карманам, а народ бросить на произвол судьбы. Эту же цель преследовала партийно-кагэбистская бюрократия других республик.

Кому-то такой взгляд на проблему покажется упрощенным. А зачем людям мудрствовать лукаво, если они возвысили себя над народом? Вон Ленин в двадцати одном условии Коминтерна предложил пролетариату отделиться от своих наций, бросив буржуазию на вымирание, и объединиться через компартии с «первым отечеством мирового пролетариата». Теперь его духовная наследница — партийная буржуазия сама решила отделиться от пролетариата и объединиться через украденную собственность в международную олигархию. Во Всемирный Орден. И все это делалось под видом борьбы с коммунизмом.

Как сообщал автор упомянутой записки Ю.Кобяков, рабочий люд рекомендовал Центру «в кратчайшие сроки принять закон «О порядке реализации права союзной республики на свободный выход из состава СССР», который должен исключать одномоментность решения о выходе и содержать детальные положения об удовлетворении всех взаимных экономических и иных претензий, а также гарантировать соблюдение прав жителей республики». Все члены горбачевской команды оставили на записке свои согласные закорючки.

А через несколько дней Верховный Совет СССР под председательством Михаила Сергеевича сначала принял закон об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии — первый шаг к политическому разводу. И еще через какое-то время — закон о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации (26 апреля 90-го), который дал право республикам одномоментного выхода из СССР путем местного референдума. Как потом организовывались эти референдумы национал-карьеристами — с угрозами, использованием нанятых молодчиков, мы уже знаем.

Едва вышел закон, сразу активизировались «друзья угнетенных народов» — политики США. Раньше они откровенно не лезли во внутренние дела СССР. Но тут сам Бог велел подсуетиться: не сегодня завтра появятся бесхозные территории — новая сфера влияния США. В Грузию, Молдавию, Прибалтику и Среднюю Азию поехали «купцы», а Вашингтон стал громко, чтобы слышал весь мир, хрустеть валютой. В секретной оперативной записке в Политбюро зам. зав. международным отделом ЦК К.Брутенц сообщил, что по инициативе сенатора Мойнихэна конгресс США готовится проголосовать за выделение руководящим функционерам Литвы десяти миллионов долларов. Для стимулирования сепаратистских процессов в Союзе возможно выделение денег другим республикам.

Не те, конечно, масштабы. Это самостийные власти «богатого» Советского Союза или еще самостийнее вожди «богатой» нынешней России списывали и списывают долги с «бедных» режимов многими миллиардами долларов. А янки — народ прижимистый. Подкидывают деньжат по чайной ложке — на карманные расходы влиятельным политикам. Националисты очень рассчитывали на щедрость подстрекателей из Вашингтона, но в будущем их ожидало горькое разочарование. Потому и подобен американский бюджет большому Байкалу, что все финансовые реки впадают в него и лишь одна вытекает. И та, как Ангара, перегорожена дважды плотинами — законом и строгим контролем общественности.

На записку должен был реагировать сподвижник Михаила Сергеевича Эдуард Шеварднадзе. Не надо, конечно, с его грузинским темпераментом стучать кулаком по столу и кричать по телефону госсекретарю США Джеймсу Бейкеру: «Зачем, кацо, суешь свой нос в чужой огород!» Нужно интеллигентно, дипломатично.

А он и не стучал. Он в это время дипломатично обсуждал и тайно подписывал с тем самым Бейкером Соглашение о разграничении между СССР и США морских пространств в Беринговом и Чукотском морях. По соглашению наша страна потеряла в 200-мильной зоне район площадь 7,7 тысячи квадратных километров и 46,3 тысячи квадратных километров континентального шельфа. Вот уж действительно: раз пошла такая пьянка, надо резать последний огурец. О сделке Бейкер — Шеварднадзе (за которой маячили силуэты президента Америки Буша-старшего и Горбачева с фужерами в руках) первыми узнали российские рыбаки, когда из родных морей их поперли со свистом матросы американских сторожевых кораблей. Но в международной политике, как на шахматных соревнованиях: перехаживать не дают.

5

Законом от 26 апреля 90-го «О разграничении...» кремлевская власть привела-таки в действие взрывное устройство невероятной разрушительной силы, которым погрозила стране еще год назад (чуть раньше я о нем уже говорил). Этот закон поднял статус автономных республик до статуса союзных, со всеми вытекающими последствиями.

Республика Тува, например, с населением 300 тысяч человек становилась, по документу кремлевских мудрецов, «советским социалистическим государством — субъектом Союза ССР». Наравне с Россией, Украиной, Казахстаном и т.д. А сосед Тувы Красноярский край с населением в три миллиона человек превращался в заштатную провинцию той же России, но урезанной по территории вдвое (минус Татария, Коми, Башкирия, Чувашия, Северный Кавказ и проч. и проч.).

Марийское квазигосударство, где марийцев проживало меньше, чем русских, выныривало у границ Нижегородской и Кировской областей. Как им строить отношения с ускакавшим на другую статусную орбиту соседом? На более достойном финансовом уровне! Поскольку и Тува, и Марий Эл, и ряд других автономий были дотационными, русским областям предстояло подзатянуть пояса и отстегивать дополнительно на содержание новых армий чиновников. А если с подачи вер-

хушки страны автономии успели бы оформить границы, российский люд при переездах из одной своей деревни в другую замучился бы толкаться на таможенных пунктах.

Мир в это время жил идеями интеграции: открывались границы, Европа сбивалась в единый союз. Да и в СССР как светском государстве худо-бедно шел до перестройки процесс сближения национальностей, выравнивания их в единую нацию огромной страны. Без чего целостность любой державы будет явлением временным.

В начале 70-х я много ездил по Казахстану и Средней Азии. Местная интеллигенция уже считала анахронизмом марксистскую установку о праве наций на самоопределение. И в конституционном праве выхода союзных республик из состава СССР усматривала луковое отношение русской бюрократии к окраинам. Дескать, есть в понятии этой бюрократии главный в семье — Россия, а все остальные — примкнувшие к ней: хотят — живут вместе со старшим братом, не хотят — пусть уматывают. А люди считали, что все давно уже переплавились в единую советскую нацию — без коренного и пристяжных — и даже предлагали провести всесоюзный референдум об отмене устаревшей статьи Конституции. При этом неприкосновенным оставалось право республик говорить на своем языке, жить своими обычаями и культурой. Партийным баям не по душе были такие идеи, но они обнадеживали народ: пока рано!

И вдруг нас потянули в другую сторону — к национальной обособленности и межеванию людей по этническим группам. Подталкивая тем самым людей к различным конфликтам и уходу в религиозные ниши. И между этими нишами принялись возводить перегородки из политического бетона. Под аккомпанимент сладких речей из Кремля об общем европейском доме.

Вот говорят, что этот закон был местью Борису Ельцину. И попыткой ослабить его как лидера РСФСР. Но закон вышел за целый месяц до первого съезда народных депутатов России, где Ельцин с третьей попытки стал председателем Верховного Совета республики. А озвучили разрушительную идею «автономизации», как помните, за год до съезда, когда еще и выборов-то не было. Так что закон целил не в конкретного человека. И сделал свое дело.

В неприятии политики Центра как стержня державы он объединил и сторонников, и противников Ельцина. Не случайно за Декларацию о государственном суверенитете РСФСР проголосовало подавляющее большинство депутатов (907 —

за и только 13 — против). А поскольку фундаментом этой державы была Россия, то противостояние между ней и Центром означало слом всей конструкции союзного государства.

Но противостояние стало неизбежным. И оно началось. Чего, собственно, и добивались партийно-кагэбистская мафия и все закулисье через взрывников в кремлевской власти. В помощники России это закулисье определило и Украину — на ее территории создавалось отдельное Крымское социалистическое государство. И Узбекистан, из-под которого выдернули Каракалпакию. А Грузия с Прибалтикой считались уже отрезанными ломтями.

Не набиралось объективных причин для распада страны — СССР не был империей. В империях граждане колоний ущемлены во всех правах по сравнению с гражданами метрополий — в политических, экономических, культурных. А кого ущемила Москва? В Политбюро, парламенте и правительстве СССР были представлены люди из всех республик. Национальная молодежь поступала вне конкуренции в свои институты и имела больше квоты в вузах Ленинграда и Москвы. Поступай — не хочу! Это русские девчата и парни продирались через конкурсы здесь и там. А об экономическом выравнивании отсталых республик за счет России уже говорено-переговорено.

Разнородность Советского Союза — тоже не причина распада. Куда нам было до Китая, с его огромным населением, разделенным на представителей 60 национальностей. Тесно им жить на небольшой территории, да и цивилизации в одной стране разные, но монолитен Китай и поджимает в развитии США. Потому что не бегает государственная власть по тонкому национальному вопросу со взрывчаткой наперевес, а действует взвешенно. И в США многонациональное население, и в Индии, и в Канаде — везде есть проблемы, везде их решают, но нигде не раздували межэтнические пожары так безответственно, как это делала кремлевская власть.

На нашу беду угораздило историю собрать одновременно на советском пространстве всех политических карликов в роли вождей. Выведенные в кадровых инкубаторах ЦК КПСС, они облепили все ветви власти — от Москвы до самых до окраин. А может, не надо грешить на историю? Может, это наше поколение так измельчало, что безликость стало принимать за близость человека к народу, цинизм и приспособленчество — за прагматизм, ловкачество — за тонкость ума. Мы аплодировали демократам и популистам, но цыкали на здравые высказывания. Интеллигенция, побитая конформизмом, как молью, толпилась за подачками у ног бесконтрольной власти.

Генералитет и офицерство выродились в трусов и конъюнктурщиков. «Красные директора» принялись делить между собой народное добро. Всем было плевать на Отечество — лишь бы еще одна звезда на погоны, еще одна ступенька вверх по карьерной лестнице, еще один кусок собственности. Политические божки в это время активно трудились над перекройкой карты страны. А чем равнодушнее общество, тем больше тротиловый эквивалент разрушительной власти.

Любопытно было смотреть на участников заседания Подготовительного комитета по доработке нового Союзного договора, которые собрались 24 мая 91-го под Москвой. В марте прошел референдум — подавляющее большинство граждан проголосовало за сохранение СССР. Воля народа — закон для функционеров. Как же они думали исполнять эту волю?

На таком важном заседании должны были присутствовать руководители всех союзных республик. Михаил Сергеевич Горбачев проинформировал тех, кто прибыл в Ново-Огарево: «У нас Каримов (Узбекистан) отсутствует. Там народу надо помогать... Сейчас уехать ему — просто не поймут. Гамсахурдиа (Грузия) прислал телеграмму — приехать не может. Ландсбергис (Литва), Горбунов (Латвия), Рюйтель (Эстония) — участие в заседаниях считают нецелесообразным. Снегур (Молдавия) не приехал. Тер-Петросян (Армения) — во Франции. Будем работать? Да».

Так подростки собираются на пикник. Вожак объявляет: «Ваську с Колькой из дома не отпустили, Володьку родители увезли на дачу. Кого позовем вместо них?» Здесь заранее нашли, кем заменить отсутствующую «семерку» (потом к «семерке» примкнут другие) — руководителями семнадцати бывших автономий: Шаймиевым (Татария), Степановым (Карелия), Завгаевым (Чечено-Ингушетия), Спиридоновым (Коми), Леонтьевым (Чувашия), Батраковым (Республика Крым) и т.д. Это были в основном главы новых «социалистических государств» на территории России. «Субъектов Союза» получалось больше, чем прежде, только сам Союз в результате таких манипуляций превращался бы в жалкое подобие СССР.

У Михаила Сергеевича был неуверенный тон, будто функционеры делали ему одолжение: не хотите так именовать новое союзное объединение, давайте назовем эдак. Все тянули одеяло на себя, а он их ласково увещевал: «Надо договариваться и идти навстречу, товарищи, идти навстречу». Некоторые «вожди» автономий чувствовали себя по меньшей мере участниками Ялтинской конференции 45-го, разделившей Европу. Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома и предсе-

датель ВС автономии Доку Завгаев чуть ли не голосом Сталина веско ронял: «надо четко высказаться, что же из себя будет представлять обновленная Российская Федерация. Мы должны быть республиками, образующими Российскую Федерацию». Он хотел оформить Россию вроде ООО (общества с ограниченной ответственностью): захотел — образовал, не понравилось — закрыл.

Завгаев все время говорил от имени своего народа. «Не должно быть представителей первого и второго эшелона. Если мы пойдем по такому пути, наши люди выскажут недоумение». Горбачев, раззадоривший национализм своей политикой до оборзения, кротко восклицал на эти эскапады: «Да, Доку Гапурович. Отмечаю Вас, Доку Гапурович». А через три месяца после Нового-Огаревского заседания народ вышвырнет партократа Завгаева из начальственных кабинетов, и он сбежит в неизвестном направлении. По поручению Ельцина я найду его после долгого поиска, жалкого, в Надтеречном районе Чечни , отгороженного от «своего народа» мешками с песком и автоматами Калашникова (об этом я расскажу позже).

Ельцин выдавливал из Горбачева согласие на дележ союзной собственности и бюджета. Безо всякого контроля общественности. И предлагал урезать властные функции Центра чуть ли не до нулевого уровня. Другие выступали за конфедерацию и превращение главы союзного государства в английскую королеву. Никакого намека на выполнение решения референдума не было.

Грустный вывод напрашивался у наблюдателя: Президент СССР давно уже выпустил вожжи из своих рук. Или никогда не умел ими пользоваться. Нурсултан Назарбаев (Казахстан), притомившись от пустословия, не выдержал, наконец: «Нас бешеными считают. В Соединенных Штатах Америки 350 народностей и национальностей, но никто не пикает и живут в одном государстве. Вся Европа — ну, это банально, хочу повторить — убирает все границы сейчас, продвижению капитала дают путь, единые деньги — экю — устанавливают на всю Европу. Северная Америка вся объединилась. Канада, Соединенные Штаты и Мексика — одни деньги, границы убирают. А мы, имея 75-процентную интеграцию, уходим от того, к чему все в мире идут. Ну, кто нас за умных людей считает?! Разберутся, разгонят нас, имейте в виду».

Нурсултан Абишевич был в стороне от интриг московского закулисья и думал, что тут играют некраплеными картами. Разобрались уже, можно сказать, только не с кем-то, а со страной. А новый Союзный договор с опорой на автономии

РСФСР — это проект совершенно другого государства: обмылка СССР с перспективой постоянных межэтнических войн на территории сегодняшней России. Балканизация земли Русской, богатой ресурсами, — голубая мечта многих дельцов и лучший способ ловить капиталы в мутной воде.

6

Я помнил ту весну 85-го и ближнюю дачу Сталина в Волынском, где сборная наша команда под водительством Александра Николаевича Яковлева работала над перестроечными материалами для Горбачева. Когда рукописи сдавали машинисткам или когда готовые тексты везли на согласование «заказчику» (так между собой именовали Михаила Сергеевича), образовывались паузы — можно было поговорить неофициально и откровенно. С Яковлевым да и с другими влиятельными фигурами у нас бывали интересные разговоры. Я смотрел тогда на Александра Николаевича с надеждой и относился к нему уважительно. Так же, как и ко многим иным в нашей команде.

Все соглашались: стопроцентная госмонополия лишила нашу экономику изворотливости. Не научила оперативно реагировать на вызовы потребительского рынка. Инерционное планирование «от достигнутого» и пресловутый «вал» наворотили горы неликвидных изделий, а на товары первого спроса — дефицит. Группа «Б» в структуре производства выглядывала мышкой из-под копны группы «А». Я спросил Яковлева, а помнит ли он первые послевоенные годы? Помнил, конечно, — вернулся раненый с фронта, проживал в Ярославле. И другие тоже помнили. Не надо далеко ходить — к нэпу, сразу после войны власть дала «добро» на частное предпринимательство.

У нас в Усть-Каменогорске росли, как грибы, на моих глазах частные обувные и швейные мастерские, частные закусочные, чайные и кафе, частные пекарни, молокоперерабатывающие и рыбообделочные цеха. Пригородные колхозы (и не только они), заплатив государству натуральный налог и коечто оставив себе, продавали частникам зерно, мясо, овощи и другие продукты. Торговали также овечьей шерстью, кожами и костями для варки мыла. А частники все это пускали в дело и насыщали рынок, опустошенный войной. И в Ярославле, как выяснилось из разговоров, да и повсеместно наблюдалась та же картина. Для семей погибших фронтовиков коммерческие цены кусались, но немало людей было с достатком.

По малости лет я, понятно, не интересовался принципами отношений частника с государством. Да это было не так важ-

но. Важно то, что за короткое время страну насытили продуктами питания и товарами. Несмотря на засуху 46-го, это позволило в декабре 47-го года отменить карточную систему. Из постановления Совмина СССР от 14.12.1947: «Продажа продовольственных и промышленных товаров будет производиться в порядке открытой торговли без карточек. Вводятся единые государственные розничные цены взамен существующих коммерческих и пайковых цен. Пайковые цены на хлеб снижаются в среднем на 12%, на крупу — на 10%, а по сравнению с нынешними коммерческими ценами снижаются более чем в два с половиной раза». Правда, после прихода к власти Хрущева частный сектор вырубили под корень. И опять потянулись длинные очереди.

Мы говорили в Волынском, что перестройку начинать надо не с разговоров о глобальных проблемах, а с такого вроде бы неприметного шага — дать людям право открывать частное дело (не так, конечно, как маханула власть в 88-м с кооперативами при предприятиях). Для начала — в сфере обслуживания, в производстве еды и всего того, на чем мы спим и сидим и что на себя надеваем. Чтобы не всполошить влиятельных талмудистов от партии. Лесов и пустующей земли в стране сотни миллионов гектаров: арендуйте — обрабатывайте и перерабатывайте! Пусть рядом с государственными элеваторами появятся частные зернохранилища, рядом с государственными мебельными, обувными, швейными фабриками и мясокомбинатами — начнут выпускать продукцию частные предприятия. Дальше — больше.

Конкуренция — великая сила: года за два страну можно было избавить от дефицита. А сытый раскрепощенный народ горой будет стоять за «свою» власть. С этим народом проще двигаться дальше: подтягивать отрасли, где мы плелись у мира в хвосте, стимулировать новизну и главное — наводить государственный порядок. (Эти предложения мы тоже передавали своему «заказчику».) Порядок не дешевыми гэбистскими приемами Андропова — вытаскивать собаками людей из кинотеатров. А битьем по ушам чиновничьей вседозволенности и расширением пространства для инициативы производственников. И еще — закручиванием гаек в госаппарате. Эти гайки — эффективность планирования на основе потребностей общества и дисциплина поставок, особенно в межреспубликанских экономических связях. Здесь все было разбалансировано и расхлябано. Вместе с пряником — расширением экономической самостоятельности союзных республик нужен был кнут — ощутимые санкции за срывы договоров. Большие

чиновники-суверены часто вставляли друг другу палки в колеса. Причем безнаказанно. И это наполняло конкретными фактами демагогию националистов.

— Вам удобнее стало жить в нашей стране? Благосостояние выросло, порядок наводим — что мешает еще? — это следующие вопросы лидера нации к народу.

В беседах мы приходили к общему мнению: на первое место выйдет тема партийного боярства. И его тормозящих движений по дороге к народовластию.

Несуразное здание КПСС состояло из двух неравных по высоте этажей. Нижний огромный этаж для простолюдинов — от членов «первичек» до секретарей райкомов-горкомов (кроме мегаполисов). И узкая полоска вверху для бояр — от первых секретарей обкомов до членов Политбюро. Нижний этаж работал вместе со всей страной, а верхний распределял и спускал указивки. Я был членом партии тридцать лет (вступил восемнадцатилетним бригадиром бетонщиков на строительстве Братской ГЭС) и знал ее жизнь не понаслышке. Не правы те, кто причисляет к ретроградам секретарей райкомов-горкомов — это были рабочие лошадки, как правило, выдвиженцы директорских корпусов. Они стремились к переменам. Так же, как малочисленная группка реформаторов из ЦК.

А вот партийных бояр, которые составляли костяк ЦК КПСС, вполне устраивало их уютное положение: всем командовать и ни за что не отвечать. Особенно бояр из союзных республик, где они и боги, и цари. Уж эти-то будут цепляться за старый порядок, за свое положение вплоть до сепаратистских угроз. Как их нейтрализовать? Знатоки кремлевской истории в Волынском смотрели на перспективу без оптимизма: даже грозный Иосиф Сталин, попытавшись через альтернативные выборы в 36-м отодвинуть от власти заевшихся партбояр, вынужден был отступить. А к Михаилу Сергеевичу члены ЦК относились как к «своему парню», равному среди равных, и запросто могли взять за шкирку. Потом я посмотрел архивные материалы по упомянутому сталинскому действу и понял, откуда правая рука Горбачева Анатолий Иванович Лукьянов позаимствовал демократическую идею реформирования избирательной системы в стране.

Весь долгий период внутрипартийных схваток Советский Союз жил по Конституции 24-го года. Система выборов в Верховный орган власти — съезд Советов была многоступенчатой, усложненной, но последнее слово оставалось за группами выборщиков. А их составы утверждались крайкомами и обкомами партии. Простым поднятием рук выборщики голо-

совали за кандидатов, предложенных функционерами. Сталин называл это не выборами, а кооптацией. Тем более что миллионы граждан, так называемые социально чуждые элементы, были лишены избирательных прав: священники, зажиточные крестьяне, кулаки, бывшие землевладельцы и генералы.

В состав съезда входила разночинная бюрократия. Она и формировала для постоянной работы ЦИК и его Президиум исключительно из партийных бояр. И поскольку ЦИК являлся «высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти», образовался клан неприкасаемых беспредельщиков. В Москве как законодатели они принимали «под себя» антинародные декреты, а в своих удельных княжествах и ханствах уже как исполнители претворяли их в жизнь. Общество закипало от социального недовольства. И Сталин задумал лишить партию государственной власти с помощью новой Конституции.

Создав для подготовки проекта Конституционную комиссию, он летом 35-го словами Авраама Линкольна обозначил перед ней принцип, на котором должен строиться Основной закон: «Власть народа, из народа и для народа». Менее чем через год проект был готов. В нем предусматривалось разделение властей — на законодательную, исполнительную и судебную. Устанавливались равные для всех граждан права, включая бывших «лишенцев» (к этому времени кулакам разрешили вернуться из ссылок и лагерей). Гарантировались свободы: слова, печати, митингов. Глава одиннадцатая «Избирательная система», написанная Сталиным, определяла новый порядок выборов депутатов всех уровней: прямое тайное голосование. И статьей 141-й давала право выдвигать кандидатов объединениям трудовых коллективов, профсоюзам, кооперативам, молодежным и культурным обществам. Чего прежде в России не было никогда. Избиратели также получали возможность отзывать депутатов.

Ударом под дых для партийных вельмож было предложение Сталина, озвученное на заседании ЦИК, сделать выборы альтернативными. Чтобы на одно место баллотировалось не меньше двух кандидатов. Так называемый партактив ощетинился: это его выметут избиратели в первую очередь — за продразверстку, раскулачивание и красный террор. В декабре 36-го съезд Советов Конституцию принял, но утверждение избирательного закона и срока выборов бароны ЦИК взяли на себя. А именно до статуса избирательного закона опустили решение: быть или не быть выборам альтернативными.

Тогда, как и в горбаческие времена, идеи реформ, тем более реформ политической системы, рассматривали предварительно на пленумах ЦК. А члены ЦК и через знак равенства члены ЦИК — первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Они и объединились в корпоративную оппозицию нововведению с альтернативными выборами. Их оценка ситуации была однозначной: через предложенный механизм голосования Сталин хочет выкинуть партию из власти, а заменить кулаками и попами-антисоветчиками.

Хотя от троцкизма в стране не осталось и духа и люди спокойно пахали и сеяли, секретари на июньском пленуме ЦК 37-го вдруг заговорили об угрозе контрреволюции: кругом одни враги, кулаки вернулись и мутят народ, а тут некоторые предлагают альтернативные выборы в верховную власть. Врагам еще и печать в руки дадут! Из-под слов функционеров о революционной бдительности торчало шилом требование: никакой политической конкуренции, а выборы отложить (их перенесли на конец года) и начать кровавую чистку. Настаивать на своем против такой оравы при минимуме поддержки означало угрозу подсунуть себя под нож как пособника контры. Тем более что с помощью местных партийных функционеров Сталин отнимал у команды Троцкого власть.

Корпус первых секретарей в двадцатые и тридцатые годы представлял из себя малообразованное скопище партократов. Тех, о ком говорят: из грязи да в князи. К людям они относились как к мусору. Спецы трудились в хозяйственных и советских органах, а эти выполняли роль ревнадзирателей, вынюхивая повсюду измену. Закоперщиком, или паханом, у них всегда выступал Роберт Эйхе — человек с двуклассным начальным училищем за плечами, но не только первый секретарь Западно-Сибирского крайкома и Новосибирского горкома партии, а еще и кандидат в члены Политбюро. Лучше всего он проявлял себя в карательных операциях против крестьян и «очищении» ВКП(б) от несогласных с его политикой «гадов» — отдал на растерзание чекистам около 90 тысяч бывших коммунистов. И здесь «латышский стрелок» первым попросил у Политбюро дополнительных полномочий для разгрома антисоветской сволочи: создаст и возглавит тройку по вынесению внесудебных решений. За Эйхе потянулись другие члены ЦК.

Представляю, как сжимал в кулаке свое самолюбие вождь, отступая под натиском первых секретарей. Им сказали: го-

товьте в короткие сроки свои предложения по составам троек и количеству врагов для репрессий. Тут это дело считалось привычным.

До середины июля 37-го предложения поступили из всех регионов. Эйхе сообщал, что ему край как надо репрессировать на первых порах 17 тысяч человек, из них пять тысяч — по первой категории (расстрелять), а остальных — в лагеря (ГУЛАГ). Первый секретарь Московского горкома и обкома Никита Хрущев в записке Сталину от 10 июля 37-го изъявил желание возглавить тройку и попросил разрешить ему репрессировать 41 305 человек, из них 8500 — расстрелять. Первый секретарь Свердловского обкома просил позволить «его» тройке вынести смертные приговоры четырем тысячам человек. Характерно, что из русских областей шли размашистые запросы, а в национальных республиках руководители более или менее щадили своих людей. Из нищей Калининской области с совершенно аполитичным населением пришла просьба расстрелять больше тысячи человек, а секретарь ЦК КП Туркменистана, где еще не до конца потухли очаги басмачества, ограничился на всю республику цифрой — 500.

В НКВД все заявки обобщили, систематизировали, и уже 30 июля 37-го под грифом «совершенно секретно» вышел приказ наркома Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Тем же днем зам. Ежова Фриновский направил этот приказ и проект постановления по нему помощнику Сталина Поскребышеву — получить согласие членов Политбюро. Согласие дали все. Начало операции назначили на пятое августа. В приказе местным органам НКВД спускались квоты на отстрел населения по запросам партийных бояр. Правда, не все предложения были приняты наверху.

Снизили цифры сибирскому региону и областям Центральной России. Никите Хрущеву, например, разрешили расстрелять на три с половиной тысячи «врагов» меньше, чем он просил. Всего партийные функционеры получили «добро» на репрессирование «только» двухсот сорока пяти тысяч человек. Учитывая масштабы «расстрельного зуда» в боярской среде, Политбюро сочло нужным предупредить: «Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются».

И очень кстати. Народу чекисты нахватали сверх всякой меры, а квоты сдерживали. Из регионов пошли просьбы — добавьте! Подключали даже московских лоббистов. Так, из Иркутска поступила нетерпеливая шифровка:

«ЦК ВКП(б) — т. Сталину.
Наркому внудел т. Ежову.

27 октября выехал из Читы в Москву. В Улан-Удэ ко мне заходили секретарь обкома ВКП(б) Игнатьев и НКВД Бурято-Монгольской АССР Ткачев. В беседе они сообщили, что лимиты по приказу НКВД 00447 они израсходовали, а в тюрьмах находится свыше 2.000 арестованных... Просят дать лимит на 2.500 человек.

Мехлис.

28.X.№ 672 ».

Лев Мехлис был начальником Главполитупра Красной Армии, а когда-то работал личным секретарем Сталина. На его пробивную силу надеялись стахановцы расстрельного дела, но не обломилось.

Со студенческих лет я считал, что 37-й — это год расправы сталинистов с недовольной режимом интеллигенцией и верными ленинцами. Так въелась в мое сознание пропаганда материалов XX съезда КПСС. Да, репрессиям подверглись многие люди с громкими именами, потому-то пора эта и стала восприниматься нашим поколением как кремлевская кампания против организованного инокомыслия. Но вот я собрал воедино списки всех арестованных — там сплошь безответный народ.

У меня довольно редкая фамилия. Я взял только своих однофамильцев и только со своей родины — двух небольших районов Восточного Казахстана. Это таежная глубинка, где несколько оторванных от мира поселков и заимок ютились у подножий гор. Ни кулаков вокруг, ни троцкистов, ни фанатов ленинского наследия. Вот кого вывозили из тайги под конвоем:

1. Полторанин Родион Артемьевич, 1900 г.р., русский, образование начальное, работал старателем, село Солдатово.

Осужден 19.11.1937, тройка при УНКВД по ВКО (Управление наркомата внутренних дел по Восточно-Казахстанской области. — *Авт.*).

Расстрел. Реабилитирован 19.03.1957.

2. Полторанин Емельян Фирсанович, 1892 г.р., русский, неграмотный, работал лесорубом, село Бутаково.

Осужден 25.10.1937, тройка при УНКВД по ВКО.

Расстрел. Реабилитирован 01.10.1957.

3. Полторанин Сергей Яковлевич, 1894 г.р., русский, неграмотный, пчеловод (пасечник), Большенарымский район.

Осужден 29.12.1937, тройка при УНКВД по ВКО.

Расстрел. Реабилитирован 06.09.1957.

4. Полторанин Петр Михеевич, 1894 г.р., русский, образование начальное, работал сплавщиком леса, село Большенарым.

Осужден 19.11.137, тройка при УНКВД по ВКО.

Расстрел. Реабилитирован 19.03.1957.

5. Полторанин Гурьян Артемьевич, 1895 г.р., русский, образование начальное, работал старателем, село Солдатово.

Осужден 06.11.1937, тройка при УНКВД по ВКО.

Расстрел. Реабилитирован 06.09.1957.

6. Полторанин Евстигней Артемьевич,1891 г.р., русский, образование начальное, работал возчиком, село Верхняя Хайрузовка.

Осужден 29.12.1937, тройка при УНКВД по ВКО.

Расстрел. Реабилитирован 06.09.1957.

Нет смысла продолжать список, выше начального образования — а это церковно-приходская школа — не было ни у кого. Москва о таких и слыхом не слыхивала. Всего с наших районов в 37-м было расстреляно 28 Полтораниных, а 15 получили по десять лет. Там же было арестовано и расстреляно более ста неграмотных и полуграмотных Тютюньковых, Редькиных, Поляковых, Первушиных. За что? За то, что некому было за них постоять.

И такая вакханалия шла по всем областям. Партийные секретари — коллеги Роберта Эйхе — вместе с чекистами прочесывали страну широкозахватным методом, уничтожая на пасеках и в старательских артелях «международные центры контрреволюции». В городах тоже брали беззащитных и тех, кто насолил местной знати.

Вождь, наверное, сидел в Кремле и цинично посмеивался: «Порезвитесь, ребята! А потом я буду резвиться с вами и, может быть, вернусь к вопросу о Конституции». Не удалось или не захотелось вернуться — теперь этого не узнаешь. А вот Роберту Эйхе (как и другим противникам — членам ЦК) Сталин не простил проигрыша. В том же 37-м «латышского стрелка» выдернули из привычной среды и послали «на чердак» — дали пост наркома земледелия СССР. С «чердака» легче спускать человека в подвал Лубянки. Вскоре инициатора «троек» арестовали, а после долгого следствия и суда в 40-м расстреляли. Хрущев на XX съезде КПСС выставлял партийных секретарей-палачей, в том числе и Роберта Эйхе, как безвинных жертв тирана. «Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности, — говорил с трибуны Никита Сергеевич, — является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных

деятелей партии и Советского государства товарища Эйхе». Хрущев произносил одно, а сам, наверное, думал другое: «Все мы там стоили друг друга!»

Никита Сергеевич грешил безбожно, по-черному, но себя и своих подельщиков старался впихнуть в историю светлыми ангелами.

Так что на очередную беду нашей страны идею с альтернативными выборами партийная власть закопала на полстолетия. Мы не знали в Волынском, решится ли Михаил Сергеевич со своими юристами откопать ее. Да и вообще было трудно предугадать, куда он повернет перестройку. Планы и советы консультантов одно, а возможности да и стратегия исполнителя — другое. Но все же время в стране было иное, удобное для либеральных реформ, потому что мир стал иным. И партия раздулась количественно настолько, что стала меняться качественно, расслаиваясь на несопоставимые части. Верхний этаж желал диктаторствовать по-прежнему, но уже с сундуками наследственных капиталов. И подтягивал к себе снизу опору из беспринципных попутчиков, погрязших в вещизме. А две трети обитателей первого этапа хотели диктатуры закона и справедливого социального государства. По сути это были уже социал-демократы.

7

Когда генсек пошел на переделку политсистемы, у него так и не появилось полной свободы рук. Он не мог обратиться к нации с тем самым вопросом: «Вам удобнее стало жить... Что мешает еще?» Жить стало хуже, а мешало все. Вместо укрепления экономики, как предлагали советчики, власть разрушала ее. Государственная дисциплина окончательно расшаталась. Вожди национальных республик, обрадованные импотенцией центра, стали насиловать державу сепаратизмом. Сторонников генсека с нижнего этажа партии разочаровали его бесконечное маневрирование и боязнь порвать пуповину с кастой бояр. Авторитет Горбачева упал.

Идею с альтернативным голосованием и правом общественных объединений иметь в парламенте своих представителей команда генсека внедрила, значительно обновив, но выборный процесс оставила под контролем партийного аппарата. По форме — поклон демократии, а по существу — уступка кремлевско-кагэбистскому закулисью и баронам-сепаратистам в республиках. Да еще придумали для подстраховки «Красную сотню». Через заградительные кордоны партийного аппарата пробиться в народные депутаты СССР державникам

было трудно. Хотя десятка три совсем уж обнаглевших первых секретарей выборы проиграли, большинство съезда народных депутатов СССР составили номенклатура и ее послушники (84 процента). Они и сформировали «свой» Верховный Совет. Не рискнул генсек, подрастерявший авторитет, покуситься на власть функционеров. Обозначил свою позицию: по какую сторону баррикад он находится. А хотел бы иного, мог обратиться к нижнему этажу партии через голову Политбюро и сепаратистов — тогда у него еще оставались политические ресурсы. Но ставил ли он когда-нибудь цель перед собой, достойную личного риска? Или рассчитывал ехать на паллиативе до конца дней?

У Михаила Сергеевича, наверно, было достаточно поводов вспомнить слова Руставели: каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Потому что много нелестных слов уже сказано о поведении вождей той поры. И здесь он вправе отмахнуться: «Из-за угла рассуждать легко. А я был на Голгофе, где слева и справа целили копьями между ребер». Пусть будет так. Только я ведь не вердикт составляю, а пытаюсь разобраться, как это наша власть, и мы вместе с ней, спускали великую державу в унитаз истории.

Мне кажется, что объяснять все случайными промахами, даже глупостью Кремля, по меньшей мере, несерьезно. Наступление на страну велось планомерно, с подготовленных позиций и по широкому фронту. Мы думали, что Горбачев топтался целых два года, не отваживаясь на благотворные реформы, и только ездил по регионам, заговаривая публике зубы. А он работал! Выдергивал из состава ЦК и Политбюро личность за личностью, заменяя их «сподручными» функционерами. Удаленных с Олимпа державников нарекал консерваторами, а новый призыв флюгеров-карьеристов — реформаторами. К началу 88-го года «своя в доску» команда в Политбюро была сформирована: сам Михаил Горбачев, Александр Яковлев, Эдуард Шеварднадзе, Николай Рыжков, Вадим Медведев и другие. Никто теперь не посмел встать во весь рост на виду у народа и потребовать от генсека снять маску с лица. С той поры под видом реформ, как по строго разработанному графику — кем и когда? — начали стартовать разрушительные процессы: дезорганизовывалась экономика, обваливался уровень жизни, подстрекался сепаратизм.

Разве о перспективах страны (а не о своем временном политическом уюте или о чем-то другом!) думал генсек, переводя многонациональную державу, с ее обострившимися противоречиями, на парламентскую форму правления? Горбачев взял

на вооружение мечту националистов — концепцию сильных республик с рыхлой сердцевиной в Кремле. Номенклатура на съезде позволила ему за «прилежное» поведение стать сначала главой Верховного Совета, потом президентом. Судьба Михаила Сергеевича и Советского Союза теперь полностью зависела от нее. А ситуация требовала от Центра опережающих поправок Конституции СССР и опережающих действий.

Уже в марте 89-го одновременно с депутатами страна могла и готова была выбрать Президента Советского Союза — всенародным голосованием. Ничто этому не мешало. Нужны были только поправки в Закон и воля самого Горбачева. Но нации он стал доверять меньше, чем номенклатуре. А всенародно избранный президент — это сильный Центр, это мощный конституционный рычаг для обуздания баронов-самостийщиков. Продолжали бы действовать при таком варианте центробежные силы? В некоторых регионах вполне возможно! Но тогда осенью того же года, а не в марте 91-го (с большим опозданием!) должен был состояться всесоюзный референдум с вопросом о сохранении СССР. Он не оставил бы сепаратистам никаких законных лазеек. А на противозаконные действия в государстве с сильным дееспособным Центром самостийщики не решаются.

И наоборот, совершенно ни к чему была спешка с выборами весной 90-го народных депутатов союзных республик. Было же очевидно, что эти кампании партийно-кагэбистская мафия сполна использует в своих разрушительных целях. Так и произошло. Подручные этой мафии «отстреливали» кандидатов-державников еще на дальних подступах. И обеспечивали в местных парламентах абсолютное сепаратистское большинство. А всенародно избранный Президент СССР мог использовать отсрочку выборов для обуздания националистической вакханалии.

Кстати, такими идеями многие из нас, депутатов, делились тогда с Михаилом Сергеевичем. Он никак не реагировал на них и на наших глазах все время шушукался с лидерами прибалтийских делегаций. Уговаривал не порывать с Советским Союзом? Не знаю. Знаю только, что все продолжало катиться в тартарары. И в декабре 90-го, на Четвертом съезде народных депутатов СССР, был поставлен вопрос о недоверии Горбачеву. В результате поименного голосования вопрос не прошел — за недоверие высказалось только 426 депутатов (1288 — против и 183 — воздержались).

Я тоже голосовал за недоверие. Команда Михаила Сергеевича обозвала наши действия заговором реакционеров

и противников страны. Но позвольте, противники единства страны — вся партийно-кагэбистская мафия и ее послушное большинство на съезде — как раз поддержали Горбачева, проголосовав за доверие. На какое-то время он был им еще нужен — с ним проще довести до конца задуманное. А линия их действий просматривалась все отчетливее:

— развить атаку на цементирующую СССР нацию — русских и Россию;

— подхлестнуть национализм, разогреть до высочайшего градуса процессы дезинтеграции и обеспечить им законодательную базу.

И все, в основном. Бери народы тепленькими: они дезориентированы, в демагогах видят спасителей. Зови всех на митинги, пусть там чаще кричат: «Чем жить так, лучше разбежаться в разные стороны!», и люди, утомленные борьбой за существование, в конце концов согласятся. Тогда-то каждая группа бояр получит свой кусок Советского Союза — для обогащения и установления феодальных порядков.

Россия — самый жирный кусок. За нее и пойдет основная борьба между номенклатурными группировками.

Глава IV

Донесение президента России президенту Америки

1

В начале мая 90-го по приглашению Союза журналистов Чехословакии я побывал в Праге. И там, на пресс-конференции, мне задали вопрос: изберут ли Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР? Это было за неделю до первого съезда народных депутатов. Мы уже знали расклад сил на съезде: коммунисты получили 886 мест (86,4 процента), причем большинство из них номенклатурные работники — партийные и хозяйственные. А в малочисленном блоке «Демократическая Россия» были как сторонники Бориса Николаевича, так и его противники. Все это я объяснил чехословацким журналистам.

И высказал свое мнение, что в открытой, лобовой борьбе шансов у Ельцина маловато. Но если он пойдет на закулисные переговоры с номенклатурой, может и победить. Раньше Ельцин не пошел бы на них, но теперь этот человек стал другим — ради власти готов на многое.

Из Праги материалы пресс-конференции корреспонденты ТАСС передали в Москву. Борис Николаевич их прочитал и при встрече состроил на лице сердитую гримасу.

— Не верите вы в меня, — сказал он недовольно и посмотрел испытующе в глаза. — А какое закулисье вы имели в виду?

Сразу и не сообразишь, что его так насторожило. Я говорил о тайных переговорах с бюрократами, когда сторонников вербуют обещанием должностей. А Ельцин, видимо, подумал, что я знал больше, чем сказал.

Дня за два до открытия съезда в Москву приехало несколько групп зарубежных политиков. Они прибыли «поболеть за Россию»: встречались с депутатами и журналистами. Мне позвонил Егор Яковлев: прилетел из Варшавы Адам Михник и ждет нас в гостинице «Россия». Кто не знает этого боевого парня! Известная на весь мир четверка — Лех Валенса, Адам Михник, Збигнев Буяк и Бронислав Геремек создала свободный профсоюз «Солидарность» и заставила польскую власть считаться с народом. Михник был идеологом «Солидарности», за что его гнобили в тюрьме почти шесть лет. Связи на Западе лидеры этого профсоюза имели отменные.

Мы поговорили с Михником о многих проблемах, а когда речь зашла о предстоящих выборах, он сказал:

— Большая политика не делается на сцене — она делается за сценой. А на сцену выходят с готовым результатом. Вокруг вашего Ельцина идет серьезная работа.

Я еще пошутил: если у «Солидарности» такая хорошая разведка, может, Адам назовет результаты будущих выборов. Но он уклонился от ответа, сказав лишь, что нам здесь только кажется, будто группа Горбачева потеряла над ситуацией контроль.

В общем-то, разговор как разговор — ничего особенного. Приятно было познакомиться с легендарным человеком, который и сегодня работает главным редактором польского издания «Газета Выборчей».

А вспоминаю я эту встречу, как лыко в строку, зная многие, неизвестные ранее подробности той поры, сопоставляя документы и свидетельства участников событий мая — июня 90-го.

Неожиданно для нас Ельцин пристрастился к игре в теннис. Он увлек этим видом спорта своего верного заместителя по комитету Верховного Совета СССР, члена координационного совета МДГ Михаила Бочарова. Вдвоем они ездили в спорткомплекс на Фрунзенской набережной, где Михаил Александрович постукивал мячами. А Борис Николаевич еще успевал обзаводиться знакомствами.

Уроки игры ему давала молодая женщина. Ее отец, в прошлом резидент советской разведки во влиятельной капстране, был важным чином в Комитете Госбезопасности СССР. Тренер познакомила VIP-ученика со своим папашей, мужчины, что называется, сошлись. И Ельцин стал обрастать связями в КГБ.

Прежде он общался с «посконцами» — теми гэбистами, кто работал внутри страны и замыкался на «посконных» проблемах. Они считали, что решать российские дела должны ее бюрократы — нынешние хозяева державных богатств. И никакие силы извне не могли участвовать в дележе отечественной собственности. Но гораздо интереснее иметь дело с «капиталистами». Это те, кто сам работал на Западе или обслуживал связи с Западом. Они многое знали о тайных операциях власти или даже участвовали в них. Ельцину «капиталисты» нравились за бульдожью хватку в денежных делах и ироничное отношение к русскому патриотизму. А их в Борисе Николаевиче привлекали его постоянно дрейфующие принципы. С таким понятливым парнем можно сделать из России хороший источник для пополнения зарубежных счетов.

«Капиталисты» представляли из себя особую замкнутую касту. Выпускники МГИМО, Московского института востоковедения, финансово-экономических институтов, МГУ, других вузов работали кто в Первом Главном управлении КГБ СССР (политическая разведка), кто в советских посольствах, кто представлял за рубежом Московский народный банк, Внешэкономбанк или Внешторгбанк. Но многих их объединяла общая крыша — служба внешней разведки. У них, ее агентов, был свой мир, они адаптировались к жизни в другой политической системе, их дети заканчивали школы в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Брюсселе...

С андроповских времен, но особенно с первых месяцев перестройки, СССР активно включился в спекулятивные операции золотом. На биржах. Кому их поручили осуществлять? «Капиталистам!» Им же доверили присматривать друг за другом: из Москвы контролировать — что пошло в госбюджет, что в карман — сложно.

Как наши люди умеют сговариваться, рассказывать не надо. Тем более золото перевозили рейсовыми самолетами «Аэрофлота» — в наспех сбитых деревянных ящиках, под пассажирскими сиденьями. Когда в Цюрихе или других городах исчезали партии ценного груза, списывали это, поскандалив для порядка, на несовершенство доставки. (Начальник «золотого» управления — было такое на Кузнецком мосту в Москве — Ульянов не с пустым рюкзачком в 90-х сбежал в США, создал свою крупную финансовую компанию). Обогатились все «капиталисты». А их были тысячи по столицам всего света.

Создалась еще одна капиталистическая автономия в социалистической стране. И весьма влиятельная. Неуютно было бы «капиталистам» с их большими деньгами жить в коммунистической России, с ее уравнительными принципами. С ее отгороженностью от мира и всесильным ОБХСС. Ни виллу построить, ни детям открыто наследство отписать. Они, как и группа высших гэбистско-цековских чиновников, были заинтересованы в разрушении общественной системы. И сначала присматривались к Ельцину, а затем пошли на близкие контакты.

Кто из них в ком больше нуждался, сказать трудно. Они нужны были Ельцину, поскольку имели огромное влияние на некоторых членов Политбюро, на часть аппарата ЦК и через них могли вербовать ему сторонников на предстоящем съезде народных депутатов РСФСР. А Ельцин им подходил как политик с претензиями только на номинальную власть, а не управление Россией. Он без патриотических заморочек, без обостренного чувства справедливости. Одним словом, пофи-

гист — не будет ковыряться в грязном финансовом белье номенклатуры и устраивать охоту на ведьм. А такого «белья» набралось очень много. Возьму лишь одно направление.

Это событие прошло тогда мимо внимания широкой общественности: в декабре 88-го в Москве состоялось официальное открытие ложи Всемирного Ордена Бнай Брит. На церемонии присутствовали чиновники из ЦК, Совмина и КГБ СССР. Прибыл из США руководитель этого Ордена. Он с удовлетворением сообщил, что кремлевская власть дала разрешение членам его организации из других стран беспрепятственно посещать Советский Союз. И даже поделился некоторыми планами: для 150 перспективных членов Бнай Брита в Ленинграде начинают давать уроки карате (у нас во власти имеются каратисты из Петербурга?).

Как мы теперь знаем, в это же время пошел массовый вывод за рубеж активов Советского Союза. Когда и сама кремлевская власть, и ведомственная номенклатура рассовывали по заграничным банкам богатства страны. Случайное совпадение? Навряд ли.

А что такое Бнай Брит? Для лучшего понимания его роли использую сравнение с КПСС. Все региональные организации партии беспрекословно подчинялись единому центру в лице ЦК. В мире имеется множество национальных масонских лож. И над ними, как в КПСС, тоже властвует центральный орган — Бнай Брит. Это иудейский международный финансовый интернационал, это ядро и мозг мирового масонства. Часто его называют не орденом, а Глобосистемой — член Бнай Брита может быть масоном, а может и не быть, может быть евреем, а может — русским, англичанином, латышом, узбеком, поляком, лишь бы он исповедовал иудаизм.

Некоторые евреи, игнорируя факты истории, почитают Бнай Брит за священную корову. И замахи на него воспринимают как нападки на свою нацию, как антисемитскую чесотку. Но неблагодарное дело ложиться за Бнай Брит грудью на амбразуру! Печали простых евреев заботят его членов в такой же степени, в какой проблемы кролика волнуют удава.

Как некоторые мизантропы заточают себя в монастырь, отказываясь от мирского, так эти наживоманы, эти рыцари чистогана сбиваются в змеиный сгусток зла, чтобы ради барышей, а с их помощью ради тайной власти над народами отречься от всего человеческого, даже от кровного родства.

Из многочисленных свидетельств упомяну лишь исследования американца Чарльза Хайэма, собранные им в книгу «Trading with the enemy». Опираясь на документы, он показал, как американская корпорация видного члена Бнай Брита

Джона Рокфеллера «Стандарт ойл» весь 1942 год — разгар Второй мировой войны — поставляла горючее фашистской Германии. Расчеты за горючее осуществлялись через рокфеллеровский же банк «Чейз нэшнл бэнк» (переименованный позже в «Чейз Манхэттен бэнк»).

Делами «Стандарт ойла» в Германии заправлял американец-бнайбритовец Карл Линдеманн, входивший в кружок друзей рейхсфюрера СС Гиммлера! А «Чейз нэшнл бэнк» представлял в Европе доверенное лицо Рокфеллера Джозеф Ларкин, который организовывал в течение всей войны бесперебойную работу отделения этого банка в Париже, занятом нацистами. Отделение финансировало деятельность фашистских ведомств.

Еще Хайэм рассказал, как в мае 1944 года в Базеле состоялось собрание руководства Банка международных расчетов (БМР), подконтрольного нацистам. Возглавлял сходку бнайбритовских финансистов американский джентльмен, президент БМР Томас Маккитрик. В банк от фашистской Германии поступило на хранение 378 миллионов долларов золотом. Нацистские главари надеялись использовать золото после войны, и руководство БМР обсуждало, как обезопасить солидный вклад. А «золото, — подытоживал Хайэм, — частично было награблено в национальных банках Голландии, Бельгии и Чехословакии, а частично переплавлено из золотых коронок, оправ для очков, портсигаров, зажигалок и обручальных колец, убитых в концлагерях евреев».

Из любой человеческой крови вожди Бнай Брита стараются выпарить драгметаллы, на любой пожар они прибегают с веером.

Бнай Брит (Сыновья Завета) был образован в Нью-Йорке выходцами из Германии. С десятилетиями он набирал силу, подминая под себя масонские ложи, и к концу двадцатого века превратился чуть ли не в мировое правительство с широкой сетью филиалов на планете.

Никто не может стать сегодня главой капиталистического государства без согласования его кандидатуры с вождями Бнай Брита. Как говорят знающие люди, в кого ни ткни в администрации США или правительстве Великобритании, Канады, обязательно попадешь в члена Бнай Брита. Отсюда понятно, что деятельность исполнительных структур этой Глобосистемы — Трехсторонней комиссии, Бильдербергского клуба и других — тесно переплетена с работой западных разведок, и прежде всего ЦРУ.

Задача Бнай Брита — наложить свою лапу на мировые стратегические ресурсы и искусственно создавать как мож-

но больше зон нестабильности, откуда начнут «бежать» деньги. И все глобальные финансы прибрать к рукам. В том числе от торговли наркотиками и оружием.

При этом вожди Бнай Брита не могли не заботиться о стабильности у себя дома, в тех странах, где они живут со своими семьями, где их дети и внуки, где их поместья и виллы — прежде всего в США, Великобритании, Франции, Германии, Канаде. Чтобы исключить революции и не давать поводов любителям погромов или красного петуха, здесь они установили высокие стандарты жизни, так называемое всеобщее благоденствие. Большие зарплаты и пенсии, щедрые пособия и льготы...

Но для поддержания этих стандартов потенциала либерального капитализма оказалось недостаточно. Лошадиных сил маловато! Те же США давно потребляют намного больше, чем производят. А ВВП раздувают за счет биржевых пузырей. Американцы превратились в нацию сплошных халявщиков — брокеров, банкиров, финансовых спекулянтов, риелторов... Выручала придуманная Бнай Бритом первая фаза глобализации — высасывание через транснациональные компании богатств из Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Для ослабления у стран-доноров государственного контроля за «суверенными» деньгами, началась глобализация финансовых рынков, позволившая капиталам свободно бегать по миру — от регулирования и налогообложения.

К началу 80-х вождям Бнай Брита, однако, и этого потенциала стало недоставать для одновременного набивания собственных кошельков и обеспечения халявой своих сограждан. В США и других странах «золотого миллиарда» начало расти напряжение. Требовалось дальше продвигать высасывающие насосы глобализации. Но куда?

На планете осталась только одна не освоенная Бнай Бритом зона — Советский Союз с его сферами влияния в Восточной Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Значит, эту зону надо очистить, разодрав на части через своих агентов саму державу и надолго создав обстановку хаоса. Так можно продержаться еще несколько десятилетий. А там под видом войны с террористами придется трансформировать глоболиберализм в глобофашизм. И начать регулировать силой численность населения на Земле.

Намерение спрута по имени Бнай Брит одно — охватить своими щупальцами весь мировой рынок и управлять им. Эта экспансия происходит при сильном пропагандистском сопровождении. Его обеспечивает разветвленная структура Бнай Брита под замаскированным названием — Лига по борь-

бе с диффамацией. Точнее было бы назвать ее — Всемирная контора по выпечке диффамации.

Дебилизация приговоренных к обкрадыванию народов через спецсистему образования и желто-голубоватые СМИ, фальсификация их истории, навязывание им чувства вины перед человечеством, стравливание этнических групп, подкуп жадных политиков и дескридитация противников Бнай Брита — вот далеко не полный перечень методов работы Лиги. Скажем, через свою компанию «Гэллап Медиа» она диктует рейтинговым кнутом вещательную политику телевидения, заставляя его служить Мамоне. А наймиты ее многочисленных фондов, разбросанных по планете (типа фонда Карнеги, Холокост и других), за гранты готовят в штаб Лиги списки идейных врагов Глобосистемы для морального отстрела.

И одновременно подыскивают ее верных друзей — для дальнейшего их использования в целях этой системы. Бнай Брит давно занимается подбором и обучением нужных людей — создал целую сеть центров по подготовке своих кадров. Эти кадры экономистов эксперты Глобосистемы внедряют в правительства богатых природными ресурсами стран с вполне определенными задачами.

Кураторами кадровых центров называют бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, миллиардеров Джоржа Шварца (он же Сорос) и Шауля Айзенберга (после его ухода — Дэвида Рубена). Предварительно «засланных казачков» обучают строить запутанные схемы движения финансовых потоков, чтобы сам черт не мог разобраться, куда ушли капиталы, и кому они принадлежат. Им дают хорошие навыки превращения индустриально развитой страны в сырьевую провинцию через разрушительные механизмы квазиприватизации, ГКО, финансовых пирамид и стерилизации бюджетных накоплений, в так называемых стабфондах.

Среди таких центров наиболее известен в России Международный институт прикладного системного анализа (ИИАСА), разместившийся в Лаксенбургском замке под Веной. Одним из его учредителей (вместе с Великобританией, США, Канадой, Германией) значился даже Советский Союз: в свое время такое решение пролоббировал зампред Госкомитета по науке и технике Совмина СССР, зять премьера Алексея Косыгина Джермен Гвишиани (в постсоветские годы он был председателем комитета поддержки международных связей РСПП — российского профсоюза олигархов). Но сколько-нибудь серьезных позиций в ИИАСА наша страна так и не заимела — бал все круче правила Глобосистема.

Правда, в контакте с институтом постоянно находились некоторые деятели КГБ и шеварднадзенского МИДа СССР. Они подбирали и направляли в Вену на стажировку молодых экономистов, которые проповедовали космополитические взгляды. Создавали, так сказать, золотой фонд Бнай Брита. В КГБ отбором кандидатов занималось управление первого заместителя председателя Комитета генерала армии Филиппа Бобкова (впоследствии Бобков возглавлял в группе «Мост» олигарха Гусинского аналитическую службу). На стажировке в Лаксенбургском замке побывали будущие министры Чубайс, Нечаев, Ясин, Шохин и еще целый ряд нынешних чиновников, оккупировавших кабинеты Кремля, Правительства и Центрального Банка России.

Особое доверие было оказано дружку Егора Гайдара Пете Авену, глубоко презирающему, судя по его высказываниям, русскую чернь. В 89-м его сделали ведущим научным сотрудником ИИАСА, чтобы он натаскивал соотечественников приемам закладки под экономику тротиловых шашек ультралиберализма. И там, под крылышком хозяев планеты, Петр Олегович так осмелел, так рассупонился, что стал давать «указивки» руководству нашей страны.

Вот как он рассказал об этом в одном из своих интервью: «Записку я написал еще летом 89-го, когда только попал в Австрию, для Шеварднадзе. Я передал через Шохина, который был тогда его помощником. Я написал двенадцать пунктов — то, что надо делать в нашей экономике. Шеварднадзе передал ее для обсуждения в Политбюро. Для посольства это был шок. Какой-то молодой парень из ИИАСА пишет записки, которые попадают на стол Горбачева».

Конечно, у нормальных людей должен быть шок от осознания того, что надвигается мрак шоковой терапии. И что в экономике наступит полный «стабилизец». Это была своего рода инструкция Бнай Брита для генсека и его соратников по Политбюро ЦК. Хотя Авен, который ходит в обнимку с сегодняшними хозяевами Кремля, большой распальцовщик, в данном случае он не привирает. Архивы это подтверждают.

А дальше «учитель Политбюро» поделился еще одним секретом: «Был важный разговор в Париже (его и экономистов команды будущих «реформаторов». — *Авт.*). Это была весна 91-го. Там мы впервые всерьез осуждали формирование правительства — прямо в этих терминах. Я впервые понял, что Гайдар, Шохин, Чубайс всерьез думают о правительстве». (Да как же не думать, не мечтать: того же Авена в феврале 92-го Ельцин назначил министром внешнеэкономических связей РФ, и по велению какой-то щуки он очень скоро стал олигархом.)

Обратите внимание на время — весна 91-го. До декабрьского Беловежского соглашения почти год, а Мировая Закулиса со своими марионетками уже формирует правительство независимого российского государства и делят портфели. Опьяненные многолетним отсутствием возмездия, эти ребята в последнее время подразвязали свои языки и успели кое-что рассказать. Но не о них пока речь.

2

С самого начала Бнай Брит ставил своей целью взять под полный контроль все финансовые потоки планеты. И, можно сказать, с этим справился. Банки Америки и Европы, включая Швейцарию и офшорные зоны, принадлежат членам масонского Ордена. (За движением советских золотовалютных активов они следили с особой тщательностью). Стало быть, ЦРУ оперативно получает информацию о личных счетах и других активах нечистоплотных представителей власти всех стран. А по докладам ЦРУ уже руководители западных держав решают, с кем из них полезно поработать и как.

С Китаем и его лидерами они на «вы», с небольшой Белоруссией и ее Батькой — тоже (как раньше со Сталиным, Хрущевым и Брежневым). Потому что чистых на руку политиков в финансовых вопросах за горло не возьмешь и во внутренние дела их государств бесцеремонно не полезешь. А с нечистыми на руку «фигурантами» можно на «ты».

Заокеанские руководители не грозят им шумно ядерным оружием. А при встречах жестко берут за мошонку и вкрадчиво говорят: «Вот, парень, документы на твои активы, которые ты слямзил у доверчивого народа. Не хочешь, чтобы тебя дискредитировали и сделали невыездным? Если не дурак, будешь решать так, как мы тебе продиктуем». И «не дурак» под нажимом шантажа вынужден делать то, от чего у его народа лезут глаза на лоб.

Наверно, только в ЦРУ можно узнать истинные мотивы появления того Соглашения между Бейкером и Шеварднадзе, о котором я уже говорил, — Соглашения о разграничении между СССР и США морских пространств в Беринговом и Чукотском морях. По нему, если помните, наша страна ни за что ни про что уступила американцам в двухсотмильной зоне район площадью 7,7 тысячи квадратных километров и часть континентального шельфа площадью 46,3 тысячи квадратных километров. Неужели за голубые глаза президента Америки делала этот подарок кремлевская власть?

А с какой силой (и по каким таким поводам!) надо было взять наш Кремль за мошонку, чтобы заставить его взметнуть

руки вверх и отказаться от самого грозного оружия Советского Союза — Боевых железнодорожных ракетных комплексов (БЖРК) «Скальпель»! Не верьте пропагандистам Бнай Брит, вещающим сегодня с российских телеэкранов, будто СССР надорвался и оттого стал по ядерной мощи слабее США. Будто социальная модель общества не выдержала конкуренции с олигархическим капитализмом. Все было не так. Это было похоже на приказ полководца своей армии сдаться на милость не напирающему, а отступающему противнику.

Шедевры наших конструкторов — железнодорожные поезда, составленные как бы из рефрижераторов, курсировали по разным дорогам страны и могли преодолевать в сутки до тысячи километров. Вроде везли куда-то мясо, рыбу, овощи, фрукты. С американских спутников-шпионов БЖРК было трудно отличить от обычных составов.

Но в момент «Х» крыши рефрижераторов распахивались и с пусковых установок могли стартовать твердотопливные ракеты СС-24 «Скальпель» (по натовской классификации). В каждом поезде было по три установки, а общее число «Скальпелей» — 60. Одна ракета СС-24 несла десять ядерных разделяющихся боеголовок мощностью по 500 килотонн, плюс помехи для системы ПРО, и, преодолев все препятствия на расстоянии одиннадцать тысяч километров, попадала в цель с точностью до 200 метров.

Труднопоражаемых БЖРК, принятых на вооружение в 87-м, американцы боялись, как черт ладана. (Жуткий страх они испытывали и перед суперракетами РС-20 — к истории с их уничтожением вернемся в следующей главе.) Знали, что ответная залповая атака «Скальпелей», помимо других городов, могла уничтожить Вашингтон, командные пункты США и главный центр управления запусками ракет в подземных бункерах горы Шайенн. Сами янки пытались создать подобие наших БЖРК с ракетами «Пискипер», но дело у них не пошло. Они чувствовали себя ущербными: кулаки-то постоянно чесались и так хотелось утвердить бнайбритскую гегемонию на планете, а кишка тонка — могли нарваться на неприятности с летальным исходом.

И вдруг кремлевская власть согласилась в 89-м начать переговоры о ликвидации БЖРК. Какие же аргументы должны были вынуть из рукава американцы, чтобы заставить московских бюрократов пойти на такой беспрецедентный шаг! Нельзя же относиться серьезно к официальному объяснению, будто иначе нам бы не дали кредиты (а где свои золотовалютные активы — тю-тю?).

Сначала по договору о сокращении стратегических наступательных вооружений БЖРК загнали на базы и поставили на «вечный прикол». Да еще услужливо смонтировали на ядерных поездах лазерные маячки, чтобы противнику было проще прицеливаться по «Скальпелям». А позже Ельцин и его престолонаследник завершили уничтожение оружия, смертельно опасного для США. (Кстати, не Гобрачев же с членами Политбюро лазили по вагонам и цепляли предательские маячки. Это делали высокие чины Советской Армии и КГБ, которые давали присягу на верность Родине. Я так и вижу, как генералы, кряхтя от натуги и густо потея, карабкались по металлическим лестницам, чтобы удостовериться в надежной работе сигнализации. А потом эти генералы, в качестве народных депутатов России, будут избирать председателя парламента и выдавать себя за истинных патриотов.)

Тротиловый эквивалент этого капитулянтского решения (а надо присовокупить сюда еще добровольное уничтожение военной инфраструктуры Варшавского блока за счет бюджета СССР, сдачу территорий под ракетные установки НАТО в двадцати шагах от Москвы и многое другое) измерить невозможно. Что называется, полный капут! Кем стал Советский Союз — жертвой коррупции крупных чиновников, прижатых к стенке шантажистами из Бнай Брита? Заложником политики вождей-пацифистов? Так раздеваются догола или в припадке безумия, или в порывах сильной любви.

Михаил Сергеевич Горбачев, видимо, потерял голову от обожания США, считая их образцом миролюбия и бескорыстия. Такая мысль закралась у меня в начале 92-го, когда мы — три вице-премьера российского правительства спустились по просьбе руководства Минобороны на Запасной Командный Пункт (ЗКП) под Москвой. Это сложнейшая система подземных сооружений для Верховного Главнокомандующего страны и его штаба на случай ядерной угрозы. Там автономные энергомощности, другие источники жизнеобеспечения и много-много всего остального.

Даже прямое попадание мощного ядерного заряда не выведет из строя ЗКП. А вот грунтовые воды, подземные реки стали создавать серьезную угрозу — Советское правительство прекратило финансирование необходимых работ. Поэтому руководство Минобороны уже другой страны — России попросило нас осмотреть объект и повлиять на Ельцина в плане срочного выделения средств. Что мы и сделали.

Но вспоминаю я эпизод по другой причине. В ЗКП имелся журнал посещений: все, кто спускался туда (а это были едини-

цы), обязаны расписаться и поставить дату. Я изучил журнал. В нем стояли подписи всех бывших Верховных Главнокомандующих — Хрущева, Брежнева, Андропова и даже больного Черненко. А следов пребывания Михаила Сергеевича не было. За семь лет нахождения в должности Верховного Главнокомандующего СССР он не нашел времени познакомиться со своим рабочим местом в «кризисной ситуации». Какая вера в рыцарское благородство НАТО и его хозяев — США и Мировой Закулисы!

А вот свой народ такого доверия у кремлевской власти не заслужил. Не пожалело же времени Политбюро ЦК на рассмотрение и утверждение предложений КГБ СССР о создании дополнительных подразделений Группы «А» (Альфа) на территории Советского Союза. Для подавления недовольства населения (о чем я подробно рассказывал во второй главе).

3

Вернусь, однако, к обстановке накануне первого съезда нардепов. Тогда мне было многое непонятно: кто и с какими замыслами пришел в российский парламент. Сплошь незнакомые лица, все шумели о преданности идеям демократии и о спасении многострадального народа. Но со временем словесная шелуха опадала, достаточно четко проявлялись позиции каждого, оголялись истинные цели людей. В основном, конечно, шли «на ловлю счастья и чинов». Кто как понимал свое «счастье», тот и объединялся с себе подобными. Образовалось два влиятельных лагеря.

Как вижу теперь, были немалые силы и внутри страны, и за ее пределами, заинтересованные в «своем» удобном во всех отношениях кандидате на пост Председателя Верховного Совета СССР. В том человеке, который не станет рыться в зарубежных счетах вороватой номенклатуры, не решится перекрыть отлаженные каналы утечки активов России за бугор и мешать Мировой Закулисе хозяйничать на наших богатых просторах (Мировая Закулиса требовала, чтобы после Горбачева все ходили по той же, указанной Западом, плашке и называла такой порядок, да и сейчас называет, — преемственность власти). Эти силы на съезде были представлены не очень большой группой депутатов. Назову ее условно бнайбритской. Она сделала ставку на «обновленного» Ельцина, готового ради власти на любые условия.

А противостояла ей другая группа, прорусская, более многочисленная, но не столь монолитная. Она тоже отстаивала интересы номенклатуры — партийной и хозяйственной.

Но была категорически против режима внешнего управления Россией и считала, что национальные богатства, пусть и приватизированные, должны работать только на страну. Она поносила Горбачева за чрезмерные уступки Западу.

Если вопрос не касался дележа власти, бюрократы из двух этих групп единодушно, как на партийных собраниях, «проталкивали» решение. Так, за Декларацию о суверенитете РСФСР, которая давала право приостановки того самого закона СССР об автономизации России, все проголосовали без звука. Мировой Закулисе выгоднее иметь дело не со сборищем мелких вождей, а с одним центром власти на нашей территории. Это же было в интересах прорусской бюрократии: невозможно создать сильное государство, гарантирующее безопасность личного бизнеса, где на каждом километре свой царь и бог.

Всей кучей съезда навалились бюрократы и на Комитет народного контроля России — дружненько упразднили его вместе с региональными подразделениями. А это был очень эффективный инструмент финансового воздействия на чиновников (я упоминал о нем в первой главе). И не только финансового. Сколько голов снесли с бюрократов контролеры за воровство и плохое исполнение обязанностей. В этой системе работали миллионы пенсионеров на общественных началах, которых называли народными мстителями. Их нельзя было купить взятками, запугать (пенсию не отнимут!) — они лезли во все щели, стучались во все двери.

И Ельцина, когда он работал на стройке, народный контроль не раз штрафовал за брак, и многих других депутатов-хозяйственников. Хватит его терпеть! Хватит ему пить кровь родной бюрократии! Тем более впереди была схватка за собственность, за природные богатства и финансы России. И тут обе группы слились в едином желании — избавиться от ненавистного контроля. Будь их воля, они упразднили бы и прокуратуру, и МВД. Так обе группы расчищали пространство для безмятежной жизни на случай своей победы.

А кому она больше светила? Бнайбритской группе ловить было нечего, если бы не два обстоятельства. С группой этой, во-первых, объединились депутаты от блока «Демократическая Россия» и даже назвали Ельцина своим кандидатом. Среди них немало было политиков со взглядами Авена. Но в большинстве своем там собрались наивные романтики, подвижники, такие, как Белла Куркова, Олег Басилашвили, Сергей Юшенков, Виталий Уражцев, Глеб Якунин, Лев Пономарев и многие другие. Они помнили Ельцина по московским баталиям и по-прежнему видели в нем борца с бюрократическим

произволом, принимали за чистую монету его слова о любви к народу и справедливости. Им казалось, что, поддерживая Бориса Николаевича, они делают историю и двигают Россию к прогрессу. А о его закулисных маневрах и тайных договоренностях демократы станут догадываться позднее.

И второе обстоятельство — игра Кремля с Ельциным в поддавки. В прорусской группе были достаточно сильные и авторитетные депутаты, с удачным руководящим опытом за спиной, которые могли положить на лопатки демагогию Бориса Николаевича. Он ведь в дискуссиях удары держать не умел. Но Горбачев со своими товарищами из Политбюро двинул против харизматичного Ельцина, скажу помягче, не очень импозантного Ивана Кузьмича Полозкова, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС.

Чтобы сдать матч, футбольному тренеру не обязательно заставлять нападающих забивать гол в свои ворота. Достаточно поставить на игру заведомо слабых игроков, и дело будет в шляпе. То же самое и в политике. Может быть Михаил Сергеевич считал Полозкова достойным соперником Ельцину и просто ошибся? Но вот свидетельство помощника Горбачева Анатолия Черняева. Его и Евгения Примакова шеф пригласил к себе на дачу поужинать. Там разговор зашел о Иване Кузьмиче. И Анатолий Черняев записал в своем дневнике такое высказывание Михаила Сергеевича: «Я же Полозкова знаю очень давно. Он честный, порядочный мужик, но глупый, необразованный».

В Большом Кремлевском дворце, где проходил съезд, было много свободных мест. Нас, народных депутатов СССР, пускали туда беспрепятственно, и я несколько дней подряд наблюдал за выборными дебатами. Интересно было сравнивать тактику борьбы двух кандидатов-соперников — Полозкова и Ельцина, представляющих два разных направления в развитии России.

Бесхитростный Полозков, невысокий, кряжистый, пер против разорителей страны, как раненый кабан на охотников, — только трещали камыши. Он будто не знал, что депутаты-директора и депутаты-чиновники давно богатели за счет кооперативов при предприятиях, и предавал эти кооперативы анафеме, теряя сторонников. Когда он взметал по-ленински руку, бросалась в глаза наколка «Ваня», синеющая у основания большого пальца. Иван Кузьмич своей прямолинейностью и видом урки увел из прорусской группы немалое число участников съезда.

А высокий, стройный Борис Николаевич извивался ужом. Он то обещал всем защиту от обнищания: «Предложения со-

юзного правительства, в которых предусмотрены рост цен и переход к рынку за счет народа, — это антинародная политика. Россия не должна ее принимать», то предлагал себя съезду как уцененный товар: «В нынешней обстановке ... нужно избирать Председателя Верховного Совета на два года». Это впечатляло: человек не намерен засиживаться во власти, он хочет вытащить Россию из трудностей и уйти. Да еще знает, как безболезненно перейти на рыночные отношения. Ну какой ему Полозков конкурент!

Странным было и поведение самого Михаила Сергеевича. На съезде он не пошел в президиум, а поднялся с Лукьяновым на балкон, нависший над залом, и громко бросал оттуда в адрес депутатов колючие реплики. Холод высокомерия струился с балкона. Горбачев всем своим видом показывал, что относится к съезду как к балагану. Так смотрят с наблюдательной вышки за возней детворы в пионерлагере.

А его выступление на съезде?! В привычной своей эмоциональной манере он поругал Ельцина, не подкрепив доводы аргументами, и пригрозил депутатам санкциями со стороны союзного правительства, если те все-таки надумают поддержать Бориса Николаевича. Мне представляется, что этот финт был рассчитан на психологию упрямого русского мужика: «Ах, так! Нас запугивают. Да мы из вредности проголосуем не за того, кого нам навязывают!»

Два тура бодались Ельцин с Полозковым и шли почти ноздря в ноздрю, не добирая каждый до победы совсем немного голосов. А в третьем туре Политбюро вдруг сняло с дистанции Ивана Кузьмича и двинуло на трибуну взлохмоченного от неожиданности предсовмина России Александра Власова, как мне показалось, не совсем понимавшего, за что его, подобно Сергею Лазо, суют в топку съездовского паровоза.

Три года генерал-полковник Власов был министром внутренних дел СССР, и клеймо мента ему очень мешало. Он, конечно, не ошарашивал публику, как Грызлов, политическим неологизмом: «Парламент — не место для дискуссий!» (его вынесли бы на носилках из зала), но все же прошлое кандидата настораживало многих. Вдруг он попытается заставить вольнолюбивых депутатов ходить по команде «ать-два!» И это помогло Борису Николаевичу набрать для победы необходимое число голосов.

Уже тогда в кулуарах съезда некоторые депутаты из прорусской группы роптали: что же происходит! Или Горбачев с Ельциным грызутся на людях для вида, а за спиной варят одну кашу? Или повлияли поездки Бориса Николаевича в США и

другие осиные гнезда Бнай Брита и влиятельные господа сказали вождю советских коммунистов: «Не мешай, парень, Ельцину взять власть в России?» Иначе зачем Михаил Сергеевич со товарищи из Политбюро устраивал этот политический цирк!

Через несколько часов после своей победы Ельцин позвал меня и попросил назвать кандидатуру на пост его первого заместителя. Он плохо знал российских депутатов. Я предложил председателя Ханты-Мансийского окружного Совета Валерия Чурилова — выпускника МВТУ имени Баумана, кандидата технических наук. Человека с широким кругозором и стойких демократических взглядов. Мы с ним проехали по многим нефтепромыслам, и я отметил про себя, что это настоящий хозяин своей земли, которого рабочие глубоко уважали.

Вскоре Борис Николаевич позвал меня еще раз и сказал, что кандидатура Чурилова не прошла (у кого она «не прошла» — осталось загадкой) и что ему «навязали какого-то» Руслана Хасбулатова. Он его совсем не знал. И я тоже не знал. Жаль, конечно, что Чурилова бортонули — был бы очень сильным, порядочным работником.

Как бы спохватившись, Ельцин уже на бегу посоветовал не тянуть с подготовкой предложений о создании Министерства печати и информации России. Эту тему мы с ним обговорили заранее: принят Закон о печати СССР, и нужен государственный орган, который бы занялся демонополизацией СМИ, упразднением всех структур Главлита (цензуры), оказанием помощи в становлении независимых изданий. Я ответил, что набросать предложения не проблема, а кого он намечает на должность главы правительства?

— Бочарова, — сказал твердо Борис Николаевич, — я с ним уже договорился. Он уважаемый человек, его съезд поддержит.

Мне выбор Ельцина был тоже по душе. С Михаилом Александровичем Бочаровым мы были членами Координационного совета в Межрегиональной депутатской группе (МДГ), дружили и очень часто встречались. До избрания народным депутатом СССР он возглавлял крупнейший в стране Бутовский комбинат стройматериалов (концерн «Бутэк»), в который ездили за опытом со всей страны. «Бутэк» давно работал на полном хозрасчете, использовал самые прогрессивные методы организации труда.

В Комитете Верховного Совета СССР по строительству и архитектуре Бочаров являлся правой рукой Ельцина и в последние дни был очень занят. Комитет вел парламентское рас-

следование по фактам бесполезной траты в городе Елабуга 1,3 миллиарда долларов из бюджетных средств. Сумма для загибающейся экономики страны огромная.

История поучительная и для сегодняшних чиновников-кавалеристов с шашками на перевес. В 85-м по решению союзного правительства в Елабуге началось строительство Камского тракторного завода для производства пропашных агрегатов. Три года возводили корпуса, потратили громадные деньги, а зачем — так и не поняли. Современных образцов трактора, годного к массовому выпуску, ведомственные конструкторы дать не удосужились. Задумались: что дальше строить и для чего? (Это ж надо так планировать и хозяйствовать!)

Новым росчерком пера союзного правительства в 88-м решили здесь все переделать под автомобильный завод по выпуску 900 тысяч малолитражек в год. Чтобы продавать их за валюту. Стали переделывать, как раз и потратили эти 1,3 миллиарда долларов. Но никакой серьезной экспертизы не проводилось. Оказалось, что на заводе такой мощности должно работать 600 тысяч человек, а все население Елабуги 50 тысяч. И инфраструктуры никакой. К тому же «Ока» и старая фиатовская модель «Panda» за валюту никому не нужны. Опять остановились и стали чесать в затылках.

За обедом в столовой Михаил Бочаров делился со мной некоторыми подробностями расследования. И однажды сказал, что все собранные материалы вывели комиссию на главного виновника — зампреда Совмина СССР Ивана Силаева, курировавшего машиностроительный комплекс. Он самолично подписывал решения правительства, которые непонятно в каких целях готовили люди из его аппарата. И Комитет Верховного Совета оформляет «Елабужские страдания» для передачи в Генеральную прокуратуру СССР. Дело подсудное.

Странно, как все перекликается в жизни! Мне тоже приходилось заниматься проблемами тракторостроения. И вставляли мне палки в колеса люди из команды Силаева. Это было в 86-м, когда я еще работал в «Правде», и ко мне пришел фронтовик-конструктор, если память не изменяет, из научного автотракторного института, который располагался недалеко от Белорусского вокзала. Он спросил: знаю ли я, что за последние годы их ведомство не выдало на-гора ничего нового. Тракторостроение приходит в полный упадок, как и весь машиностроительный комплекс.

А между тем в головном институте страны молодые конструкторы творят, предлагают интересные варианты машин, но проекты большие чиновники кладут под сукно. И занимают-

ся имитацией деятельности. Разобрали по болтикам американский Катерпиллер, скопировали детали, потом долго отливали их в разных формочках. Но металл другой, тяжелый, к тому же для присвоения себе авторства изделия кое-что изменили — когда собрали копию, трактор еле-еле тащил свой вес. Сколько ухлопали времени и средств на пустую работу! Кстати, именно этот институт толкал для выпуска в Елабуге модель позавчерашнего дня МТЗ-142, которую ведущий конструктор Дронг разрабатывал еще в 1961 году, но она его не удовлетворила. Такое впечатление, говорил конструктор, будто кто-то преднамеренно тянет отрасль назад, чтобы мы покупали за рубежом.

Два дня я ходил пешочком в институт — от редакции он недалеко. Испрашивал и смотрел рекомендованные конструктором бумаги, разговаривал с ведущими инженерами. А на третий день мне сказали, что они доложились по инстанции о характере моих интересов к отрасли и что им позвонили из аппарата зампреда Совмина Ивана Степановича Силаева и впредь не велели давать документы — они секретны. Мне же не полагается знать секреты! Я усмехнулся: Ну, «детвора!» И показал высшую форму допуска к секретам — первую, так называемый вездеход. Они растерялись, и началась долгая эпопея со звонками.

А на следующий день меня вызвал к себе главный редактор «Правды» Виктор Афанасьев и спросил:

— Ты что там у тракторостроителей бузу поднимаешь?

Я объяснил, в чем дело. Оказывается, Афанасьеву позвонил завотделом машиностроения ЦК КПСС Аркадий Вольский (с какой завидной оперативностью там подключались к защите друг друга!) и, ссылаясь на мнение генсека, порекомендовал газете не поднимать «тракторную» тему.

Афанасьеву эти звонки были как кость в горле.

— Они все прикрываются мнением Генерального, врут, конечно, — как-то печально сказал главный редактор. — Но не станешь же по каждому случаю звонить Горбачеву и переспрашивать. Не будем лезть на рожон — займись другой темой.

Я начал было возмущаться, но главный меня отбрил:

— Ты сам виноват. Когда идешь по крыше — не греми сапогами. Тогда и шума не будет.

А как не греметь, если люди видят, что корреспондент собирает материал не об успехах в соцсоревновании. И если сами хорошо понимают, что они вытворяют и где им за это полагается быть. Конечно, будут включать все предупредительные сирены!

Сейчас мы уже привыкли быть на этом направлении позади планеты всей. И откатываться назад все дальше и дальше. Но даже в самые сложные, голодные времена наша страна умела кое-что делать. В 1930 году советское руководство обратилось к США за технической помощью в строительстве у нас первого тракторного завода. На Руси лапотной этим никогда не занимались. Но американцы заломили безумную цену. А кто из капиталистов захочет выращивать себе конкурентов!

Тогда русские инженеры сами разработали генплан завода с учетом последних мировых достижений в тракторостроении. Успели провести экспертизу, все отмерить не семь, а семьдесят раз. В том же году в Челябинске началось строительство завода.

Кремлевская власть опекала стройку как дитя малое (с таким же рвением, с каким нынешняя власть опекает возведение дворцов и резиденций для себя, родимых). Всячески поддерживала свежие идеи конструкторов, разжигала изобретательский бум. И уже через три года Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) начал выпускать продукцию (к 1940 году с конвейера сошло сто тысяч тракторов). Какую продукцию? На этот вопрос в 1937 году ответила международная выставка техники в Париже: там наши тракторы С-60 и С-65 были признаны лучшими и удостоились высшей награды — Гран-при.

Не будь всего этого, не было бы у Советского Союза лучшего танка Второй мировой войны — Т-34. (Еще одну высшую награду Гран-при у нас получала «Волга-21». На международной Брюссельской выставке в 1958-м она была признана лучшим автомобилем года и получила название «Танк во фраке».)

И тогда, когда мы были в технике на первых позициях, и в 80-х, когда страна скатилась в аутсайдеры, в Советском Союзе царствовала одна и та же политическая система. А какие разные результаты! Кстати, не только в этой отрасли. Так что дело не в форме общественного устройства.

Сторонники тотальной приватизации все время жужжат в уши народу, будто национализированная тяжелая промышленность (и вся группа «А») — это бегун на спринтерские дистанции. А на длинных расстояниях она соревнования с капиталистами не выдерживает. Вот и в Советском Союзе людей к первым большим успехам двигал страх, а страха не стало — победы закончились.

Интересный аргумент. А разве не на страхе держатся все иные системы? И крупным капиталистом и мелким заводчиком тоже движет страх — страх разорения. А что держит в рамках политиков Запада? Боязнь: как бы не потерять место

и не получить волчий билет! И чиновник, не важно, какую общественную формацию он представляет, работает тогда хорошо, когда ощущает над собой домоклов меч страха — страха быть вышвырнутым за некомпетентность, безделье или потерять свободу за взятки и откаты. Это вседозволенность, ставшая нормой жизни представителей власти, подкосила нашу экономику. Ведь российский чиновник без совести и страха — это же не человек. Это горилла со связкой тротиловых шашек, да еще верхом на носороге. Раздолбайство власти, круговая порука в чиновничьей среде несут одни беды и современной капиталистической России.

Я рассказал Бочарову о своей истории с научным институтом: не пригодится ли?

— Не знаю. По идее прокуратура должна рассматривать силаевский вопрос в комплексе, — ответил Михаил Александрович. — Что расследовать — их дело. Через пару дней отвожу документы генпрокурору — поручение нашей комиссии. И Ельцин дал «добро».

Через несколько дней мы встретились: как дела? Бочаров пожал плечами: «Какая-то игра там наверху».

— Меня пригласил к себе Рыжков и попросил не передавать дело в прокуратуру, — сказал Михаил Александрович (Николай Иванович Рыжков в ту пору — Председатель Правительства СССР. Видимо, они созвонились с Ельциным). — Он отправляет Силаева досрочно на пенсию, пусть уйдет по-доброму. И Борис Николаевич занял ту же позицию. Так что обращаться в прокуратуру бесполезно.

Еще через какое-то время я зашел в кабинет к Борису Николаевичу, там была группа шахтеров. Они просили помощи. Приоткрыв дверь, заглянул Бочаров, и Ельцин обрадованно показал рукой в его сторону, как на палочку-выручалочку:

— Вот будущий глава правительства, с ним решайте вопросы.

До этого Борис Николаевич сказал Бочарову, чтобы он начал вести переговоры с кандидатами в члены правительства. И Михаил Александрович, не афишируя, занимался формированием команды. Например, бывшему председателю Госплана Татарстана депутату Юрию Воронину он предложил пост вице-премьера по экономике. Тот собрался советоваться с членами своей фракции в парламенте.

Что было дальше, вспоминал сам Воронин: «Вечером меня и заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Исаева срочно вызвал со съезда народный депутат Мухаммат Сабиров, бывший в то время Председателем Совета мини-

стров Татарской АССР. «Срочно идем к Силаеву, — сказал он нам. — Он только что позвонил. Завтра его будут представлять на должность Председателя Совета Министров РСФСР». «А как же Бочаров?» — изумились мы. «Не знаю, — ответил Сабиров, — представлять будут двоих-троих, в том числе, возможно и Бочарова. Но Борис Николаевич будет поддерживать Силаева. Иван Степанович начал вести переговоры с фракциями и региональщиками, просил нас подъехать». Через день Силаев был утвержден Верховным Советом в должности предсовмина, а затем и съездом».

Даже для политики трюк неожиданный!

По депутатским фракциям передали призыв Ельцина: голосовать не за Бочарова (он тоже выдвигался), а за Силаева. Того самого Силаева, зама Рыжкова, которого его шеф с Ельциным намеревались прикрыть от прокуратуры отправкой на пенсию. А вознесли во-он куда!

Так круто развернуть упрямого Председателя Верховного Совета России — нужна большая политическая сила. У кого же она нашлась? У Михаила Сергеевича.

Накануне состоялась «тихая» ночная встреча Ельцина с Горбачевым, куда Борис Николаевич пришел со своим мнением, а вышел, так сказать, с решением «высших инстанций». Что-то насторожило их там «наверху» в Бочарове: человек идеи, бескомпромиссный, держатся за должность не будет. Значит, управлять им невозможно.

Помощник Михаила Сергеевича Анатолий Черняев записал в те дни в своем дневнике: «Силаев, премьер-министр России, выступил за частную собственность (полная метаморфоза у технократа). Кстати, Бочарова взять в премьеры Ельцин побоялся, а взял Силаева, хотя это был человек Горбачева. Чудеса, да и только!»

Наверно, Черняев тоже не все знал о взаимоотношениях Михаила Сергеевича с Борисом Николаевичем. А удивлялся не только он. Это потом я, случай за случаем, стал понимать: Ельцин уже не самостоятельная фигура. А тогда из его путаных объяснений выходило, что ему нужен премьер, которого чиновники Центра считают своим. Так якобы легче будет выпрашивать для России поставки товаров и материалов.

Выпрашивать у кого? Ельцин, оправдываясь, словно забыл, что он сам «протолкнул» на съезде постановление, по которому Совет Министров РСФСР выводился из подчинения Союзного правительства, МВД республики переподчинялся Совету Министров РСФСР, учреждались российские банковская и таможенная системы, а новому правительству поручалось за-

ключить прямые договоры с союзными республиками и иностранными государствами.

Постановление имело силу закона. Это был официально оформленный уход России из семьи СССР, уход со всеми пожитками. И реакция кремлевской власти на него — гробовое молчание. Создавалось впечатление, что там заранее знали о готовящемся сюрпризе Советскому Союзу.

Я сказал Ельцину: поскольку дело с Бочаровым не выгорело, то и мне не стоит входить в правительство и создавать там министерство печати. Силаев совсем другой премьер.

— А какая вам разница, кого назначили премьером? — удивился Борис Николаевич. — Премьер сам по себе, он отвечает за экономику, а вы сами по себе — у вас идеология. Идите, как договорились, в министры, будете чаще иметь дело со мной и Верховным Советом. Я Силаеву подскажу, чтобы он помогал нам активнее.

Разница, конечно, большая: или работать с демократом-единомышленником, или с заскорузлым бюрократом, засланным в российскую власть одной из кремлевских группировок. Но прав Ельцин: нам с премьером не детей крестить. У меня своя программа действий, с которой я шел в народные депутаты СССР, ее и надо выполнить в любых обстоятельствах. Тем более что мои планы совпадали с позицией членов Верховного Совета РСФСР.

4

За несколько дней до этого разговора, когда еще продолжалась работа съезда, мы собрались в кабинете Бориса Николаевича — он, Белла Алексеевна Куркова и я. Обсуждали, как создать в России свои телерадиокомпанию и информационное агентство. Республика тогда этого ничего не имела.

Народный депутат Куркова — основательница и главный редактор популярнейшей передачи из Ленинграда «Пятое колесо» — была хорошим профессионалом. Ельцин любил эту передачу, а Беллу Алексеевну обожал за смелость и бескорыстие. И она в нем души не чаяла. Между ними были доверительные отношения. (Правда, через два года на одном из представительных совещаний Куркова, разобравшись, назовет Бориса Николаевича с трибуны попом Гапоном. Я сидел в президиуме рядом с Ельциным — он был с бодуна, нервно катал рукой по столу карандаши и мычал: «Разлюбила! Разлюбила!» Хотел подняться и уйти, но я придержал его за руку.)

Зная телевизионную кухню, Куркова предложила забрать у Кремля Второй резервный телеканал и АПН, где имелось мно-

го современного телеоборудования. Тогда можно создать Всероссийскую государственную телерадиокомпанию (ВГТРК). Но как заставить кремлевскую власть пойти на такой шаг? Решением съезда народных депутатов РСФСР! Он теперь полный хозяин на территории России. Завтра же Белла Алексеевна должна выступить с этой идеей на съезде, а Ельцин убедит депутатов проголосовать. (За вечер мы набросали с Курковой и речь, и проект постановления съезда.)

— Я нажму кнопку в зале, — заволновалась смелый автор «Пятого колеса», — и окажусь в очереди на выступление какой-нибудь пятидесятой. Не дадут мне слова.

— Вы только нажмите, — успокоил ее Борис Николаевич, — а дальше мое дело. Первой выходить на трибуну не стоит, пойдете второй. Но вы должны и возглавить эту телекомпанию.

— Нет-нет, — запротестовала Куркова. И передразнила Сталина из известного фильма: — Я Питер на Москву нэ меняю!

На съезде все было разыграно, как по нотам. Депутаты выслушали Беллу Алексеевну и почти единогласно проголосовали за ее предложения: монополия кремлевских чиновников на Первом канале и на всю информацию надоела людям до чертиков. Верховному Совету поручалось стать учредителем ВГТРК.

А реализовывать постановление съезда предстояло только что созданному Мининформпечати, то есть мне, поскольку я был там пока в единственном числе. Меня утвердили министром в июле 90-го, я тут же сел составлять штатное расписание. И одновременно уламывал цэковские типографии: надо было срочно начать выпуск новых изданий, придумать им названия — так появились «Российская газета» и «Российские вести». А не было ни полиграфической базы, ни помещений — все принадлежало Управделами ЦК.

Когда-то в Казахстане я заработал медаль «За освоение целинных и залежных земель». И какой-то опыт первопроходца имелся. Но здесь нетронутых просторов было многовато. Хорошо, что быстро формировалась команда — из народных депутатов СССР, журналистов, юристов.

В памяти российского населения глубокого следа правительство Силаева не оставило. Да и мы, бывшие коллеги-министры, увидим сейчас друг друга и, наверно, не всякого вспомним: кто это! Подбирал Силаев свой кабинет по принципу, неведомому для членов этого кабинета. И за один стол вместе с такими известными профессионалами своего дела, как Юрий Скоков, Михаил Малей, Юрий Соломин и Николай Федоров, сели люди, о которых никто ничего не знал.

У Силаева в приемной сидели лохматые мальчики с опросниками в руках и прилюдно тестировали кандидатов в министры, как школьников. Мы — руководители безденежных ведомств — Мининформпечати, Министерства культуры или юстиции — их не интересовали. Они экзаменовали по заданию Ивана Степановича тех, кто сядет на распределение финансовых потоков или государственной собственности. Этот метод прощупывания по системе «свой-чужой» распространен, как я позже узнал, в кадровых центрах Бнай Брита. Им отсеивают ненадежные элементы. Кто посоветовал Ивану Степановичу использовать его, спросить никто не додумался.

Из своей прежней конторы Силаев привел в Белый дом преданных ему аппаратчиков. Они заняли стратегические высотки, с которых удобно лоббировать частные интересы. И даже пропихивать их в форме правительственных решений. У Ивана Степановича была завсекретариатом Алла Захарова, на редкость энергичная женщина. Силаев частенько отсутствовал: получил новую квартиру, соответствующую высокой должности, и занимался ее облагораживанием. А Захарова вроде бы подменяла его — собирала министров в своем кабинете и давала напутствия. Как можно аккуратнее — все-таки женщина! — мы пытались объяснить, что нельзя превращать демократическое правительство в театр абсурда.

Она, да и другие близкие к Кремлю аппаратчики чувствовали себя полноправными хозяевами Белого дома. А министры? Ну что министры — их дело одобрять на заседаниях правительства задумки аппарата. Задумок, прямо скажем, было немало. В приемных этих чиновников постоянно табунился пронырливый люд — все хотели что-то получить. И получали. В обход и за спинами министерств. Я начинал понимать, почему силаевская прежняя контора так сильно пропоролась на Елабуге.

Мне приходилось уже за хвост ловить и аннулировать с шумом как бы инициированные нашим министерством решения правительства о выделении кому-то больших сумм. Хотя ведомство никакого отношения к подготовке этих решений не имело. Да и не слыхало про них.

Чашу моего терпения переполнил случай с известным кинодеятелем, великим мастером отщипывать что-нибудь для себя от любой власти — белой, красной или коричневой. Вдруг правительство решило выделить ему деньги на русское издание сочинений Пушкина за рубежом, чтобы потом привезти книги в Россию и сдать в торговую сеть. Какая-то замысловатая акция! Даже бессмысленная. У нас было достаточно

свободных полиграфмашин для таких целей, классика печатали без правительственных финансовых вливаний, да еще зарабатывали на этом.

А все дело было в сумме: кинодеятелю правительство выделяло десять миллионнов долларов. Деньги по тем временам фантастические. Думали на имени Александра Сергеевича подкатить к кассе как на удалой тройке. Я заблокировал постановление («Да кто ты такой! — рычал на меня кинодеятель и пригрозил: если подобное повторится, вынужден буду выступить на съезде народных депутатов). Аппарат притих. Но стал строить мне мелкие козни: то загранпаспорт, сданный на оформление, потеряет, то забудет прислать документы к заседанию Кабинета, а то вообще не известит о каком-нибудь срочном сборе министров.

После «разделительного» съезда народных депутатов РСФСР нашему правительству пришлось много времени тратить на демаркацию границ между собственностью остатков Советского Союза и собственностью России, между правами органов управления Центра и республики. Унылая работа. Очень похожа на дележ тряпок в распавшейся семье. Без лишних разговоров каждый делал свое дело. О чем говорить? Все уже сказал съезд своими решениями. А сказанное им подтвердил Кремль своим молчанием.

Силаев тогда молился на Ельцина с Горбачевым, сравнивал их со Столыпиным. Думаю, Петр Аркадьевич слегка удивился бы, за что ему такая великая честь! Цитатами из Столыпина помощники Силаева густо замешивали тексты его речей, посвященных развитию фермерства. Страна вползала в тяжелый продовольственный кризис, и российская власть искала спасение в раскрепощении земледельцев.

Законами Верховного Совета России нашему правительству поручалось заложить базу для многоукладной сельской экономики и создать условия для становления фермерства. А что нужно для этого? Не разрушая крепкие коллективы хозяйства, оказать крестьянам содействие в получении наделов для частного предпринимательства — это раз! Помочь им финансами, техникой — это два. И, наконец, позаботиться о создании конкурентной среды и запуске рыночных механизмов. Задачи, конечно, объемные. Но решать их в тех условиях никто не мешал. Были бы столыпинская мудрость да чувство ответственности перед народом. И поскольку земельную реформу силаевское правительство считало делом приоритетным, на ней и останавливаюсь подробнее. Что мы посеяли в 90-м, то продолжаем жать по сей день.

На земельной реформе «сидел» финансово-экономический блок правительства. А мы, члены кабинета — гуманитарии, должны были составлять как бы группу поддержки. У Столыпина, которым бредил Силаев, реформа пошла, потому что все было продумано по-хозяйски, все работало на большую идею. Крестьянин получал не только надел и лесоматериалы для установки дома, а также подсобных построек, но и денежный кредит с семенным фондом, сельхозинвентарь. Безлошадных обеспечивали рабочим скотом.

Особую роль в реформах сыграл Крестьянский государственный банк. Он был для фермеров заботливым, как мать, и строгим, как отец: давал дешевые долгосрочные кредиты под залог участков и забирал землю в банковский фонд, если она пустовала, скупал ее у нерадивых, продавал в рассрочку работящим хозяевам. Жесткий контроль за расходованием денег по назначению позволял добиваться поставленных целей.

А нашим реформам первые оплеухи отвесила как раз бесконтрольность. Нерегулируемым вбросом бюджетных средств в деревню воспользовалась сельская бюрократия. Лжефермерами записались секретари райкомов КПСС, чиновники сельхозуправлений. Они получали «дешевые» деньги, предназначенные крестьянам, и путешествовали на них по миру, покупали себе легковые автомобили. А земледельцам доставались объедки с барских столов. Финансисты наши так и не удосужились поставить фильтры для защиты от мошенничества и крохоборства.

Люди верили посулам правительства и раздирали даже крепкие хозяйства на доли — подавались в фермеры. А что их там ждало? Кредиты в коммерческих банках резко подорожали, стройматериалов нет, заказать технику для обработки земли или уборки зерна негде. Полагалось бы срочно создать зональные машинно-тракторные сервисные центры (МТСЦ), но до них у власти и сегодня руки не дошли. На заседаниях правительства я, кстати, говорил об этом не раз. Потому что ездил по сельским районам и видел, как ютятся фермеры в коробках из фанеры и орудуют на полях лопатами. Да еще рэкет стал брать их в оборот.

Больше 350 тысяч фермерских хозяйств выделилось в 90-м из колхозов и совхозов. Но в том же году их число сократилось на 70 тысяч. И дальше откат продолжался. Помучились многие, помучались да и послали все к чертовой матери. Бросили землю зарастать сорняками, а сами кто в город уехал прислуживать новым русским, а кто ударился в пьянство. Получилось, что и коллективных хозяйств в России поряд-

ком разрушили, и фермеров не приобрели. Если к 90-му у нас засевалось 117 миллионов гектаров земли, то через несколько лет пашня уменьшилась на 47 миллионов гектаров. Сравните: вся сытая Франция имеет только 18 миллионов гектаров пахотной земли.

Не раз премьеру задавали вопрос: ну почему мы тянем с созданием Крестьянского банка на столыпинский манер (его в нашей стране нет до сих пор). Надо бы вместе с Верховным Советом ускорить решение важной проблемы. Через банк земля включится в цивилизованный рыночный оборот, не оставляя места для черного передела, а фермеры получат возможность материально окрепнуть и нарастить производство продукции. «Специалисты работают», — успокаивал Иван Степанович. Какие специалисты?

У самого доверенного из них был большой кабинет в Белом доме. На двери висела табличка : «Ходорковский Михаил Борисович». Он особо не светился, но мы знали, что это советник Силаева и что Ивану Степановичу его внедрил Горбачев. Ходорковский имел покровителей в Кремле. Вчерашний комсомольский функционер вдруг получил в подарок активы государственного Жилсоцбанка и создал свой коммерческий банк «Менатеп». В нем с разрешения Михаила Сергеевича Горбачева были открыты расчетные счета Фонда ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Контроля за деньгами никакого — хочешь, посылай облученным районам, а не хочешь — переводи в банки Швейцарии. Говорили, что Михаил Борисович — специалист по конвертации средств для высшего эшелона власти.

Технократу советской школы Силаеву, далекому от финансовых махинаций, нужен был «свой» поводырь в банковских делах. И Кремль его дал. Ходорковский делал то, что от него хотели. У его кабинета я сталкивался со многими будущими олигархами. Потом они толпились в приемной Ивана Степановича. И наверняка — в приемной Ельцина. А потом появлялись решения и российской, и кремлевской власти (в этих вопросах противостояния не наблюдалось) о раздербанивании государственных банков со всеми отделениями и филиалами и передаче их активов определенной группе товарищей. За 90-й год в России было создано 1300 коммерческих банков. Кто-то входил в финансовый бизнес со своими накоплениями, но многие использовали присвоенный народный капитал.

А для создания Крестьянского банка денег не нашлось.

Все у нас освящалось именем демократических реформ: и разрушение сельской экономики, и растаскивание по карма-

нам финансов. И ведь трудно было придраться. Нужны коммерческие банки? Очень нужны! Назрела земельная реформа? Давно! «Вот мы и делаем то, что нужно, отцепитесь от нас», — отмахивались вожди от подозрений. Делали, но здесь немного не так, там немного не то — чтобы в целом все получалось с точностью до наоборот. Вместо бензина заливали в двигатель воду, вместо воды плескали на пожары бензин. Только узкая группа высших чиновников знала истинный замысел нашей взбалмошной банковской реформы: в хаосе блатной коммерциализации госструктур проще и безопаснее переправлять народные деньги в качестве ясака кукловодам из Бнай Брита.

По свидетельству бывшего председателя правления Промстройбанка СССР Михаила Зотова, до «большого разбоя» мы имели мощную банковскую систему. Активы одного Госбанка с филиалами превышали совокупные активы (подчеркну — совокупные) таких монстров как Банк оф Америка, Сити Банк, Чейз Манхэттен Банк (США), Дойче Банк (Германия), Креди Лионе (Франция), Дайите Канге банк (Япония) и Барклайз Банк (Англия). То есть Госбанк был крупнейшим в мире. А еще действовали Стройбанк и Внешэкономбанк СССР, с активами чуть меньше, чем у Госбанка. Рабочий капитал нашей страны составлял тогда свыше 2,5 триллиона долларов. «Считаю, что разворовано и вывезено, — подытожил Михаил Зотов, — около полутора триллионов долларов».

Скажу еще раз: а на Крестьянский банк и на другие нужды нашей сельской экономики деньжат не наскребли.

С Силаевым у меня в связи с этим состоялся памятный разговор. Как-то после заседания правительства он поманил меня в свой кабинет для разговора с глазу на глаз, провел в комнату отдыха. Там мы присели в кресла, и Иван Степанович открыл кран в умывальнике, чтобы струя воды с шумом билась в раковину. Подобно Ельцину, он считал, что так можно защититься от прослушивания. Это было в начале лета девяносто первого, когда Борис Николаевич завершал предвыборную кампанию в президенты России, и его всюду сопровождал в поездках по областям первый зам Силаева Юрий Скоков — очень сильная личность. Он выступал на митингах в поддержку Ельцина, действуя магически на толпу, и Борис Николаевич несколько раз прилюдно назвал его будущим премьером России (потом, правда, мелко «кинул», как и Михаила Бочарова. И, став президентом, вновь, с подачи Горбачева, назначил премьером Силаева).

Иван Степанович ревниво отслеживал их поездки. Он переживал, нервничал, боясь потерять свой пост, и стал жаловать-

ся мне на жизнь. Попросил передать Ельцину, что по-прежнему предан ему. Он почему-то считал, что мы с Борисом Николаевичем время от времени обсуждаем работу правительства, и хотел, чтобы я в разговоре отметил большие организаторские способности Ивана Степановича.

Странно было слышать все это. И неприятно. Никогда мы с Ельциным не заводили речи об обстановке в правительстве или его эффективности. Бориса Николаевича такие вещи, по-моему, мало интересовали. А все, что мне нравилось или не нравилось в работе кабинета, я открыто лепил на его заседаниях, иногда вызывая сильное раздражение коллег. Ельцин же спрашивал о делах моего ведомства: тогда власть заигрывала с журналистами. Я сказал об этом Силаеву — он, кажется, не поверил.

И даже попенял мне: вот кабинет провернул такое великое дело, земельную реформу, а газетчики ковыряются в мелких недостатках.

— Будь сейчас самый суровый спрос, — пафосно добавил Силаев, — нам есть что предъявить в свое оправдание.

Я не выдержал и, стараясь придать словам форму шутки, стал говорить:

— Иван Степанович, самый суровый спрос был в сталинские времена. Вы их хорошо помните. Вам ли будить лихо? А то, представьте, заходит сюда вождь народов и, попыхивая трубкой, говорит: «Ну что, товарищ Силаев, и Ви тут, кстати, товарищ Полторанин. Как будем отвечать? Куда поедем срок отбывать? Не говорите, что вы обещали народу сделать, я вижу, что ваше правительство сделало. Ви поманили и обманули, теперь ни колхозов, ни фермеров. Земля зарастает. Россия останется без своего продовольствия — пойдет по миру с протянутой рукой. Ответьте: ви на какое государство работаете, товарищ Силаев с товарищем Полтораниным?»

— Хотя доля моей вины даже не двадцатая, а сотая, — посмотрел я в глаза Силаева, — мне было бы трудно отбиться. А вы бы что ответили, Иван Степанович?

Он удостоил меня недобрым взглядом и побледнел (дернул же меня черт так по-черному шутить с пожилым, издерганным ревностью человеком).

— Сталина, слава богу, нет и уже не будет, — холодновато произнес на прощание Иван Степанович. — А из вас получается неплохой обличитель.

Позже мне передали, что на очередной встрече с Горбачевым Силаев ему сказал: «Полторанин страшный человек!». Но ведь я только напомнил премьеру, каким бывает настоящий спрос с чиновников.

А тогда, летом 90-го, президиум Верховного Совета поторапливал меня: нужно быстрее создавать средства массовой информации российской власти. Потому как депутаты без своих газет и телевидения все равно что дети без любимых игрушек. Всем хотелось популярности. Но если Кремль без особого сопротивления сдавал свои политические права и предприятия союзного подчинения, то за средства массовой информации сражался, как за Сталинград. Опасался лишиться монополии в пропагандистской обработке народа.

5

Думаю, читателям интересно вспомнить, в каких условиях рождались средства массовой информации России. Я попросил Ельцина пожестче поговорить с Горбачевым. Он позвонил при мне, и после долгих отнекиваний Михаил Сергеевич сказал, что поручает вести переговоры со мной члену Политбюро первому заместителю генсека ЦК КПСС Владимиру Ивашко и управляющему делами того же ЦК Николаю Кручине. Дает им все полномочия.

В кабинете на Старой площади стоял длинный полированный стол: по одну его сторону расселись Ивашко с Кручиной и человек пять их консультантов, по другую — я один, поскольку штатное расписание министерства еще не утвердили. Выглядело забавно. Они сидели угрюмые, и со стороны могло показаться, будто у них принимают акт о безоговорочной капитуляции. Но это было не так.

Ивашко сказал, что решение российского съезда для Политбро не указ и речь можно вести только о товарищеской помощи молодой власти с их стороны.

— Чем же вы можете помочь? — обрадованно спросил я.

— А ни чем! — ответили они почти хором. И весело засмеялись. Видимо, Горбачев посоветовал им валять дурака — испытанный метод заволокитить дело.

У популярной тогда газеты «Советская Россия» было два учредителя — ЦК КПСС и Верховный Совет РСФСР. Мы проводили департизацию госорганов, и совместное издание выглядело уже нонсенсом. Я попросил Ивашко отказаться от учредительства (у ЦК много других газет) и уступить «Советскую Россию» Верховному Совету РСФСР.

— Исключено, — сказал первый зам Горбачева. — Политбюро на это не пойдет.

У меня в кармане был запасной вариант, обговоренный с Ельциным. Я его выложил:

— Тогда Верховный Совет готов отказаться от учредительства. Но в обмен на предоставление нам в Москве полиграф-

мощностей управделами ЦК для выпуска двух газет, которые мы откроем. И еще нужны мощности в семи областных центрах для издания еженедельников.

Напомню, что все типографии принадлежали в то время партийным органам, без их разрешения не печатали даже таблицу умножения. (А в областных крупных центрах мы собирались выпускать — и выпускали-таки! — межрегиональные газеты, каждая на 5—6 субъектов федерации, для противодействия реакционной пропаганде.)

Мое предложение было заманчивым: они получали влиятельную раскрученную газету, как бы готовые золотые яички, а у них просили только гнездо для посадки несуществующей курочки. Но даже здесь не обошлось без попытки нагреть нас.

— Такое предложение по «Советской России» нам подходит, — сказал удовлетворенно Ивашко. — Но столько мощностей дать не можем. Все забито заказами, свободных нет. Ведь так, Николай Ефимович? — повернулся он к Кручине.

— Так, — лениво отозвался управделами.

— Вы-то зачем туман нагоняете, — упрекнул я по старой дружбе Кручину. Достал из папки гарантийные письма директора издательства «Московская правда» и директоров областных типографий (их по моей просьбе брали депутаты на местах) о готовности обеспечить выпуск наших газет при согласии управделами ЦК.

— Ну-ка, ну-ка, — потянул бумаги к себе пойманный за руку Кручина. Почитал их, буркнул. — Что же нас-то не предупредили.

Они долго перешептывались с Ивашкой и консультантами, потом приняли решение: согласиться с моим предложением. Я попросил отметить это в протоколе. И с осени того же года стали выходить «Российская газета» и другие задуманные нами издания.

Примерно в том же ключе шел торг вокруг Агентства печати «Новости». У Кремля оставалась мощная структура — ТАСС. Зачем ему дублирующая контора? Я убеждал Ивашко, что содержать в новых условиях АПН как орудие пропаганды достижений социализма дорого и бессмысленно — мир вздрагивает от того, что у нас происходит. А мы собирались реорганизовать АПН в компактное российское информационное агентство (РИА) для обеспечения новостями прежде всего читателей региональной прессы. Но зам генсека не хотел вникать в существо, а пускал в ход поповскую логику: коли уже положили камень на дорогу — пусть он там и лежит. Даже если сильно мешает.

Михаил Сергеевич страшился авторитетного Владимира Щербицкого, которого Брежнев хотел видеть своим приемником. И на радость сепаратистам сместил его в 89-м с должности первого секретаря ЦК Компартии Украины. А поставил туда Владимира Антоновича Ивашко. Он выпустил из бутылки джинна незалежности, и западенники до того распоясались, что сам Ивашко вынужден был ретироваться в Москву. И вот как порученец Горбачева выполнял его установки: «Держаться! Не отступать!». Но отступить все же пришлось. Сначала, правда, мы сделали шаг назад: отказались от претензий на телеоборудование АПН. И Владимир Антонович сдал агентство России. РИА «Новости» сразу завоевало авторитет своей объективностью.

По телевидению у Ивашко (Кручина уже больше молчал) была, как он говорил, непробиваемая позиция: российский съезд принял ошибочное решение. Потому что нет места еще для кого-то в Останкинских корпусах, нельзя что-то вычленить из Гостелерадио в другую компанию, не разрушив весь комплекс, подать сигнал новорожденному будет некуда и неоткуда. Словом, цена нашей затеи — медный грош в базарный день. Чувствовалось, что в Кремле они даром времени не теряли: аргументы для «отлупа» готовили основательно.

Тогда я слабовато разбирался в технических тонкостях этого дела (все-таки газетчик, полиграфист), но предполагал: будут ловить на неопытности. И предварительно обратился за консультациями к целому ряду московских специалистов. Ценнее всех были рекомендации первого заместителя Гостелерадио СССР Валентина Валентиновича Лазуткина — профессионала высокой пробы. Другие вытягивали меня из своих кабинетов в сумерки коридора и, озираясь, полушепотом делились техническими знаниями, как будто выдавали страшную военную тайну. При этом напоминали, чтобы в случае успеха нашего дела мы не забывали об их услугах.

А Лазуткин на глазах у своих коллег весело подбадривал меня:

— Для создания телевидения нужно две вещи: канал и финансы. Деньги у вас есть, канал вам дадут — никуда не денутся. А в остальном мы поможем.

Ему как журналисту импонировала идея появления конкурентной среды. Он действовал совершенно открыто («Мы живем в России и должны уважать решения российской власти!»). Приглашал для прояснения деталей некоторых технарей, и мы сообща в его кабинете прорисовывали очертания телекомпании. Это Валентин Валентинович предложил при-

смотреться к Шаболовке, просчитал маршруты для прокладки кабелей по подземным коммуникациям Москвы, варианты распространения сигнала по России и многое другое.

Он сделал для рождения ВГТРК (наравне с Беллой Курковой) больше, чем кто-либо. Но при раздаче похвал «пионерам» российского телевидения всегда старался уйти в тень. Для него главное сделать дело, а пальцы веером пусть растопыривают пустобрехи.

Не называя фамилий, я изложил Владимиру Ивашко мнение профессионалов. Показал вычерченные схемы закладки инфраструктуры ВГТРК без ущерба для Гостелерадио. Скрепя сердце он вынужден был признать: съезд, а по его следам и Верховный Совет РСФСР приняли обоснованное решение. Его надо выполнять. Попытался спорить по частным вопросам, но потом согласился, что специалист в этом деле он еще тот! И будет полезнее, если финальную стадию переговоров и принятия по ним конкретных мер Политбюро спустит на несколько этажей ниже — поручит председателю Гостелерадио СССР Михаилу Ненашеву. Не царское это дело заниматься дележкой эфирных частот. Ивашко позвонил Горбачеву, а также члену Политбюро Александру Яковлеву, и те дали «добро» на такой вариант.

После переговоров на Старой площади я зашел к Ельцину и доложился о результатах.

— Дожимайте их! — сказал Борис Николаевич.

Стоит напомнить, что в СССР тогда все республики имели свое телевидение — госкомитеты при местных совминах. Вещали на русском и национальном языках. Одна Россия оставалась безлошадной. Сломать эту нелепую традицию и поручал нам, исполнителям, съезд народных депутатов РСФСР. Кого мне теперь дожимать — Ненашева? Но он же коллега. Мне казалось, что поймет с полуслова.

На рубеже 70—80-х годов Михаил Федорович Ненашев работал главным редактором «Советской России». Это была пора расцвета газеты, и репутация удачливого закрепилась за Ненашевым вполне заслуженно. Затем он возглавлял тихий Госкомиздат СССР, а в 89-м Горбачев поставил его как надежного пропагандиста на Гостелерадио. Сесть в такое время, да и на такую горячую сковороду, — врагу не пожелаешь.

После первых же встреч с Михаилом Федоровичем я начал догадываться, что он получил от Горбачева задание пудрить российской власти мозги. («Пудрить мозги» — любимое выражение Михаила Сергеевича.) Выдумывать причину за причиной, обещать, но не делать. Не очень-то умел это Ненашев. По-

водив меня за нос, он краешком намекнул, что на нашу договоренность на Старой площади плюнули и растерли.

А депутаты требовали: «Подать сюда председателя Гостелерадио!» Его вызвали на заседание Верховного Совета РСФСР — он не стал прятаться за больничными листами и явился, долго оправдывался. Ему припомнили снятие с эфира выступления Председателя Верховного Совета РСФСР и пригрозили. Он ушел помятый: трудно выглядеть свеженьким, находясь между молотом и наковальней.

Ну а что же Михаил Сергеевич, опять отсиделся в сторонке? Нет, на сей раз он обозначился во весь рост. И к удивлению многих, громыхнул кулаком. Появился указ Президента СССР «О демократизации и развитии телевидения и радиовещания».

Чувствовалось, что указ Горбачева готовили в спешке. В нем полно было тумана, но главная мысль припирала к стенке своей однозначностью: объявлялись «недействительными любые акты республиканских, краевых и областных органов, принятые без согласования с Советом Министров СССР и направленные на изменение правового и имущественного положения действующих подразделений Государственного Комитета СССР по телевидению и радиовещанию».

Указом, как видим, возводилась преграда на пути России к созданию собственной телерадиокомпании. Недействительны любые решения, если нет на то согласия Кремля, — и точка! Умел же Горбачев действовать круто, когда дело касалось контроля за массовой информацией. Оно и понятно: утрать этот контроль, это монопольное право дозволять или запрещать, и с экранов могут зазвучать убийственные факты о целенаправленном разрушении экономики. Или о поддержке Кремлем сепаратизма. Или о перекачке капиталов за рубеж. Или о тайном уничтожении наших самых грозных ядерных ракет СС-18 «Сатана» по воле США. Тут хочешь не хочешь, а ляжешь на амбразуру.

Эх, если бы с таким упорством Михаил Сергеевич с товарищами из Политбюро отстаивал хотя бы целостность Советского Союза!

Правда, увязать концы с концами в указе не удалось. Алогичность его положений выпирала наружу. С одной стороны, закреплялась монополия Гостелерадио СССР, с другой — разрешалось создавать независимые студии «своим» работникам и организовывать вещание «путем аренды эфирного времени». Был откровенно провозглашен курс на коммерциализацию ЦТ, и в этом проглядывал тайный умысел: телевизион-

щики почувствуют вкус больших денег и будут активно союзничать с Кремлем в пресечении чьих-то посягательств на «плодородные» эфирные частоты. И, наконец, откровенным кукишем торчал пункт в документе, где предлагалось рассмотреть «необходимость строительства в гор. Москве аппаратно-студийного комплекса телерадио РСФСР». Дескать, вы там хоть из штанов выпрыгивайте, а мы еще будем думать годика два или три.

Депутаты сразу узрели в указе демонстративный антироссийский демарш. На заседании Верховного Совета мне поручили подготовить доклад об информационной блокаде России. В нем я думал опереться на Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, где прямо сказано: «действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается». Указ Горбачева, таким образом, не должен иметь силы на территории России. Если же со стороны его команды последовали бы и дальше конфронтационные меры, я предлагал вынести вопрос на съезд и попросить там виновных на трибуну для объяснений. Во главе с генсеком. Были и другие идеи.

Выступать с докладом я не спешил, зная, что Ельцин проводит с Михаилом Сергеевичем негласные встречи. По словам Бориса Николаевича, Горбачев успокоил его: цель злополучного указа — прибалтийские республики. Это там националисты хотели обособиться в своих телецентрах от Гостелерадио СССР. Разъяснение вызывало только усмешку (от указа ведь Русью пахло!), но если появлялся шанс обойтись без громких скандалов, почему бы им не воспользоваться. Годилась и прибалтийская версия.

К тому же Михаил Сергеевич внезапно снял с работы Ненашева. И в ноябре назначил председателем Гостелерадио Леонида Кравченко. Мне дали понять, что Леонид Петрович получил от Кремля соответствующие указания. Какие — стало ясно позднее. Теперь уже Кравченко был вынужден изворачиваться и врать. Через несколько лет он признался в интервью, что Горбачев и перед ним поставил задачу тянуть с переговорами бесконечно, а частоту России не отдавать. Цирк, да и только! Вот такого многоликого президента посылал Бог нашей стране — Советскому Союзу!

Что ж, пора было, как говорится, спускать собак. Через печать на Кравченко обрушила свой гнев московская и питерская интеллигенция. Она объявила бойкот Первому каналу. На сессии Верховного Совета РСФСР я озвучил доклад об информационной блокаде России. Выступления депутатов не сули-

ли интриганам ничего хорошего. Думаю, Кравченко, осознал, что в случае разборок на съезде Михаил Сергеевич сдаст его за милую душу. И в начале апреля 91-го подписал протокол о передаче России Второго канала (после августа ВГТРК получила и весь комплекс на Шаболовке). Со стороны РСФСР протокол подписали назначенный председателем ВГТРК Олег Попцов и я.

На переговоры с Кравченко мы ездили уже вместе с Олегом Максимовичем Попцовым. Попал он в председатели, сам того не ожидая. И в общем-то не особенно желая. А удружила ему Белла Алексеевна Куркова.

Ельцин наседал на нас с ней:

— Мне уже все пороги обили — ходят и предлагают себя в руководители Российского телевидения. Депутаты — телевизионщики прямо за горло берут. Но я же не знаю никого. Давайте быстрее кандидатуру.

— Это не ко мне, — отмахивалась от него Куркова. — Разбирайтесь в своей Москве сами.

У меня, конечно, было немало знакомых телевизионщиков. Но одних не позовешь — у них приличные должности в Гостелерадио. Идти на голое место не согласятся. Другим не доставало опыта работы с людьми. После долгих раздумий я прицелился к Александру Николаевичу Тихомирову.

Журналист он талантливый. Поднимался по ступенькам с городской, областной газет, проявил себя в «Комсомольской правде» и «Социалистической индустрии», больше трех лет собкорил от Центрального телевидения на Сахалине. Последние годы работал политическим обозревателем Гостелерадио и вел еженедельную программу «Семь дней». Зрителям нравился глубиной анализа.

Как и полагается в таких случаях, стал аккуратно наводить справки о кандидате. Ох, это наше телевидение — настоящий серпентарий, где змеиными клубками шипят друг на друга противоборствующие группировки. Едва провел я с коллегами пару конфиденциальных разговоров, как Останкино загудело от слухов. И ко мне потянулись делегации от конкурентов Александра Николаевича.

Они винили его за антисемитские высказывания и намекали прозрачно: если мы сделаем ставку на Тихомирова с его группой единомышленников, то их хорошо организованная братия будет всячески мешать становлению российского телевидения. А если я начну упорствовать, они поработают с депутатами из блока «Демократическая Россия», чтобы Тихомирова при утверждении прокатили. До чего же хваткий наро-

дец! Хотелось брать в руки дрын и гонять этих телевизионных хорьков-шантажистов по переулкам Москвы.

Но часто обстоятельства бывают выше нас. В той сложной политической ситуации не хватало еще внести бациллу раздора в новое дело. На конфронтационном поле телекомпанию не построишь. Во главе ее нужна объединяющая фигура, нейтральный человек, далекий от внутриостанкинских интриг. Я сидел в кабинете и прикидывал варианты. Появилась Белла Куркова — как всегда шумная, стремительная. Выслушав меня, сказала:

— Ну что ты голову ломаешь. Давай предложим Олега Попцова — нашего питерца. Писатель. Демократ. Умеет ладить с людьми. Его телевизионщики не разведут — он сам хитрее ста китайцев. А в замы пусть возьмет себе какого-нибудь профессионала.

Это была интересная мысль: назначить на ВГТРК человека не из телевизионной среды, а со стороны. Я хорошо знал Олега — был у него доверенным лицом на выборах в народные депутаты. Контактный, речистый. Когда-то работал секретарем Ленинградского обкома комсомола, потом сел на заштатный журнал «Сельская молодежь» и сделал его прогрессивным изданием. Фигура, подходящая во всех отношениях.

Правда, было одно «но». Попцов недавно перешел в газету «Московские новости» первым замом главного редактора. А главред Егор Яковлев страшно не любил, когда его раскулачивали. Надо было искать подходы. Мы тут же позвонили Олегу Максимовичу: «Приезжай. Есть серьезный разговор».

Он приехал и на наше предложение долго выдыхал свое излюбленное: «Это же бред!». Но побрыкался-побрыкался и все-таки согласился. Как я выторговывал его у Егора Яковлева за бутылку виски, распространяться не буду. Об этом Попцов написал в своей книге «Хроника времен «царя Бориса». Ельцин одобрил наш выбор — так Олег стал председателем ВГТРК.

У меня самого была суетная пора: формирование министерства, создание газет и обустройство редакций, упразднение всей сети Главлита (от Москвы до самых до окраин) и посадка на его материальную базу инспекций по соблюдению Закона о печати и защите независимых изданий от произвола чиновников.

Олег Попцов с первых же дней вцепился, как клещ: «Я не напрашивался — вы сами меня позвали. Дайте здание! Дайте финансы. Дайте оборудование!» И это была правильная позиция. Не частную лавочку пригласили его создавать, а сложную государственную структуру. Если российская власть решила

обзавестись своим телевидением, она и должна обеспечить проект материально-технической базой. А дело Олега — устройство компании, вещательная концепция, кадры.

Куратором проекта Ельцин определил первого зама премьера Юрия Скокова. Мне нравилась его манера ведения планерок: конкретность и жесткость. Чувствовалась школа прежнего руководства мощным объединением военно-промышленного комплекса.

Мы собирались у него регулярно — министры, Попцов с кем-то из своих замов. У министра финансов Бориса Федорова вдруг не оказалось валюты на оборудование? «Займите срочно у банкиров, у коммерсантов под гарантии правительства!» — распоряжался Скоков. Срок такой-то, исполнение доложить тогда-то. И запись в протоколе для контроля. Министру связи и космоса Владимиру Булгаку: «Распространение телесигнала по России — время первого этапа подготовки заканчивается. Как обстоят дела — помощь нужна?» Булгак: «Нет, не нужна. Все идет по графику». И так по остальным проблемам: «нет возможности — аргументируй. Будем искать другой вариант. Возможность есть — выполняй точно и в срок».

Это продолжалось не один месяц.

Нам с Попцовым досталась вроде бы не самая сложная задача: присмотреть в Москве подходящие здания, желательно бесхозные. Пусть даже запущенные (ремонт можно сделать быстро) или недостроенные. А уже демократическая столичная власть в лице Гавриила Попова и Юрия Лужкова обещала разбиться в лепешку, но с помещениями помочь.

6

В ту пору как раз прошла волна ликвидации многих союзных министерств и ведомств. Закрылась целая сеть государственных контор калибром поменьше. Так что в Москве освободились десятки зданий — столичная власть взяла их на свой баланс. Я осмотрел их визуально и с готовыми предложениями отправился к председателю Моссовета Гавриилу Попову (попутно надо было договориться о выделении помещений для нашего нового министерства).

Попов не собирался засиживаться на Москве. Как однажды признался мне Ельцин, он подумывал взять Гавриила Харитоновича к себе в напарники на выборах Президента и вице-президента России. И посоветовал ему приблизить Юрия Лужкова, чтобы потом оставить на него столицу. Горбачев и Ельцин опасались восхождения на московский трон какого-нибудь несговорчивого, да еще совестливого человека.

Но затея с вице-президентом почему-то не вышла — у Ельцина всегда было семь пятниц на неделе. Опытный Попов лучше других понимал, куда понесет «нас рок событий». В кадровом центре Бнай Брита — Международном институте прикладного системного анализа (ИИАСА) в Вене — он прошел стажировку еще в 1977 году. И не мог не догадываться о конечных целях всех горбачевских реформ.

По большому счету это была диверсионная операция продажной части номенклатуры против своего народа и государства. И оставаясь во главе Воруй-города, Попов был как бы заодно с этой номенклатурой. А ведь он ненавидел ее и боролся с ней всю жизнь. В нем проснулся генетический страх представителя вечно преследуемой нации. Все вроде бы шло лучше некуда, но все как-то зыбко: эйфория пройдет и народ останется у разбитого корыта — а ну как начнет он брать за задницу тех, кто в суматохе присвоил власть и крупную собственность. Выкрутятся, как всегда, евреи и их прислужники-русские. А на греков опять могут навесить всех собак. Лучше уйти в недоступные глубины науки.

И мудрый Гавриил Харитонович решил заблаговременно спрыгнуть с московского трона, куда тут же вскарабкался Юрий Лужков. Как человек не жадный, Попов довольствовался по нынешним меркам пустячными отступными — коекакой недвижимостью в Москве и подмосковном Заречье. Но это было чуть позже.

А в тот день Гавриил Харитонович на мою просьбу о помещениях сказал:

— Конечно, надо помочь. Но все хозяйственные вопросы я передоверил Лужкову. Решай с ним.

Он позвонил Юрию Михайловичу, и через несколько минут я был у того в кабинете.

Тоже дружеский прием: чай, приказание секретарше пока ни с кем не соединять. Но разговор какой-то ватный, неопределенный:

— Да, московская власть обязана решать, но свободных площадей нет.

Я назвал первый адрес: многоэтажное здание пустует, его только что освободило упраздненное министерство.

— Трудно, — сказал Лужков, — здание уже передано советско-американской группе «МОСТ».

Назвал ему второй адрес — там уже тоже «МОСТ». Назвал третий — и снова «МОСТ».

Было начало 91-го, и до встречи с Юрием Михайловичем я никогда не слышал об этой фирме. Гораздо позже ее название

стало у всех на слуху, а владелец «МОСТа» Владимир Гусинский превратился в крупного олигарха и полухозяина Воруй-города. На «МОСТ» работала большая группа гэбистов во главе, как упоминалось раньше, с бывшим первым замом Председателя КГБ СССР генералом армии Филиппом Бобковым. А тогда я спросил у Лужкова: что же это за всесильная структура, если из-за нее похериваются договоренности с российской властью. Кто-то печется о становлении государственности, а кто-то — кому все происходящее «мать родная» — уже распихивает по карманам табачок.

Юрий Михайлович изобразил на лице глубочайшее сожаление и сказал, что он здесь ни при чем. Он был бы рад сделать для нас доброе дело, да его возможностей не хватает. А «МОСТ» вместе с Гусинским ему ни сват ни брат — ничего общего у руководства столицы с ним нет.

В душе я даже посочувствовал Лужкову: нашлась же зараза, которая так крепко повязала руки отзывчивого человека. А в ноябре того же года эта «зараза» выдала себя с головой: в Консульское управление МИДа России поступили две заявки от Владимира Гусинского на поездку в Великобританию большой группы консультантов «МОСТа».

Приглашение было оформлено адвокатской конторой «Camecon Markby Hewwitt», активно сотрудничавшей с «МОСТом». Сроки поездки совпадали с рождественскими праздниками в Лондоне. Но не в этом соль.

Кого же за прилежную работу поощрил Гусинский такой командировкой? Вот состав выезжавших: Юрий Лужков с женой Еленой Батуриной, его зам. Владимир Ресин с женой Галиной Фроловой, председатель комитета по управлению имуществом Москвы Елена Котова с сыном Юрием, управделами правительства столицы Василий Шахновский и др. официальные лица. Железный принцип олигархов: «Покупай чиновников, а собственность придет тебе в руки сама!», оказывается, действовал еще до явления народу Чубайса!

Тогда, помнится, с брезгливостью относились к политикам, ездившим за рубеж за счет коммерческих фирм. Их называли побирушками. Думаю, и Ресин с Лужковым вспоминают начальную пору освоения кладовых Воруй-города с усмешкой постаревшего дона Корлеоне. Сейчас, как предполагаю, у них вполне хватит личных средств, чтобы свозить бесплатно в Лондон все население Москвы. За его фантастическое долготерпение. За его всепрощенчество.

А с Юрием Михайловичем у нас случился еще один разговор по поводу нежилых помещений. Скажу о нем сейчас, чтобы не возвращаться к скучной теме. Было это летом 92-го.

Я ехал по центру города, и мне в машину позвонила моя секретарша. В приемной меня ожидала взволнованная делегация издательства «Музыка». «А что случилось?» Пришли в издательство люди с распоряжением Лужкова — здание передается их коммерческой фирме. Выбросили на улицу столы и все вещи работников издательства, вставляют металлическую дверь. Какая-то невероятная ситуация! Дом издательства, которое обеспечивало страну музыкальной литературой, являлся федеральной собственностью. И московское правительство никакого отношения к нему не имело. Никто в наше министерство не обращался.

Улица Неглинная, где находилась «Музыка», была как раз по пути. Подъехал к издательству: колченогие допотопные столы валялись на тротуаре, под дождем мокли ворохи детских книжек о музыке, самоучители игры на баяне. Мокли и растерянные работницы издательства — пожилые женщины, отдавшие любимому делу всю жизнь. Новая металлическая дверь уже была заперта, никто изнутри не отзывался.

Добравшись до министерства, я позвонил Лужкову — он был недоступен. Тогда я попросил своего управделами Анатолия Курочкина съездить к издательству, разобраться пообстоятельнее. Курочкина я переманил в наше ведомство с должности заместителя председателя Краснопресненского райисполкома. Он дружил с председателем этого исполкома Александром Красновым — автором нашумевшей тогда книги о команде Лужкова и нравах Воруй-города «Московские бандиты».Сам управделами в политику не лез — был хорошим организатором и совестливым человеком.

Он вернулся: да, это хулиганский захват федеральной государственной собственности. Там бесчинствовала не то дочка «МОСТа», не то другая коммерческая фирма — разговаривать не желали, ссылаясь на распоряжение Лужкова, и завозили в помещения свою новую мебель.

— Такие бандитские вылазки надо пресекать на корню, иначе полезут дальше. У них карманы безразмерные, — сказал расстроенный Курочкин. — Разрешите?

Мне было понятно, что он замышлял. Помчится к Краснову и возьмет у него группу ОМОНа. Затем поедет в издательство «Музыка» восстанавливать справедливость.

Я подумал. Еще раз позвонил Лужкову — не отвечает. И сказал:

— Разрешаю!

К вечеру Курочкин доложил: с группой ОМОНа он выгнал захватчиков, вынес их мебель на мостовую. А вещи издатель-

ства «Музыка» водворил на место и врезал в металлическую дверь новые замки. Справедливость восторжествовала. (В 96-м мы направили Курочкина наводить порядок в хозяйстве ОРТ. Он регулярно рассказывал, как нагло ему угрожали за пресечение воровства. А в 97-м Анатолий был убит на автотрассе при загадочных обстоятельствах. Светлая ему память!).

На следующее утро я сидел в кабинете Ельцина: обсуждали совсем другие проблемы. Заскрипев, на селекторном аппарате засветилась кнопка прямой связи: «Лужков». Ельцин снял трубку, стал слушать и многозначительно посмотрел на меня. Ухмыльнулся и переключил звук на полную громкость — по кабинету поплыл возмущенный голос Юрия Михайловича. Он жаловался на меня, называя партизаном и самодуром. Действительно, отыскался же тип, который отважился перечить градоначальнику!

Лужков не знал, что я нахожусь рядом с Борисом Николаевичем, и беззастенчиво врал, будто наше министерство грабило чужое добро. Я перегнулся через стол и сказал в аппарат:

— Не надо врать президенту, Юрий Михайлович! Скажите лучше, по какому такому праву вы распоряжаетесь чужой собственностью в интересах коммерческих фирм? Вышвыриваете на улицу беззащитных старушек. Действуете из-за угла, втихаря...

Лужков поперхнулся, но посчитал, что это божья роса, и вскоре пришел в себя. Мы еще какое-то время перепирались по громкой связи. Потом Ельцин сказал:

— Ну, хватит! Прошу вас не ссориться.

Миротворец!

На том конфликт посчитали исчерпанным. Больше Юрий Михайлович к нам не лез. И я, слава богу, в дальнейшем никаких дел с ним не имел.

К поиску здания для ВГТРК рассерженный Ельцин («В Москве есть какой-то порядок?») подключил даже премьера и своего первого зама Руслана Хасбулатова. На носу были выборы Президента России, а до конца информационная блокада не прорвана. Со скандалом забирали дом на 5-й улице Ямского поля. Там располагался Минтяжстрой СССР, его только что ликвидировали, но московские чиновники быстренько организовали коммерческую структуру и здание присвоили. Когда их строго попросили оттуда, они выломали и увезли с собой все двери, все люстры, все выключатели, всю мебель. Втроем — Силаев, Попцов и я — прошлись по разгромленным этажам: впечатление было жуткое. Как будто Воруй-город был отдан на разграбление победителям.

Премьер в тот же день распорядился о начале ремонта. А потом пошли правительственные деньги на мебель и технику, на обеспечение компании всем необходимым. В мае 91-го она начала вещание.

В непростых условиях создавалась ВГТРК. И создавалась только и только усилиями российской власти. Как, собственно, и полагалось. Но вот читаю Медиа Атлас с эмблемой ВГТРК, а там написано: «Государственное телевидение и радио России состоялось *только* благодаря команде профессионалов-единомышленников, которые уверенно расстались с должностями на Центральном телевидении, в Иновещании и на радиостанции «Юность» ради веры в новое дело...» Это функционеры ВГТРК так «продают» себя публике.

Телевизионщики вообще народ странноватый. Многие из них без тормозов и без комплексов. Особенно телевизионщики 90-х годов и нынешней генерации. Они отличаются от газетчиков. Чем? Отношением к собственной персоне. Мне пришлось долго работать и в печатных, и в электронных СМИ — материала для наблюдения, да и для сравнения, было достаточно.

Журналист ведь тогда пишется с большой буквы, когда талант и масштабность мышления соседствуют в нем с уважением к человеку и скромностью. Мне на знакомства с такими везло.

В молодости я подружился с блестящим журналистом — работником казахстанской молодежной газеты Адрианом Розановым. Для молодежки он был уже староват, но его материалы составляли гордость издания. И Адриана не отпускали в другие газеты. Он был сыном создательницы детских театров, народной артистки СССР Натальи Ильиничны Сац и повидал в жизни много трудностей (не поехал, кстати, с ней после ссылки в Москву из Алма-Аты, а остался в республике).

Адриан опекал меня, заставлял больше писать в центральные издания, а не лениться. Приезжая в наш город, останавливался не в гостинице, а у меня на квартире. И тогда мы вечерами успевали обсудить проблемы и темы. В честь него я собирался даже назвать своего старшего сына, но жена воспротивилась: «Подумают, что мы двинулись на итальянском певце. И ребенку создадим проблемы». Тогда на пик славы восходил как раз Адриано Челентано.

Розанова боялись чиновники — он замордовал их фельетонами. Фельетонами ироничными, вкусными, издевательскими. Зная хорошо производство, опираясь на точные факты, не давал малейших зацепок для опровержений. А в очерках Адриана о «маленьком человеке» всегда было много теплоты и

сочувствия. При его популярности он мог позволить себе кое-какое нахальство по отношению к окружающим. Но Адриан был удивительно застенчивым человеком, искренне радовался чужим успехам. А к своим материалам относился как к заурядным поделкам.

— Я тут надристал кое-что, посмотри на досуге, — говорил он редактору, передавая рукопись. И в этом не было никакой рисовки, никакого притворства В этом был характер Розанова.

Школа русской журналистики — рыть глубоко и отважно, выпячивая в статьях больные проблемы, а не себя любимого, — давала нам много прекрасных публицистов. У меня лично самые приятные впечатления оставались от общения с такими мэтрами газетного дела, как Анатолий Аграновский, Вера Ткаченко, Юрий Черниченко, Василий Селюнин, Анатолий Стреляный... Помнит ли их теперь молодежь? А к ним за советами обращались и зубры-министры — так хорошо они разбирались в том, о чем принимались писать. Их не останавливали цензурные загородки. Рискуя, они исхитрялись пробираться через них с правдой на газетные и журнальные полосы, как диверсанты. А в быту, с людьми держались подчеркнуто скромно. Не зря же говорили: чем крупнее журналист, тем меньше в нем амбиций. И наоборот.

У телевизионщиков был другой, полутеатральный подход к творчеству. Они видели специфику ТВ в том, чтобы воздействовать не на разум, а на эмоции. Отсюда и превосходство формы над содержанием (вместо соответствия одного другому). А за обожествление формы приходится платить верхоглядством.

В студиях Гостелерадио СССР тогда появилось много шустрых, но малосведущих работников. Свою некомпетентность они пытались прятать за маской надменности. А отсутствие твердой гражданской позиции, характерной для русской журналистики, выдавали за презрение к пропаганде. Хотя истинная публицистика стояла и стоит, вскрывая пороки, на пропаганде добра, самоотверженности, порядочности, человеколюбия и всего остального, чем держится мир.

Создавая ВГТРК, мы хотели заложить в нее принципы русской журналистики и уберечь от родимых пятен Центрального телевидения — пустозвонства и лакировки действительности. Новое телевидение должно было честно и прямо отвечать на вопросы: что происходит в стране, куда мы идем, что власть еще готовит народу?

А для этого телевизионщикам надо было самим подняться на определенную высоту и не бояться зазывать на передачи неравнодушных умных людей с разными взглядами.

Что получилось в итоге? Как ни старался Олег Попцов, а достойную команду сформировать не удалось. Были, конечно, работники с твердой гражданской позицией, но в основном пришли люди, чтобы просто мельтешить на экране (неважно с чем) и заниматься саморекламой. Они получили полную свободу творчества, однако тратили ее на погремушки и заказные сюжеты (джинсу), а использовать журналистский поиск ленились. Сам Олег Максимович много времени отдавал сбору материала для своей будущей книги «Хроника времен «Царя Бориса», а бесхозная его команда промышляла коммерцией. На одной из пресс-конференций Попцов посетовал: «Мы поставили на молодых: на их подвижность, дерзость, смелость. Но при этом получили и поверхностность. Основная проблема РТВ — нехватка профессионализма».

Эти «молодые» образовали потом костяк ВГТРК или разбрелись по федеральным каналам и разнесли с собой местечковость и фанфаронство. Теперь они повзрослели, но твердости под ногами так и не ощутили. И вот что мы сейчас наблюдаем: достаточно было на них прицыкнуть, и все доморощенные «звезды», все «академики» вытянули руки по швам, ходят на цыпочках по одной плашке, указанной властью. Таков удел всех, у кого паруса большие, а якорь слабоват. Куда дует чиновничий ветер, туда и несет.

В выборную кампанию Президента России ВГТРК подключиться успела. Мы снабжали ее информационными лентами РИА «Новости». В отличие от диетических материалов ТАСС, которыми питалось Центральное телевидение, оно поставляло острую продукцию — непривычную для зрителя. Чем и вызывало его интерес к телепередачам. Заставлял Попцов крутиться и своих, еще не вполне обустроенных журналистов.

После победы Ельцина популистская трескотня во всех СМИ поутихла. Никто не собирался выполнять предвыборные обещания и ложиться на рельсы или урезать власть Москвы в пользу регионов. На поверхности политической жизни наблюдался вроде бы штиль, но заметна была возня под ковром: кто-то с кем-то договаривался.

В стране создалась новая политическая ситуация. Многих интересовал вопрос: что будет дальше?

7

Идею президентства в России Ельцин привез из поездки в США, когда в 89-м встречался там с функционерами Бнай Брита. Они не знали, кто персонально может стать лидером республики, скрепляющей Советский Союз, — это было не так

важно. Важен был сам принцип, когда рядом с полулегитимным Президентом СССР, назначенным группой депутатов, появлялся всенародно избранный Президент России. Возникала коллизия: кто «первее»? Тем самым между этими институтами власти закладывался конфликт. Его масштабы должны зависеть от амбиций политиков. А если Бнай Брит будет держать этих политиков под контролем, можно разруливать ситуацию как угодно.

Другой потенциальный конфликт — закладывался уже между российскими правителями — из-за несоответствия президентской власти советской Конституции РСФСР. Глава о президенте впихивалась в старую Конституцию как инородное тело: ни узаконенных сдержек, ни противовесов. Все должно колыхаться как бы на честном слове. Формально безграничная власть оставалась у съезда народных депутатов, но главные ее инструменты — силовые структуры — переходили в подчинение Президенту. Когда еще в межфракционных схватках родится обновленная Конституция! А тут можно в любой момент раздуть пожар нестабильности и замутить воду.

В этой схеме Ельцин сразу определил для себя подобающее место и двигался к цели с присущим ему упорством — уговорил депутатов внести поправки в Конституцию, организовал референдум о введении в России президентского поста. Все прошло как по маслу. Я не знал тогда многих деталей и думал, что под грузом свалившейся власти Борис Николаевич засуетится, не представляя, как быть дальше и какую дорогу выбирать для России. Но я был не прав, в чем вскоре убедился.

Первый помощник президента Виктор Илюшин позвонил в конце июня и оповестил: Ельцин собирает на Клязьминском водохранилище близких людей, чтобы отметить победу на выборах по-семейному. Надо быть там в субботу в назначенный час. Я полагал, что это будет традиционная складчина: прихватил бутылку водки, а для жен бутылку сухого вина, супруга напекла корзинку беляшей.

У причала нас посадили на катер и доставили к лесистому острову. Там за дощатым столом уже сидели на лавках Борис Николаевич, пьяненький Александр Руцкой, помощники президента Илюшин и Лев Суханов. Все с женами. У мангала орудовал шампурами замминистра внутренних дел РСФСР Андрей Дунаев.

Видимо, он был здесь за хозяина-распорядителя. Из Дагестана ему для этого пикника доставили батарею кизлярского коньяка, упаковки с черной икрой, вяленую осетрину, сыры, вороха зелени. Все было в беспорядке нагромождено на длинном столе и рассовано под лавками. А разделанный заранее

кавказский барашек источал по острову аромат шашлыка. При виде такого изобилия моя жена стыдливо сунула корзину с беляшами под куст (потом ее обнаружили и, распробовав содержимое, растащили беляши по сумкам. Домой).

Как полагается в подобных случаях, выпили по первой и по второй. За Россию! За победу! Я отошел покурить к мангалу, где в поте лица трудился Дунаев. Приняв на грудь, он возбудился своей высокой ролью придворного кашевара. И норовил исповедоваться. Ему, оказывается, противно вспоминать совместную работу с идейными коммунистами, которые корчили из себя заступников порядка. Вот, будучи начальником Вологодского областного управления милиции, он беспрекословно выполнял все личные поручения первого секретаря обкома партии Дрыгина. Неважно какие. А когда того не стало, эти идейные обвинили Дунаева в том, что он прислуживал первому секретарю, а не служил закону. И попросили из области.

Он уехал в Калининград, устроился там начальником средней школы милиции. Возвел себе дачу — размерами больше допустимых норм. Его стали тревожить проверками. И тогда он окончательно возненавидел ту общественную систему.

Меня покоробили эти признания. Во многих генералах вместо гражданского трубного звука булькает мутный бульон меркантильности. Но чтобы с такой силой! Подумалось: сколько мусора сметут под знамена Ельцина ветра перемен...

После шашлыков я предложил президенту вдвоем прогуляться на лодке. Он согласился и устроился на корме. Я сел за весла. Мы быстро пересекли открытое пространство водохранилища и углубились в заросли камыша. Там я грести перестал. Две лодки охраны — на одной из них блестела лысина неутомимого Александра Коржакова — деликатно держались поодаль.

День был солнечный, теплый. На борта лодки садились стрекозы, рядом, сверкая чешуйчатым серебром, плескались мальки. Обстановка располагала к неспешному разговору. Другой, «кабинетной» возможности — президента рвали на части звонки и просители-посетители — не представлялось.

Я начал издалека и сказал, что у России печальная судьба — никогда наш народ не жил достойно. Не зря нас называют страной произвола, страной непуганого чиновничества. Это чиновничество, олицетворяющее собой государство, все время придумывает несуразные запреты: «Не дозволено! Не положено!». Цепкая рука государства держит за горло инициативу российского человека не один век. И потому интересы нашего государства не совпадали с интересами его граждан — на-

ходились между собой в состоянии скрытой или даже явной конфронтации. А все оттого, что Россия никогда не жила при правителях — ни в царское время, ни в годы советской власти, — которых бы выбирал сам народ. Не выбирал — значит не мог спрашивать с правителей в полной мере.

Теперь народ сам сделал свой выбор. Впервые за всю историю. И будет требовать, чтобы с него сняли путы, дали свободу выбора. Надо договориться с Горбачевым, с Кремлем — пусть они серьезно оценят новизну ситуации и в дальнейшем не навязывают России большевистские стандарты. Можно сообща трансформировать Советский Союз в удобное для всех народов правовое государство. В системе СССР много ценностей, от которых нельзя отказываться — наоборот, их надо, подчищая, развивать.

Ельцин слушал, опустив руку за борт и подбрасывая ладонью воду. Капли искрились на солнце.

— Не стройте напрасных планов — подождите немного, — прервал он меня. — Скоро ни с кем не надо будет договариваться. Мы будем сами себе хозяевами.

Он произнес это будничным голосом, каким сообщают о погоде на завтра. Правда, на мой долгий и удивленный взгляд отреагировал так: молча прижал указательный палец к губам. Чок, чок — зубы на крючок! Неужели где-то там, под ковром, наши вожди уже определились с будущим страны? Только время не приспело исполнить задуманное?

У меня был конкретный повод для этой приватной беседы с президентом (почему я и начинал издалека) — о позиции Ельцина, о его взгляде на предстоящую приватизацию. Говорили, что он колеблется в выборе пути. В России богатые недра, развитая промышленность, навалом плодородной земли. У нас передовые технологии, образованный трудолюбивый народ — что еще надо для создания общества материального благополучия! Но все зависело от подхода, от концепции приватизации: или мы становились намного богаче, сильнее, или откатывались назад.

Председателем Госкомимущества РСФСР был тогда Михаил Дмитриевич Малей — профессионал высокого уровня, настоящий русский патриот. Он с командой единомышленников почти год работал над своей программой приватизации постепенного перевода государственного капитализма в народный капитализм. Или как его еще называют — скандинавский социализм. Малеевская команда подготовила целый пакет подзаконных актов.

Предполагалось безвозмездно передать государственное имущество по-справедливости всему населению, наделить ка-

ждого гражданина его долей — именным приватизационным чеком. Он стоил бы примерно в 600 раз дороже, чем чубайсовский ваучер. Вовлечение чеков в продажу не допускалось — мера против олигархизации. На них можно было купить акции приватизируемых объектов и получать дивиденды. Отсекались дельцы, набившие мешки денег на махинациях в горбачевское безвременье.

В первую очередь намечалось приватизировать не устойчиво работающую нефтегазовую отрасль или другие минерально-сырьевые сегменты экономики (как это произошло позднее), а пищевую и перерабатывающую промышленность, небольшие заводы, обувные и пошивочные фабрики, предприятия торговли и жилищный фонд. Именные чеки люди могли хранить у себя (они не обесценивались инфляцией), пока не приходила пора акционирования нужного им объекта. Для предотвращения частного монополизма и дикого роста цен предлагалось стимулировать создание параллельной сети частных предприятий (вместо одного мясокомбината — десять, вместо двух пекарен — сотня. И т.д.).

Весь процесс приватизации занимал, по расчетам Малея, около 15 лет.

Со стороны Михаил Дмитриевич казался хохмачом и балагуром. На заседания правительства он приходил всегда с широкой улыбкой и шутками. В то же время это был глубокий сосредоточенный человек. Экономическую концепцию он проработал так, чтобы она диктовала демократическую политику в государстве.

Получив в свои руки некогда отчужденную властью собственность, российский народ не на словах, а на деле превращался в хозяина страны. Все становились акционерами, всем было выгодно эффективное управление на всех уровнях, чтобы получать высокие дивиденды. Значит хозяйственной и политической власти приходилось бы иметь дело не с равнодушными ко всему батраками, наемным быдлом, а с нацией заинтересованных собственников.

Этим собственникам было бы что терять, и они не обожествляли бы чиновников даже высшего уровня, включая президента, — относились к ним как к нанятым менеджерам. Не справились с делом — пошли вон! Изберут других. Украли — идите в тюрьму! Для защиты своих интересов нация собственников создала бы сильные партии, независимые профдвижения и все остальное, без чего нет гражданского общества.

При таком варианте Россию ждала судьба процветающих демократических государств.

У концепции Малея было очень много противников. Наиболее коварными ему представлялись Сергей Красавченко и Петр Филиппов. Сергей Красавченко, выученик Гавриила Попова, был тогда председателем комитета Верховного Совета РСФСР по экономической реформе и собственности (позже работал первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ и советником Ельцина). А Филиппов, приятель Чубайса еще по ленинградскому клубу «Перестройка», подшефному КГБ, возглавлял в комитете Красавченко подкомитет по приватизации (потом тоже перешел в администрацию Ельцина).

Оба депутата заявляли себя демократами и поддерживали с трибуны идею справедливой приватизации. Но вели при этом странную игру. Они были противниками передачи акционируемых предприятий их персоналу, выступали за кастрацию прав трудовых коллективов. Надо, дескать, выдернуть всю собственность из-под государства, но рабочему люду ее не давать. А кому? Да любому, у кого имеются большие деньги, лучше даже иностранцам. Особенно сырьевые отрасли. И чем быстрее, тем лучше, чтобы подстраховаться от коммунистического реванша. Смешно. Как будто ради этого партийно-гэбистская бюрократия доводила до хаоса экономику страны (жупелом несуществующего коммунистического реванша приватизаторы по рецептам Бнай Брита будут размахивать еще очень долго, оправдывая разгром целых отраслей и отказ от именных чеков).

Эта концепция закладывала совсем иную политическую основу России — основу олигархического полицейского государства.

Оставленный без штанов народ будет враждебен чуждой ему власти и нуворишам, впадет на время в прострацию, но станет ждать своего часа. И чтобы этот час не настал, чиновничья-олигархическая верхушка начнет лихорадочно наращивать репрессивный аппарат и создавать систему узурпации власти, несменяемости своего режима — через фальсификации выборов, их отмену, через ликвидацию гражданских свобод. А пропасть между народом и властью с ее прихлебателями будет постоянно расти. И час тот придет все равно: самовластное правление (самодержавие) — царя, генсека, президента — не дает России развиваться эволюционно, а заставляет ее прыгать через огонь, кровь и разруху от революции к революции.

Можно было не придавать большого значения этой парочке радикалов. Но в их руках оказался опасный инструмент — Верховный Совет РСФСР. Потому что комитет по экономической реформе и собственности давал для парламента эксперт-

ную оценку концепции Малея. Парламент не мог отмахнуться от оценок своего комитета. А в эксперты Красовченко с Филипповым мобилизовали экономистов ультралиберального толка — стажеров ИИАСА, других русофобов от дебит-кредитной науки (они были и тогда, и по сей день сплетены в тугой клубок, как дождевые черви в банке рыболова из Бнай Брита).

Малея беспокоила возня вокруг документов Госкомимущества, представленных в комитет Красавченко. Он очень переживал за дело. И попросил меня при случае переговорить с Ельциным. От позиции президента зависело тогда почти все.

Как сторонник концепции Михаила Дмитриевича я стал с жаром упирать Борису Николаевичу на ее сильные стороны. На справедливый характер дележа общественного богатства. На ее не обвальные, а постепенные темпы разгосударствления по классическим схемам. А форсирование процессов могло сломать России хребет.

Ельцин уже разморился на солнце, нетерпеливо потряхивал головой. Но дал мне договорить. А потом, оживившись, начал хриплым голосом объяснять. Он знал о наработках Госкомимущества — ему докладывали. Знал о других планах. Идет борьба идей — пусть борются. Но у него после поездок за рубеж, особенно в Америку, и после консультаций там с видными экономистами уже сложилось свое видение приватизационной политики в России. Какое?

— Оставить в экономике значительную часть государственного сектора, да еще на много лет, как предлагаете вы с Малеем? Так не пойдет! — сказал он в своей резкой манере. — Не получится что-то у капиталистов, все начнут сравнивать и кричать: «Давай назад!» Да еще со всероссийскими забастовками. Это будет реальная угроза возврата к социализму.

— А чем вам не угодил социализм? И разве тотальный капитализм самоцель? — вырвалось у меня. — Создать всем равные условия, и пусть конкуренция выявляет, что больше подходит нашему обществу.

— Нет у нас времени на это. Совсем нет. Сковырнуть систему могут только решительные шаги, — произнес Ельцин. — Надо в массовом порядке и как можно скорее распродать все частникам. Провести, понимаешь, черту между нами и прошлым.

— Но это может привести к обрушению экономики, к обвалу рынка.

— На время приведет. Но под гарантии кое-каких наших уступок Запад готов организовать для России товарную интервенцию. Продержимся с полгода — год, и все пойдет как надо.

Мы помолчали. Ельцин давно не был со мной так откровенен.

— У нашего народа-голодранца нет таких капиталов, чтобы выкупить все сразу, — сказал я. — Приватизационных чеков на это дело не хватит.

— Да что чеки — бумажки, — поморщился президент. — Нужны деньги, большие деньги, чтобы обновлять производство. Продадим тем, у кого эти деньги имеются. Таких совсем немного. И это к лучшему. Когда меньше хозяев — с ними работать удобнее. А все станут хозяевами — начнут власти приказывать. Какой тогда угол искать?

Самое время было углубиться в этот разговор, но Ельцин вдруг поднялся на корме во весь рост и сказал:

— Ну, хватит о работе. Надо искупаться. А то я совсем разомлею.

Мы разделись догола и нырнули с лодки. Поплавали в теплой прозрачной воде. И вернулись на остров, к столу, где я получил нагоняй за похищение виновника торжества.

В Москве после этого пикника я не раз вспоминал разговор на водохранилище. Позиция Бориса Николаевича была очевидной. На мой взгляд, ошибочная позиция. Но это на мой взгляд. А какой из меня теоретик приватизации, чтобы переубеждать упрямого президента? Опора на здравый смысл? Но этот аргумент в коридорах власти давно потерял всякую ценность.

И Ельцину, и группе Красавченко подбирали фасон, похоже, в одной пошивочной. В других при разгосударствлении придерживались стандартных правил: «не навреди!», «не нарушай установленные экономические связи!», «не ослабляй национальную безопасность!», «делай не в чьих-то корыстных целях, а ради повышения эффективности производства!». По этому пути шли к успеху многие азиатские и европейские страны. Здесь же намечалось вершить все шиворот-навыворот.

Мне стало понятно, что планы Малея обречены. Что сначала комитет Красавченко даст программе Михаила Дмитриевича негативную оценку. Так оно и произошло. Затем Ельцин заменит Малея —президенту подсунут какого-нибудь гопника из подворотни, и тот по команде кукловодов начнет гасить топки российского локомотива, да при этом еще строить из себя благодетеля, врать и кочевряжиться.

Осенью Борис Николаевич действительно выгнал из Госкомимущества Михаила Дмитриевича — перспективного ученого, подарившего стране 80 изобретений, и посадил на его место Чубайса. А спустя несколько лет Малей скончался с расцвете сил. Люди идеи часто уходят вскоре после похорон своего детища.

8

Между тем обстановка в России добра не сулила. К середине лета напряженность в обществе заметно усилилась. Народ роптал: жизнь становилась все хуже, а верхи погрязли в каких-то интригах. Я тогда много ездил по регионам — трудно было разговаривать с рабочим людом.

— Центральная и российская власти плюют на конституционные права граждан, — прижимали меня на собраниях. — На мартовском референдуме большинство высказалось за сохранение СССР. Что делают Горбачев с Ельциным? Дурят нам голову никчемными проектами союзных договоров, а сами преднамеренно ведут страну к развалу и катастрофе.

Слово «оборотни» в адрес вождей звучало на этих собраниях чаще всего.

Только слепой не замечал, как росло в обществе подозрение: в Кремле ведется какая-то двойная игра.

Очухались, наконец, и начали занимать боевые позиции партийные организации на местах. Июль 91-го стал месяцем повальных, причем беспрецедентных для КПСС мятежных пленумов, конференций, собраний. Их резолюции направлялись в Москву — Горбачеву и членам ЦК. Позднее в архивах партии я насчитал более десяти тысяч грозных телеграмм за подписями секретарей. С учетом телеграмм из «первичек». Их содержание не обещало адресатам ничего хорошего. Вот отрывки из некоторых посланий:

«Совместный пленум Оренбургского горкома КПСС, районных комитетов КПСС, контрольных комиссий требует обновления руководящих органов партии. Секретарь Ю. Гаранькин, 1.07.91 г.»

«Выражаем недоверие деятельности Политбюро ЦК КПСС и лично Генерального секретаря М.С. Горбачева. Контрольная комиссия Алтайского Края, 4.07.91г.»

«Коммунисты шахтоуправления Краснодонецкое постановили: выразить недоверие М.С. Горбачеву, освободить его от обязанностей генерального секретаря ЦК КПСС и исключить из членов КПСС. Секретарь Н. Косихин, 26.07.91 г.»

«Красноярский горком партии постановил: коренным образом обновить руководящие органы КПСС. Бюро горкома. 8.07.91г.»

«Партийное собрание управления строительства № 909 (г. Арзамас-16) требует освобождения Горбачева М.С. от должности генерального секретаря ЦК КПСС. Секретарь И. Красногорский, 11.07.91 г.»

«Совместный пленум Иркутского горкома и контрольной комиссии считает, что действующий состав Политбюро оказался неспособным руководить партией и требует срочного созыва съезда КПСС. Секретарь Н. Мельник. 2.07.91 г.»

«Шитровская парторганизация Курской области отмежевывается от ведущего в тупик курса руководства КПСС и требует срочного созыва съезда КПСС. Секретарь А. Михайлов, 24.07.91г.»

«Объединенный пленум Якутского горкома партии считает, что руководство ЦК КПСС проводит политику, не отвечающую чаяниям трудящихся. Требуем срочного созыва съезда КПСС. Секретарь А. Алексеев, 10.07.91г.»

Ну и так далее...

Может показаться странным, что требования об освобождении Горбачева и смене состава ЦК направлялись самому Горбачеву и членам этого ЦК. Но таким самодержавным был принцип строения КПСС: без воли царя партии и его окружения — ни-ни! Оставалось обращаться только к Богу, но он давно махнул рукой на КПСС. На многих телеграммах стояла нейтральная закорючка Михаила Сергеевича: мол, прочитал. И ничего более.

Ряд посланий называл в ультимативной форме крайний срок созыва партийного съезда — до ноября 91-го. Иначе, организуя массовые забастовки и акции гражданского неповиновения, коммунисты с мест проведут съезд явочным порядком и заставят Горбачева уйти не только с поста генсека, но и с должности Президента СССР. На этих документах свои подписи члены Политбюро сопровождали жирными восклицательными и вопросительными знаками.

В партийных комитетах регионов ксерокопировали и распространяли по рабочим коллективам секретную записку Горбачеву секретаря московского горкома Юрия Прокофьева, составленную еще 29-го января 91-го — задолго до президентских выборов в России (кто приделал ноги этой записке — оставалось загадкой). В ней Прокофьев предупреждал Горбачева (нашел кого предупреждать!), что активизируется работа по завершению развала страны и, в частности, предсказывал. Цитирую:

«Наиболее вероятны следующие сценарии развития событий. Торпедируя новый Союзный договор, Верховный Совет РСФСР форсирует процесс заключения двусторонних соглашений между республиками и возьмет на себя инициативу создания Содружества суверенных государств».

Записку сопровождал злой комментарий о шашнях Ельцина с Горбачевым, и она действовала на рабочих как призыв «к топору!».

Наши вожди понимали, что они разбудили вулкан. Не трусливая и алчная номенклатура, а партийные низы, которым нечего терять, кроме своих цепей, решили взяться за дело. Они сами составляли мощную организованную армию, да еще могли привлечь к акциям протеста миллионы рабочих. Мало бы не показалось!

Ликвидировать нависшую угрозу можно, только ликвидировав всю партию. Так встал вопрос. Но если это делать с оглоблей на перевес, нарвешься на противодействие с непредсказуемыми последствиями. А поводов для мотивированного, хотя бы внешне обоснованного решения власти, которое бы ставило вне закона целую партию, не было. Значит, следовало сорганизовать этот повод. Желательно с изощренностью Сатаны.

Нужна была масштабная провокация или, как говаривал Борис Николаевич, большая загогулина, чтобы скомпрометировать партию в глазах народа. Чтобы тяжело контузить ее, прихлопнуть и попутно выявить активных противников связки Горбачев — Ельцин в Москве и на местах.

Борис Николаевич как-то сказал мне, растрогавшись (он чихал и кашлял — я занес ему вечером в кабинет пакет лекарственной сушеной травы, привезенной родственником с Алтая. А президент порылся в шкафу и отдарил меня цветастым фарфоровым стаканчиком из Кореи): события могут повернуться в неожиданную сторону. И надо бы, на всякий случай, продумать, как организовывать работу нашей прессы в чрезвычайных условиях. На мои вопросы: «что это за события?» и «когда и почему они могут наступить?» он неопределенно ответил:

— Я же говорю — на всякий случай. У меня самого нет еще полного представления.

В последнее время он много общался с Михаилом Сергеевичем — по телефону или ездил к нему в Кремль, в резиденцию. О чем договаривались лидеры, нас, конечно, интересовало, но не так, чтобы лезть бестактно с расспросами. Сами они не распространялись о каких-либо договоренностях. А мы полагали: вроде бы шла притирка позиций Кремля и Белого дома на Краснопресненской набережной. Ну и слава тебе, Господи!

Августовские события 91-го обросли такими гроздьями мифов, что иногда начинаешь плутать в истоках: как все было на самом деле. Плутать и удивляться неведомым событиям. Хотя я находился в их эпицентре с первых и до последних часов противоборства с ГКЧП. В организации путча, в поведении главных действующих лиц с одной и другой стороны мне тогда уже показалось много странного, подозрительного.

Передаю опять-таки свои личные ощущения, никого не опровергая, не поправляя и никому ничего не навязывая.

По-настоящему обеспокоенным в то раннее утро 19 августа выглядел только Руслан Хасбулатов. Мы заявились с ним на дачу Ельцина в Архангельском и Хасбулатов, сокрушаясь, начал сочинять обращение «К гражданам России!» Я присоединился к нему: пробовали увесистость формулировок на слух, потом заносили их на бумагу. «Государственный переворот», «путч» — такими камнями-обвинениями придавили гэкачепистов.

Борис Николаевич сидел на разобранной постели полураздетый. Вид у него был не встревоженный и не растерянный, а на фоне случившегося даже очень спокойный. Все вокруг было как прежде, никакого подозрительного движения. Телефоны работали. Хасбулатов попросил у Ельцина позвонить в Алма-Ату Нурсултану Назарбаеву (там разница во времени плюс три часа): пусть выскажет осуждение в адрес организаторов переворота — членов ГКЧП.

Президент откликнулся на просьбу с ленцой, и через какое-то время усиленная мембрана аппарата спецкоммутатора донесла до нас голос Назарбаева. Он, по его словам, с утра заработался у себя в кабинете над документами и даже не слышал о создании ГКЧП. Вот разберется немного, тогда и будет определяться. (Рядом с Назарбаевым сидел в тот момент мой старый приятель — чиновник высокого ранга. Который позже признался, что они как раз слушали телевизионных дикторов, озвучивавших документы ГКЧП. Но президент Казахстана еще не сориентировался. «Восток — дело тонкое!»)

Хасбулатов попросил позвонить Горбачеву в Форос — сам президент никакой инициативы не проявлял. Ельцин поотнекивался, но снял трубку. По спецкоммутатору сказали: «Не отвечает или нет связи». Что значит «не отвечает»? Там же целый отряд прислуги.

Начал съезжаться цвет новорусской бюрократии — Собчак, Лужков, Силаев и другие. На наши расспросы они отвечали, что никаких препятствий в дороге им не чинили. Ельцин уже прибрался и привел себя в порядок — стал отдавать распоряжения.

Отпечатать на машинке обращение «К гражданам России!» мы попросили дочь Бориса Николаевича — Татьяну. Она печатала неумело и медленно, будто давила клопов. Это раздражало. Пока вся троица была здесь — Ельцин, Силаев, Хасбулатов, хотелось сразу заполучить их подписи под обращением и запустить его в дело. Я позвонил своему первому заму Сер-

гею Родионову и поручил собрать в министерстве как можно больше журналистов — наших и зарубежных. Мы должны были отксерокопировать Обращение, подписанное руководством России, и раздать его всем — пусть гуляет по свету. Что и было сделано. Я был уверен, что наше мощное орудие — информационное агентство РИА «Новости» со всей передающей аппаратурой блокировано, закрыто. И что придется рассовывать информацию, как говорили в старину, от полы да в полу.

Еще я полагал (а точных сведений не было), что будет блокирован Белый дом, и Ельцину не дадут провести там пресс-конференцию. Так предписывали каноны государственных переворотов. Поэтому и предложил ему поехать сразу в наше министерство, где на клич Родионова сбегались журналисты целыми группами. В нашем зале он сможет провести пресс-конференцию. Ельцин согласился. Мы сели в его «Чайку» — сзади Борис Николаевич в окружении Александра Коржакова и еще одного крепкого секьюрити, меня разместили на приставном сиденье и через центральные ворота Архангельского направились в Москву. Моя «Волга» маячила позади вместе с машинами президентской охраны. За ними тянулась кавалькада других автомобилей.

Вдоль дороги от Архангельского до Калужского шоссе сплошной лес, где можно разместить целую дивизию. Я обшаривал глазами кусты и деревья, но странное дело: кругом ни одной машины, ни одного человека. А ведь Архангельское — местоположение источника «демократической заразы» — здесь находились дачи «верхушки»: Ельцина, Руцкого, руководителей Верховного Совета СССР, всего правительства. То есть тех, кто, по мнению гэкачепистов, вносил смуту в спокойную жизнь граждан. При серьезных намерениях (государственном перевороте) они были обязаны нас интернировать, вырубить связь, чтобы предупредить возникновение очага сопротивления. Но ничего этого не наблюдалось.

Только на МКАДе мы догнали колонну танков и БТРов — по обочине дороги она двигалась на Москву. Большая колонна, грозная. Ельцин неодобрительно поглядывал на нее и все сильнее углублялся в себя. Я набрался смелости и спросил Бориса Николаевича, не это ли он имел в виду, когда предупреждал меня в своем кабинете о работе в чрезвычайных условиях. Ельцин не сразу вернулся из задумчивого состояния.

— Горбачев — Горбачев, — протянул он хрипло вместо ответа (скорее себе, а не мне). — Что-то многовато подтекста в его поведении. Как бы не повернули они ситуацию в другую сторону.

Какие-то сомнения растревожили президента. Что-то не совпадало с его ожиданиями. Видимо, он мысленно переиначивал поэта:

Политика хитрей расчета.
Ты в ней чуть-чуть перетончи —
И на тебе самом чечетку
Другие спляшут резвачи.

В машину Ельцина пошли звонки — они отвлекли его. В Белом доме, оказывается, уже собрались депутаты Верховного Совета, связь работала исправно, все подъезды свободны.

Посредине Калининского (Новоарбатского) моста мы остановились — Белый дом мирно красовался на солнце, по набережной прохаживались москвичи. Идиллия. Ельцин решил свернуть к себе, в Белый дом. А я пересел в свою машину — поехал в министерство организовывать автобусы, чтобы быстрее доставить собравшихся там журналистов на пресс-конференцию к президенту.

Пока ждали эти автобусы, журналисты терзали меня. Они прочитали розданное им Обращение, и документ вызвал у них много вопросов. Особенно наседали дотошные иностранцы. Президент СССР не арестован? Не арестован. А если он заболел и его функции взял на себя вице-президент, то почему мы квалифицируем это как государственный переворот? Если же Горбачев не в больнице, а в Форосе, то что это за болезнь? И не имеет ли тут места замысловатая комбинация по свертыванию демократических процессов руками горбачевской команды? Ушлые западники угадывали какой-то подвох в истории с ГКЧП.

В министерстве мне радостно сообщили, что российское информационное агентство не блокировано, а работает в обычном режиме. Это тоже удивило.

Вместе с журналистами я поехал в Белый дом и там, лишь изредка отлучаясь, провел все трое суток, до полной, так сказать, виктории дела Ельцина — Горбачева. Трое суток игры на нервах. Трое суток Большой Игры.

Это потом вместе с другими, не посвященными в тайны дворцовых интриг, узнал я, что телефонной связи Горбачева никто не лишал. Он самоизолировался и, попивая чай на террасе, наблюдал за спектаклем, словно с режиссерского пульта. И что ГКЧП не спускало на места антиконституционные приказы, типа: «гнобить», «арестовывать». Из Москвы в 10 часов 50 минут 19 августа ушла только одна секретная шифротеле-

грамма № 215/ш первым секретарям ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов, обкомов партии. Ее направил секретариат ЦК КПСС:

«В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП.

В практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР».

Телеграмма вроде бы никчемная. После отмены 6-й статьи о руководящей роли КПСС содействовать ГКЧП в рамках Конституции значило не совать нос в государственные дела — можно только потрепаться на собраниях. Зато главная цель послания достигнута — засветить и подтвердить документально связь партии с путчистами.

Непонятливые секретари, привыкшие заглядывать в рот Москве, ждали дальнейших конкретных указаний, а их не было, хотя наступил уже вечер 20 августа и парткомы начали теребить ЦК шифропосланиями такого рода:

«Обком не получил никакой информации о действиях ГКЧП для координации своей работы. У коммунистов вызывает много вопросов бездействие центральных органов КПСС. Секретарь Челябинского обкома КПСС А. Литовченко, 20 августа, 18 часов 20 минут.»

Они сами затягивали петлю на шее партии. Ее вожди, оставленные Горбачевым в Москве на хозяйстве, наверное, мстительно усмехались: низы подняли мятеж против ЦК, пригрозили провести съезд в явочном порядке и вымести поганой метлой из начальственных кресел все руководство КПСС — так пусть они теперь похлебают касторового супа. А сами вожди надеялись, в случае чего, перекочевать в беспартийную Администрацию Президента СССР, под крыло Горбачева.

Похоже, создание ГКЧП и планировалось как верхушечная акция, как попытка нагнать на общество страхи. Была, не исключаю, и задняя мысль у кремлевского режиссера: при благоприятном для него развитии событий придержать шаг Ельцина — слишком широко расшагался! И под шумок прикрыть несколько не управляемых общественных групп и ерепенистых изданий, кусавших кремлевскую власть (тех, кто покается, можно потом простить).

Борис Николаевич не хотел, чтобы на нем сплясали чечетку «другие резвачи». И обратился к населению с призывом защитить Белый дом — началось сооружение баррикад. Потом своими указами он принял на себя командование вооруженными силами, расположенными на территории РСФСР, и отменил распоряжения Язова и Крючкова.

Кода мы спускались по каменной лестнице к танку, с которого Ельцин прочитал Обращение и другие документы, толпа сопровождения чуть не свалила меня с ног. Все стремились забраться на броню и запечатлеть себя рядом с президентом. Я до изжоги налазился по танкам за три года службы в армии, да и позу не люблю. На снимках видел потом, как стою, наклонившись, под основание орудийного ствола, будто пытаюсь не дать тяжелой машине тронуться с места. А Борис Николаевич, попозировав, спустился при помощи Коржакова с башни и отправился в кабинет пить кофе.

Ельцину понравилась роль Вождя Сопротивления — он быстро вжился в нее (и потом красочно описал вместе с Валентином Юмашевым в одной из своих книг). Хотя работу с военными Кантемировской и Таманской дивизий, да и переговоры с кремлевскими чиновниками, вели в основном народные депутаты и Александр Руцкой. К президенту устремились искатели больших должностей с небескорыстными побасенками: одним якобы приказали сбить самолет, на котором Вождь Сопротивления возвращался накануне из Алма-Аты, однако приказ проигнорировали, других просили арестовать Ельцина, но они в ущерб своей карьере отказались, третьих заставляли обстрелять машину Бориса Николаевича из кустов около Архангельского, но они тоже плюнули на союзное начальство. В будущем Ельцин должен бы это учесть. И никто не мог подтвердить свои слова какими-либо письменными распоряжениями сверху: «Ну, это все делается на доверии, чтобы не оставлять следов на бумаге».

По Белому дому распространяли длинные (и разные) расстрельные списки, в которых не было разве что банщиков из Сандунов. Тут же, взвинчивая людей, бродили жуткие слухи: вот-вот на крышу сядут вертолеты с десантниками, вот-вот начнется газовая атака. На первом этаже навалили кучи противогазов. Я приглядел новенький белый, четвертого размера, сунул его в портфель и занес президенту. Сели за маленький столик, нам принесли по чашке кофе и по рюмке коньяка. Я стал вытаскивать противогаз.

— Что это? — заинтересовался Ельцин.

— Нас будут травить газом, — сказал я. — Вот принес вам для защиты.

— Он взял противогаз и брезгливо швырнул его подальше, к стене. Пробурчал:

— И вы туда же.

В Белом доме меня усадили за подготовку проектов указов президента по СМИ — сочинил целый пакет: что-то перепод-

чинить или заново учредить, кого-то освободить, а кого-то назначить. Правда, Сергей Шахрай кромсал их безжалостной рукой юриста от Бога. С министерской печатью в кармане успел съездить в редакцию Егора Яковлева (никто меня не тормозил, не задерживал), чтобы обсудить с журналистами условия создания «Общей газеты» и тут же ее зарегистрировать на основании закона о печати. Потом свободно мотался по типографиям — искал, где безопаснее печатать новое издание. Скандалил по телефону со сверхретивыми региональными баронами от власти, прикрывшими независимые газеты.

А вечером 20 августа все стали бегать по коридорам, причитая: «Ночью будет штурм!». На улице шел проливной дождь, люди стоически держались на баррикадах — мужчины, женщины, подростки. Премьер Иван Силаев сам втихомолку покинул здание правительства и распустил по домам весь свой аппарат. Шестой этаж погрузился в зловещую тишину. А новость о предстоящем штурме пошла гулять по Москве.

В штабе гэкачепистов у нас были влиятельные и надежные информаторы. Они сообщали: Игра выходит из-под контроля Михаила Сергеевича. Некоторые путчисты, особенно с погонами на плечах, вошли в раж, и у них зазуделось желание по-настоящему разобраться с дерьмократами, замочить их всех разом. Они требуют от Янаева «добро» на атаку Белого дома. Захворавший медвежьей болезнью Янаев переводит стрелки на Председателя КГБ СССР Крючкова. Тот якобы в раздумье.

Я спустился в кабинет Госсекретаря РСФСР Геннадия Бурбулиса. Он только что вернулся от Ельцина и по его поручению стал звонить Крючкову. Подмигнув, перевел аппарат на громкую связь. Никогда я не видел таким Генку-философа. Он крыл матом тогдашнего начальника Владимира Путина и обещал, что если Крючков решится на штурм, то Бурбулис самолично натянет его уши на его же поганую жопу.

Крючков, не заводясь, отбрехивался устало и заверял, что все это провокационные слухи, никакого штурма не будет. И я подумал, что если бы он начался, Бурбулис не смог бы выполнить свое обещание. Скорее, наши с ним уши пришлось бы искать по углам этажа. Голос Председателя КГБ выдавал в нем сломленного человека. Решимостью якобинца там даже не пахло.

Те, кто активнее всех толкал людей к сопротивлению, потянулись со своими манатками в подвалы Белого дома! Туда охрана утащила и Ельцина — перед лицом возможной реальной опасности он из глыбы Вождя Сопротивления мгновенно сдулся до размерчиков ручной клади ФСО. Как вспоминал Кор-

жаков, там их ждал накрытый стол, там же были Юрий Лужков с женой Еленой, Гавриил Попов и еще некоторые вдохновители сопротивления. Ели бутерброды, «запивая их... водкой с коньяком». Очень долго ждали сверху вестей о победе, почти до утра. Гавриила Попова, по словам Коржакова, пришлось выносить под белые ручки двум здоровенным охранникам, о других участниках застолья он умолчал.

Это метода всех интендантов от политики: взбудоражить народ, заставить его лезть под пули, мокнуть под проливным дождем и мерзнуть на баррикадах, а самим в это время сидеть в теплом укрытии, «запивая бутерброды водкой с коньяком». А выстоял народ, победил, и они выползают из убежищ, как стая жадных клопов из щелей, — отталкивают локтями победителей в сторону и начинают распоряжаться их собственностью, а часто и жизнью.

В распахнутом настежь кабинете премьера Силаева надрывались телефоны. Я зашел, включил свет — видны были следы поспешного ухода хозяина этого рабочего места. Снял трубку одного телефона — звонили с завода ЗИЛ.

— Что у вас происходит? — раздался сердитый голос. — Никто не может дозвониться до руководства.

— Идет совещание, — использовал я ложь во имя спасения авторитета российской власти. — Меня вот определили за координатора.

Где им дозвониться?! По руководящим кабинетам гулял ветер (кабинет Ельцина Коржаков предусмотрительно запер на ключ), только у Бурбулиса толкались люди — журналисты, депутаты. Они даже просили у него шахматную доску, чтобы сгонять партию-две назло гэкачепистам. Но Бурбулис, не очень-то поверивший Крючкову, приглушил в кабинете свет и предложил им спускаться вниз, на цокольный этаж — желающим там раздавали пистолеты. Только представить, как люди с пукалками выходят против мощных стволов и бронежилетов «Альфы»!

На ЗИЛе, оказывается, собрали большую группу рабочих — готовы двумя автобусами отправить ее на баррикады хоть сейчас. Какая будет команда из Белого дома? А что должен был ответить член правительства, не обронивший в панике совесть! Если бы штурм состоялся, эти люди могли погибнуть в ночной бойне, а если без штурма — зачем им зря мерзнуть под дождем? И я сказал, что отряды рабочих здесь до утра не нужны, а утром ситуация покажет.

Звонили с завода «Серп и молот» — тот же вопрос и тот же ответ. Интересовались обстановкой шахтеры из Подмосковья,

ельцинский Свердловск не давал покоя: где все, чем надо помочь? Так я сидел с перерывами, как диспетчер, до момента, когда рассвело, и за окнами силаевского кабинета экономные американцы потушили свет на постройках своего посольства. Телефоны стихли, штурм не состоялся. История с ГКЧП — закончилась.

А ближе к завтраку позвонил домой и услышал: не зная, чем помочь отцу в опасной ситуации (по Москве тоже шли слухи о штурме), оба моих сына — Максим и Константин отправились поздно вечером к Белому дому и провели ночь на баррикадах. Моя жена не сумела их остановить. И не сомкнула глаз. А я-то думал, что вся моя семья спит без задних ног, и не беспокоился за нее.

Позднее Руслан Хасбулатов походя бросал в мой огород обвинения, будто я травил Ивана Степановича Силаева за его дезертирский поступок. Не было этого. Даже наоборот. Когда 21 августа в кабинете Ельцина обсуждали, кого вместе с Руцким послать в Форос за Горбачевым, Борис Николаевич многозначительно посмотрел на меня. И ждал согласного кивка моей головы. Но что-то противилось во мне этой поездке — или психологическая усталость или обычная лень.

— Горбачев с Силаевым одной крови, — сказал я вместо ответа и предложил: — Пусть наш премьер поедет и этим немного отмажется.

— Да, одной, — нейтрально подтвердил президент. — Поедет Иван Степанович.

Сразу же после путча Горбачев назначил Силаева руководителем комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР (одновременно он остался Председателем Совмина РСФСР). В качестве заместителей Михаил Сергеевич подпер его тоже своими людьми — Аркадием Вольским и Юрием Лужковым. И тут, как говорится, Остапа понесло. Собственность упраздненных после августовских событий ведомств и министерств стали распихивать по коммерческим структурам. Я, например, еле успел спасти от растащиловки имущество Министерства печати СССР.

А вместо решения насущных проблем и эффективных действий за сохранение остатков Союза Силаев втягивал нас в организацию каких-то суррогатов экономических образований. Сам занимался делом активно, затем направил в Алма-Ату своего посланника, и тот от имени России подписал документы о создании межгосударственного экономического сообщества. Можно было только аплодировать этому, если бы документы предусматривали механизмы сохранения прежних экономических связей и развития их.

Но никаких обязательств перед Россией республики на себя не брали, даже оставляли за собой право вводить ограничения на вывоз продуктов питания для РСФСР. А вот Россия должна была обеспечивать всех энергоресурсами — нефтью прежде всего. И по каким ценам? Нет, не по мировым, а по тем, за которые проголосовало бы большинство из девяти республик. Собрались бы, скажем, Украина, Таджикистан, Киргизия, Белоруссия, Узбекистан и решили, что быть цене российской нефти за баррель — 5 долларов. И мы обязаны были приставить руку к козырьку. Такая незатейливая попытка просунуть к нашим недрам кого-то через форточку.

Вот тут я не выдержал. На заседании правительства мы дезавуировали подпись силаевского посланника. И я предложил отправить Ивана Степановича в отставку с поста предсовмина России — пусть он сосредоточится на работе в привычной для себя горбачевской команде. Министры меня поддержали. Выступая на заседании правительства, я, естественно, припомнил и дезертирство премьера, и кое-что еще. По совокупности.

Какая же это травля! Это рабочий момент нормальной политической жизни, когда начальника не прилизывают подхалимажем, а требуют от него выполнения служебного долга. Со временем российская власть отвыкла от деловых отношений, и сейчас на подобный шаг министра приученный к раболепию подчиненных даже захудалый премьер отреагировал бы вызовом санитаров из «Кащенко».

9

Как и следовало ожидать, среди первых крупных решений Ельцина после путча была политическая казнь КПСС. Партия скомпрометировала себя связью с разгромленными мятежниками и находилась в полуобморочном состоянии. Теперь ее можно было брать голыми руками. Будут знать коммунисты, как восставать против своих вождей и учить их любви к Родине. Родина для вождей — это то, что оттягивает карман. Все остальное — плебейский патриотизм.

Действо решили провести публично. С этой целью 23 августа Михаил Сергеевич приехал даже в Белый дом на заседание Верховного Совета РСФСР. Я сидел в первом ряду напротив трибуны, когда Борис Николаевич зачитал указ о приостановке деятельности партии (в ноябре он запретит ее окончательно). Он поднял над трибуной ручку, чтобы подписать этот указ. Надолго и картинно задержал ее в воздухе, поглядывая на Горбачева. Тот встал с места, изобразил порыв протеста и притворно сказал:

— Не надо, Борис Николаевич.

— Надо! — громко произнес Ельцин. Нож гильотины упал. Борис Николаевич повел Михаила Сергеевича к себе в кабинет.

Тут же Горбачев отказался от поста генсека ЦК КПСС, призвал ЦК объявить о самороспуске, а всем коммунистам посоветовал разбежаться и создавать новые партии. Удивленная таким крутым поворотом телекомпания Би-би-си спросила Михаила Сергеевича: как же так, еще вчера он обещал реформировать партию, а сегодня принял участие в ее разгроме?

— Я еще не имел информации о том, какую позицию заняли руководство партии и партийные комитеты, — ответил Михаил Сергеевич. — Потом в мое распоряжение поступила информация.

Лукавил экс-генсек. Он лучше других знал настроения в партийных низах, готовые перейти критическую массу. И, как я уже говорил, боялся этого до смерти. А позицию руководства, подтвержденную документально, преподнесла на блюдечке спецоперация с ГКЧП.

Через несколько дней я дал интервью одной из российских газет. И в нем изложил свой взгляд на августовский путч. Сказал по простоте душевной, что это сценарий Михаила Сергеевича, который хотел использовать ГКЧП для достижения определенных политических целей. Часть из них упомянута в этой главе.

В день выхода интервью у меня в кабинете раздался телефонный звонок. Металлический голос операторши спецкоммутатора предупредил:

— С вами будет говорить Президент Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев.

Сначала тишина, щелчок в трубке, потом:

— Михаил, это Горбачев. Я прочитал твое интервью, это не так, — ни привычное «здравствуй!», ни «привет!» — это не так, — повторил Михаил Сергеевич. — Верь мне!

И положил трубку. В его голосе было столько тревоги, перемешанной с испугом, что стало даже не по себе. И это похожее на мольбу: «Верь мне!», обращенное к человеку, который не стоил по политическому весу и ногтя авторитета Президента СССР, тоже о многом сказало. Тогда раны общества от ГКЧП еще кровоточили, и Михаил Сергеевич опасался любой правды. Она могла опрокинуть его. А я взял и приоткрыл сдуру уголок этой правды. И не поверил его признанию, поскольку верил документам и всему увиденному своими глазами.

Вспоминая эту историю, я и не думал придавать ей значение реквиема по КПСС. Не в эмоциях дело. Любая партия, ско-

лоченная по вождистскому, фюрерскому принципу, — будь то КПСС, «Яблоко» или «Единая Россия» — обречена на саморазрушение, на бесславную смерть. Вне зависимости от идеологии.

Беда, когда такая партия приходит к власти, господствует монопольно долгое время — она и общество корежит по своему принципу, создавая тоталитарное государство. Это КПСС с ее лидерами — пыталась не выпускать нашу страну последние десятилетия из клетки большевистского догматизма и спровоцировала агрессию центробежных сил.

Дело в другом. Когда низы партии покорно плелись за своими вождями, Горбачева сотоварищи это удовлетворяло. Но как только многомиллионная армия рядовых коммунистов заартачились и возникла угроза осуществлению планов Бнай Брита, тогда и был вынесен партии приговор. Вот так получается, сколько бы ни говорил экс-генсек, что «это не так!». И не осталось организованной силы, способной остановить крушение государства.

А Ельцин? Борис Николаевич сполна удовлетворил чувство мести за унижение от партии на пленумах ЦК и Москвы. Это чувство свербило все годы. Он успел подзабыть, как сам был красной партийной гусеницей, у него отрасли крылья для самостоятельного полета, а чувство обиды не проходило. Теперь он в полном расчете со всей стаей партийных функционеров и Горбачева выдернул из этой стаи. Михаил Сергеевич остался один-одинешенек: без партии, без поддержки народа и, по сути, без страны. Он стал приживальщиком в России, где уже был свой хозяин — крутой и сумасбродный.

Ельцин сразу же перебрался в Кремль (мечта всей его жизни), и они с Михаилом Сергеевичем появлялись на публике подчеркнуто вместе, как Шерочка с Машерочкой. Вместе решали вопросы, даже те, что являлись прерогативой Президента СССР. Причем мнение Бориса Николаевича было часто решающим.

Позвонил он мне как-то и сказал:

— Я звоню от Михаила Сергеевича. Мы с ним решаем кадровые вопросы. Кого вы хотите поставить вместо себя председателем телекомпании «Останкино»?

В дни путча он издал указ о снятии с этого поста Леонида Кравченко, а временно назначил туда меня. Но острота момента прошла, и совмещение двух должностей — министра и председателя — выглядело противоестественно.

— Рекомендую Егора Яковлева, — сказал я. — Мы с вами уже говорили на эту тему.

— А Михаил Сергеевич настаивает на Эдуарде Сагалаеве, — ответил Ельцин.

— Достойная кандидатура, профессионал, — согласился я. — Хороший был бы тандем: Яковлев и Сагалаев. Но это не нам с вами решать, а Президенту СССР.

— Почему не нам? Я поддерживаю ваш выбор, — сказал Ельцин и положил трубку.

Через пару дней вышел указ Президента Советского Союза о назначении Егора Яковлева председателем телекомпании «Останкино». Последнее слово осталось за Ельциным. Горбачев поговорил с Яковлевым о Сагалаеве, и тот сделал его своим первым замом.

Вспомню в этой связи один побочный эпизод. Через несколько месяцев пришел ко мне Яковлев.

— Старичок, — сказал он. Егор всегда так обращался, когда хотел добиться своего. — Я не могу больше работать с Эдиком. Он тянет одеяло на себя и мешает. Разреши мне его уволить.

— Печально все это, — ответил я Егору. — Два хороших человека, а ужиться не можете. Поговори с ним еще раз. И здесь не нужно мое разрешение. Ты Эдика назначал, только ты вправе его уволить. Но лучше все-таки, когда вы вместе.

Яковлев ушел. А потом мне рассказали, как он позвал к себе Сагалаева и с печалью в голосе произнес:

— Старичок! Ты знаешь, как я тебя уважаю и готов работать с тобой. Но Полторанин категорически против тебя и требует увольнения. Сделать я ничего не могу. Придется тебе уйти.

Сагалаев не стал выяснять отношений — ушел. В отместку его люди сказали Хасбулатову, что я запретил журналистам «Останкино» выпускать его в эфир. Чего, естественно, не могло быть даже по техническим причинам. А я гадал, с чего вдруг Руслан Имранович надулся на меня. О, сколько копошилось таких мелких интриг в подвалах политики! И занимались-то ими подчас достойные люди. Они свои поступки интригами, по-моему, не считали. В такой среде выросли.

А Михаил Сергеевич с Борисом Николаевичем ставили, между тем, последние точки в демонтаже Советской державы — сначала упразднили правительство страны, очистили Верховный Совет СССР от несогласных депутатов, а в него по списку Бурбулиса кооптировали русофобов со стороны. Затем с помощью созданного ими Госсовета подорвали мощным зарядом несущую конструкцию всей социально-экономической системы Советского Союза — так называемую девятку.

«Девятка» — это детище главы правительства СССР Алексея Косыгина, созданное им в процессе реформы 1965 года. После известного «обрезания» Хрущевым Советской армии в 61-м мы начали отставать от США в обороноспособности по многим параметрам. Американцы собрали все силы в единый

кулак, а наши военные разработки были разбросаны по предприятиям множества ведомств. Что снижало результаты.

И Косыгин тоже сгруппировал силы под один знаменатель. Было создано Министерство общего машиностроения — в нем сосредоточились работы по ракетно-космической технике. В увязке с ним действовали министерства оборонной промышленности, авиационной промышленности, радиопромышленности, электронной промышленности, электротехнической промышленности и приборостроения, судостроительной промышленности, химической промышленности и среднего машиностроения. Они и составили «девятку» военно-промышленного комплекса.

Страна достигла паритета с США и кое в чем опередила их. К тому же с годами предприятия «оборонки» стали локомотивом экономики Советского Союза — там сосредоточились лучшие научно-технические разработки и кадры. До $^{3}/_{4}$ всех НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ) производилось в сфере ВПК. Там же выпускалась качественная гражданская продукция: телевизоры, холодильники, пылесосы, электроплиты и проч.

Хорошо это или плохо, когда даже товары ширпотреба выходили из цехов ВПК, — дело другое. Но так было: на «девятку» опирались и оборона страны, и весь технический прогресс. Одномоментная ликвидация «девятки» означала полное уничтожение высокотехнологичной экономики.

Но именно это и сделал Госсовет 14 ноября 91-го — по команде Михаила Сергеевича и Бориса Николаевича он упразднил все перечисленные мной министерства, кроме Минсредмаша. Предприятиям «девятки», ее конструкторским бюро, институтам перекрыли финансирование еще раньше — их попросту бросили на произвол судьбы. А там работала четвертая часть населения страны.

И что в итоге? Ценное оборудование с заводов стали выламывать и сдавать в металлолом, а миллионы классных конструкторов, инженеров, технологов подались в челночники. Несколько тысяч специалистов вынудили уехать за рубеж.

Среди них должен был оказаться и директор Института физико-технических проблем металлургии и машиностроения в Новосибирске Лев Николаевич Максимов. Он выдающийся изобретатель — автор проекта подземных атомных электростанций с использованием тория вместо урана. Нефтегазовые месторождения истощаются, залежи урана остались в Узбекистане и Казахстане, а тория в России очень много. Но главное — ториевые реакторы надежны и безопасны: в случае любого теракта, любой аварии исключают радиоак-

тивное излучение и не образуют плутония в процессе использования. А значит, снимают проблему утилизации отработанного ядерного топлива. Немного урана, причем высокообогащенного оружейного нужно только в качестве запального элемента в ториевых реакторах.

Максимов начал стучаться в двери московских инстанций, когда эпидемия ликвидаций катилась по всей стране. Никому до него не было дела. Зато однажды к нему пришли эмиссары Бнай Брита (представились «уполномоченными от особо влиятельных сил») и предложили уехать в одну из стран на выбор — Америку, Израиль или Канаду. Там очень заинтересованы в его изобретении: он может спокойно продолжать работу, а на России пусть ставит крест. Максимов отказался («никакими деньгами меня не купишь») и даже написал заявление в КГБ. Ноль внимания. Но после этого на него дважды нападали и дважды избивали до полусмерти: один раз приговаривая: «Уезжай из России. Не запалишь ты здесь свои реакторы — урана не найдешь», а другой — уже молча ударили кастетом по голове.

— Я сейчас имею основание говорить, — сделал заключение Лев Николаевич, — что многие уехали за рубеж не по доброй воле.

Институт Максимова был ликвидирован, а все материалы по прорывным изобретениям, подготовленные к патентованию за рубежом, — похищены. И фраза палачей: «Урана не найдешь» наполнилась смыслом, когда он узнал о договоренностях Ельцина с Клинтоном. По этой договоренности в феврале 93-го Черномырдин подписал документ о продаже США за копейки всех запасов российского высокообогащенного оружейного урана, извлеченного из ядерных боеголовок. Такого урана страна со времен Сталина накопила 500 тонн (а США, начиная с 1945 года, произвели 550 тонн). Ничего у нас теперь не осталось: нечем ракеты оснастить, нечем Максимову запалить ториевые реакторы.

Не нужны будут новым хозяевам недвижимости под названием Природные Богатства России ни ядерное оружие у нас, ни высокие технологии, ни изобретатели экстра-класса. Им нужен сырьевой придаток по типу нищих полуграмотных африканских стран. И Ельцин с Горбачевым спешили довести нашу страну до этой кондиции.

10

В начале своих заметок я часто противопоставлял двух этих политиков. Потом все больше начал смещать их в один ряд. Это не прихоть автора. Это отражение реального психо-

логического сдвига, когда оба лидера дрейфовали навстречу друг другу и сблизились окончательно.

Конечно, они очень разные люди. Михаил Сергеевич широко образованный человек, не чужой в интеллигентской среде, способный доказать свою правоту в острых дискуссиях. Этим он импонировал многим, это же помогло ему подняться наверх. От него ждали ювелирной работы в политике.

Бориса Николаевича к энциклопедистам не относили, а комиссарской манерой руководства он прославился еще в Свердловске. За это его вытащили в Москву, чтобы прищучить столичную мафию. Рабочий люд уважает крепкую руку, и Ельцин стал для народа на какое-то время своим.

Он не обременял себя мыслями, как переустроить мир. Он просто очень хотел Большой Власти, причем не ее ответственности, а вызывающих зависть обывателя атрибутов — огороженных охраной водоемов для спецрыбалки, охотничьих угодий, резиденций. Но Ельцин пока умело прятал это желание за словами о благополучии страны и призывами к борьбе с привилегиями других. И все активнее поддакивал Горбачеву в его спорах с «консерваторами».

Начинал генсек реформы, как я уже говорил, с хитрого накопления сил, а продолжал, не совсем понимая, куда его тащит чужая воля. Ему желалось и социализма с человеческим лицом, и западного капитализма. Иногда был он не прочь натянуть на Советский Союз европейский костюм, а иногда — милицейский мундир. В одно ухо ему дули гегемонисты, в другое — их супротивники, и Михаил Сергеевич качался, как пьяный, из стороны в сторону. Он не был генератором идей — с комсомольских времен привык исполнять чью-то волю. А тут иногда самому приходилось решать, куда кантовать глыбы проблем. Куда именно — это всегда зависит от тех, кто командует ситуацией.

И Ельцин не был генератором идей. Это их сближало. Несмотря на то, что кредо Горбачева: «За власть не цепляйся!», а кредо Ельцина было: «Лишь бы власть в руках да семья в собольках!». Сблизило их и другое. Они продвигались в политике, надувая свои паруса случайными порывами попутных ситуаций. И не имели перед собой Большой Благородной Цели, ради которой приходят к власти. Эта Цель открывается человеку, когда он любит свой народ, сострадает ему.

А они народ не любили.

Михаил Сергеевич нагородил своей политикой такой непроходимый лес проблем, что в конце концов сам заблудился в этой политике. Ему хотелось достойно, без серьезных по-

терь выкарабкаться из дебрей. Черт с ней, с властью — она уже уплывала из-под ног. Черт с ней, со страной. Она уже представляла из себя выжженное пространство. Так сказать, прошла предликвидационную подготовку. Надо только держаться везунчика Ельцина, не отталкивая от себя, а по-умному использовать его страстное желание окопаться единолично в Кремле. Пусть распускает там по-павлиньему хвост, управляя всего-то Российским протекторатом.

С разных сторон, но одновременно они подошли к Беловежскому перекрестку.

У меня на лестничной площадке была пожилая соседка, которая, заметив непорядок в подъезде, всплескивала руками: «Ох, тошно мне!» Так вот и мне тошно, когда я слышу притворные всхлипы одного: «Тайком от меня спрятались в Пуще и ломали Союз, как дрова» и гусарскую похвальбу другого: «Мы рисковали — нас могли арестовать. Но мы делали верное дело».

Ну какой там риск? Все было безопасно, как на любой царской охоте. В Беловежской Пуще много утепленных вышек (сам видел!) с раздвижными окошками для стрельбы по кабанам и оленям. И ельцинскую поездку туда в тайне никто не держал. Бориса Николаевича проводил в дальний путь из своего кабинета лично Михаил Сергеевич.

На сей счет много свидетельств. Приведу только одно из них — свидетельство человека, незамеченного в антипатиях к Ельцину с Горбачевым. Это Иван Степанович Силаев. Его признания корреспонденту газеты «Коммерсантъ» дорогого стоят.

Ельцин должен был принять Силаева в Кремле 6 декабря 91-го (а 7-го состоялась встреча в Беловежской Пуще). Но позвонил Коржаков и предупредил, что Борис Николаевич просил подождать — он пошел к Михаилу Сергеевичу.

— Я жду час-два. Звоню снова. Оказалось, еще не пришел, — поведал Силаев. — Принял он меня только в 18 часов и сказал примерно такие слова: «Долго сидели с Горбачевым, советовались. Сейчас я еду в Белоруссию. Это обычный политический визит. Хотим пригласить туда Кравчука, чтобы уговорить его отказаться от идеи выхода из состава СССР».

Насчет «уговорить» это, конечно, привычный ельцинский туман, обычная «деза». Уговаривать Кравчука в Белоруссии? Для этого были Киев, Москва. Байка для легковерных! И второй очень важный момент — зачем для обычного мужского разговора «у костра» Ельцин взял с собой в Беловежскую Пущу спецкоманду: Геннадия Бурбулиса, Егора Гайдара, юриста по особо важным поручениям Сергея Шахрая и министра ино-

странных дел России Андрея Козырева. Понятно, что не для освежевывания трофеев. Команда ехала проводить операцию, обговоренную в Кремле.

Еще одно свидетельство — того самого Леонида Кравчука. Корреспонденту издания «Время новостей» он рассказал, как они (Ельцин, Шушкевич, Кравчук) подписывали документ о прекращении существования Советского Союза и как Борис Николаевич через своего министра-переводчика Козырева бросился докладывать об этом событии Президенту США Бушу-старшему. А потом...

— Шушкевич дозвонился Горбачеву, — рассказал далее Кравчук. — Тот *обиделся,* что мы проинформировали Буша первым.

Видите, как все было обыденно и спокойно. Михаил Сергеевич не затопал ногами, не поднял «в ружье» войсковые подразделения, не зарычал от ярости. А только тихо «обиделся» и почему?

Он, видимо, сидел у себя в кабинете как на иголках. Ждал сообщений от везунчика Ельцина, чтобы первым отрапортовать Бушу — старшему о глобальном свершении. Как я предполагаю, Михаил Сергеевич, даже текст набросал примерно такой:

«Сэр! Имею честь донести и Вам, и всему влиятельному руководству Бнай Брита, что первая фаза спецоперации под кодовым названием «Трындец Советскому Союзу!» успешно завершена.

В довесок к Нобелевской премии прошу занести мощность тротилового эквивалента моей власти в Книгу рекордов Гиннесса.

Передаю дежурство, как и договаривались, нашему парню Борису Ельцину.

Вторую фазу спецоперации под кодовым названием «Трындец России!» будет выполнять он и те, кого Борис назначит после себя. Если, конечно, народ к тому времени не пробудится и не даст всей нашей шобле крепкого пендаля».

Какой политический капитал дополнительно можно было срубить за океаном этим рапортом! Но Ельцин подсуетился и высунулся с донесением первым. Будто он один заваривал кашу.

Михаил Сергеевич не раз говорил: «Всей правды я вам не скажу никогда!» Ну, еще бы! Зачем идти на самоубийство, когда жизнь так прекрасна. Это страну можно раздеть донага. А себя нужно беречь — самому надо всегда оставаться в смокинге. Для встреч в верхах. Для презентаций. Для получения зарубежных премий.

Да и что он дразнит правдой-утайкой, будто шмотками под прилавком. Она наверху и очевидна. Правда в том, что очень медленно и трудно формируются государства. Через войны, через порванные жилы целых поколений. Но при безответственности выскочек от власти и деградации нации даже мощные сверхдержавы мгновенно сметаются с исторической сцены.

И в завершение разговора о последних днях нашей страны — показательная история с банкиром Георгием Гавриловичем Матюхиным.

Этот сибиряк, родом с Алтая, служил раньше в политической разведке и был резидентом в Уругвае. Но там мидовская шпана его засветила — он превратился в отработанный материал. Вернулся на родину, стал доктором экономических наук и ведущим сотрудников Института США и Канады Академии наук СССР.

Людей на финансовые потоки бнайбритские эмиссары отбирали для России поштучно, своих. А тут недоглядели, и Матюхин стал с подачи Хасбулатова председателем Центрального банка РСФСР. Председателем правления Госбанка СССР был в то время видный член ЦК КПСС Виктор Геращенко (как показывают архивные документы, перекачку средств за рубеж ЦК осуществлял с помощью Госбанка). Сразу после Беловежского соглашения Матюхин стал принимать дела у него и других банкиров.

— Когда мы начали в декабре 91-го работать с Внешэкономбанком, — рассказал Георгий Гаврилович, — то обнаружили пропажу 12 миллиардов долларов валютного резерва и 300 тонн золота.

О поисках украденного Матюхин упоминал в корпоративном сборнике воспоминаний банкиров — ездил в Базель, подключал к работе зарубежных коллег. Постепенно перед ним открылась такая картина: в октябре — декабре 91го на круизных теплоходах сначала по Волге, затем по Черному морю деньги и золото покинули пределы страны. И это в то время, когда сама страна сидела на бобах.

Информация о рытье Матюхина в «грязном белье» дошла до Ельцина и кое-кого из экономического блока правительства. И это, как считает Георгий Гаврилович, стало одной из причин его быстрого освобождения от работы.

Уколотый Геращенко отреагировал на утверждение Матюхина негативно: по его мнению, это требовало разъяснений. Но Георгий Гаврилович публичных разъяснений давать не стал. А при их приватной беседе я не присутствовал. Зато был свидетелем спешного снятия с работы Матюхина.

В июне 92-го Ельцин собрал в Ново-Огареве Руслана Хасбулатова с заместителями и нас — вице-премьеров правительства России. Речь шла о Центральном банке. По закону его председателей мог снимать и назначать Президиум Верховного Совета, и потому почти весь состав его сидел за длинным столом резиденции. Егор Гайдар сказал, что нужно убрать Матюхина, а на его место он предложил «профессионала» Виктора Геращенко.

Борис Николаевич посмотрел вопросительно на Хасбулатова («Вы не против?»), тот не стал отстаивать Георгия Гавриловича. Другие члены Президиума тоже не возразили.

— Тогда решено, — твердо сказал Ельцин. — Матюхина снимаем, Геращенко назначаем.

И поручил мне тут же связаться с ИТАР — ТАССом, чтобы агентство распространило эту информацию в сверхсрочном порядке. Зачем такая спешка? «Надо», — ответил Ельцин. Сказал так, будто кто-то стоял за ново-огаревским забором и с нетерпением ждал информации.

«Профессионал» Геращенко благополучно довел Россию до «черного вторника» 11 декабря 94-го — обвального падения курса рубля на биржевых торгах. И ушел. Многие тогда поживились на этом.

Матюхин предположил, что украденными в 91-м средствами новая финансовая мафия откупалась от старой. Вполне возможно.

Только мне ближе иное мнение. Это был — первый? очередной? но далеко не последний — транш из России в жадные закрома Бнай Брита.

Глава V

Воруй-страна, или Чеченизация России

1

В этих записках не могу не сказать о моих встречах с Джохаром Дудаевым. И о роли троицы — Ельцин, Хасбулатов, Гайдар — в выпестовывании враждебного России режима на Кавказе. Как получилось, что не вайнахский адат уступил в нашей стране место законам цивилизации, а страна взяла за правило жизни на всей территории самые дикие нормы адата? Но сначала поделюсь своими долгими наблюдениями за чеченцами — их нравами, их отношением к морали и людям.

Впервые я увидел чеченцев весной 1944 года. Мы жили в Восточно-Казахстанской области, куда и привезли несколько эшелонов депортированных вайнахов. Я был еще маленький, но в детскую память «чечены» (так их у нас называли) врезались своим необычным видом: все поголовно в галошах на толстые шерстяные носки, женщины закутаны в темные большие платки.

За огородами, на склонах оврагов они семьями рвали молодую крапиву. На пригорках, где раньше всего сходил снег, мы тоже промышляли слизун или заячью капустку, а вот то, что можно есть и крапиву, — не знали. Вайнахи нас этому научили.

Русские женщины — сердобольный народ. Тянули детей без мужей, погибших на фронте, но делились с чеченцами кто одеждой, кто хлебом, кто молоком. Так было все время, пока те строили свои саманные чечен-городки, оформлялись на работу и получали по квитанциям крупный рогатый скот вместо изъятого у них на Кавказе.

И в ту весну, и несколько последующих лет нам с чеченцами выделяли за городом общие пашни для посадки картошки. Делились и картошкой. Мы резали каждый клубень на несколько частей с глазками для всхожести и аккуратно укладывали в лунки, чтобы эти росточки смотрели вверх. Мне, маленькому, почти не надо было сгибаться, зато у взрослых поясницы «отваливались». Никто не позволял себе такой роскоши — бросать в лунку целую картофелину. Время было тяжелое.

В олигархической российской печати сейчас полно публикаций, будто чеченцев в послевоенные годы специально

морили голодом. Из мести. Вроде бы другие народы страны особо не бедствовали, а их обрекали на гибель. Эта своеобразная трактовка истории очень нравится горским сепаратистам. Они ее вдалбливают своей молодежи, объясняя кознями русских.

Да, вайнахи прошли через голод в 1946 и 1947 годах. Но прошла через него и вся страна — из-за засухи, из-за гибели миллионов земледельцев на фронтах. Старшее поколение это помнит, а тем, кто моложе, картина откроется в телеграммах послевоенной поры. Их в рассекреченных архивах тысячи.

Телеграммы шли в основном, на имя зампредов Совмина СССР Алексея Косыгина и Лаврентия Берии.

«По неполным данным на 20 марта 1947г., — сообщал, например, председатель Костромского облсовета Куртов, — насчитывается 10.000 больных дистрофией. В Полкинском районе имеется 76 смертных случаев, в Макарьевском районе 36 смертных случаев от истощения».

«Начиная февраля 1947 года Ульяновской области регистрируются случаи дистрофии среди населения, — телеграфировал председатель облсовета Семикин. — На первое марта зарегистрировано дистрофиков 8213 человек».

«Проведенным обследованием комиссией Читинского облздравотдела физического состояния шахтеров Букачачинского рудоуправления установлено, — писал министр Востокугля Оника, — что из 2500 рабочих 36% страдает упадком сил, 55% цингой и часть рабочих дистрофией первой степени».

А министр путей сообщения СССР Ковалев недоумевал: «До 1.X.1946 года паровозно-поездные бригады получали на путь следования 300-350 грамм хлеба в сутки. В соответствии с постановлением Совета Министров от 27.1X.1946 г. выдача хлеба паровозно-поездным бригадам была прекращена».

Председатель ВЦСПС Кузнецов февральскими телеграммами 47-го просил срочно выделить для голодающих детей 200 000 пайков и сообщал, кроме того, что «только на предприятиях текстильной промышленности выявлено свыше 50 000 остронуждающихся многодетных семей и семей военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны. Все они живут впроголодь».

Авторы телеграмм требовали неотложной помощи. Из резолюций на документах видно, как маневрировали нашими ресурсами в Совмине: там ужать, туда перебросить. А что перебрасывать в ограбленной войной стране?

Что-то все-таки находили. И на наш класс выделили как-то две пары валенок. Попробуй их разделить справедливо, когда

кругом одни голодранцы. С нами учились чеченцы. И педсовет (а это были русские женщины) передал валенки им. Как представителям обиженного народа. Никто не роптал. Мы все-таки дома, говорили нам взрослые, а их, бедолаг, сдернули с родных мест, загнали черт-те куда. Люди, повидавшие многое, умели жалеть.

Но вот чеченцы обустроились. Обжились. Обвыкли на новом месте. И пошло и поехало.

Тех, кто делился с ними куском хлеба, они стали грабить и насиловать.

Нагло действовали вайнахи. Нападали по-волчьи, стаями, приставляли к горлу ножи и отбирали деньги, одежду. Молодых женщин тащили в кусты.

По ночам они обшаривали чужие сараи и воровали коров. Знали, конечно, что наши отцы и старшие братья погибли на фронте, в домах одни вдовы с мелюзгой — кого им бояться! Милиция? Она была малочисленна, к тому же собрали туда женщин и доходяг — без опыта и мало-мальской подготовки. А поди и найди в лабиринтах чечен-городков грабителей и насильников, где сплошное укрывательство и как по команде тебе отвечают одно: «Моя твоя не понимает».

Я хорошо помню то время: все разговоры взрослых были о чеченцах. Что это за народ, почему он здесь ведет себя так — сводит счеты с беззащитными из-за обиды на власть? За что его выслали с Кавказа в спешном порядке?

Люди много тогда не знали. Иначе не тратили бы столько времени на разгадку вайнахской души.

Я тоже придерживаюсь мнения, что нет плохих народов. Есть плохие их представители. Но если таких представителей очень много, значит этот народ нуждается в самоочищении. В ревизии старых обычаев и традиций на предмет соответствия их современным цивилизованным нормам. Иначе он всегда будет и клят и мят.

Вот у нас, русских, невероятно много людей, лишенных чувства достоинства, не способных сопротивляться злу, зато готовых долго терпеть унижения и беззакония, поддакивать власти, раболепствовать перед всякой мразью, вознесенной случайно наверх. Они-то и делают погоду в политической жизни. И весь народ платит за них большую цену, находясь постоянно под гнетом какой-нибудь кучки оборзевших чиновников.

Все вайнахи тоже в заложниках у большинства своих представителей — башибузуков. А эти представители всегда промышляли разбоем и бандитизмом. Они делали массовые набе-

ги на села Грузии, Дагестана, Северной Осетии и Ставропольского края. Приводили оттуда скот и рабов, которых неволили в отдаленных горных аулах.

Даже в строгие времена Иосифа Сталина не прекращался разбойный промысел. В архивах сохранилось немало жалоб вождю всех народов от мини-вождей с Северного Кавказа. Типичную картину рисовал в письме Сталину от 17 августа 1937-го, например, первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) Самурский: «В соседней Чечено-Ингушетии усиленно развивается бандитизм... Группа бандитов в 28 человек спустилась из Чечни на плоскость Хасав-Юртовского района с налетом, разгромила сельсовет и угнала скот».

Не случайно в дни операции «Чечевица» (с 23 февраля 1944 года) выселять вайнахов в Казахстан добровольно помогали оперативникам и грузины, и дагестанцы. Они отлавливали в горах беглецов, сдавали НКВДэшникам. Так эти джигиты достали своих соседей.

Вайнахи всегда умели пользоваться моментом. Если центральная власть демонстрировала силу, башибузуки поджимали хвосты и спускались с гор сдаваться — «за прощением грехов». Амнистии тогда следовали за амнистиями (как и в наши времена). Легализовались бандиты тысячами. Правда, оружие припрятывали в горах и, дождавшись благоприятной для себя ситуации, когда кулак неверных слабел, снова брались за разбойный промысел.

Подарком Аллаха вайнахи посчитали нападение на нашу страну фашистской Германии. Теперь-то руководству СССР не до них. А не им ли, казалось бы, защищать Советскую власть? Они жили богаче, чем остальные в России: налогами их не давили, за спекуляцию не преследовали, скота разрешали держать сколько хочешь.

Но воевать пришлось бы с хорошо вооруженным противником. А чеченцы и ингуши привыкли нападать на безоружных людей или на сторожей, оснащенных дробовиками.

За первые три года войны около 63 тысяч вайнахов дезертировали из армии и уклонились от призыва, схоронившись в горах. Они, по сути, открыли второй фронт на Кавказе против нашей страны: принимали немецких диверсантов-парашютистов и помогали им, грабили тыловые обозы, стреляли из засад в спины красноармейцев (только очень малая часть вайнахов участвовала в боях против фашистов — их семьи, как правило, не подлежали депортации).

Горцы думали: если победят немцы, они оценят их заслуги перед вермахтом. А если победят русские, то по своей рото-

зейской привычке начнут опять всех амнистировать и уговаривать жить честным трудом. Вроде бы беспроигрышная позиция!

Но, к их удивлению, команда Сталина, несмотря на тяжелые бои на фронтах, взялась за вайнахов основательно. На захваченной у гитлеровцев карте Чечено-Ингушской АССР на немецком языке были отмечены пункты, куда фашисты поставили своим союзникам-вайнахам крупные партии оружия. Для повстанческой деятельности. Пещеры с оружием нашли и разорили. Было уничтожено больше двухсот крупных банд.

А когда Красная Армия оттеснила врага, тогда и была проведена внезапная операция «Чечевица» — по выселению с Кавказа чеченцев и ингушей. Настолько внезапная, что горцы не успели распорядиться оставшимися у них стволами — спрятать или пустить в дело. Было изъято больше 20 тысяч единиц огнестрельного оружия, в том числе около пяти тысяч винтовок, а также 479 пулеметов и автоматов. В Среднюю Азию башибузуки, откормленные на разбойных хлебах, ехали под конвоем полуголодных солдатиков. Ехали, вытряхивая из штанов свою смелость, и не чирикали.

И вот в Восточном Казахстане вайнахи, что называется, оттягивались на вдовах и детворе.

В конце 40- годов в Усть-Каменогорске и Лениногорске развернулось большое строительство. Начали возводить гидростанцию на Иртыше, Ульбинский завод по обогащению урана, полиметаллические комбинаты. Кому работать, если война выбила всех мужиков. На Украине и в российских областях вербовали людей — они тысячами ехали в Восточный Казахстан. Было много фронтовиков. «Вербованным» очень не понравился вайнахский террор. Запахло грозой.

Летом 1950-го группа толстомордых чеченцев ворвалась в избушку вдовы фронтовика Паршуковой, работницы нижнего склада Лениногорского леспромхоза. Сама Паршукова была на работе, а дома находилась ее малолетняя дочь. В избушке ничего путного не нашли, но во дворе взяли корову и стали ее уводить. Сопротивляясь, девочка схватила за хвост коровы, чтобы не отдать налетчикам кормилицу семьи. Они долго не могли ее отцепить, в конце концов убили и сбросили в речку Журавлиху. Кто-то из соседей видел эту сцену. По Лениногорску покатилось чудовищное известие.

Детонатор сработал. Несколько сотен «вербованных» вооружились кто вилами, кто кусками арматуры, кто аммоналом с рудничных участков буро-взрывных работ и пошли громить чеченские поселения. Погром продолжался больше суток.

Мою старшую сестру, восемнадцатилетнюю Раю, в числе прочих комсомольских активистов отрядили в помощь милиции увещевать нападавших. Но куда там! «Вербованные» все жгли и крушили на своем пути. Молодых комсомолок очень удивило поведение многих вайнахов с кинжалами на поясах: они сбежали в окрестные пихтачи, бросив семьи на произвол судьбы. Было убито 36 чеченцев и больше ста ранено. Остановить погром помогла подоспевшая армейская часть.

И опять проявилась сердечность русских женщин: они прятали чеченок с детьми у себя в погребах и на сеновалах, а некоторых даже в холодных утробах русских печек. Иначе жертв было бы значительно больше.

Грабежи и разбои в Лениногорске прекратились.

А в Усть-Каменогорске, что в сотне километров от него, все продолжалось по-прежнему. Искрой для разлитой, как бензин, ненависти послужил случай с израненным на фронте милиционером. Его обнаружили под деревянным мостом через Ульбу (в детстве мы с этого моста ныряли) подвешенным за ноги вниз головой, с перерезанным горлом. Так чеченцы свежуют баранов. Возможно, кто-то хитро сработал «под горцев».

Это была середина апреля 1951 года. Только-только начался ледоход, Ульба, впадая в Иртыш, уже громоздила торосы. Они вставали на дыбы и рассыпались с грохотом, сталкиваясь. И в эту бурлящую кашу, в этот ад восставшие «вербованные» погнали всю чеченскую диаспору: мужчин, детей, стариков.

Многие, спасаясь, смогли добраться до другого берега глубокой реки, а многие тонули подо льдинами. Сколько погибло людей, не известно. Документальных данных я не нашел, а то, что видел тогда своими глазами (мы жили на крутом берегу Ульбы, куда устремлялись гонимые), подсчетам не поддавалось.

Недалеко от города стояла армейская часть, прокладывавшая железную дорогу на Зыряновск. Солдат срочно бросили на подавление бунта. Выстрелами поверх голов они остановили и рассеяли «вербованных».

В Усть-Каменогорске тогда строился крупнейший в Советском Союзе свинцово-цинковый комбинат. По понедельникам в 12 часов местного времени (в 9 утра по Москве) селекторное совещание с руководителями стройки и министрами проводил лично Сталин. Сообщение о массовых беспорядках его вывело из себя. Такое развитие событий мешало планам Сталина, и он заподозрил в интригах казахские власти. Потребовал немедленно принять меры. И власти с перепугу стали проводить в ударном темпе облавы на «вербованных».

Уже 3 мая 1951 года в докладной записке на имя первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана Жумабая Шаяхметова обком партии рапортовал о принятых мерах:

«Дело Мамонова и др. 38 человек деклассированных элементов, обвинявшихся в организации массовых беспорядков, рассмотрено в г. Лениногорске.

Дело Цурикова и др. 11 человек деклассированных элементов, обвинявшихся также в организации массовых беспорядков, рассмотрено в г. Усть-Каменогорске.

Все они осуждены по статье 59-2 и 59-7 УК...»

Статья 59 Уголовного кодекса, действовавшего в те годы, намечала кары за преступления против порядка управления, за погромы и предусматривала длительные сроки заключения или расстрел с конфискацией «всего имущества». Информация от Шаяхметова пошла по инстанции в Кремль.

Каким планам Сталина могли мешать события в Усть-Каменогорске и почему вождь заподозрил казахскую власть в двойной игре?

2

Уместно напомнить, что это было тревожное время для Советской державы. Мы израсходовали большие ресурсы в прошедшей войне, страна еще лежала в руинах, а за океаном взбухал на чужой крови Монстр под названием США — с огромными запасами атомного оружия (и почти 80 процентами всего общемирового золотого запаса). Нам по ленд-лизу оружие поставлялось тоже за желтые слитки. Безоговорочное превосходство в ядерной мощи над остальным миром туманило рассудок авантюристов.

К итогам раздела Европы на Ялтинской конференции, прошедшей под знаком блистательных побед Красной Армии, тогдашние вожди Бнай Брита относились с большой неприязнью. Зубную боль у них вызывала коммунизация части Старого Света, означавшая потерю пространства для выкачивания ресурсов.

А тут еще спина к спине с Советским Союзом встал его новый идеологический брат — Китайская Народная Республика. В будущем альянс двух граничащих друг с другом стран мог стать несокрушимым. Пример Китая повлиял на многих его соседей. Призрак коммунизма начал бродить по всему Тихоокеанскому региону.

Бнай Брит боялся, что если продолжится такая тенденция, то все его интересы — финансовые и политические — задвинут на помойку. И сам Бнай Брит превратился в сходку маргиналов.

А что делать? Надо остановить, решили супермасоны, и придушить Советский Союз, пока он не набрал обороты, пока у США подавляющее преимущество в силе. И генералы получили задание.

Несколько вариантов внезапного нападения на СССР разработали в объединенных штабах. В 1949 году Сталин узнал от наших агентов (разведка тогда трудилась!), что президент США одобрил план «Дропшот» — значительно позже этот документ американцами был рассекречен. По нему предусматривалось обрушить на города СССР 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, а затем оккупировать нашу страну, разделив ее на четыре зоны между 23 американскими дивизиями и четырьмя воздушными армиями. Каждую зону предполагалось разделить на 22 самостоятельных подрайона, чтобы таким образом разодрать СССР на мелкие части. Ну прямо-таки горбачевская программа автономизации нашей страны. Только в сопровождении светомузыки от взрывов ядерного оружия. Лишь первая фаза атаки должна была привести к гибели семи миллионов советских людей, в основном из русских регионов.

Озаботила заокеанских парней только противовоздушная оборона Советского Союза — они не знали дислокации радарных установок и боевых способностей современных истребителей. А не зная броду, как сунешься в воду? Бомбардировщики с ядерными зарядами (каждый по 4—5 тонн) надо посылать по «чистому коридору», обработанному предварительными налетами. Между тем, у США не было и надежной картографической информации. Планирование ядерных ударов осуществлялось по германским картам 1941—1942 годов.

Начались интенсивные разведывательные полеты над территорией СССР и расстановка провокационных силков. Наши пилоты не давали засекать радары и сбивали американских шпионов под Одессой, на Чукотке, в Средней Азии и Приморье.

Больше всего суеты было вокруг «летающей крепости» — бомбардировщика Б-29, который летел в апреле 1950 года с немецкой базы Висбаден в сторону Ленинграда. Над городом Лиепая старые истребители «Лавочкины» настигли его и приказали садиться. Но Б-29 повернул в сторону моря, открыв огонь по советским самолетам. Тогда наши летчики сбили его — весь экипаж утонул.

А не несла ли «летающая крепость» ядерный заряд на своем борту? Закралось это подозрение, когда целая стая американских самолетов прикрывала несколько дней место падения Б-29 и что-то искала там. Позже по приказу военно-морского министра СССР Юмашева наши пустили туда четыре траль-

щика, прошарили дно. Но бомбардировщика не обнаружили. Так и осталась эта история под завесой тайны.

Мог Б-29 сбросить атомную бомбу на Ленинград? Мог. Начни СССР какие-то серьезные ответные действия, вот и повод для бомбардировки других городов. А нет, так инцидент можно списать на ошибку пилотов. Именно ошибкой пилотов объяснили американцы в том же году, скажем, атаку звена «фантомов» на военную базу Сухая Речка под Владивостоком. Было расстреляно на аэродроме девять наших самолетов. Но попытку поднять в воздух машины и дать отпор пресекла команда: «Терпеть.» Не попадаться в силки.

Но в апреле 1951 года (как раз в дни Усть-Каменогорских событий) янки все же познакомились с новыми советскими истребителями МиГ-15 и МиГ-17. Продолжалась гражданская война в Корее, и по мостам китайской реки Ялуцзян туда постоянно шли грузы и отряды добровольцев. 48 «летающих крепостей» Б-29 под прикрытием 80 реактивных истребителей вторглись в небо Китая — союзника СССР для уничтожения гидростанции и переправ на этой реке (удайся операция, и северные корейцы остались бы без оружия, боеприпасов и подкрепления). Их встретили «миги»: сбили десять бомбардировщиков и еще столько же подбили, уничтожили два истребителя. При этом наши летчики не потеряли ни одного самолета. Армада рассыпалась и повернула назад, не выполнив задания.

При повторном налете американцев на Ялуцзян советские пилоты завалили двенадцать Б-29 и четыре истребителя. Это был ледяной душ для верстальщиков плана «Дропшот». Как самолетам пробиться к городам Советского Союза при таких колоссальных потерях! А ведь на территории СССР противовоздушная оборона, очевидно, намного сильнее.

Говорят, что до создания нашей страной в 1953 году термоядерного оружия и ракет большой дальности сдерживающим фактором служила и деза, впрыснутая агентами в начальственные кабинеты Вашингтона под видом утечки сверхсекретной информации.

Сообщалось: в случае нападения США на СССР Сталин не начнет ввод танков в Западную Европу, как считали американские генералы, а даст старт операции «Каскад». С чукотских, камчатских и других аэродромов она якобы предусматривала заброс нескольких советских десантных дивизий сначала на Аляску, оттуда в Канаду, а оттуда в северные штаты США. Они должны были захватить по очереди все аэродромы, удерживать над ними контроль, чтобы обеспечить беспрепятствен-

ную доставку в Америку двух миллионов китайских диверсантов. Их цель — взрывать дома и предприятия, убивать, сжигать все что горит. Словом, американцев собирались потопить в крови и ужасе.

Янки знали, что от Мао со Сталиным можно ждать и не таких сюрпризов. План-то реализуемый, если не считаться с большими потерями нападавших. А когда с ними считались «русский с китайцем братья навек!». Американцы горазды сбрасывать бомбы с большой высоты или пулять по дальним целям с авианосцев, а драться в уличных боях — не их профиль.

Они с содроганием вспоминали операцию «Айсберг» — сражение на острове Окинава. Со сравнительно небольшим гарнизоном японцев войска США при поддержке британцев возились 82 суток, до 23 июня 1945 года. Добро бы не хватало огневой мощи. Но Окинаву обложили 1600 военных кораблей, среди них было 40 авианосцев, 18 линкоров, 32 крейсера и 200 эсминцев. Они, как в тире, расстреливали остров из тяжелых орудий, бомбили с самолетов, угробив десятки тысяч мирных жителей. А направились с огнеметами зачищать пространство посуху и показали всем свою слабость. Американцы потеряли в боях на Окинаве около 50 тысяч человек. 14 тысяч военнослужащих были демобилизованы «из-за нервных срывов» (так у них называли медвежью болезнь).

Как тут не задуматься, прослышав о плане «Каскад»? И они крепко задумались, хотя подготовка к нападению на СССР продолжалась. (А Бнай Брит начал искать подходы к окружению кремлевского вождя с целью тихого физического устранения Сталина — при помощи яда или подушки на лицо спящего. Из троицы триумфаторов-победителей Рузвельт ушел в мир иной, Черчилль превратился в «хромую утку», один Коба восседал на Олимпе. Он стал в мире знаменем антиимпериалистического движения, и нельзя было организовывать громкое, демонстративное убийство, чтобы это знамя не окрасилось в цвета святости.)

В планах нападения на СССР не последняя роль отводилась Турции.

Вести воздушные налеты на южные регионы Советского Союза американцы рассчитывали с турецких аэродромов (в 1960 году с одного из таких аэродромов в Инджирлике стартовал хорошо известный теперь самолет-шпион Локхид U-2, пилотируемый Фрэнсисом Пауэрсом и сбитый ракетой под Свердловском). Анкара же взамен получала право оккупировать территории на Кавказе, которые всегда считала сферой своих интересов.

И это беспокоило Сталина. Турки сразу полезут захватывать нефтеносные районы — Баку, Майкоп и Грозный, чтобы свести к нулю боеспособность Советской Армии. Потому что Бакинская и окрестная нефтяная промышленность давали в то время более 80 процентов высокосортного авиационного бензина, 90 процентов лигроина и керосина, 90 процентов автотракторных масел от их общего производства в СССР. Потеря всего этого в боевых условиях означала смерть для страны. Предстояло защищать регион до конца.

Но, как показала Великая Отечественная война, депортированные с Северного Кавказа народы способны ударить своей армии в спину, объединившись с врагом. Особенно чеченцы и ингуши. Их Сталин вообще считал пятой колонной Турции в СССР.

Он помнил, как в 1918 году, в тяжелые времена для России, вайнахи — эта «опора Кавказа» — подсуетились и создали свою Горскую республику, выйдя из состава РСФСР. Правительство республики возглавил чеченец — толстосум Абдул-Межид Чермоев. Это правительство не только заключило с Турцией союз, но и призвало ее оккупировать кавказские территории. Чеченцы и ингуши участвовали вместе с турками в захвате Баку, Махачкалы, Дербента, Буйнакска. Лишь спустя год удалось вымести с Северного Кавказа и правительство, и турок.

Сталин не забыл и того унижения, которому его подвергли во Владикавказе. Там в начале 1921 года собрался Горский учредительный съезд — вайнахи опять решили создать Горскую республику, объединившую Чечню, Ингушетию, Кабарду, Карачай, Балкарию и даже Осетию. Как народного комиссара по делам национальностей Сталина командировали на съезд, чтобы он уговорил делегатов признать советскую власть и верховенство российских законов.

Но тузы были в руках делегатов, а у будущего вождя всех народов — сплошные шестерки. И ни одного козырного аргумента! В горах Ингушетии и Чечни хозяйничали протурецкие отряды Саид-Бека — у Красной Армии не хватало пока на них сил. А в Москве готовились к подписанию «похабного» Рижского мирного договора (подписан 18 марта 1921 года в Риге) между Польшей и РСФСР.

Авантюра «красного Бонапарта» Тухачевского — выдвиженца Троцкого — дорого обошлась России. Он решил ускорить наступление мировой революции и возглавил в августе 1920 года поход на Варшаву. «На наших штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир, — писал в приказе войскам Тухачевский. — На Запад!»

Но, во-первых, воспротивились «трудящиеся Запада», а во-вторых, «красному Бонапарту» — любителю комфортных персональных поездов и бронированных лимузинов — не хватило полководческих талантов. Его разгромили: он сдал полякам в плен 85 тысяч красноармейцев, а еще 45 тысяч были интернированы Германией, куда они устремились от преследования панов. Путь для поляков на восток был открыт. Остановили их наступление только согласием подписать унизительный для России Рижский договор.

По нему Польше отходили принадлежавшие Российской империи Западная Украина и Западная Белоруссия (Сталин вернет их в 1939 году). Кроме того, РСФСР обязалась уплатить Польше в течение года 30 миллионов золотых рублей и передать ей имущества на 18 миллионов золотых рублей (Варшава забрала оборудование 28 заводов, 300 паровозов, 435 пассажирских и 8100 товарных вагонов). Так что Польша оставила Россию без денег и армии.

От турок горцы знали о неудачах правительства РСФСР, и слабость Москвы их воодушевляла. Президиум съезда сидел под портретом имама Шамиля и смеялся Сталину в лицо: «Сейчас мы хозяева положения, мы диктуем правила игры». Давить на них пустыми угрозами значило потерять еще и Северный Кавказ.

После дебатов съезд согласился признать советскую власть только формально. Но при непременных условиях: если жители казачьих станиц будут депортированы в глубинные районы России, а их земли передадут вайнахам и если центральное правительство не будет вмешиваться в дела республики, а ее основным законом Москва признает шариат и адат

Это был ультиматум с издевательским привкусом. Телеграф из Кремля отстукивал: уступать! И Сталин был вынужден принять условия съезда.

Казачьи семьи вышвыривали безжалостно. Без компенсаций, которые вайнахи получали в Казахстане в 1944 году. Это было нетрудно делать. А вот как совмещать в одном государстве цивилизованные нормы закона с адатами? Все равно что в коммунальной квартире поселить богомольную девственницу с дебоширом-насильником.

Как растут на планете реликтовые деревья, так сохранились на ней и реликтовые этносы. Живут с языческих времен по родовому традиционному праву. У одних племен до сих пор считается нормой потчевать желанного гостя теплой печенью свежеукокошенных пленников, у других — бросать со скал жертвенных молодок-красавиц. Но это, слава богу, где-то там далеко, за морями да за джунглями.

И вайнахи придерживаются древних обычаев предков, строго соблюдая неписаные законы — адаты. У каждого клана, то есть тейпа, свой адат. А на вопрос, сколько тейпов у вайнахов, остряки-чеченцы отвечают:

— Сколько в наших горах ущелий или долин, столько у нас и тейпов. У каждого клана своя гора, и чем выше она, тем знатнее тейп. Потому что на склонах высокой горы можно прилепить больше саклей.

Адаты 170 тейпов (а столько их насчитали ученые) диктуют разные стандарты в отношениях с вайнахами соседних родов, в поведении с гостями, в расчетах за причиненный друг другу моральный и материальный ущерб.

Если ты столкнул с вершины горы булыжник, вызвавший камнепад на аул, то по адату Одного Ущелья должен заплатить десять быков, а по адату Другого Ущелья — двадцать. Если ты поджег дом горца из знатного рода, то по адату Третьего Ущелья выложишь намного больше, чем за такой же дом простолюдина. А если вор из знатного рода украл у тебя коня и, упав с него где-то, дал дуба, то по адату Четвертого Ущелья тебя как хозяина скакуна-бедоносца родственники погибшего обязаны тоже отправить на тот свет. Предварительно заплатив небольшой штраф за умыкнутое животное (у знатного рода больше силы). Что называется, полное торжество справедливости по-туземному. И таких «если» очень много. Даже процедуры кровной мести не всегда похожи друг на друга.

И только к государству и инородцам (иноверцам, гяурам) у всех адатов одинаковый подход. Истинному чеченцу не пристало уважать чьи-либо интересы, кроме лично своих и интересов своего племени. Он должен презирать государство и всех инородцев, обворовывать их, грабить, заниматься разбоем. А если кто-то начнет мешать, того разрешается отправлять на тот свет. Адаты учат: «Государство — это ничто, клан — все», «Воровство — доблесть», «Все иноверцы — враги» и т.д.

Вайнахам полагается с раннего возраста приучать своих детей к налетам и разбоям. В этой связи припоминаю одну историю.

В послевоенные годы, когда я еще был юнцом, наша семья в Усть-Каменогорске подружилась с чеченской семьей дяди Хамида. Он был молчаливый спокойный кавказец, всегда думавший о чем-то своем. Я снабжал семью дяди Хамида свежей рыбой с Иртыша, а он шил для нашей семьи кирзовые тапки из голенищ старых сапог. С обувью тогда было чрезвычайно трудно. Детей Хамида привечали в нашей избушке, а меня — в его саманухе.

Потом вайнахи вернулись на Кавказ, я вырос, отучился, пожил еще в Казахстане, а затем перебрался в Москву работать в центральной газете. Друзья-чеченцы меня вычислили по публикациям. В конце 70-х годов они привезли постаревшего дядю Хамида в московскую глазную больницу, и он приказал им найти меня, чтобы я помог ему купить в столице мощный насос. Дом старика выше от речки по склону горы метров на триста — коромыслом воду на огород не натаскаешься. А сильных насосов, да еще не на электричестве, а на бензине, в продаже не было.

Когда мне передали его просьбу, я понял, что тут нужен промышленный агрегат. И пригорюнился: где же его доставать? Но не хотелось терять лицо перед стариком-горцем, и я разбился в лепешку — через знакомого директора завода добыл списанный механизм. Его отреставрировали и подарили дяде Хамиду.

Через год я приехал в Грозный по журналистским делам. По велению дяди Хамида друзья-чеченцы вытащили меня прямо из гостиницы и повезли в горы за Ведено посмотреть, как хорошо работает насос. Он действительно тарабанил усердно, проталкивая хрустальную воду к огородам и дяди Хамида, и его соседей. А потом меня привезли в глухое ущелье на шалых из черного барана. Безлюдное ущелье, покрытое сплошным лесом, — на его дне проселочная дорога упиралась в водопад — негласно считалось собственностью Хамидовского рода.

Под шашлык-машлык, как выражались хозяева пикника, да под коньяк-маньяк (чеченский коньяк «Илли» слегка отдавал керосином) пошли откровенные разговоры. Вайнахи признались, что это ущелье их учебный полигон. Здесь они тренировали подростков устраивать засады, совершая налеты на обозы и одиночный транспорт. Оттачивали технику нападения, чтобы не нарываться на ответные пули.

Я спросил: неужели их тейп собирается промышлять набегами? Родственники дяди Хамида — люд образованный, пообтерлись в столичных вузах. И старались объяснить своему гостю все как-то помягче. Аргументированнее. Натаскивают подростков на всякий случай, ответили мне, для соблюдения традиций. По своему адату они должны обучать детей разбойному ремеслу, иначе соседние кланы начнут относиться к их роду как к сборищу отступников от горских обычаев.

В теснинах Кавказа, где все на виду друг у друга, пояснили мне хозяева, важнее даже не быть правоверным чеченцем, а в глазах сородичей и соседей — казаться им. Вайнахи — это

нация показных, внешних эффектов, для них ритуал намного важнее самого существа дела. А Чечня — Ярмарка Тщеславия. В ней любят демонстрировать друг перед другом, у кого выше забор, кто больше пленил рабов в набегах на Ставрополье, у кого богаче добыча на грабеже поездов. «Ты не можешь украсть даже барана!» — эти слова бросают в лицо вайнаху, чтобы унизить его.

Я подтвердил, что прошло много времени, но в Восточном Казахстане до сих пор вспоминают воровские набеги чеченцев, а их задиристость вошла в поговорки. Недавно я был в командировке в Лениногорске, сидел ранним утром у директора рудника на планерке. Ночью в подземной выработке случился обвал — примчался директор, срочно стали искать начальника участка Борзенкова. Позвонили домой. «А он на работе, — ответила полусонная жена Борзенкова. — С вечера предупредил, что всю ночь будет на службе». Все ясно стало директору: начальник участка считался у них большим ходоком налево.

«Ходок» явился как раз к планерке — сидел усталый, но довольный. А директор был тоже усталый, но весьма недовольный.

— Борзенков, — сказал он громким простуженным голосом. И помолчал с угрюмым видом, — ты до каких пор будешь бегать со своим х..., как чечен с кинжалом?

И мы выпили в ущелье за несмываемые впечатления, которые вайнахи оставляют о себе в разных точках планеты.

Образованные чеченцы-хозяева были решительно не согласны с расхожим грузинским мнением, будто Бог слепил их племя из этнического мусора. Но быть в заложниках у аморальных обычаев еще с языческих пор им претило. Надо както выкарабкиваться из тенет прошлого. Но как?! На пикнике мы ответа на этот вопрос не нашли.

3

Из всех кремлевских небожителей Сталин лучше, чем кто-либо, знал законы адатов. И тогда, в 1921 году, после Горского съезда он как ярый государственник был встревожен мыслями о перспективах страны. Северный Кавказ официально превращался в зону воровства и разбоя. В рай для кучки потрошителей, именуемой знатью или элитой, и в ад для честных людей. Он становился территорией грызни между кланами за добычу. Черной дырой беспредела, бесправия, куда начнут исчезать материальные и людские ресурсы. Не останови этот процесс, и дыра начнет расширяться, поглощая все новые регионы.

Вождю народов и во сне не могло присниться, что через несколько десятилетий, с приходом к власти Бориса Ельцина, вся Россия превратится в Воруй-страну и начнет жить по законам вайнахских адатов.

Самым главным на всем пространстве этой Воруй-страны станет клан «Семьи» из «Кремлевского ущелья». Сакли олигархов густо облепят его тейповую гору — Кремль, и их обитатели составят свой адат, по которому они получат право быть кастой неприкасаемых. Клан «Московского ущелья» начнет жить по своему комфортному для знати адату. Кое-какие различия будут между адатами «Питерского ущелья», «Татарского ущелья», «Башкирского ущелья», «Кубанского ущелья», «Приморского ущелья» и т.д. и т.п. Но все адаты возведутся на одной идеологической базе: «Государство — это ничто, клан — все».

Со временем приспичит искать замену старейшине касты неприкасаемых — президенту России. И в режиме междусобойчика (по согласованию с вождями Бнай Брита) планы начнут тянуть наверх человека, который стерег бы установленный ими разбойный порядок, презирал нормы христианской морали и активно участвовал в набегах на материальные ценности, созданные мозолистыми руками народа.

Потом настанет черед еще одной смены старейшин, потом еще... И так год за годом Россия будет превращаться в «Правовое Ничто», в аморфное образование, где честному человеку станет «и жить невмоготу и вешаться сил не хватит». Сами же неприкасаемые станут рассматривать Воруй-страну как территорию для охоты за сверхприбылями, а эти сверхприбыли — превращать в дворцы и виллы на взморьях Западной Европы.

И вот получили вайнахи после Горского съезда казачьи земли на равнине — много земли (было выселено около 70 тысяч терских казаков). Паши, сей, живи как живет остальной мир. Но далеко не все желали браться за плуг — не привыкли работать. Куда проще было сбиваться в банды и устраивать набеги на сопредельные территории.

Оперативные донесения в Москву сообщали: на базарах Шатоя, Ведено и Урус-Мартана длинными рядами открыто лежало оружие на продажу — пулеметы «Льюис», «Маузеры», «Наганы», кавалерийские и пехотные винтовки. Кто и откуда его доставлял? Контрабандисты из Турции горными тропами (чеченская диаспора в Турции насчитывала десятки тысяч человек). С этим оружием вайнахи забирали скот у соседей, очищали магазины и склады, пускали под откос поезда и грабили их.

Два десятилетия центральная власть пыталась утихомирить вайнахов. Хотя Горскую республику декретом Москвы разделили на автономные образования и в них создали советские администрации из национальной интеллигенции — улучшения не последовало. Вайнахский бандитизм стал приобретать массовый характер: в походы за добычей пускались целыми аулами. Крупные вооруженные формирования чеченцев и ингушей безбоязненно совершали опустошительные рейды по районам Дагестана, Грузии, Ставрополья. Награбленным добром и русскими рабами тоже открыто торговали на базарах.

Против бандгрупп силами чекистов было организовано несколько локальных карательных акций. Они ничего не дали. Тогда центральная власть решилась на крупномасштабную операцию — ее провели в конце августа — начале сентября 1925 года войска Северо-Кавказского военного округа (СКВО).

В отчете штаба СКВО от 19.09.25 г. говорилось: «Операция была построена на стремительном разоружении крупными силами наиболее бандитски настроенных районов с применением максимума репрессий...» Солдаты окружали плотным кольцом такие аулы, как Дай, Ачхой, Нахчу-Келой и другие, требовали в двухчасовой срок сдать оружие и выдать главарей. Если ультиматум не выполнялся, по аулам открывали огонь из артиллерийских орудий.

Нет смысла пересказывать документ, предоставлю слово самому отчету штаба СКВО. Вот отрывок из него:

«Следует отметить также сопротивление Урус-Мартана, являющегося, в сущности, столицей Чечни. Ему предъявлено т. Королем (командиром части — Авт.) требование сдать 4000 винтовок и 800 револьверов, но фактически было сдано чуть более 1000 винтовок и около 400 револьверов. Требованию выдать шейхов Урус-Мартан хотя и пассивно, но долго (с 6-го по 9-е) сопротивлялся.

Для убеждения Урус-Мартана потребовался артиллерийский обстрел из 900 снарядов и авиационная бомбежка, разрушившая 12 домов.

Репрессии выразились в воздушной бомбардировке 16 аулов, ружейно-пулеметном артиллерийском обстреле 101 населенного пункта из общего количества 242 аула. Среди населения во время обстрела было убито 6 человек и ранено 30 (женщин и детей из кольца окружения предварительно выводили. — *Авт.*), убито 12 бандитов, взорвано 119 домов (уничтожали дома бандитских главарей. — *Авт.*).

Изъято более 300 человек бандэлемента, самыми видными из которых являются: Нажмудин Гоцинский, Атаби Шамилев, Эммин Ансалтинский (активные проводники политики Анкары. — *Авт.*).

За время операции изъято 25 298 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тысяч патронов».

Вайнахский край представлял из себя что-то вроде выгребной канализационной ямы в многосемейном доме. Только вычерпал, отдышался, и опять завоняло, потекло через край. Весной 1930 года пришлось вновь проводить чекистски-войсковую операцию. Утечка информации (а куда без нее, если участвовали чекисты. — *Авт.*) позволила горцам принять превентивные меры, и улов был не очень богатый. «За время операции в Чечне с 16 марта по 10 апреля, — докладывал в Москву зам. начальника штаба СКВО С.П.Урицкий, — изъято 1500 единиц огнестрельного и 280 единиц холодного оружия, 122 человека бандэлемента, из них руководителей повстанческого движения — 9».

Через два года еще одна операция — подавление антирусского мятежа, начатого в Беное под предводительством имама Муцы Шамилева. Бандиты пытались уничтожить местные гарнизоны, нефтепромыслы Стерт-Кертча, разрушить станцию Гудермес и железнодорожные мосты. Как явствовало из записки Особого отдела СКВО, по наущению своих покровителей из Анкары вайнахи стали переключаться с бытового разбоя на диверсионные акции. Мятеж был подавлен.

Потом операции проходили еще несколько раз, пока не началась Великая Отечественная война. А о том периоде я уже рассказал.

Может быть, эта идея — не возвращать депортированных вайнахов на их родину — созрела у Сталина еще во время проведения операции «Чечевица». Но никаких документов на сей счет нет. А вот следы маневров власти вокруг вайнахской проблемы в начале 50-х годов в архивах остались.

После принятия американцами чудовищного плана «Дропшот» и дрейфа Турции в ряды сателлитов США перед руководством СССР встал вопрос: как быть с Северным Кавказом — топливной базой страны? Из-за его выгодного географического положения получить контроль над Кавказом всегда мечтали и Персия, и Франция, и Англия, и, конечно, Турция. Сколько раз она, родимая, пыталась оттяпать у России этот кусок! Теперь Турция, науськиваемая американцами, будет лезть напролом. Когда решится на это? Не сегодня, так завтра — как прикажут хозяева. Но ведь прикажут, если уже подготови-

ли для сброса на Советский Союз 300 атомных бомб. Не зря столько их самолетов-разведчиков бродило над территорией СССР.

Как легко раним на голове младенца родничок, так совершенно не защищен, уязвим для Советской державы Северный Кавказ, заселенный вайнахами. И если родничок у младенца со временем закостенеет — здесь же пульсирующей опасности не будет конца. Вайнахи — это постоянная брешь в обороне страны на стратегическом направлении. Значит они не вправе возвращаться на свою родину, а на их землях должны расположиться навсегда казачьи станицы, русские поселки, аварские аулы. Это будет надежная опора державы на Северном Кавказе. А сам Северный Кавказ перестанет быть глубокой чувствительной занозой в заднице страны — ни сесть, ни встать без резкой боли.

Полагаю, что так думали политики в Кремле, обтачивая идею создания в Казахстане Чечено-Ингушской автономной области. Место для нее присмотрели на границе с братским Китаем — надежным партнером по утихомириванию американо-турецких амбиций. Меньше 400 тысяч вайнахов проживало в Казахстане и Киргизии. Простора и гор там — сколько душе угодно.

Казахстанский плавильный котел уже работал на полную мощность — этнографический продукт получался качественный. В республике преобладало русское население. Но сюда были сосланы немцы с Поволжья, корейцы с Дальнего Востока, турки-месхетинцы и греки из Грузии и Крыма, здесь же обосновались уйгуры, латыши и эстонцы. Они обогащали культуру и жизненный опыт друг друга. Места в этом интернациональном котле вполне хватало и вайнахам — для постепенной выплавки из них законопослушной нации. Они ассимилируются, научатся у соседей работать и уважать иную веру, отвыкнут жить по адатам. Их страсть к набегам и грабежам? Отвадятся и от этого. Месхетинцы, немцы или уйгуры себя в обиду не дадут, а двигать за добычей в соседний Китай — себе дороже! У Мао особо не забалуешь — вернешься с отрубленными кистями рук. Да и оружие здесь не раздобудешь. А вайнахи без оружия — это хромой волк с вырванными клыками.

Казахи тоже придерживались родоплеменных отношений. Они делились на Старший, Средний и Младший жузы, а в самих жузах — на уйсунов, оргынов, найманов, каракесеков и проч. Но степняки жили по общепринятым нормам, а свои обычаи применяли для, так сказать, внутреннего пользования.

В 1950 году никого из спецпереселенцев, а только вайнахов освободили от обязательных поставок государству продуктов питания, стали выделять им льготную ссуду под строительство индивидуальных домов в Казахстане. Материальными поблажками московская власть давала понять, чтобы они укоренялись в республике. Группам чеченцев разрешили съездить на родину для разведки — там все земли, аулы были заняты другими. И новые власти Грозного с подачи Кремля твердо сказали, чтобы вайнахи не мылились, бриться на Кавказе им не придется.

Создавать Чечено-Ингушскую автономную область хотели как бы на добровольной основе — «по просьбе трудящихся». Диаспора должна была сама изъявить желание остаться в Казахстане. Из ЦК ВКП(б) ушло в ЦК КП(б) Казахстана негласное указание провести собрания в чечен-городках. Они состоялись в Семипалатинской, Павлодарской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях.

Даже из протоколов этих сходок видна напряженная подковерная борьба вокруг создания Чечено-Ингушской АО в республике. Молодежь уже вкусила иную жизнь и выступала, не оглядываясь, за то, чтобы остаться: «Здесь когда тебя принимают на работу или начисляют зарплату, не смотрят, из какого ты тейпа. И почет не тому, кто из знатного клана, а тем, кто лучше работает — в шахте, на стройке, в леспромхозе».

В усть-каменогорских чечен-городках на Комострове и Бабкиной Мельнице уже проголосовали за постановление: остаться! Это молодежь делала погоду: «Здесь хорошо платят, дают деньги на строительство дома». Но и там, и тут местный партийный работник вводил к финалу собрания полуслепого старика — устаза (устаз — богоизбранный, святой человек, которому надо поклоняться. — *Авт.*), и тот говорил:

—Наш дом там, где могилы предков. Нельзя менять родину на деньги. Одумайтесь!

Все замолкали. И ход собраний менялся.

В это же время ЦК КП(б) Казахстана поручил местным партийным органам дать оценку морального состояния вайнахских диаспор. Видимо, для того, чтобы лучше представлять, с кем придется иметь дело в новом автономном образовании на своей территории. Характеристики пришли очень резкие. Например, зав отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Восточно-Казахстанского обкома Н.Петров (почему-то эти отделы занимались национальными вопросами) 31 марта 51-го года сообщал заведующему такого же отдела ЦК КП(б) Зеленскому (вся переписка велась под грифом «строго секретно»):

«Среди чеченов (во всех документах называли их так. — *Авт.*) имеют место феодально-родовые пережитки и элементы национальной вражды, разжигаемые по отношению к другим национальностям, приведшие к нежелательным последствиям, имевшим место в Усть-Каменогорске и Лениногорске (подразумевались локальные чеченские погромы в Усть-Каменогорске, предшествовавшие большому апрельскому 51-го года. — *Авт.*).

Чечены плохо работают, спекулируют, совершают преступления».

Видимо, из ЦК КП(б) Казахстана была дана тихая команда заматывать идею с созданием Чечено-Ингушской АО, настраивая вайнахов на отказ обустраиваться в республике. Казахов можно понять: зачем им беспокойные «квартиранты»? Зачем садиться за один достархан с потрошителями?

Сталин, конечно, знал обстановку в республике. Не случайно за усть-каменогорским чеченским погромом он заподозрил провокацию местных властей. И выразил неудовольствие «Орлу Востока» — так вождь уважительно называл первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана Жумабая Шаяхметова.

Но дело посчитал легко выправимым. Не в добровольном, так в добровольно-принудительном порядке решится вопрос с автономной областью. Время не торопило — вайнахи удалены с Северного Кавказа, сидят себе в казахстанском садке. Совсем не мешают стране. Зачем большой шум вокруг маленькой промашки казахов. Пусть они вместе с вайнахами еще немного подумают над таким хорошим предложением Кремля.

Что конкретно — неприятные повороты на Корейской войне или спешная милитаризация Западной Европы — отвлекло вождя от этой проблемы? Неизвестно. Больше он к ней не возвращался. А потом похоронили его самого.

После смерти Сталина идею о создании Чечено-Ингушской АО в Казахстане или Киргизии (там руководство податливее) озвучил и начал пробивать выдвиженец и приятель Хрущева министр внутренних дел СССР Николай Дудоров. Но вдруг Никита Сергеевич скомандовал «Стоп!» и дал идее задний ход. Он раскручивал кампанию по разоблачению культа личности Сталина, и лыко о «незаконно депортированном народе» неплохо ложилось в строку.

К вайнахам в Казахстане зачастили чиновники: надо писать жалобы в Москву на геноцид узурпатором невинных горцев. И письма пошли — первый зампред Совмина СССР Микоян собирал их у себя в папки. В июле 1956 года Анастас Иванович решил принять делегацию вайнахов. Принял, погоревал

с ними о их несчастной судьбе. Тут же со спецпереселенцев сняли все ограничения, а вскоре вышел указ Президиума Верховного Совета «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР».

Казахское руководство с радостью помогало вайнахам убираться из республики. Они потоками хлынули на свою родину и с криками: «Нам Хрущев разрешил!» стали вышвыривать из домов русские, осетинские и аварские семьи. Начались кровавые столкновения, которые продолжаются по сей день.

У любого решения власти всегда имеются два результата — на короткое время и на дальнюю перспективу. Иногда они совпадают, но чаще всего — нет.

Совпадают и работают на благо страны в долговременном плане, когда эти решения правителей опираются на государственную мудрость и провидение, когда у отдающих команды одна цель — служить интересам народа. Это и характеризует таких правителей как Стратегов с большой буквы, а их странам обеспечивает подъем. Слова громковатые, но без них-то не обойтись. Измерять эти позитивные решения можно коэффициентом подъемной силы. Чем основательнее и стабильнее успехи, тем выше коэффициент.

Не совпадают, да и просто не выдерживают проверку временем, решения популистов и близоруких политиков, считающих себя Пупом Земли. А уж тем более тех, кем движет месть и другие корыстные мотивы: свои или отдельных групп. Отрукоплескала на первых порах какая-то часть общества громким вздрыгам власти, но проходят годы, и разрушительные последствия эмоциональных телодвижений этой власти становятся очевидны всем. Давно замечено: если вокруг какой-то затеи властей много пиара, значит надо ждать больших разрушительных последствий.

Такие разрушительные решения власти измеряют мощностью тротилового эквивалента.

Я уже сравнивал некоторые решения лидеров СССР и России по их разрушительной силе с колоссальными взрывами. Но прибегать к этим сравнениям придется еще и еще.

У Никиты Хрущева свое место в истории — с его позитивными мерами по части оздоровления общества. Но, выражаясь языком Ельцина, он навертел достаточно загогулин, заложив всюду мины замедленного действия. Два его решения, принятые только из вредности, только из мести Сталину по величине тротилового эквивалента считаю наиболее значительными. Эти решения — по Северному Кавказу и Китаю. Коснусь того и другого.

Приход к власти Мао в Китае стал в те годы подарком судьбы для СССР. Восточная страна без всяких раздумий заняла антиамериканские позиции, и Советский Союз получил надежного союзника с неисчислимыми людскими ресурсами. У Соединенных Штатов с их планами нападения на СССР возникли большие проблемы.

Наши войска не могли участвовать открыто в Корейской гражданской войне — иначе США с союзничками из Западной Европы имели бы право атаковать Советский Союз как агрессора по мандату ООН. (Воевали только летчики под вымышленными фамилиями типа Ким Ир Сен и с категорическим запретом попадать в плен.) Но американцы, выручая своего подручного Ли Сын Мана, полезли туда сами, вытеснили, разгромили войска северных корейцев, прижав их к границе с СССР. Там, рядом с Владивостоком, США собирались расположить свою крупную военно-морскую базу.

Миллионы китайских добровольцев не дали этим планам осуществиться. Мы обеспечили китайцев оружием, и они со свистом погнали американцев на юг. При этом, по подсчетам КНР, сами потеряли убитыми миллион человек.

Сталин очень дорожил братскими отношениями со страной Мао — прочный союз двух великих держав гарантировал безопасность. Вождь мыслил стратегически: подписывая с Мао Цзэдуном в феврале 1950 года договор о взаимопомощи, он не поддался на уговоры своего окружения и все-таки включил в документ обязательство СССР отказаться от посягательств на Манчьжурию и вернуть Китаю в двухлетний срок Порт-Артур. Кроме того, мы предоставляли Китаю заем в 300 миллионов долларов (и это при нашей послевоенной бедности!).

Надо было показать соседнему братскому народу, что народ СССР дружит с ним не ради присвоения территорий, не мелочится и готов поделиться последними средствами. Не зря после этого пошли предложения из Китая объединиться с Советским Союзом в одну страну. Чего делать, конечно, не следовало. И сделано не было.

Нам преподносили историки, что отношения с Китаем испортились у СССР после критики Хрущевым Сталина на 20-м съезде КПСС. Но китайцы не такие уж недоумки, чтобы из-за персональных разборок в соседней стране нарушать только что созданный геополитический баланс.

Первый ощутимый удар по дружбе сразу же после своего прихода к власти Хрущев нанес требованием к китайцам заплатить за поставленное им оружие в Корейской войне. Диктатор, дескать, разбрасывался добром, а Никите Сергеевичу

приходится его собирать. Хрущев мыслил уже другими масштабами — мельче и жиже. Китайская элита была просто шокирована: ее страна потеряла миллион человек, отстаивая интересы СССР, в ответ — циничное жлобство.

Сталин, прежде чем принять Мао Цзэдуна, неделями выдерживал его на госдачах. По себе знал, что восточного человека нельзя баловать почестями: они кружат голову — зазнается. И Мао не дергался, понимал — это Сталин!

Но когда Никита Сергеевич по простоте душевной попытался играть с Кормчим в ту же игру, китайский вождь по-восточному оскорбился. Считал: куда конь с копытом, туда — нини раку с клешней. К тому же среди лидеров международного коммунистического движения упорно полз слух, что Сталина отравили и сделали это люди из его ближайшего окружения. А китайцы в таких случаях всегда искали виновного среди тех, кому это выгодно, кто занял место ушедшего.

Трещина между нашими странами расползалась. А Никита Сергеевич только подливал масло в огонь. В своей грубой манере он выдвинул ультиматум: помощь Китаю Советский Союз по сталинскому договору оказывать будет, если председатель Мао согласится выполнять наши условия. Какие? Они разные и друг другу противоречили.

Но одно выделялось.

Мао обязан строить структуру своего многонационального государства на ленинских принципах (чувствуете, как пахнут хрущевским ботинком с «кузькиной мамой» поступки предводителей олигархической современной России по отношению к Белоруссии. Только там «ленинские», а у наших политплейбоев «ельцинские заветы»). Ленинские принципы — это создание национальных республик с предоставлением им права на самоопределение, вплоть до отделения. Так большевики построили СССР, по этому же лекалу сшил Тито СФРЮ (Социалистическую Федеративную Республику Югославию).

Но Мао был мудрее наших большевиков: не стал своими руками вить гнезда сепаратизма, а образовал 9 автономных районов и 50 национальных округов. Все они при унитарной форме правления равны перед единым законом и подчинены одному центру власти. Это позволяет Китаю сохранять многонациональное государство, наращивать потенциал, а мы кукуем на обломках своей страны. И по СФРЮ мир давно справил поминки.

Шаг за шагом Хрущев доводил отношения с братской страной до разрыва, до военного противостояния. В одночасье мы превратились из друзей во врагов.

В те годы я нес армейскую службу на Дальнем Востоке, и все наши части перебрасывали к границе строить ДОСы — долговременные оборонительные сооружения. Укрепленные туннели с окнами амбразур в китайскую сторону протянулись на сотни километров. Миллионы кубометров бетона и миллионы тонн стали было закопано в землю. Эшелонами везли новое вооружение в Туркестанский, Среднеазиатский, а особенно в Дальневосточный и Забайкальский военные округа, на Тихоокеанский флот, удваивались силы Дивизии речных кораблей на Амуре и Уссури. Была даже создана Ставка военного командования на Дальнем Востоке для общего руководства войсками.

Американцы рукоплескали Никите Сергеевичу. И вдруг он в такой обстановке, с голым тылом, как зад у макаки, полез с ракетами на Кубу. По планете ударило током Карибского кризиса — мы тогда проиграли. А не наломай кремлевская власть во главе с Хрущевым таких дров с Китаем, не оттолкни его от себя — и можно было спокойно ставить наши ракеты хоть во Флориде. Расчетливые жизнелюбы — американцы, прикинув соотношения сил, тихо утерлись бы, не поднимая большого шума.

Да и мир, возможно, был бы сегодня другим — без Единого Идола в Вашингтоне, перед которым должен поклоняться и вставать на колени весь Земной шар. Правда, Россия в таком случае могла лишиться счастья лицезреть Восьмое чудо света — Питерских При Власти, которые по маковку погружены в чистоган и у кого под носом продают безнаказанно рабочие поселки вместе с людьми, а жулики-генералы поставляют в свои же воздушно-десантные части хлам под видом парашютов на сотни миллионов рублей. Когда доведенный до отчаяния русский народ предлагает погрузить на самолеты питерскую власть вместе с ее назначенцами-олигархами и сбросить без парашютов, мне такой шаг кажется экстремистским. Надо обязательно с парашютами, но именно — с этими.

Может быть, Хрущев перечеркнул сталинскую идею создания Чечено-Ингушской АО в Казахстане отчасти потому, что враждебным становился Китай? А на его границах полумиллионное население вайнахов легко могло превратиться в пятую колонну Поднебесья — со всеми вытекающими последствиями? Но Китай — не Турция, у него на все случаи жизни своих штыков предостаточно.

Так или иначе, а вайнахи вернулись на Северный Кавказ. Вернулись не как отбывавшие справедливое наказание за десятилетия грабежей, убийств, предательства Родины, пособничество ее врагам. Вернулись, с подачи Хрущева, как незакон-

но репрессированные центральной властью, как обиженные русским народом. Как жертвы, которым государство должно компенсировать их страдания в денежном эквиваленте.

Само решение о возвращении вайнахов — на первый взгляд, благоразумное — на самом деле было чисто популистским шагом, пропагандистской акцией для поднятия авторитета Никиты Сергеевича в глазах либералов. Власть поставила крест на интересах десятков тысяч русских, аварских, осетинских, лакских семей, которые в 1944 году по ее же призыву переехали в Чечено-Ингушетию на постоянное место жительства. Но теперь были вынуждены уматывать в спешном порядке. А что в перспективе?

Россия сама обрекла себя на вечную головную боль, вновь превращая вайнахскую территорию в очаг нестабильности, в бикфордов шнур. Эмиссары Турции и стран Ближнего Востока, подстрекаемые США, будут пытаться с помощью этого шнура запалить весь Кавказ, чтобы получить контроль над бассейном Каспийского моря. А точнее — над его природными ресурсами.

Подозреваю, что в такой трактовке проблемы кто-то может учуять запашок великодержавного шовинизма. Мол, а как же права многострадального вайнахского племени? В том-то и дело, что создание их автономной области было, на мой взгляд, в интересах и самих чеченцев и ингушей.

Быть постоянно в эпицентре геополитических схлесток держав за важный регион для них оказалось непосильной ношей. И для других рядом с ними — тоже. Русскоговорящее население Чечено-Ингушской АССР — русские, украинцы, белорусы, евреи — составляло в 1989 году 326,5 тысячи человек. А по переписи 2002 года — осталось 48 тысяч, на 278,5 тысячи меньше. Где они — убиты, бежали от произвола с котомками за плечами? Власть не дает ответа.

Да и самих вайнахов погибло в девяностые годы около 40 тысяч человек. Давно начался их Исход из Чечни. По некоторым данным, республику уже покинуло около 600 тысяч вайнахов — многие переехали жить в другие города России, подальше от Северного Кавказа. А многие вернулись в ставшие им родными Казахстан и Киргизию. Там сейчас такие большие диаспоры, что впору создавать автономную область.

А кто остался в Чечне? Те, кому не по карману переезды и две внушительные по численности группы мужчин. Одна из них бегает с автоматами по горам, называясь боевиками, а другая гоняется за ними с удостоверениями властных структур.

Потом они меняются местами.

А русские регионы снабжают их всем, что необходимо для жизни, — прежде всего продуктами питания. Ну и деньгами, разумеется. Чтобы бегали веселее.

Почему-то считается, что антирусская вакханалия в Чечне началась с приходом Дудаева. Нет, Дудаев и поднялся-то как раз на этой волне. Получив индульгенцию от хрущевской команды, горцы принялись за свое и стали выстраивать жизнь по антигуманным нормам адатов, от которых их отучил Казахстан. Антирусская пропаганда давно велась в Чечено-Ингушской АССР на официальном уровне.

Я многократно бывал в этой республике и наблюдал, как сами чиновники упорно поднимали градус ненависти вайнахов ко всем инородцам.

Жил там в 70-е годы мой хороший знакомый ингуш Осман Гадаборшев — заведовал отделом в республиканской газете «Грозненский рабочий». Как-то писал он дома статью, а дочка, ученица третьего класса, готовясь к урокам, читала «Родную речь» на нахском языке.

— Папа, — спросила она, — а зачем надо убивать русских?

— С чего ты это взяла? — возмутился отец. — Что за гадость у тебя в голове?

— В «Родной речи» написано, — ответила дочка и вслух прочитала: русские — свиньи, они наши враги. Когда ты вырастешь, научись убивать их при всяком удобном случае.

Гадаборшев не читал учебники на родном языке, а тут взял, полистал — и схватился за голову. Сплошные антирусские сентенции. Москва не контролировала издания на национальных языках, чем и пользовались башибузуки от просвещения.

Как правоверный коммунист Гадаборшев пошел с запиской в Чечено-Ингушский обком КПСС, где тогда, кстати, не последнюю должность занимал Доку Завгаев — будущий глава республики. Но обком не отреагировал на записку. И Осман направил письмо в ЦК КПСС.

Поднялся шум. В обкоме во след Гадаборшеву зло бросали: «Стукач!» А однажды он поздно вечером возвращался с работы домой и как только открыл калитку, ему выстрелили в спину из пистолета. Метили в сердце, но чуть занизили — пробили легкое.

Его едва вытянули с того света. Отдел пропаганды ЦК пристроил Османа в «Правду» (где тогда работал и я) — корреспондентом по Вологодской области. Подальше от Кавказа! Мы — его коллеги ездили в Вологду, чтобы помочь южному человеку освоиться в северных краях.

В 80-е годы чечено-ингушский официоз усилил героизацию личности абрека Зелимхана Гушмазукаева. Колхоз имени

Зелимхана, улицы имени Зелимхана, фильмы и книги о нем — что-то вроде «Жития святого Зелимхана». Молодежь должна была ему подражать и следовать примеру героя.

Как гимн звучала по утрам кантата Гешаева:

Когда над горами сгущался туман
И был камнепад небывалый,
В Харачое родился абрек Зелимхан,
Гроза всей России немалой...

А чем он прославился, шастая по Кавказу еще в царское время? Вот некоторые его подвиги: застрелил начальника Грозненского округа Добровольского и начальника Веденского округа полковника Галаева, совершил налет на Грозненский вокзал, умыкнув из кассы 18 тысяч рублей, остановил со своей бандой пассажирский поезд и расстрелял 17 ехавших в нем русских офицеров с семьями. Особенно красочно расписывалось нападение отряда Зелимхана на Кизляр (позже Радуев повторит его «подвиг»), где он ограбил банк. Все это, естественно, выдавалось чеченскими пропагандистами за решительную борьбу с проклятым царизмом.

Со стороны Чечено-Ингушетия тогда не выглядела мятежным регионом. Но внутри стояла предгрозовая духота — русские семьи стали покидать республику.

В один из приездов в Грозный я не нашел на прежнем месте памятник генералу Ермолову — его задвинули в грязную нишу и обмотали колючей проволокой. Зато при въезде в ущелья стоял во всей красоте в гипсе и бронзе абрек Зелимхан — в бурке, папахе, держа под уздцы вороного коня.

А экономика автономной республики едва волочила ноги. Первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС прислали из Куйбышева Владимира Фотеева. Энергичный, умный человек, он был стреножен указанием Центра: «Нам не важны показатели — нам нужна тишина в республике».

— О какой эффективности вы говорите? — морщился Фотеев от моих неуместных вопросов. — Все тейпы требуют себе руководящие должности. Чтобы всех ублажить, приходится дробить совхозы и предприятия, создавать новые начальственные посты.

В обкоме я встретил и Доку Завгаева — он был тогда уже вторым секретарем обкома КПСС и отвечал как раз за идеологию. Прикидываясь несведущим, я спросил его:

— А что это у вас за джигит с конем у каждого въезда в ущелье?

— Ну, не у каждого, а кое-где стоит, — уточнил Доку Гапурович. — Это наш национальный герой Зелимхан.

— Тот, что промышлял грабежами?

— Да, тот. У каждого народа свои герои, — философски произнес Завгаев.

(Летом 1989 года, на волне горбачевской раздачи страны национальным баронам, «философ» станет первым секретарем этого обкома КПСС — начнется бурное вытеснение с руководящих постов нечеченских кадров и насаждение примитивизированного ислама. Главный коммунист Вайнахии ковал, пока горячо: за два года — до сентябрьских событий 91-го — в республике вместо школ построили 200 мечетей, открыли исламские университеты в Курчалое и Назрани. Осенью 90-го Верховный Совет Чечено-Ингушетии под предводительством Завгаева принял Декларацию о ее государственном суверенитете и пригрозил подписать Союзный договор с другими республиками СССР, т.е. остаться в составе Советского Союза, только после «возврата отторгнутых территорий Ингушетии».

Первый секретарь пытался усидеть на двух стульях — коммунизме и вульгарном исламе. Но шмякнулся между ними. Позже, после провала Завгаевым всех чеченских миссий, Ельцин назначит его Чрезвычайным и Полномочным послом России в Танзании, а Путин сделает замом министра иностранных дел РФ — не по каким-нибудь второстепенным вопросам, а по финансовым. Бнай Брит не позволяет вассалам разбрасываться полезными для Суперордена кадрами.

Кажется, перенасытил я себя удовольствием слушать по утрам кантату о Зелимхане. Теперь трудно спуститься с ее высокого слога. Так вот, «когда над горами сгущался туман», тогда и готовилась почва под такое событие, как явление Дудаева Джохара народу.

4

В начале сентября 91-го архаровцы Дудаева захватили грозненский телецентр и Дом радио. Для нашего Министерства печати это стало чрезвычайным событием. Из Грозного мне звонили журналисты — их не пускают в рабочие кабинеты.

Я пытался связаться с главой Чечено-Ингушской Республики Доку Завгаевым, но в приемной ответили, что сами ищут его не первый день.

Направить в Грозный кого-то из министерских чиновников? Но это выглядело бы не по-мужски. Положение такое, что надо отправляться самому.

Я позвонил президенту Ельцину — получить разрешение на поездку (так было положено). Он дал «добро» без особой охоты и сказал:

— Туда я направляю Бурбулиса с группой — вы присоединитесь к нему.

Потом добавил:

— Посмотрите там все своими глазами и мне доложите.

В начальственных кабинетах Грозного гулял ветер — был полный вакуум власти. Я взял в помощники двух влиятельных знакомых чеченцев и приехал в телецентр. После долгих препирательств вошли в здание, а там — бедлам. По углам высокими кучами лежали буханки хлеба, на полу — грязные тулупы, от которых тянуло прелой овчиной, на подоконниках стояли пулеметы Симонова со свисающими заправленными лентами.

Какой-то молодой вайнах подскочил и попытался сорвать с лацкана моего пиджака знак народного депутата СССР.

— Брысь, салага! — сказал я ему по-чеченски (этому меня научили вайнахские одноклассники еще в Восточном Казахстане) и ребром ладони резко ударил по бицепсу. Рука нападавшего обвисла, а другой он потянул к себе автомат. Но бородач-боевик сказал ему что-то строгое по-чеченски — инцидент был исчерпан. Мы повели разговор.

Приказ захватить телецентр был отдан Дудаевым, и уйдут они отсюда только по приказу Дудаева. Так объяснили мне ситуацию архаровцы генерала.

Группа госсекретаря Геннадия Бурбулиса (в ней были начальники из МВД РСФСР) уже встречалась с Дудаевым, и я назавтра присоединился к ней. Захват телецентра был только частью возникших проблем.

Джохар со своей командой располагался на окраине Грозного, в двухэтажной школе. Воды в здании давно не было, а в обесточенные туалеты люди ходили тоже давно — это было видно по заросшим дерьмом унитазам и их окрестностям, а также слышно — по вони, щипавшей ноздри даже в коридорах и комнатах. В одной из таких комнат мы проводили переговоры.

Перед школой располагалась небольшая площадь — на ней группа старых чеченцев кружила в своем ритуальном танце (в результате трехдневных наблюдений я взял себе на заметку: около семи часов вечера старики-чеченцы расходились по домам, площадь пустела и дудаевская команда с десятком охранников оставалась одна. При желании ее можно было интернировать вертолетным десантом «без шума и пыли»).

Усы выдают характер мужчины. Хозяева пышных усов, как правило, открытые люди, без вождистских амбиций, в военном деле — рубаки. А тонкая строчка под носом — признак высокого самомнения, коварства их обладателя. Такие люди и в гражданской жизни, и в военном деле стремятся взобраться на высокие командные должности.

У Джохара были тонкие усы, а большие глаза с поволокой секс-охотника только подчеркивали их узость.

— Вы меня оставите без моей гвардии, — пошутил он при знакомстве со мной, имея в виду стычку с его архаровцем в телецентре. Ему доложили все обстоятельства моего посещения учреждения, и в голосе Дудаева я уловил нотки уважения.

— А зачем вам телевидение? — неожиданно спросил он.

Отвечать на детские вопросы всегда трудно.

— Народу хлеб нужен, а не телевидение, — продолжал Джохар. — Мы вырубили его (часть программ закрыли, оставили политагитки с лозунгами, типа: «Ичкерия — субъект Аллаха». — *Авт.*), и народ даже не заметил.

Он говорил это в присутствии Зелимхана Яндарбиева, говорил подчеркнуто небрежно.

Я обратил внимание: на переговорах, когда рядом был Яндарбиев, Дудаев вел себя жестко, несговорчиво, а без него менялся, становился благоразумным собеседником, как бы освобождался от пресса. Правда, от Зелимхана отрываться не удавалось: мы с Дудаевым выходили на улицу подышать — он рядом, мы, перебрасываясь словами, останавливались на лестнице — он тут же спешил к нам (после убийства Джохара Зелимхан сразу же станет президентом Ичкерии).

Яндарбиева я знал раньше: он вращался в московских литературных кругах, занимался поэзией, издавал сборники своих стихов с такими милыми сердцу названиями, как «Сажайте, люди, деревца!». Он родился недалеко от Усть-Каменогорска, в таежном селе Выдриха на горной реке Уба. В ней водился крупный таймень с алыми плавниками и хариус. Об этом мы как земляки непременно вспоминали с Яндарбиевым, встречаясь в прежние годы.

Потом Зелимхан увяз в сетях спецслужб Турции, Иордании и черт знает еще каких стран. Буквально на глазах переродился в непримиримого врага России и стал главным идеологом сепаратизма в Чечено-Ингушской АССР. Он со свирепым рвением исполнял возложенную на него заграничными шефами роль смотрящего за политиками Северного Кавказа. И распоряжался финансами, поступавшими «оттуда» для разогрева Вайнахии.

Зелимхана опасались.

Улучив момент, я взял его под локоток и тихо сказал:

— Земляк, зачем ты так усердно пасешь Джохара?

— Это не ваше дело, — окрысился он, переходя на «вы», — А ваш земляк я по несчастью. Моя родина Ичкерия и земляки — чеченцы.

И повернулся ко мне спиной. Не научила меня жизнь тонкостям дипломатии. Хотя из дикого волка в любом случае не получишь дрессированного Полкана, приносящего домашние тапочки.

На переговорах Яндарбиев выбрал скандальный тон. Мы даже обращались к Дудаеву, чтобы тот утихомиривал соплеменника. Но Джохар не обращал внимания на наши протесты, а только поддакивал своему идеологу, сидевшему от него по правую руку.

Архаровцы Дудаева разогнали журналистов и оккупировали телерадиокомитет, потому что его председатель вместе с главой республики Доку Завгаевым поддержал ГКЧП. Так наши партнеры по переговорам трактовали события. А кто они такие, чтобы распоряжаться собственностью и кадрами Министерства печати и информации РСФСР? Яндарбиев на это кричал: они здесь хозяева, и нечего Москве лезть в дела республики. Тем более — выручать гэкэчепистов (прием демагогов: речь-то шла не о защите чести мундира какого-то человека, а об ответственности за самоуправство).

Дудаев немного смягчал позицию бывшего учителя «сажать деревца»: вот подберут кандидата на пост председателя, и телекомпания заработает в прежнем режиме. «Давайте подбирать вместе», — предложил он. А почему Москва должна решать такой вопрос под дулом пистолетов каких-то башибузуков?! Вокруг этого и шли наши споры. В конце концов (не без помощи Хасбулатова) мы нашли общий язык: журналисты вернулись в студии, компания заработала. В разговорах о политическом положении в республике солировал Бурбулис. Много было вымыслов в прессе о его якобы сговоре с сепаратистами, но я должен сказать — на переговорах он твердо отстаивал интересы России. Шумливому Яндарбиеву он бросал, чтобы тот и не мечтал о выходе из состава РСФСР. А всей команде Дудаева говорил в грубоватой форме: если они действительно патриоты Чечено-Ингушской Республики, пусть помогают вводить ситуацию в конституционное русло, а если будут вилять и смутьянить — Россия их разделает под орех.

Конечно, это были только слова. Генералы МВД РСФСР, чьи службы должны бы уже и разблокировать телецентр, и поста-

вить на место мятежников, тут же сидели молча, с равнодушием выслушивая эскапады политика.

Когда страсти накалялись до предела, Бурбулис просил оставить его с Джохаром один на один. Они долго о чем-то беседовали (Яндарбиев шмыгал к ним в кабинет почти ежеминутно), после чего Дудаев осаживал свою группу.

Все сходились на том, что выходу из кризиса мешает поведение Доку Завгаева: он числится при верховной власти, все еще глава Вайнахии, но находится в бегах, не делает никаких заявлений, и никто не может понять, что происходит. Правительство не функционирует. По улицам городов сновали машины с высунутыми из окон стволами автоматов. Кто эти вооруженные люди, чьи кланы они представляют?

Для нормального государства ситуация возникла более чем нелепая. Хотя группа Дудаева и устроила погром в Верховном Совете (якобы за поддержку ГКЧП), но была еще ничем. Была далеко от власти, сидя в загаженном здании школы. А легитимная власть со всеми силовыми структурами самоустранилась от выполнения своих функций, зарылась в норы, как выводок пауков перед ливнем. И хитрован Доку Завгаев — закрутил своими интригами «вихри враждебные», теперь сидит где-то, как филин в дупле, наблюдая за расползанием по республике сепаратистского гноя.

Я позвонил Ельцину и рассказал о первых впечатлениях об увиденном.

— Постарайтесь найти Завгаева и поговорить с ним, — поручил Борис Николаевич.

В Грозном у меня оказалось немало знакомых чеченцев. С кет-то мы провели детство в Восточном Казахстане, но по большей части это были люди, окончившие, как и я, Казахский государственный университет в Алма-Ате. Много чеченцев училось в КазГУ, почти все они занимались борьбой или тяжелой атлетикой, и я достаточно времени провел с ними на тренировках и спортивных сборах перед всесоюзными соревнованиями.

Знакомые давно обустроились на престижных должностях в спецслужбах и аппарате правительства — им был нужен покой в республике. А припадки сепаратистской эпилепсии тревожили их. Куда, как не к ним, надо было двигать за информацией о местоположении Завгаева, да и о закулисной стороне дудаевского мятежа?

Друг про друга вайнахи знают все или почти все. Но поскольку они — нация, как вещь в себе: закрытая, непрозрачная, вытащить из них сведения о внутренней жизни посторонне-

му человеку непросто. Правда, если они «съели пуд соли» с тобой и тебе доверяют, то рассказывают про все без утайки.

Как случилось, рассуждали друзья за скромным вечерним столом, что генерал Дудаев в свои сорок шесть лет бросил перспективную военную службу (был командиром дивизии дальней авиации в эстонском городе Тарту) и подался в Чечню? Раньше он не баловал Кавказ своими приездами — жил и учился в Тамбове, служил в далеких от родины городах, заканчивал Военно-воздушную академию имени Гагарина, воевал в Афганистане.

И отпуска с русской женой проводил где-нибудь на море. Чеченцы только слышали, что у них, как у ингушей Аушев, тоже есть свой боевой генерал, который управлял полком в Афганистане, подвергая ковровым бомбардировкам позиции и аулы моджахедов.

— Вай-вай, — качали головой старики, — как может вайнах сжигать родовые гнезда братьев-мусульман?

Тогда «откуда у хлопца» чеченская грусть?

В начале 90-го активизировалась на кавказском направлении работа посольств Турции и Иордании в СССР. Судьба Советского Союза, как мы знаем, была предрешена. Бнай Брит, словно лев, насытился и, чуть отодвинувшись в сторону, издавал утробные звуки отрыжки: пусть шакалы ковыряются в остатках добычи. У них со львом одно поле охоты.

Службы посольств организовывали поездки в Грозный чеченских делегаций из своих стран. В тамошних вайнахских диаспорах антисоветский настрой был в порядке вещей, и в делегации подбирали людей соответствующих. Зелимхан Яндарбиев стелился перед гостями кошмой: возил их по городам и поселкам, устраивал встречи со старейшинами и молодежью.

Никто не скрывал пропагандистских целей своих приездов. На всех встречах гости повторяли, как заученное: советская держава ослабла, дышит на ладан, и время пришло для национальной идеи вайнахов — идеи реванша. Реванша за депортацию, за довоенные чистки аулов чекистами и даже за ермоловские операции в горах.

Пожилые чеченцы встречали заезжих провокаторов настороженно. Но молодежи их слова нравились. Реванш — это ведь автомат в руки и пали по встречным-поперечным.

А кураторы Яндарбиева под реваншем подразумевали нечто иное — возрождение на Северном Кавказе независимого исламского государства — верного союзника Турции и других ближневосточных сателлитов США. Вайнахия должна была

играть роль собирателя соседних земель в Конфедерацию Горских республик, объединившую на первом этапе Чечено-Ингушетию с Дагестаном, а затем — с Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией и даже с буддистской Калмыкией.

Надо выдернуть из-под России стратегически важный регион с разветвленной нефтегазотранспортной системой и превратить его для русских в минное поле.

Планы большие, а где взять для их исполнения нового имама Шамиля? Завгаев не годился — вертляв, как флюгер. Среди дагестанских политиков влиятельных сепаратистов не было.

Вспомнили о генерал-майоре Дудаеве — кавалере ордена Боевого Красного Знамени. Он не запятнан межтейповыми разборками, решителен и смел. Приучен командовать вооруженными силами. Политические взгляды? Они у основной части вайнахов одни: брать для себя больше свободы, за счет несвободы других. Правда, Джохар не знал чеченского языка. Не беда — выучит.

В Тарту съездил сначала один Яндарбиев. Потом свозил туда активистов только что созданной Вайнахской демократической партии, затем представителей диаспор из США и Турции. Генералу сказали: парень, хватит сидеть в стороне! Горбачев собрался дать автономиям статус союзных республик — Чечено-Ингушетии потребуется авторитетный президент, чтобы кремлевская чиновничья мелкота выстраивалась перед ним во фрунт и чтобы он выбивал финансы из Центра (об идее создания Конфедерации горских республик пока умалчивали — Дудаев сам должен дозреть до нее). Словом, пора Джохару уходить в отставку и перебираться в Вайнахию — готовить народ к своему воцарению. Летом 90-го отставной генерал Дудаев прибыл в Грозный.

Нахватался же он в Эстонии европейских заморочек: собрал в толстую папку компромат на местную власть и отправился по селам рассказывать людям — с этой папкой Джохар поедет в Гаагу судить Международным трибуналом «клику Завгаевых». Власть достала народ взятками, и все соглашались, что ее надо судить. Только зачем для этого ехать за тридевять земель? «Бери власть, — говорили ему, — и суди взяточников здесь, принародно. Люди тебя поддержат».

Такое мелкое дудаевское начало не нравилось инициаторам его переезда. Нужен не клерк с синей папкой, а гарцующий на коне джигит с шашкой наголо, призывающий очищать землю от всех неверных. Яндарбиеву указали на упущения в работе с подопечным, и Зелимхан написал Джохару воинственную речь — долой колониальный диктат Москвы, да здравству-

ет независимая Вайнахия, — с которой в ноябре 90-го тот выступил на съезде чеченского народа. Там были представители диаспор из США, Иордании, Турции — они предложили деньги на оружие и содержание боевых дружин. Процесс пошел.

Как военный, давший Родине присягу, Дудаев ждал от Родины экзекуции за измену. Годы, проведенные в Советской Армии, научили его ответственности за свои слова и поступки. Но измена в Советском Союзе стала к тому времени нормой жизни — на Джохара не обращали внимания.

И уже через полгода Дудаев создал в Вайнахии параллельную Верховному Совету структуру власти — исполком Общественного конгресса чеченского народа. Сам конгресс и его исполком представляли собой фантом, мыльный пузырь (и власть поплевывала на них свысока), зато реальными были слоняющиеся по улицам с автоматами гвардейцы Джохара. Эти архаровцы как раз захватили телецентр и брали штурмом здание Верховного Совета.

За тем вечерним столом чеченцы сказали мне примечательную вещь: Дудаев жаловался своим близким, что его уже беспокоит эскалация беззакония в республике. Мутная вода межвластья привлекает «рыбаков»: вайнахи достают из схронов оружие и бесконтрольными группами пиратствуют на дорогах. Горцам безбрежная воля всегда пьянит головы. Надо решать с властью: или-или!

Утром следующего дня один из хозяев стола повез меня в Надтеречный район к Доку Завгаеву. Мы сели в потрепанные «Жигули», чтобы не привлекать внимания рыскавших по дорогам башибузуков, и меньше чем через пару часов были в родовом селе Доку Гапуровича.

Подъезд к воротам его большого кирпичного дома был перегорожен стеной из нескольких десятков мешков с песком. Из бойниц на нас смотрели дула ручных пулеметов.

— Кто такие? — спросил, видимо, старший по обороне. Хозяин «Жигулей» представил меня. Кто-то долго ходил докладывать Завгаеву о нежданных визитерах. Потом меня завели в дом.

В гостях у Доку Гапуровича был его родственник — они сидели за столом с початой бутылкой коньяка. Родственник вежливо удалился в соседнюю комнату, и мы с главой республики остались одни.

— Что происходит? — спросил я у хозяина.

— А вы разве не видите? — ответил он вопросом на вопрос.

— Вижу, конечно. Ельцин поручил мне посмотреть, поговорить с вами. И вот я вижу полное безволие власти. У вас под

руками правительство, прокуратура, милиция, КГБ, внутренние войска, а в Грозном хозяйничает какая-то группа вооруженных погромщиков. Почему мятежники бродят по улицам, а не сидят за решеткой?

— Мне запретили использовать силу, — огорошил меня Завгаев. — В конце августа к нам специально прилетал Аслам-бек Аслаханов и на экстренном заседании президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР предупредил о недопустимости применения силы с нашей стороны.

Вайнах Аслаханов был тогда председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности и правопорядка (позже работал советником президента Путина, сейчас — член Совета Федерации РФ от Омской области), на первых порах, говорят, симпатизировал Дудаеву.

Вот это уровень руководителя автономной республики: у его народа горит под ногами земля, а он послушно выполняет безответственные указивки постороннего человека — не лить воду в огонь! Правда, Завгаев добавил, что и в силовых ведомствах полный раздрай: кто подчиняется Ельцину, а кто Горбачеву — сплошной туман.

— Как раз Ельцин и поручил мне спросить, что вы собираетесь делать дальше? — сказал я Доку Гапуровичу.

— Верните мне власть! — произнес он задумчиво, как бы наделяя меня особыми полномочиями.

— Прямо сейчас нарисую золотую каемку на блюдце и преподнесу вам на нем власть, Доку Гапурович, — не удержался я от ехидства. — Власть в ваших руках. Выбирайтесь из своего убежища в Грозный и наводите порядок.

— Нет, так в Грозный я не вернусь. Передайте Ельцину, пусть он назначит меня министром сельского хозяйства России, и я уеду в Москву.

(Когда я сообщил Борису Николаевичу по телефону пожелание главы автономии, тот долго в трубку чертыхался, хотя ругани, в общем-то, не терпел.)

Я предложил Доку Гапуровичу вариант: поскольку у вайнахов появилась аллергия на Завгаева лично, пусть он, набравшись мужества, вернется в Грозный, заявит там о своей отставке и предложит в преемники достойного, не запятнанного коррупцией человека. Это будет по-мужски, в рамках закона.

— Никаких заявлений я делать не намерен. Разбирайтесь тут сами, — набычился глава автономии. — Вы хотите, чтобы вместо меня стал Дудаев? — почему-то заподозрил он во мне пособника мятежникам. — Намучаетесь вы с ним.

Сказал так, будто правление самого Завгаева принесло Вайнахии процветание и стабильность. Было ясно, что дальней-

ший разговор с ним бесполезен — политик довел ситуацию до полной анархии и не в состоянии оценить объективно происходящее.

В Грозном я позвонил Ельцину и передал содержание разговора с Завгаевым, свои впечатления от встречи с ним.

— Я направляю в Чечено-Ингушетию Руслана Хасбулатова, — сказал президент. — Это его республика, ему легче договориться с чеченцами.

Хасбулатов только что прилетел из Японии и, не задерживаясь в Москве, прямым ходом — в Грозный. Мы жили в доме приемов обкома КПСС — большой зал, а из него двери в отдельные комнаты — спальни. Самую комфортабельную комнату вайнахи припасли для Руслана Имрановича. Сначала по залу в нее прошествовала обслуга Хасбулатова — с чемоданами и упаковками баночного японского пива. Затем обозначился сам и.о. спикера парламента и тут же скрылся за дверями своей комнаты передохнуть с дороги.

В гостинице нас донимали комары. Высокий потолок зала был ими усеян — ночью они пили кровушку москвичей, теперь, днем, вкушали в дреме блаженство. Пока постояльцы были в отъезде, я снял с себя спортивные штаны и, скручивая их в тугой комок, начал с силой бросать этот комок в потолок — по скопищам комаров. Других орудий в доме не оказалось — ни швабры, ни палки. Шмякнувшись о потолок, комок давил комаров, тут же возвращал себе форму штанов и обратно летел плавно, покачиваясь, как сухой лист. В один из таких забросов штаны вильнули и зацепились за рожок большой люстры.

С пола их не достать, забрался на стул — тоже. На подоконнике зала лежал не первые сутки ручной пулемет — зачем его там положили, одному Богу известно. Я взял его за приклад и, поднявшись на стул, начал цеплять свои штаны концом ствола.

— Зенитку бы сюда, у нее длиннее стволы, — послышался насмешливый голос.

Я посмотрел вниз — там, улыбаясь, стоял Джохар Дудаев. Один — в цивильном костюме, черной шляпе, с тонкими усиками.

— Вот справился без зенитки, — ответил я тоже с улыбкой. — Чечня хотела забрать у меня последние штаны — приходится возвращать их с оружием в руках.

— У России много штанов — не обеднеет, — сказал в тон моей шутке Дудаев. — А комаров с потолка лучше снимать пылесосом. Проверено.

Но тут появился помощник Руслана Имрановича, дворня засуетилась — Джохар приехал на встречу с Хасбулатовым.

Они уединились в комнате и.о. спикера и очень долго вели разговор. О чем? Это стало ясно назавтра — вечером Хасбулатов собрал последнюю сессию Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР: она приняла решение об отставке Завгаева и своем самороспуске.

Ни Завгаева, ни многих других депутатов не было — в зале галдели посторонние люди. Но Руслан Имранович, краснея за столом ведущего от натуги, продавил это решение: власть на переходный период, до очередных парламентских выборов, передавалась Временному высшему совету (ВВС) Чечено-Ингушской Республики из 32 депутатов прежнего Верховного Совета.

Вот их кандидатуры, по всей вероятности, так долго обговаривали между собой в гостевом доме обкома Хасбулатов с Дудаевым. Как показало время, толку из этого ВВС не получилось — он походил на крыловскую упряжку из лебедя, рака и щуки. Видимо, Руслан Имранович постарался засунуть туда своих людей, а Джохар — своих.

Возможно, Дудаев думал об этом давно, а возможно, и последний разговор с Хасбулатовым, и базар, именуемый сессией, подвели его к мысли о тайной встрече с кем-то из очень близких Ельцину людей. Для откровенной беседы о перспективах республики. Он рассчитывал изложить свои взгляды и предложения, чтобы их точно донесли до Президента России, не допуская какой-либо утечки информации.

Доверенный человек Джохара сказал мне, что генерал хочет поговорить со мной тет-а-тет сегодня же, поздним вечером. Меня привезли на «Жигулях» в дощатый домик какого-то садового товарищества. Минут через двадцать тоже на «Жигулях» туда приехал Дудаев — с бутылкой коньяка. На столе в домике лежали в эмалированных чашках помидоры и сливы. Разлили по рюмкам, пригубили.

— Мне сказали, что вы хотите передать кое-что на словах Ельцину. Без посторонних ушей, — начал я разговор. — Никто, кроме нас троих, не будет об этом знать.

— Я надеюсь, — произнес спокойно Джохар. Он оперся ладонями на крышку стола и какое-то время внимательно смотрел на нее, будто там лежала оперативная карта.

— Мы ударили в стык между неприкрытыми флангами ельцинской и горбачевской позиций. Открылся оперативный простор, — использовал генерал военную терминологию. — Развивать или нет наступление, зависит от нас. И от Бориса Николаевича.

В течение всего разговора он Ельцина называл уважительно Борисом Николаевичем, а Горбачева сухо — Горбачевым.

Тогда многие по незнанию противопоставляли двух этих лидеров.

— Народ у нас неоднородный, огородился в тейповых ячейках. Его трудно объединить, — продолжал он. — И большинство хочет жить с Россией. Но это пассивные люди. Они заняты своими делами — им не до политики. Пока только малое меньшинство мечтает о суверенном государстве Ичкерия. Но это меньшинство — молодые люди, более активные и более организованные. Они способны увлечь за собой пассивную часть вайнахов — у многих из них большой зуб на Москву. Сейчас ситуацию можно качнуть в любую сторону: сбить волну абреческой самостоятельности или раздуть огонь. Я хочу, чтобы об этом знал Борис Николаевич.

Он еще раз пригубил коньяк и сказал:

— За последние месяцы я убедился, как легко на Северном Кавказе раскрутить маховик гражданской войны. И если меня попытаются припереть в угол, я готов к этому. Я способен на это. Хочу, чтобы это Борис Николаевич тоже знал.

Его слова отдавали угрозой. Я напрягся, ожидая развития беспредметного разговора в конфронтационном ключе. Но, похоже, у Дудаева это вырвалось по митинговой привычке. Он совсем не следил за эффектом сказанного, а с равнодушным видом взял сливу со стола, повертел перед глазами — помыта ли? — и съел. Затем вторую, третью.

— Если бы не предательская политика Горбачева, я бы из Вооруженных сил не уволился, — признался он. — Вместе со страной Горбачев развалил и армию. В ней нечего делать. Но то, что приходится делать сейчас, мне тоже не нравится. Я вижу: меня хотят использовать в большой игре. И понимаю, что независимой Чечне, враждебной России, долго не жить — вы нас раздавите. (Тогда он сильно переоценивал способности и волю российской власти. — *Авт.*). Но я по рождению горец. У нас так: позорно, начав дело, по своей воле бросать его. Это слабохарактерность. Это конец. Должны быть очень веские причины, от тебя не зависящие. Передайте Борису Николаевичу, что я убедительно прошу встречи с ним. Встречи без всякого шума. У меня есть серьезные предложения.

Мы долго говорили с Дудаевым. Поразительно, насколько он был откровенен. Настолько, что у меня закралось сомнение: а не усыпляет ли нашу бдительность Джохар? Не для того ли добивается встречи с президентом, чтобы спекулировать самим этим фактом? Но и экономическую перспективу суверенной Вайнахии он анализировал в издевательском тоне: их лозунг «Превратим Ичкерию в богатый Кувейт!», придуман-

ный Яндарбиевым, — не больше чем пропагандистская пустышка для полуграмотных пастухов.

Какой Кувейт, когда запасы нефти истощились, а ее годовая добыча — около четырех миллионов тонн! Грозненские НПЗ «сидели» на переработке транзитного сырья из нефтепроводов в Туапсе и Новороссийск. Перекрой Россия вентили, и все остановится.

Без оптимизма Дудаев оценивал и качество людских ресурсов республики. Тяга к абречеству у вайнахов сильнее тяги к станку и плугу.

Я сказал, что Ельцин не любит игр втемную. Ему надо конкретно докладывать, что хочет предложить Дудаев. Иначе он просто-напросто отмахнется. Подумав, Джохар изложил свой план в общих чертах. Говорил так, будто переступал через себя.

Ельцин должен издать указ об особом порядке управления Чечено-Ингушетией и создать в ней администрацию, подотчетную непосредственно Президенту России. Никаких парламентов в республике на первых порах, никаких Временных высших советов. Главой администрации, а по сути генерал-губернатором, согласен стать Дудаев. С генералом Аушевым их придется как-то развести.

Указ Ельцина вайнахи воспримут как форс-мажор. Большинство вздохнет с облегчением. Джохар сохранит лицо, и у него появится моральное право вести политику, не зависимую от радикалов-сепаратистов. Постепенно он выдавит их с политического поля, а самые непримиримые будут вынуждены отправиться в эмиграцию. Расформирует генерал-губернатор и свою гвардию, оставив несколько летучих групп для пресечения разбоев.

Республика однозначно будет в составе России, но сидеть у нее на шее она не должна. Дудаев уже подбирает ключи к подъему экономики. Помимо топливного комплекта здесь хорошо пойдет производство стройматериалов и мебели. До сих пор ценнейшие породы — бук, граб, ореховое дерево распиливают на тарную дощечку. А из дощечки сколачивают ящики, в которых перевозят бутылки. Варварство!

Он увлекся и изложил экономическую программу в деталях. На этой хозяйственной ноте мы и закончили наш разговор.

Дня два или три я не мог попасть к Ельцину. Потом он нашел время для продолжительной встречи. Не знаю, что и как ему докладывали Бурбулис с Хасбулатовым, но мой рассказ президент выслушал без своих привычных нетерпеливых вставок: «Об этом мне уже сообщали» или «Это я знаю».

Я передал слова Джохара как можно точнее и заключил, что, с моей точки зрения, существует два подхода к решению чеченской проблемы: вероломный (если не верить ни одному слову генерала) и согласительный.

Первый — спецоперация на вертолетах по захвату Дудаева вместе с командой и изоляция его за пределами Северного Кавказа. Пока прыщ экстремизма не перерос в злокачественную опухоль. Последствия? Несколько дней немногочисленных антироссийских митингов, возможно, два-три очага вооруженного сопротивления, которые придется погасить силой. Вайнахи признают только силу, и решительность центральной власти остудит сепаратистов. Не зря же многие, особенно пожилые чеченцы до сих пор уважают Сталина, а близкие Джохару люди зовут его дядюшкой Джо.

Второй подход — согласиться с предложениями Дудаева. Придется помогать ему финансами для развития экономики. Последствия? Начнется межтейповая грызня за места в администрации, но она будет носить обыденный характер. Имеется риск, что генерал-губернатор нарушит договоренность и отважится на мятеж? Имеется: для вайнаха любого уровня обмануть инородцев — доблесть. Но, согласившись возглавить республику по указу Президента России, Дудаев спустится с олимпа народных вождей до уровня регионального чиновника. А к чиновникам от Москвы у горцев иное отношение. И Ельцину проще: сегодня назначил, завтра может снять с должности. У расстриги уже другой авторитет.

Я был, естественно, за второй вариант. Но президенту надо представлять весь расклад, в том числе и сценарии, прописывающие жесткие, иногда коварные повороты. А он уже сам выберет то, что подходит лучше всего. Политика «сю-сю» с крайним национализмом, как показал опыт Горбачева, к добру не приводит.

Было видно, что Ельцина заинтересовала моя информация. Он даже расцеловал меня. И пообещал обдумать эту информацию. Дело я свое сделал — всем нам оставалось ждать, что предпримет президент. Безусловно, на него выходили и с другими предложениями.

Он все-таки не удержался и рассказал одному да второму о моей встрече с Дудаевым. Причем не заботясь о конфиденциальности. И, наверное, так выхолащивал информацию, что у людей возникал вопрос: «А с какой стати Полторанин ходатайствует за выпрашивающего должность генерала? Что он смыслит в чеченских проблемах! Чтобы Борис Николаевич пачкал себя встречей с каким-то самозванцем — ни за что. Да

мы этого генерала размажем, как таракана». Мне это передали доброхоты из числа помощников президента.

На самовлюбленного Ельцина такие доводы действовали. Он отказался встречаться с Джохаром, а слух, дискредитирующий генерала, пошел. Это сильно задело горца. К тому же из Москвы стали распространять информацию, что центральная власть готовит ввод танков в республику. Это на том этапе не соответствовало действительности, поскольку Президент России выбрал странную тактику: ни мира, ни войны. На словах сепаратистов пугали разными карами, но на деле сдавали им позицию за позицией.

Я не специализировался на национальной политике —это так. Но у здравого смысла нет разделительных клеток. А здравый смысл подсказывал, как стоило поступать. В интересах России. Я сказал Ельцину: если его аники-воины могут размазать мятежников, почему же бездействуют и ждут, пока сепаратизм расползется по всей Вайнахии? Внятного ответа не последовало.

А у Дудаева будто попала шлея под хвост. Он закусил удила и захватывал здания правительства, КГБ, оружейные склады. И уже разговаривал с московскими представителями через губу.

И мы, наша власть, заслуживали такое к себе обращение. Потому что удивляли мятежников своей тупостью. В начале ноября для проведения операции в Грозный наконец-то забросили отряд десантников — около 300 человек. Но без личного оружия: только с ложками и котелками. А оружие другим самолетом отправили в Моздок — там оно и застряло.

Безоружные десантники потолкались в аэропорту, постучали котелками — тут им и пришел приказ из Москвы: возвратиться домой. Ребята беспризорной толпой побрели к самолетам под улюлюканье чеченской обслуги. Хорошо, что Дудаев не догадался всех их пленить.

Может быть, за это «нечаянное благородство» министр Павел Грачев с согласия Ельцина передал позже Джохару тяжелое вооружение для нескольких мятежных полков — сотни танков и бронетранспортеров, самолеты, вертолеты, артиллерию.

Что было дальше — всем известно.

У каждого советчика, отговаривавшего Президента России от приручения Дудаева, был, по всей вероятности, свой мотив. В ком-то бурлила солдафонская самонадеянность, кто-то из выходцев с Кавказа боялся усиления тейпа Ялхорой, а кто-то хотел вайнахского нескончаемого беспредела, чтобы иметь «черную дыру» — и для слива через нее капиталов за рубеж, и

для контрабандных операций. Эти поисковики криминальных каналов-щелей проявили себя уже в 92-м. У них оказались крепкие позиции и в Верховном Совете России, и в правительстве. В том правительстве, где экономическим блоком ведали «реформаторы от Бнай Брита».

5

В октябре 91-го Ельцин поручил мне подготовить проект структуры этого правительства реформ. Утверждение его персонального состава намечалось на ноябрь. Выполняя поручение, я провел консультации с большой группой производственников и через несколько дней направил схему правительственной структуры и комментарии к ней в Кремль.

Вскоре Ельцин позвонил и попросил подъехать: «Надо поговорить!»

Когда он на тебя за что-то сердился, встречи проходили всухую. С подчеркнутой формальностью. Вопрос первый, вопрос второй — и до свидания. А когда что-то хотел от тебя или просто был в хорошем расположении духа, обслуга заносила в кабинет на посеребренном блюде коньяк и чашки с кофе, расставляла на журнальном столике. И там мы располагались для разговора. В этот раз поднос появился, словно по расписанию.

Обычная разминка: «Как Наина Иосифовна?» «А как Надежда Михайловна?» (это моя супруга). Потом президент вынул из папки несколько схем правительственной структуры, в том числе и мою, разложил их на столике. Кто готовил другие варианты, спрашивать я не стал.

Роль государства в регулировании экономики должна быть сведена к нулю. С этого начал Ельцин. Никаких ограничителей — только свободный рынок. Перед новым правительством будет поставлена задача перевести Россию в кратчайшие сроки на американскую модель либерального капитализма. Пусть стихия рынка оставляет на плаву только сильных, конкурентоспособных. Говоря это, президент вычеркивал из комментариев к структуре правительства контрольные функции, которыми я наделял Кабинет министров.

— Контролировать буду я через свою Администрацию, — сказал Борис Николаевич, опрокидывая только что сказанное им же самим. Эдакий дуализм от избытка власти и неглубокой изученности проблемы.

Затем он начал перебирать фамилии претендентов на пост главы правительства — иногда это были люди противоположных политических взглядов. Тут же давал им характеристики

и заключал: «Не пойдет», «Не потянет» или «Съезд не утвердит». Чувствовалось, что в нем шла внутренняя борьба, ему почти по-щедрински хотелось не то Конституции, не то севрюженки с хреном.

— Вы помните наш разговор в лодке? — неожиданно спросил Ельцин.

— В какой лодке? — не понял я.

— Летний разговор в лодке на водохранилище — мы отмечали мою победу на выборах, — уточнил Борис Николаевич.

Как не помнить! Беседа примечательная — я ее изложил в предыдущей главе. Мне, правда, казалось, что Борис Николаевич был не совсем в форме и забыл обо всем. Но вот он сам напомнил о том нашем споре. Споре о разных способах приватизации: обвальном и постепенном, народном. А по существу — о разных путях развития России.

— Вы можете изменить свои взгляды на приватизацию? — спросил Ельцин, хитро прищурившись. — Я думаю и о вашей кандидатуре на правительство. Только избавьтесь от низкопоклонства перед народом. Молиться на народ и проводить радикальные реформы — две несовместимые вещи. Нашему народу нужна хорошая встряска — тогда он станет работать.

Президент еще раз подержал перед глазами мою схему структуры правительства и продолжал:

— Во главе правительства нужна известная политическая фигура. У вас есть авторитет, есть кругозор. Вы в хороших отношениях с Хасбулатовым и народными депутатами России — на съезде вас должны утвердить. А реформами непосредственно занималась бы группа экономистов — их только поддерживать и прикрывать. Я делюсь с вами своими соображениями. И зная ваш упрямый характер, заранее обговариваю свои условия. Как вы смотрите на это?

Накануне вечером я шел по дорожке между госдачами в Архангельском, у одной из них копался в своем огороде член Госсовета генерал армии Константин Кобец. Он игриво вытянулся по стойке смирно и гаркнул:

Здравия желаю, товарищ премьер-министр!

— Тьфу на тебя! — заворчал я на Константина Ивановича. — Устраиваешь тут балаган.

— Не балаган, — обиделся Кобец, — я все знаю.

Теперь стало понятно, что Ельцин обсуждал с кем-то мою персону, и слухи пошли. Кремль протекал, как дырявая бочка. Ельцину было удобно иметь под рукой верного человека, связанного многолетним товариществом. Не буду лукавить — и мне внимание президента было небезразлично. Но сам он

легко поменял свои убеждения на 180 градусов и верил, что за должность продается любая душа. Это удручало. Еще меня покоробила высокомерная фраза о низкопоклонстве перед народом (потом ее в зубах таскали чиновники из команды Гайдара — не из одного ли звездно-полосатого цитатника?). Как быстро в людей из грязи въедаются царские замашки! И как легко они сами подвержены низкопоклонству, но только перед барышом и чистоганом!

Да, у меня тогда были хорошие отношения и с Хасбулатовым, и большинством народных депутатов (они вконец испортились в 92-м). Можно было думать над предложением Ельцина, если бы он не собирался ломать через колено страну, чем увлекались и создатели ГУЛАГа. Но стать атаманом команды налетчиков на народное достояние — это уж извините. Лучше оставаться на небольшом, но важном участке — обеспечивать свободу слова и прессы.

Помолчав, я сказал президенту:

— Борис Николаевич, у нас в деревне был мудрый дед Карпей. Он учил меня, молодого: «На чужих баб не заглядывайся, за чужое дело не берись!» Первый его завет я еще способен нарушить, а вот второй — никогда! Ну какой из меня премьер — зачем морочить голову себе и другим?

— У вас все шуточки-прибауточки, — посуровел президент, — а мне надо реформы запускать.

— Назначьте Гришу Явлинского, — сказал я. — Он сам хороший экономист и бредит реформами.

Ельцин ничего не ответил, будто не расслышал моего предложения. Мы помолчали, и он сказал:

— Вот что. Все равно съездите в Архангельское — там на даче экономисты готовят концепцию реформ. Мне эту команду порекомендовали друзья России. Посмотрите на ребят, поговорите с ними, а потом позвоните мне — скажите свое мнение.

Я полагал, что «друзья России» оторвали от сердца для Ельцина каких-нибудь творцов японского чуда с мировыми именами. А увидел на даче с разбросанными по столам бумагами группу незнакомых молодых людей. Верховодил там Егор Гайдар с Петром Авеном.

Тимура, отца Егора, я хорошо знал по совместной работе в «Правде». Он ведал военным отделом и держался от всех чуть в стороне. Когда-то служил на флоте, там получил воинское звание и, работая позже корреспондентом «Правды» на Кубе, в Югославии и других местах, получал новые звездочки офицера запаса. Отдел он возглавлял уже в мундире с погонами капитана первого ранга.

На одну из редакционных планерок Тимур пришел в новенькой форме контр-адмирала. Сел среди нас на стул в глубине зала. Планерка шла как обычно, а когда заканчивалась, кто-то громко сказал главному редактору «Правды» Афанасьеву:

— Виктор Григорьевич, а Гайдар у нас получил звание контр-адмирала...

— Да? — воскликнул Афанасьев и, оглядывая зал, увидел Гайдара. — Встань, покажись народу, Тимур!

Гайдар поднялся — низенький, толстенький, лицо и лысина — цвета буряка. Нашего коллегу, должно быть, постоянно мучило высокое давление.

Афанасьев долго смотрел на него оценивающим взглядом, потом ехидно сказал:

— Да, Тимур, на контру ты, конечно, похож. А вот на адмирала — нисколько!

Внешне Егор походил на отца. Только манеры — интеллигентные, утонченные. Он не знал о цели моего прихода и смотрел на меня как на праздношатающегося. Гайдар сидел над бумагами по части финансовой политики в период реформ.

Это были предложения к законопроектам, добавляющим вольностей банкирам, а также об отмене любых налоговых льгот для производственников, об НДС и целый пакет других документов. Группа творила как бы по заданию Госсовета РСФСР, где секретарствовал Бурбулис, поэтому молва и приписала Геннадию Эдуардовичу грех в подсовывании Ельцину «мальчиков в розовых штанишках». А он их раньше знал столько же, сколько какую-нибудь Марьванновну из булочной в Магадане.

Лицо Авена Господь словно скомбинировал из масок надменности и шныpливости. По-жириновски выпяченная нижняя губа, а глаза юрко шарили перед собой, как бы выискивая добычу. Таким предстал передо мной ведущий научный сотрудник кадрового центра Бнай Брита — Международного Венского института прикладного системного анализа (ИИАСА) Петр Олегович. Он был на даче как бы комиссаром при Гайдаре.

И сам Гайдар, и остальные присутствовавшие здесь разработчики концепции, прошедшие стажировку в ИИАСА, — Андрей Нечаев, Анатолий Чубайс, Александр Шохин, Евгений Ясин и проч. (все они — будущие министры экономического блока правительства) несли Авену листки со своими заготовками.

Не очень-то они желали распространяться о том, что задумали («Деньги любят тишину, а подготовка к их косьбе —

скрытность!»). Хотя и от ответов на конкретные вопросы никак не уйдешь. Все-таки я был членом того самого Госсовета РСФСР. Концепция? «Вот она — разгосударствление, ликвидация монополизма, отпуск цен». Это общее направление либерализации, известное по учебникам. А какую очередность шагов они намечают в России? Словом, что, где, когда и почем? Ведь дьявол кроется в деталях.

В силаевском правительстве мы не успели провести инвентаризацию (реестр) имущества России, точно взвесить капиталоотдачу предприятий — из-за споров за собственность между СССР и РСФСР. Намечается ли завершить эту работу до начала реформ? «Нет!» А тогда по каким параметрам будет устанавливаться очередность выставления на торги государственной собственности? «Это определим по ходу реформ!». Будет ли до старта реформ проводиться оценка рыночной стоимости приватизируемого имущества (эту акцию начинал прежний председатель Госкомимущества Михаил Малей, но его остановили)? «Нет!». А тогда как определить — «что» и «почем»? «Реформы покажут!» Готова ли у нас основная правовая база для запуска той же приватизации? «Нет!» А как быть? «Подготовим по ходу дела!» И еще много вопросов и много таких же ответов.

Время считалось тогда непростым (а когда оно было у нас простое?). Экономисты-академики, получившие звания за гимны развитому социализму, звали народ «к побегу из социализма». Все приготовились бежать — но куда? Кругом болотистая тундра с гнусом и комарами, есть где-то через нее и тропинки к сухим местам, удобным для освоения. Но кто знает эти тропинки?

В проводники набивались разные люди. Много разных людей — с декларациями и обещаниями. Но разве за общими похожими словами программ увидишь истинные намерения: кто хочет вытащить Россию на столбовую дорогу, а кто поведет под пулеметы на сторожевых вышках Бнай Брита?

Ватага Гайдара сама производила впечатление не знающих, куда и как выбираться. Что же, по ходу реформ — так по ходу реформ! Если нет ясности и готовности к судьбоносным решениям, тогда и спешить ни к чему. Надо всем засучивать рукава — депутатам, чиновникам от исполнителей власти — и срочно создавать под реформы базу. А пока расчетливым открытием шлюзов можно стравливать давление проблем.

Был конец октября. А Ельцин планировал запустить механизм радикальных реформ в январе, добиваясь поддержки депутатов. Я позвонил ему, как договаривались, сказал и свое мне-

ние о команде экономистов, и о своих опасениях. Он выслушал меня, не перебивая, и проговорил так, словно простонал:

— Нет у нас времени!

Затем сказал уже спокойнее:

— Начнем реформы, как я намечал. Депутаты на съезде не будут против — с ними работают. А правовая база — дело наживное. Когда будет надо, тогда она и будет...

Он помолчал и хрипловатым голосом произнес:

— Теперь скажу главное. Я вот что... Я сам решил возглавить правительство. Не ожидали? Никто этого не ждет. А вас прошу помогать мне.

Помогать? А что от меня зависело? Во всем ему вскоре помог Пятый съезд народных депутатов России. На нем при поддержке Ельцина полноправным председателем парламента стал Руслан Хасбулатов. В знак признательности он и благоприятствовал идеям Бориса Николаевича.

Съезд провозгласил начало радикальных экономических реформ. И уступив часть своих прав (он был тогда высшей инстанцией власти) и прав Верховного Совета, наделил Президента России первого ноября дополнительными полномочиями сроком на год. Ельцин получал возможность самостоятельно реорганизовывать министерства и заполнять законодательный вакуум своими указами. (Уже в декабре Борис Николаевич состроил съезду большую козу: якобы для поддержки реформ образовал супермонстра — Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР, собрав в единый кулак и подтянув под себя все силовые структуры. О таком даже Берия не мечтал! Депутаты зачесали в затылках: решение очень радикальное, но какое отношение оно имеет к реформам?)

В ноябре президент назначил новый состав правительства, которое сам и возглавил. За мной он сохранил пост министра печати и информации. Своим замом по экономике Борис Николаевич сделал Егора Гайдара.

Егор Тимурович работал когда-то во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ). А он считался московским филиалом того самого ИИАСА — кадрового центра Брай Брита. Через ВНИИСИ — эту «зону морального оскопления» — прошла группы мальчиков из состоятельных семей, начиная с Петра Авена.

Всех их с подачи Гайдара Ельцин рассадил по важным в стратегическом плане высотам. Авен, к примеру, стал министром внешнеэкономических связей, завлаб Виктор Даниловв-Данильян — министром природопользования (выдача лицензий на добычу нефти и других полезных ископаемых), Вла-

димир Лопухин — министром топлива и энергетики. Шохин с Чубайсом хоть и не числились во ВНИИСИ, но с Авеном и Гайдаром они, так сказать, обучались по одной венской программе.

Чтобы не вызывать лишних вопросов, разбавили команду ВНИИСИ некоторыми бывшими сотрудниками Института экономики и прогнозирования научно-технического процесса. За этой конторой ходила такая же слава, как и за ВНИИСИ. Андрея Нечаева назначили сначала первым замом министра и тут же министром экономики, а Алексея Головкова — руководителем аппарата правительства. Аппарат правительства — это надсмотрщик за министрами и глушитель несанкционированных инициатив.

Кого-то из ВНИИСИ отрядили во второй эшелон — на передние рубежи они выдвинутся потом. Например, Александр Жуков станет при Путине вице-премьером правительства России, а Михаил Зурабов — советником президента, «благодетелем» всех убогих и сирых.

Гавриил Попов публично заявлял, что за назначение в правительство РФ Гайдара с его командой американцы обещали Ельцину 30 миллиардов долларов. На подъем России. У Попова — одного из первых стажеров венского кадрового центра Бнай Брита — информация, должно быть, из первых рук. Со мной этими сведениями Борис Николаевич никогда не делился. Но о 30 миллиардах долларов в правительстве поговаривали. Дескать, вот-вот они посыпятся на нашу страну в виде гуманитарной помощи. Так россияне и стоят до сих пор в ожидании с протянутыми руками.

6

Тогда я не мог взять в толк, зачем Ельцину такая невероятная спешка. И как он додумался просить себе чрезвычайные полномочия на год? Ради чего, что можно сделать за такой срок? Бредни экономистов из ватаги Гайдара, будто Россия стояла на каком-то краю, опровергнуты самой жизнью.

Сегодня большинство россиян под питерскими голубыми знаменами живет значительно хуже, чем в 91-м, а — ничего! Правда, запасы советских времен подходят к концу. Но вроде бы нас всех подняли с колен, и теперь удобнее оглянуться по сторонам — а не осталось ли что-то еще? Вожди безмятежны, не рвут жилы в работе — катаются бесцельно и безрезультатно по миру, рыбачат в служебное время, дразнят по телевизору доходяг своими загорелыми торсами.

А зачем так гнал коней Борис Николаевич? Об этом я узнал спустя несколько лет.

В Словении, у австрийской границы, есть местечко Рогашка — там минеральные воды, богатые магнием. Ездят в Рогашку на собственных авто семьи из Вены — дорога близкая, вода лечебная, цены в отелях с бассейнами вполне приемлемые. С одной такой супружеской парой я познакомился достаточно близко. Она и он — были сотрудниками того самого кадрового центра Бнай Брита — ИИАСА. Люди интеллигентные и, что меня удивило, откровенные. С ними я даже съездил в Лаксенбургский замок под Веной, где расположен ИИАСА.

Разговор за разговором, и новые знакомые рассказали мне кое-что потайное о 91-м и о России, не считая теперь это большим секретом. Время-то утекло! Позднее я сопоставил их информацию с данными из других источников и вот что прояснил для себя.

В военную угрозу со стороны СССР штабисты Бнай Брита, как меня уверяли, не очень-то верили. А вот экономической экспансии Советского Союза сильно боялись. Плановая система и аскетизм общества поднимали экономику нашей державы: при всех издержках советского строя процент прироста валового национального продукта в СССР был в два раза выше, чем в западных странах! При огромных природных ресурсах достаточно было модернизировать производство, а также отделить овец от козлищ в материальном стимулировании, и Советский Союз согнал бы с мировых рынков всех своих конкурентов.

Не согнал. Потому что с кремлевской помощью удалось ликвидировать сам Советский Союз. Но осталась Россия с ее мощной промышленной базой, способной и возродить державу, и выдвинуть ее в мировые лидеры. А страна-то должна стать всего-навсего сырьевым придатком Всепланетной Олигархии. И штабисты Бнай Брита продумали тогда стратегию деиндустриализации России, демонтаж российской экономики и предложили ее Ельцину под грифом «УТ» («Управляемый Торнадо»). Они рекомендовали запустить смерч приватизации и дробления крупного производства, но с заданными параметрами движения. В первую очередь разрушать надо то, что может послужить базой «для возрождения коммунизма». А это прежде всего военно-промышленный комплекс с его «консервативными коллективами». Это электронная и радиопромышленность, это станкостроение, это гражданское авиа и судостроение. Словом, все, что имело отношение к высокотехнологичным отраслям российской экономики.

Большие производственные объединения (а там, как правило, организованный рабочий класс) предлагалось дробить

на множество мелких заводиков, фирмочек, КБ и срочно отдавать их в частные руки. Пусть новые хозяева выпускают на них продукцию по своему усмотрению, скубутся между собой за собственность. А иногда — и перегрызают друг другу горло. В разобщении нации — сила ельцинского режима!

Государственный топливно-энергетический комплекс надлежало довести до банкротства — искусственным разрывом связей, неплатежами, блокированием выходов на рынки сбыта. (Этот метод приемлем и для других отраслей.) И затем по дешевке передать в частные руки. Разумеется надежных людей. Пусть тоже грызутся между собой за доходы. Но за президента — стоят плотной стеной.

Рассчитывали ли штабисты тротиловый эквивалент своих директив, окажись они выполненными российской властью от «А» до «Я»? Наверное! Также наверняка знали: даже часть из пакета рекомендаций, выполненная Ельциным (а он как прилежный ученик всегда старался не подвести учителей), способна отбросить Россию на несколько десятилетий назад. Хорошо понимал это и Борис Николаевич. По сути, ему предлагали запалить собственный дом, да еще со всех четырех углов.

Но дьявол мести точил его душу, как червь. Точил со времен кошмарного Московского пленума партии. Маниакальное стремление вчерашнего правоверного коммуниста, исхлестанного и отринутого номенклатурными коммунистами, обессмертить свое имя в качестве могильщика коммунизма пережгло в нем все внутренние предохранители. А другим способам идейной борьбы и завоевания всемирной славы, кроме способа Герострата, он не был обучен.

Для выполнения директив Бнай Брита, для такого стремительного набега на Россию, президенту нужна была амбициозная команда экономистов, обученных орудовать только клин-бабой. (Он тогда и подобрал ее. Это даже лучше, что члены команды видели производство только в кинокартинах — будут душить его без всякой жалости. А как душить, создавая при этом иллюзию реанимационных манипуляций — подскажут советники из США, которыми Ельцин наводнит ключевые правительственные структуры. Понятно, что советники сами должны поживиться при раскулачивании России и облагодетельствовать своих многочисленных родственников и друзей.

Главным советником к Ельцину Бнай Брит приставит американского экономиста, профессора Гарвардского университета Джеффри Сакса. Он творец политики шоковой терапии и до нашей страны опробовал ее с мандатом МВФ на нефтега-

зовой Боливии, перераспределив все богатства в пользу узкой кучки транснациональных олигархов — за чертой бедности оказалось около 70 процентов населения. С таким же мандатом бнайбритского МВФ Сакс будет неафишируемой правой рукой Ельцина с ноября 91-го по январь 94-го, директивные указания его группы забугорных инструкторов пойдут Гайдару, Чубайсу, Черномырдину и некоторым другим. Тем останется только переводить указивки с английского, оформляя их в виде постановлений правительства, проектов президентских указов или федеральных законов, и принимать к исполнению. С Саксом в Россию прибудет еще десятка два американских советника.)

Но проблемы были с правовой базой реформ. А она — прерогатива неуступчивого парламента. Если ждать создания базы через Верховный Совет России, уйдет много времени. И депутаты едва ли пропустят законы, дающие «добро» на разворовывание страны. А если президент самовольно присвоит какие-либо права парламента, может нарваться на импичмент за убийство священной коровы демократии — принципа разделения властей.

Здесь-то штабисты Бнай Брита и подсказали Ельцину ход: нужно в привычной для него популистской манере уговорить не искушенных в глобальных аферах и ничего не подозревающих депутатов дать президенту дополнительные полномочия. Якобы для благого дела реформирования системы. Тогда все болели идеями возрождения через радикальные реформы. Будто радикализм — это утренний лечебный рассол после затяжной попойки.

И президент, как мы знаем, получил эти полномочия от съезда сроком на год. Программу Бнай Брита Ельцин мог теперь продавливать своими указами (если Верховный Совет не отменял их в течение семи дней, они вступали в силу).

За год можно разобрать по кирпичику всю высокотехнологичную структуру России и придать разрушительным процессам необратимый характер. Когда депутаты спохватятся, у них и база поддержки уплывет из-под ног.

Потому что Россия превратится в Воруй-страну, где все начнут драться за добычу друг с другом, как стая голодных шакалов, и всем будет плевать на Отечество. В этой вакханалии всероссийского абречества и сам Ельцин должен так обеспечить свою семью материальными благами, чтобы их хватило «покуда вертится Земля». Что с присущей ему энергией он и не преминул сделать через разные загогулины. (Сколько там всего припасено и по каким кубышкам рассовано, можно узнать в

службах Бнай Брита. У них полная база данных о накоплениях бывших и нынешних российских чиновников всех рангов.)

Но путы на ногах президента остались в виде тех семи дней, за которые любой его указ Верховный Совет мог похерить. Действуй парламент, как часы, и все планы Бнай Брита полетели бы вверх тормашками. Значит, нужно дезорганизовать работу этого органа. Как?

Прием испытанный — заинтересовать ключевые фигуры в Верховном Совете: председателя, некоторых его заместителей, руководителей ведущих комитетов. Сделать каждого из них, как по восточной поговорке: и ворам товарищем, и караванy — другом. Чтобы они не инициировали в установленные сроки вопрос об отмене «вредных» президентских указов. Чтобы заматывали неудобные для Ельцина законопроекты депутатов, топили их в бесконечных согласованиях, оттягивали сроки вступления в силу правовых актов.

Кого-то можно соблазнить престижной должностью в Администрации президента — они там потом работали. Кому-то пообещать министерские посты — они их потом получили. А кому-то дать большие квартиры или открыть валютные счета (службы Бнай Брита будут, естественно, знать номера этих счетов и подсказывать их держателям, где и как вести себя дальше).

Нужных парламентариев окучили без труда — они и не упирались особо. Депутатский мандат скоротечен, а хорошо жить хотелось и дальше. Тогда стало в ходу среди обитателей Белого дома по-налимьи скользкое слово «перебежчик» — о членах Верховного Совета, продавших душу Кремлевскому Дьяволу. (Один из таких перебежчиков второго наката Николай Рябов — вчерашний зам и верный адепт Хасбулатова — строго пенял мне в кабинете руководителя Администрации президента Сергея Филатова, что пресса слабо гнобит Верховный Совет. «Подскажите, — вырвалось у меня, — где обучают искусству становиться за одни сутки святее Папы Римского?» В 96-м, будучи председателем Центризбиркома РФ, Рябов очень правильно вел подсчет голосов на выборах Президента России. Борис Николаевич по гроб жизни был ему благодарен.)

А в самом Верховном Совете возникали и ничем не кончались скандальчики вокруг взрывоопасных приватизационных указов Ельцина — кто-то из председателей комитетов или замов спикера, зарегистрировав дату, специально таил их в сейфах, пока не истекал семидневный срок. А потом маши после драки депутатскими кулаками — бесполезно. Указы при-

нимали силу законов. Получалось, что собака лаяла, а караван продвигался. Вернее, не караван, а запланированный торнадо — он набирал мощь армады бомбардировщиков. То, что не успели смести при Горбачеве, добивали при Ельцине. Преемственность бнайбритовской власти, понимаа-ашь!

Я не собираюсь составлять в этих заметках реестр потерь России, понесенных в 90-е годы. Такие реестры в принципе уже существуют — в обнародованных документах Счетной палаты о результатах приватизации, в многочисленных выкладках экономистов. Потери огромные — это секретом давно уж не является. Я ставлю перед собой, как уже говорил, цель попроще: рассказать читателям — не *что* сделано, а *как* это делалось. Рассказать, может быть, и немногое, поскольку как руководитель гуманитарного министерства я был посвящен далеко не во все тайны экономического блока правительства.

Из всех рифов, на которые мог налететь и получить гибельную пробоину бнайбритовский план, самым опасным был риф по имени Хасбулатов. Руслан Имранович — человек умный и по-восточному хитрый, в экономических лабиринтах разбирался лучше гайдаровской братии. Я несколько раз работал с ним вместе над законопроектами — он мыслил четко, формулировал точно, помахивая при этом курительной трубкой. Профессионализм добавлял ему сторонников в парламенте, и постепенно за ним формировалось большинство съезда.

Уже на Шестом съезде — в апреле 92-го — он мог по полочкам разложить коллегам, в чем необольшевизм и ошибочность модели ельцинских реформ. Среди депутатов, как и сегодня, было много актеров, спортсменов и прочего далекого от экономики люда. Они вслушивались в заученную гайдаровцами фразу: «Кошке лучше отрубать хвост сразу, а не по частям» и недоуменно хлопали глазами. Зачем измываться над бедным животным — без хвоста это будет уже не кошка, а что-то вроде больного кролика. Реформаторы морочили публике головы мутно-научными терминами: «Мы — не за градуализм, мы — за гетеродоксальный вариант», и экономист с авторитетом Председателя Верховного Совета способен был аргументированно содрать с них «розовые штанишки», чтобы убедить коллег остановить своим решением растаскивание страны.

Он был способен организовать и проведение внеочередного съезда, который, учитывая чрезвычайную ситуацию, мог отменить свое же решение о дополнительных полномочиях президенту. Со всеми вытекающими последствиями. Высший орган власти: вчера добавил компетенции, сегодня убавил — его право.

По той Конституции РСФСР президент не имел права роспуска или приостановления деятельности как съезда, так и Верховного Совета. А сшибать конституционные перегородки пинком и ударять по парламенту танками, как он сделал это осенью 93-го, друзья из Бнай Брита «пока» не рекомендовали. Еще не разрушена была промышленная инфраструктура, еще не дали бы перейти к самовластию мощные рабочие коллективы. Пару месяцев посуетилось бы чиновничье племя — на том и завершился бы политический кризис.

Чтобы Руслану Имрановичу, не дай бог, не пришли в голову такие идеи, его нужно было тоже заинтересовать. Не высокими должностями — куда уж выше! Его надо было подвесить на чеченский крючок. И, как мне представляется, это дело выгорело вполне.

Где бы ни был чеченец, он всегда должен оставаться чеченцем. Иначе в него и во всех представителей его тейпа в горах полетят булыжниками упреки. А главный адат вайнахов, как мы помним: «Государство — это ничто, клан — все!». В кой-то веки раз попал чеченец на вершину российской власти и не будет помогать соплеменникам? Да тогда его самого надо пускать на шашлык вместе со всеми родственниками! При этом вайнаху, как говорится, без разницы, какие цели преследуют те, кому он обязан способствовать.

Когда осенью 91-го (в разгар мятежа) вспыхнул скандал вокруг нескольких КамАЗов с наличными, отправленными из Москвы в Грозный, это постарались списать на простое недоразумение. Председателя Банка России Георгия Матюхина свирепые посланцы Дудаева встречали каждое утро у подъезда с угрозами и требовали выдать деньги Чечне. Матюхин вынужден был пробираться на работу через черные ходы, но на шантаж не поддавался. А едва уехал во Францию, и Хасбулатов надавил на его замов, чтобы деньги Джохару отправили. Срочно, в многотонных КамАЗах — миллиарды рублей. Что и было сделано. Как позже оправдывался Руслан Имранович: его команды не так поняли.

Но, по-моему, поняли так, как надо. Банк России тогда подчинялся Верховному Совету — Хасбулатов распоряжался в нем как хозяин. В то время, когда в Вайнахии грабили поезда, жгли русские дома вместе в людьми — республику накачивали кредитами и прочей финансовой помощью, регулярно отправляли туда деньги на выплату пенсий и зарплаты бюджетникам (другие российские регионы сидели без средств). Хотя ни до пенсионеров, ни до бюджетников эти деньги не доходили, Дудаев использовал их для найма боевиков.

Горцы бывают иногда как сама святая простота. Поймали его, только что прикончившего человека, поймали на месте преступления, с еще дымящимся оружием, а он на голубом глазу:

— Это не я. Это он сам. Я выстрелил в воздух, а он, негодяй, подпрыгнул и поймал пулю в грудь.

Вот и Руслан Имранович в своих интервью или публикациях винит в укреплении режима Дудаева всех, кроме себя. Сам он, дескать, был непримиримым врагом генерала. Верховный Совет действительно принял несколько беззубых, как бы для видимости постановлений по Вайнахии. Но когда Ельцин издал в ноябре 91-го указ о введении на территории Чечено-Ингушской Республики чрезвычайного положения, Верховный Совет отказался его утверждать. И поручил Правительству РСФСР решить вопросы путем мирных переговоров. Это тогда, когда Дудаев сорвался с катушек уже окончательно.

Как бы для подтверждения алиби Хасбулатов с подчеркнутой брезгливостью описывал свою встречу с Дудаевым: «Он произвел на меня весьма жалкое впечатление... А когда он мгновенно подчинился всем моим требованиям, я понял, что он еще и труслив». Требование якобы было такое: Джохар должен немедленно прекратить безобразия. Но тут, по словам Руслана Имрановича, в Грозный нагрянули люди из окружения Ельцина и упросили Дудаева безобразничать дальше.

Помните, как иногда звучали закадровые тексты в советских детективах: «Он думал, что свидетелей не осталось». И после этих слов на экране появлялись светлые лица носителей правды.

Остались свидетели, не зажатые цензурой адатов, и в чеченском детективе.

Например, последний председатель КГБ Чечено-Ингушской АССР генерал Игорь Кочубей (при нем все начиналось, он ежедневно направлял шифротелеграммы в Москву, но все как в песок) в интервью газете «Известия» — Волга-Каспий» так вспоминал о тех днях: «В значительной степени виной разразившегося конфликта была и позиция, занимаемая председателем Верховного Совета России Русланом Хасбулатовым и Асламбеком Аслахановым, который возглавлял комитет Верховного Совета по безопасности и правопорядку. У них были личные неприязненные отношения с председателем Верховного Совета республики Доку Завгаевым».

Хотя слова генерал выбирал аккуратно («конфликт» вместо «мятежа»), от фактов уходить не стал. «Позже, — продолжал он, — у меня появилась запись телефонного разговора Хасбу-

латова с Дудаевым. Хасбулатов сказал: «Чего вы медлите?! Пора убирать эту власть! В ответ ему был задан вопрос: «А не введет ли Россия чрезвычайное положение. Если мы предпримем такие шаги?» ... «Действуйте смело, не введут». Все было инспирировано и оплачено».

На прямой вопрос корреспондента: кто дал команду Дудаеву на штурм здания КГБ, во время которого погибло много русских сотрудников, Кочубей ответил:

«Команду дал Хасбулатов!» И уже дальше продолжал: «Нам удалось вывезти значительную часть архива, и мы спасли агентуру. А вот оружие мы не успели вывезти... А это колоссальные запасы». Генерал говорил о так называемых мобилизационных запасах — для оснащения всех чиновников и силовиков автоматами, пулеметами, гранатометами в случае восстания народа или войны. Это оружие досталось Дудаеву.

Информация подобного рода поступала, естественно, к Ельцину. А умерить чью-то прыть, используя данные своих спецслужб, — это Борис Николаевич практиковал. Не мог он упустить такого случая и с Хасбулатовым. Проблемы Чечни его заботили меньше, чем позиция спикера по переводу плановой экономики — на клановую. А превращение России в Воруй-страну на клановых подпорках стало для Ельцина почти смыслом жизни.

Обращали на себя внимание и отношения Хасбулатова с Егором Гайдаром. Назвать их доверительными не решусь. Скорее, это были отношения людей, оказывающих услуги друг другу. Не по дружбе или любви, а по необходимости. Чтобы не ставить под угрозу интересы каждого. Так сказать, мирное сосуществование.

Интерес Гайдара лежал на поверхности. По Конституции РСФСР съезд был правомочен рассматривать и решать «любой вопрос, относящийся к ведению Российской Федерации». Полное, абсолютное всевластие! Задумай он скинуть правительство, и никакой президент не поможет. Вот и надо было, чтобы спикер как предводитель депутатского корпуса сам не трогал экономическую команду Гайдара, да еще гасил бы попытки своих коллег добиваться ее отставки. Егор Тимурович старался говорить о Хасбулатове в лестных эпитетах и постоянно просил нас, министров: «Не задирайте Руслана Имрановича!».

И Хасбулатов отзывался о Гайдаре публично более чем уважительно. Хотя в кругу самых близких именовал его команду авантюристами. Интересы Руслана Имрановича тоже были видны невооруженным глазом. Это Чечня. Он как бы говорил

Егору Тимуровичу: «Я поддерживаю тебя и твою ватагу, а ты поддерживаешь Дудаева». («Государство — это ничто, клан — все» — тут они с Ельциным были единомышленниками.)

Перехлест в предположениях? Как посмотреть. Ничем иным, кроме сговора между заинтересованными сторонами, не могу объяснить накачку Москвой режима Дудаева весь 92-й. Джохар объявил о выходе Чечни из состава России (налоги в Центр перечислять прекратили раньше), небывалый размах приняли в республике грабежи поездов, издевательства над русскими семьями. Около тысячи боевиков-головорезов обучались в Турции и Пакистане. А гайдаровская команда гнала в Грозный российскую нефть и давала Дудаеву квоты на ее экспорт. За год мы подарили Джохару около семи миллионов тонн нефти.

На заседаниях правительства я не раз ставил вопрос о срочном прекращении поставок сырья в Вайнахию.

— Видите ли, — мягким голосом втолковывал мне Егор Тимурович, — в Грозном единственный на всю страну завод по выработке авиационных масел... Мы не можем его остановить.

— Но Чечня не снабжает этими маслами Россию, — настаивал я на своих предложениях.

— Видите ли..., — опять начинал Гайдар. И так все время: «видите ли...» да «видите ли...»

А не возвращал Дудаев нефтепродукты потому, что не должен был их возвращать. Продукцию на экспорт он гнал официально в Прибалтику и Турцию, а вырученную валюту — около миллиарда долларов — тоже официально тратил на содержание бандформирований, закупку оружия и даже на премиальные боевикам (за убитого русского офицера платил от одной до пяти тысяч долларов). За год из Чечни было вывезено свыше четырех миллионов тонн дизельного топлива, полтора миллиона тонн бензина, 125 тысяч тонн осветительного керосина и 36 тысяч тонн масел.

Квоты на экспорт нефтепродуктов Дудаев получал от Правительства РФ. Многие думают, что правительство — это единая команда, где все решения принимаются коллективно. Такое, мне кажется, встречается редко. А наше правительство вообще напоминало экипаж пассажирского лайнера: пилоты — экономический блок — в кабине отдельно, а все остальные министры — стюарды — тоже отдельно. Планы пилотов старались утаивать от стюардов — их обязанностью было придумывать для пассажиров успокоительные слова, когда сильно трясет или самолет собирается приземлиться не там, куда намечалось.

От имени правительства экспортными квотами занимались Ельцин, Гайдар, Авен и Лопухин (с мая 92-го топливно-энергетический комплекс положили под Черномырдина. Он кормил Дудаева нефтяной грудью России еще несколько лет и усиленно помогал Борису Николаевичу в чеченизации страны. Черномырдин переиначил главный вайнахский адат с учетом своих интересов. Звучало торжественно и современно: «Государство — это ничто, «Газпром» — все». Вернее, «Газпрому» — все — льготы, особые привилегии, возможность обирать народ заоблачными тарифами, бесконтрольность в швырянии деньгами. Оградив концерн железным занавесом от общественности, Черномырдин превратил его в собственную кормушку).

Причем выдавались квоты в режиме большой секретности. Мы узнавали о них или из посторонних источников, или значительно позже, когда информация просачивалась в прессу.

О многих других решениях экономической команды правительства становилось известно тоже в последнюю очередь. Хотя заседания кабинета министров я, например, не пропускал. Все там у них решалось в режиме междусобойчика. Позвонят тебе из регионов о нелепых прыжках таможенных пошлин, а ты — ни сном ни духом.

Или позвонил по старой дружбе президент Казахстана Нурсултан Назарбаев — Ельцин был недоступен. Спросил: «Зачем вы принимаете самоубийственные решения?» Какие? Оказалось, что наше правительство (выходит, и я в том числе?!) запретило Магнитогорскому металлургическому комбинату принимать окатыши с Соколовско-Сарбайского горно-металлургического комбината. А других поставщиков у магнитогорцев не было. Чиновники Казахстана звонили нашим министрам экономического ядра: «Вы же Магнитку остановите!» Им отвечали: «Ну и что! Ваше-то какое дело!» (Только позже стало понятно, что это не глупость, а продуманная политика: задушить прибыльные стратегически важные госпредприятия — отказом в сырье, финансах и фондах — довести их до ручки, а потом продать за копейки нужным людям. И при этом бить себя в грудь на трибунах: «Госсобственность хуже чумы — мы с трудом спасаем экономику от краха».)

Пришлось сказать Назарбаеву, что я опять — ни сном ни духом. Все же связался с Ельциным, а он лениво: «Разбирайтесь с Гайдаром».

На заседаниях кабинета Егор Тимурович говорил по этим поводам в своей привычной манере: «Видите ли...» При этом он всегда поглядывал на Авена (тот сидел от него по правую

руку), словно спрашивал глазами: «Так ли я отбиваюсь?» «Так, так», — выпячивая нижнюю губу, кивал головой Петр Олегович. Не могу утверждать, что Гайдар был марионеткой Авена. Но эти сценки запомнились.

Они побаивались людей в окружении Ельцина, которые смыслили в экономике и могли повернуть импульсивного президента не в ту сторону своими советами. Продумывали варианты, под каким бы соусом турнуть их из Кремля «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов».

Зашел ко мне однажды с бумагами как всегда расхлябанный вице-премьер Александр Шохин и сказал:

— Ты с Борисом Николаевичем накоротке, уговори его подписать эти документы — в интересах реформ.

И положил на стол кипу проектов указов и распоряжений президента. Документы касались нескольких человек, процитирую для примера предложения министров-экономистов по двум персонам:

«Освободить Малея Михаила Дмитриевича от занимаемой должности Государственного советника Российской Федерации в связи с переходом на другую работу».

«Назначить Малея Михаила Дмитриевича Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республику Португалия».

«Освободить Скокова Юрия Владимировича от занимаемой должности Государственного советника Российской Федерации в связи с переходом на другую работу».

«Назначить Скокова Юрия Владимировича Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Королевстве Дания».

В предыдущей главе я говорил об этих политиках, да о них и без популяризаторов помнит Россия. (Со Скоковым нас позже столкнула лбами одна непорядочная газета, но не об этом сейчас разговор.) Олега Лобова Шохин со товарищи отправлял в Швейцарию, Юрия Петрова — в Нидерланды.

— Эх, ребята, — сказал я Шохину, — вам надо просить у Ельцина пароход, чтобы вы, как большевики в двадцать втором, могли вывезти из страны хотя бы ближний круг несогласных.

К президенту с бумагами я, естественно, не пошел, а положил их в свой архив.

А одному из влиятельных несогласных — Руслану Хасбулатову маневрировать с каждым днем становилось труднее. Интересы дудаевского режима, ради которых он прикидывался кроткой овечкой, входили в острое противоречие с устойчивостью его должностного положения.

Депутаты на примерах своих округов увидели, что Ельцин, выпрашивая себе сверхполномочия, обещал делать одно, а делал совершенно другое. Поэтапной народной приватизацией он намечал разрушить монополизм и создать конкурентную среду, и только затем отпускать цены. В переходный период, как это практиковалось во всем мире, можно было пользоваться двумя уровнями цен — государственными и коммерческими.

Но его команда отпустила цены в свободное плавание, перемахнув через приватизационный этап. В потемках реформ людей как бы заставили прыгнуть в лодку, а лодку туда еще не подали. Народ оказался в ледяной воде бешеного роста цен и инфляции. К тому же, его успели раздеть догола — не компенсировали ни сбережения, ни зарплату. Нищета поползла по России.

Раздели, конечно, не всех. Своим — льготы во внешнеэкономической деятельности, денежные накачки. Авторитетным директорам предприятий, способным поднять на протест коллективы, рты затыкали подачками. Не реформы, а наперсточная игра. Под видом стабилизации финансовой системы денежную массу урезали почти до нуля, преднамеренно обрывали хозяйственные связи, как у Магнитки, — сотни вполне благополучных до этого госпредприятий падали на бок одно за другим. Охотники за легкой добычей уже толпились с тяжелыми баулами в приемных Чубайса с подельниками.

Все это напоминало утаптывание снега вокруг медвежьей берлоги. Хозяина тайги не взять без огромного риска, если с ходу атакуешь его в укрывище. Зверь свиреп и непредсказуем — может броситься на стрелка. А в сугробе особо не увернешься. Утаптывание снега — это подготовка мест для отскока за стволы толстых деревьев или небольшие скалы.

Депутаты как бы услышали под заморскими сапогами команды Гайдара хруст снега вокруг России, уставшей после 91-го года. Они заподозрили масштабное жульничество в подготовке к ваучерной приватизации, которая покатится по Федерации с августа, узаконивая в ней правила Воруй-страны. Заподозрили и сердито забили копытами.

С таким настроением они и приехали на свой Шестой съезд — он начал работу в апреле.

На нем с часовым докладом выступал Ельцин. Дня за два до этого Гайдар сказал, что написать доклад Борису Николаевичу правительство поручает мне. Экономика и я — с какой стати? И с чем выходить к депутатам? Говорить, как стюард в самолете: «Господа пассажиры, мы брали курс на Сочи, но не-

понятными ветрами нас отнесло к Магадану. Не извольте тревожиться, в Магадане тоже жить можно». Но Ельцин — не стюард. Он должен ответить с трибуны: для чего брал дополнительные полномочия и что конкретно успел сделать.

Я сказал, что у меня нет аргументов для защиты экономической политики правительства — пусть пишут те, у кого они имеются. «Напишем сами», — сказал Гайдар. И написали.

Аргумент, озвученный Ельциным, что обвальное падение уровня жизни — результат последних шагов союзного правительства Рыжкова, затем Павлова, повеселил и еще больше разозлил депутатов. (Как у душки Троцкого: «Нас душит проклятое наследие царизма».) Выступления были одно другого унижительнее.

Редакционная комиссия подготовила проект постановления съезда: лишить президента дополнительных полномочий и освободить от обязанностей руководителя кабинета министров, модель реформ признать негодной. И еще написала пророческие слова: «Процесс развала бюджетных отраслей, особенно здравоохранения, науки, культуры, образования, угрожает стать необратимым». Он действительно стал необратимым и продолжается до сей поры.

В один из перерывов на съезде меня в Кремлевском дворце отловил полярник Артур Чилингаров и шепнул, что со мной хочет поговорить Хасбулатов. Артур долго вел меня по чугунным решетчатым лестницам, по лабиринтам цокольного этажа. У одной из дверей — внушительная охрана. «Туда!» — указал Чилингаров.

Ковры, восточный низкий стол, уставленный фруктами и минеральной водой. За столом на коврах в одиночестве восседал озабоченный Руслан Имранович.

— Видите, что происходит на съезде, — сказал он. — Борис Николаевич не хочет многого понимать.

Я был нужен Хасбулатову, как «Мерседесу» свежее сено, — это стало понятно сразу. Но через меня он хотел кое-что донести до сознания Ельцина. В комнате, свободной от всяких «прослушек», вождь депутатов мог говорить откровенно. И Руслан Имранович говорил.

Он не может открыто противопоставлять себя съезду, не критикуя жестко правительство. Отмалчиваться — значит терять большинство. И он выступит по полной программе. Эти высокомерные мальчики команды Гайдара заслуживают, чтобы их вышвырнули, как шелудивых котят. Они закрылись от всех — к ним не могут попасть на прием даже главы регионов и народные депутаты. Но Хасбулатов готов с ними работать и дальше, если Ельцин будет настаивать.

А вот съезд настроен агрессивно — никаких компромиссов! Президент должен пойти на какие-то кадровые уступки. А как уговорить съезд — не менять курс реформ и сохранить дополнительные полномочия, пусть думает сам Борис Николаевич со своими экономистами.

Не только со мной, разумеется, говорил Хасбулатов. В приватных комнатах под залом заседаний съездов шуршали, как мыши, тихие голоса переговорщиков. Обсуждали ходы, повороты, цену вопросов.

Все вроде бы утрясли через поправки в проект редакционной комиссии, сгладили и согласовали. А когда депутаты уже проголосовали за постановление съезда, в нем змеиным жалом для Ельцина с гайдаровской братией торчал пункт: «Президенту РФ представить до 20 мая 1992 года Верховному Совету РФ перечень мер, направленных... на обеспечение участия широких слоев населения в приватизации и многообразия ее форм с целью увеличения числа собственников».

Это вам не бестелые формулировки типа: «ускорить» или «углубить». Определялась конкретная дата, к которой Ельцин должен был выкатить конкретный план смены модели капитализма. Не понравься план депутатам — и тогда внеочередной съезд, тогда конец экономическим реформам по-ельцински-авенски-гайдаровски (Чубайсу пока только дозволяли точить ножи для разделки Российской Туши). А снег-то уже утоптан, добытчики из Бнай Брита стояли с ружьями наизготовку.

Приняв постановление, съезд продолжал работу, а за его кулисами пошел Большой Торг. Вожди депутатов обсуждали с экономистами из правительства, как и на каких условиях избежать смены курса реформ.

Буквально через несколько часов Гайдар принес на заседание кабинета, по-моему, написанное Авеном заявление о коллективной самоотставке правительства. Выклинивался главный мотив неожиданного решения: постановление съезда означает приостановку процесса приватизации (по-бнайбритски?), а это вызовет голод и хаос.

Была и не менее примечательная фраза: постановление съезда приведет «к свертыванию поддержки со стороны мирового сообщества». У оторванных от жизни «розовых мальчиков» сложилось убеждение, что акулы мирового капитализма уже набили под мышками России мозоли, постоянно вытягивая страну из нищеты. (Олег Попцов в своей книге «Хроника времен «царя Бориса» писал, что я прилюдно называл тогда команду Гайдара шпаной. Это соответствовало действительности. А так я стал ее называть после комедии с самоотставкой.)

Гайдар пустил заявление по кругу — автографы членов его команды уже красовались. Министр юстиции Николай Федоров (нынешний президент Чувашии), с кем мы пробивали в Верховном Совете СССР закон о печати, ставить свою подпись отказался.

— Михаил Никифорович, — неуверенно посмотрел на меня Егор Тимурович — а вы подписывать будете?

— Буду, — ответил я. — Не важно, что написано в заявлении. Важно то, что нашему правительству действительно надо уйти.

Не сразу я догадался, что трюк с заявлением — театральная постановка. Неплохо продуманная, в том числе и психологически. Еще два дня назад дешевый шантаж, попытка взять «на испуг» только подзадорили бы депутатов. Но съезд уже занимался другими вопросами — заявление правительства о коллективной самоотставке застало его врасплох. Депутаты перекипели, всю злость свою выплеснули с трибуны.

Теперь им сказали, что с жесткостью в постановлении перебрали, чем довели правительство до политического самоубийства. А сформировать в спешке хороший состав нового правительства — не получится. Надо искать компромисс. И съезд проголосовал за подготовленную его вождями декларацию, позволившую правительству игнорировать ранее принятое постановление.

Правительство и курс реформ были сохранены. Ельцин потирал руки.

Я не забыл о том, что он просил ему помогать. И понимал — помогать можно по-разному. Лучше всего было выбрать такую позицию, когда ты должен привлекать независимых толковых специалистов к выработке экономической политики. Возможно, их авторитетное мнение способно поколебать уверенность упрямого Ельцина в том, что он затевает. Тогда была недоступна и четверть нынешней информации — оставалось смотреть на поведение президента некрасовскими глазами: «Мужик что бык: втемяшится в башку какая блажь...»

Еще в декабре 91-го (в январе намечалась либерализация цен) я упросил бригаду ученых — Валерия Чурилова, соперничавшего на первом съезде с Хасбулатовым при выборе Ельциным себе главного зама, профессора Владимира Бакштановского и Юрия Медведева, с которым подружился в АПН, — провести деловую прогноз-игру. Игрой она только называлась, а в принципе — это моделирование последствий тех или иных решений государственных органов. Прогнозированием бригада занималась не первый год, точность ее предсказаний была очень высокой.

Сначала мы должны были достичь единства в понимании целей реформ — для чего они необходимы обществу. Не для того же, чтобы обогащать одних за счет ограбления остальных. Тогда это не реформы, а бандитский налет на страну. Тогда «реформаторы» ставят себя вне закона.

Единства достигли.

Благотворные реформы — это поиск и установка баланса в разбалансированном государстве. Это создание равновесия между интересами Центра и интересами регионов, между интересами фирм, предприятий, акционерных компаний и интересами всей экономики, между интересами личности и интересами общества, государства. Перекосы в какую-то сторону, тем более преднамеренные, из корыстных побуждений «балансеров», только способствуют негативным процессам.

В студиях телекомплекса «Останкино» мы собрали больше сотни ученых, директоров, инженеров, экономистов, банкиров из разных регионов России. И поручили им смоделировать ситуации на конкретных примерах, если: отпустить цены до приватизации, провести обвальное или поэтапное разгосударствление собственности, государство полностью уйдет из экономики или останется по убывающей регулятором перестроечных процессов и т.д.

Люди работали двое суток: анализировали, считали, прикидывали последствия для своих регионов, для страны в целом. И выдавали рекомендации. Большая группа телеоператоров снимала все это действо на пленку.

После урезания длиннот и монтажа получился материал для просмотра на четыре часа. Предсказано было все, что потом обрушилось на Россию. Но главное, участники Игры предлагали пути — как безболезненнее для народа сменить экономическую политику. Доброкачественные реформы — это приобретения для большинства, а не потери. Если наоборот, тогда мы имеем дело с контрреволюцией.

Кассеты я принес к Ельцину — у него выпрашивал деньги на Игру. И предложил организовать в ближайший из вечеров коллективный просмотр материала правительством.

— А что они у вас там наговорили? — поинтересовался президент. Я начал рассказывать. Он слушал минут десять, потом сказал:

— Сплошная чернота. Передайте кассеты Бурбулису — пусть они определятся с Гайдаром.

Бурбулис был первым вице-премьером и материалом заинтересовался. Но, переговорив с Егором Тимуровичем, остыл. И засунул пленки куда-то подальше. Больше я их не видел. Просмотра не было — сколько ни напоминал.

Равнодушное отношение к судьбе России — теперь привычное состояние нашего общества. Ельцину с Путиным удалось-таки вынуть из нации стержень меньше чем за одно поколение. Не без огрома-а-адной помощи подручного московско-питерского бомонда.

А тогда люди поверили в добрые намерения новой власти, еще не догадывались о ее истинных целях и активно несли в кабинеты чиновников свои предложения по обустройству России. Поскольку у «розовых мальчиков» ходоки получали от ворот поворот, они шли к тем, кто имел прямой выход на Ельцина.

Мне пришлось даже зачислить в штаб министерства аналитика — лауреата Ленинской премии. С ним мы отбирали, на наш взгляд, ценные предложения, обобщали их и выводы излагали в записках президенту. С записками я направлялся к Ельцину. Он читал, затем авторучкой выводил угловатым почерком поручение: «Е.Т.Гайдару. Прошу рассмотреть». Все записки исчезали бесследно, как самолеты в Бермудском треугольнике — не попадали в струю.

7

Последней моей настырной попыткой помочь реформатору-президенту была поездка в Японию. Ее предложил мне сам Ельцин — что-то таинственное для него крылось в той силе, которая подняла за короткое время бедную островную страну до уровня великих экономических держав. Все-таки оставалась в Борисе Николаевиче русская зависть к успехам соседей.

Япония после 45-го года начинала с нуля. Американцы сожгли напалмом ее города, включая Токио (все они были деревянными), и отказались предоставить помощь по плану Маршалла. А у страны — ни полезных ископаемых, кроме небольших запасов каменного угля, ни земли для сельхозобработки: 85 процентов территории занимают горы. В этих горах, вырыв себе миллионы нор-пещер, и ютилась вся нация после поражения в войне.

Оставалось только собирать на склонах траву для еды, да и та после атомных ударов по Хиросиме и Нагасаки была заражена радиацией во многих местах. Выпуск промышленной продукции составлял всего 28 процентов от довоенного уровня.

Не сравнить стартовые позиции ельцинской России с Японией — у Федерации была фора лет в пятьдесят. Объединяли нас только гипертрофированная военная индустрия (разрушенная у самураев американскими бомбардировками) и окку-

пационная администрация. Там — официально назначенная и признанная западным миром команда генерала Макартура, действовавшая на правах победителя, здесь — замаскированная структура Бнай Брита под псевдонимом Международный валютный фонд, диктовавшая политику реформ через представителей-аборигенов.

Японцы часто используют понятие «ошибки рынка». Свободному рынку вообще сопутствуют серьезные кризисы. А в транзитной, переходной экономике, где регуляционные рычаги старой системы демонтируются, а прочная новая институциональная база не создана, образуется опасный провал, безвластье механизмов развития. И сразу снимать конвой государства с режима перестройки экономических процессов — самоубийственный шаг.

Предприниматели, как электрический ток, выбирают кратчайший путь к прибыли — либеральные правила абсолютно свободного рынка это им позволяют. И деньги начинают роиться вокруг спекулятивных, посреднических и других сверхдоходных для рвачей, но пустоцветных для общества «купи-продай» операций. А капиталоемкие отрасли будут похерены окончательно. (Так и произошло в России.)

Как ни давила на японцев оккупационная администрация Макартура — они не отказались от государственного регулирования. Его смягчали постепенно, доведя до минимума только через 35 лет, в 80-е годы.

Была разработана система приоритетных производств. На первое место поставили новую отрасль для страны — выпуск автомобилей. И она, по замыслам реформаторов, должна была потянуть за собой расцвет металлургии, машиностроения и электронной промышленности, нефтехимпереработки. Уже в 80-е годы пять гигантов автомобилестроения — «Тойота», «Ниссан», «Хонда», «Мазда» и «Мицубиси», произвели машин в два раза больше, чем Германия и начали теснить США. А про электронику и говорить нечего.

Удивительно, но со временем Япония стала экспортировать и сельхозпродукцию — это при ее-то ничтожных размерах пашни! А дело в том, что землю там не расхватывали жены разных мэров без кепок и в кепках, не засовывали себе под задницу, чтобы выгодно перепродать. Государство распределило ее крестьянам, которых обеспечило семенами, техникой, удобрениями. Не больше одного гектара на душу — и никаких латифундистов! А значит — и никакого сговора монополистов.

Принцип реформ был острый, как бритва: «Если компания не служит обществу, то она заслуживает ликвидации». Амери-

канцы хихикали над причудами самураев и полезли было к ним с инвестициями. За годы Второй мировой войны кошельки янки распухли — в самый раз размещать капиталы в Стране восходящего солнца с ее дешевой в то время рабочей силой. Для вывоза прибылей в США.

Но японцы на законодательном уровне запретили иностранные денежные инвестиции в свою страну. Самые передовые технологические линии — пожалуйста, завозить можно. А кто отважится выращивать себе конкурентов собственными руками?

Оккупационная администрация расписалась в бессилии. Говорят, что Макартур, накрученный капиталистами-соотечественниками, бросил премьер-министру: «Не для этого мы вас побеждали». Ему ответили: «Побеждали не вы одни, а с союзниками. Вам же не следует забывать о Перл-Харборе и Окинаве».

Где в таком случае находили японцы деньги для подъема разрушенной экономики? У себя дома! В этом, пожалуй, главная составляющая «японского чуда». Точнее, в особенностях денежно-кредитной политики.

Под национальные инвестиционные проекты были созданы специальные фонды — для автомобилестроения, электронной, нефтехимической и некоторых других капиталоемких отраслей. Аккумулировал эти фонды и распоряжался ими Банк Японии. Граждане отдавали туда свои сбережения под большие проценты. Причем с сумм в каждом фонде, не превышавших по эквиваленту ста тысяч долларов, налоги не брали.

Японец — обладатель полумиллиона долларов мог разложить их по пяти разным корзинам, не потеряв ни йены. Самые высокие проценты начислялись за вклады в фонд автомобилестроения. Гарантии гражданам давал сам император. За недолгое время были очищены все кубышки..

Не кредитная функция стала основной в деятельности Банка Японии, а инвестиционная. Он сам после анализа выбирал перспективные объекты и вкладывал в них деньги, превращаясь на какое-то время в Главного собственника. Это позволяло ему рассчитываться с клиентами — по их желанию — акциями промышленных гигантов. Постепенно почти все японское население стало акционерами. А поскольку прибыль постоянно росла и оставалась в стране, то и на дивиденды людям грех было жаловаться.

Причем государство установило такой порядок, когда львиная доля доходов не могла оседать в карманах начальственной верхушки. На каждом предприятии был (и остается)

защищенный законами свой профсоюз, и прибыли распределялись коллективным решением. Все были заинтересованы лучше работать, больше получать и вкладывать средства в развитие и модернизацию своего производства.

Напомню, что из глубины разрухи Япония поднялась к началу XXI века до позиций второй после США экономической державы мира.

Ее политики с изумлением смотрели и смотрят на лидеров соседней России — будь то Ельцин, Путин или Медведев, которые, как побирушки, бродят по планете с протянутой рукой: «Подайте, ради Христа, инвестиции нашей стране». И это в то время, когда уже не сотни миллиардов, а триллионы долларов, добытых горбом своих граждан, осели и продолжают оседать в офшорах, на зарубежных счетах чиновников, в экономиках чужих государств.

Японская модель развития показалась мне привлекательной — с учетом нашей специфики вполне пригодной для России. Я встретился с премьер-министром страны Миядзавой, с руководителями фракций в парламенте, побывал в императорском дворце. И везде с разрешения Ельцина ставил вопрос: а нельзя ли уговорить оставшихся в живых творцов «японского чуда» поехать в Россию месяца на три и поучить уму-разуму наших реформаторов?

Дозволяя мне заманивать к нам интеллектуалов из соседнего государства, Борис Николаевич рассчитывал, видимо, усилить напор гайдаровской команды на слом старой экономической системы. Он не ожидал, что существует разница между рецептами Бнай Брита и японской практикой. Для него, как и для многих функционеров, получивших начальное марксистско-ленинское образование, капитализм был на одно лицо. Только в странах, где народ ерепенистый, буржуи вынуждены платить наемной черни больше, а где нация податливая — меньше.

Творцов «японского чуда» нашли — вполне еще крепких самураев (регулярно один раз в четыре года они летали обновлять свою кровь на Филиппины или в Таиланд). Четверо дали согласие поехать и прихватить с собой трех хороших учеников. Условия? Токио это будет считать шефской помощью дружественной России. Но самураи не имею права работать даром: мы должны платить им символическую цену — по одному доллару в месяц, обеспечить жильем и питанием. Правительственная дача в Архангельском их устраивала вполне.

Ельцин внимательно слушал мой рассказ о поездке. Уточнял, переспрашивал. А когда я сказал, что в Японии распро-

странена система пожизненного найма, ограничивающая произвол работодателей, и что там бесплатные детсады и лагеря отдыха для подростков, он даже выдохнул:

— Это же коммунизм!

Может быть, и коммунизм. Не казарменный, не такой, о каком нам зудели десятилетиями. А коммунизм от слов «община, самоуправление», добровольно построенный снизу.

— Я подумаю, — сказал как-то неуверенно Борис Николаевич. — Переговорю с Егором Тимуровичем. А организовать приезд к нам японских экономистов поручу, когда надо, МИДу.

Это «надо» так и не наступило. Прошла неделя, вторая, третья — мне позвонил посол Страны восходящего солнца: как ему информировать уже собравших чемоданы соотечественников?

Я встретился с президентом, и он сказал:

— Дайте отбой. Гайдар и его люди категорически против приезда японцев. Они даже пригрозили отставкой. А сейчас это совсем некстати.

Не знаю, грозили они действительно или это Борис Николаевич выдумал сам, чтобы от него отвязались. Но к восточному вопросу мы больше не возвращались.

В той поездке у меня было одно деликатное поручение Ельцина. Он собирался с визитом в Японию, а летать без подарков для принимающих стран не любил. Работники нашего МИДа вместе с Геннадием Бурбулисом готовили предложения, как добиться заключения с соседями мирного договора. Камнем преткновения были по-прежнему острова Курильской гряды, отвоеванные у Японии в 45-м году. До войны рыбаки соседнего государства вели там промысел лососевых.

Все «спорные» острова разместились бы на третьей части Московской области — с их вулканами вроде «Тяти» да каменистой почвой. И нужны они не столько Японии (для ловли рыбы достаточно международных лицензий), сколько Соединенным Штатам Америки. Потому что с островов можно держать под контролем проход подводных лодок в Ледовитый океан и блокировать морские пути с Дальнего Востока к тихоокеанскому побережью Америки.

В 45-м году, подписывая мирный договор в Сан-Франциско, самураи закрепили своей подписью положение, взятое из Ялтинского и Потсдамского соглашений: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к ней островов, суверенитет над которыми Япония приобре-

ла по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года» (после поражения царской империи в русско-японской войне). Закрепили и успокоились. До смерти Сталина сидели тихо и американцы.

А потом они стали подзуживать японцев, направляя им официальные бумаги Госдепа: «добивайтесь от СССР возвращения своих северных территорий. Выдвигайте это непременным условием для заключения двустороннего мирного договора с Советским Союзом». (В документе, подписанном в Сан-Франциско, автографа представителя нашей страны не было.) В 56-м году госсекретарь США Даллес поставил перед самураями ультиматум: если они согласятся с потерей островов Итуруп и Кунашир — важных в военно-стратегическом отношении, — то янки навечно сохранят за собой Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Небольшие острова Шикотан и Хабомаи, не представлявшие опасности для военно-морского флота США, интересовали американцев значительно меньше.

Но как раз только эти, «неинтересные» для Америки, острова и соглашался отдать соседям в том же 56-м году Никита Хрущев в обмен на заключение мирного договора плюс возвращение острова Окинава Японии и вывод всех иностранных войск с территории государства. США, естественно, были категорически против такой сделки.

Новый дипломатический штурм Курильской гряды они предприняли при Горбачеве. На Михаила Сергеевича давил сам президент США Рональд Рейган и его верный помощник в СССР — министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, который сторговался продать все острова за 26—28 миллиардов долларов. Но под Горбачевым уже покачивалась земля: можно безнаказанно сдавать интересы страны в тайном режиме (пока там кто-то пронюхает!), а тут пришлось бы сразу объясняться с недовольным народом. И он не сунул голову в петлю.

Теперь американцы подкатили к «другу Борису» — Ельцину, а он поручил помощникам «найти варианты». И мидовцы с Бурбулисом предлагали на первых порах вернуться к обсуждению хрущевской трактовки, не затрагивая интересов США: передача соседям части «северных территорий» возможна, но при определенных условиях.

Какие это условия — никто пока не придумал. Да и стоило ли ворошить давно сопревшую проблему — у России внутренних забот было по горло. Жили без двустороннего мирного договора с Японией почти полвека, можно жить и дальше — хоть сотню лет.

Но Ельцин попросил меня коснуться в Токио этой темы при встречах с журналистами — ему хотелось спровоцировать общественную реакцию и посмотреть на нее.

У меня позиция русского мужика: не отдадим ни пяди родной земли! И напрасно считали, будто Россия ослабла настолько, что пришла пора теребить ее с запада и востока. Об этом я сказал на пресс-конференции в Токио и напомнил формулировку из сан-францисского мирного договора. А далее выплеснул в зал предложение: «но если японским крестьянам не хватает для обработки земли, то не исключена возможность предоставления им площадей на малозаселенных островах Шикотан и Хабомаи. Предоставления в аренду, используя опыт Окинавы». Условия и сроки аренды земли — предмет переговоров. Но это — компетенция высшей власти России.

На Окинаву я слетал заранее. Хотя американцы трубили, что в 72-м году вернули остров Японии, хозяйничали там они. В сорок седьмую префектуру под названием «Окинава» входил 161 остров архипелага Рюкю, и местные чиновники везде имели влияние, кроме главного острова и тех территорий, где располагались американские части. На главном острове делами управляли люди в погонах. Даже визу на остров — «непотопляемый авианосец» мне оформляли через Госдеп США — а это говорит само за себя. Окинава была напичкана военными базами янки — японские крестьяне обрабатывали посевные участки и кормили солдат.

На островах Хабомаи и Шикотан тоже располагались наши военные гарнизоны и рыболовецкие промысловые базы. Японские арендаторы могли обеспечивать их всем необходимым — не надо завозить продукты с материка.

Мне казалось, что я выполнил поручение Ельцина и в то же время не открыл никаких Америк. И действительно, японская пресса сдержанно отреагировала на мои предложения, а часть изданий — с досадой. А в российских СМИ послышалось громкое ворчание: зачем пускать самураев на нашу территорию? Хотя лично меня пощипали в некоторых газетах, я посчитал это добрым знаком: общество еще не разбил паралич равнодушия. И это был предупредительный выстрел Ельцину — не высовываться с проблемой «северных территорий». Большинство японцев уже свыклось с потерей, сколько бы их ни науськивали американцы, а наши — затопчут. Даже Горбачев поостерегся.

Мы поговорили с Борисом Николаевичем на эту тему. Взвесив все обстоятельства, он тогда отложил визит в Токио. Не царское это дело — ездить в гости с пустыми руками. Позд-

нее под всплески омуля на Байкале он в компании с другом Рю (премьер-министром Японии Рютаро Хасимото) вспомнил об островах и все норовил подарить их восточному гостю.

Непомерную щедрость Ельцина в раздаче интересов России я объяснял для себя его ревностью. Он очень ревновал мировую элиту к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Куда ни прилетит — везде «Горби» да «Горби». А ему так хотелось, чтобы планета исступленно кричала, как Юрий Лужков с трибуны митинга на Васильевском спуске: «Ельцин! Ельцин!» Его же поначалу воспринимали чуть ли не антиподом генсека ЦК КПСС, содравшего шкуру с Советского Медведя — СССР. Поэтому Борис Николаевич старался изо всех сил прыгнуть в обещаниях выше Михаила Сергеевича, пойти в уступках — дальше его.

Неожиданно Ельцин издал указ о назначении меня заместителем Председателя Правительства России с сохранением поста министра печати и информации. Неожиданно, потому что я узнал о решении президента из сводок новостей.

Мнительный Бурбулис схватил меня за руку в коридоре:

— Как тебе удалось уломать Бориса Николаевича?

Я сказал, что никак — даже предварительного разговора с ним не было.

— Так не бывает, — процедил недоверчиво Бурбулис, видимо, подозревая какую-то игру за спиной.

А именно так чаще всего и случалось в последующие годы: люди узнавали о своем назначении или освобождении от работы из прессы.

У меня уже была трудоемкая общественная нагрузка, возложенная указом президента: председатель комиссии по рассекречиванию архивных документов. Теперь Ельцин обязал меня курировать Министерство культуры и налаживать взаимодействие власти с религиозными конфессиями.

— Но в первую очередь, — сказал он мне при встрече, — я поручаю вам взять под свою опеку ремонт Большого театра и реконструкцию Третьяковской галереи.

После этого стал проясняться замысел президента: загрузить меня основательно текучкой, чтобы не жужжал, как назойливая муха, над головами реформаторов — экономистов. Возможно, я переоценивал внимание Бориса Николаевича к моей персоне, но так мне тогда казалось.

С главным строителем Москвы Владимиром Ресиным мы, как прорабы, по утрам проводили планерки. Надо отметить, профессионал он высокого класса — работали его подразделения четко и качественно. Первые три-четыре недели Ельцин регулярно спрашивал меня, как продвигается дело, а затем потерял к нему интерес.

На заседаниях правительства, между тем, обострялся разговор о деньгах. Российскую экономику съедал рак взаимных неплатежей, без зарплаты сидели миллионы ученых, врачей, учителей, работников культуры. Кредитные линии под большие проценты открыли нам Международный валютный фонд (МВФ) и некоторые западные государства.

У Бориса Николаевича был свой принцип распределения полученных средств: выделять тем, кто может устроить в стране крупную заварушку. Так, распоряжением № 85-р он разрешил чиновникам Военно-воздушных сил заниматься коммерцией и выделил им под непонятные цели девять миллиардов долларов (!). На коммерческую основу начали переходить другие войска нашей армии. Чистоган в Воруй-стране стал натягивать на себя военный мундир. Генералы сказали: «Теперь нам вместе с Ельциным будет что защищать от народа!»

Но в основном деньги МВФ, выделенные Федерации, даже не пересекали границу — ими оплачивали проценты за прежние кредиты Советскому Союзу. На оплату процентов уходила и большая часть зарабатываемой валюты. Брать по нарастающей новые кредиты, чтобы расплачиваться со старыми, — это сползание страны в долговую яму. И Россия под толчки МВФ — финансового органа Бнай Брита — заскользила вниз по крутому склону.

8

Что за долги припирали нас к стенке тогда и припирают сейчас? И были ли они на самом деле? О, это скрыто от землян так же надежно, как обратная сторона Луны.

Работа с долгами Советского Союза была любимым занятием гайдаровской команды. К ним она припадала толпой, словно паломники к святому источнику. На вспашке зеленодолларовой нивы потели и сам Гайдар, и его братья по «чикагскому разуму» — Петр Авен, Анатолий Чубайс, Александр Шохин, Михаил Касьянов, Андрей Вавилов и проч. и проч.

На наши вопросы в дни заседаний правительства мы всегда получали туманные ответы. Все делалось тоже в глубокой тайне. Позже Гайдар обнародовал сумму внешней задолженности СССР в 110 миллиардов долларов. Касьянов — 95 миллиардов, ЦРУ США насчитало — 70,2 миллиарда, представители Счетной палаты РФ на основании документов подтвердили — 37 миллиардов долларов. Близкую к этой цифре называл последний премьер СССР Павлов — 35 миллиардов долларов. (ЦРУ США пояснило, что в его сумму вошли и коммерческие кредиты.)

В то же время Советскому Союзу 49 государств должны были свыше 120 миллиардов долларов. Такому положительному сальдо можно только завидовать.

Как видим, между подтвержденными цифрами и выдуманными экономистами-финансистами разница ощутимая. Но деньги из страны отправляли не по ведомостям Счетной палаты, а по документам, составленным теми самыми экономистами-финансистами. Куда, на какие счета — догадаться не трудно. А зарубежные дебиторы нам что-то платили? Не припомню, чтобы в бюджет страны поступали сколько-нибудь значительные суммы.

Работа с долгами была превращена в сверхдоходную подпольную индустрию. Только слышались иногда крысиные взвизги — это отпихивали друг дружку от корыта с зеленым кормом чиновники. На работе с внешними долгами, как лебеда на навозной куче, быстро выросли известные олигархи.

Как же удалось так по-дьявольски запутать простой вопрос? Казалось бы, взяла страна в долг, и вот она запись в минфиновских кондуитах — не вырубить топором. Дала — тоже несмываемая отметина в документах. Все как на ладони.

Но я рассказывал в предыдущей главе о кадровом центре Бнай Брита — Международном Венском институте прикладного системного анализа (ИИАСА), где с финансами учат выделывать такие заячьи петли, чтобы сам черт не мог их распутать. А ученики из России у центра оказались прилежными.

Это была компетенция и обязанность финансово-экономического блока правительства — при объявлении правопреемства России подвести под активы и пассивы, доставшиеся в наследство, базу международного права. С участием МИДа, конечно. Работа трудоемкая, кропотливая — вообще не просто из обломка державы вытачивать государство с совершенными формами. Но никто даже пальцем не пошевелил. Все заявления нашей власти о том, что долги Советскому Союзу — свыше 120 миллиардов долларов — дебиторы должны отдавать России, воспринимались в мире как пустая риторика.

СССР ликвидирован — возвращать кредиты некуда и некому. России? Но с какой стати? Требовать можно все что угодно, но где правовые основания? Россия должна была перезаключить международные договора и перевести финансовые активы Советского Союза на себя, что не сделала и делать не собиралась. С юридической точки зрения мы оказались в полном дерьме.

Странная опрометчивость, не правда ли? Люди пришли в правительство не из деревни Секисовки, что прозябала в ок-

рестностях Оймякона, и временем располагали. Гайдар был вместе с Ельциным на подписании Беловежских соглашений и при желании мог еще там подготовить нужные документы. Тем более, рядом с ним находились опытный юрист вице-премьер Сергей Шахрай и министр иностранных дел Андрей Козырев. Мог, но не захотел.

Зато потом его команда с завидной активностью втаскивала Россию в Парижский клуб, который взялся решать судьбу тех самых долгов Советскому Союзу — в 120 с лишним миллиардов долларов. Втащила и выдала это за свою большую победу.

Ну еще бы! В Парижском клубе сделки ведут за закрытыми дверями, что называется, при погашенном свете — как и полагается масонским ложам. Сколько десятков миллиардов ушло направо, а сколько — налево, в том числе переговорщикам от России, посторонним знать не положено. Парижский клуб сразу же уполовинил обязательства других государств перед Советским Союзом (считай, перед Россией) — со 120 до 60 миллиардов долларов. А потом стал потрошить оставшуюся сумму.

Мы тоже могли плюнуть на своих кредиторов? Могли. Но тогда арестовали бы нашу собственность за рубежом и перед нами замуровали бы все ходы к внешним займам. А Россия, как финансовый диабетик, уже была не способна жить без импортного инсулина.

В конце брежневского периода за Советским Союзом числился внешний долг — в десять миллиардов долларов. Это зафиксировано в документах. А сколько заняла при Горбачеве сама центральная власть и сколько под гарантии Кремля набрали для самостийных союзных республик — вопрос тоже для простой арифметики.

Достаточно было посчитать и юридически оформить договора с каждой бывшей союзной республикой. Но и это не было сделано. И, как предполагаю, не без умысла. (Меморандум «О взаимопонимании относительно долга иностранным кредиторам СССР», подписанный двенадцатью республиками еще до прихода к власти гайдаровской братии — в октябре 91-го, сплошь состоял из общих слов.)

Через официальные договора пришлось бы высветить реальные суммы долгов. А прозрачная бухгалтерия — серьезная помеха для умыкания: парламент будет следить за каждой обозначенной в документах копейкой. Стало быть, надо основательно замутить бухгалтерию, как воду, — в ней проще ловить миллиарды. Даже книга долгов СССР и России находи-

лась (если не находится до сих пор?!) в одной из германских фирм. (Вся правда о размерах и судьбе внешних долгов — и тех времен, и последующих лет — по-прежнему за семью замками. И «нынешний Авен» Алексей Кудрин называет сначала одну цифру, потом совершенно другую — и обе заоблачные. «Преемственность власти, понима-ашь!»)

Из такой бухгалтерской мути выплывали парадоксальные ситуации. В последние дни своей жизни Советский Союз купил в кредит за рубежом 37 миллионов тонн зерна. Кредит сразу повесили на шею РФ как правопреемницы СССР. А куда пошли поставки зерна — в голодные регионы России? Какая-то часть — да. Но миллионами тонн наполняли свои закрома бывшие союзные республики, в том числе пионеры независимости — Эстония, Латвия и Литва, где уже сочиняли иски к нашей стране за сталинскую «оккупацию» их государств. За счет России продолжало поступать нашим соседям импортное оборудование для промышленных предприятий.

А мы-то на заседаниях правительства все время искали деньги для затыкания дыр. Искали даже на стороне. Министры — просители средств у команды Гайдара — видели резервный источник в возвращении партийных денег, выведенных за рубеж

Тогда была мода надеяться на финансы, припрятанные функционерами КПСС, как будто они решили бы все проблемы. Генеральной прокуратуре РФ дали задание заняться поиском — она готовила и рассылала международные поручения (правда, результаты ее работы до сих пор не известны).

И тут руководитель аппарата правительства Головков радостно сообщил, что Авен с Гайдаром нашли американское агентство «Кролл Ассошиэйтс» — с ним уже подписан конфиденциальный контракт. А генпрокуратура? «У нее свое поле деятельности, у «Кролла» — свое». Агентство якобы очень авторитетное, с большими связями — уж оно-то вытянет украденное из всех тайников. (В разное время «Кролл» раскрыл номера зарубежных счетов филиппинского диктатора Маркоса и Саддама Хусейна.) Сколько ему заплатили из бюджета — этот вопрос меня не интересовал (хотя называли сумму в полтора миллиона долларов). Обычно сыщики брали проценты от найденных капиталов. Оплата по выработке долларовых кубометров — справедливое дело. Так что в любом случае в добрый путь!

Где и сколько денег нарыл «Кролл», большинство членов правительства так и не узнало. В бюджет России не вернулось ни цента, а отчет агентства бесследно исчез. Навсегда. Авен

успокаивал, что в отчете ничего интересного не было — так, данные из газетных публикаций. Неужели молодые революционеры Гайдар и Авен с чистыми душами, как дыхание перемен, напоролись на халтурщиков?

Сыщикам в контракте прямо было поручено узнать: «о денежных Фондах и других активах, находящихся за рубежом и принадлежащих российским и бывшим советским предприятиям и физическим лицам». Задание, правда, немного странноватое — искать не деньги КПСС, а составлять базу данных на состоятельных россиян и экспортную выручку предприятий. Для чего?

Чуть позже я поинтересовался у ребят из Службы внешней разведки, что из себя представляет «Кролл»? Ребята поковырялись в памяти и бумагах — информации набралось достаточно.

«Кролл» не единственная сыскная фирма, рыскающая по планете. Все они созданы по инициативе деятелей Бнай Брита, а укомплектованы отставными агентами ЦРУ и британских спецслужб. По-прежнему работают на эти спецслужбы и заимствуют у них, когда надо, секретные данные. Отсюда та легкость, с которой они раскрыли зарубежные счета Маркоса и Хусейна — оппонентов США, находившихся под лупой ЦРУ.

Особый интерес сыскных фирм — к странам, богатым энергоресурсами, и потребителям американского оружия. Там, в том числе и в России, они действуют без стеснения, зная, что супердержава их прикроет всегда. (В Бразилии были пойманы за руку и арестованы сразу пять агентов «Кролла» за незаконное прослушивание членов правительства этого государства. После окрика Госдепа Соединенных Штатов бразильцы дело замяли. В Афинах из помещений посольства США «фирмачи» записывали разговоры с сотовых телефонов премьер-министра Греции, министров обороны, госбезопасности, высокопоставленных военных, ведавших закупками вооружений. На невыгодных условиях греки ежегодно платят Америке за пушки и танки три с половиной миллиарда долларов. И янки должны знать, кто проявляет недовольство или предлагает сменить поставщиков. Этой афинской истории тоже хода не дали.)

Перед «Кроллом» и другими сыскными агентствами поставлена цель собирать материалы для шантажа или подкупа политиков, бизнесменов и обеспечивать нужной информацией золотой фонд Бнай Брита — олигархов с провашингтонскими убеждениями. Но этот колющий инструмент Суперодена иногда попадает в кривые руки. Профессионализма сыщикам

не хватает — топорно работают. Видать, с кадрами разведчиков в США и Великобритании тоже не сладко.

Уже в послеельцинские годы с просьбой найти управу на «Кролл» в полицию обратился председатель международного арбитражного суда в Цюрихе Бернард Майер-Хаузен. Агенты демонстративно преследовали его по пятам и запугивали, добиваясь решения в пользу клиента «Кролла» — консорциума «Альфа-групп» по скандальному хозяйственному делу (продажа акций ОАО «Мегафон»).

Одновременно с Майер-Хаузеном попросил защиты у полиции глава инвестфонда IPOC, датский юрист Джефри Гальмонд — участник судебного разбирательства вокруг «Мегафона»: с криком «Караул!» он примчался в Москву и на пресс-конференции рассказал, что «Кролл» третирует всех, подкупает свидетелей и за их лжепоказания «против членов российского правительства» — в пользу «Альфа-групп» предлагает гонорар по миллиону фунтов стерлингов. Один из таких «свидетелей» попросил у Гальмонда два миллиона фунтов стерлингов — тогда он откажется от сделки с «Альфа-групп».

А в Таллине были задержаны два сотрудника сыскного агентства «Дилидженс» — младшего брата «Кролла». В списке руководителей этой фирмы — министр по чрезвычайным ситуациям при президенте США Джордже Буше Джо Олбау, а члены совещательного совета — директор ФБР Уильям Вебстер, глава администрации президента Клинтона Томас Мак Ларти и министр внутренних дел Великобритании Майкл Говард. Все — бывшие. Агенты обложили аппаратурой прослушивания и слежения прибывшего в Эстонию председателя правительства России Михаила Фрадкова. В прибалтийской республике премьер вел переговоры об условиях транзита нефти через ее территорию.

Деталями переговоров, а также позицией и, возможно, личными интересами Фрадкова интересовалась офшорная компания TNK — Trade Ltd, аффилированная с «Альфа-групп». Поскольку занималась она перекачкой нефти. Пойманные агенты «Дилидженса» выдали эстонским полицейским заказчика операции — эту компанию и того, кто послал их в Прибалтику — «Кролл».

Информированный читатель знает, что богатый «Альфа-банк», где президентствует олигарх Петр Авен, входит в консорциум «Альфа-групп», где наверху пирамиды другой олигарх — Фридман. И что Авен (еще он — член наблюдательного совета директоров «Альфа-групп») с Фридманом давние кореша.

Еще в начале 90-х фирма Фридмана «Альфа-Эко» занималась крупными поставками из Индии сахара, ковров и чая. По-

ставки шли, в том числе, за счет долга Советскому Союзу. А подобные контракты были в компетенции авенского министерства внешнеэкономических связей.

И с «Кроллом» Авен как родные братья. Так сказать, одному богу молятся. Когда в начале 92-го несведущие члены российского правительства ожидали от «Кролла» обнадеживающих результатов, Гайдар с Авеном, наверное, тихо посмеивались. Не для того ли они выбрали для контракта «свое» агентство, чтобы получить на кого-то компрометирующие материалы и через шантаж использовать их для нечистой игры? Такое подозрение возникало у многих. (Кстати, после наших публичных обвинений «Кролла» в недееспособности руководство этого агентства распространило по каналам ИТАР-ТАСС следующее заявление: «Мы можем заявить, что «Кролл ассошиэтс» на самом деле проводило расследование по поручению российского правительства и что мы смогли добыть и передать значительный материал российским властям».)

Все и всех завязывала в труднораспутываемые узлы политика Бнай Брита. Члены братства Мамоны должны зависеть друг от друга по-крупному, как в шайке мокрушников, чтобы разоблачение кого-то одного считалось угрозой остальным. Россия раньше не видывала таких масштабов коррупции (то-то еще ждало ее впереди!) — ворье со всего мира слеталось в Кремль и на Старую площадь, словно на виноградный сироп.

Нам было видно, как ультралибералы нервничали и не сегодня завтра ожидали от съезда пинка под зад. Поэтому спешно строили для себя запасные аэродромы. (Впрочем, боялись напрасно: многие пересидели во власти и сам съезд, и всех недовольных депутатов.)

Анатолий Чубайс, получивший карт-бланш от Ельцина, бесцеремонно швырял в костер криминальной приватизации лучшие предприятия, не уведомляя об этом даже министров, в чьем подчинении они находились. (Однажды я сказал ему: «Толя, партизань, раз тебя президент заставляет, но если тронешь хоть одну структуру моего министерства, я тебе голову оторву!» Удивительно, но до моей отставки он не прикоснулся к собственности нашего ведомства. А этот разговор вспоминал при членах правительства не раз. Гайдар ему сказал обо мне: «Он непредсказуем». Хотя справки, что я не отвечаю за свои поступки, у меня, говоря между нами, не было).

Насмерть схватывался с Гайдаром и Чубайсом на заседаниях правительства министр промышленности России Александр Титкин. Он был опытным инженером-конструктором: работал директором производства «Атоммаша», генеральным

директором Балаховского машиностроительного завода, потом — Тульского объединения «Тяжпродмаш». Поддался обаянию Ельцина и отказался от депутатского мандата, чтобы заняться реформами непосредственно. Как он страдал от осознания своей беспомощности! Мосты к возвращению на другой берег сжег, на этом — пьяная вседозволенность необольшевичков. Они с ним нисколько не цацкались: за его спиной пускали в продажу лучшие заводы, обеспечивавшие безопасность страны. Многие предприятия через подставные фирмы были куплены иностранцами — и тут же по разным причинам закрыты.

— Вы действуете, как барсеточники, — шумел Титкин на Гайдара с Чубайсом.

Он апеллировал к президенту. Те тоже жаловались: не понимает сути реформ. Перед Ельциным, уже в который раз вставал выбор. И он снова сделал его: взял да и упразднил Министерство промышленности.

Но я о запасных аэродромах. Которые засветились позже теплыми огнями коммерческих банков, финансовых корпораций, институтов транзитной экономики и т.д. Если гайдаровская братия по-черному грабила собственность министерств во главе с чужаками, то до активов своих ведомств посторонних не подпускали — берегла для раздела между собой. Особенно это касалось курицы, приносившей золотые яички, — Министерства внешнеэкономических связей (МВЭС).

При той политической ситуации Авен вполне мог занять пост вице-премьера, отвечающего за стратегию реформ побнайбритски. И Ельцин утвердил бы его без звука. Но должность «воздушного» вице-премьера (без права направлять финансово-имущественные потоки) хоть и почетна, а дивидендов — никаких. И Авен выбрал для себя тихое, но очень доходное место — главы МВЭС.

Старые друзья порекомендовали Петру Олеговичу присмотреться к Михаилу Ефимовичу Фрадкову, представлявшему Россию при ГАТТ (теперь — Всемирная торговая организация — ВТО). Это потом Фрадков станет чуть-чуть набираться вальяжности на должностях министра и премьера правительства, а в 92-м он выглядел чиновничком тридцать второго разряда. Такие как раз умеют и торговать, и приторговывать. Авен присмотрелся и взял его к себе замом министра. Вместе они начали составлять план приватизации активов МВЭС.

Когда Пятый съезд депутатов дал президенту дополнительные полномочия, Титкин и я предложили Ельцину ввести временно госмонополию на внешнюю торговлю нефтепродук-

тами и зерном. Временно — пока не уляжется пыль хозяйственной неразберихи и не появится институциональная база, способная действовать кнутом и пряником тарифной политики.

Горбачевские реформы загнали половину российской экономики в тень, прекратились экспортные поставки машин, оборудования, наукоемкой и другой промышленной продукции. Коммерсанты гнали за рубеж лишь нефть и зерно, присваивая выручку и оставляя голодной стране только крохи в виде обязательных валютных отчислений.

Еще в 88-м году, до обрушения экономики от горбачевско-рыжковского атомного налета, государственное внешнеторговое объединение «Союзнефтеэкспорт» поставило на мировые рынки 125,8 миллиона тонн нефти и 57,5 миллиона тонн нефтепродуктов, значительно пополнив казну. А на момент нашего разговора с Ельциным в России уже орудовало 150 фирм — экспортеров горючего сырья, которые до предела сбили на него цену в отчаянной борьбе за покупателя. Ни одна нефтедобывающая страна не позволяла себе такой глупости. И вообще все нормальные государства, включая Швецию, Японию, Италию, Норвегию, Германию, Бразилию, Индию и т.д., старались жестко регулировать внешнеэкономическую деятельность в интересах своих народов.

Ельцин на наше с Титкиным предложение пожевал губами, помолчал и перевел разговор на другую тему. Это было на заседании правительства, президент — глава кабинета министров — должен был ставить вопрос на голосование, но он проигнорировал его.

А Гайдар с Авеном приготовили для Ельцина проект указа «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». И Борис Николаевич подписал его 15 ноября 91-го года.

Где он подмахнул документ, не знаю. Но знаю, как он иногда это делал. Приедешь в рабочее время к нему на дачу по какому-то делу, Наина Иосифовна покажет рукой в дальний угол царских угодий, где старица Москвы-реки отгорожена от основного русла земляной дамбой: «Там он!» Спустишься по мощеной дорожке, и вот он Хозяин Земли Русской, восседавший на берегу в походном кресле с двумя удочками. Рядом — подкормка, банки с дождевыми червями и тесто формы теннисного мяча. А в сторонке автофургон с правительственной связью и дремлющей охраной. «Борис Николаевич работает с документами».

— Что-то надо подписать? — спросит нетерпеливо президент, искоса поглядывая на поплавки. Рыбаки не любят, когда

возле них толкутся посторонние люди. Кому надо пропихнуть что-то свое — подписывали.

Указ давал полную волю торговцам нефтью. А шестой его пункт гласил: «Отменить на территории РСФСР все виды обязательных валютных отчислений, а также налоги на экспорт и импорт товаров (работ и услуг), установленные Президентом СССР и органами Союза ССР». Крохотные фирмы-экспортеры росли, как на дрожжах. Ребята в малиновых пиджаках заполонили Европу, предлагая нефть по бросовым ценам.

Я помню круглые глаза Ельцина, когда мы стали подбивать итоги первого квартала 92-го. Еще вчера Россия имела положительное внешнеторговое сальдо — плюс полтора миллиарда долларов, а тут сразу получила минус 2,5 миллиарда. Валютные резервы на нуле — надо срочно бежать в МВФ за кредитами. Все доходы от внешнеэкономической деятельности сократились за квартал в семь раз. Ельцин не горюнился бы из-за таких пустяков. Да вот беда — по стране катился ропот недовольства, а любая угроза личной власти беспокоила его больше всего.

Он стал спускать на Авена собак, а тот вместе с Гайдаром начал вводить институт спецэкспортеров — рассадник коррупции. За взятки чиновникам Петра Олеговича спецэкспортером мог стать даже полотер из клуба филателистов.

Со временем я только укреплялся во мнении, что надо было вводить госмонополию на внешнюю торговлю нефтью, да не на месяцы — на годы. И ужесточать народный контроль за использованием прибылей. Тогда вместо яхт, королевских замков и футбольных клубов наперсточников-абрамовичей были бы у России новые детсады, школы, больницы. А если невтерпеж было шустрякам-абрамовичам торговать — шили бы, к примеру, сапожки для дам, изобретали и производили машины и гнали бы за рубеж, оставляя в стране налоги. Правда, для этого, кроме пещерной жадности, надо еще светлые головы иметь на плечах.

Понятно, что Авен с Гайдаром вредительствовали не от нечего делать. Поспешный указ был нужен для выключения из процесса государственных внешнеэкономических предприятий. Они становились ненужными — можно смело приватизировать их зарубежную собственность. Аудиторы ведомства Авена уже прикидывали, сколько взять со своих чиновничков, чтобы не рассердить их, за тот или иной объект. Зарубежную собственность «Союзнефтеэкспорта» оценивали в две тысячи долларов, хотя она стоила около миллиарда зеленых. Здания и имущество этого объединения находились в Великобритании, Франции, Дании и Финляндии. А еще была собственность

за кордоном у объединений «Новоэкспорт», «Техмашимпорт», «Тяжпромэкспорт», «Продинторг», «Технопромимпорт», «Технопромэкспорт» ...

Вспугнуло охотников за общеевропейскими ценностями рычание Ельцина — его недовольство работой Авена нарастало с каждым месяцем. (Говорили, что служба федеральной безопасности Виктора Баранникова застукала Авена на тесных контактах с агентами израильского «Моссада». Но в таком случае Борис Николаевич должен был шпынять каждого третьего в своем окружении. Он, видимо, не думал, что все покатится к обрыву с такой чудовищной скоростью — эх, чуть помедленнее бы кони несли! И понимал: определяли эту скорость не Авен с Гайдаром — они такие же марионетки, как и сам президент. Диктовали экономическую политику правая рука Ельцина, «комиссар», приставленный к нему Международным валютным фондом, — Джеффри Сакс со своей группой советников. Но Сакс — личность неприкосновенная, и Борис Николаевич оттягивался на Авене, зная о его дружбе с западными засланцами. Из некоторых задушевных бесед с Ельциным я открыл для себя: уральское мужицкое начало в нем противилось близкому соседству с такими людьми, подыгрывать им. Но обязательства перед некоей влиятельной силой вынуждали президента терпеть рядом с собой хамоватую публику, покровительствовать ей и даже прислушиваться к ее рекомендациям. Эта изнуряющая внутренняя борьба и гнала Ельцина на время прочь из Кремля — к удочкам и бутылке.)

Потом Авен откочевал из правительства на запасной аэродром, построенный в стахановском темпе. Но дело ультралиберального костыля Гайдара и разоблачителя тупоголовой сущности русского лузера продолжили Фрадков с новым министром Давыдовым. При приватизации «Союзнефтеэкспорта», переименованного в «Нафта-Москва», получили за необременительную сумму: юридические лица — 79,24 процента и физические лица — 15,76 процента акций. А хозяевам государственной собственности на миллиард долларов досталось: Министерству имущественных отношений — 0,0001 процента, Российскому фонду федерального имущества — 5 процентов акций. Кто эти физические и юридические лица, нам с вами, читатель, открывать не хотят.

Без потерь для карманов активистов Бнай Брита были приватизированы другие внешнеэкономические предприятия. И после всего этого Авен еще сомневался в верности своего бывшего зама Михаила Ефимовича! Зачем друганы «Альфы» из «Кролла» учиняли за Фрадковым слежку в Эстонии — для профилактики, что ли? Или в этой среде все живут по законам кидал?

9

Российские журналисты выдвигают разные версии по поводу капиталов Петра Олеговича и консорциума «Альфа-групп». Одни пишут, что Авену через его старшего брата — преуспевающего израильского бизнесмена дает деньги «Моссад». Другие ссылаются на подпитку от международных финансовых групп, и в частности олигархического сообщества США. Не хочу вместе с газетчиками ударяться в догадки. Пустое. Лишь напомню коллегам: деньги шли и идут не в Россию, а исключительно из России. В мире нет дураков, которые отрывали бы что-то от себя на благо русского населения. Альтруисты на Западе вымерли раньше мамонтов. Только мы, бесштанный народ, умудрились слепить и терпим систему, когда наши богатства достаются кому угодно, кроме отчего дома.

Очень старались «чикагские мальчики» внедрить побольше агентов «на вырост» в государственные органы. Получилось — да и не могло иначе при беспринципной позиции Ельцина. Сегодня людьми Гайдара, Чубайса и Авена заражены, как сифилисом, все сколь-нибудь значимые структуры: администрация президента, правительство, министерские аппараты, Центробанк и даже правоохранительные службы. Эти люди теперь продвигают криминальные интересы своих бывших патронов, окопавшихся в бизнесе (правда, прослушивают телефоны друг друга — не кинули ли при разделе добычи), прикрывают их от уголовных преследований.

Классический пример «групповухи» продемонстрирован был при захвате консорциумом «Альфа-групп» богатейшей Тюменской нефтяной компании (ТНК). Выдвиженец Чубайса из Питера Алик Кох (так его называет сам Толик), будучи уже вице-премьером российского правительства, отвечал за проведение аукциона по ТНК. И так закрутил многоходовую комбинацию, что компания легко досталась Авену с Фридманом (консорциуму «Альфа-групп»), а государство потеряло при этом около миллиарда долларов.

Наша неприметная, как российская пенсия, Счетная палата попросила Генпрокуратуру покарать мошенников. Та волокитила-волокитила, но уголовное дело таки завела. А победители конкурса сунули кукиш в лицо России с ее следственными органами и, объединив тюменские активы с активами англо-американской «Бритиш Петролиум», создали международную компанию «ТНК-ВР».

Попробуй теперь русские дернуться с проверками — получат от ворот поворот. Тюменская собственность-то отныне

принадлежала в основном подданным Ее Величества королевы Великобритании. А за спиной Великобритании — Америка. А у Америки много авианосцев и морских пехотинцев. Да вдобавок — контроль за зарубежными банковскими счетами российского истеблишмента. (Попутно скажу: многострадальная наша Родина как занимала на карте мира большое пространство, так вроде бы и остается в тех же границах. Это так — если смотреть глазами аллилуйщиков власти. Но, по данным экономистов-аналитиков, не состоящих на службе Бнай Брита, уже процентов восемьдесят России не принадлежит ее народу).

Следователи ждали: как отнесется к этой наглой выходке Кремль? И вскоре увидели реакцию по телевизору. В Лондон самолично прибыл президент России Владимир Путин и вместе с премьер-министром Великобритании Тони Блэром присутствовал при оформлении сделки между «Альфой» и BP. Стоял холодный март 2003 года, но атмосфера в зале была такой торжественной и теплой, что слеза наворачивалась от гордости за руководство нашей страны.

На официальных мероприятиях, посвященных «Альфе», засветиться перед телекамерами всегда лезет — грудь навыкат — Михаил Фридман. Авен обычно в стороне — за шторкой, за спинами приглашенных, нетерпеливо поглядывающих на банкетные столики. Поэтому крестным отцом альфовской группировки наблюдатели часто называют Фридмана.

Но даже в России человек из ниоткуда, без связей в Кремле и правительстве, не может рассчитывать на громкий успех. Фридман приехал в Москву голодранцем с Западной Украины — его и в консорциуме за глаза называют «Мойшей с-пид Львива», то есть из-подо Львова. Авен помог ему поднабрать капиталов, усовершенствовал его технику надувательства и пустил впереди себя — всего на полшага вскрывать отмычкой сундуки с госдобром. А сам взял на себя умасливание знакомых сторожей этих сундуков.

Такую примерно тактику использовал Авен с Гайдаром. Всего за полгода до прихода в правительство, работая в моей родной «Правде», Егор Тимурович слова «вхождение в рынок» понимал чуть ли не как поход за закуской на Бутырский базар, что недалеко от редакции, возле Савеловского вокзала. Но под воздействием Джеффри Сакса и натасканного в спецшколах Авена стал ультрарадикалом.

Авен знает, что на передних рубежах, в первых окопах бойцы, как правило, не выживают. Поэтому и не хотел, чтобы за реформами 90-х закрепилось его имя. Пусть в обществе устоится понятие: «реформы Гайдара». И пусть в «Альфа-групп» на царском троне восседает тоже кто-то другой.

Ненависти в людях всегда больше к тем, кто на слуху, кто мелькает на телеэкранах. А удовольствие от популярности — ничто по сравнению с удовольствием от нового миллиона в кармане, добытого в тишине, за спиной лидера. (Ельцин своим мужицким чутьем, видимо, унюхал это нутро Авена и в отместку за необходимость сидеть за одним с ним столом выливал на него раздражение. Хотя Борис Николаевич и хвастался перед нами, что начал читать Пушкина, но, видимо, еще не добрался до его строк: «Что слава? — яркая заплата на ветхом рубище певца».)

Распихивая толпу других прихваткапиталистов, Авен с Фридманом при помощи своих лоббистов при власти прибирают к рукам энергоресурсы России. Сейчас львиная доля прибылей «Альфа-групп» — от нефти. А что вкладывает консорциум в модернизацию и развитие этого сектора экономики? Наивный вопрос — не для этого работали ребята до устали локтями. Обычным делом стали аварии на изношенных технологических трубопроводах объектов «Альфа-групп». Данные космических съемок Саматлорского и других месторождений говорят о настоящей экологической катастрофе — вокруг заболоченная нефтяная топь. Полагалось бы срочно лишить браконьеров лицензий — да за решетку. А кому это делать, если все в доле.

Под залог собственности России консорциум брал большие кредиты за рубежом. Якобы для модернизации нефтяного сектора в Сибири. Только Сибирь — это не цветник, который надо поливать инвестициями. Обойдется. Сибирь — это бассейн с жидким золотом. И вычерпать его надо быстрее, не теряя времени на пустяки вроде технического обновления производства.

Поэтому «Альфа-групп» и решила вложить миллиардные суммы в акции нефтеперерабатывающих заводов в четырех городах Германии — Ингольштадте, Карлсруэ, Шведте и Гельзенкирхене. По гордости советской эпохи — трубопроводу «Дружба» консорциум готов прокачивать на немецкие заводы по 12 миллионов тонн российской нефти ежегодно. (Из-за нехватки перерабатывающих мощностей в нашей стране некоторые регионы уже покупают горючее за рубежом. А чем будем заправлять военную технику, если наступит час Икс? Станем просить: «Дайте нам немножко керосина, а то нечем сбивать ваши бомбардировщики»?) Переговоры, по-моему, еще продолжаются.

Активы подразделений «Альфа-групп», как известно, аккуратно рассованы по офшорам. Если сделка с покупкой немец-

ких заводов удастся, не видать России доходов и оттуда. А вот с заложенной собственностью нашу страну ждет очередное обострение геморроя. Не для того ребята делают заячьи петли, чтобы долги возвращать. Вернет их щедрая Россия или рассчитается с иностранцами заложенной собственностью. А должники в один прекрасный момент, не исключаю, слиняют на постоянное место жительства куда-нибудь в Вену или в тень Французской Ривьеры.

Эти ребята всеядны и прожорливы, как тигровые акулы. Они примечают наиболее ликвидные предприятия и начинают преследовать их, подобно акулам, расчетливо и неустанно. Через своих людей в государственных и финансовых органах. Вот работал прекрасно Камский ЦБК (сто процентов акций было у государства) — газетная бумага и целлюлоза на мировом рынке товар ходовой. И вдруг на предприятие посыпались неприятности — с блокированием счетов, с отгрузкой продукции, с таможенными препятствиями. Тут как тут чиновники Федеральной службы России по финансовому оздоровлению, которые инициировали процедуру банкротства комбината.

И вот Камский ЦБК — у ног «Альфа-групп». А незадолго до этого консорциум приобрел крупнейший в России Балахнинский бумкомбинат с новым оборудованием. Придет время — ликвидные предприятия можно будет выгодно продать иностранцам, переведя деньги в офшоры. В России с нынешней властью сделать это — пара пустяков.

Попался корпорации на пути торговый бизнес — проглотила. Попался страховой — проглотила. Попался аэропорт «Шереметьево» — проглотила.

Представляю, с каким интересом смотрели австралийские рыбаки на автомобильный номерной знак, выпавший из вспоротого брюха тигровой акулы. Так вот с еще большим изумлением встретили старатели артели «Амур» из Хабаровского края известие, что их начала заглатывать «Альфа-групп». Артель добывает в год до десяти тонн золота и платины — ее и решил взять под свое управление консорциум. Он любит управлять тем, что никогда не создавал, но что дает хорошие прибыли. То есть распоряжаться этими прибылями. Пока с «Амуром» не получилось. Нет в мире таких преград, которые не преодолели бы необольшевички.

Я утомил вас, читатель, балладой о находчивом генерал-провиантмейстере прихваткапитализма? Мне и самому не доставляет удовольствия отвлекаться от событий 92-го и делать такое длинное отступление ради одной, не очень симпа-

тичной фигуры. Тем более что принцип: «После нас хоть потоп» исповедует не только Авен. Эти люди хозяева сегодняшней России. Они воспользовались временным нежеланием русского народа «браться за топоры», обогатились за счет русского народа, а теперь презирают русский народ и боятся его.

Вон какие частоколы охраны вокруг каждого шпендика-толстосума! Или вон какие дрессированные у них депутаты, постоянно дивившие нас людоедскими законами! И, как ватой, обложили себя хозяева собственными газетами, журналами, радиостанциями, телекомпаниями — купаются в елее панегириков в свою честь. А на тех, кто пока еще не окучен их деньгами и пытается в печати приоткрыть хотя бы уголок правды, они спускают с цепи своры юристов — терроризировать смельчаков в судах и прокуратурах.

У кого нет достоинства и чести, всегда стараются показать, будто и эти дефицитные ценности у них наличествуют.

Иногда я представляю, как «рядовой» олигарх или мэр-олигарх, или олигарх-губернатор после какой-нибудь недоброжелательной публикации приглашает на чашку чая судью и говорит: «Бесхозные газетные шавки осмелились поднять на меня руку. Вот миллион баксов — защити мои честь и достоинство». «Что вы, — отвечает судья, — ваши честь и достоинство стоят гораздо дороже». «Торговаться не будем, — соглашается олигарх, — вот еще миллион, но покарай наглецов построже». Взывать к благоразумию таких людей — пустое занятие. Авена тоже уже не изменишь. И выделять его среди остальных должников России, казалось бы, не следовало.

Но я выделяю. Потому что есть люди с обычным восприятием их в обществе, пусть они даже самые состоятельные. А есть люди-признаки.

Так вот, Петр Олегович Авен — человек-признак. Человек-показатель. Человек-примета. Человек-сигнал. По его местоположению, по его наличию где-то можно судить о процессах на этом политическом участке, невидимых простым глазом. В том числе и о процессах в кремлевской власти.

Так рыхлая выпуклость неброской на вид серой плесени, появившаяся на нижнем, опорном венце деревянного дома, — это признак, это сигнал, знак беды. Нормальному хозяину становится ясно: дом надо спасать — изнутри его съедает грибок. В российской политике опорный венец — президент.

Человек-признак в последние годы стал завсегдатаем самых высоких кремлевских кабинетов.

Когда Владимир Путин воцарился в Кремле, мои знакомые, и я в том числе, стали прикидывать по разным признакам существо его будущей политики. Смачный плевок нового президента в Конституцию первым указом о гарантиях Ельцину с домочадцами можно было списать на необходимость платить Семье по счетам за статус наследника.

Многие последующие шаги, шокировавшие Россию, по разным признакам тоже объясняли заложничеством Путина. Тем, что прочными оказались крючки, на которые его подвесила Семья. Вот утвердится человек с приличной новой командой и, может быть, развернет паруса в нужном направлении.

Не мог же Ельцин обязывать своего назначенца садиться на одном гектаре с людьми, которые окончательно скомпрометировали себя в глазах общества и от которых тошнило самого Бориса Николаевича, не очень-то, кстати, брезгливого. И если Владимир Владимирович привечает таких людей, демонстративно засвечивается с ними на телеэкранах, значит это его личный выбор.

Никто не вправе указывать президенту, как и главе правительства, с кем водить дружбу, кому дарить из своего кармана, — это его дело. Но если он продавливает интересы кого-то именем государства и благодетельствует ему за счет государства — это дело уже не столько его, сколько наше. И мы свободны в возможности все примечать и приходить к своим заключениям.

Во время обострения кризиса 2008—2009 годов, уже будучи главой правительства, Путин способствовал в выделении «Альфа-банку» государственной помощи: сначала в размере 10,2 миллиарда, затем — 29,1 миллиарда рублей. Помощь оформили через субординированный кредит Внешэкономбанка под небольшой процент, со сроком погашения в 2020 году. По условиям сделок, кредитор не имеет права влезать в менеджмент заемщика и востребовать деньги досрочно — они приращиваются к собственному капиталу банка.

Это значит, что совокупный капитал частного банка Авена вырос неимоверно. И еще это значит, что, почуяв запахи социальной гари, Петр Олегович продаст свою подорожавшую почти на 40 миллиардов игрушку за очень хорошие деньги (в других, приятных его душе государствах запасные прибежища капиталам, возможно, уже приготовлены).

А как же тогда с возвратом занятых у России финансов? На то он и субординированный кредит, что оставляет много лазеек для обмана страны. А если со временем еще реорганизовать Внешэкономбанк, так вообще следов не найдешь.

Примечательны два высказывания по поводу господдержки поношенных штанов Петра Авена. Один из его подчиненных предупредил: «Улучшать кредитование экономики с помощью этих денег руководство банка не обещает». Тут все понятно — а разве кто-то надеялся? Отпали вопросы и после заявления главы Минэкономразвития Набиуллиной: деньги Авену выданы из средств Фонда национального благосостояния. У нас народ, особенно старшее поколение, тонет в богатстве, и надо принимать срочные меры, чтобы не полилось через край. Тут тоже полная ясность.

Во время очередной своей увеселительной поездки по матушке Руси — был опять-таки разгар кризиса — Путин заглянул в Новосибирск. Город напичкан «оборонкой» и другими предприятиями, важными в стратегическом отношении. У всех кучи проблем. Обычно глава правительства выбирает для посещения что-то знаковое. И Путин выбрал. С полчищем телеоператоров он посетил региональное отделение «Альфа-банка». Весь день телеканалы показывали, где Путин с Авеном рассуждали о перспективах бизнеса олигарха.

В незабываемую эпоху президентства Владимира Владимировича Петр Олегович маячил рядом с ним постоянно. Авен с Путиным в Америке. Авен с Путиным в Нидерландах. Авен с Путиным в Турции. Авен с Путиным во Вьетнаме. И это — обязательно в теленовостях, на показ.

На показ, не стесняясь нашей и зарубежной общественности, открыто лоббировал президент России интересы Петра Авена. Во время официального визита 2005 года в Турцию Путин уминал ее премьер-министра Эрдогана, чтобы тот дал политические гарантии частной компании Авена, которая решила инвестировать в экономику этой страны более трех миллиардов долларов. Умял — «Альфа-групп» вложила в развитие отрасли связи соседнего государства 3,2 миллиарда долларов.

Телекоммуникационный бизнес рентабельнее нефтяного и газового. Кроме того, он дает возможность владеть и распоряжаться информацией в глобальных масштабах. Акулы капитализма дерутся из-за него — всем хочется получать большие прибыли и владеть миром. А для «Альфы-групп» это еще и санкционированный Кремлем вывоз за рубеж солидных капиталов.

На открытых международных аукционах — во время суматошных торгов — конкуренты предлагают высокие цены хозяевам товара. А Петру Авену со товарищи хотелось покупать золотоносных куриц подешевле. Вот и приходилось напрягать постоянно президента Владимира Владимировича. И он был вынужден вкалывать, как раб на галерах.

В поездке по Вьетнаму в 2006 году Путин при встрече с президентом Нгуен Минь Чистом убеждал его, насколько прохладнее будет светить солнце над их жаркой страной, если на ее телекоммуникационный и банковский рынки придет с инвестициями Авен. С большими инвестициями. Надо только чтобы для «Альфы-групп» был создан благоприятный режим. В Ханое открыли представительство консорциума — экспансия в Юго-Восточную Азию началась.

Вскоре после этого в Москву с визитом прибыл президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно. Кремлевская администрация устроила ему встречу с Авеном. Гость, безусловно, знал, что путинский протеже рассовывает капиталы по удобным щелям на планете. Петр Олегович выразил готовность инвестировать в рынок телекоммуникаций Индонезии около двух миллиардов долларов. Юдойоно «приветствовал эту инициативу». Но политической поддержки, судя по всему, не пообещал. И молча уехал.

Стало ясно, что в дальний путь на переговоры с Юдойоно надо собираться Владимиру Путину. Тяжела же ты доля раба на галерах. И этот визит российской публике тоже представят как исторический. Соотечественники уже свыклись с бесполезностью для государства зарубежных вояжей своих вождей. И даже вывели закономерность: чем больше поездок Путина, тем меньше у России остается друзей. Но это не помешает очередному великодержавному толкованию в СМИ, по сути, частной поездки. Придворные тележурналисты, сглатывая слюну, будут передавать по центральным каналам, какие блюда выставляли перед российским президентом учтивые хозяева: козленок под клюквенным соусом, трюфели, томленные в сухом вине наполеоновского разлива, и лобстеры с гарниром из ласт морских черепах. Надо же заполнять чем-то пустоту кремлевской политики.

Путин полетел через океан — с ним, естественно, Авен. В Индонезии Петр Олегович застолбил для себя 41 процент акций сотового оператора Indosat и подписал соглашение о внедрении «Альфа-банка» в эту страну. Какими дипломатическими тонкостями удалось Путину уговорить коллегу Юдайоно поспособствовать бизнесу Авена? Стенограмма беседы — тайна протокола. Да и без нее все понятно: Индонезия получила от России из рук Путина 15-летний кредит в один миллиард долларов.

По окончании визита гостя из холодной страны Юдойоно заявил, что этот выгодный миллиардный кредит Индонезия потратит на модернизацию своих вооруженных сил — су-

хопутных, морских и воздушных. И приобретать военный товар она собирается у нашего государства. Азиаты завидовали: Российская армия, руководимая Путиным, наверно, сильна настолько, что самой ей уже не нужны деньги на переоснащение.

Трудно найти другую страну, где президент тащил бы не в дом, а из дома. Уникальность наша и в этом. Уж как благополучно сегодня с экономикой в Индии, а и то ее руководство дрожит над каждым рупием, старается выдавить из зарубежных партнеров побольше уступок. Со всеми рассчитывается Индия за кредиты, должна она, причем давно, и России — больше двух с половиной миллиардов долларов. Почему не отдает? А с нами можно пободаться — ни профессионализма у финансистов, ни желания у политиков в отстаивании интересов своего государства. Дилетантство и продажность российских чиновников стали уже притчей во языцех во всем мире.

Президент Путин прилетел в Дели и согласился на вариант: «долг в обмен на инвестиции». Что это означало? Формально индусы деньги нам вроде бы отдавали, но они должны инвестироваться в совместные предприятия на их территории. И Россия не может вывозить капиталы в течение 15 лет. Условия издевательские, но индусы знали, с кем дело имели. Наши олигархи уже приготовились поуправлять государственными средствами вдали от родной земли. Кремль подобрал для них выгодные объекты, среди которых, конечно же, любимый конек Петра Авена — телекоммуникационный сектор.

Зарубежные журналисты обычно лучше, чем мы, осведомлены о закулисных событиях и смотрят на кремлевских небожителей не снизу вверх, а со стороны. Поэтому характеризуют их намного точнее. Во время визита в Индию нашего президента политический обозреватель газеты «Хиндустан Таймс» Авирок Сен писал с издевкой: «Путин — тот человек, с которым можно делать бизнес. Он выложил на стол переговоров два очень существенных факта. Первое — Россия обладает 50 процентами запасов всех мировых ресурсов. И второе — что он там хозяин».

А какие могут быть сомнения у россиян по поводу действий хозяина? Хозяин — барин. Вот наградил президент Путин Авена указом № 416 орденом Почета — «за достигнутые трудовые успехи». И не возразишь. Даже из того, что я успел рассказать, действительно видно, как упорно трудился Петр Олегович. Наблюдательный глаз мог заметить: невдалеке от него постоянно клубился табачный дым. Это нервно курил за углом папироску за папироской Остап Бендер — от зависти.

Наверное, не у меня одного возникает вопрос: что бы это все значило? Как может оглядчивый бывший гэбист с такой неосторожностью таскать по миру, словно в люльке, человека, кого из-за агрессивного его поведения сторонится даже бизнес-сообщество? В чем-чем, а в безрассудстве Владимира Владимировича не укоришь. И в альтруизме — тоже.

Может быть, дело в самом Авене как человеке-признаке? Вот используют приборы опознавания принадлежности самолетов «свой-чужой». Метод старый, испытанный. Уйдет с дежурной командной точки в небо сигнал, и электронный ответчик на самолете отражает его: «Я свой — я свой!»

Антиглобалистские настроения в мире все чаще поднимают наверх лидеров, неугодных Америке и Бнай Бриту. Ревностно следят установители власти Всепланетной Олигархии за состоянием ума и духа на высоких орбитах политики. Чуть что — сразу бархатная или какая-нибудь оранжевая революция. Словом, если засомневаются в том, что ты «свой», — собьют.

Они подозревают в отступничестве каждого. В российских престолонаследников хотели бы верить даже больше, чем в Ельцина. Возможно, Путин знает это лучше других и держит при себе, помимо всего прочего, и Авена-признака в качестве прибора опознавания своей позиции. Разве в большой политике приемлемы словесные откровения: «Я свой! Не берите в голову мои воинственные речи — лучше посмотрите на результаты наших реформ в Российской армии?» Нет, конечно.

В международной политике принято общаться при помощи особых сигналов. Навряд ли найдешь сигнал-ответчик надежнее, чем процветание «их парня» Авена. На его примере «там» видят: успехи Ельцина в обескровливании России и развитии прихваткапитализма не только закрепляются, но и приумножаются.

Это одна версия. Другая — более приземленная.

10

Даже со стороны видно, что в Путине-политике изнывает без дела коммерсант. На многие большие государственные и межгосударственные проблемы он смотрит через узкую щелочку бизнеса. Отсюда — отношение к России на постсоветском пространстве как к крохоборке. Отсюда — и громадные общие потери в ее экономике ради кратковременных сверхприбылей в каком-то одном секторе.

Ничего не поделаешь, такая петербургская школа была за плечами Владимира Владимировича: обменивать что-то на что-то, искать выгоду в мелких сделках, распоряжаться лицен-

зиями на торговые операции. Эдакой вот рутиной приходилось заниматься председателю комитета мэрии по внешним связям — а Путин, как известно, проработал на этой должности пять лет.

В советские времена самыми уважаемыми чиновниками были те, что «сидели на фондах». Мелкие клерки в истертых сатиновых нарукавниках и дряхлых очечках, с соплей на кончике носа, а заискивали перед ними сильнее, чем перед генералами, — они распоряжались раздачей государственных фондов на поставки сырья, оборудования, материалов. Тогда еще не знали понятия «откат» — чиновников благодарили по мелочам: кто рыбой с севера, кто виноградом с юга.

А в ельцинскую эпоху «фондовиков» заменили служащие ведомств по внешнеэкономическим связям. Туда устремились гэбисты-международники — парни холеные, нахрапистые. Они выдавали лицензии на вывоз ценного товара за рубеж и регистрировали совместные российско-иностранные компании. В обиход сразу вошли слова: «лицензия за проценты от прибыли» или «регистрация международной фирмы за включение в число ее совладельцев моих людей». Было множество и других условий — чиновничья голь начальной стадии капитализма стала на выдумки хитра.

Окно в Европу — Петербург тянул к себе искателей богатств, подобно Клондайку, отовсюду. Свои услуги наперебой предлагали фирмы-призраки, оформленные в офшорах. В коммерцию ударилась вся чиновничья шушера — быстрее насытиться, будто только что прорвали кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Любопытные журналисты (пока встречаются такие!) все еще ищут тот золотой сосуд, откуда Путин черпал интеллектуальные сливки российского общества, — свою нынешнюю команду. Даже мышь оставляет следы на снегу. И документы, если они связаны с международными сделками, тоже хранят отпечатки. Их не сотрешь — документы продублированы за рубежом.

Эти следы вывели некоторых терпеливых искателей к цели. Вот что рассказали, например, авторы журнала The New Times (20.10.2008 г.): «Возглавляемый Владимиром Путиным комитет зарегистрировал около 9 тысяч совместных компаний. Среди совладельцев или топ-менеджеров этих компаний можно было найти весьма известных сегодня людей, как-то: Дмитрий Медведев, Виктор Иванов, Борис Грызлов, Сергей Миронов, Дмитрий Козак, Владимир Кожин с супругой, супруга Николая Патрушева, Геннадий Тимченко, Владимир Якунин, братья Андрей и Сергей Фурсенко, Леонид Рейман...»

Читателям не надо представлять этих людей — они все на слуху сегодня. Другие источники приплюсовывают к этому списку остальных нынешних коллег Путина по власти и бизнесу.

На беду питерских чиновников и совладельцев совместных компаний там было в ту пору ершистое управление по борьбе с экономической преступностью (УБЭП), которое никак не хотело вставать перед командой Анатолия Собчака по стойке «смирно». УБОПовцы изматывали своей активностью новоявленных капиталистов.

Вот утрясли владельцы питерско-офшорной фирмы с путинским комитетом сделку о вывозе в Голландию партии дешевого металла. И теплоход «Балтийский-29» уже отвалил от причала в сторону Амстердама. А оперативники УБОПа тут как тут: задержали судно — в его трюмах обнаружили более тысячи тонн ценнейшего никеля. Нет, это была не контрабанда: имелась лицензия комитета на никель, только цена за него определялась примерно как за чугун.

Ясно, куда бы пошел навар от продажи товара. Вооруженный отряд фирмы попытался оказать сопротивление. Но УБОП заставил выгрузить никель и реализовать его на открытом аукционе — бюджет города получил 24,7 миллиарда рублей.

И так — скандал за скандалом. У сотрудников питерского УБОПа уже не доставало сил сопротивляться наседающей коррупции — попросили помощи у Москвы. Появилось совместное распоряжение главы ФСБ, министра внутренних дел и генпрокурора России «О создании межведомственной оперативно-следственной группы для расследования фактов получения взяток должностными лицами мэрии Санкт-Петербурга». Чиновники с берегов Невы тут же стали жаловаться мировому сообществу, что в страну возвращается Сталин, поскольку затевается новое «ленинградское дело».

И какие деньги еще не успели припрятать — начали спешно переводить за рубеж. В офшоры, в офшоры! Там путем разных манипуляций замаскировывали капиталы в банках так, что не разберешь, чьи они. (Бригада московских следователей завела на чиновников северной столицы уголовное дело № 18/238278-95, но с середины 96-го года Ельциным стал управлять представитель питерского клана Чубайс с олигархами — разбирательство остановили. Перед операцией «Наследник», как мне говорили, группа руководящих работников МВД прочистила в Питере уголовные дела, чтобы не осталось компромата на будущего Владыку России и его близких.)

В «Альфа-банке», как и во всем консорциуме, очень запутанная, специально усложненная система управления. Кто чем владеет — узнать можно лишь прошерстив горы документов в разных странах. Система выстроена по канонам тайного общества: выставлять для преследователей и проверяющих ложные цели, припрятывать капиталы в глухих углах, подальше от мировых финансовых центров. Не зря же Авен внедряется со своим банковским бизнесом в самый что ни на есть бурелом, в джунгли планеты — Юго-Восточную Азию.

Это умение Авена просчитывать и строить многоходовые комбинации, работать без шума и пыли, возможно, и привлекло к нему внимание Путина-президента. Кремль открывал широчайшие возможности для бизнеса. В партнеры нужны были дельцы международных масштабов, генераторы идей, способные в критических ситуациях на самостоятельные решения. Но в то же время — не способные «кинуть».

Питерские сподвижники? Они надежны по-заговорщически — с кем-то из них надо идти дальше. Но в основном это интеллектуальные иждивенцы с местечковыми замашками, привыкшие получать импульсы к своим поступкам от лидера.

В Путине не заживала душевная рана от двух ощутимых, как клинком шпаги, уколов судьбы. Первый удар он получил зимой 95-го года, когда возглавлял избирательную кампанию партии «Наш дом — Россия» в Госдуму РФ. Выборы в Питере партия проиграла по-крупному. В штабе грешили: наверно, переборщили с портретами Черномырдина, заполонившими город. Но эксперты считали, что дело не в этом. Люди своим голосованием высказали презрение к тем, с кем ассоциировалась в Питере партия «Наш дом — Россия», — Путину с его командой и их гэбистским агрессивным методам ведения политической кампании.

Второй удар Владимиру Владимировичу нанесло поражение Собчака в 96-м на выборах мэра Санкт-Петербурга. Вместе с нынешним министром финансов России Кудриным возглавлял избирательную кампанию шефа Путин. Все для победы было от пуза — административные, информационные, денежные ресурсы. Не было прежнего электората.

Собчак — что? Он сибарит, не опускался до повседневной мэрской работы — перепоручал ее своим замам и помам. А сам в роли златоуста присутствовал на открытиях и закрытиях. Но электорату надоели слова, он хотел полезного дела.

Его и не было, по большому счету: только замы и помы набивали свои утробы, чавкая на весь город. И горожан мутило от этого чавканья. Смени Собчак команду, питерцы, наверное,

и согласились бы потерпеть его как яркую личность еще один срок. Но он опять взял в лоцманы Путина, а тот вновь собрал свою команду. Избиратели отторгли их всех. (Некомпетентность окружения вынудила Собчака в 93-м взять себе в замы Владимира Яковлева — знатока гороского хозяйства. Тот поработал, осмотрелся и публично дистанцировался от команды Анатолия Александровича. Этого ему оказалось достаточно, чтобы опрокинуть на выборах Собчака вместе с его клевретами.)

После двух этих крупных проигрышей подряд Путин, видимо, сделал для себя вывод, что ему не суждено побеждать на демократическом поле — в открытой, конкурентной борьбе. В честной борьбе. Страна-то богата на достойных бойцов с патриотическими взглядами. На посту президента России под демагогию об укреплении государства он начал зачищать, выжигать политическое пространство. И убирать как раз то, что давало силу государству. Все к ногтю — независимые парламент, партии, профсоюзы, средства массовой информации. Все яркое, незаурядное — на обочину, будто по предсказанию Евгения Евтушенко:

Как в лотке для промыва,
серость души отсеивает.
Самородки — с обрыва!
Наше золото — серость!
И в стране, как товары,
потерявшие ценность,
Свозят в склады таланты.
Спрос на серость, на серость!
Оглянись, населенье,
как вольготно расселась
И врастает в сиденья
креслозадая серость!

Вся политика — под ковер: ни референдумов, ни выборов по мажоритарной системе, ни дискуссий. Над Россией должен повиснуть страх. А в атмосфере страха и полного отсутствия общественного контроля за Кремлем безопасно делать бизнес в масштабах более значительных, чем питерский.

Авен в качестве партнера подходил, как предполагаю, по всем параметрам: хитрован, не любит засвечиваться и фигура-признак для Всепланетной Олигархии. Если они действительно слили свои бизнесы в один флакон, тротиловый эквивалент этой разрушительной смеси весьма значительный.

По косвенным данным можно только подозревать, где и какие активы сокрыты за рубежом у высших чиновников России. Точную информацию узнать становится с каждым годом труднее. Из «Кролла» и других сыскных контор Бнай Брита клещами не вытянешь данные — своих там не выдают. А российских агентов, «кротов» в спецслужбах США и Великобритании, можно сказать, не осталось. Выводили «кротов» всеми методами.

Как-то совпало, что горели наши агенты за рубежом, когда Службу внешней разведки России возглавлял Евгений Максимович Примаков. Теперь в этой службе верховодит Михаил Ефимович Фрадков, бывший зам Авена и председатель правительства при Путине-президенте. К нему обращаться некорректно — нельзя сеять недоверие между начальниками и подчиненными.

(Попутно замечу: не случайно чиновничье ворье России со злобой поминает догорбачевские времена. И врет молодежи, будто это была беспросветная эпоха. Да, ворью приходилось туговато. Невозможно было кому-то тайно припрятать за рубежом капиталы — внешняя разведка СССР повсюду имела глаза и уши. Ее агенты могли застукать, доложить, и владелец украденных капиталов отправлялся добывать золотишко на Колыму. Как видно из архивных документов, на нашу страну за определенное вознаграждение работали банкиры, журналисты, влиятельные сенаторы США, члены палаты лордов Великобритании, даже главы правительств некоторых европейских и азиатских государств.

Скажем, эффективными были незначительные инвестиции в президента соседней Финляндии Урхо Калева Кекконена. Он не повел свою страну вместе с Норвегией за Соединенными Штатами, повернул ее лицом к СССР. И выступил с антиамериканской инициативой превращения Северной Европы (Скандинавии) в безатомную зону мира.

И на Индию зубры из ЦРУ потратили уйму времени, средств, но так и не смогли положить эту страну к ногам Соединенных Штатов. Наши разведчики переиграли их. И вот уже премьер-министр великой страны на коротком поводке у советской спецслужбы.

Процитирую выписки из трех коротких документов:

1. «Совершенно секретно. Особой важности, Особая папка. № П158/49-ОП Выписка из протокола № 158 заседания Политбюро ЦК КПСС от 22 ноября 1974 года. Вопрос Комитета государственной безопасности...

Одобрить проект распоряжения Совета Министров СССР по данному вопросу (прилагается):

Правлению Госбанка СССР выделить Комитету государственной безопасности... 55 млн. индийских рупий (5 192 000 инвалютных рублей) на проведение спецмероприятий за счет резервного фонда Совета Министров СССР.

Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин».

2. «Особой важности. ЦК КПСС. Об оказании финансовой помощи И.Ганди. 3 января 1975 года.

В конце декабря 1974 года премьер-министр Индии И.Ганди через доверенное лицо (фамилию опускаю. — *Авт.*) просила передать советским руководителям свою искреннюю благодарность за готовность оказать ей финансовую помощь...

...Независимо от сроков внеочередных выборов И.Ганди просит передать ей по возможности до конца января 1975 года 10 млн. индийских рупий для проведения некоторых закрытых подготовительных мероприятий к выборам.

Комитет госбезопасности планирует передать И.Ганди в конце января 1975 года указанную сумму. Остальные суммы из выделенных ей (55 млн. индийских рупий. — *Авт.*) средств (решение № 158/уд-ОП от 22 ноября 1974 года) будут передаваться в соответствии с просьбами И.Ганди.

Председатель КГБ Андропов».

3. Решение Политбюро ЦК КПСС: «Согласиться».

В лице Индиры Ганди Советский Союз имел надежного друга, а Индия отстаивала в регионе стратегические интересы нашей страны. Грош цена такой дружбе, скажет брезгливый читатель, которая основана на взятках. Но мир — это грязный рынок, где лидеры государств — дефицитный товар: не купишь ты, оторвут с руками твои конкуренты. А тебе придется платить в стократных размерах. Примеры рядом — Украина, Грузия, Молдова, страны Прибалтики, Азербайджан и т.д.

Либерализация ответственности в нашей стране обрушила моральный и профессиональный уровень кадров во всех сферах. В том числе и во внешней разведке. Все занимаются личным бизнесом. В мире это видят, делают свои выводы. И когда президент берет с собой в поездки по Индии или другим государствам ватагу из авенов, дерипасок, абрамовичей, миллеров, чубайсов, шохиных, то хозяева воспринимают их как стадо голодных хищников, чьи интересы очень далеки от интересов страны, которую они вроде бы представляют. И принимают их соответственно).

Существует, впрочем, и третья версия подоплеки союза Путина с Авеном: Владимир Владимирович платит долги Петру Олеговичу за 92-й год. Эта версия самая распространенная. Но я не думаю, что за одну, даже очень большую услугу такой несентиментальный человек, как Путин, будет расплачиваться почти два десятилетия. Да и Авен, не исключаю, успел вернуть свои затраты на поддержку питерского чиновника тогда же, в 92-м.

История достаточно известная и тривиальная. Коснусь ее вскользь, поясняя некоторые детали.

Комитет питерской мэрии, возглавляемый Путиным, с осени 91-го самовольно выдавал лицензии фирмам-посредникам на вывоз за рубеж нефтепродуктов, металла, цемента, лесоматериалов. Причем государство и город от этого почти ничего не имели. В Москве тогда шла драка за дележ полномочий между союзными и республиканскими структурами управления, и жучки-чиновники некоторых регионов торопились использовать момент межвластья в своих целях. За кордон тащили все, что под руку попадет.

В декабре, сразу же после Беловежского соглашения, мы в спешном порядке приняли под председательством Ельцина постановление российского правительства, где категорически запретили регионалам партизанить, а право выдачи экспортных лицензий предоставили только республиканскому комитету внешнеэкономических связей (руководил им Авен, вскоре комитет преобразовали в министерство). Поскольку в Питере стало туго с продуктами питания, мы выделили ему квоты на ресурсы общей стоимостью около миллиарда долларов: для бартерных сделок с зарубежными партнерами — сырье в обмен на продукты.

Авену поручили заняться этими операциями и проследить, чтобы деньги не прилипли к рукам мошенников. За выделенные ресурсы можно было обеспечить город всем необходимым.

Но обстановка там с каждой неделей становилась все хуже — с прилавков исчезли последние продукты, даже табак. Начались бунты. Петросовет был вынужден ввести в городе карточную систему.

Он же озадачился вопросом: а куда подевались выделенные российским правительством для спасения Санкт-Петербурга ресурсы — 150 тысяч тонн нефтепродуктов, 750 тысяч кубометров пиломатериалов, 30 тысяч тонн цветного металла, тысячи тонн особо чистого алюминия (марки А-5), тантала, ниобия, церия, циркония, скандия, иттрия, гадолиния, а также остальных редкоземельных металлов и многое другое?

Для расследования обстоятельств была создана горсоветом рабочая группа под руководством депутата Петросовета и народного депутата России Марины Салье, которая обвиняла Путина и его комитет по внешним связям (там работали тогда будущий президент Дмитрий Анатольевич Медведев, будущий глава «Газпрома» Алексей Борисович Миллер, будущий Председатель правительства РФ Виктор Алексеевич Зубков) в мошенничестве и рекомендовала Собчаку уволить Владимира Владимировича с «волчьим билетом» (отчет рабочей группы висит на сайтах Интернета — не буду вдаваться в подробности).

Надо сделать скидки на противостояние между мэрией и Петросоветом и на то, что депутаты жаждали крови всех заевшихся чиновников из окружения Собчака. Но я хорошо знал доктора геолого-минералогических наук Марину Евгеньевну Салье — участницу сложных экспедиций в Среднюю Азию, Якутию, Северное Прибайкалье и Дальний Восток. Она не занималась интригами, но как блокадница видела, что в Ленинград возвращаются блокадные нормы.

Салье привыкла в геологических экспедициях копать глубоко и раскопала со своей депутатской группой, что путинский комитет, во-первых, присвоил полномочия правительства РФ по выдаче экспортных лицензий, а, во-вторых, преднамеренно составлял со «своими» фирмами такие нелепые контракты, что юридически они были ничтожными. Ничего нельзя было вернуть даже через суд. Сырье уходило, а деньги за него оседали на чьих-то счетах за рубежом. Не могли юрист Путин с юристом Медведевым делать это по недомыслию.

Ее, видавшую виды женщину, уважаемую в Санкт-Петербурге, поразило хамство молодого гэбиста Путина — он выкручивался, не хотел показывать депутатской группе требуемые документы и ссылался на какую-то коммерческую тайну. Словно контролеры посягали на его личный бизнес. (Позже Владимир Владимирович возведет эти приемы в государственную политику.)

И еще ее удивила позиция Петра Авена, к которому она обратилась. Он не только отказался направлять представление в Генпрокуратуру и не стал опротестовывать лицензии, выданные питерской группировкой Путина, но, спасая этого человека от уголовного преследования, распоряжением № 172 наделил его компетенцией правительства РФ. Хотя не имел на это никакого права и сам должен был попасть под статью. Он активно прикрывал Путина (цену вопроса рабочая группа рассмотреть не успела), а Гайдар, к кому обращалась Салье, всячески прикрывал Авена.

Как же так получилось, что благополучный Ленинград, западная витрина нашей страны, вдруг оказался на грани голода? Питерцы стали ездить отовариваться в Псков, Новгород, Тверь, хотя прежде автобусы с мешочниками в город на Неве устремлялись оттуда. Обрушение порядка, сложившегося десятилетиями, происходило стремительно.

11

В очередной раз приходится соглашаться с Вождем народов: кадры решают все. Если во главе городов, регионов или страны восседают гоголевские Поприщины, то при любом общественно-политическом строе от них у народа будет лишь головная боль.

Главным кадром в тогдашнем Санкт-Петербурге был Анатолий Александрович Собчак. Со стороны он казался этаким несгибаемым Робеспьером, но в действительности был уговариваемым, податливым человеком. В этом я убеждался не раз.

В апреле 89-го только что созданная московская группа народных депутатов СССР направила несколько своих представителей в поездки по регионам страны. Мне достались Казахстан, Украина и Ленинград. Мы должны были установить тесные контакты с другими народными депутатами СССР демократической направленности, чтобы выработать общую стратегию и тактику поведения на предстоящем в мае первом съезде.

Мои ленинградские коллеги собрали в Домжуре на Невском новоиспеченных депутатов, и я выступил перед ними. Сказал о цели приезда, о замыслах московской группы. Посыпались уточняющие вопросы и встречные предложения. Обстановка была доброжелательной.

Тут вдруг поднялся лощеный господин и хорошо поставленным голосом начал меня отчитывать. Суть его монолога была следующая. Мы, москвичи, надоели всем своими притязаниями на власть, на верховенство. И в данном случае решили подсуетиться, чтобы возглавить демократический процесс. А во главе этого процесса уже есть уважаемый человек — Михаил Сергеевич Горбачев, так что без сопливых дело обойдется. Мы же хотим вставлять ему палки в колеса. Не надо создавать провокационные объединения депутатов, каждый депутат должен быть сам по себе и помогать лидеру перестройки.

В зале поднялся шум. Я тихо спросил ленинградского собкора «Известий» Анатолия Ежелева, тоже избранного народным депутатом СССР: «Кто это?»

— Это Собчак, преподаватель университета, — ответил Ежелев.

Я вновь взял слово и постарался успокоить разгоряченного Анатолия Александровича. Мы предлагаем объединить усилия не ради дележа власти, не с целью подчинения кого-то кому-то. Каждый депутат должен оставаться сувереном. Но по одиночке мы ни на йоту не продвинемся в выполнении обещаний своим избирателям. Дело не в том, нравится нам или не нравится Горбачев. Он заложник аппарата ЦК. Я был на двух последних съездах КПСС и видел, как там нагло командуют чиновники этого аппарата. Они и съезд народных депутатов СССР намерены превратить в подобие съезда КПСС, чтобы мы только одобряли составленные ими в пользу номенклатуры проекты решений. А мы должны сами определять повестку дня работы съезда и предлагать свои решения.

Около двух часов шла дискуссия в Домжуре на Невском. Ленинградские депутаты поддержали идею объединения, и Собчак в конце концов изменил свое мнение на 180 градусов. Позже мы вместе с ним стали членами Координационного Совета Межрегиональной депутатской группы (МДГ).

После окончания университета Анатолий Александрович три года работал адвокатом в родном для Горбачева Ставропольском крае. С тех пор любил Михаила Сергеевича как родного отца, а адвокатская практика научила его гибкости поведения и легкости в отречении от своих прежних суждений.

В июне 90-го я еще работал в АПН, и союз журналистов Испании (там регулярно печатались мои статьи) пригласил меня на десять дней выступить перед студентами университетов Барселоны, Валенсии и Мадрида. Все расходы брала на себя принимающая сторона, а кроме того мне сказали, что я могу взять с собой еще одного интересного человека — на свое усмотрение. Его поездка будет тоже оплачена и плюс гонорар за выступления.

Кого позвать? С Анатолием Александровичем у нас уже сложились добрые отношения, вместе провели не один вечер на заседаниях МДГ. Он успел поучаствовать в местных выборах и стал председателем Ленсовета. Я позвонил ему и предложил поехать вместе со мной, правда, не очень-то рассчитывая на согласие. Все-таки ответственная должность, много работы. Но он согласился.

Интерес к нашей стране тогда был очень большой. Мы с Собчаком собирали полные залы. Поднимались вдвоем на сцену и в режиме диалога обсуждали проблемы геополитики. Анатолий Александрович отстаивал свою точку зрения, я свою. При этом каждый из нас иногда обращался за поддержкой к залу, втягивая его в дискуссию.

В студенческой среде ощущались сильные левацкие и антиамериканские настроения. На первых двух лекциях Собчак оценивал встречу Горбачева с Бушем на Мальте как большой шаг к разрядке, как благо для мира. Во время этой встречи я был на Мальте с группой журналистов и знал подноготную закулисных переговоров. Мое мнение было противоположным: ревизия ялтинских соглашений дорого обойдется планете. Горбачев сдал американцам Кубу, Никарагуа, всю Восточную Европу и вообще вывел СССР из игры. Он даже позволил янки хозяйничать в нашей Прибалтике, подталкивая процесс развала Советского Союза. Теперь Соединенные Штаты превратятся в Самодержца Всея Земли. Они будут безбоязненно использовать вооруженные силы для поддержки своих капиталистов. Испания скоро затоскует по многополярному миру.

Чья позиция была ближе студентам? Мы просили голосовать. Подавляющим большинством они отвергли позицию Собчака. Да еще выражали удивление его проамериканским взглядам. И уже в следующих аудиториях Анатолий Александрович высказывал совершенно иное мнение. Превращаться из Павла в Савла для него не составляло труда.

Там он сказал в интервью солидной газете, что в Ленинграде будет введена должность мэра и у него стопроцентные шансы занять этот пост. Им сразу же заинтересовались промышленники.

В Валенсии нас долго водили по заводу сантехоборудования. Автоматические линии, идеальная чистота, перламутровый блеск душевых, умывальников, унитазов. Испанцы готовы быстро построить и пустить такие же заводы в Ленинграде. Собчак сказал, что не возражает. В административном здании завода мы сидели часа полтора: Анатолию Александровичу рассказывали о технических параметрах производства и собирали в папку разные пояснительные документы. Эту папку ему вручили для передачи на анализ ленинградским экспертам.

А потом мы поехали ужинать в ресторан. Не очень солидная желтая папка занимала место на нашем столике. Когда принесли большую сковороду с паэльей из риса и каракатиц, Собчак убрал папку и сунул ее за цветочный горшок на окне. Ужин удался — с интересными разговорами и виртуозной игрой гитаристов.

— А папку-то забыли, — спохватился я, едва мы отъехали от ресторана.

— Вернемся, принесу, — с готовностью предложил сопровождавший нас валенсиец.

— Нет, едем дальше. Возвращаться плохая примета, — сказал Анатолий Александрович. И равнодушно продолжил: — Если им надо, они найдут, как переправить бумаги в Ленинград.

Не зная Собчака, можно было подумать, что он суеверный человек. Но я уже имел возможность убедиться в обратном. Несколько дней назад в Барселоне мы столкнулись с большой группой грузинских туристов. Они кинулись приветствовать Анатолия Александровича, как Иисуса Христа, сошедшего с небес, — Собчак возглавлял парламентскую комиссию по расследованию тбилисских событий 89-го и выступил на съезде народных депутатов СССР в поддержку мятежников, обвинив в преступлениях Советскую армию.

Кто-то из туристов сбегал в свой номер и принес нам две авоськи — в каждой по три бутылки красного грузинского вина. Мне презент достался, поскольку я оказался рядом с Собчаком.

Когда мы собрались лететь в Валенсию и спустились из отеля к машине, Анатолий Александрович спросил, бросив взгляд на мой хилый багаж:

— А где у вас грузинское вино?

Мы с ним так и не перешли на «ты». Я сказал, что презент оставил в номере — смешно таскаться по солнечной Испании с грузинским вином.

— Ну нет, зачем добру пропадать, — сказал Собчак. — Раз вам вино не нужно, я вернусь и возьму его себе.

Он попросил на рецепшене ключ от моего номера, поднялся на восьмой этаж и спустился оттуда довольный, позвякивая бутылками в совковой авоське.

Это вино Анатолий Александрович увез в Ленинград.

В Мадриде мэр столицы устроил нам в своей загородной вилле встречу с крупными испанскими предпринимателями. Всех их интересовали деловые контакты со вторым городом России. Собчак рассказал, что на берегах Финского залива валяются и ржавеют сотни судов, давно отслуживших свой срок. Испанцы выразили готовность своими силами расчленить корпуса на металлолом и вывезти в свою страну. Чем расплачиваться с Ленинградом — пусть решает руководство города на Неве: продуктами, так продуктами.

Серьезные предложения сыпались на Анатолия Александровича одно за другим. Испанцы, к примеру, хотели бы разместить заказы на ленинградских судоверфях и покупать в больших объемах алмазные инструменты завода «Ильич». Кроме того, им очень нужны сверхпроводящий кабель и уст-

ройства с числовым программным управлением для металлорежущих станков — все это производили питерцы, причем на уровне высших мировых стандартов.

У любого хозяина захватило бы дух от таких перспектив: можно во время всеобщей разрухи сохранить рабочие места, а городу дать заработать. И Собчак заявлял, что очень рад этим предложениям, и приглашал своих собеседников приехать в Ленинград для заключения сделок. Вот он станет мэром и будет ждать их у себя в кабинете.

В отличие от нас испанцы верят словам. Когда Собчака избрали мэром, некоторые предприниматели действительно прикатили к нему. Но градоначальник отказался их принимать. Они явились ко мне в министерство: как же так, ведь у них очень выгодные предложения. Я связался с Анатолием Александровичем по телефону и понял, что он не помнил разговора на вилле мэра Мадрида. Человек в последнее время много ездил по заграницам, везде, наверное, давал кому-то обещания, разве удержишь все в памяти.

— Я не занимаюсь этими вопросами, — сказал мне Собчак на предложение сохранить лицо и принять испанцев. — Пусть они обратятся к моим экономистам.

Но испанцы, насколько я знаю, больше в Питере не появились.

На отстраненность Собчака от серьезных дел в городе обратили внимание даже депутаты — сторонники Анатолия Александровича. Они приезжали в Министерство печати и просили поговорить с ним как с коллегой по Координационному совету МДГ. По их словам, с кадрами в мэрии была беда. Градоначальник собрал вокруг себя «мутную» команду и не управляет ею, а команда управляет им. Причем работает не в интересах города. От депутатов-питерцев я часто слышал фамилию Путин в весьма нелестном обрамлении. Самого его ни разу не видел, хотя в мэрию к Собчаку заходил не однажды.

У меня был обычай приезжать в министерство к восьми утра. До заседательской суеты успевал посмотреть почту и свежие газеты. Тогда была эпидемия игры в теннис. Высшие чиновники, выслуживаясь перед Ельциным, по утрам истязали себя на кортах и появлялись на рабочих местах с большим опозданием. Исполнительная власть полностью оживала только часам к одиннадцати.

Примерно раз в две недели наведывался в Москву Собчак — выбивать из федералов деньги для города или решать другие проблемы. Поезд из Питера приходил ранним утром — Анатолий Александрович повадился коротать тягучие паузы у меня

в министерстве. Пили кофе и чай, обменивались новостями. За стеной моего кабинета была большая комната с длинными столами. На них раскладывались контрольные экземпляры всех книг, которые выпускали издательства России за последние недели. Таков был порядок: все, что издавалось в стране, поступало на учет в наше ведомство.

Завзятый книголюб Анатолий Александрович очень любил эту комнату: отрешенно бродил между столами, листал еще пахнущие типографской краской страницы. Часто издатели присылали по нескольку экземпляров одной и той же новинки — кое-что доставалось Собчаку. Однажды я подарил ему многотомное собрание сочинений Уинстона Черчилля, за которые тот получил Нобелевскую премию. От удовольствия мэр размяк, ударился в воспоминания.

Прежде я не лез к нему с вопросами о людях его команды. Но тут, памятуя о просьбах питерских депутатов, спросил:

— А что из себя представляет Путин? Что он за человек?

— Человек как человек, — пожал плечами Собчак, — неплохой исполнитель...

И, подумав, добавил:

— Правда, перспективы не видит. А почему вы о нем спросили?

— Много претензий к нему. Он же из КГБ.

— Ну и что? — удивился Собчак.

Я сказал, что мы оба с Анатолием Александровичем учились в университетах и видели, кого из студентов окучивали гэбисты. Вербовали в осведомители тех, кто переполнен амбициями, но ощущал свою несостоятельность на профессиональном поприще. Успех им на этом поприще не светил — в силу интеллектуальной ограниченности. А вознестись над людьми хотелось любыми способами.

Таким поручали стучать на товарищей, потом давали задания еще грязнее. И когда видели, что у человека отсутствуют моральные тормоза, что он легко переступал через последнюю нравственную черту, его зачисляли в ряды КГБ. Причем не заниматься серьезной аналитической работой или быть нелегалом. Для этого кадры черпали из других колодцев — с водой почище. Их примечали еще в суворовских и нахимовских училищах, затем готовили специально. А этому человеку давали работу попроще: пасти инакомыслящих или прикомандировывали к советским коллективам за рубежом подглядывать за политической линией. Сексоты из студенческой среды нигде надежными не считались.

— Вы обобщаете, но мы же говорим о конкретном человеке. Путин мне кажется надежным, — не соглашался со мной Собчак. — Я полжизни проторчал на кафедрах университетов и плохо знаю людей в городе. Мне нужен человек, который процеживал бы кадровый поток. У Путина большой объем информации.

В конце концов, не мне же работать с гэбистом: нужен он Собчаку — его дело. Хозяин — барин.

Не знаю, один Путин отцеживал кадры для питерской власти или вместе с приятелями из КГБ. Но команда подобралась довольно пестрая: профессорские отпрыски, соискатели кандидатских дипломов, завсегдатаи дискуссионных клубов. Почти никто из них не нюхал пороха конкретного дела. Вышла тесная компания дилетантов.

Это те, кто, так сказать, с позволения Бнай Брита правит Россией сегодня: сам Владимир Путин, следом шли Анатолий Чубайс, Дмитрий Медведев, Алексей Кудрин, Виктор Зубков, Игорь Сечин, Алексей Миллер, Владимир Чуров и проч. и проч. Всех их, по наблюдениям питерских интеллигентов, объединяло одно качество, схожее с качеством Анатолия Александровича, — эгоцентризм.

На вечерних тусовках в советское время, с бокалами шампанского в руках и бутербродами с осетриной или красной икрой, они соревновались в остротах по поводу никчемности тогдашнего руководства города и полагали: все, что у них на столах, в холодильниках; все, что на прилавках магазинов и на складах Ленинграда, появлялось само собой, поступало по распоряжению откуда-то свыше. И не догадывались, что манна с неба не валится и насколько трудна работа чиновников мегаполиса: ездить по регионам, заключать договора на поставку зерна, мяса, молока, фруктов, овощей и всего остального.

А уже в 91-м году, когда затрещали прежние хозяйственные связи, команда Собчака обязана была мотаться так, чтобы пар валил из ноздрей. Казахстан, например, предлагал Ленинграду хлеб и мясо за продукцию Кировского завода, Узбекистан с Киргизией — фрукты и овощи, было что взять у хозяйств прилегающих областей. Но снимать галстуки-бабочки и заниматься такой мелочевкой новая власть Ленинграда не собиралась. Она вела сверхзатратную кампанию по срочному переименованию города (как будто нельзя было повременить), грызлась между собой за собственность и финансы. При этом надеялась: никуда не денется федеральный Центр, обеспечит всем необходимым. Это новое поколение управителей с такой внутренней установкой карабкалось к должностям: «Взять власть значит все в свой карман класть».

И уже в январе 92-го над Петербургом, как отмечалось, нависла угроза голода. Горе-хозяевам потребовалось совсем немного времени, чтобы довести мегаполис до коллапса.

Я хорошо помню ту нелепейшую ситуацию. Собчак не вылезал из приемной Ельцина, и президент дал разрешение разблокировать для города на Неве стратегические запасы продовольствия на военных и других складах.

Когда Путин говорит теперь, что в 90-е годы Россия стояла на пороге развала, он подразумевает, возможно, и тот демарш самостийности, который устроила питерская команда во главе с Анатолием Александровичем. Команда профукала возможности обеспечить продовольствием город, и вдруг Собчак лично обратился к президенту США Бушу-старшему и канцлеру ФРГ Гельмуту Колю с просьбой спасти Санкт-Петербург от голода. Словно мегаполис уже вышел из состава России, которая не в состоянии контролировать положение дел в своих регионах.

Понятно, что Бушу с Колем составило немалое удовольствие утереть сопли Кремлю и откликнуться на SOS великих управленцев с Невы. Чем черт не шутит, вдруг эти отвязные парни станут последователями Джохара Дудаева, а их регион — последняя незапертая калитка России к Балтийскому морю. Десятки тысяч тонн продовольствия пошли в город со складов американских войск, расположенных в Западной Германии.

(Россия не Санкт-Петербург — простора побольше, и Бог кое-что дал из ресурсов. Надо много усилий, чтобы пустить по миру такую махину. Но видно, как питерская команда старается и здесь. Сколько лет потребуется необольшевикам с Невы, чтобы взять очередную крепость?!)

12

Тогда членам российского правительства приходилось часто бывать в Ленинградской области. В очередной свой приезд в северо-западный регион я стал интересоваться, как обустроились офицеры соединений военно-морского флота, передислоцированных сюда из Прибалтики. База подводных лодок из Клайпеды эвакуировалась в Кронштадт. Город оказался не готов к такому наплыву моряков — семьи офицеров ютились в подводных лодках.

К Ломоносову и другим базам Ленинградской области приходили из Латвии отряды боевых кораблей, в частности крейсеры, нагруженные домашним скарбом. Латышское правительство выпихивало наших моряков из страны, ссылаясь на

договоренность с Горбачевым, и призывало своих горожан не покупать у российских офицеров дома: оккупанты уберутся — жилье достанется латышам бесплатно. Поэтому обобранные моряки загрузили что возможно на корабли и теперь прозябали со своими семьями на стальных посудинах. Здесь они тоже оказались никому не нужны — холодные и самые голодные в голодном крае.

Бесчестно обвинять в издевательствах над военными только местные власти: толпы бездомных офицеров свалились на них как снег на голову. Хотя чиновники могли сделать многое для людей, но тоже не шевелились. Основная вина лежала на нас, российском правительстве.

Под ласковые уговоры Запада Горбачев согласился вывести наши войска всего за четыре года из Восточной Европы и Прибалтики. Только в Германии советская группировка насчитывала полмиллиона человек, а располагались наши дивизии и бригады еще в Польше, Чехословакии, Венгрии, прибалтийских республиках. Там Советский Союз построил для военных жилые городки по европейским стандартам, создал богатую и надежную инфраструктуру — все это оценивалось примерно в 100 миллиардов долларов. Подарить такую собственность хозяевам и перебросить наш контингент на неподготовленную территорию России — означало получить около 300 тысяч бездомных офицеров и прапорщиков.

Даже Горбачев понимал, что это безумный шаг: хоть и слабо, но до развала СССР торговался об условиях вывода наших войск. В качестве компенсации нам обязались сначала выделить 25 миллиардов немецких марок, построить на территории России военные городки. Но вот началась при Ельцине эвакуация нашего воинского контингента, и со стороны немцев, поляков и других пошло жульничество.

Немцы убавили сумму компенсации до 12 миллиардов марок, да еще стали вычитать из нее в диких объемах затраты на подвижной состав и «экологический ущерб». Поляки потребовали от России огромный выкуп за прохождение наших воинских эшелонов через их территорию. Латыши предъявили счет за предполагаемые затраты по ликвидации советских спецобъектов. Американцы тоже отказались выполнять свои финансовые обязательства — вносить деньги за «демилитаризацию Прибалтики». Больше того, у них в Германии находилась военная группировка численностью 60 тысяч человек — они должны были выводить ее одновременно с нами. Но с их эвакуацией США не спешат.

Над нами попросту измывались: и над никчемностью горбачевской команды, и над ничтожностью ельцинского правительства. Измывались над Россией — правопреемницей СССР. А она, как ни в чем не бывало, продолжала «бежать из Европы».

Между тем семьи российских военнослужащих с малыми детьми безропотно возвращались на родину — в палатки с печками-буржуйками в голые степи и дебри Сибири. (Тогда я подумал: все-таки нет у нас полноценного офицерского корпуса, способного постоять за себя и Отечество. С такой безвольной и трусливой отарой золотопогонников любой политик-авантюрист может делать со страной все, что ему заблагорассудится.)

А нашему правительству как полагалось вести себя в такой ситуации? Я считал, что мы должны были поступать адекватно с действиями Той Стороны. После поездки к морякам в Ленинградскую область и консультаций с военными специалистами я вынес вопрос о проблемах с выводом наших войск на заседание правительства.

Заседания в ту пору зачастую начинались поздно вечером. К самому концу рабочего дня взмыленные курьеры привозили многокилограммовые вороха проектов решений правительства, подготовленные группой Гайдара, и тут же надо было ехать на их обсуждение. Времени на чтение документов почти не оставалось. Министры острили: пока люди Гайдара переводили проекты с английского языка, пока исправляли в них ляпы в российской терминологии, допущенные сочинителями-кураторами из США, пока перепечатывали бумаги — вот и ночь наступала.

Обсудили все экономические вопросы, предусмотренные повесткой дня, и ведущий заседание Ельцин спросил: «Что у нас еще?» Я поднялся, изложил суть проблемы с выводом войск: вызывающее поведение тех стран, кому мы делаем колоссальное одолжение, не может быть терпимым. То, что члены кабинета услышали от меня, для многих новостью не было. Неожиданно прозвучало мое предложение: заморозить соглашение Горбачева с Западом о выводе наших войск на 7—8 лет (Россия не может быть заложницей губительных для нее договоров, которые подмахивало прежнее руководство СССР). И объявить, что разморозим мы их в том случае, когда заинтересованные страны — США, Германия, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония и другие — совместными усилиями построят за этот срок в России необходимое количество жилых городков и создадут рабочие места для сотен тысяч эва-

куированных из Европы и демобилизованных наших воинов, предприятия по переработке леса, сельхозпродуктов и производству стройматериалов. Быстрее справится Та Сторона с поставленными задачами — скорее возобновится вывод российских войск.

Как аргументировать наше решение? Заявить, что в армии якобы набирается критическая масса недовольства — вот-вот рванет. А у военных в руках ядерное оружие. Нависает угроза не только ельцинскому режиму, но и стабильности в мире. Американцы почешут репу! Если российская власть с первых дней не покажет характер, а продолжит беззубую практику Горбачева, о нас будут вытирать ноги все кому не лень.

Я ждал отповеди от министра иностранных дел Андрея Козырева. Он умный человек, но считал администрацию США эталоном порядочности. И Козырев заговорил, правда, без всякой злости, что так мыслить, а тем более действовать нельзя. Любой шантаж должен быть навсегда исключен из политического арсенала новой России. Только так, теряя в одном месте, страна может приобрести где-то в другом. Министр иностранных дел высказался категорически против моего предложения.

Мне тоже не по душе блеф и шантаж. Но в международной политике нелегко провести грань, разделяющую эти понятия с целесообразной жесткостью. В данном случае речь как раз шла о жесткости российской позиции, без которой никогда не защитить стратегические интересы страны. По крайней мере, мне так казалось. В ответ, если брать худший вариант развития ситуации, нам могли урезать потоки внешних заимствований. Но деньги все равно утекали в песок, а так правительство, чтобы не потерять власть, было бы вынуждено подхлестывать развитие своей экономики.

Кто-то из министров поддержал меня, кто-то Козырева. А Ельцин? Его позиция меня волновала больше всего — ведь все зависело от мнения Бориса Николаевича. Я давил на его воспаленное самолюбие: клянутся западные партнеры в дружбе Президенту России, а сами все время пытаются «развести», как цыгане простодушного мужика на блошином рынке.

При обсуждении Борис Николаевич сидел с непроницаемым лицом, бросая хриплым голосом: «Кто еще хочет сказать?» Время было позднее, и мы сделали перерыв на завтра. Большинство членов кабинета, предлагая свои сроки консервации соглашения, выступили за ужесточение нашей позиции. Мне показалось, что в Ельцине боролись два человека — патриот со своим антиподом, — и он ушел в глубоких раздумьях. Но это только показалось.

Назавтра президент заявил, словно не было вчерашнего обсуждения: хватит ворошить этот вопрос. Мы должны оставаться верными соглашениям Горбачева, несмотря на отказ Той Стороны выполнять свои обязательства. А еще через какое-то время Ельцин принял решение сократить первоначальные сроки вывода наших войск (4 года) на целых четыре месяца. Да еще согласился на очередные сокращения компенсаций нашей стране. И Россия брала кредиты за рубежом, чтобы оплачивать ими стремительное бегство своих воинских соединений по воле вождей.

Тогда у избирателей Ельцина его положение могло вызвать даже сочувствие: президент не уставал повторять о необходимости сохранения страны и коварных происках ее врагов, но в силу каких-то непреодолимых препятствий был вынужден продолжать линию Горбачева, а во многом идти дальше Михаила Сергеевича. Ему верили. Долго прятал Борис Николаевич от народа свое истинное политическое лицо. А в 2006 году, будучи на пенсии, приоткрыл его.

За вклад в досрочный вывод наших войск из стран Балтии и за срыв экономических санкций против Латвии верхушка этой страны еще в 2000 году наградила Ельцина высшим Орденом Трех звезд 1-й степени. Борис Николаевич не особо любил всякие цацки, к тому же разгул национал-фашизма в прибалтийской республике приравнял бы тогда рижский вояж экс-президента к демонстративному плевку в лицо русскому народу.

Только через шесть лет после награждения Ельцин отправился за трофеем в Ригу. Возможно, посчитал, что все СМИ России теперь в надежных руках его верных наследников — никто о сомнительной поездке даже пикнуть не смеет. А может быть, любимая дочь Татьяна зудила отцу, ошибочно полагая, будто высший орден инкрустирован драгоценными камнями, — зачем добру пропадать!

При вручении награды президент Латвии Вайра Вике-Фрейнберга сказала, что последнюю декаду XX века огромный великан на глиняных ногах — Советский Союз — уже был готов к собственному распаду. Существенным было, кто в тот момент победит в России. На радость всем, у кого СССР стоял поперек горла, победил Ельцин. Низкий поклон ему от латышских националистов!

Польщенный такой похвалой, Борис Николаевич в ответной речи разоткровенничался.

— Все началось с конца 1980-х годов, — уточнил он, — когда все стали понимать, что империй в мире больше не су-

ществует, кроме одной — Советского Союза, и этой империи больше не должно быть... Латвия и другие республики Прибалтики стали четко ставить вопрос о своей независимости. И первый, кто их поддержал на трибуне, был я.

Хоть и хватил лишку Борис Николаевич с последней империей в его понимании (разом похоронил и Китай, США, Индию и др.), но главное все же сказал. А то перед российскими избирателями, как в давыдовской Песне старого гусара, все: «Жомени да Жомени, а об водке ни полслова!». Там он и Советский Союз очень хотел сохранить, и за интересы России болел душой.

Теперь припудриваться перед электоратом не надо, пора было выставлять напоказ шрамы, полученные в боях против своей страны.

Через несколько дней после того заседания правительства мне стали названивать из посольства США в России — посол (кажется, это был Роберт Страус) желал со мной встретиться. Я долго отнекивался. Затем позвонил сам посол и прислал с курьером официальное приглашение. В назначенный день и час посол США с супругой ждал меня с супругой в «Спасо-Хаусе» на обед. Я обмолвился о приглашении Ельцину.

— Что он хочет от вас? — спросил президент без особого интереса.

— А кто его знает?

— Надо общаться, — посоветовал Борис Николаевич. — Это же посол США.

Официальные обеды мне как серпом по одному месту. Я их не переваривал. Эту чопорность не переносил, томился от скованности за столом. Не знаешь, заталкивать в рот телятину или делать дурацкий вид благодарного слушателя. Многолетняя газетная работа приучила перехватывать на скорую руку или основательно заправляться в общепитовских точках, безо всяких условностей. А еще лучше — с коллегами где-нибудь на природе.

В Казахстане мы «вольные казаки» — собственные корреспонденты центральных газет — «Правды», «Известий», «Труда», «Социалистической индустрии», «Комсомолки», «Сельской жизни» и других — изредка выезжали вместе за город, подальше от прослушек — в лесок, на берег реки, чтобы выработать солидарные позиции по развенчиванию в печати зарвавшейся местной знати. Ставили машины веером, носами к центру полукруга и расстилали на капотах газеты. А на газеты выкладывали съестное, прихваченное с собой. Отломить с хрустом кусок полтавской колбасы да с краюхой ноздревато-

го пшеничного хлеба, да под полновесную стопку водки — это же удовольствие! А тут...

В помещении «Спасо-Хауса» все было расположено подчеркнуто рационально, до скуки, как и в самой Америке. Супруга посла увлекла мою жену к модернистским картинам, развешанным в зале, а мы с хозяином подались ближе к столовой. Там был накрыт стол на четыре персоны.

За обедом посол интересовался, откуда я родом (будто не листал досье!), спросил, где и как мы познакомились с Ельциным. Поговорили о Чечне.

— Осенью 91-го года вы летали в Вашингтон, — напомнил посол, — и выступили перед группой наших конгрессменов. Моим знакомым ваше выступление показалось агрессивным.

— Выступал, — подтвердил я. — Только слово «выступал» не совсем точное. Мы просто обменивались мнениями. И никакой агрессии не было. Я говорил, что каждый должен заниматься своей страной: Америкой — американцы, Россией — русские. И не лезть друг к другу с подстрекательскими целями, как это делал ваш госсекретарь Бейкер. Зачем он летом 91-го собирал тайно в американском посольстве руководителей республик СССР и проводил с ними инструктаж? Показать, кто хозяин в Москве? Еще я обращал внимание конгрессменов, что американцы недооценивали спасительную для себя роль Советского Союза. Будет жить Советский Союз — у США будет меньше проблем с исламом, не будет — Америку ждут смутные времена. Это не агрессия, это предостережение.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался посол.

— С уходом со сцены Советского государства ислам в противостоянии с христианской цивилизацией начнет получать мощное подкрепление. Не тотчас, конечно, а со временем, — конкретизировал я свою мысль. И пояснил, что Советский Союз объединил много наций и народностей, очень разных по уровню развития и культуры. Семь десятилетий Советское государство перемешивало нации, обогащая отсталые ценностями передовых — через невиданные по колоссальности миграционные процессы и модернизационные прорывы в мусульманских республиках. Это позволило большинству из них перепрыгнуть через столетия и очутиться сразу в XX веке.

Выравниванию наций и подавлению исламской воинственности способствовали строгие запреты на агрессивные поведенческие нормативы у тех или иных народов. Не просто было поднимать пороги, через которые им разрешали переступать досоветские традиции. Но даже за короткий по историческим меркам срок кое-что удалось. Сначала государство

под страхом наказания не давало враждовать с иноверцами, потом у нас стало входить в привычку не враждовать. Образовалась советская общность, ориентированная на христианские ценности.

Во всех мусульманских республиках — Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, Азербайджане, даже в пустынной Туркмении — почти утвердились европейские стандарты поведения. А не войди эти республики в состав СССР, они давно были бы в лагере исламских государств, склонив баланс сил на Земле в их пользу. Если принять во внимание, что по-соседству ждали и ждут удобного момента для образования новых исламских государств 60 миллионов мусульман Китая и 120 миллионов — Индии, то резонно предположить: политическая карта мира сегодня могла быть иной.

— Вы излагаете любопытные, хотя и небесспорные вещи, — сказал посол. — Но какое отношение это имеет к моей стране?

Он мало говорил за обедом, как и полагается матерому дипломату, а больше слушал и задавал наводящие вопросы. Чувствовалось, что посла не очень трогала эта тема — не для ее обсуждения пригласили меня в «Спасо-Хаус». Но хозяин сам ее зацепил, и хотелось до конца высказать ему свои мысли — какими бы эстравагантными они ни казались полномочному представителю зазнавшейся сверхдержавы.

— Пока никакого, — ответил я, — только — пока. Меньше чем через два поколения дух христианской цивилизации в этих республиках, ставших суверенными государствами, выветрится окончательно. Уже сейчас там власти начинают активно насаждать ислам — завтра мы увидим его триумфальное шествие. Причем авральные методы отката к прошлым обычаям поднимут на командные высоты фундаменталистов, догматиков. И мировой экстремизм от ислама получит внушительное подкрепление для экспансии своих порядков. Шииты с суннитами договорятся между собой.

Вот тут подходит очередь и Америки, сказал я послу. Аллах обязал правоверных до самого Судного дня вести омусульманивание планеты. Распоряжение непререкаемое. США со своей военной мощью мешают достижению этой цели, значит надо омусульманить сначала сами США. И потом идти дальше. В Соединенных Штатах сейчас около 40 миллионов темнокожих — у них повальная мода переходить в ислам. Через четыре десятилетия их станет значительно больше — они, получая поддержку извне, начнут требовать своей государственности и устанавливать исламские порядки. (Кстати, всего через четырнадцать лет после нашей беседы, впервые в истории США

конгрессмен из Миннесоты афроамериканец Кейт Эллисон принес на Капитолийском холме присягу на Коране. Процесс пошел.)

— Латиносы с удовольствием помогут исламистам, — заметил я послу. — Ваши корпорации выкачали ресурсы из стран Латинской Америки, и миллионы иммигрантов бегут от нищеты в США. К середине XXI века латиносы начнут составлять большинство вашего населения и тоже будут стремиться к созданию своего государства, объединяясь для развала страны с мусульманами. Приоритеты сиюминутной выгоды олигархов над долгосрочными интересами нации толкают ваших политиков с фомками и к нам, в Россию. Разве не так?

— Не так, — сказал после некоторой паузы посол. Его, возможно, обескуражила прямолинейность моих суждений. — Не так, — повторил он. — Моя страна желает вам добра. Вы же сами выступаете за открытое общество, и мы вас в этом поддерживаем. Мы хотим партнерских отношений. Россия должна только приветствовать, если мои соотечественники пойдут к вам со своими капиталами. Чем это плохо?

— Милости просим к нам с инвестициями, — придал я своему голосу примирительный тон. — Только американцы хотят скупать по дешевке природные ресурсы и наши самые конкурентоспособные и высокотехнологичные предприятия. А тратиться на что-то другое не желают. Вот я приеду сейчас в США и скажу: «Продайте мне концерн «Боинг». Даже не по бросовой цене, а за полную стоимость. Или позвольте разрабатывать нефтяные месторождения в Техасе. Тут же возникнут чиновники Комитета по иностранным инвестициям, созданного для защиты стратегических интересов США, и скажут: «Парень, даже близко не подходи к таким объектам. У нас не хватает обувных фабрик и мощностей по обработке разных деревяшек — туда и вкладывай деньги». И это хозяйский подход. Но когда мы говорим то же самое американским инвесторам, нас начинают пугать разными санкциями. Так понимается партнерство вашей страной?

— Проблемы в отношениях между государствами — дело привычное. Не надо искать во всем злой умысел, — наставительно сказал посол. — В этом смысле ваш президент господин Ельцин очень зрелый политик. Он не растрачивает добрые отношения между нашими государствами на спонтанные конфликты по мелочам. Хотя люди из его команды постоянно толкают президента на это.

Я ответил, что Ельцина вообще не столкнешь, пока не понимая, куда поворачивал беседу посол.

— Ваш МИД обеспечивает нас информацией о ходе выполнения совместных договоренностей, — сказал он. — И нам известно, что с выводом российских войск у вас нет проблем. Нет эксцессов, нет недовольства в частях. И при этой нормальной ситуации замораживание соглашения о выводе войск воспринималось бы нашей администрацией как недружественный шаг российского правительства. Мне известна ваша личная позиция и хочу по-дружески заметить, что она не служит сближению наших стран.

Вот в чем дело: посол пригласил меня с супругой, чтобы за бокалом сухого вина провести небольшой сеанс воспитательной работы. Причем так откровенно. Интересно, многих он таскал сюда с этой целью? Стало понятно, что после того заседания правительства кто-то из членов нашего кабинета доложил обо всем послу, а тот решил прощупать меня и на правах полномочного представителя Главных Хозяев предостеречь от неверных шагов. А я-то перед ним распинался...

— Видите ли какое дело, — постарался я говорить как можно спокойнее, — Соединенные Штаты привыкли строить отношения по принципу улицы с односторонним движением. Наша страна должна перед вами разоружиться почти догола, отказываться от высоких технологий, везде действовать в ущерб своим национальным интересам, а США при этом сосредотачивают силы вокруг российских границ, спокойно позволяют себе не выполнять принятые обязательства, да и вообще, ни в грош не ставить партнера. Я не люблю, когда мою страну принимают за дурочку. Вас приучил к этому ставропольский комбайнер. Но так же продолжаться не может.

— Какой комбайнер? — уставился на меня удивленно посол.

— Михаил Сергеевич Горбачев. Он же работал комбайнером, часто ностальгически вспоминает об этом, по-моему, сожалея, что бросил любимое занятие и взялся не за свое дело — политику.

— У нас о президентах, в том числе бывших, принято отзываться уважительно, — заступился посол за Михаила Сергеевича.

— В России другие традиции. Горбачев как человек добрый мог положить им конец, но все испортила его слепая, ничем не обоснованная вера в порядочность Америки.

На прощание мы перебросились с посольской четой несколькими фразами, поблагодарили друг друга за совместный обед и разошлись. Навсегда.

Мне, как и другим российским чиновникам, довольно часто приходилось вести откровенные беседы с послами разных стран в Москве. Обычно они допытывались о перспективах развития у нас демократии или взаимоотношениях между ветвями власти. Кто-то, чувствовалось, пытался лоббировать интересы фирм своих соотечественников. Никто из них не лез с поучениями. Это позволяли себе только дипломаты США. Да еще — что особенно умиляло — представители Северной Кореи. Как будто у них была одна школа.

Месяца через два после обеда с посольской четой я зашел к Ельцину с проектом очередного указа. Он накидал замечания, потом с подчеркнутой строгостью долго смотрел на меня.

— Что вы там наговорили американскому послу? — недовольно спросил президент.

Я даже растерялся от неожиданного вопроса, с трудом стал вспоминать беседу в «Спасо-Хаусе».

— Президент Буш назвал вас ненавистником сближения наших стран и по-дружески посоветовал убрать куда-нибудь из моей команды, — продолжал Борис Николаевич холодным тоном. — Вот до чего дошло. Вас почему-то считают моим другом, а вы своими заявлениями бросаете на меня тень. Черт знает что!

На слове «почему-то» Ельцин сделал особое ударение, как бы намекая на мое самозванство. Пресса действительно приписывала нам тесную дружбу с Борисом Николаевичем, хотя я всегда отмечал: наши отношения с ним — это отношения начальника с подчиненным. Что соответствовало действительности. Я никогда не парился с Ельциным в бане, не выпивал с ним на пару, а только в компаниях — по случаю каких-то событий. Даже в гостях он у меня не бывал. Поддерживал его с первых же дней знакомства, в словесных драках защищал от нападок, иногда подставляя себя, это — да! Но так предусмотрено всеми артельными правилами у сибиряков.

Я сказал президенту, что в своей работе и своем поведении не собираюсь оглядываться на оценки американской администрации. У меня есть свое руководство, которое считаю самостоятельным и обладающим правом решать кадровые вопросы по своей воле. Не угоден ему — уйду без скрипа. Ельцин махнул рукой протестующе, поворчал и велел все же не зарываться с Америкой.

И я сразу же вспомнил разговор с министром иностранных дел России Андреем Козыревым.

Задолго до этого Андрей пригласил меня в гостевую усадьбу своего ведомства на Пахре, бывшую дачу Всесоюзного ста-

росты Михаила Калинина, — там сауна, бильярд, по огороженной чаще бродили олени. Вдвоем мы прогуливались по длинным аллеям, и Козырев поделился большим секретом: Ельцин договорился с президентом Соединенных Штатов о прикрытии некоторых членов своей команды, выдвинутых на передние рубежи.

Ситуация в России могла качнуться в любую сторону — вполне возможен был прорыв к власти крутых националистов. В таком случае, как видимо, подозревали президенты, творцов реформ по рецептам западных наставителей ожидала бы суровая расправа.

Чтобы реформаторы могли орудовать смелее, не опасаясь последствий, решено было обеспечить их с семьями потенциальным гражданством США. Все должно было делаться в глубокой тайне, но как только возникала угроза свободе этих людей, на свет появились бы американские паспорта. И США всеми силами начали бы защищать своих граждан, добиваясь от властей России отправки реформаторов за океан на постоянное место жительства. А в умении поднимать бомбардировщики для достижения своих целей американцам не откажешь.

Андрей любитель розыгрышей, здесь же, как я понял, шутить не думал. Он сам был не в восторге от этой идеи, но должен выполнять поручение. «Наверху» был согласован предварительный список из восьми человек, туда вроде бы включили и меня. Кто остальные, спрашивать не стоило: Козырев не имел права разглашать их имена.

Дело, в общем-то, добровольное: соглашаюсь — оставляют в списке, отказываюсь — вычеркивают. Для ответа на гамлетовский вопрос «быть или не быть?» меня и вытянули на природу, где не было посторонних ушей.

В такой громадной и многонациональной стране, как Россия, реформы трудно проводить без ошибок. Провозгласить переход от командной системы к рыночной пустячное дело. Главное начинается потом: как и когда запускать механизмы саморегулирования, где проводить черту государственного вмешательства в экономику, какую устанавливать очередность при создании рыночных институтов и т.д. Будешь делать что-то не так, начнешь вымащивать ад своими благими намерениями, возвышать и обогащать одних за счет унижения и обнищания других.

Даже мы в нашем ведомстве, далеком от глобальных экономических переделок, при подготовке законопроектов или правительственных распоряжений всегда мучились над проблемой «золотой середины». Дать печатной и электронной

прессе безбрежную волю — получишь информационный террор, ограничить лишними рамками — расстанешься со свободой слова. Ошибались. И в том, что одновременно с невиданным доселе расширением прав журналистов не закладывали нормы ответственности за диффамацию, чем, пусть даже косвенно, способствовали нарастанию грязного потока «заказухи», — это подорвало доверие общественности к СМИ. И в том, что на первых порах легко попадались на удочки дельцов от демократии, обещавших открыть и раскрутить «нужные» издания: скребли им деньги по сусекам, а деляги бежали с ними проворачивать операции «купи-продай». Хотя в этих средствах по-настоящему нуждались порядочные журналисты — не охотники обивать пороги. По ходу дела мы, естественно, корректировали свою политику.

Ошибались многие. И когда люди видели, что из-за ошибки чиновника не выглядывала преднамеренность, а сконфуженно смотрели неопытность или спешка в стремлении исправлять положение к лучшему, то ворчали, конечно, но в целом относились благожелательно. «Промашки случаются даже у быка на корове Машке».

Но тут совсем иное дело. Целенаправленно работать против своей страны, по-воровски запасая пути отхода, — это же смертный грех, не заслуживающий снисхождения у любого народа. Совсем выпрягся из пристойности Борис Николаевич! Я сказал Андрею, что однозначно не хотел быть в таком списке: ничего поганого вершить не собирался, бился за свободу слова в СССР и России, наживая врагов, — так не мне, а всему обществу крайне необходима эта свобода. Опасался не гнева людей, опасаться надо усиления во власти чиновничьего жулья, кому независимые СМИ будто кость в горле.

Ради того, чтобы иметь возможность защищать свободу слова, я унижался до нахождения в одной команде с некоторыми из них. Не хватало еще оказаться с ними в одном списке наемников.

Козырев, чувствовалось, не ожидал другого ответа. Договорились с ним эту тему закрыть. Мы не обременили друг друга погружением в липкую тайну и пошли гонять бильярдные шары как вольные люди.

(Предполагаю, что среди первых в этом списке был и остался, например, тот же Анатолий Чубайс. При мне он пришел в правительство трусоватым и скрытным парнем, и на моих глазах с ним скоротечно происходила метаморфоза. Сначала Чубайс — вы не поверите! — даже краснел, когда его ловили на лжи, но час от часу наглел, пер напролом, словно его при-

крыли защитной броней, и все больше походил на марсианина из романа Герберта Уэллса «Война миров» — существо бездуховное, меркантильное, наловчившееся размножаться почкованием.

За последующие годы от оплодотворенного вседозволенностью Анатолия Борисовича отпочковались тысячи чубайсиков. Они, подобно личинкам саранчи, расползались в разные стороны и окрылились в кабинетах Кремля, правительства, банковского сектора, многочисленных комитетов имущественных отношений, предприятий электро- и атомной энергетики, структур нанотехнологий. И всюду за Чубайсом с чубайсиками остается ландшафт, напоминающий искореженный машинный зал Саяно-Шушенской ГЭС после аварии. Для каждого очередного российского вождя постельцинской эпохи Анатолий Борисович, как Петр Авен и еще два-три деятеля, видимо, является человеком-признаком, человеком-сигналом, прибором опознавания. Если Чубайс по-прежнему свой в Кремле, значит и с ответчика президента летит в центр Всемирной Олигархии: «Я свой — я свой».)

После устроенной мне выволочки Ельцин как бы провел между нами черту. Он перестал пускаться со мной в откровенные разговоры, при встречах, особенно на людях, держался подчеркнуто холодно. И начал цепляться по поводам и без поводов.

Я несколько раз заявил, что представляю в правительстве журналистский цех. Борис Николаевич однажды прилюдно меня оборвал:

— Это совершенно неправильная позиция. Вы должны отстаивать интересы правительства среди журналистов, а не наоборот.

У правительства какие-то свои интересы — особые, отдельные от народа? Я не выдержал и вступил в препирательство. Сказал, что у нас с Ельциным концептуальное несовпадение взглядов на место правительства в обществе. Демократическое правительство в моем понимании — это сборная команда делегатов от всех слоев населения: кто-то отстаивает интересы крестьян, кто-то — промышленных коллективов, кто-то — бизнесменов, кто-то — творческой интеллигенции, кто-то — молодежи и т.д. Команда согласовывает интересы между собой, увязывает в единую политику. Тогда это кабинет министров для народа.

А Ельцин во главу угла ставит интересы правительства, то есть обособленной группки чиновников, и вменяет мне в обя-

занность отстаивать их перед страной. Это уже не кабинет министров для народа, это уже попахивает хунтой.

В другой раз Борис Николаевич стал при всех выговаривать мне с издевкой, что я набрал в свое ведомство кучу работников ЦК КПСС. Это был совершенно необоснованный выпад: Ельцин переворачивал факты с ног на голову.

До конца 91-го все значительные полиграфические комплексы страны и заводы по выпуску типографского оборудования принадлежали управлению делами ЦК КПСС. Профессионалы-полиграфисты были прописаны там. После национализации партийного имущества всю печатную базу пришлось брать на баланс нашего министерства.

А как ее брать без кадров? Без хорошей команды специалистов не организуешь работы полиграфической индустрии в новых огромных масштабах. Пришлось расширить техническую службу министерства и принять туда несколько толковых инженеров из бывшего партийного ведомства. С Ельциным я этот вопрос обговаривал, причем он сам тогда сказал, что полиграфисты еще меньше причастны к деятельности ЦК, чем повара и парикмахеры, обслуживающие номенклатуру. И вот теперь решил почему-то ужалить, намекая на создание мною «пятой колонны» ЦК КПСС. Да еще с победоносным видом оглядел присутствовавших.

Я опять не выдержал и ляпнул, что «пятая колонна» формируется не у меня. И что у президента двойной подход к бывшим партийным функционерам: на публике он костерит их, а сам, как никто другой, им покровительствует. Первый помощник Ельцина — бывший инструктор идеологического отдела ЦК КПСС Виктор Илюшин, вдвоем они позвали в правительство бывшего члена ЦК КПСС Виктора Черномырдина, тот позвал бывшего члена ЦК КПСС, заведующего отделом партстроительства и кадровой работы ЦК Владимира Бабичева, тот позвал других товарищей.

Получается как в сказке про репку: мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за детку, тянут-потянут — вот и вытянут власть обратно из рук народа. Не для краснознаменной партии, а для себя, перекрашенных в другие цвета. Должна же быть какая-то последовательность в действиях Бориса Николаевича.

Он прикусил нижнюю губу и замолчал. Президент в таких случаях всегда прикусывал губу и умолкал, видимо, гася в себе ярость.

Я понимал, что негоже дерзить президенту. И не потому, что это будет себе дороже, — просто есть устоявшиеся прави-

ла взаимоотношений между вождями и членами их команд. Особенно в чинопочитающей России, где даже ограбление государства считается менее тяжким преступлением, чем любая попытка перечить начальству. И где вступившего в спор с вельможей сопровождает шипение подхалимов: «Зарвался, гад!» Но постоянные ужимки Бориса Николаевича, его все более заметное лицемерие накапливали во мне раздражение. И временами оно выплескивалось помимо моей воли.

Несдержанность в ситуациях когда руководители клевали меня несправедливо, желание ответить уколом на укол частенько выходили мне боком. Но что поделать, воспитывался я в послевоенной безотцовской среде, где у сибирской обездоленной пацанвы считался главным девиз: «Хоть уср...ться, а не сдаться!». То, что вливали в тебя ранние годы, трудно вычерпать за всю жизнь.

Потерю расположения ко мне президента чутко уловила гайдаровская команда в правительстве. А от ее воли зависело финансирование министерских проектов. Раньше она не решалась вставлять палки в колеса, но тут начала отыгрываться.

Уже шел, к примеру, монтаж многокрасочных печатных машин фирмы «Вифаг» для производства школьных учебников, оставался завершающий этап. И вдруг финансирование прекратилось, хотя деньги требовались совсем небольшие. Никто не хотел что-либо объяснять. Я не стал обращаться к Ельцину, а пошел в Верховный Совет России: страну вынуждали опять заказывать изготовление своих школьных учебников за рубежом — на это надо выкладывать десятки миллионов бюджетных долларов. Окрик Верховного Совета подействовал, мы успели завершить монтаж.

В 92-м, после либерализации цен, ушлые хозяйчики бросились всеми способами разорять отечественного потребителя. Особенно старались руководители целлюлозно-бумажных комбинатов. Они сговорились между собой и начали создавать искусственный дефицит своей продукции, останавливая бумагоделательные машины и резко сокращая производство. Если еще в 89-м выпуск бумаги и картона в России составил 10,5 миллиона тонн, то в 92-м сократился до 5,7 миллиона. А отправка продукций на экспорт, наоборот, значительно увеличилась — за рубежом наши дельцы соревновались в демпинге.

России доставались крохи, а число независимых изданий стремительно росло. Цены на бумагу взвились до небес. Получалось так, что законом о средствах массовой информации власть способствовала развитию вольной прессы, но своей экономической политикой давила ее.

Мининформпечати подготовило проект постановления правительства о регулировании цен на бумажную продукцию. Заложили в нее не административные меры, а экономические: стимулирование роста объемов производства, снижение экспортных пошлин для тех, кто обеспечил необходимой товарной массой внутренний рынок и повышение — для рвачей. Использовали пряник и кнут. Предлагаемые меры побуждали целлюлозно-бумажные комбинаты к задействованию всех мощностей и их наращиванию.

На заседании правительства атаку на наш проект постановления возглавил министр внешэкономсвязей Петр Авен. «Это антирыночный документ, — шумел он по своему обыкновению., — предлагаю его похерить». Его коллеги по гайдаровскому призыву навалились на меня с той же претензией: нельзя государству вмешиваться в дела предпринимателей.

Предварительно я заручился поддержкой авторитетных экономистов-рыночников, членов Верховного Совета России, и упросил их поприсутствовать на заседании правительства. Они пришли, опрокинули аргументы необольшевичков и приняли мою сторону. «Розовые мальчики» побаивались влиятельных депутатов: осерчают и могут поднять вопрос об отставке реформаторов. С большим скрипом, но все же правительство одобрило наш проект. Постановление приняли. Я чувствовал себя именинником. Но, как говорится, рано пташечка запела.

Клерки из правительственного аппарата постарались замотать это постановление, превратить в документ — невидимку (не по собственной же инициативе!).

Да, оно вроде было, но в то же время его для исполнения не существовало — ни для Министерства экономики, ни для таможенной службы, ни для других структур. Его, как и предлагал Авен, действительно похерили. Так в бюрократическом болоте топили неугодные кому-то решения.

Зато вскоре гайдаровская команда протащила свое, «рыночное», правительственное постановление № 495 об экономической защите периодической печати и книгоиздания. Под претенциозным названием шла сплошная беллетристика, не сразу бросался в глаза ключевой пункт: министерству Авена (для маскировки к нему пристегнули два побочных ведомства) поручалось привлечь коммерческие кредиты «под гарантию Правительства Российской Федерации на сумму до 150 млн. американских долларов для закупки печатных сортов бумаги и картон».

Уж это-то постановление за подписью Гайдара не пошло, а прямо-таки поскакало вприпрыжку по всем инстанциям. Плевать на стимулирование роста производства, вот он истинный стимул — живые деньги. Они, как бодрящий поток, с откатами и перекатами.

Наши либералы получили свое название отнюдь не из-за приверженности к свободе выбора, как это принято в иных странах. Они так кличут друг друга за свое поклонение Либеру — древнему богу распущенности и опьянения. В праздники Либералии в старые-престарые времена обожатели этого бога распоясывались до крайности, устраивая шабаши. И очень любили приносить в жертву козлов. В обстановке разнузданности свершались пьяные зачатия.

Праздник Либералии для наших современных грехопоклонников — это долгоиграющие реформы по рецептам Бнай Брита. Гуляния почти два десятилетия сопровождаются массовым приношением в жертву козлов. А козлами или быдлом либералы-аморалы считают беззащитное российское население.

Плоды угарно-пьяного зачатия в постсоветской экономике видны теперь на каждом шагу. Сказывается это и на состоянии целлюлозно-бумажной отрасли, которая производит сегодня продукции в два раза меньше, чем в 89-м году. Россия обладает четвертью лесных ресурсов планеты — 82 миллиардами кубометров. США имеют всего 23 миллиарда. Мы экспортируем за год целлюлозно — бумажной продукции на полтора миллиарда долларов (в основном дешевую целлюлозу), а США — на 16 миллиардов. Швеция, где леса в 30 раз меньше, чем у нас, ежегодно зарабатывает на экспорте целлюлозно-бумажной продукции около 11 миллиардов долларов. Даже безземельная Япония оставила нашу страну далеко-далеко позади.

Смешно сказать, но бумаги и картона Россия покупает за рубежом больше, чем экспортирует, ежегодно затрачивая на это около 2 миллиардов долларов.

Весь мир укрупняет предприятия лесопромышленного комплекса, чтобы поднять уровень переработки древесины, а наша страна и здесь не сворачивает с курса Бнай Брита на дробление экономики. Опасны для власти олигархов большие рабочие коллективы, которые всегда могут дать ей по сопатке. Частные компашки добивают оборудование, смонтированное еще в догорбачевские времена, и гоняют за границу кругляк. Зато с карликов российским чиновникам проще дань собирать.

Эта отрасль близка нам, кто делает газеты, журналы и книги. Потому и остановился на ней подробнее. С помощью Ель-

цина гайдаровская команда все плотнее брала правительство под контроль. Стычки с ней участились — не буду занимать ими время читателей. Скажу только, что стало тошно ходить на заседания кабинета министров и в Кремль обращаться с отстаиванием каких-либо идей с каждым разом становилось все бесполезнее. Президент завел машину бнайбритских реформ и, сидя где-нибудь в стороне с удочкой иди ружьишком, только прислушивался к шуму мотора: нет ли перебоев?

Впрочем, создание правового и даже экономического фундамента вольных средств массовой информации тогда больше зависело от Верховного Совета, чем от правительства и даже Кремля. Так распоряжалась властью старая конституция. Мининформпечати это учитывало. Сначала у меня были славные отношения с большинством членов парламента и самим Хасбулатовым.

Портились они помимо моей воли — на меня падали и тень соратничества с Ельциным, которого все больше ненавидели депутаты, и беспочвенные подозрения в причастности к выработке экономической политики Кремля. (Не мог же я кричать вместе с ампиловцами: «Банду Ельцина под суд!», находясь в этой «банде», хотя бы для выполнения задач, поставленных журналистской профессией.) Больше всего ссорили нас со спикером и его командой телевизионщики да газетчики, порой сами того не желая.

Я прервал разговор о Хасбулатове, чтобы сделать крайне важные отступления. И увлекся. А между тем позиция Руслана Имрановича со товарищи сыграла большую роль в определении места средств массовой информации в зарождающемся государстве Россия. Вспомнить об этом для завершения разговора о нервозной поре, мне кажется, будет полезно.

13

В декабре 91-го наше министерство представило на утверждение Верховного Совета свой проект закона о средствах массовой информации. Возглавлял группу разработчиков проекта мой заместитель, юрист Михаил Федотов. Подготовленный документ, на первый взгляд, мало чем отличался от Закона СССР о печати. Но дьявол всегда таится в деталях. Парламент Советского Союза, где верховодили партократы, вымарал из того закона многие детали — статьи, представляющие широкие права журналистам. Мы вернули дьявола на место — проект получился более радикальный, учитывал новую политическую ситуацию.

Представлять изделие Мининформпечати в Верховном Совете было поручено Михаилу Федотову как квалифицированному юристу, способному укачать правоведческой демагогией супротивников-верхоглядов. Он храбро сражался, но в шуме и гаме не сумел торпедировать ряд вредных поправок.

Генеральный прокурор России Степанков, например, продавил в закон норму, позволявшую его и остальным репрессивным службам требовать от журналистов безо всякого суда раскрывать конфиденциальные данные об источниках информации. («Кто слил вам сведения? Подайте нам этого сукина сына на растерзание — иначе начнем проводить в редакции обыски».) Другая поправка устанавливала запрет на использование журналистами скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки. Нельзя было, не нарушая закон со всеми вытекающими последствиями, снимать и показывать митинги, бесчинства ОМОНа. А пожелаешь зафиксировать на камеру взяточника в момент получения денег, сначала испроси у него дозволения.

Были еще поправки. Закон приняли со всеми этими запретиловками.

У председателя комитета по средствам массовой информации, члена Президиума Верховного Совета России Вячеслава Брагина мы собрались обсудить провальную ситуацию. Брагин успел побывать замредактора районной газеты, долго служил первым секретарем Бежецкого горкома и Центрального райкома КПСС города Калинина. По биографии вроде партократ, а на деле оказался человеком самых твердых демократических убеждений. Вместе со своим комитетом он активно боролся за министерскую редакцию закона.

— Пойдем к Руслану Имрановичу, — сказал мне Брагин. — Посоветуемся, как исправлять положение. Он, мне кажется, политик с прогрессивными взглядами.

Хасбулатов поворчал на нас за то, что мы обленились и *не поработали предварительную со всеми* парламентскими фракциями — теперь вешаем проблему на него. А ему и без нас есть чем заняться. Но посоветовал: надо погнать в прессе волну недовольства, а я должен уговорить Ельцина отказаться подписывать закон о СМИ с «вредными» поправками, утвержденными Верховным Советом. Тогда закон придется вернуть на переутверждение. Здесь его постараются принять заново без поправок. Тогда формалистикой власть еще не болела.

Погнать волну особого труда не составило. И с Ельциным у меня получился удачный разговор. Правда Борис Николаевич посомневался: «вето» он наложит, а депутаты возьмут да и пре-

одолеют его. Президент не желал ссориться с Верховным Советом из-за каких-то, как ему казалось, пустячных поправок. Я сказал ему, что в парламенте найдут возможность безо всяких дискуссий проголосовать за первоначальный вариант закона. Он согласился.

И действительно, в последний день предновогодней сессии, 27 декабря, вопрос об отмене «вредных» поправок вынесли на голосование. Шел уже десятый час вечера — все одной ногой были в аэропортах, предвкушая встречи с родными. Никто не рискнул вылезти с предложением начать обсуждение — его бы ошикали, засыпали язвительными словами. Депутаты за пару минут отменили свои же поправки. Закон пошел к президенту, тот его подписал.

Все-таки славные времена были для журналистов. Два центра власти в России — Кремль и Белый дом, и каждый хотел расположить к себе пишущую братию. Понимали, что идиллические отношения между этими центрами скоротечны, все старались расширить для себя базу поддержки. А без симпатий прессы добиться этого сложно. Грех было не использовать эту ситуацию.

С комитетом Вячеслава Брагина Мининформпечати тогда действовало рука об руку. Мы не раз обсуждали, как в нашей совместной политике сообразовываться с обстоятельствами. И как обеспечить самостоятельные позиции средствам массовой информации в новом Российском государстве.

В социалистическом обществе указаниями Ленина и его учеников всякому сверчку был определен свой шесток: профсоюзы — это приводной ремень партии, журналисты — подручные партии, а в целом печать — коллективный пропагандист установок и «великих деяний» КПСС.

Немытая «демократическая» толпа, ворвавшаяся во власть, принялась все старое выкорчевывать, рушить, а вот прикладную роль СМИ очень желала оставить. Из подручных КПСС журналисты должны были тут же превратиться в подручных новоявленных вельмож.

(Почти каждое заседание кабинета министров начиналось визгом каких-нибудь членов правительства из гайдаровского призыва о «распоясавшейся прессе». Они, видите ли, Бога за бороду взяли, а шавки от СМИ бесстыдно их критикуют. И почему я, министр печати, не ставлю этих шавок на место? Трудно было втолковывать вчерашним завлабам прописные истины демократии. Для себя люди хотели воли без берегов, а всем остальным надлежало жить по установкам этих необольшевиков. Только из-за наличия второго центра власти в России

ненависть «реформаторов» к свободе слова не простиралась дальше раздраженных словесных выплесков.)

Пусть это прозвучит громко, но мы имели исторический шанс застолбить за средствами массовой информации надлежащее место в обществе. Старая чиновничья армия была рассеяна, меняла трясущимися руками свои политические маски, а новая — еще не успела разбухнуть, сплотиться во всепожирающий левиафан, озабоченная внутренней борьбой за лидерство в первоначальном накоплении капитала.

Между ними для свободного слова образовался неприкрытый проход к выгодным прочным позициям. В прессе мы запустили тогда термин «четвертая власть» и как для самостоятельной ветви принялись закладывать под нее фундамент, наравне с представительной, исполнительной и судебной властями. Ведь демократия может держаться только на этих четырех равноудаленных опорах: сместишь одну да другую — сооружение накренится и сползет во тьму беззакония.

За ельцинской концепцией строительства капитализма в России уже тогда просматривались некоторые контуры будущей страны. Небольшая прослойка людей, озолоченная украденным добром, станет опорой власти. Между этой смычкой и остальным населением будет все время подниматься градус враждебности. Чтобы обезопасить себя и сохранять конструкцию такого государства, власти придется наращивать репрессивный аппарат постоянно и не гнушаться в борьбе со своим народом жестокими методами оккупантов.

Возможно, сам Ельцин глубоко не задумывался об этом. Скорее всего, так и было. Тогда ему казалось, что доверием народа он обеспечен навечно.

Но его подсказчики логику развития знали и смотрели на несколько десятилетий вперед. Насильственное изничтожение нашей индустрии, ее дробление ставили целью не только выдворение России с мировых рынков как сильного конкурента. Попутно сокращалась база для создания и подпитки мощных оппозиционных движений. Сколько бы ни тужились разные группы недовольных, желающие России добра, а без этой базы трудно слепить политические партии, которые говорили бы с режимом на равных. Или несли бы ему угрозу.

(Бнай Брит это хорошо понимает. Его структура — Европейский Союз «ЕС» вытравливает в Старом Свете всю почву, где могут вызреть опасные для Всепланетной Олигархии гроздья гнева. В Польше, например, рассадником революционной заразы, давшим миру движение «Солидарность», считались судостроительные верфи Гданьска, Гдыни и Шецина. ЕС

долго выкручивал руки властям этой страны и таки выкрутил, пригрозив финансовыми блокадами: верфи в Гдыне и Шецине закрыли, а в Гданьске оставили только один стапель. Многие тысячи докеров были выброшены на улицу и рассованы по ларькам — торговать пивом и сигаретами.)

И для средств массовой информации в таком обществе уготована судьба не сторожевых псов демократии, а пособников режима с его олигархическими подпорками. Без финансовой независимости не может быть независимости и политической.

Мы это осознавали. Закон о СМИ, как бы он ни грел наши души, был только первым шагом вперед. Нужен второй, более сложный шаг — к материальной самостоятельности журналистского цеха. Надеяться на спонсорство таких патриотов-капиталистов, каким был незабвенный Савва Тимофеевич Морозов? Но откуда им будет взяться при ельцинской концепции общественного устройства.

Идея моя отдавала немного маниловщиной, но я засел за подготовку законопроекта о Национальном Фонде развития средств массовой информации. С четырьмя представителями в Наблюдательном совете от разных ветвей власти и большинством в руководстве посланцев от Союза журналистов России Фонд действовал бы в автономном режиме самоуправления. Государство, по проекту, передавало ему в собственность газетно-журнальные комплексы, некоторые бумажные комбинаты, заводы по производству полиграфической и аудиовизуальной техники. А еще Фонд получал право распоряжаться теле- и радиочастотами: давать журналистам лицензии на их аренду (именная аренда исключала бы нынешние спекуляции частотами). Фонд мог иметь сеть своих коммерческих банков — снабжать редакции дешевым кредитом и вкладывать деньги в развитие материальной базы СМИ. Лишал его законопроект только одного права — вмешиваться в редакционную политику СМИ.

Я не садился бы за этот закон, если бы в Кремле и Белом доме не провел предварительную разведку. В приватных беседах ключевые фигуры парламента обещали содействие в создании Фонда. Тем более, что Фонд — не частная лавочка, а будет под контролем общественности и что в составе его руководства предусмотрено место для члена Верховного Совета. Большинство депутатов тогда искренне желало независимости СМИ. Возникал только вопрос: а как на это посмотрит президент?

С Ельциным в ту пору мы ходили еще, что называется, в обнимку. Завел с ним разговор о создании Фонда. Сказал, что это не только моя идея, а инициатива журналистских коллективов России. И что они, как и прежде, рассчитывали на помощь своего президента. Упоминания о вере пишущей братии в доброту Ельцина всегда нравились Борису Николаевичу. Как этим не воспользоваться! Для укрепления личной власти ему еще нужны были симпатии прессы.

В детали проекта он не вдавался, но суть уловил сразу.

— Четвертая власть? — раздумчиво произнес президент. — Вы хотите создать государство в государстве. А кому оно будет подчиняться?

— Закону, — ответил я. — Только закону. Как и другие ветви власти. А чтобы журналисты не злоупотребляли свободой, им тоже необходима система сдержек. Вот за этим-то у депутатов дело не станет.

— Особенно у коммунистов, — вскочил на своего любимого конька президент. И разрешил: — Ладно, работайте над законом, но не спешите — тут надо много согласовывать. А журналистам скажите, что я их поддерживаю.

И я работал, согласовывал с другими министрами перечень объектов для передачи в собственность Фонда. Чтобы ублажить депутатов — недругов журналистского цеха, в стахановском темпе передал в парламент для обсуждения законопроект о недопустимости вмешательства СМИ в частную жизнь граждан России. Но руки до него у Верховного Совета так и не дошли.

А Руслан Хасбулатов, на которого мы с Брагиным лелеяли большие надежды, вдруг начал бронзоветь от свалившейся на него власти. Появилась манера обрывать на сессиях выступления депутатов, отпускать по поводу и без повода ядовитые реплики. Даже походка у него изменилась: из энергичной — в вальяжную поступь Хозяина.

Я давно заметил, что многие мужики небольшого росточка, взлетев на высокий пост, начинают комплексовать и пытаются как бы исправлять в себе недоделки природы. Одни, чтобы выше казаться, постоянно вытягивают шею, другие приподнимают плечи, а третьи, вручая ордена, привстают на цыпочки.

Хасбулатову недодало роста голодное послевоенное детство. Сначала он не обращал на это внимания, но постепенно вжился в роль вице-вождя России и стал ходить на заседания в туфлях на высоких каблуках.

Журналисты это сразу приметили.

И когда Руслан Имранович начал все чаще одергивать окриком своих оппонентов, пускаться в хлестаковщину, — камеры в телерепортажах на федеральных каналах стали скользить с самодовольного лица спикера на его обувь. Как бы подчеркивая этим несоответствие высоких каблуков приземленности мыслей.

Хасбулатов приходил в ярость. Кавказский темперамент не позволял ему спокойно воспринимать даже путную, без ерничества критику парламента. Руслану Имрановичу чудилось, будто неблагодарное журналистское сообщество объявило войну Верховному Совету и лично его председателю.

Я чувствовал, что Мининформпечати теряет союзника своим законопроектам. Но если прессе сказали бы даже «Стоп!», никто бы не среагировал на эту команду.

СМИ тогда не раболепствовали перед властью, не церемонились с ней. На вранье ловили и Президента России, министров и депутатов. Отслеживали, как расходовали деньги налогоплательщиков. И полоскали имена расхитителей. В общем, называли вещи своими именами. Многие чиновники скрипели зубами, но замахиваться на журналистское сообщество, как на осиный рой, боялись.

Нынешняя публика — вещающая и пишущая — как-то быстро встроилась в фальшивый хор бездарей-«единороссов» со своими подпевками о маразме начала 90-х. Не надо! Маразм вполз в Россию потом и продолжает крепчать по сей день. В том числе с помощью крепостных средств массовой информации. Будто на большинство сегодняшних журналистов посмотрел глазами свободного волка на его сородичей Владимир Солоухин:

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.
И льстить и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда.

Вижу, как журналисты кремлевского пула (и не только они!) испытывают что-то вроде оргазма от прикосновения к своему плечу липких рук титулованных чиновников. Зрелище такое, будто таракан ползет по твоей тарелке с борщом.

Журналистов раззадоривала вспыльчивость Хасбулатова — его шпыняли со всех сторон, теряя иногда чувство меры. Отношения между ним и пишущей братией накалялись. Руслан Имранович тормошил меня и требовал повлиять на журналистов. Еще были надежды хотя бы притушить накал противостояния и затем попытаться провести-таки через Верховный Совет закон о Национальном фонде и другие акты для становления четвертой власти.

С Вячеславом Брагиным мы, как миротворцы, устроили дружескую встречу спикера с главными редакторами газет. Дружбы не получилось: редакторы-зубры не хотели слышать о компромиссах даже из тактических соображений. Они полагали, что свобода слова дана им на веки вечные демократической сутью нового государства, и не надо сохранять да и отстаивать это право гарантирующими законами, иногда обнимаясь с теми, с кем не хотелось, и маневрируя.

Я внес в Верховный Совет проект закона об ответственности за диффамацию. Чуть-чуть успокоенный Хасбулатов сказал с трибуны: «Оружие свободы пресса пустила в ход против парламента, который их благословил на свободу... Сегодня надо бы принять тот закон, который предложил министр печати Полторанин. Необходима взаимная ответственность». Но в суматохе закон провалили. Причем заблокировали его сторонники гайдаровской команды. Не поняли? А может быть, хотели более радикальных мер!

И действительно, на обсуждение Верховного Совета депутаты представили Постановление о создании в телерадиокомпаниях наблюдательных советов из чиновников с неисчерпаемыми кадровыми полномочиями («Всех несогласных уволить, все острые передачи закрыть!») и поправку в Уголовный кодекс России о применении уголовного наказания за критику высших должностных лиц.

Тут уж журналисты поднялись из окопов все как один. Вокруг постановления и поправки депутаты подискутировали на сессии, но утверждать их не стали.

Ситуация высвечивалась более-менее четко: редакторы, надеясь на поддержку влиятельного тогда Министерства печати, блефовали, а парламент пытался брать их на испуг. Супервлиятельность нашего министерства — не моя выдумка. Это депутаты Верховного Совета требовали от президента приравнять его за политический вес к силовым ведомствам, чтобы нельзя было назначить министра без согласия ВС.

Чувствительней других кусала ключевых членов парламента газета «Известия». Коллектив там подобрался способный,

не юлил, а открыто поддерживал либералов. Это было право независимого издания («вольную» «Известия» получили после инсценировки с ГКЧП): можно уважать или презирать журналистов за такую позицию, но никто не смел мешать им высказывать свои убеждения. Газета регулярно показывала темные пятна на белых одеждах парламента, и делала это квалифицированно. Чем умножала злость депутатов.

Однажды поздним вечером я ехал из Кремля домой, и мне в машину позвонил Хасбулатов. После недолгих прелюдий он сказал:

— Президиум Верховного Совета просит вас закрыть газету «Известия».

— Как закрыть? На каком основании? — опешил я. — Закона они не нарушили ни разу.

— Нарушили — не нарушили, какая разница, — начал заводиться Руслан Имранович,. — у них юристы сверяют каждую запятую, а вы найдите повод — вы же министр печати. Группа дельцов прикарманила массовое издание и третирует неугодный ей Верховный Совет. Чей заказ они там выполняют, не знаю.

Я сказал, что идея Президиума Верховного Совета очень плохая — это рудимент сусловщины. Одной рукой парламент давал свободе слова дорогу, а другой — хотел затыкать критике рот. «Ты берешься за молнию вместо ответа — значит ты, Зевс, не прав!» У Верховного Совета свое издание — «Российская газета», своя телекомпания — ВГТРК, где председатель Олег Попцов дружен с Хасбулатовым, сеть своих средств массовой информации в регионах... Сколько возможностей размазать «Известия», если они не правы, но размазывать надо в дискуссиях, а не запретительным катком.

Мы разговаривали долго, Руслан Имранович трамбовал меня безуспешно, а в конце сказал:

— Вы так рьяно защищаете «Известия», но попомните меня: они и вас продадут за копейку.

(И в этом оказался прав Хасбулатов. В 95-м, когда олигархи с подачи Кремля рассовывали по карманам прессу России, я был председателем Комитета Госдумы РФ по информационной политике. И пытаясь спасти остатки независимости журналистов, пробивал закон о государственной поддержке СМИ. Помимо налоговых и других льгот для вольных редакций включил в закон раздел о создании того самого Национального фонда — разозленный хасбулатовский Верховный Совет больше не захотел помогать прессе.

Закон позволял редакциям вести независимую экономическую политику, а не сдаваться в рабство денежным мешкам. И против него, сомкнувшись, активно выступали нувориши и Кремль. Под их дуду запела подкупленная братия ряда изданий. Журналисты «Известий», уже продавшие к тому времени душу дьяволу — олигарху, оказались в первых рядах атакующих спасительный документ.

Потом известинцы перегрызлись из-за денег друг с другом. Кто-то из них остался на месте, а кто-то побежал создавать другую газету под другого хозяина. Затем под третьего. Так и бегают, запыхавшись. Выбор между свободой и деньгами — тяжелое моральное испытание. Не многие могут подняться до правильного решения.)

Если булгаковских москвичей испортил квартирный вопрос, то смертельную дозу яда в нормальные отношения между вождями Верховного Совета и Мининформпечати внесла последующая история с «Известиями». В этой истории столкнулись два принципа. Депутатов даже не сама газета интересовала, им важно было преподать урок обществу: если высшей власти новой России — Верховному Совету — возжелалось высечь строптивых, то она это сделает непременно.

Я тоже не питал нежных чувств к журналистам «Известий», но мне хотелось показать вместе с ними, что и высшей власти в демократическом государстве должно быть не все дозволено. Нельзя было допустить создание прецедента.

Вскоре руководители Верховного Совета задумали лишить «Известия» независимости и сделать их официальным изданием парламента, как в старые времена, когда они считались органом Верховного Совета СССР. Но разбить топором опасались, предугадывая свирепое нападение даже не осиного, а шершневого роя средств массовой информации. Решили пустить в ход шантаж, чтобы принудить коллектив добровольно согласиться на изменение статуса газеты.

Мне позвонил главный редактор «Известий» Игорь Голембиовский и попросил подойти (министерство находилось в пяти шагах от газетного комплекса) и поддержать. К ним приехал зам Хасбулатова Николай Рябов (тот самый, что был потом председателем ЦИКа) и нагонял на журналистов разные страхи.

Я пришел, собрание было в разгаре. Вспотевший от напряжения Рябов зачитывал ультиматум: если редакция откажется от почетной сдачи на милость Верховного Совета, то здание у нее отберут, из помещений всех выселят, распространение газеты прекратят, доступ к полиграфическим мощностям пе-

рекроют. Ошалевшие от таких перспектив журналисты перешептывались и пожимали плечами.

Захотели послушать мою точку зрения. Я сказал, что это выбор самих журналистов: пастись на вольном лугу или хрумтеть сеном в стойле государственной структуры. Пусть сами думают. Но мы не для того пробивали закон о средствах массовой информации, чтобы запускать процесс вспять. А что касается рябовских угроз, то на каждое действие есть противодействие. Коли на то пошло, наше министерство увеличит независимым «Известиям» сумму дотации, обеспечит печатание и распространение газеты. И о помещениях для редакции позаботится. (На следующий день я пришел к Ельцину, рассказал ему обо всем, и он поручил правительству срочно передать редакционное здание «Известий» в собственность коллективу. В то время Борис Николаевич еще нередко выступал как ситуативный союзник свободы слова. Как, впрочем, и Руслан Имранович — только с другого фланга.) Рябов уехал ни с чем.

Не знаю, что он докладывал в Белом доме, но Хасбулатов сказал на заседании президиума:

— Это Полторанин подговаривает журналистов выступать против Верховного Совета. Теперь понятна их наглость.

На сей раз он ошибался. Не до интриг, когда пробираешься к главной цели — созданию четвертой власти (а разгром «Известий» этому только противодействовал. Вслед за российским парламентом начали бы прибирать газеты к рукам краевые, областные и городские власти).

Хотя Ельцин наставлял меня: «Не отдавайте им печать!» — им, значит Верховному Совету, но и под контролем президента она не должна оставаться: наденет розовые очки, разучится называть вещи своими именами. Одно спасение — независимость всех средств массовой информации на всех уровнях. Но союзники в парламенте превращались в недругов независимой прессы и стали отмахиваться от идей нашего министерства, как от надоедливых мух. Ситуация вошла в ступор.

И тут я совершил большую ошибку. Не выдержал. Горячность подвела. Случилось это так.

Еще несколько недель толклись депутаты вокруг проблемы «Известий». В сторону были отложены важные экономические вопросы, тянул Хасбулатов и с принятием уже готового закона «О Совете Министров — Правительстве Российской Федерации». Хотя этот закон урезал самодержавные полномочия президента, а самому Верховному Совету давал право отправлять в отставку правительство и контролировать работу Кабинета министров.

Наконец вопрос о судьбе «Известий» Хасбулатов вынес на обсуждение сессии Верховного Совета. Мне предложили выступить перед депутатами.

У меня было компромиссное предложение, которое мы обговаривали заранее: «Известия» остаются независимыми, но какое-то время используются как носитель для вкладыша — издания парламента. Для этого Верховный Совет должен создать свою редакцию — она будет готовить еженедельные четырехполосные вкладыши. И за определенную плату известинцы начнут их доставлять подписчикам вместе со своей газетой.

Членов редколлегии «Известий» тоже вытащили на заседание: они молча ожидали своей участи, пристроившись в правом углу зала. А депутаты будто с цепи сорвались. Журналистов и оскорбляли и ругали за материалы. Кто-то кричал, что газета совсем потеряла совесть: отказалась печатать размышления о жизни его, члена Верховного Совета. Тогда многие депутаты стремились напомнить о себе избирателям через средства массовой информации.

Руслан Имранович предоставил мне слово. Я молчал на трибуне минуту-другую — ждал, когда утихнет шум. Но он не прекращался. Вот тут-то совсем некстати во мне проснулся бес.

— Послушайте, — сказал я депутатам, — ну как вам не стыдно. У вас дел невпроворот, а вы целый месяц мстительно топчетесь на «Известиях». Оставьте в покое редакцию и газету, займитесь страной...

Поднялась буря возмущения — к такому тону здесь еще не привыкли.

Хасбулатов прогнал меня с трибуны.

— Он пришел нас учить, — бросил мне в спину Руслан Имранович. — Учитель нашелся...

Компромиссное предложение озвучить я не успел. И стал врагом не только Хасбулатова, но и значительной части членов Верховного Совета. О совместной работе над созданием четвертой власти теперь не могло быть и речи. Даже законопроект нашего министерства о равных финансовых и налоговых льготах для газет как оппозиционной, так и проправительственной ориентации руководство парламента отмело с порога. Мы были вынуждены продолжать выделение дотаций по заявкам редакций, а в этом случае добиваться объективности крайне трудно.

Пусть не клянут меня свободолюбивые журналисты за срыв: что было, то было. Я готов ради дела посыпать голову

пеплом, только подайте результат. Но в настроениях самого Верховного Совета уже чувствовались негативные перемены: многие депутаты как бы устали от демократии, от газетного прессинга и хотели прежних порядков.

Хасбулатов уговорил членов парламента, и они проголосовали за постановление, которым подчинили независимые «Известия» Верховному Совету. Спикер торжествовал. Стал подбирать кандидатов на посты главреда своей газеты и его замов. Засуетились по коридорам Белого дома различные претенденты.

Но не дремали и сторонники свободной печати. Мои друзья юристы Сергей Шахрай и Александр Котенков вместе с Игорем Голембиовским направили жалобу в Конституционный суд Российской Федерации, и тот признал Постановление Верховного Совета «О газете «Известия» не соответствующим Основному закону страны. Суд «потребовал привести все правоотношения, оформившиеся на основании неконституционного акта, к состоянию, существовавшему до применения этого постановления Верховного Совета РФ». Издание осталось независимым.

Руслан Имранович переживал свое поражение болезненно. Поначалу мы обменивались с ним легкими колкостями в печати, затем во взаимных высказываниях стала просачиваться агрессивность, а потом Хасбулатов принялся называть меня Геббельсом. В одном из интервью он зло сказал: «Мы должны не только снять с работы Полторанина, но и посадить его». «За что?» — спросил журналист. Найдем за что, ответил сердитый спикер.

Удивляюсь способности многих наших политиков уживаться со всеми и при любых поворотах событий. Наблюдаешь за ними и видишь: позавчера они были с красными, вчера — с белыми, сегодня — с голубыми или малиновыми. И всюду они свои, всюду провозглашают искренне то, что принято говорить и делать в очередной их кампании. Такими эластичными вырастают, наверно, с пеленок. Все они долгожители в российской политике.

Мне не позволяли быть со всеми «своим» рабоче-крестьянская прямота и болезненное чувство правды и справедливости (в детстве я даже мечтал быть судьей, чтобы защищать бедных, поскольку насмотрелся на унижения «маленького человека»). И высокие связи не боялся рвать.

Вот были мы на короткой ноге с вице-президентом России Александром Руцким. Дарили по случаю друг другу подарки: «Саша» — «Миша». Я даже придумал Межведомственную

комиссию по борьбе с коррупцией и предложил Ельцину поставить Руцкого во главе этой структуры. А то боевой генерал зачах от безделья, сидел в Кремле, перебирая проекты коровников. Затащит к себе в кабинет, разложит листы: «Смотри, и этот коровник можно сварганить?» Ну какой из летчика животновод! Ему коррупцию надо бомбить. Ельцин согласился.

Однажды Руцкой позвонил мне и попросил подъехать к зданию книгохранилища на Профсоюзной улице: «Есть предложение». Многоэтажное книгохранилище, площадью около 50 тысяч квадратных метров, стояло недостроенное — кончилось финансирование. Объект принадлежал нашему министерству, и мы всюду искали средства на его завершение. Неужели вице-президент решил нам помочь?

Подъехал. Возле хранилища уже стояло несколько лимузинов, а Руцкой в сопровождении группы молодых людей кавказской наружности энергично двигался по коридорам и лестничным пролетам пустого здания. «Твоих пристроим сюда, — говорил он одному, решительно выбрасывая вперед левую руку, — а твоих сюда», — и швырял в сторону правую руку. Вице-президент походил на полководца, бросавшего в сражение армейские соединения. Трудно было что-либо понять из их разговора.

— Езжай за нами, там все обсудим, — сказал мне Руцкой, и мы колонной двинулись к Рублевскому шоссе.

Половина первого этажа жилого дома — офис за системой стальных дверей. Стол с коньяком и закусками, кресла, диваны. Руцкой развалился в одном из кресел и стал говорить, что на достройку книгохранилища министерство денег все равно не найдет и надо отдать здание его компаньонам. Проблема с переоформлением документов пусть не беспокоит меня. Компаньоны вице-президента согласно покивали головами и добавили: за это в мою личную собственность перейдет новый трехэтажный особняк в Серебряном бору, на берегу Москвы-реки.

Напор был прямо-таки гусарский. У Александра Владимировича усы топорщились от возбуждения. Я ответил, что это пустой разговор, министерство здание никому не отдаст и попросил Руцкого выйти со мной в коридор.

— Саша, не лезь в дерьмо, — сказал я ему там. — Возле тебя стало крутиться много всяких ханыг. Ты компрометируешь президента.

Сел в машину и уехал.

После этого, завидев меня, Александр Владимирович делал свирепые глаза, а я перестал заходить к нему в кабинет. Между нами образовался провал.

Уже тогда, многократно обиженный Ельциным, Руцкой за спиной президента тайно братался с Хасбулатовым. И вместе они открыли охоту на недругов Руслана Имрановича.

Позвонили мне из транспортной службы: пришли люди от Руцкого и Хасбулатова, учинили допрос — какими спецрейсами я летал в командировки и во что это обошлось государству. А я как рядовой гражданин всегда добирался только рейсовыми самолетами, через стойки многолюдных аэропортов. Не поверили. Перетряхнули все бумаги. Ушли ни с чем.

Заинтересовались моим жильем. Хасбулатов к тому времени уже занял квартиру генсека Брежнева, ненамного отстал от него Руцкой, неужели я не воспользовался моментом? Не воспользовался. Жил в старой квартире, полученной по строгим жилищным нормам еще в советские времена.

А мои сыновья — они-то должны были получить что-то от отцовского положения? Тоже облом. Старший сын оттрубил два года в спецбригаде ВДВ — в забайкальской Могоче («Бог создал Сочи, а черт — Могочу»), работал литературным сотрудником частного издательства, а младший служил на глухом объекте в космических войсках. И жена, как назло, оставалась врачом-инфекционистом в обычной городской больнице.

Что-то найти в министерстве? Но у нас люди еще не оправились от испуга. Мы бесплатно распределяли типографскую бумагу для независимых изданий — соблазнов у чиновников хоть отбавляй. Я собрал предварительно коллектив управления и предупредил: получу информацию о вымогательствах, отвечать будут один за всех и все за одного. Но сначала первый редактор, потом второй пожаловались мне, что работники управления потребовали с них мзду. Кто конкретно?

Редакторы мялись-мялись, но фамилии назвать отказались, побаиваясь навлечь на себя гнев распределителей. Но вычислить их не составило труда.

Я вызвал к себе начальника управления, бывшего народного депутата СССР и, кстати, члена Межрегиональной депутатской группы, потребовал выдать на расправу мздоимцев — иначе солидарную ответственность понесет все управление. Не знаю, чем думал бывший народный депутат со товарищи, но вымогателей они выдавать не стали. И тогда я ликвидировал управление, уволив всех 16 сотрудников.

Пользуясь старым знакомством с Ельциным, бывший мой коллега по МДГ пришел к нему с жалобой. Борис Николаевич мне позвонил. Я подробно объяснил ситуацию.

— Жестоко, — резюмировал президент. — Но, может быть, так и надо делать везде.

В министерстве после этого начали дуть на воду.

Полагаю, что демократия в обществе невозможна без диктатуры порядка в госаппарате. Прежде всего — в исполнительной власти. Если происходит либерализация госаппарата, то в стране устанавливается диктатура хаоса и вседозволенности.

Я посмеивался над бесплодными попытками Руцкого с Хасбулатовым прищучить меня. И над вербовкой ими для этого дела некоторых ребят из гайдаровской братии. Но все-таки повод потоптаться на мне у них нашелся. Я сам его дал по старой журналистской привычке соваться во все дела.

Бывший корреспондент «Правды» по Восточной Германии Сергей Байгаров выпускал при Мининформпечати многотиражную газету для съездов народных депутатов России. Тогда зарубежные корреспонденты центрального органа партии были сотрудниками КГБ — возможно, и он имел какой-нибудь чин. Да только времена изменились. Все начинали с чистого листа.

Однажды Байгаров пришел ко мне с замом Чубайса по Госкомимуществу Петром Мостовым и принес справку спецслужб о положении с Берлинским домом науки и культуры. Дом, как и ряд других наших зарубежных объектов, не был переведен на баланс России, а числился в собственности уже не существующего государства СССР. МИД РФ не предпринимал никаких шагов, и свои права на этот Дом заявили Украина и Казахстан.

А пока в нем окопались дельцы из структуры вице-премьера Александра Шохина и использовали его как собственный коммерческий центр для переправки на продажу автомобилей из Германии в нашу страну. Барыши они там имели немалые, но при этом Россия постоянно выделяла средства и на их содержание, и на арендную плату. А московские покровители получали в ответ из Берлина автомашины.

В этой главе я рассказывал о чиновничьих комбинациях с заграничной собственностью, и справка по Берлину меня, в общем-то, не удивила (поэтому и не переводили дома в собственность России — а таких по миру было больше сорока, чтобы они оставались бесхозными). Но Байгаров с напарником пришли не просто так, а с идеей. И она была привлекательной.

Везде в большом ходу личные связи. С их помощью здание через Земельный суд Берлина предлагалось перевести в собственность РФ и сделать Российским Домом прессы (РДП) —

для издания в нем на европейских языках газет и журналов, отстаивающих интересы нашего государства. Из Москвы в такую даль возить тиражи не надо, как их возило Агентство печати «Новости», — все страны здесь под боком.

Дом, правда, из-за скверной эксплуатации сильно обветшал, ему требовался большой ремонт. Владелец немецкой фирмы, который брал на себя переговоры с Земельным судом, соглашался сделать этот ремонт, да еще поставить за свой счет новые полиграфические машины, оборудовать залы для пресс-конференций и в дальнейшем взять на себя обслуживание РДП. Но выставлял условие: за это его фирма должна иметь долю прибылей в совместном российско-германском обществе «РДП» и на правах компаньона получить в отремонтированном здании площади под несколько своих магазинов, офисов и ресторан. А полноправным хозяином Дома становилось Российское государство. Но какому ведомству дозволено управлять этой собственностью, а значит и РПД?

Должен признаться, что Мининформпечати к Берлинскому дому никакого отношения не имело. Хоть он и был бесхозным, но все равно как бы находился в компетенции чубайсовского Госкомимущества. А Госкомимущество-то как раз и предложило поделить долю управления фифти-фифти — между их ведомством и нашим министерством.

Перспектива вырвать Дом из рук дельцов, перевести его под юрисдикцию нашего государства, отклонив претензии Украины с Казахстаном, да еще создать там пропагандистский центр для промывания европейских мозгов русской правдой не могла оставить равнодушным меня, бывшего журналиста. Байгаров, при условии, что мы назначим его одним из руководителей РДП, брался вместе с владельцем немецкой фирмы за перевод Дома в собственность России. Я отправил его к своим юристам сочинять совместное с Госкомимуществом распоряжение о наделении этой пары полномочиями для ведения дел в Земельном суде Берлина.

Все было готово, когда мне сообщили, что Госкомимущество вдруг отказалось от участия в этом проекте. Почему? Не его профиль связываться с Домами прессы. Пусть, дескать, Мининформпечати полностью берет на себя управление.

Пусть так пусть! И тем не менее, мне бы насторожиться и плюнуть на ими же придуманную затею. Баба с возу — кобыле легче: забот у меня хватало и без РДП. Но, честно говоря, мы с нашими юристами не почувствовали никакого подвоха: какая разница — между двумя государственными ведомствами распределять управление Домом или оно достанется одному.

Я только поручил своим работникам добиться на распоряжении визы Чубайса (ее тут же получили) и выдал документ за своей подписью.

Зачем столько подробностей? Детально останавливаюсь на берлинском эпизоде, поскольку в прессе вокруг него было много неясности и предположений. Акция-то затевалась неординарная: разобраться в частностях со стороны было не просто, а растолковывать публично суть задуманного не имело резона, чтобы не спровоцировать активное противодействие соседей по СНГ. И потому некоторые издания освещали эту историю по принципу: слышали звон, да не знали, где он.

А сухой остаток от нее таков: Берлинский дом науки и культуры с 1992 года является собственностью Российской Федерации (по решению Земельного суда) и принадлежит сейчас Управлению делами Президента России.

Перевод зданий под юрисдикцию нашего государства прошел без лишней огласки, а когда мне доставили выписку из Поземельной книги Берлинского суда (официально подтверждающий факт передачи), я направил в Германию группу министерских специалистов во главе с заведующим секретариата Владимиром Володиным. Они должны были посмотреть, кто и на каком основании занимается автобизнесом в Доме (сам я там не бывал ни разу), провести ревизию и дать конкретные предложения по созданию РДП.

Тут и поднялся шум. Московские крышеватели автоспекулянтов из Берлина кинулись к Руцкому с Хасбулатовым. А те, мстительно потирая руки, зазвенели на всю Россию: попался, голубчик, — на партизанщине. И поручили Генеральной прокуратуре потрясти меня основательно, как боксерскую грушу.

Интересными были беседы со следователями этого органа по спецзаданиям. Они предъявили мне обвинение в превышении полномочий и сами не знали, как выкрутиться из нелепого положения. Мы сидели с ними в тесной комнате допросов, пили чай с бутербродами и прощупывали друг друга. Я спрашивал, нашли ли они в моих действиях корыстные интересы? Нет, не нашли. Нанес ли я государству материальный ущерб? Нет, не нанес, наоборот, перевел Дом под юрисдикцию России. А в чем тогда превышение полномочий? «Но у вас же не было полномочий решать судьбу зарубежной собственности, — твердили следователи. — Вы их присвоили, залезли в чужой огород». «Залез, чтобы защищать интересы государства». «А это не имеет значения — закон беспристрастен, ему все равно». И дальше шли в ход другие приемы казуистики.

(Еще до встреч со следователями, когда поднялась шумиха, я аннулировал свои распоряжения по созданию РДП («Плетью обуха коррупции не перешибешь») — пусть ведомственную подчиненность новой российской собственности определяет правительство. И в конце концов с меня сняли обвинение «за отсутствием состава преступления». Гораздо позже, успев позабыть о берлинской истории, я узнал, что избавленные от всякого контроля чиновники затевали в Земельном суде дело о возврате Дома под юрисдикцию несуществующего СССР, добиваясь его бесхозного статуса. И что немецкие дельцы пробовали воспользоваться этой циничной возней московских чиновников и прибрать к рукам нашу собственность. Не вышло. Дом, как уже говорилось, навсегда остался за Россией.)

Я спросил следователей, зачем они, квалифицированные юристы, потея от услужливости, выполняют политический заказ? И услышал в ответ: «Мы, народ подневольный, приказали — делаем». Других вопросов к ним быть не могло.

Нам, романтикам от политики первой волны, долго чудилось, что достаточно установить в России режим демократии и люди перестанут ощущать себя бездумными шестеренками Системы, «подневольным народом». Мы объясняли наивно: это тоталитарная система подминала порядочность, это она насаждала повсюду рабскую психологию. И не всегда задавали себе вопрос: а откуда растут ноги авторитарной, тоталитарной системы.

Пример современной России наглядно показывает: не общественный строй делает людей шестеренками, а бездумные шестеренки даже нормальную Систему без труда превращают в репрессивную. И дают дорогу бесчинству самовластья. Не может ничтожная кремлевская группировка, вцепившаяся намертво в царские кресла, за годом год выкорчевывать в стране демократию, отнимать у населения его законные права и свободы, если ей не способствует бессчетное количество бездумных шестеренок — губернаторы, мэры, депутаты, судьи, прокуроры, милиционеры, журналисты, режиссеры и проч. и проч. Каждый из них преследует свои низменные цели, а все вместе они — навоз для подкормки всходов диктатуры. Так было всегда.

В России выгодно и безопасно быть бездумной шестеренкой. Во всем придерживаться Основного закона — такая позиция иногда требует мужества, напряжения мысли. Гораздо проще сгибаться в позу «чего изволите?» и действовать по команде сверху, по указующему звонку. Потом можно прики-

нуться овечкой и свалить свои грехи на вождей: виноваты Сталин, Брежнев или Ельцин, но не бездумная шестеренка.

И общество удовлетворяется этими оправданиями. Вот и в будущем пронырливые функционеры «Единой России» начнут вытирать ноги о Медведева с Путиным, жалуясь на свое якобы подневольное положение.

У нас можно сделать еще хоть десять прыжков в демократию, но все попытки укоренения народовластия будут заканчиваться воцарением на троне изворотливых узурпаторов. Пока не замаячит над бездумными шестеренками неотвратимость наказания за их личную сволочную позицию.

После смерти Сталина его пособники по мокрым делам процветали. После смерти Брежнева врачи, томившие несогласных в психушках, становились академиками, а свирепые тюремщики получали генеральские звания. После Горбачева его подельники по подготовке страны к сдаче в загребущие руки Всепланетной Олигархии восседали в Совете Федерации и во главе российского правительства. «Мы народ подневольный», — лепетали они, если им о чем-то напоминали.

Я не веду речь о люстрации: она, как правило, выливается в войну новых властей с политическими противниками. Разговор всего лишь о соскабливании беспринципных «липучек». Но за все десятилетия общество не провело ни одной акции по *десволочизации* государственного аппарата, правоохранительной, масс-медиа и иных систем. Не очищало обслуживающие себя структуры от фарисейской накипи, а всепрощенчеством только поощряло мразь с рабским нутром. Поэтому с каждым новым поколением ее становилось все больше. Теперь возникла реальная угроза самодостаточности нации.

Хотим мы вскочить хотя бы в последний вагон? Тогда пора браться за поименные списки пособников нынешней аракчеевщины и начинать подготовку к первому процессу *десволочизации Системы*. Из чувства самосохранения.

14

Когда Ельцин почувствовал, что почва уходит из-под его ног? Точно дату назвать никто не решится. По моим наблюдениям, это был декабрь 92-го.

Целенаправленное уничтожение президентом экономики России и присвоение народной собственности кучкой нуворишей оттолкнули от Бориса Николаевича массу людей. Даже многие его сторонники из числа народных депутатов, как они признавались, расшифровали Ельцина и готовы были голосовать за отрешение президента от власти.

А сам хозяин Кремля не чувствовал резких перемен в настроениях. Гайдаровские ребята все время пели ему осанну, выдумывали подхалимские показатели роста благосостояния, и он, оторванный от жизни охотой с рыбалкой, по-прежнему считал себя неуязвимым.

Волна резкой критики на Седьмом съезде в декабре 92-го ошеломила его. От почтительности депутатов не осталось и следа: все требовали объяснить, куда он на самом деле рулит, и пока что только завалили предложенную Борисом Николаевичем кандидатуру Гайдара на пост премьер-министра. Ельцин решил наказать брыкливых депутатов: вот он поднимется, сам хлопнет дверью и призовет своих сторонников — а их, по его подсчетам, больше половины — покинуть съезд. Останется меньшинство, кворума не будет — к президенту приползут с извинениями и белым флагом.

Поднялся, призвал, но съезд покинули только единицы. Съезд как ни в чем не бывало продолжал работу, а выход пришлось искать самому Борису Николаевичу.

Еще в ноябре он вызвал меня и сказал, что Гайдар договорился с Хасбулатовым: если президент отправит в отставку меня, то предстоящий съезд оставит Егора Тимуровича с его людьми во главе правительства. Так я опостылел руководству Верховного Совета своей строптивостью. Ельцин не давил на меня, а как бы объяснял досадливо ситуацию, но было видно, что ему очень хотелось иметь Гайдара во главе Кабинета министров. Я все понял. Тут же написал заявление о добровольной отставке, но сказал: бесполезно хвататься за соломинку, надо готовиться к замене Гайдара достойным человеком.

Тогда же Ельцин создал недосягаемый для Верховного Совета Федеральный информационный центр (ФИЦ) и назначил меня его руководителем в ранке первого вице-премьера российского правительства. Щелкнул тем самым по носу Хасбулатова. (Ну как без этого!)

И вот теперь в декабре, после неудачного демарша на съезде, он собрал нас, несколько человек: как быть дальше? Борис Николаевич был подавлен. Он наконец почувствовал, что больше не является хозяином положения, что с новой расстановкой сил на съезде фактическая власть перешла в другие руки. И без наших советов Ельцину было понятно: надо искать компромисс, договариваться.

Правда, кандидатуру Юрия Скокова, получившего большинство на съезде при рейтинговом голосовании, выдвигать в премьеры Борис Николаевич поостерегся. Человек он самодостаточный, с принципами, к тому же бессребреник. Хоть и уважал

нестандартность Ельцина, но, разобравшись в его бнайбритских планах, мог взбрыкнуть и встать на сторону оппозиции. Нужен карьерист без комплексов, с пластилиновыми моральными устоями, готовый идти с президентом на все прегрешения. Кандидатура Виктора Черномырдина подходила по всем параметрам. Депутаты утвердили его: они готовы были голосовать хоть за телеграфный столб, только не за Гайдара.

«Съезд звереет», — ругался в бессилии Ельцин. Он понимал, что это только начало смещения его на второстепенную роль. И что продолжать свою линию при таком настроении съезда опасно: нарастала угроза импичмента, пересмотра итогов и методов приватизации, да и всей экономической политики. Борис Николаевич крепко задумался.

Можно толковать его опасения, перейдя на высокий слог. Так примерно: вот закончился бархатный сезон в отношениях между двумя центрами власти России, вот консолидировал Хасбулатов депутатские силы, и в стране шаг за шагом начнет утверждаться парламентская форма правления. У народа нашего артельная психология: он легко согласится, что президентская республика не для России, поскольку самодержавие хозяина Кремля всегда выливается в деспотизм и разгул чиновничьей бесконтрольности. Но приемлема ли для многонациональной страны парламентская форма правления, способна ли она обеспечить территориальную целостность России?

Те, кто близко знал Ельцина не по совместным застольям, а по откровенным обменам мнениями в рутинной работе, согласятся, что Борис Николаевич не мыслил в таких категориях. Мне он напоминал жильца коммунальной квартиры, обозленного на соседей и всегда готового плеснуть в их кастрюли на общей кухне порцию керосинчика. Можно было мирно сосуществовать на одном политическом поле, взаимодействовать плодотворно — президенту с парламентом, сдерживая друг друга системой противовесов. Как и полагается добропорядочным людям. Но тогда президенты должны приходить к власти, чтобы работать на свой народ, быть ответственным перед своим народом.

А Борис Николаевич этого не хотел. Он желал только царствования — бесконтрольного, не ограниченного никакими рамками. Но наличие съезда народных депутатов хоронило эти планы. И тогда, в конце декабря, у Ельцина и вызрела окончательно идея: убрать съезд с политической сцены, узурпировать власть.

У хозяина Кремля сразу установились доверительные отношения с Биллом Клинтоном — даже в телефонных раз-

говорах. Билл стал членом Бильдербергского клуба, будучи еще губернатором Арканзаса, и этот клуб, присмотревшись к «своему парню», продвинул его в ноябре 92-го в президенты Соединенных Штатов Америки. Он стал чем-то вроде дуайена в президентском корпусе планеты, представлявшем интересы Бнай Брита. Ельцин рассказал ему о потайных замыслах. Тот вначале их не одобрил.

— Надо работать с парламентом, — остудил он своего друга. — Мне же придется работать с конгрессом, хотя там еще та публика.

— Не сравнивай, — сказал Борис Николаевич, — наша политика встретила большое противодействие депутатов. Я полностью утрачиваю контроль и поддержку. Еще полгода, от силы год, и меня прокатят на вороных. Вы потеряете Россию.

Общественное мнение Запада, посетовал Клинтон, проглотит, не поперхнувшись, многие фортели политиков, но вокруг конституционного переворота поднимет вселенский шум. Ельцин успел многое сделать для ослабления своего государства. Но власти дружественных ему стран, тем не менее, под давлением плебса — электората будут вынуждены объявить президента России изгоем, невыездным и поставить в один ряд с Саддамом Хусейном.

Они поговорили еще. И Клинтон сказал, что он сможет обеспечить поддержку затей Бориса Николаевича лидерами Большой Семерки, а также ее сателлитами. И Бнай Брит спустит средствам массовой информации команду освещать ситуацию как схватку демократа с русскими фашистами, но для этого Ельцину надлежит прыгнуть выше головы и обеспечить президента США неубываемым козырем. Каким?

Борис Николаевич должен согласиться на передачу Америке (за символическую цену) стратегических запасов оружейного урана России, чтобы у русских осталось менее десяти процентов от арсенала США. Для этого надо в одностороннем порядке демонтировать более 20 тысяч ядерных боеголовок и поэтапно отгружать их начинку за океан. Поскольку крупные урановые месторождения Советского Союза отошли Казахстану с Узбекистаном, Россию через несколько лет можно будет со спокойной душой вычеркнуть из состава ядерных держав. Конфиденциальные переговоры с доверенными людьми Ельцина ведутся — нужна только его воля.

У Клинтона на руках должно появиться секретное соглашение о такой сделке между РФ и США: он потрясет им перед носами лидеров западных стран и заставит их поддержать любые антиконституционные вылазки Ельцина, чтобы сохранить его у власти.

Будь Ельцин на публике, он зашумел бы, грохнув кулаком: «Шта-а-а ты мне предлагаешь!» Но на людях и без них Борис Николаевич был очень разным. Это заметил даже друг и одногруппник Клинтона по Оксфорду, первый заместитель Госсекретаря США Строуб Тэлботт. В своих мемуарах «Рука России» (2002 г.) он довольно мягко вспоминал: «На пленарных заседаниях с большим числом присутствующих по обе стороны стола Ельцин играл решительного, даже властного лидера, который знает, чего он хочет, и настаивает на получении этого. Во время закрытых встреч он становился восприимчив к уговорам и увещеваниям Клинтона. Затем во время заключительных пресс-конференций Ельцин из кожи вон лез, чтобы скрыть, как уступчив он был за закрытыми дверями».

Что там Россия, с ее церковными куполами, с ее кудрявыми рябинами, с ее Иванами да Марьями, когда на кону личная Власть. И Ельцин охотно согласился.

Уже 18 февраля 93-го года было подписано «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия». По нему наша страна обязалась за мизерные деньги (при стоимости всей массы зарядов в 8 триллионов долларов ее уступили за 11,9 миллиарда) передать американцам 500 тонн боевого урана с обогащением в 90 и более процентов.

Много это или мало? Давайте сравним: за более чем полвека, начиная с 1945 года, в США при их-то мощи было произведено всего 550 тонн оружейного урана. Примерно тем же порядком цифр исчислялся и ядерный арсенал Советского Союза. Вот и прикидывайте, сколько чего осталось для обороны у нас.

Для страховки от возможного обвинения Бориса Николаевича в измене Родине Соглашением обговаривалось, что все 500 тонн высокообогащенного урана (ВОУ) будут разубожены в низкообогащенный уран (НОУ) для АЭС США. Солить они, что ли, собрались это топливо! При закрытости нашей коррумпированной власти и при полном отсутствии общественного контроля никто не узнает, НОУ отправляли за океан или все-таки ВОУ. Да хоть бы только НОУ — с какой стати!

Обратило на себя внимание и еще одно обстоятельство. Пункт 9-й Соглашения сформулирован так: «В случае отсутствия средств у правительства Соединенный Штатов Америки для осуществления настоящего Соглашения Российская Сторона оставляет за собой возможность получить средства для выполнения настоящего Соглашения от любой частной фирмы Соединенных Штатов Америки».

Слезу выжимали слова «отсутствие средств у правительства» — хоть мчись в процветающую державу, например в Таджикистан, и проси ее выделить льготный кредит нищему государству янки. Неужели бюджет США так оскудел, что существовала опасность не наскрести грошей на сделку, о которой в администрации Клинтона говорили: «Америке неслыханно, фантастически повезло»?

Знакомый специалист в этих вопросах успокоил меня: США не обанкротились — это всего лишь лазейка. Соединенные Штаты как государство повязано Договором о нераспространении ядерного оружия, а через частные фирмы могут снабжать боевым ураном своих союзников — к примеру Израиль. Все шито-крыто.

Ельцин не стал подписывать Соглашение сам. И хотя ему это было не по чину, документ с российской стороны подмахнул Черномырдин. Борис Николаевич любил цеплять свое ближнее окружение на крючки, с которых трудно сорваться. Виктор Степанович потом еще много чего наподписывал. Поэтому смертельно боялся радикальной смены власти и безоглядно поддерживал все загогулины президента.

Помолвка с Клинтоном состоялась, и Ельцин стал ходить гоголем. Он начал задирать депутатов, что не присягал Конституции с их поправками, хотя раньше не говорил об этом ни слова.

А вечером 20 марта 93-го года вдруг обратился с телеобращением к российским гражданам и назвал свои разногласия со съездом конфликтом «между народом и античеловечной большевистской системой». Под народом он подразумевал себя, только что лишившего этот народ ядерной защиты. А под «античеловечной большевистской системой» — молодую демократию, которая его, цековского расстригу, вознесла сначала в члены Верховного Совета СССР, потом в Председатели Верховного Совета и Президенты России.

Так круто в конфронтации Борис Николаевич еще не взмывал. Он сообщил, что подписал указ об особом порядке управления страной (ОПУС) и до референдума распускает Съезд и Верховный Совет, а правительство берет под управление Кремля.

Выступление Ельцина транслировала и американская телекомпания CNN, вскоре она же передала заявление администрации США о ее полной солидарности с действиями президента России: «Мы поддерживаем демократию и реформы, и Ельцин — лидер движения реформ». Мгновенная реакция — такая без предварительной информации не бывает.

(О другом указе Бориса Николаевича — № 1400, объявлявшем смертный приговор Съезду народных депутатов РФ и Верховному Совету, лидеры Запада узнали задолго до ельцинского выступления по телевидению перед своим народом 21 сентября 93-го. По признанию тогдашнего Госсекретаря США Уоррена Кристофера, документ был заблаговременно доставлен послу Америки в Москве Томасу Пикерингу и послам Великобритании, Франции, Германии, Италии, Японии и Канады. Так сказать, на согласование верхним инстанциям.

Российские граждане вслушивались в надтреснутый, хрипловатый голос своего президента и думали: это от недосыпа, от сильных переживаний за судьбы русского народа. Клинтон тоже смотрел выступление Ельцина по каналу CNN, а угловым зрением наблюдал по другому монитору за игрой футбольной команды «Питтсбург Стилеррз». Знакомый форвард раскидывал на поле соперников.

— Хорошо играет, стервец! — сказал удовлетворенно Клинтон. И непонятно было, кому направлена эта похвала: то ли нападающему, то ли другу Борису.

Уже через 40 минут после телевизионного выступления президента РФ Клинтон заявил журналистам: «Президент Ельцин сделал свой выбор, и я его поддерживаю полностью». Вслед за Хозяином планеты поклоны Борису Николаевичу отвесили другие зарубежные лидеры.

Впрочем, администрация США поддерживала Бориса Николаевича не только на словах. Осязаемые результаты давала работа «неизвестных людей» из американского посольства в Москве. Спецкомиссия Госдумы РФ подбирала в 98-м году материалы для отрешения президента от власти — за геноцид русского народа, развал армии, развязывание войны в Чечне — и опрашивала многих свидетелей. Был среди них замкомандующего Воздушно-десантными войсками генерал Виктор Сорокин, который утром 4-го октября 93-го выдвигал полк по приказу к осажденному Белому дому. «Во время выдвижения подразделения, — сообщил депутатам Сорокин, — в полку погибло пять человек и 18 были ранены. Расстреливали сзади. Я сам лично это наблюдал. Стрельба велась со здания американского посольства, с крыши... Все погибшие и раненые были расстреляны сзади. По посольству стрелять я категорически запретил».

Без ведома посла никто не мог попасть на суверенную территорию США в Москве, тем более, с оружием. Это чужая страна. И эта страна вела прицельный огонь в спину независимости России. Разве янки решились бы на такую акцию без дого-

воренностей с хозяином Кремля? Замысел стрелков понятен: убей несколько солдат на виду у других, и десантники озвереют, бросятся очертя голову на штурм Белого дома).

Ельцин выступил вечером со своим ОПУСом — в Москве повисла оглушительная тишина. Для меня эскапада Бориса Николаевича была полной неожиданностью. Начал перезваниваться со знакомыми политиками: мы не знали всей подноготной и заключили, что президент сорвался, пойдя на самоубийственный шаг. Он не озвучил указ, а только погрозил им, но взрывную мощь его представить было не трудно. Я решил до утра остаться в своем кабинете.

Поздно ночью мне позвонил Ельцин. Голос у него был трезвый, но какой-то потухший.

— В «Останкино» поехали Руцкой с Зорькиным и Степанковым выступать против меня, — сказал Борис Николаевич. — Распорядитесь, чтобы их не впускали и не давали им эфир.

Александр Руцкой — вице-президент России, Валерий Зорькин — Председатель Конституционного суда, Валентин Степанков — Генеральный прокурор. Все — представители высшего эшелона власти. Их внезапная спайка, чувствовалось, встревожила президента. Но он забыл, что я не министр внутренних дел с отмороженным ОМОНом, а руководитель ФИЦа без силовых полномочий, созданного для материального обеспечения гостелекомпаний, и что названные им люди имели по своему рангу такое же право обратиться к телезрителям, как Ельцин. Тем более, в защиту Конституции. (В ту бурную пору нашу страну еще не подогнали с помощью дубинок ОМОНа к воротам нынешней кладбищенской демократии, где все политики обязаны помалкивать в тряпочку — только наследнику друга Билла будет позволено регулярно устраивать по телевидению четырехчасовые моноспектакли и потешать публику сентенциями типа: хорошо жить хорошо и плохо делать плохо.)

— Это невозможно, — сказал я Борису Николаевичу. — Я не вправе давать команды, там свое руководство. А кто вас толкнул на эту авантюру?

— Что вы разглагольствуете: свое — не свое, — загудел в трубку президент. — Я даю вам поручение — выполняйте.

— Это невозможно, — повторил я. — Такое вытворяют только при государственных переворотах.

— Все вы так, — проворчал рассерженный Ельцин. — Числитесь в команде президента, а чуть что — сразу в кусты.

И бросил трубку. (Утром мой прямой телефон с ним отключили.)

Видимо, у него были безрезультатные разговоры с другими подчиненными, если он так обобщал. Что-то не увязывались у президента концы с концами, не ожидал он активного противостояния на всех направлениях. Вот и Верховный Совет мгновенно собрался, назначил дату проведения 9-го внеочередного Съезда. И Руцкой открыто дистанцировался от него, и судебная система не с ним, и армия, и местные Советы...

Надо схитрить, отступить на какое-то время. И в печать обещанный грозный указ Ельцин направил в совершенно другом, примирительном виде: там не было даже упоминания об ОПУСе, а речь шла только о проведении референдума.

Да и на трибуне 9-го съезда Борис Николаевич вначале старался выглядеть паинькой: ошибался вместе со своими экономистами, довел страну до кризиса, потому что возлагал «чрезмерные надежды на внешнюю помощь». И пообещал сделать некоторые корректировки. (Да, где-то в его расчетах действительно вышел серьезный облом, если он вернулся к своей излюбленной тактике: грешим и каемся.)

А съезд был настроен решительно. Наконец-то с его трибуны прозвучал точный диагноз экономических реформ: их надо не корректировать, а пересматривать вкорне, потому что производятся они «в интересах меньшинства, нагло грабящего народ». Это сказал не экономист Хасбулатов — обременение Чечней по-прежнему держало его язык взаперти. Это сказал напарник Ельцина по полету в президентские высоты — вице-президент России Александр Руцкой. Произносил слова громко и четко, словно зачитывал приговор.

Несмотря на то, что он делал мне пакости, я даже снова зауважал Александра Владимировича. И подумал: а хватило бы у меня духу лечь на амбразуру вот так, на виду у всего съезда? Нет, не хватило бы. Я не боялся лепить правду в глаза президенту, членам правительства, депутатам. Но все это как бы в камерной обстановке — на заседаниях кабинета министров или перед членами Верховного Совета. А вот трибун из меня никудышний: перед огромными залами, заполненными людьми, я робел, ронял из памяти нужные мысли. Мне чудилось, что слушатели зевают от скуки. И вместо львиного рыка я начинал издавать какое-то невнятное мычание. Поэтому и старался цицеронить публично как можно реже.

А по прошествии лет я утвердился во мнении: всех, кто стоял на иерархической лестнице ниже него, Ельцин относил к существам одного калибра. И с авторитарными целями самонадеянно набивал ими обойму своего кадрового оружия. Какие-то патроны не подходили чуть-чуть: он их с силой про-

давливал. Какие-то давали осечку: он их выбрасывал, не задумываясь. Руцкой оказался большого, совсем не подходящего калибра для ельцинского оружия, и заклинил ствол в самый неприятный для президента момент.

На Съезде Борис Николаевич помахивал пальмовой ветвью, чтобы не вставал вопрос об импичменте. Но маневр не удался. Перед голосованием доброжелатель из барсуковской службы безопасности слил сверхсекретную информацию, что в случае отрицательного для себя результата Ельцин собрался травить депутатов газом. Кое-кто посчитал это блефом, а кто-то поверил («Хозяин Кремля полстраны укокошит за власть») и решил не играть с огнем. Всего несколько десятков голосов не хватило для отрешения Ельцина от должности.

Александр Коржаков, как известно, подтвердил этот слух в своих мемуарах. Борис Николаевич планировал арестовать весь состав Съезда. Чтобы депутаты не вздумали забаррикадироваться в Кремлевском дворце и там отсидеться, на балконах расставили канистры с химическим веществом аэрозольного действия — хлорпикрином. «Каждый офицер, принимавший участие в операции, — свидетельствовал Коржаков, — знал заранее, с какого места и какого депутата он возьмет под руки и вынесет из зала».

Эти признания о грязной исподней ельцинской демократии цитировались не раз. Но их надо вновь и вновь повторять, чтобы хлорпикрин разъедал глаза бнайбритских сочинителей мифов о величайшем вкладе Бориса Николаевича в становление на просторах России подлинного народовластия.

Эта мартовская операция, по-моему, могла закончиться только гражданской войной, причем не в пользу Ельцина — хотя он, возможно, и не боялся такого исхода, рассчитывая на комфортабельное убежище у друга Билла. Тогда еще не так озверела милиция от постоянных задержек зарплаты, оставались на руководящих должностях армейские офицеры старой закалки, не успели скупить большими подачками всех влиятельных людей на местах. Да и Съезд с Верховным Советом не поднадоели своей пустопорожностью.

Еще полгода противоборствовавшие ветви власти будут доводить страну до кондиции, когда главным желанием нашего народа станет: чума на оба ваших дома.

15

А мы тем временем спешили покрыть Россию широкой сетью независимых телерадиокомпаний. Частоты с советской поры были зарезервированы для военного использования —

коммерческому телевидению оставались крохи. Со специалистами Минобороны я долго рылся в их частотных запасниках: оказалось, что ведомство сидело как собака на сене — во многих заначках отпала необходимость. Эти заначки мы и раскулачили.

Ко мне выстроилась очередь журналистов из регионов, и я бесплатно выписывал им лицензии. Право вещать получили владельцы лицензий из нескольких сотен городов.

И тогда было много разговоров о необходимости строить в России гражданское общество. Причем по русской привычке надеяться на кого-то рассуждения чаще всего сводились к тому, что этим должна заниматься власть. Но с какой стати Кремль сам будет подпиливать сук, на котором сидит? Гражданское общество — это хлыст для власти, это придирчивый глаз народа за работой чиновников. А голубая мечта чиновничества — безнаказанность и бесконтрольность. Так что власть при любой демократической-раздемократической Конституции будет мешать расчистке пространства для оппозиционной среды. Никто, кроме самих граждан, не станет потеть над созданием такого общества. («Никто не даст нам избавленья...»)

Об этом я говорил с журналистами, вручая лицензии на телерадиовещание. И не только по данному поводу. Бизнес бизнесом, но независимые региональные телекомпании могли стать ячейками гражданского общества, привлекая к сотрудничеству и сплачивая неравнодушных к судьбе России людей. Объединить их во влиятельную силу в масштабах нашей страны, сделать стражами четвертой власти от посягательств чиновничества — тоже было в силах журналистов. Как они использовали шанс, другой вопрос.

Тогда остро встала проблема с технической базой независимых компаний. Я был членом всемирной Комиссии по телерадиовещанию. И по наивности подкатил с просьбой к ее сопредседателю, экс-президенту США Джимми Картеру: не согласится ли он повлиять на западных предпринимателей, чтобы они оказали нашим независимым телекомпаниям безвозмездную помощь — камерами, штативами, кассетами, монтажными установками? Самое дорогое оборудование, вроде компьютеров или передатчиков, можно было оформить в лизинг.

Российские журналисты — народ малообеспеченный: если их материально не поддержать, они будут вынуждены уйти со своими частотами под власть или под нуворишей. Американцы много говорили о поддержке демократических процессов в России — вот появилась возможность перейти от слов к делу. Демократия без независимых СМИ, как автомобиль без колес.

Все это я сказал Джимми Картеру. Его реакция меня удивила. Он мгновенно, словно думал над моей просьбой не одну ночь, ответил: «Нет!» И тут же уточнил: лишь с кассетами не будет проблем — их могут бесплатно доставить в Россию сколько угодно. Только не пустые кассеты, а с записанными на них программами о преимуществах американского образа жизни и трактовке мировой истории с позиций янки. (Ну все вы знаете, как, например, они одни, без Красной Армии освобождали от фашизма Европу.) Причем американцы должны были контролировать, чтобы их кассеты использовались именно с этими передачами, а не другими, после удаления с пленок заморских сюжетов.

Великолепный пропагандист Джимми Картер — сам Суслов позавидовал бы! Его искусственная улыбка стоит у меня перед глазами до сих пор. Я сказал «спасибо!», но таких подарков от Америки нам уже не надо — здесь вполне хватает колорадских жуков. (Каким-то компаниям мы смогли оказать господдержку, каким-то — нет: они оказались под контролем местных олигархов.)

Иностранцы тучами кружили над Россией, как грифы над умирающим слоном. Если можно скушать по дешевке крупные заводы, считали они, почему нельзя прибрать к рукам русское телевидение? Наиболее влиятельные из них направлялись прямиком к Ельцину.

Как-то он позвонил мне и сказал: к нему приехал друг Сильвио Берлускони (нынешний премьер-министр Италии, а в то время — владелец медиагруппы Fininvest и издательского дома Mondadori), они пообщались вечерком, у них созрела хорошая идея. Какая? Об этом сообщит мне сам Сильвио — я должен выслушать его и сделать все как он скажет, чтобы не выставлять Бориса Николаевича пустословом.

Появился не Берлускони, а его финансовый представитель, такой же лучезарный и белозубый, с пышной переводчицей. Изрек: как повезло России с лидером и будто между делом заметил, что они с Сильвио уже купили телеканалы в Испании, Франции и Германии, теперь очередь дошла до нашей страны. О чем Берлускони договорился с Ельциным? Мы должны продать итальянцу по дружеской цене Первый федеральный канал со всей инфраструктурой — Останкинским корпусом, сетями, оборудованием и т.д. Я спросил: так ли Сильвио понял Бориса Николаевича? «Так, и не иначе. Мы сделаем коммерческий развлекательный канал». Это о нашем-то главном, который только один тогда покрывал всю Россию. Вот уж действительно, отдай жену дяде...

Мне пришлось сказать, что Ельцин любит шутить и здесь он пошутил — не иначе. Итальянец ушел недовольный. Его шеф, видимо, пожаловался Борису Николаевичу, и тот по телефону стал сердито мне выговаривать. Я начал ему возражать, что не может быть суверенитета страны без информационного суверенитета и что Венгрия, например, продала сдуру три свои ведущие телекомпании Паоло Берлускони — брату Сильвио, и вот парламент мадьяров ищет виновных и бьется за возвращение контроля над информацией.

— Запад поддерживает наши реформы, нечего его опасаться, — ворчал Борис Николаевич. Но смягчил тон, поняв, что хватил с обещанием лишку. — Предложите Берлускони что-то взамен.

Но ни сам итальянский медиамагнат, ни его представители больше не появлялись.

Уровень поддержки телевизионным начальством реформ по Бнай Бриту все заметнее становился критерием ельцинской оценки работы российских телекомпаний. Раньше Борис Николаевич не вмешивался в программную политику: если что-то ему не нравилось, просил обратить на это внимание. Но к концу 92-го, подстрекаемый экономистами из правительства, стал регулярно высказывать мне недовольство позицией председателей «Останкино» и ВГТРК Егора Яковлева и Олега Попцова.

Гайдаровская братия хотела, чтобы телекомпании различными PR-акциями доказывали населению правоту только ее действий и оголтело поддерживали раздербанивание России под видом приватизации. Попцов с Яковлевым уважали Егора Тимуровича за интеллигентность и журналистское прошлое, но не воспринимали идеологию его команды как истину в последней инстанции. Истина, считали они, спускается сверху в виде директив лишь при диктаторских режимах, а в демократических государствах рождается в спорах, в столкновениях мнений. И давали в эфир разные точки зрения.

Им и самим хотелось продраться через постоянное вранье Чубайса и вникнуть в замыслы младореформаторов. (Не почитать же за достижение необходимый, но стартовавший несвоевременно отпуск цен при монополизированной экономике и пустом рынке, что привело к жуткой гиперинфляции, когда хлеб подорожал в 20 раз, а мясо и молоко — в 30 раз.) Но плотно была прикрыта настоящая цель дымовой завесой.

Не побоялся позднее выложить карты на стол, выдернутый на федеральный уровень из все той же питерской помойки друг и моральный двойник Чубайса по кличке «при-

ватизатор-2» Альфред Кох (поднятый впоследствии до зама премьера Черномырдина). Причем выложил карты не перед московской прессой, а в интервью американской радиостанции WMNB. (Проблемами и ложью гайдаровская братия кормила Россию, но деньги и искренность вывозила на Запад). «Новая газета» (03.11.98) любезно познакомила наших сограждан с текстом этого интервью.

Вот только два признания Коха. Вопросу, не был ли ограблен приватизацией народ, он даже удивился. «Ну, народ ограблен не был, поскольку ему это не принадлежало. Как можно ограбить того, кому это не принадлежит?» Двойнику Чубайса и в голову не приходило, что хозяином российского имущества может быть народ, который накапливал его своим трудом. Его же инструктировали иначе: хозяевами страны должны быть только они, кого Ельцин поставил с черпаком на раздаче. А на вопрос, что будет представлять из себя Россия после их реформ, Кох с присущим питерским чинушам цинизмом ответил: «Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать... Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств».

Помню, в давнишние годы при редакции нашей газеты был литературный кружок: со своими стихами туда регулярно приходил немного чудаковатый шофер. Через все его вирши рефреном шли две строчки:

В одном пиджаке всю жизнь запиджачиваем.
Куда мы идем, куда заворачиваем?

Так вот, телевизионщики и до словесных стриптизов Коха видели, что мы заворачиваем вроде бы совсем не туда.

Экономисты гайдаровской команды с подхалимским усердием стали лепить миф о Ельцине как о предтече российской демократии. У этого подхалимства была корыстная подоплека: мол, Борис Николаевич спасет страну от реванша антидемократических сил, а они рядом с ним — от голода и холода. И Олег Попцов, и Егор Яковлев старались вычищать с телеканалов тухлую чубайсятину, то есть запредельное вранье.

Они считали Ельцина не предтечей, а порождением демократии, которую до него втаскивали на своем горбу публицисты, дальновидные политики, передовая интеллигенция. Просто Борис Николаевич успел вскочить на белого коня, оседланного другими. И августовскую революцию 91-го, о чем я уже говорил, Ельцин делал в подвале Белого дома, где они с Юрием Лужковым «жевали бутерброды, запивая водкой с

коньяком». В то время, когда люди чести мерзли на баррикадах под дождем в ожидании кровавого штурма.

Да и младореформаторы вылезли из своих теплых норок на готовую демократию, почуяв запах денег и чинов. И начали крикливо именовать себя истинными защитниками интересов народа, чем компрометировали саму идею.

Многие демократы с «дореволюционным» стажем, помогавшие Ельцину взобраться на трон, относились к нему безо всякого раболепия, как к соратнику по общему делу: отмечали в президенте достоинства и открыто порицали волюнтаристские замашки. Не составляли исключения и Олег Попцов с Егором Яковлевым. Они не были готовы, задрав штаны, бежать за Борисом Николаевичем в авантюрную мглу.

А Ельцин, настраиваясь на решительные действия, хотел повсюду иметь под руками безликих, беспрекословных исполнителей. Он видел: чистоплюи-демократы пока верили его словам о приверженности цивилизованным нормам, не догадываясь, что это всего лишь обманка для бесхитростного электората. И если только от одних слов «мочить депутатов» или «разгонять съезд» они корчатся в судорожном припадке, то как идти с ними на само дело? И зачем Бог создает таких голодранцев, преданных не вождю, а идеям! Заартачатся... Начнут вставлять палки в колеса.

Было время союза со стойкими демократами, желавшими блага России, — прошло: Борис Николаевич достиг своих промежуточных целей. Теперь надо опираться на нуворишей и их шустряков-представителей — им будет что терять. И СМИ, прежде всего электронные, пора отдавать под их контроль.

Ельцин недолюбливал Олега Попцова. Говорил мне: «Что он все время пытается учить президента: это ему не так, то не так». При встречах Олег Максимович действительно задирал Бориса Николаевича, критикуя работу его служб и правительства. И все же Ельцин считал Попцова членом своей команды, так сказать, доморощенным руководителем, к тому же неподвластной Кремлю номенклатурой Верховного Совета.

А Яковлеву он просто не доверял. За Егором Владимировичем тянулись шлейф дружбы с членами Политбюро ЦК КПСС и слава неподкупного заступника демократических принципов, за которые он загрызет кого угодно. Когда мы втроем собирались у Ельцина, Егор Владимирович больше молчал, посматривая пристально на хозяина кабинета. В этом взгляде не было любопытства или приветливости, и Борис Николаевич чувствовал себя неуютно: что там у человека на уме?

Он несколько раз предлагал мне: «Давайте передвинем куда-нибудь Яковлева». И хотя я ворчал на Егора Владимировича за частые отлучки за рубеж («Кот на крышу — мыши в пляс»), за падение качества программ, мне удавалось отстоять его. Было ясно, что Ельцин намерен сменить руководителя «Останкино» — нужен только повод. И президент, как ему показалось, нашел его — в очередное отсутствие председателя появился некорректный телесюжет на больную национальную тему — о взаимоотношениях между ингушами и осетинами.

Это произошло за несколько дней до моей отставки с поста вице-премьера. Ельцин позвонил мне и попросил приехать.

— Все, — буркнул он, — я подписал распоряжение о снятии Яковлева с работы. Объясняться с ним не хочу, сами съездите и поговорите.

Я сказал, что не согласен с таким решением.

— Этот вопрос не обсуждается, — ответил президент. — Распоряжение на выходе в канцелярии. А на место Яковлева я назначаю Игоря Малашенко, мне его рекомендует Илюшин (Виктор Илюшин, первый помощник президента. — *Авт.*). Они вместе работали в международном отделе ЦК КПСС. Человек привык к партийной дисциплине: приказали — выполнил. Без интеллигентских шатаний. И в Америке он свой — два года стажировался в Вашингтоне.

Ельцин увидел, что я скривил лицо, и спросил:

— Почему вы так реагируете?

Когда я был председателем Комиссии по рассекречиванию архивов, то ворошил уцелевшие документы о перекачке партийных денег за рубеж. Составил для себя перечень стран, где создавались совместные фирмы с управделами ЦК или куда переправлялся капитал под видом финансовой помощи левым движениям. И обратил внимание, что в те же страны и в то же время ездила одна и та же группа работников международного отдела. Среди них был Игорь Малашенко. Внимание-то обратил, но дальше в разбирательстве не пошел — такая задача передо мной не стояла. Возможно, это были случайные совпадения. Теперь я сказал об этом Борису Николаевичу.

Упоминания о кознях управделами ЦК всегда действовали на Ельцина будто на быка красная тряпка. Он не забыл, как, подстрекаемое Лигачевым, это управление обделяло канцтоварами возглавляемый им московский горком, на что Борис Николаевич жаловался самому Горбачеву. И люди, снюхавшиеся с управделами, тоже вызывали у него изжогу.

Президент взял со стола листок с биографией Малашенко, демонстративно порвал его на три части и швырнул с картинной брезгливостью в корзину для мусора.

А кого ставить на «Останкино»?

Жаль было оголять бойца за четвертую власть — комитет Верховного Совета по СМИ, но я предложил его председателя Вячеслава Ивановича Брагина. Он не раз выступал перед депутатами в поддержку Бориса Николаевича. Ельцин это помнил. Еще он вспомнил, что Вячеслав Иванович, в отличие от кудлатых и небритых правозащитников, одевался с партийной строгостью и не горланил по пустякам, а говорил о серьезных вещах, с нужной долей почтительности к старшим по чину. Такого приласкаешь — будет лично предан до гроба, к тому же своей статностью украсит команду. И президент согласился.

Ельцин ошибся. За внешней приглаженностью и уступчивостью в Брагине скрывался русский патриот с сильной волей. И не записной, как уже говорил, а истинный демократ. Еще со времен Михаила Ненашева в «Останкино» образовалось влиятельное прозападное лобби. Оно диктовало программную политику и на всякий нажим грозило ответить забастовкой телекомпании.

Несмотря на шантаж — да куда они денутся, эти трусливые политические официанты! — Брагин начал круто менять ситуацию: снимать с эфира низкопробные пошлости, вместо американского мусора ставить отечественные фильмы, дал зеленый свет патриотическим программам «Русский мир», о провинции, материально поддержал гибнущий Большой симфонический оркестр Владимира Федосеева и пустил его на телеэкран, отодвинув проплаченные нуворишами сюжеты-панегирики о своих безголосых отпрысках.

Финансы на «Останкино» крутились большие, да все, так сказать, мимо кассы, и Брагин стал прищемлять хвосты жуликоватым «мэтрам экрана». Это была неслыханная дерзость! Я начал бояться, что «мэтры» могли организовать физическое устранение Вячеслава Ивановича. И попросил его быть предельно бдительным. Но «мэтры» выбрали другой путь: они бегали жаловаться целыми делегациями к помощнику президента Илюшину, и тот жужжал Ельцину в уши об «оплошном выборе». Борис Николаевич считал это бурей в стакане воды и не реагировал: угрозой его власти пока даже не пахло. К тому же было заметно, что Брагин оберегал личный авторитет президента.

После октябрьских событий 93-го, когда началась избирательная кампания в Госдуму РФ, я приехал к Брагину в «Останкино», и мы поговорили о сложившейся ситуации. На политическом поле не осталось сколько-нибудь значимых противодействующих сил Ельцину: Кремль и Белый дом с правительством Черномырдина — Чубайса — Гайдара полностью в его руках, правоохранительная и судебная система — тоже. Если еще и в Думе партия «Демвыбор» Гайдара получит большинство, то образуется монолитная глыба, которая сразу придавит Россию.

Я сказал Брагину, что хотя и меня включили кандидатом от «Демвыбора», надо этому мешать всеми доступными способами. Он, на многое уже наглядевшись в команде Бориса Николаевича, согласился со мной. И при мне собрал у себя в кабинете руководителей общественно-политических программ, поделился с ними нашими опасениями. В интересах демократии нужно жестко, без приукрашиваний анализировать политику реформаторов, больше давать эфирного времени для знакомства избирателей с точкой зрения оппонентов. Телевизионщики поддержали идеи Брагина — им тоже осточертело тесниться на улице с односторонним движением. Но кто-то донес — как же без этого — в Кремль и правительство.

И закружилось: «Как начали все эти гады бегать, на вицмундиры осыпая перхоть, в носы табак спасительный суя». «Провокация!», «Подрывная работа!». И Ельцин выразил нам недовольство в достаточно резкой форме: волна могла подняться до подножия его власти. Он еще посмотрит, как «Останкино» проведет выборную кампанию! «Да так и проведем, как договорились», — проронил мне Брагин.

Я ему посоветовал тоже выставить свою кандидатуру для избрания в Госдуму: Ельцин окончательно стер со своего лица демократические белила, его власть будет опираться на грубую полицейскую силу и воров-олигархов. Вячеслав Иванович со своими принципами станет чужим на этом празднике сатанистов — его в любом случае уберут. Но он не поверил. Или не захотел верить. Решил остаться в телекомпании. И сразу же после выборов, на которых гайдаровская партия власти проиграла, Ельцин снял Брагина с работы.

А «Останкино» передал в руки Бориса Березовского. Хватит играть на выборах в демократию. Хватит рисковать, доверяя такое важное дело бескорыстным, а значит, неуправляемым людям. Вот олигархи, чтобы не быть раскулаченными, всегда обеспечат для власти нужные результаты.

И судьбу четвертого метрового канала президент решал с тех же позиций. Этот общеобразовательный канал принадлежал телекомпании «Останкино» — на нем шли просветительские программы. Для детей и молодежи. Мы с Брагиным нашли средства, чтобы оснастить канал новыми интересными передачами по истории России, культуре, литературе, экологическим проблемам. Но за «четверку» в 93-м развернулась борьба между кланами.

Александр Коржаков с Шамилем Тарпищевым вручили президенту записку с просьбой отдать канал им. Обещали показывать любимый Кремлем теннис и кое-что о спорте еще. На записке Ельцин начертал мне поручение (ФИЦ распоряжался частотами): отобрать у «Останкино» и передать просителям. Я приехал к нему в кабинет и сказал, что поручение выполнять отказываюсь. Зачем пускать под нож просветительские программы, если для качественных спортивных передач у нас достаточно времени на других каналах. Я уважал Александра Васильевича, но видел, что частота ему была нужна, как паровозу балалайка. И подозревал: кто-то из нуворишей хотел использовать близость Коржакова к Борису Николаевичу и получить метровый канал с хорошей сетью в свои олигархические лапищи.

Ельцина мой отказ не просто разозлил, а привел в ярость. Выходит, грош цена его клятве на крови с Коржаковым, если он не в состоянии подарить ему такой пустячок.

— Вы все время провоцируете меня, чтобы я вас уволил, — шумел он.

— Меня пугать бесполезно — вы это знаете. А действую я и в ваших интересах, — втолковывал я ему, — что будут говорить о президенте, который отдает телевидение своей охране?

Он вырвал из моих рук записку со своим поручением и сунул в ящик стола.

Все, аудиенция закончена.

А на «четверку» уже нацелился лужковский клан.

Он контролировал «третью кнопку», и в 92-м мы выдали лицензию на шестой метровый канал Московской независимой вещательной корпорации (МНВК) — в числе ее акционеров было столичное правительство. (Сожалею, что отказал в этой лицензии журналистам самой массовой газеты «Аргументы и факты», объясняя нежелательностью монополизации СМИ.) А Лужкову с его приближенными олигархами все было мало. Они подминали под себя газеты, журналы, радиостанции.

Московскую власть этот клан конвертировал в деньги, и теперь деньги надо было конвертировать в инструменты для размыкания дверей в федеральную власть.

Ельцин считал, что высшая цель лужковской камарильи — деньги, деньги и еще раз деньги, а о кремлевском троне столичная команда не помышляла (помышляла, да еще как!). Он спокойно отдал ей на прокорм Москву, с ее золотоносной недвижимостью. И даже не позволял контрольному управлению Администрации президента России проводить ревизию деятельности мэрии. Пусть ребята погреют как следует руки — будут горой стоять за Бориса Николаевича.

Ему, любителю внешних эффектов, легла на душу придумка Ресина-Лужкова погонять во время трудного для президента Седьмого съезда нардепов колонну бибикающих самосвалов вокруг Кремля. Для психологического давления на оппозицию. Или, проще говоря, для понта. Так понтуют в тюремных камерах уркаганы, отбивая себе место подальше от параши.

Москва, наравне с Петербургом, была пионером в сращивании власти с нуворишами. Границ между их интересами не существовало. Поэтому притязание на Четвертый канал тогдашнего друга Лужкова — Владимира Гусинского Ельцин воспринял как поступательный шаг мэра к укреплению его власти, а стало быть, и личной власти президента России.

Помощники Бориса Николаевича без промедления составили проект указа о передаче на Четвертом канале в собственность телекомпании Гусинского — НТВ вечернего времени, так называемого прайм-тайма. Общеобразовательные программы выдворялись в предбанник.

В это время у Ельцина уже лежало мое второе прошение о добровольной отставке. Первое, в начале июля, он порвал перед моим носом, но я вышел в приемную и написал второе. На нем Борис Николаевич поставил перед руководителем своей администрации Сергеем Филатовым жирный вопрос: «Что будем делать?» Филатов ответил: «Не отпускать!» Так я висел между землей и небом до января 94-го, когда ушел в депутаты Госдумы. И все же президент не стал подписывать указ, а отправил его ко мне, полууволенному, на визу.

Я отказался визировать документ, не желая гробить общеобразовательный канал. Тогда Ельцин направил проект премьеру Виктору Черномырдину. Тот подмахнул его, не задумываясь. Указ вышел (а через какое-то время президент передал Гусинскому для НТВ весь Четвертый канал).

Помощник окололужковского олигарха Сергей Зверев, ставший позднее замом руководителя ельцинской администрации, не поленился и примчался ко мне в кабинет, чтобы похвастать визой Черномырдина.

— Вот так-то, — сказал он победным тоном. — А вас мы будем мочить!

Пометим эту феню — «мочить». Вернемся к ней чуть позже.

16

Вообще 93-й можно безо всяких натяжек считать временем заката демократии, бешеным годом. Много их было в России, бешеных лет, но этот отдавал в поведении большой части творческой интеллигенции едкой смесью мазохизма с вертухайством.

От Запада Ельцин получил карт-бланш на антиконституционный разгром патриотических сил, оставалось поискать «одобрителей» своего политического разбоя среди известных людей страны. Для видимости народной поддержки. И они нашлись. Понятно, когда аплодировать жестокости хозяев Кремля кого-то принуждали под страхом ареста или заточения в психбольницу. Но в 93-м литераторы сами, по собственной воле запросились из демократического раздолья в овечий загон мафиозного режима.

Сначала в печати появилось обращение 36-ти, затем письмо 42-х, в которых авторы требовали от президента «раздавить гадину», то есть поставить вне закона Съезд народных депутатов, Верховный Совет, Конституционный суд, закрыть оппозиционные газеты и телепрограммы, распустить неугодные Ельцину партии и проч. и проч. Были среди подписантов затесавшиеся в литераторы НКВДэшники бериевской поры и пошлые охотники за чинами. Какой с них спрос! Но были и такие уважаемые люди, как публицист Юрий Дмитриевич Черниченко, кого не упрекнешь в заискивании перед властью.

Я упоминал о нем: его талант приметил еще великий Александр Трифонович Твардовский и с удовольствием печатал проблемные очерки Черниченко в лучшем журнале тех лет «Новый мир». Журналы «Знамя», «Наш современник», книжные издательства и газеты тоже были к услугам известного публициста. В 89-м Юрий Дмитриевич легко и свободно избрался в народные депутаты СССР, а в августе 91-го мерз на баррикадах вместе с другими защитниками Белого дома. Ораторствовал на митингах.

Утомила человека шумная разноголосая демократия, захотелось немного ельцинского единоначалия. Получил его сполна после октября 93-го.

В ноябре шла избирательная кампания в Совет Федерации, и влиятельный кандидат мэр Москвы Юрий Лужков вдруг отказался баллотироваться в верхнюю палату. Друзья предложи-

ли Черниченко пойти по этому округу. Времени оставалось в обрез, а надо было собрать уйму подписей избирателей. Без обращения к ним через газету не обойтись. А в обращении-то всего пять-шесть строк: поддержите, любезные, бескорыстного борца за народное счастье!

По старой демократической привычке смело толкнулся в «Московский комсомолец» — никакая газета никогда не отказывала ему, трибуну, авторитетному в стране человеку. Но тут публицисту сказали: «Стоп! Наступила иная эпоха. Идите за разрешением к Гусинскому».

Далее привожу слова самого Черниченко — они в корпоративном сборнике «Журналисты XX века: люди и судьбы» (Москва, Олма-Пресс, 2003 г.):

«Гусинский — это «Мост-банк»? Шли слухи про тесные связи с Лужковым. Что ж, отправился... Иду в прежний СЭВ, подправленный после октябрьского погрома дом в виде книги. Один из верхних этажей — офис «Мост-банка». Доложили — и я в большой, непривычно богатой комнате... Хозяин... был как бы в ползучем, потоке из звонков, отвлечений, секретарш, мобильных (редких тогда) черных оладушков, он словно выныривал из этой лавины на момент и выяснял: кто, что, зачем?

Прошу позволения напечатать в «МК» пять строк... Просьба, мне самому диковатая, хозяина не удивила, но он не мог понять одного:

— Но ведь Лужков же выдвинул кого-то вместо себя?

— Наверно. Но... пойду я.

— Нет, но всех остальных мы будем мочить по площадям! — воскликнул он и рассмеялся формуле братанов. — По площадям, ха-ха-ха...

— Дело ваше, мне бы команду насчет пяти срок.

Но Гусинский вновь утонул в горном оползне. Вынырнув из лавины, он тотчас меня узнал и предложил:

— Знаете, я нашел компромисс. Мы вас устроим в Думу. А тут — как решит мэр. И мочить по площадям!»

Разговор-то всего о пяти строчках, а какой казармой повеяло на читателя! Вот так, Юрий Дмитриевич, это не разгульные выборы 89-го, 90-го и 91-го. «Где стол был яств, там гроб стоит». За безрассудство в критические моменты, за потакание беззаконию надо платить большую цену. Добровольным строем шли литераторы в подписанты — под конвоем придется голосовать за тех, кого назначит олигархат.

Прекраснодушному публицисту, мокнувшему на баррикадах, дали четко понять: диктовать всем условия отныне будет Лужков с нуворишами, который вместе с Ельциным трусли-

во отсиживался в подвале Белого дома, где они «жевали бутерброды, запивая водкой с коньяком». А в других регионах совьют мафиозные гнезда свои Лужковы. И будут они все вместе стоять насмерть за несменяемость режима и преемственность ельцинской политики.

Многие высказывания нынешних российских вождей бьют, как лопатой, по тонкому слуху. Люди недоумевают: откуда взялась в Кремле эта паханская феня, которая становится чуть ли не государственным языком? Да все оттуда, из 90-х, от ватаги нуворишей, густо облепивших испачканный кровью трон Ельцина. Просто в ту пору Кремль еще по инерции изъяснялся другими словами, дистанцируясь хотя бы на публике от криминального сленга. Но уголовной субкультурой народ теперь обработан, а олигархи сами взгромоздились на троны — им не нужны маски благочестивости.

Такая вот штука: когда караван неожиданно, да еще неумело, разворачивают на 180 градусов, все умные вожаки и надежные работяги остаются в хвосте. А впереди оказываются хромые верблюды, недоношенные и шелудивые. Они и начинают устанавливать свой ритм движения. Так и в обществе, опрокинутом усилиями преданных слуг Бнай Брита.

Ельцинские реформы выгребли из социальных подворотен весь человеческий мусор и подсунули в поводыри обществу — мошенников, фарцовщиков, спекулянтов театральными билетами, проныр по части «купи-продай», базарных шулеров и наперсточников. Этому отребью позволили безнаказанно мародерствовать на российской земле, пинками открывать любые чиновничьи двери.

И отребье в одночасье возомнило себя господствующей кастой. Оно взялось навязывать стране свою волю, свой образ мыслей, свою гнилую мораль и воровским жаргоном выталкивать из обихода сакраментальный русский язык. И для этого принялось спешно прибирать к рукам средства массовой информации. Нуворишам важно было поставить на поток сеансы дебилизации населения, чтобы убить в нем гены сопротивления.

Мое нежелание отдавать Гусинскому Четвертый канал нукеры олигарха подавали в прессе как сатрапство и подрезание крыльев вольному слову. Это меня-то обвинять в зажиме свободы СМИ. Я за широкий размах крыльев, правда, не всех. Потому что крылья крыльям рознь.

Есть, например, крылья неясытей, которые охотятся в сумерках на грызунов. Есть крылья скворцов, очищающих сады от вредителей-насекомых. Есть, наконец, крылья болтливой

сороки, надоедливо снующей туда-сюда. Всем им желаю простора и попутного ветра!

Но есть, кроме того, крылья летучей гиены. Этой опасной разносчицы заразы, ловко разрывающей могилы. По Талмуду, все самцы гиены принимают обличье летучей мыши-вампира. Вампиры убаюкивают доверчивых людей взмахами крыльев, погружая в глубокий сон, и легкими укусами вносят им вирус бешенства. От неограниченной свободы этих крыльев — ничего, кроме вреда.

Такого носителя вируса и разворошителя русских погостов в поисках пропагандистской добычи — НТВ как раз создавал Гусинский. И главных исполнителей подобрал вполне подходящих — Игоря Малашенко, Олега Добродеева и Евгения Киселева. (Первый сегодня по-прежнему прислуживает Гусинскому в Нью-Йорке, второй — Путину с Медведевым в Москве, а третьего, как перекати-поле, гонят денежные ветры от олигарха к олигарху.)

Телекомпания быстро набрала вес, потому что была очень богата: не скупилась на закупку блокбастеров и завлекательных программ, переманивала невиданными зарплатами бойких репортеров с других каналов. А в новостных программах облизывала Ельцина с Чубайсом, приплясывая на костях их оппонентов. Иногда для придания в глазах западных наблюдателей себе имиджа либеральных журналистов люди Гусинского приглашали на передачи неприятелей ельцинского режима, но не для того, чтобы позволить им разгуляться, а чтобы надавать по ушам. Если оппоненты уходили недостаточно оплеванными борзыми ведущими, начинались разборки. (Помню, позвал меня в заштатную программу «Старый телевизор» Дмитрий Дибров и, как истинный интеллигент, не стал затыкать рот моей резкой критики Бориса Николаевича. Программа вышла поздно вечером, а ранним утром энтэвэшное начальство, оставляя на полу следы горячего кипятка, устроило трамтарарам: кто додумался позвать, почему не сумели дать по мозгам?)

Изо дня в день НТВ проповедовала отвращение к порядку, к стране, выставляла варварами сторонников целостности государства. Исследования Генштаба России, например, показали, что в первую войну на Кавказе до 80 процентов всех видеосъемок боевых действий, выданных компанией в эфир, велось со стороны чеченских боевиков. А остальные сюжеты — жалобы упитанных вайнахов на бесчинства «русских агрессоров». Передачи как бы звали другие народы Северного Кавказа помочь чеченским братьям, провоцируя расширение мас-

штабов гражданской войны. Чего, собственно, и добиваются стратеги Бнай Брита.

Перелицовка истории в угоду Всепланетной Олигархии, осмеяние святого для русского человека — все это было поставлено на поток. И — безудержная пропаганда роскоши на фоне страдающей от нищеты России. Ну как тут удержаться самим подручным Гусинского и не подразнить телезрителей распальцовкой в манере братанов! И вот уже НТВ показывает на страну своего гендиректора Евгения Киселева в его собственном винном подвале — с батареями драгоценных бутылок, с устройствами для автоматической установки нужной температуры и влажности. А на сияющем лице гендиректора выражение: «Учитесь, пацаны! Будете служить не правде, а мамоне — станете купаться в благополучии, как я».

Гусинского я знал хорошо — он не был похож на транжиру. Наоборот, тянул в свой карман все, что попадалось под руку. Тогда чьи деньги сорил этот прижимистый человек на дорогую игрушку — НТВ? Да наши с вами!

По указанию Ельцина главным кредитором НТВ был «Газпром», который вложил в телекомпанию сотни миллионов долларов. Концерн понимал, что Гусинский никогда не вернет ему неподъемные долги и, закрывая дыры в бюджете, взвинчивал для населения тарифы на газ. Так что все драгоценные бутылки вина в хранилище Киселева тоже были оплачены бедными пенсионерами и другими пользователями природного дара. И виллы «подгусников» в Чигасове, и все прочие активы — из тех же источников.

Чем активнее восхваляла компания маразм кремлевской власти и поднимала на щит беззаконие, тем больше предоставлял ей президент различных преференций — налоговые поблажки, льготные тарифы за доставку телесигнала. А когда Гусинский запустил с американского космодрома собственный спутник «Бонум-1» (на деньги банков США), премьер Черномырдин с подачи Ельцина распоряжениями № 813-р и № 814-р обязался оплатить расходы в размере 140 миллионов долларов из бюджета России, если олигарх откажется расплачиваться сам. А олигарх и не думал тратить такие деньжищи: президент, как война, все спишет — он привык без счета и без контроля швырять миллиарды налево-направо.

Складывалась потешная ситуация: телекомпания работала против страны и народа на средства этого народа. Так устроила дела власть олигархата, пользуясь неисцелимым пофигизмом населения. Нувориши ведь, как дети: делают то, что мы, нация, им позволяем. И сейчас НТВ по своей гражданской

позиции не очень отличается от прежней компании — только более серая и унылая, напоминает в медиастрою оловянного солдатика, подаренного отцом-шутником недорослю-бездельнику. И сегодня был бы Гусинский богатым хозяином НТВ — времена-то не изменились! — да вот заигрался в политиканство, переоценил свои способности безошибочно двигать фигуры на шахматной доске, поставил не на того. Получилось по классику:

При переменах не теряясь,
угреподобный лицемер,
он даже стал бы вольтерьянцем,
когда б на троне был Вольтер.
Но в собственную паутину
вконец запутывался он,
и присягнул он Константину,
а Николай взошел на трон.

Гусинский с командой всегда считал НТВ не средством массовой информации, а политическим инструментом в межклановой борьбе за доступ к федеральным финансам. В предвыборных баталиях он, потирая руки в предчувствии победы, сделал ставку на своего давнего кореша Лужкова, но распределители всех российских, в том числе и газпромовских, денег решили, что Юрий Михайлович и без того обеспечен неплохо — надо другим дать порыться в закромах Родины. Карта легла на Путина, он и «взошел на трон».

Вот тут-то совсем неожиданно — можно сказать, случайно — вспомнили, что за Гусинским числился мелкий должок (по данным «Газпрома» — 941 миллион долларов), а у того в кармане вошь на аркане. Он предусмотрительно перевел все активы в Гибралтарский и другие офшоры. Не тащить же такой объемный груз назад в Москву! Друзья олигарха по Всемирному еврейскому конгрессу предложили Кремлю, объявив Гусинскому финансовую амнистию, простить ему этот кредит, иначе они поднимут вселенский шум и будут «мочить» Россию за обрезку вольных крыльев летучей гиены — НТВ.

Читатель помнит, как дальше события развивались — нет надобности распространяться. Гусинский укатил за рубеж с огромными деньгами (недавно попросился назад — поиздержался, что ли?), ДОЛГИ ЕГО НАЧАЛ ГАСИТЬ «Газпром». Полный хеппи-энд! Пришлось, правда, еще несколько раз взвинтить тарифы на газ, а с ними — и на электричество: терпеливое население и не такое выдерживало. А кто окажется совсем

не в состоянии платить за коммунальные услуги — выкинут из хрущевских конур на улицу, для пополнения растущей армии бомжей. Как говорится, щедра матушка Русь, но только не для Вань да Марусь.

(Кстати, и Первый канал Ельцин превратил из респектабельного и уравновешенного создания в склочного делягу, в инструмент для наживы разных жучков. После Вячеслава Брагина он назначил на какое-то время председателем «Останкино» бывшего члена Политбюро ЦК КПСС Александра Николаевича Яковлева. Я был тогда председателем комитета по информационной политике Государственной Думы, и наш комитет занимался финансовым обеспечением телекомпании.

У меня сложилось стойкое убеждение, что Яковлев пришел с заданием довести «Останкино» до ручки. Но зачем? Сам он не вылезал из зарубежных поездок, а его подчиненные орудовали кто во что горазд: шли в эфир проплаченные кем-то скандальные «заказухи», компанию облепили брокерские фирмы — огромные доходы от рекламы (до 30 тысяч долларов за минуту в прайм-тайм) уходили им и налево. А журналисты шли в Думу: дайте денег!

Мы верстали «отдельной строкой» бюджет для «Останкино» и попросили Александра Николаевича дать заявку на финансовые потребности компании. Он прислал куцый листок с какой-то астрономической цифрой, взятой не иначе как с потолка. Я позвонил ему и попросил приехать с экономистами для защиты названной суммы. «Еще чего, не хочу этим заниматься», — сказал Яковлев и надолго отбыл за рубеж. И никому в «Останкино» не поручил заниматься бюджетом. Нам пришлось считать, сколько компания сама может заработать на рекламе, сколько ей надо для собственного бесперебойного функционирования и для оплаты услуг связистов. Посчитали и выделили «Останкино» из госбюджета 148 миллиардов рублей, плюс десять миллионов долларов.

И тут из-под бесшумных кремлевских ковров выполз указ Ельцина о приватизации «Останкино» и создании вместо него акционерного общества ОРТ.

Это подсуетился Борис Березовский. Президент распорядился передать ему с группой олигархов 49 процентов акций. Уставные документы были составлены так, что контрольный пакет являлся фикцией и не обеспечивал защиту интересов государства. Так что группа нуворишей получала полный контроль над главным каналом страны — запускалась пропагандистская машина для монопольного обслуживания Бориса Николаевича с олигархатом на предстоящих выборах президента. Все это выглядело как вызов обществу.

Председателем совета директоров стал сам Березовский, а членом совета — дочь Ельцина Татьяна Дьяченко: куда же Борис Абрамович без «фомки» для проникновения в кабинет президента!

Я позвонил Ельцину. Он долго говорил, что компания осталась без средств — кто-то же наплел ему! — и что предприниматели будут сами финансировать и оснащать новой техникой ОРТ. Для этих целей Ельцин поручил передать Березовскому с Абрамовичем «Сибнефть» — оттуда они будут брать для телекомпании деньги. Чувствовалось, что Борис Николаевич был хорошо обработан, мне даже чудился через телефонную трубку шелест подсохшей лапши на его ушах. А может, наоборот, он вешал мучные изделия на мои части тела? В этом деле Ельцину равных не было.

Через несколько дней к нам в Думу пришел Березовский — за дополнительными бюджетными деньгами для ОРТ. Я объяснил ему, что стоимость «Останкино» со всей российской инфраструктурой и зарубежными корпунктами специалисты определили в 700 миллиардов долларов. Березовский со товарищи получил почти половину этого капитала, не вложив в акционерное общество ни копейки. Теперь он не должен ходить за бюджетными деньгами до скончания даже не двадцатого, а двадцать первого века и все это время рассчитываться за полученную от Ельцина долю, полностью финансируя телекомпанию.

Я налил ему полстакана коньяка, чтобы он не умер от стресса в моем кабинете. Борис Абрамович опрокинул стакан, на глазах захмелел и тихо удалился строить новые комбинации.

Наивный я был, полагая, что вразумил Березовского. Он, разозленный, очевидно не без помощи «фомки», проник в кабинет президента. Оттуда — рык в Дом правительства, и Черномырдин через хитрые кредитные схемы отвалил Березовскому на ОРТ около 100 миллионов долларов. Потом еще и еще. «Сибнефть», которую Ельцин подарил Березовскому с Абрамовичем, якобы для финансирования телекомпании, продолжала исправно нести золотые яички, но складывала их в другие корзины.

А в ОРТ повесили покрывало секретности над финансовыми потоками. Нашему комитету удалось провести через Думу поручение Счетной палате: срочно проверить эффективность расходования бюджетных средств в телекомпании.

И палата выяснила, что ОРТ — это транзитный пункт для перевалки государственных денег в сеть частных фирм типа «Рога и копыта», созданных за рубежом командой Березовско-

го — Дьяченко: степень личной заинтересованности данной пары в аферах ревизоры исследовать не решились, полагая, что это дело прокуратуры.

Одной фирме, угнездившейся на территории США, без каких-либо обоснований было, к примеру, перечислено 350 тысяч, а другой — 800 тысяч долларов. В Лондон якобы за полученные оттуда художественные фильмы переправили 11,2 миллиона долларов, хотя фильмы эти были отечественные.

Территорию России не покидали, и английская фирма никакого отношения к ним не имела. Ну и все такое прочее. Так по кусочкам — по малым и большим — растаскивали деньги ОРТ «спасатели Первого канала». Мало им дармовой российской нефти, хотелось выскрести и остальные сусеки.

Дума направила акт Счетной палаты в Генпрокуратуру. Ну а мундиры голубые тогда отмашку из Кремля, естественно, получить не могли. Без нее они неподвижны, как истуканы на острове Пасхи, и незрячи, как слепые котята, — не смогли позднее найти даже стоявшего перед носом хозяина денег, которые активисты ельцинского предвыборного штаба тащили из Дома правительства в коробке из-под ксерокса.

Выходка Бориса Николаевича с Первым каналом настолько возмутила членов Федерального собрания, что за внесенный нами закон «Об особом порядке приватизации организаций государственного телевидения и радиовещания» проголосовало более двух третей депутатов Госдумы и абсолютное большинство в Совете Федерации. Закон устанавливал обязательные принципы денационализации: если учитываются интересы всего многообразного общества, а не отдельных групп и политических тенденций, если обеспечивается равный доступ к СМИ граждан, общественных организаций и объединений, если... Немало было других условий.

Но главную пулю отлили для президента в конце документа: Ельцину предложили отменить свое решение о передаче Первого канала олигархам и привести указ о создании ОРТ в соответствие с новым законом. То есть отнять драгоценную игрушку у своей дочери с ее пройдохами-учителями по части сколачивания личного капитала. Все было прописано в рамках полномочий Госдумы.

Закон был оселком — им депутаты проверяли готовность Ельцина следовать послеоктябрьской Конституции, которой президент обложил свою власть, как перинами. Старая Конституция упирала Борису Николаевичу в бока углами — он ее расстрелял из танков. А по новой обещал жить в полном согласии с урезанным в правах парламентом.

И этот закон, никоим образом не угрожавший самодержавным порядкам, он должен был либо подписать в установленные Конституцией сроки, либо наложить на него «вето». Но подписывать не хотел, а «вето» накладывать не решался — его преодолели бы обе палаты Федерального собрания. Об этом говорили итоги голосовании за документ. И Ельцин просто заволокитил закон («что хочу — то и ворочу»): затеял с председателем Госдумы нелепую переписку, придираясь к процедуре рассылки бумаг. Закон так и не увидел света — лег под сукно. Не обязательно всякий раз воевать с парламентом, проще делать вид, что его не существует. Не пошлешь же в кабинет президента ОМОН следить за продвижением документов.

Нет, черного кобеля любая Конституция не отмоет добела.

В те же дни президент собрал для разговора в Кремле председателей ведущих комитетов Госдумы. Пригласили и меня. Я спросил Ельцина: почему он нарушает Конституцию и не определяет судьбу закона?

— Это не закон, а антизакон, — сильно возбудился Борис Николаевич. — Я не хочу о нем говорить.

Вот такая краткая аргументация. Но другой его оценки нашего документа мы, понятно, не ожидали. А рассчитывали только — и в очередной раз напрасно — на выполнение Ельциным своих конституционных обязанностей.

Олигархи — существа мстительные, как одногорбые верблюды. Те гоняются за обидчиками, пока не заплюют, не затопчут. Непрестанно «мочили» меня за противостояние с их хозяевами щелкоперы ОРТ и особенно НТВ. Редкая еженедельная программа «Итоги» обходилась без словесных плясок вокруг моего имени.

Я дал большое — на полосу — интервью газете «Российские вести», где назвал стратегические просчеты Ельцина и обозначил некоторые пути выхода из глубочайшего кризиса. В основном это интервью и полоскали в эфире. Подавалось так, будто я, многолетний соратник Бориса Николаевича, отвернулся от него и затеял свою игру. Какую? Решил сам идти в президенты, о чем свидетельствовала газетная публикация. Мол, всеохватное интервью — это моя президентская программа.

Олигархи полагали, что я мог вернуться в правительство, а лишний геморрой им был ни к чему. Раскрытием «тайных» планов «коварного сподвижника» они рассчитывали вбить клин между Ельциным и мной, потому что не было у Бориса Николаевича врагов смертельнее, чем те, кто хотел занять его место.

Бог оберегал меня от дурацких мыслей о посягательствах на царские покои. И возвращение в правительство однозначно не могло состояться. Олигархи ошибались, связывая нас по-прежнему с Ельциным, — мы ведь о своих взаимоотношениях не распространялись. Я сам вбивал клин за клином между президентом и собой — о некоторых моментах рассказал в этой главе.

Как терпят друг друга какое-то время несовместимые семейные пары — до окончательного разрыва — так могут идти рядом политики с несхожими взглядами. До поры, когда между ними начнет пробиваться уже не искра, а пламя. Тем более если политики находятся на разных орбитах.

За семь лет совместной работы, начиная с МГК КПСС, я видел, как удалялся от себя, первоначального, Борис Николаевич — все дальше и дальше. Так мне казалось тогда.

Теперь я думаю, что все было наоборот. Полицедействовав, не раз поменяв свое обличье ради достижения или сохранения власти, он в конце концов вернулся к себе, первоначальному, к своей сути, заложенной в него еще при родах.

У нас с ним не был брак по любви — из себя мне не пришлось выдавливать Ельцина по капле. Я ему нужен был для создания его светлого образа (каюсь, порой старался больше, чем надо). А также — в других косметических целях, поскольку влияние на журналистов имел и мог уговорить их не показывать Бориса Николаевича в невыгодном ракурсе. (В Киргизии, например, во время саммита глав СНГ в 92-м он пришел на открытие Российского университета, назюзюкавшись в стельку: охранники с Бурбулисом подпирали его со спины и боков. И камеры всех мировых телекомпаний долго любовались экзотической для них сценой. Я попросил журналистов пощадить даже не Ельцина, а Россию — вымарать позорные кадры: лидера скосило восточное гостеприимство. Все вошли в положение — ни одна телекомпания не показала пьяного Бориса Николаевича в Бишкеке. Он это ценил.)

А я, уже будучи в правительстве, стал воспринимать его как данность, от которой некуда деться: если зима, то неизбежны морозы, метели, и надо все равно делать свою работу с учетом погоды. От теплого нашего товарищества начальной поры не осталось следа. Мы расходились в разные стороны.

17

Для всех российских вождей полезло отвлекаться от лицезрения своего отретушированного облика на подвластных телеканалах и почаще заглядывать внутрь себя. Понятно, что эстетического удовольствия от этого мало, но для того и нужны

санитарные дни — освободиться от самолюбования и самодовольства, от эгоцентризма, от властолюбия, от чесоточного зуда вседозволенности.

Словом, прибраться в себе. Работа полезная для вождей, чтобы в них долго потом не рылись другие.

И Ельцину это было крайне полезно. Последний раз, мне кажется, он заглянул в себя в конце 92-го. И ужаснулся: там чернота и наслоения нечистых помыслов. Почти через край. Может, оттого он и решился на суицид, заперевшись в жарко натопленной бане, и Коржаков пинком вышибал дверь. Отошел. Опомнился. Закрыл себя на все замки, на все засовы, а ключи выбросил прочь. С таким грузом в душе и восседал он в Кремле до самых последних дней.

«Оттуда», по всей вероятности, его подталкивали к форсированному выполнению планов Бнай Брита, а полномочий уже не хватало (закончились дополнительные) — по Конституции РСФСР прерогатива оставалась за Съездом. Ельцин требовал от депутатов поправками в Основной закон перераспределить права Съезда в пользу Кремля, но те, наевшись досыта самоуправства президента, усекали его компетенции. Политический кризис подбирался к вершине: уступать одни не хотели, другой по «тайным» причинам — не мог.

Ельцин выходил из себя. По словам его близких помощников, он кричал: «Я пущу себе пулю в лоб!»

Итоги референдума 93-го не имели юридического значения — так накануне плебисцита решил Конституционный суд России. Поэтому ответы на два главных из четырех вопроса — вы за досрочные выборы президента? И вы за досрочные выборы народных депутатов? — были равнозначны по силе кивкам младенца на приставание глупых родителей: «Кого ты больше любишь — маму или папу?». Но мятущийся Ельцин придавал референдуму невероятно большое значение, рассчитывая на безусловную поддержку россиян.

Помощники убедили его: надо вбросить слоган «четыре «да», а высочайший авторитет Бориса Николаевича сделает свое дело — люди проголосуют за несменяемость шефа, поставив в бюллетенях напротив вопроса «вы за досрочные выборы президента?» заветное слово — «нет!». Этот слоган стали рекомендовать для использования в рекламных роликах.

С моим заместителем Сергеем Юшенковым мы сидели у меня в кабинете и обсуждали творческую несостоятельность предложенной идеи.

Позвонил Ельцин. Согласиться-то он с помощниками согласился, но сомнения его беспокоили. Я их усилил. Сказал,

что отношение народа к нему, по сравнению в 91-м годом, радикально изменилось, излишняя самоуверенность Кремля может закончиться для Бориса Николаевича крупным поражением. Ответь «да» за досрочные выборы президента 65—70 процентов участников референдума, и Ельцин потеряет право ссылаться на поддержку народа. Окажется, что под ним — ни доверия населения, ни согласия с парламентом. Пустота. Хасбулатов с командой не преминут этим воспользоваться.

А запустить в народ надо певучую формулу: «да-да-нет!-да». Разукрасить ее музыкально и сладкими женскими голосами зомбировать по радио активную часть электората — пенсионеров. Для них радио — основной источник информации.

Ельцину это понравилось. Он попросил меня взять в свои руки организацию дела в тандеме с руководителем кремлевской администрации Сергеем Филатовым. И вся пропагандистская машина ФИЦ закрутилась в работе. На избирательных участках я сам слышал, как многие бабули, направляясь к кабинам, напевали: «Да-да-*нет*!-да».

За досрочные выборы президента проголосовали 49,5 процента участников референдума. В общем-то немало. Но думаю, что без зомбирования, без других наших фокусов могло быть больше процентов на 15—20.

То была моя последняя кампания в поддержку Ельцина.

На заседании Верховного Совета Руслан Хасбулатов сказал: «Это победа не президента, это победа полторанинско-геббельсовской пропаганды». Ему виднее. Но сейчас не об этом, а моем стыдном вкладе в сохранение политического лица Ельцина. Опять каюсь: хотел насолить Хасбулатову со товарищи, но получилось, что подкузьмил демократии.

Трудно удержаться в политике от близоруких шагов, продиктованных эмоциями. А надо! Часто понимаешь это потом, когда поезд ушел.

Президент воспринял итоги опроса как свой личный успех. Он уже раздумал стреляться и начал откровенно провоцировать хаос в России.

Летом прошли выборы глав регионов. Ельцинские назначенцы, подобранные Бурбулисом с Гайдаром и развалившие экономику в своих областях, по-крупному проиграли — должны были уступить места новым главам администраций, как правило, патриотических взглядов.

Но из Кремля назначенцам скомандовали: власть не отдавать! Каким образом? Самым наглым: продолжать сидеть в своих креслах и делать вид, что выборов не было. Цирки всего мира после этого попросились на отдых.

Как развивались события, покажу на примере Челябинской области.

На выборах победил бывший председатель облсовета Петр Сумин, а назначенный Ельциным главой региона в конце 91-го либерал Вадим Соловьев отказался признать волю народа. Вокруг здания администрации выставил усиленную охрану, которая гнала взашей победителя. Ельцин одобрил поведение своего назначенца.

За поддержкой Сумин обратился в Верховный Совет России — тот потребовал от Соловьева выполнять законы страны. В ответ подзуживаемый гарантом-президентом захватчик власти только увеличил ряды охранников.

Победитель пошел в Конституционный суд РФ. Суд признал его законным главой региона, а Соловьеву предложил убраться с чужой повозки. В ответ ельцинский назначенец еще усилил охрану.

Один действовал с папкой правовых актов в руках, другой — с бейсбольной битой. По образцу и подобию своего наставителя.

В области разгорался междоусобный костер. Местное казачество и рабочие коллективы заявили о подчинении Сумину как главе администрации, а новые русские со своими клевретами кричали: наш князь — Соловьев!

Победитель собрал в августе руководителей городов и районов области, предложил присягнуть ему. В тот же день этих руководителей собрал Соловьев и велел не присягать Сумину.

Сторонники одного созывали свои митинги, сторонники другого — свои. Производство лихорадило, только треск стоял от дележа собственности.

Так было во многих регионах. Ельцин будто ждал, когда взорвется Россия, чтобы ввести чрезвычайное положение.

Люди из последних сил сохраняли порядок и причитали: «Господи, когда же все это кончится...»

Не кончилось. А в сентябре после ельцинского указа № 1400 по-настоящему все только началось. (Того указа, с которым задолго до российского народа, как вы знаете, через МИД РФ ознакомил послов США и других западных стран. А они — глав своих государств.)

После расстрела парламента стали доступны стенограммы заседаний Верховного Совета и Съезда в осажденном Белом доме. Из них видно, что руководители ВС пребывали в блаженном неведении и не владели никакой информацией. Они клеймили непричастных за якобы подталкивание президента к перевороту и предлагали обращаться за помощью к тем, кто на самом деле играл в мятеже ключевую роль.

Они не чувствовали угарный запах ситуации и не держали депутатов в мобилизационном состоянии. Не работали с силовиками и не готовили на всякий случай запасных вариантов. А демократия требовала защиты не на словах — на деле, тем более под нарастающей угрозой превращения ее в престолонаследный режим.

Общество выстрадало эту демократию — не Ельцин ее нам подарил, не Хасбулатов — и поручило избранному президенту с избранными членами парламента оберегать новый порядок от чьих-либо диктаторских посягательств. Если кому-то, не дай бог, могла ударить моча в голову, другие были обязаны мгновенно приводить его в чувство.

Не для того же избирали депутатов, чтобы они только констатировали наползание беспредела и беспомощно взирали на лиходейство кремлевского властолюбца. Депутаты должны были огородить демократию реальными гарантиями от наезда на нее с любой стороны — через разумное переподчинение правоохранительных органов, через механизмы автоматического лишения полномочий главы правительства, поддержавшего антидемократический переворот, и т.д. Должны были, но не сделали. И ждали у моря погоды.

А даже до меня, полууволенного, переставшего наведываться в Кремль, доходили сведения о подготовке Ельциным узурпаторской акции. И другие об этом знали. Кто-то из окружения президента специально протекал с информацией, чтобы предупредить общество. Когда в Белом доме начались депутатские посиделки, не руководство Верховного Совета, а посторонние люди бросились искать компромиссные варианты. (Самонадеянный Хасбулатов, предвкушая падение Ельцина, поручал в это время Руцкому запиской издать указ о превращении Завидова в резиденцию Верховного Совета.)

Председатель Моссовета Николай Гончар потолкался в Белом доме, увидел, что дело клонится к гражданской войне, приехал ко мне: «Давай уговорим Бориса Николаевича избежать бойни и пойти на одновременные выборы — президента и депутатов». Когда я был главредом «Московской правды», Гончар работал секретарем Бауманского райкома партии. Ельцин — первый секретарь МГК — его хорошо знал и уважал.

Я позвонил президенту. Сказал о впечатлениях Николая Николаевича от посещения Белого дома и о предложении, которое тоже поддерживаю. Ельцин, видимо, чувствовал, что шансов переизбраться у него — никаких.

— Еще какой-то Гончар меня будет учить, — грубо сказал он, будто речь шла о плохо знакомом ему человеке. — Я подписал указ — и точка.

Через какое-то время мы пообщались с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным. Напряжение нарастало, и Валерия Дмитриевича это тревожило. Он предлагал нулевой вариант: Ельцин отменяет свой указ, депутаты — все свои антипрезидентские акты. И тогда противоборствующие стороны садятся за стол переговоров. Зорькин попросил использовать мое, как ему казалось, немалое влияние на Бориса Николаевича и порекомендовать пойти на этот шаг.

Я не забыл желчную реакцию президента на предыдущий звонок. Но все же пересилил себя, набрал номер ельцинского кабинета. Сказал Борису Николаевичу, что вариант Зорькина диктует сама жизнь: только безответственные политики могут доводить ситуацию до рубежа — кто кого поднимет на вилы?

— А кто вас уполномочил на переговоры? — раздраженно загремел президент. — Что вы там со всякой швалью возитесь?

По его голосу я понял, что он сам не уверен в успехе своего безумного предприятия и находится на грани срыва. (Поздно вечером третьего октября по просьбе Филатова я приехал в Кремль. Спасские ворота были закрыты, кругом автоматчики, теснившие толпу искавших убежище за зубчатыми стенами. А в темноте на Ивановской площади стояли наготове два вертолета. Не для меня же, конечно, не для народа у закрытых ворот — для Ельцина. На случай, если побеждала бы противоборствующая сторона. Таким он был всегда, Борис Николаевич: замутить людей на братоубийство, а самому потом нырнуть в уютный подвал «жевать бутерброды» или воспарить над Москвой в вертолете и отбыть под крылышко друзей «оттуда».

В этом телефонном разговоре со мной Ельцин запальчиво назвал управляемых сидельцев Белого дома фашистами. И чиновники кремлевской администрации костерили фашистами депутатов, проголосовавших за отрешение президента от должности. Но не всех.

Проголосовал, например, «верный хасбулатовец» Починок Александр за импичмент, но поозирался, увидел, что Ельцин сдаваться не собирается да еще обкладывает Белый дом ментовскими силами, — стал перекрашиваться срочно в другой цвет. Побежал в Кремль с покаянием — его сделали распорядителем имущества Верховного Совета (позднее назначили министром).

Таких Починков — посредственных конъюнктурщиков, флюгеров было немало. Они для Кремля перестали быть фашистами, поскольку ради доступа к деньгам и собственности легко отреклись от Конституции и демократии. С Ельциным

они были одной крови. А вот, скажем, гордость нации дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Виталий Севастьянов или яркий политик демократических взглядов, декан юридического факультета сибирского университета Сергей Бабурин отказались торговать принципами и не ушли из Белого дома. Они для Кремля остались фашистами.

Не надо больше притворяться: всем подан ясный сигнал, что отныне приспособленцы, беспринципные существа — желанные попутчики Ельцина, а люди с твердыми пророссийскими убеждениями — его враги.

В те дни, опираясь на эти воззрения, ранее тщательно маскируемые, Борис Николаевич создавал философию исполнительной власти на будущее: меркантильность верхом на бесстыдстве! Все последующие годы он много делал, чтобы для России это было вечно живое учение, — через подготовку условий для преемничества кремлевского трона, через сплетение тугих коррупционных тенет. И сейчас, глядя на нашу власть, на ее дела, на ее планы, мы можем смело, без всяких натяжек провозглашать, как еще недавно говорили о вожде мирового пролетариата: «Ельцин жил! Ельцин жив! Ельцин будет жить!» И пока он «будет жить», владычество нуворишей над страной не прекратится.

В те же октябрьские дни состоялся переход Кремля с силовыми структурами через запретительную черту, за которой нацарапано кровью: «Все дозволено!» Годы горбачевской демократии наклонили власть перед законом, заставили ее с опаской оглядываться на общественное мнение, и она навряд ли решилась бы на беспредел даже с благословения Бнай Брита.

Но ракалии, именующие себя либеральной интеллигенцией и показавшие свое ничтожество при конкуренции мысли, кричали: «Нельзя сделать яичницу, не разбив яйца. Распни их, Борис Николаевич, этих заступников Основного закона!» И подталкивали колеблющееся ментовское начальство к наглому попранию Конституции. Они рассчитывали на подачки от самодержавной власти, на ее особое расположение к себе. Но в действительности делали прививку Кремлю от боязни топтать Закон, а силовикам — от страха хлестать дубинками по правам человека. Какие-то объедки со своего стола олигархат швырнул в жадные рты либеральной интеллигенции и задвинул ее сапогом в закуток для лакеев.

Потерявши голову, что теперь плакать по волосам! Сейчас ракалии кучкуются на площадях, митингуют, предавая анафеме путинизм. Посеяли ветер разбоя, пожинайте бурю тотального произвола. Беззаконие путинизма (а за ним — медведиз-

ма) — логическое продолжение беззакония ельцинизма. Отшлифованное. Приперченное гэбэшным садизмом.

Да и обвинять в пассивности свой народ — как это вошло в моду — теперь по меньшей мере нечестно. Он был сверхэнергичным на рубеже 80-х и 90-х — тащил на горбу во власть, как ему казалось, порядочных людей. А надлом в общественной психологии — и очень серьезный надлом — произошел тогда же — осенью 93-го.

Люди верили Ельцину — он их попросту кинул. Надеялись на депутатов — а там шкурные интересы многих господствовали над государственными. Что делать народу? Строить баррикады, чтобы одних негодяев менять на других? Бессмысленно. Вот и думает он до сих пор — за бутылкой водки или толкаясь в приемных растущей армады чиновников.

Об этом народе той осенью в Кремле, конечно же, вспомнили. Как не вспомнить, если припекло: обстановка начала складываться в пользу сидельцев Белого дома. Их сторонники приступили к решительным действиям (в калошу они сели из-за слабонервных погромщиков). Жуткая паника охватила тех адептов ельцинской диктатуры, кто сверхрьяно, по-инквизиторски выполнял инструкции бнайбритского МВФ. Они знали, что жизнь всегда спрашивает с человека по поговорке: как накрошишь, так и расхлебаешь.

В начале октября пополз слух по Кремлю, будто к Москве на помощь демократии подтягиваются из провинции отряды добровольцев на автомашинах. Премьер Черномырдин на заседании чрезвычайной комиссии (по вызову из правительства я там присутствовал) взвинченно кричал министру транспорта Виталию Ефимову:

— Почему все дороги в Москву канавами не перерыл? Я тебе приказываю...

Министр недоуменно смотрел на премьера: при чем здесь транспортное ведомство? Струхнувший Черномырдин, наверное, представлял: вот собрал Ефимов по столичным дворам десятки тысяч ополченцев и повел их с лопатами и ломами рыть окопы вокруг Москвы, как в октябре 41-го года. Только теперь — для защиты штаба олигархата от собственного народа. Простота всегда была отличительным качеством Виктора Степановича, потому и держал его при себе президент.

А Чубайс через электронную сеть Госкомимущества разослал своим ставленникам в местные комитеты — во все города и районные центры — телеграмму с указанием «максимально содействовать в организации демонстраций в поддержку» антиконституционных действий Ельцина. В регионах

шли митинги в защиту демократии, против узурпации власти Кремлем, и Анатолию Борисовичу, возможно, хотелось, чтобы толпы антагонистов столкнулись лбами на площадях — до хруста костей, до высечения пламени. Интересно же смотреть на жаркий огонь междоусобицы.

Вот как Чубайс испуганным голосом описывал корреспонденту свое тогдашнее душевное состояние: «К шести вечера 3 октября, когда ситуация была слишком непредсказуема, я изложил Гайдару свой прогноз событий: утром 4 октября (они точно знали время начала штурма. — *Авт.*) количество погибших будет измеряться не единицами, а сотнями. Белый дом либо будет разгромлен военной силой, а «белодомовцы» арестованы или уничтожены, либо, во втором варианте, нас с тобой здесь уже не будет... Мы посчитали, что даже если к утру нас не будет, но дальше останется Россия». («Москва, осень-93. Хроника противостояния».)

Эк закрутил Анатолий Борисович: либо-либо! Чтобы он «здесь» остался, надо непременно укокошить несколько сотен людей. И никак иначе. Какая же Россия без Чубайса? Во всех смыслах «недо» — недоразворованная, недобитая, не доведенная до банкротства.

Страху на Чубайса нагнал, очевидно, указ Руцкого от 3 октября о задержании и препровождении в Белый дом «группы товарищей» для привлечения к ответственности за причастность к свержению законной власти — список этих «товарищей» составлен рукой Хасбулатова. В него он по старой «дружбе» мстительно внес и некоторых противников указа 1400, в том числе и меня.

За мной по списку шел ярый сторонник расстрела парламента Чубайс, а вот Гайдара там не было. По-моему, Руслан Имранович собирался с ним и дальше обеспечивать дудаевскую Чечню бесплатной российской нефтью.

Оказаться в «расстрельном» списке — приятного мало. Но в самосуд заступников Конституции я не верил (не один же Хасбулатов был в Белом доме) — вины за собой не чувствовал. А Чубайс от других ждал того же, что сделали бы с идейными противниками в подобном случае ультралибералы: в подвал — и к стенке! Правда, случись такое с нами, не хотел бы я лежать в одной яме с Анатолием Борисовичем — он и здесь достал бы меня до печенок своим занудным враньем.

Последующая брехня Анатолия Борисовича, будто Ельцин с пособниками спасли тогда страну от гражданской войны, ну никак не вяжется с фактами. Самого Чубайса президент, понятно, избавил от необходимости удирать за кордон. А вот

Россия по вине Ельцина стояла уже в сантиметре от большой гражданской войны, и только так называемый дофенизм основной массы мятого-перемятого народа («Да подавитесь вы своей властью!»), как отсыревший порох, не дал перекинуться огню в регионы. В руки Бориса Николаевича наконец-то свалилась вожделенная самодержавная власть.

Что дальше?

Победитель взялся переводить страну из недолгой посткоммунистической демократии в удобное для себя положение, чтобы легко было управлять в ручном режиме из Кремля и штаба заокеанских кураторов. Естественно, через своих барских приказчиков.

На былых заседаниях нашей «межрегионалки», подражая начитанному Гавриилу Попову, Ельцин клял административно-командную систему социализма и обещал — в случае прихода к власти — не оставить от нее даже тени. Но теперь, наоборот, повел все к тому, чтобы диктат и влияние аппарата чиновников увеличивались.

А с таким режимом несовместим конвергентный, смягченный большим набором социальной ответственности капитализм, с его всепроникающей конкуренцией, с его свободами, неприкосновенностью прав человека и собственности. И из президентской кухни россиянам стали порциями выдавать (и сейчас по-прежнему выдают) политическую систему-винегрет, где перемешаны элементы военного коммунизма, дикого капитализма, феодализма и даже рабовладельческого строя.

Все это прикрыто, как мусорная свалка, высоким цветастым забором, декоративным парламентом и декоративными выборами, результаты которых должны всегда услаждать слух Кремля.

Конкуренция осталась только внутри царского двора — между нуворишами: кто первый пробьется к Хозяину, чтобы получить доступ к большим деньгам и ресурсам. Люди из окружения президента, не пораженные алчностью, постепенно отдалялись от Ельцина — проходимцы заполняли пространство в Кремле.

18

Борис Николаевич хоть и обрюзг волей без борьбы, привечал и одаривал разных мазуриков, но особой симпатии к ним не питал. Кто они — подлокотники для удобного сидения в царском кресле, ненасытные овчарки у подножия трона? Преданно смотрели в глаза, ластились, лишь бы им достался кусок пожирнее. Но сменись хозяин — бросятся лизать другие башмаки, погавкивая на прежнего благодетеля.

Так, думаю, смотрел на них Ельцин.

А пока он, не свыкнувшись до конца с положением мумии, все еще походил на курильщика, только что порвавшего с табаком, — ему хотелось иногда затянуться втайне от эскулапов. Он, видимо, заскучал без споров, без чьих-то откровенных мнений, не подкрашенных корыстными интересами.

Осенью 95-го я был в Омске по депутатским делам. Туда прилетел решать проблемы оборонных заводов первый вице-премьер Правительства РФ Олег Сосковец — в то время особо доверенный человек президента. В конце наших командировок губернатор области Леонид Полежаев позвал на дачу поужинать втроем по-землячески — с вареной картошкой и соленой рыбой из Иртыша.

С Леонидом Константиновичем мы подружились еще в 76-м году, когда я собкорил в Казахстане от «Правды». Полежаев был в республике звездой первой величины: возглавлял империю-управление «Иртышканалстрой», которое прокладывало водную трассу от Павлодара до шахтерской Караганды и богатого рудой Жайрема, сооружало в степи озера-гидроузлы и рабочие городки. Мы налетали с Леонидом Константиновичем на вертолетах по его объектам не одну сотню километров.

Шла иртышская вода по каналу и к гиганту отрасли — Карагандинскому металлургическому комбинату. Там я и познакомился с Олегом Николаевичем Сосковцом: он прошел на этом предприятии путь от вальцовщика, мастера, начальника листопрокатного цеха до генерального директора. Потом, до развала страны, работал министром металлургии СССР.

Пока варилась картошка, Олег Николаевич отвел меня в сторону и начал попрекать за то, что я рассобачился с Ельциным.

— Найди повод и позвони Борису Николаевичу, — сказал Сосковец. — Мы с ним говорили о тебе, он хочет, чтобы ты позвонил. Он чувствует себя одиноко среди лавочников.

Зачем ступать в непролазную топь, из которой только что с трудом вытащил ноги! Ельцин по доброй воле создавал панаму вокруг себя, пусть сидит теперь в этом раю и вкушает тяжелый дух гнили кремлевской власти.

Я подумал и звонить отказался. А через полгода науськанный жучками-интриганами президент прогнал из власти и самого Сосковца — он мешал Чубайсам с чубайсятами вольно распоряжаться государственной, а точнее, народной собственностью.

(До Сосковца Ельцин уволил в авральном порядке председателя Госкомимущества, вице-премьера правительства Владимира Поливанова. Он пришел на место Чубайса с должности главы администрации Амурской области и с изумлением обнаружил, что Госкомимущество РФ — это филиал администрации США (или ее ЦРУ?) по расхищению России, где хозяйничали больше сорока американских советников. Янки притащили в нашу страну своих жен с другими родственниками и за бесценок скупали крупнейшие производства, в том числе — уникальные предприятия военно-промышленного комплекса. Чтобы остановить выпуск высокотехнологичной продукции.

А трескучий Чубайс, с павлиньим хвостом высочайшей самооценки, бегал у них в шестерках.

Поливанов сгоряча отобрал у хозяев российского протектората пропуска в свое учреждение. На Ельцина из Вашингтона тут же прицыкнули. И проработавший всего-то два месяца вице-премьер получил от президента волчий билет. Американцам вернули пропуска с извинениями.)

Мракобесие в Кремле становилось притчей во языцех. Секретом не было, что волю президента давно уже формулируют «оттуда», но и местечковые олигархи хотели активнее участвовать в этом процессе. Для проталкивания выгодных им экономических и политических решений. А Ельцин, зная подленькую суть олигархов, иногда подозревал в идеях подвох устоям своей власти и давал от ворот поворот.

Как заставить президента верить всякому бреду нуворишей безоговорочно? О, вспомнили они, имеется золотой ключик даже к самым жестоким диктаторским сердцам — Чадолюбие. Не зря о Чадолюбии слагают поэмы.

У Ельцина есть дочь Татьяна Дьяченко, он в ней души не чает: в общем-то, пичужка свердловская, неприметная трясогузка, но с большими претензиями орлицы — вся в папашу. Ее можно играючи развести на что угодно, и она пойдет к отцу с твоим мнением как со своим, будет ласково уговаривать его: «Ну папа!» — и президент на глазах начнет таять.

Этим самым, как я уже говорил, олигархи вооружались надежной «фомкой» к главным кремлевским дверям, отмычкой к воле Бориса Николаевича.

Из всех их совместных набегов на царские сундуки возьму для примера один — президентские выборы 96-го года.

Экономическое положение большинства населения было хуже некуда: люди сидели без пенсий и зарплат, страна все время лезла во внешние долги, а деньги расхищали нувориши.

Росли преступность и отряды бездомных детей. Ко всему прочему шла неудачная война в Чечне. (Перед нападением российских военных на Грозный Александр Коржаков застал в кабинете Ельцина Олега Сосковца, упавшего перед президентом на колени: «Борис Николаевич, умоляю, не надо с Чечней воевать». Бывший металлург с мировым именем, бывший ключевой министр Советского Союза унижался перед бывшим партийным секретарем-неудачником — вот как поворачивается судьба! — ради престижа России, но олигархи уже сагитировали хозяина Кремля начать кровавую заварушку: чем больше мутной воды, тем проще ловить рыбку.)

Ельцин прятался от народа в Горках, а после инцидента в ирландском аэропорту Шеннон россияне на всех углах говорили, чем занимается президент на даче. По разным данным, рейтинг Бориса Николаевича составлял от четырех до шести процентов.

С таким авторитетом он получил бы на демократических честных выборах примерно столько же, сколько позволили избиратели в январе 2010 года откусить проамериканскому президенту Украины Виктору Ющенко, — около пяти процентов. Стартовали-то они с одной позиции. Но тогда в России уже начинало действовать правило: не важно, как голосуют, важно, как считают.

В избирательные комиссии людей подбирали тщательнее, чем в отряд космонавтов. В руках президента были мощные информационный и административный ресурсы.

Многие главы субъектов федерации устали от сумасбродства Бориса Николаевича — я часто ездил по стране и постоянно слышал об этом. Они знали, что в Зюганове гораздо больше демократии, чем ее было в Ельцине, — особенно в последние годы. (Демократия в понимании Ельцина с прилипалами — это возможность грести все под себя бесконтрольно и безнаказанно, а для социал-демократа Зюганова, по традициям правопреемства именующего себя коммунистом, — это равенство всех перед законом, право абсолютного большинства населения на лучшую жизнь, в том числе за счет института частной собственности.)

Знали, но собирались мобилизовывать свой электорат на поддержку президента, потому что сами успели запачкать руки при мародерстве по наущению Чубайса с заокеанскими господами. А Зюганов собирался брать мародеров за штаны (другие кандидаты — соперники Бориса Николаевича — хотели того же).

Но козырным тузом среди всех ресурсов, своеобразной охранной грамотой была похвала стараний Ельцина вождями Бнай Брита. На сей счет имеется немало свидетельств.

Бывший генерал ФСБ слил журналистам одно из них, добытое, как он сказал, его коллегами. (Хотя циничные руководящие янки не ставят на такие бумаги гриф «секретно», иногда специально просачивая своему электорату подобное: «Смотрите, какие мы крутые у вас». И любят прихвастнуть. Но внимательный читатель сам определяет достоверность вбросов, сопоставляя разную информацию. Правдивость данных генеральского «слива» подтверждалась другими источниками.)

Это текст выступления президента США Клинтона на совещании Объединенного комитета начальников штабов в октябре 95-го, то есть когда Россия начинала готовиться к выборам. «Друг Билл» поздравил своих военных с тем, что в лице России «мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать».

И отметил огромные заслуги Ельцина перед отечеством, то бишь перед Соединенными Штатами, со дня прихода его к власти в медвежьей стране: «За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд. долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т.д. Под несуществующие проекты нам проданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс.тонн цезия, бериллия, стронция и т.д.»

По небольшому залу с многозвездными генералами прошел легкий шорох удовлетворения. Но Клинтон всем своим видом показал, что это только начало, что главные потоки богатств из России еще впереди, и доложил, чем администрация США совместно с Кремлем будет заниматься дальше: «Всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий. Особое внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях... Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем».

Подобную оценку хозяина Кремля сохранили другие западные документы.

Действительно, разве Всепланетная Олигархия могла позволить кому-то сместить с российского престола такого прилежного добровольца-вассала, каким был Борис Николаевич? Нет и нет! Ему дали понять, что Запад одобрит любое его лиходейство в целях удержания личной власти.

В эйфории Ельцин чуть было не допустил фальстарт. То собирался отменить выборы, а то в середине апреля 96-го, когда левые депутаты замыслили ревизовать Беловежское соглашение, решил запретить компартию, разогнать Госдуму.

Но ему сказали: не следует греметь по-топорному, а надо спокойно провести как бы выборы и обеспечить на них себе как бы победу. У Бориса Николаевича неограниченный административный ресурс, много мастеров подтасовки. Не учить же его такому простому делу! А Запад все эти «как бы» вычеркнет и выдаст за торжество политики МВФ, которую не щадя живота своего проводил Ельцин.

А законно ли в 96-м присудили победу Борису Николаевичу? Этот вопрос до сих пор висит над Россией. Отвечать на него так же непросто, как искать следы Атлантиды: все концы в воде. Бюллетени для голосования были вскоре уничтожены, и оппоненты Ельцина резонно считают: следы побед с такой поспешностью не смывают.

Когда журналисты припоминают сегодня команде Зюганова тот период, упрекая ее в трусливом отказе от выигранной власти, и сам Геннадий Андреевич, и его товарищи начинают яриться и бормотать что-то в свое оправдание. Вместо того, чтобы прямо спросить журналистов: а сами-то они готовы были защищать Конституцию на баррикадах?

Представим невероятное: в отлаженной Кремлем выборной машине произошел сбой и Центризбирком объявил о поражении Ельцина. Какова на это реакция деспотичного Бориса Николаевича с его друзьями «оттуда»?

Не исключаю, что всех членов ЦК КПРФ замели бы в одночасье, погрузили на самолет и по договоренности с Клинтоном отправили в американский Освенцим — тюрьму Гуантанамо. Оппозиционные партии ожидал бы кирдык.

Мировые СМИ Всепланетной Олигархии, в том числе телевидение отечественных нуворишей, начали бы обвинять победивших коммунистов в подготовке террористических актов и государственного переворота, в поедании младенцев — да в чем угодно. Западные лидеры выступили бы гуртом в поддержку единственно правильного решения светоча демократии Ельцина.

А Россия зевала бы спросонок и равнодушно почесывала пустое брюхо. Что сделали бы с итогами голосования? Их аннулировали бы, а новые выборы перенесли на неопределенный срок.

Не мог Ельцин проиграть. Не имел такой возможности.

Это понимал руководитель его предвыборного штаба первый вице-премьер правительства Олег Сосковец. Он разво-

рачивал кампанию в привычной для России манере: поездки президента по регионам, встречи на предприятиях и улицах, выступления в домах культуры и концерты популярных артистов.

Это понимали и олигархи во главе со своим коноводом Чубайсом. Но они также знали, что для ельцинского штаба собраны многомиллиардные суммы: бюджетные заначки, деньги из США, Великобритании, Италии, Германии... Для чего? А чтобы в поездках Ельцин мог прикупать электорат кое-какими подачками, затыкать рот кричащим локальным проблемам.

Вот эти-то деньги сводили с ума алчных интриганов, эксплуатировавших чадолюбие иррационального президента. Как можно пропускать мимо своих карманов такое богатство! Старомодный Сосковец по своей совковой привычке пустит его на детсады или обогрев замерзающих школ, но зачем Ельцину благодетельствовать, когда правдами или неправдами его победа будет все равно обеспечена.

Они решили оттеснить Сосковца от финансов — Чубайс, Березовский, Гусинский, Ходорковский и другие. Пообещали даже собрать с олигархов еще кое-какие деньжата в копилки Бориса Николаевича (рубль даем — миллиард забираем), если тот отпихнет от дел первого вице-премьера и отдаст нуворишам-космополитам в безвозмездное пользование Россию вместе с ее наром. Употребить «фомку» поручили своему коноводу Чубайсу.

Что он плел легковерной принцессе — говорить не берусь. Наверняка что-то фирменное чубайсовское: мол, Сосковец тайный гэкачепист, за спиной шефа работает на супротивников, представляет угрозу Семье и все такое прочее. Потому что принцесса, будто глотнувшая хлорофоса, помчалась к своему папаше с криком: «Отечество в опасности!». Правда, успела пояснить, что на сей раз под «отечеством» подразумевала всегонавсего Россию, чем успокоила отца, а так бы могла довести его до нервного срыва.

Сосковца отодвинули — олигархи сели делить между собой остатки прибыльной экономики. Президент создал неформальный штаб, так называемую аналитическую группу, и во главе ее поставил Чубайса. По словам Сергея Филатова, Ельцин «был уверен в победе с первого дня». А штаб при предсказуемом результате — это всего лишь игрушка, и пусть любимая дочь забавляется тем, что ей нравится.

В одном из своих интервью (журнал «Медведь», 12,09г.) Татьяна Дьяченко вспомнила, как поразили ее тогда выдающиеся таланты собранных в эту группу Чубайсом людей —

Игоря Малашенко, Аркадия Евстафьева, Сергея Лисовского, Михаила Лесина, Сергея Зверева, Юрия Заполя, Василия Шахновского, Александра Ослона. Не упомянула принцесса еще кучу американских советников («янки при дворе царя Бориса»). Она робела перед их волчьей хваткой, и Анатолий Борисович со своими архаровцами плотно набивали ее, как контейнер, выгодными для себя аргументами, затем отправляли склонять чадолюбивого президента к нужным решениям. «А я, — признавалась Дьяченко, — рассказывала ему каждый день, чаще всего утром, за завтраком, как проходили наши заседания, почему мы пришли к такому предложению».

Не все, подобно Татьяне Борисовне, впадали в экзальтации при знакомстве с названными ею людьми. Многие если не в результате личного общения, так из печати знали их как больших любителей бабла. Здесь же перед Чубайсом со товарищи открывался еще один оперативный простор. И они не упустили возможности развить свой успех на этом золототельцовом участке.

Та единственная осечка с 538 тысячами долларов в коробке из-под ксерокса, которую тащили из дома правительства в ночной темноте Евстафьев с Лисовским, а их задержали — это результат недомыслия службы охраны. Передала Татьяна отцу указание Чубайса снять за прокол Александра Коржакова, он выполнил его, и дальше все пошло без сучка и задоринки. «Десятки раз, — с оголенной простоватостью девчушки из таежной заимки рассказывает теперь Дьяченко, — получали деньги — в коробках из-под ксерокса, в коробках из-под писчей бумаги, в других коробках, в кейсах, в том, в чем было удобно деньги нести».

Ничего не скажешь, славно пахало братство под атаманством Чубайса.

Правда, по части творческих талантов в группе ощущался большой дефицит — природа редко совмещает в людях способности пилить по-стахановски халявные бабки с умением рождать светлые мысли. Нужен был политико-психологический стержень избирательной кампании Ельцина, а идей никаких. По результатам всех грандиозных трудов Бориса Николаевича сам собой напрашивался только покаянный слоган: «Прости, обжуленный народ!» Но под него много денег не спишешь, стало быть в офшоры не переведешь. Пришлось заняться плагиатом, что в среде квазилиберальных ремесленников считается в порядке вещей.

Покопались в мусорном ящике американцев. Нашли. В 92-м Билл Клинтон баллотировался в президенты США, и его

предвыборный штаб проводил акцию «Choose or loose» (Голосуй или проиграешь). Акция проходила шумно, цветисто — собирали молодежь, устраивали фейерверки. Билл выходил на сцену со своим саксофоном — играл, танцевал с Хиллари. Красивая энергичная пара: хоть сейчас на конкурс исполнителей. (Заелись избиратели США: их волновало, кто из кандидатов лучше приплясывал. Им бы хоть пару месяцев не выдать зарплату или, напротив, выдать пенсию российских размеров. Вот были бы фейерверки!)

Группа Чубайса скопировала у американцев и сам лозунг «Голосуй или проиграешь!», и многое из сценария акции. Ельцина возили, как цыгане ручного медведя, по разным подмосткам и заставляли, подобно Клинтону, развлекать публику.

Вот уж действительно, где кобылке брод, там курице потоп: печальное было зрелище. В Новосибирске я оказался зрителем такого действа. Друзья притащили меня на стадион «Спартак», где проходила встреча с Борисом Николаевичем. Он несуразно пританцовывал под гремучую музыку, затем потянул в пляс испуганную жену Наину Иосифовну и от немощности едва ее не повалил. Сидевшая рядом со мной пожилая женщина в староверческом платочке перекрестилась, сказала: «Какой ужас! Зачем же так изгаляться над изношенным человеком. Дайте ему, ради Христа, сколько-нибудь голосов на выборах».

Кстати, там, где Ельцин плясал, он проиграл даже официально — кроме регионов с вечно предсказуемыми результатами. Околочубайсовские социологи, естественно, фиксировали отменные результаты работы штаба. При этом штабе трудился руководитель фонда «Общественное мнение» Александр Ослон — уж он-то знал, какая цифирь нужна Анатолию Борисовичу. Я представляю, как шествовал Чубайс с бумагами социологов к Ельцину: «Борис Николаевич, ваш рейтинг растет не по дням — по часам. Но нужны еще деньжата, чтобы сильнее горел огонь народной любви». И Ельцин в очередной раз брел к сундукам.

В разгар кампании ельцинский штаб организовал публикацию беспрецедентного по своей наглости обращения-ультиматума нуворишей Бориса Березовского, Владимира Гусинского, Михаила Фридмана, Александра Смоленского, Михаила Ходорковского, Леонида Невзлина и других к оппонентам Бориса Николаевича на выборах. Любители мутной воды пригрозили, что они «обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия... на слишком бескомпромиссных политиков». Вон куда занесло бывших комсомолят, оставленных Родиной без присмотра! Какие еще ресурсы у этих джентль-

менов удачи, кроме украденных у страны миллиардов да безоговорочной поддержки кремлевской власти, погрязшей в компромиссах с ворьем? Киллеры?

Многие расценили непристойную публикацию как предупреждение: будите бороться с Ельциным за власть, можете очутиться на том свете. Агитаторов с доверенными лицами Зюганова стали запугивать, не стесняясь. Прокуратура бездействовала. А гарант Конституции все ездил и плясал под дудку Чубайса с чубайсятами. Он окончательно свыкался с ролью быть на подтанцовке у олигархов. Он планировал опереть свое самодержавие о них, а нувориши, напротив, ему уготовили место куклы.

Но вершиной творений штабистов-гениев была все-таки цветная еженедельная газета «Не дай Бог!» — выходила тиражом 10 миллионов экземпляров и рассовывалась в почтовые ящики бесплатно. По циничности, по тупости, по развязности, по уровню подлости у нее, пожалуй, не было аналогов в мире. Даже когда Советская Армия приближалась к бункеру фюрера, фашистские пропагандисты запугивали свое население не таким кровавым языком.

Газету выпускали без выходных данных, анонимно, что само по себе являлось нарушением закона и требовало закрытия издания. И по закону же за такое ведение предвыборной кампании Бориса Николаевича (по совокупности) были обязаны снять с дистанции. Но что закон для бесцеремонного ельцинизма! Газета, наслаивая ложь на брехню, оплевывала все, чем жила наша страна до прихода Ельцина к власти, и, конечно же, поносила Зюганова (говорят, что идею пещерной антисоветчины подбросили американцы). Оскорбляла грязно, по-черному: сравнивала его с Гитлером и ерничала — «Зюг Хайль!». В случае победы Зюганова население пугали массовыми расстрелами, арестами, голодом, пожарами и гражданской войной. Этот бред сумасшедших оплачивался по высочайшим ставкам из кармана налогоплательщика.

На всех номерах газеты «Не дай Бог!» проступали отпечатки чубайсовского интеллекта. Хозяин скомандовал «Фас», и братство бесчинствовало без передыху.

Никогда не знали они российский народ, считая его легкоуправляемой массой. А народ наш — дитя порыва, настроения. Панегиристы разбоя и мерзости переусердствовали. Люди просто отвечали на информационный террор: не читая, выбрасывали из ящиков газеты на пол. Все подъезды были усыпаны поделками соловьев олигархата — о них вытирали ноги. Значит, так и голосовал электорат?!

В 93-м году, как заметил осведомленный Геннадий Бурбулис, Ельцин протащил Конституцию через задницу. Что же тогда говорить о 96-м? А в 96-м через задницу в Кремль протащили самого Ельцина.

«Мы принесли ему победу», — фанфаронились американские политтехнологи. И режиссер Роджер Споттисвуд даже выпустил по этому поводу фильм «Раскрутка Бориса».

«Нет, это мы оставили на троне Бориса Николаевича. Это мы придумали трюк с простодырым Александром Лебедем», — не желая уступать, твердил чубайсовский табор и бренчал наградами из Кремля, будто избиратели-державники пешки и по команде вероломно предавшего их Александра Ивановича ринулись в объятья ненавистного Бориса Николаевича.

Помалкивали только чиновники, чихавшие на закон и электорат, будто он здесь совсем ни при чем.

У россиян после выборов возникло немало вопросов. Не появились они лишь там, где результат программировался. Вспомните слова Клинтона: «*Обеспечив* занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем». Как обеспечить? Использовать внутренние резервы ельцинского режима или, в крайнем случае (по сигналу SOS от «друга Бориса»), включить внешний фактор — этот вопрос не был для Билла первостепенным. Принципиальным было иное: в Кремле при любом стечении обстоятельств должен остаться «наш парень», удобный для администрации США во всех отношениях.

Близкий друг Клинтона дипломат Строуб Тэлботт (о нем я упоминал) писал в своих мемуарах: Билл использовал страсть приятеля Бориса к спиртному и, доводя его до пьяного состояния, получал согласие на расширение НАТО, сдачу наших позиций в Прибалтике, участие России в операции на Балканах и т.д. Видимо, под банкой хозяин Кремля делился с президентом США сокровенными мыслями.

Тэлботт проболтнул самое-самое, что Борис Николаевич всегда старательно прятал от русского народа: «Клинтон видел в Ельцине политического лидера, полностью сосредоточенного на одной крупной задаче — вогнать кол в сердце старой советской системы». А сам Тэлботт уподоблял Бориса Николаевича металлическому ядру, которым разрушали здание российской державы.

Американцы считали: это они, прикрывая Ельцина зонтиком, вынянчили Титана Разрухи № 2. С неимоверной мощностью в тротиловом эквиваленте. Энергия Титана Разрухи № 1 Михаила Сергеевича Горбачева, развалившего мировой со-

циалистический блок, принесла Западу выгоду, по оценкам специалистов, в сумме более триллиона долларов. А Борис Николаевич, «вгоняя кол», должен бы навсегда обеспечить исключительные условия Всепланетной Олигархии и под метелку очистить для США с союзниками поле от конкурентов — в экспорте продукции ВПК (в 89-м году наша страна продала ее на 15 миллиардов долларов), авиастроения, приборостроения, станкостроения и другого наукоемкого производства.

Россия жила только наследством советской системы. Что-то новое, позитивное Ельцин не хотел, да и не умел создавать. Стало быть, кол он вбивал и собирался дальше вбивать в сердце своей страны.

19

То, что не удалось разорить за годы первого президентского срока, Ельцин с лихвой наверстывал после 96-го на пару с братом по орудию-колу Виктором Черномырдиным, он первым делом пускал под нож хребет державы «оборонку». (А на нее были завязаны 74% промышленных предприятий России. Нарушилась кооперация — остановилось все производство. Вместе с иностранцами контроль над заводами ВПК получили «свои» олигархи, которые резво высосали из них прибыли, а инженерно-технический персонал вытолкнули в «челноки».) Вдвоем с Черномырдиным Ельцин переводил Россию на африканские стандарты жизни, сажал ее, как наркомана, на нефтегазовую иглу и, разрушая экономику, толкал страну к банкротству. Россия оказалась отброшенной на несколько десятилетий назад.

Была держава — стала заурядным сырьевым придатком Запада. Россия окончательно деградировала в Воруй-страну с чудовищными масштабами коррупции, с незатухающими вооруженными стычками, с пылающим Северным Кавказом, с захватом бандитами в заложники целых городов. Она выродилась в опасную зону для проживания, не защищенную цивилизованными законами, где государственный аппарат превратился во врага нации, а трудовой люд — в бесправных рабов олигархов.

Итоги правления Ельцина в цифрах известны. Напомню некоторые из них:

— бюджет страны сократился в 13 раз;

— население уменьшилось на 10 миллионов человек;

— по уровню жизни Россия переместилась с 25-го на 68-е место;

— в 20 раз увеличилось количество бедных;

— в 48 раз выросла детская смертность от наркотиков;

— в 2,5 раза выросла смертность младенцев;

— примерно в два раза сократилось производство сельхозпродукции;

— в 2,3 раза упал выпуск машиностроительной продукции;

— В 5 раз сократился объем капиталовложений и проч. и проч.

Всякое видывала Россия: тяжелые войны обирали страну до нитки, враги сотнями жгли наши города. Казалось, не найдется сил у русского народа, чтобы подняться самому и возродить Отечество, но каждый раз, как птица Феникс, Россия восставала из пепла. Народ затягивал пояса, напрягался и опять выводил страну на передние рубежи. Скажем, после Второй мировой войны к началу перестройки — на выжженном месте, без посторонней помощи, при неутихающих ядерных угрозах со стороны США, — мы сумели увеличить по сравнению с довоенным годом производство продукции электроэнергетики в 41 раз, химической и нефтехимической промышленности — в 79 раз, машиностроения и металлообработки — в 105 раз, электронной промышленности и приборостроения — в сотни раз.

Для защиты своего народа, своей территории и недр, на которые всегда зарились иноземные авантюристы, стране приходилось отрывать средства от устройства быта и бросать их на создание ядерного заслона.

Без него Россия в современных условиях — легкая добыча для международных налетчиков. Без него России попросту не быть. (Американцы большие мастера бомбить тех, кто не может дать сдачи, — Югославия, Ирак и далее по глобусу. А на наши природные ресурсы у них давно зуб горит. И беззащитная Россия, у которой суммарная стоимость разведанной минерально-сырьевой базы составляет 30 триллионов, а оценочной — 60 триллионов долларов, — это как бесхозный тугой кошелек на дороге: наклонись и бери.)

Вожди Суперордена знали прекрасно способность нашей страны возрождаться и идти на прорыв после любых катастроф. Но в результате ельцинского правления, строили планы владыки мира, она как держава и как суверенное государство должна наконец-то исчезнуть с политической карты. Исчезнуть окончательно, навсегда. Место постельцинской России — в ряду подвластных Бнай Бриту протекторатов, где командуют утвержденные Вашингтоном марионетки и откуда финансовые потоки направлены в общаг Всепланетной Олигархии.

Такая перспектива неприемлема для воинственного русского народа, способного объединяться с оружием в тяжелые

времена. Народа этого пока еще намного больше, чем требуется для нужд сырьевой провинции. Он будет пытаться свергнуть компрадорский режим и отвоевать национальную независимость.

Чем? Надо принудить патриотов России, чтобы в ответ на этот вопрос они беспомощно разводили руками.

У русских не должно остаться эффективной защиты своей территории и возможности парировать ядерные атаки. Значит, все ядерные зубы России надлежит вырвать с корнем. Тогда с ней проще будет говорить на грубом языке шантажа, диктовать свои условия, удерживая ее в положении покорной служанки и гарантируя несменяемость марионеточного режима.

На роль стоматолога, зубодера согласился Борис Николаевич.

Он много врал (про десять мешков картошки, про непокрытую бедность семьи) и редко согласовывал свое поведение с нормами права. При вступлении в должность президента клялся охранять свободы граждан на общепризнанных принципах, защищать Конституцию, а в мемуарах бесстыдно хвастался, как собирался откладывать выборы, безо всяких причин распускать оппозиционную партию или разгонять Госдуму. Он уже не отличал черное от белого и не понимал, что вся его сброшюрованная самореклама — сплошные признания в клятвоотступничестве.

Но даже не это характеризовало моральное содержание Ельцина. Мне кажется, в борьбе за удержание высшей власти он выронил из себя что-то очень существенное. Что-то такое, что не позволяет человеку предавать мать и отца, наслаждаться несчастьем своей страны.

Я подробно говорил о передаче американцам высокообогащенного оружейного урана — повторяться не буду. Тем более что это хоть и жирный, но только один штрих богатой «пацифистской» деятельности Бориса Николаевича.

В восьмидесятых годах США окончательно лишились превосходства над нами в наступательных ядерных силах. С тех пор американцы стали настойчивее охмурять кремлевских чиновников высшего уровня — подачками, обещаниями помощи в устранении политических конкурентов или угрозами арестов счетов в зарубежных банках — чтобы они вынимали и уничтожали стержень обороноспособности — сверхтяжелые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Эти ракеты ломали все планы гегемонистов.

Та система, в чье сердце вогнал свой сучковатый кол Ельцин и о которой с каким-то пацанским высокомерием отзы-

ваются его наследники, действительно создала надежную базу для сдерживания проводников идеи господства над миром от нападения на нашу страну. МБР разных классификаций стояли на страже России. Но приступы медвежьей болезни вызывали у гегемонистов упоминания о суперракетах РС-20 (SS-18 «Сатана»).

Академики Михаил Янгель и Владимир Уткин со своим КБ «Южное» сконструировали несколько модификаций РС-20 с десятью разделяющимися ядерными боеголовками индивидуального наведения, каждая мощностью 750 килотонн. Удар одной такой ракеты был равен по силе тысячи двумстам бомбам, сброшенным американцами на Хиросиму.

Сотня РС-20 выводила на орбиту тысячу боеголовок, направленных на все стратегические объекты атакующей страны, и рассеивала по пути для околпачивания ПРО сто тонн муляжей и других ложных целей, полностью дезориентирующих противника. Даже наличие рейгановской СОИ не спасло бы США от превращения их в пустыню.

Эти двухсотдесятитонные ракеты должны быть и сами неуязвимы на земле. Здесь тоже обошли американцев на повороте. Конструкторы Евгений Рудяк и Владимир Степанов создали для РС-20 защищенные от ядерного удара шахты сорокаметровой глубины с пусковыми установками «холодного» минометного старта.

Отстреливались стосорокатонные крышки, ракеты вылетали из контейнеров от «пинка» снизу, как пробки из бутылки с шампанским, и их маршевые двигатели запускались уже в полете. Используя инерцию «пинка», МБР, не зависая, устремлялись молнией в космос. У противника не было времени, чтобы засечь со спутников разогрев агрегатов и поразить суперракеты на старте.

Все-таки сколько гениальности вложило в державу то поколение, чьи недобитые ельцинизмом остатки пока еще бродят по лабиринтам бессчетных инстанций, выпрашивая у чиновников-нуворишей копеечные прибавки к унизительным пенсиям!

Уговорчивый Горбачев летом 91-го, перед августовскими событиями, спешил закруглиться со своими делами: подписал советско-американское соглашение СНВ-1, по которому преподнес целый ряд беспрецедентных уступок «друзьям из Вашингтона». Он, в частности, как я уже рассказывал в предыдущей главе, распорядился поставить на прикол боевые железнодорожные комплексы со «Скальпелями» — еще одним кошмаром для янки. И маршруты грунтовых мобильных пус-

ковых установок (ГМПУ) с МБР Михаил Сергеевич согласился ограничить крохотными, открытыми для спутникового контроля, площадками, указанными специалистами Пентагона. По «Договору СНВ-1» американцы и сами обязались поступить со своими ГМПУ точно так же (якобы на условиях взаимности). Такая готовность янки к ядерному стриптизу объяснялась просто: у США не было и нет грунтовых мобильных ПУ с МБР. Они всюду гнали туфту, придумывая Горбачеву аргументы для раздевания нашей страны. А Михаил Сергеевич и не думал опускаться до поиска аргументов: ни с того ни с сего «в знак доброй воли» согласился в одностороннем порядке вдвое сократить количество тяжелых МБР и дал американцам право постоянно и беспрепятственно инспектировать Воткинский машзавод — производитель ракет. США не подпускали российских специалистов к своим ракетам на пушечный выстрел.

Но тем не менее у нас на боевом дежурстве стояло около 300 РС-20, 320 РС-18 и кое-что еще — всего примерно 1400 ракет наземного базирования. Они считались ядром, основой российских стратегических сил. Их надо было только поддерживать в рабочем состоянии, заменяя то, что отслужило свой срок.

Слабым местом нашей ядерной триады были авиационные и особенно морские стратегические силы. В Мировом океане традиционно хозяйничали американцы — с авианосцами и большой группировкой подводных ракетоносцев. Наши редкие субмарины были под постоянным прицелом. Да и базы США вокруг российских границ давали американским бомбардировщикам огромные преимущества. Пока наши самолеты доскребутся до территории янки, их встретит не один заградительный вал. К тому же и с авиапарком у нас возникли большие проблемы. После развала СССР за пределами России оказалось 20 стратегических бомбардировщиков Ту-160 (91 процент от имевшихся в Советском Союзе) и 34 ракетоносца Ту-95 МС-16 (61 процент).

В Беловежской Пуще Ельцину было не до таких мелочей, когда на горизонте маячила большая власть. Когда сбывалась мечта всей жизни — стать бесконтрольным Хозяином Кремля.

Если Горбачев делал один шаг, то Борис Николаевич обязательно должен был сделать два или три — он во всем хотел переплюнуть Голубя мира. Ушлые лидеры США знали характер своего друга в Кремле: его сумасбродство, его способность бездумно рвать на груди рубаху, его начихательство к президентской присяге. И прикинули: России надо оставить две эти

слабые составляющие триады — пусть она по-прежнему тешит себя мыслью о принадлежности к ядерным державам. Малое число подлодок и старых бомбардировщиков у Москвы — не проблема для ПРО.

А чем русские действительно могут дать сдачи — тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты с многоцелевыми разделяющимися головками — следует руками Ельцина с его паркетными генералами пустить под нож.

Эта концепция была заложена в «Договоре СНВ-2», который с нетерпением ждал на подпись Борис Николаевич. Российские чиновники, работавшие с американцами над текстом соглашения, говорили, что оно необходимо нашей стране. Что, во-первых, ядерные силы в прежнем количестве не на что содержать, а во-вторых, сокращение стратегических наступательных вооружений — путь к стабильности на планете. А разве кто против ограничения запасов оружия массового поражения? Но только сокращение на взаимных, равных условиях.

Здесь же наши коллаборационисты преднамеренно выбрали по отношению к России капитулянтскую позицию.

Ельцин подписал договор СНВ-2 в начале 93-го года. Хозяин Кремля гарантировал выполнение всех антироссийских условий горбачевского соглашения СНВ-1. И обязался к концу своего второго президентского срока (а точнее — к 2003 году) полностью ликвидировать наши тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющимися ядерными боеголовками (МБР с подобными боезарядами на американских подлодках оставались).

Не потому ли Борис Николаевич с господами наставниками так отчаянно сражался за второй срок, что впереди был огромный объем работы? И не договор ли СНВ-2, в том числе, имел в виду Билл Клинтон, говоря своим начальникам штабов: «Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы, тем самым, создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем».

Министр обороны России Павел Грачев докладывал в послании министру обороны США Ричарду Чейни, как он будет ликвидировать тяжелые ракеты, а также их производство и заливать глубокие шахты бетоном, заменяя ненавистную «Сатану» небольшим числом открытых для обстрела моноблочных пукалок — «Тополей», не способных прорваться к берегам США. («Тополя» с их настильной траекторией полета — легкая добыча для зенитных управляемых ракет с американских крейсеров и эсминцев, оснащенных радиолокационной сис-

темой «Иджис». К тому же одна «Сатана» по суммарному ядерному заряду и возможности преодоления ПРО приравнивается к 100—120 «Тополям-М»).

В ответном письме Чейни похлопал Грачева за старания по плечу: «Я не могу не признать ту центральную роль, которую сыграли Вы лично в достижении исторического соглашения о СНВ-2. Примите мои личные поздравления в связи с этим».

И Джохар Дудаев со своими башибузуками тоже очень хвалил Грачева. За пацифизм, за нежелание использовать оружие в интересах России. Для борьбы с русским народом Павел Сергеевич по согласованию с Ельциным передал чеченским мятежникам две установки тактических ракет «Луна», десять зенитных комплексов «Стрела-10», 108 единиц бронетехники, включая 42 танка, 153 единицы артиллерии и минометов, включая 42 реактивные установки БМ-21 «Град», 590 единиц современных противотанковых средств и еще много кое-чего другого.

Борис Николаевич очень ценил в Грачеве непротивление злу насилием и называл его «лучшим министром обороны всех времен». Чудненьких полководцев послал нам Бог — при посредстве президента. Не генералы, а прямо-таки Адвентисты Седьмого Дня, коим вера не позволяет брать в руки оружие. Правда, только при угрозе стране. А вот если опасность нависает над Хозяином Кремля, тут они из непротивленцев мгновенно превращаются в башибузуков и начинают шмалять по своим из танков.

Коллаборационисты — и в Кремле, и в Минобороны — прекрасно знали, почему наша страна спешила с созданием и развертыванием тяжелых МБР с разделяющимися боеголовками. Суперракет дорогих, обременительных для бюджета. Не ради же бесполезной гонки вооружений. Нас к этому подтолкнули США.

Советский Союз в конкурентной борьбе экономик начинал, как уже говорилось, наступать Западу на пятки. (Вторая мировая война обогатила США, а нашу страну разорила. Но мы оправились, раскачались, набрали высокие темпы развития.) С его мощной сырьевой базой, с четкой моделью стратегического планирования СССР не сегодня завтра мог положить на лопатки сумбурный либерализм «свободного мира», терявший подъемную силу. Надо было останавливать Советский Союз пока не поздно. Америка считала: у нее с партнерами по НАТО достаточно ядерной мощи для упреждающего удара, не получив в ответ полновесную Немезиду — возмездие. (По договору 72-го года по ПРО ни мы, ни американцы не

должны были строить у себя защитные системы, чтобы опасность взаимного уничтожения сдерживала страны от авантюризма. Но теперь у Запада наклевывались возможности ударить с гитлеровским вероломством по всем военным целям СССР.)

В январе 79-го года президент США Джимми Картер провел тусовку с британским премьером Каллагэном, французским Жискаром д`Эстеном и канцлером ФРГ Шмидтом: они решили нанести объединенными усилиями «неприемлемый ущерб» Советскому Союзу. В Западной Европе началось развертывание американских ракет средней дальности с ядерными боеголовками — «Першинг-2». Время их подлета до целей на европейской территории нашей страны составляло 5 — 7 минут.

А уже в марте 80-го Джимми Картер утвердил план СИОП-5Д. В плане, как во всех замыслах вождей Бнай Брита, гуманность не ночевала. Соединенные Штаты собирались спровоцировать конфликт между Северной и Южной Кореей или между ФРГ и ГДР, чтобы заставить СССР жестко отреагировать в защиту своих союзников. Голову над другими, более вескими поводами, они ломать не стали.

Объявив Советский Союз сукиным сыном, американцы совместно с натовцами собирались нанести по нашей стране превентивный ядерный удар, поразив 70 тысяч целей: 900 городов с населением свыше 250 тысяч человек, 15 тысяч промышленных и 3,5 тысячи военных объектов. В результате этой атаки в СССР должны были погибнуть до 28 миллионов человек.

Нас в очередной раз поставили перед выбором: быть или не быть? Они не ожидали от русских колоссального интеллектуального рывка: пока спецы Пентагона прикидывали варианты провокаций, от «кротов» из Москвы поступила информация об успешных испытаниях Советским Союзом неуязвимого оружия чудовищной силы. И в 80-м году первые ракетные полки с МБР РС-20 (SS-18 «Сатана»), модификации Р-36МУ (с «холодным» минометным стартом) были развернуты недалеко от казахстанского поселения Жангизтобе и около российских городов Домбаровский и Ужур.

Волк лязгнул зубами, а добыча-то ускользнула: не получалось у гегемонистов мерзопакостность безнаказанной. План СИОП-5Д был похоронен, а с ним — все дальнейшие замыслы сломать хребет Советского Союза военным кулаком.

Тогда и было решено переключить усилия на уничтожение СССР мирным путем — изнутри, усилиями Пятой колон-

ны. От идейных диссидентов толку никакого — они горазды лишь скандалить на площадях. К тому же безупречны морально: честь для них превыше всего. Нужна вербовка высокопоставленных советских чиновников — двоедушных, обладающих властью. «Это утопия», — сомневались галльские петухи. «Нет ничего невозможного», — отвечала им большой недруг нашей страны Маргарет Тэтчер, сменившая Каллагэна. Эта наставница раннего Михаила Сергеевича Горбачева любила повторять высказывание Наполеона: есть два рычага, которыми можно двигать людей, — страх и личный интерес.

Они и двигали. У кого-то был страх за судьбу зарубежных активов, кто-то очень хотел как можно дольше держаться на вершине власти, а в ком-то было и то и другое. Возможно, отказ от плана СИОП-5Д и переход Советского Союза на «самообслуживание» подразумевал Клинтон, когда говорил в 95-м своим начальникам объединенных штабов: «Мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать».

Уничтожение по договору СНВ-2 российского щита из сверхтяжелых ракет, как оказалось, требовало громадных денег. Но Ельцин со своими купеческими ухватками жадничать не любил. Американцы знали это и долдонили: «Надо любой ценой вылезать из окопов холодной войны, мы с вами теперь идеологические кореша».

Правда, сами «кореша» не собирались даже высовываться из окопов. Установив для России строгий лимит на боеголовки и их носители, американцы оставили за рамками Договора о сокращении около 100 своих тяжелых бомбардировщиков и несколько тысяч крылатых ракет «Томагавк» с ядерными боеголовками и дальностью полета 2500 километров — ими оснащен американский морской флот, ядерные средства передового базирования. Далее: положения Договора обязали нашу страну под строгим контролем инспекторов из Пентагона уничтожить навеки МБР с разделяющимися головными частями (распилить! взорвать! приготовить высокообогащенный оружейный уран для отправки за океан!), а Америки дали право складировать ядерные боезаряды, создавая, так называемый «возвратный потенциал» из четырех тысяч (!) мощных боеголовок. (Доставай, цепляй на носители и посылай горячие приветы «корешам». Наших инспекторов янки к своим объектам близко не подпускали.)

И, наконец, Договор вообще не касался стратегических ядерных сил союзников США по НАТО — Великобритании и Франции, как будто там кроме пищалей ничего нет. А между

тем французы располагают сильной бомбардировочной авиацией с ядерными зарядами и подводными лодками, оснащенными трехступенчатыми твердотопливными ракетами М 51 с двенадцатью разделяющимися боеголовками каждая. И британские подводные крейсеры «Вэнгард», «Викториес», «Виджилент», «Венджженс» и другие с МБР «Трайдент-II» (Д5) готовы по первому свистку Пентагона развесить атомные грибы над российскими городами. А у «Трайдента-II» восемь — иногда и 14 боеголовок, каждая из которых по эквиваленту больше тридцати «Хиросим».

Словом, не без основания многие специалисты назвали договор СНВ-2 актом национального предательства.

Этим Договором, помимо всего прочего, Ельцин с Грачевым согласились на радикальную ломку привычной структуры стратегических ядерных сил России. Американцы обязали нас уйти с тяжелыми ракетами из неуязвимых наземных шахт в открытое море: вместо уничтоженного арсенала сухопутных МБР — оснастить ими по определенному лимиту подводный флот (всего с моноблочными легковесами — «Тополями» — до 3500 зарядов).

Предписание, надо сказать, издевательское. Боеспособных подводных лодок у России, как известно, кот наплакал. А инфраструктура ВМФ? Она развалена, деградировали силы поддержки и защиты стратегических подводных лодок.

А у США две крупные эскадры подводных ракетоносцев (17-я и 20-я) в составе Тихоокеанского и Атлантического флотов ВМС. Сами лодки оснащены многоголовыми МБР «Трайдент-I» и «Трайдент-I I» и действуют под надежным прикрытием группировок надводных кораблей и противолодочной авиации.

Преимущество льва над козленком.

Разрушая накопленное десятилетиями, мы по Договору собирались заново отстраивать ядерный щит на уже занятых и пристрелянных натовцами океанских просторах. Ельцин знал, что обескровленная его реформами Россия никогда не будет способна на это: задача-то не по плечу. И, видимо, лукаво перемигивался с Грачевым, подписывая Договор.

Но, несмотря на увещевания президента, чиновников МИДа и генералов Минобороны, в 93-м году хасбулатовский Верховный Совет отказался ратифицировать документ. После расстрела Белого дома вместе с несговорчивыми депутатами Ельцин внес соглашение по СНВ-2 на утверждение в созданную им Госдуму РФ.

В 95-м на парламентских слушаниях по Договору в Госдуме — я был тогда депутатом — мы спросили содокладчика — первого зама начальника Генштаба генерал-полковника Владимира Журбенко: сколько средств потребуется на ломку ядерной триады по условиям соглашения? Он ответил: 5—6 триллионов рублей ежегодно, не считая больших денег на утилизацию запрещенного американцами вооружения и строительство моноблочных ядерных систем. Стало быть, надо приплюсовать еще почти такую же сумму, которую озвучил генерал. Совершенно неподъемные для России затраты.

Масштабы ельцинского блефа вырисовывались постепенно.

На слушания был приглашен главный конструктор «Сатаны», «Скальпеля» и другого ядерного оружия шахтного и железнодорожного базирования, не имевшего аналогов в мире, академик Владимир Федорович Уткин. О нем генерал, астронавт США Стаффорд сказал как-то: «Он мог уничтожить Америку, но мы глубоко уважаем его как патриота России и считаем чудом планеты».

Дважды Герой Соцтруда, лауреат Ленинской и Государственной премий, Владимир Федорович на фоне щеголеватой депутатской публики гляделся по-провинциальному скромно. Мне показалось, что он смотрел на все происходящее с обвальным разоружением страны как на пляску сумасшедших.

Его спросили: во сколько обходится ежегодное содержание ракет «Сатана» и «Скальпель»? Он засмущался и ответил: «Так само получилось, что за ними практически вообще не нужно ухаживать, только смазывать в нескольких местах».

На слушаниях выяснилось: производство уткинских ракет (в том числе усовершенствованных), которые прежде выпускались в Днепропетровске, можно за пять лет наладить в России — есть чертежи, команда инженеров-конструкторов и золотые руки сборщиков. На эту работу и на содержание ядерного щита с тяжелыми и неуязвимыми МБР — кошмаром для гегемонистов — наша страна тратила бы в пять-шесть раз меньше средств, чем на выполнение капитулянтского договора СНВ-2.

Госдума тогда, как и хасбулатовский Верховный Совет, тоже отказалась ратифицировать этот документ.

20

(Борис Николаевич не раз еще торкался в двери парламента со своим соглашением, но все безрезультатно. И только к двухтысячному году в Госдуме собрался, наконец, понятливый

народец — чиновник на чиновнике и чиновником погонял: фракция «Отечество-Вся Россия» Евгения Примакова, фракция «Единство» Бориса Грызлова, фракция Сергея Кириенко, группа Олега Морозова и т.д. Эти образования катались по неровному политическому столу, как ртутные шарики, пока не слились впоследствии в опасную ядовитыми испарениями подрагивающую массу под названием «Единая Россия».

Правда, к двухтысячному году Борис Николаевич, сфинтив, посадил в свое кресло испытанного на верность Владимира Путина. И тот сначала выпустил оскорбительно-дерзкий указ о гарантиях Ельцину и членам его семьи, а потом еще в качестве и.о. президента поехал в Госдуму проталкивать ратификацию договора СНВ-2. Выступил. Проблем с «агрессивно-послушным большинством» депутатов не было: голосов фракций Примакова, Грызлова, Кириенко, Морозова, Жириновского и проч. для одобрения Договора вполне хватило.

— Российская сторона, ратифицировав Договор, перебросила шайбу на сторону американцев, — заявил, выйдя из зала заседаний Госдумы, гарант ельцинской безнаказанности. — Теперь мы ждем ответа.

Владимир Владимирович немного спутал: он шайбу не перебросил, а заботливо положил ее на клюшку президенту США. И долго ответа ждать не пришлось. Джордж Буш-младший влепил эту шайбу в девятку российских ворот: вскоре он принял решение о выходе Америки в одностороннем порядке из договора 72-го года по ПРО. Негоже ядерному Слону бояться Моськи: от паритета остались только следы. Любая система противоракетной обороны бессмысленна при способности России на ответную массированную атаку многоголовых МБР. Поэтому для сохранения своей страны, своей нации лучше не лезть на рожон. А когда ты знаешь: в ответ на твое нападение прилетит какая-нибудь пара маломощных ракет, тут ПРО — в самый раз.

Кстати, коллегам академика Владимира Федоровича Уткина показалось странным, что он, полный бодрости и сил, поехав на отдых в Барвиху, внезапно, при загадочных обстоятельствах, скончался там за пару месяцев до ратификации договора СНВ-2.)

Причин смотреть на Россию с позиций победителя у Буша было более чем достаточно. Отказ Верховного Совета и прежних составов Госдумы одобрить соглашение не мешали Ельцину выполнять американские предписания. Плевать хотел он, самодержец всего олигархата, на конституционные нормы: работа по уничтожению ядерного щита кипела вовсю.

Распиливались ракеты, заливались бетоном шахтные пусковые установки, разрушалось производство вооружений для стратегических ядерных сил. (По признанию бывшего директора МИТа и генерального конструктора ракетных комплексов Юрия Соломонова, «российским ВПК уже утрачено более 200 стратегических оборонных технологий. При изготовлении отдельных компонентов ракет сырье для них уже не производится в России».)

Военные помнят, сколько спецов Пентагона зашныряло по нашей стране после расстрела Ельциным Белого дома — они лезли во все щели. С ведома Кремля и Минобороны («Долой закрытость общества и державные предрассудки!»). Американцы хотели узнать слабые места нашей обороны, чтобы использовать их в будущем, и сильные стороны, чтобы найти ключи к нейтрализации. Все это им кремлевская власть, используя мозги российских ученых, выложила на блюдечке с золотой каемочкой.

Так, по проекту «Рамос», учрежденному Биллом Клинтоном и Борисом Ельциным, Пентагон у северных российских границ создал комплексную мониторинговую систему с элементами космического базирования — для сбора полной информации о поведении российских МБР на всей траектории полета от Плесецка и Татищево (Саратовская область) до целей. Американцы записывали, будто прилежные школьники, а нашим мэтрам-специалистам было приказано разъяснять им, как и где маневрируют платформы разведения головных частей, как происходит само разделение этих частей индивидуального наведения, как среди облаков помех и ложных целей русских МБР легче нащупывать ядерные боеголовки. Выходило, что противоракетный космический зонтик корешам-американцам целесообразнее повесить у северных российских границ, чтобы проще было сбивать наши ракеты на начальных участках полета.

Поскольку Ельцин обязался заменить «Сатану» «Тополями-М», спецы Пентагона затребовали особо секретные технические характеристики этих ракетных комплексов. Им выложили: уязвимое место у подвижных грунтовых «Тополей» — тонкие стенки транспортно-пусковых контейнеров. Их толщина не превышает 70 миллиметров. Высокоточная авиационная бомба с лазерным неведением ухайдокает ракету за милую душу.

А броневая плита, закрывающая ракетную шахту, сказали американцам, многослойная, как торт «Наполеон»: между листами стали — ряды урановой керамики. Для вывода ее из бое-

вого состояния необходимо кинетическое воздействие такое-то, а кумулятивное — такое-то. Чтобы заклинить крышки и тем самым запереть «Тополя» в шахтах, нужны крылатые ракеты с обычными боеголовками. А для поражения самих ракетных комплексов в укрытии придется использовать «крылатки» с ядерными зарядами такой-то мощности.

Минобороны США не складывало полученную информацию под сукно, а использовало ее для принятия оперативных решений. Была, в частности, скорректирована и расширена программа по производству высокоточного оружия и по развертыванию крылатых ракет — до ста тысяч. Чтобы ни одна оборонительная точка на территории «корешей» не осталась без внимания американских боезарядов.

Замыслы у янки прозрачнее некуда: исключить способность России рыпнуться, если ее решат наказать «воспитательными ударами», поскольку у нашей страны после превентивной по ней атаки не должны сохраниться ядерные носители.

Сколько средств потратили прежде западные разведки, а все напрасно: не получалось у них выведать особо охраняемые секреты противоракет «Газель». Знали за океаном, что накануне прихода к власти Горбачева Советский Союз оснастил воздушную оборону Москвы каким-то невероятным оружием. Преодолима ли она — чем и какими силами? Ответов на эти вопросы не было.

Не было, пока Борис Николаевич не искоренил в царском дворе дурацкий советский обычай скрывать что-то от своих доброжелательных друзей. С санкции оборонного ведомства и в целом кремлевской власти спецы Пентагона дали задание ученым наших секретных НИИ подготовить для США детальное исследование: «Система противоракетной обороны Москвы и ее возможности». И даже оплатили работу по ставкам таджикских гастарбайтеров.

Американцы пришли в ужас: заслон из «Газелей» — это что-то невероятное. До такого в мире никто не додумался (у Америки была система ближнего перехвата «Спринт», но она в подметки не годилась советской). Десятитонная противоракета «Газель» всего за пять секунд (!) взмывала на высоту 30 километров (тяга двигателей развивалась не сжиганием топлива, а управляемым взрывом) и обезвреживала ядерную боеголовку врага на удалении 100 километров. Система способна поражать даже низковысотные спутники. Не было шансов у ракет США проскользнуть мимо «Газелей» и шарахнуть по матушке Москве.

Это раньше не было. Трактат российских оборонных НИИ давал рекомендации, как обойти препятствия, раскладывая по полочкам режимы работы противоракет и обслуживающих их систем.

Всего за 34,5 тысячи долларов получил Пентагон технические расчеты наших оборонщиков на предмет уничтожения Московского метрополитена. Американское управление по специальным видам вооружений заказало российской стороне многовариантное моделирование с помощью ЭВМ последствий взрывов над разными участками метро зарядов мощностью в один, десять и пятьдесят килотонн тротилового эквивалента. Интересовали, конечно, подъездные сети подземки к резервным командным пунктам, оборудованным на случай войны, — а исполнители использовали секретные данные о «болевых точках» метро. Цена всем стараниям — те самые 34,5 тысячи долларов. Плюс зарплата из российского бюджета и похвала отцов олигархата.

Американцы получили все, что хотели: какие линии и станции подземки не выдержат нажима взрывных устройств обозначенных мощностей. Хочешь, используй крылатые ракеты, а хочешь — закладывай боеприпасы ранцевых типов.

Где напрямую через чиновников разных уровней, а где зигзагами — через братство неправительственных организаций, подкармливаемых грантами, заокеанские наставники «царя Бориса» выведали строжайшие тайны нашей страны. Им раскрыли организационную структуру группировки ракетных войск стратегического назначения, местоположение хранилищ ядерных запасов, рассчитали эффективность высотных атомных взрывов на новые телекоммуникационные сети и проч. и проч.

Россию, укутанную прежде секретами — от Америки всегда веяло холодом — раздели донага и просветили рентгеновскими лучами.

Все в конечном итоге свелось к поговорке: обещал жениться Мартын, да взял и спрятался за тын. Ничего не таила от дяди Сэма доверчивая Россия, осталась голенькой ради него, а он, прохиндей, получив свое, вышел из договора по ПРО, взялся за модернизацию вооружений. Взялся с учетом новых обстоятельств, когда гегемонизм Бнай Брита становится основой миропорядка.

(Иногда нас выручает российское раздолбайство да огромная прослойка жадных чиновников между исторгателем приказов — Кремлем и конкретными исполнителями. В 2003 году, по велению Ельцина, из ядерных арсеналов России должны

были исчезнуть МБР «Воевода» — «Сатана». Но где-то деньги на их уничтожение зажали, где-то расхитили, где-то пустили не по тому назначению. В итоге у нас остались целехонькими несколько десятков РС-20 Р-36-М. Им продлили срок службы. Но еще не вечер. Наследники Бориса Николаевича верны его заветам: демонтаж тяжелых ракетных комплексов завершается.)

Обезопасив себя, американцы начали разрабатывать оружие «политического принуждения». Это ядерные заряды с ограниченными возможностями площади радиоактивного поражения. Спрашивается, зачем невероятным возможностям ставить пределы? А вот зачем. Скажем, в каких-то регионах подняли мятеж против сверхдружественного Соединенным Штатам кремлевского режима, и появилась реальная угроза прихода к власти патриотических сил. Тут и может возникнуть необходимость нанести ядерные удары «политического принуждения» по штабам, по скоплениям мятежников, но чтобы при этом не отравить радиацией экосферу и то сырье, которое пойдет из России на Запад. (Идеи людоедские, а разве у Пентагона было когда-нибудь что-то святое!).

В наших качественных СМИ крайне редко найдешь публикации о глубине пропасти, куда сталкивали и сталкивают вожди национальную безопасность страны. Журналистика не хочет прикасаться к гнойным язвам России — с бокалом шампанского в холеной руке она фланирует по глянцевым дорожкам кремлевского официоза. Поднимают голос тревоги лишь некоторые специфические издания. Одно из них «Национальная оборона» — для контрразведчиков и с документальными материалами контрразведчиков — вернулось к ельцинским временам и, в частности, припомнило рассказанную здесь историю с Московским метрополитеном («НО», 1, 10). Издание отмечало, что лишь министр обороны России Игорь Родионов пытался обуздать американскую вседозволенность при дворе «царя Бориса».

Это действительно так. После первого тура президентских выборов 96-го занявший третье место Александр Лебедь согласился войти в ближайший круг Ельцина, но при условии, что тот отправит в отставку Павла Грачева. Борис Николаевич ультиматум принял. Министром обороны с подачи Лебедя в июне того же года назначил Игоря Родионова. А уже в мае 97-го (всего через десять месяцев) громко отправил его в отставку — за развал армии и флота. Да, в изуверстве Ельцину отказать было трудно.

А подноготная спешного увольнения Игоря Николаевича простая: в кресле министра он содрогнулся от масштабов пре-

дательства и начал наводить элементарный порядок. Наставникам Бориса Николаевича это, естественно, не понравилось.

В оргкомитет протестного движения генерала Льва Рохлина ДПА Родионов вошел, не задумываясь. Там мы с ним и познакомились. Там вырабатывали план действий Движения. Родионов владел большим объемом информации, знал все болевые точки Российской армии и помогал команде Льва Яковлевича вылавливать основное из потока проблем. (Подробнее о замыслах Рохлина и охоте за ним — в следующей, заключительной главе.)

Я понимаю: вроде бы не мое это дело — военная тема. Гражданский глаз всегда видит иначе, чем зоркое око специалиста. И все же я решился, как убедился читатель, вторгнуться в оборонную сферу: нельзя без нее представить трагизм последствий ельцинизма в полном объеме.

Многие военные несли в рохлинский комитет Госдумы по обороне убийственные документы, раскрывавшие антироссийскую суть верховной власти. Показывал мне и комментировал кое-что Лев Яковлевич, а сам от ярости сжимал кулаки. Он собрал очень большое досье, прятал его частями в разных надежных местах: готовился озвучить тяжелые обвинения в нужный час. Но пуля-убийца сорвала планы генерала.

(Когда на первых минутах своего обустройства в Кремле Путин издал указ о гарантиях Ельцину и льготах его семье, знакомые по рохлинскому движению офицеры говорили мне: парень вернул должок старику за теплое место. Рассчитался с барским размахом, но все по-мужски. Теперь он крестному отцу ничем не обязан и начнет круто менять политику — военную, в частности. Был неприятный запашок от хитрой отставки Ельцина, но молодого человека втянули в игру: он офицер, должен выйти из нее с достоинством.

Наших людей вообще медом не корми — дай только понадеяться на добрые перемены вверху, а здесь вместо христианской возникла прямо-таки путинская вера: ведь в Кремле заговорили о патриотизме, о вставании России с колен. Но вот Владимир Владимирович отверг все требования посмотреть, на какие шиши куплены яхты Абрамовичей и как из грязи, не шевельнув пальцем, вылезли в князи — миллиардеры друзья Семьи, зато взялся в авральном порядке пробивать ратификацию договора СНВ-2. Офицеры задумались. Начали сопоставлять его риторику с делами.

Нет точнее мерила полезности власти, чем соотнесение ее слов, обещаний к результатам работы. Тут мои знакомые стали почесывать в затылках.

После своей второй победы на выборах в 96-м Ельцин окончательно зажал финансирование Армии: нищим военнослужащим перестали платить даже так называемые пайковые. Здоровых мужиков принуждали бросать службу Отечеству и идти в холуи к олигархам, поскольку другой работы на развалинах экономики не было.

Деньги имелись! Но и Путин не торопился возвращать своим гражданам положенное по закону: огромные суммы отправлялись за рубеж на досрочное погашение кредитов, другие средства шли на укрепление чиновничьего корпуса. Владимир Владимирович как раз создавал новые синекуры — полномочных представителей президента в федеральных округах с мощным аппаратом бездельников.

Ельцин успел превратить Россию в проходной двор для западных спецслужб. А вот сделать из нее еще и мировую ядерную помойку у него времени не хватило. В законе «Об охране окружающей природной среды», принятом расстрелянным Верховным Советом, суровая пятидесятая статья гласила: «Ввоз в целях хранения или захоронения радиоактивных отходов и материалов из других государств... запрещается».

Борис Николаевич, как известно, с необычайной легкостью перешагивал через любые нормы, но этот запрет хотел убрать демократической процедурой — руками Госдумы РФ. Так просили западные друзья: их компании-поставщики отходов боялись судебных исков Гринпис. Однако депутаты голосовать за поправку отказывались.

Через новый состав грызловско-примаковско-морозовской Думы, подконтрольной ему, Путин изъял из закона зловредную формулу. Ведь другие проблемы не подступали ножом к горлу кремлевской власти, все было хорошо — страна лоснилась от процветания, и только за ядерные отходы западных государств оставалось болеть голове российского президента.

Да и как ей не болеть, если у Великобритании с Францией, надзирающими за нашей страной баллистическими ракетами с атомными боеголовками, а также в Германии скопились сотни тысяч тонн побочного продукта обогащения природного урана, то есть опасных радиоактивных отходов — отвального гексафторида урана (ОГФУ). И никуда, кроме России, их сплавить не удавалось.

Эти «хвосты» ядерного производства соединяются даже с атмосферной влагой, разъедают пластик, металл и чрезвычайно токсичны. Уже при температуре плюс 20 градусов по Цельсию они выделяют едкий газ, поражающий легкие. Британская

атомная компания BNFL предостерегала своих соотечественников: «Внезапный выброс большого количества гексафторида урана, если он будет подхвачен ветром, может привести к большому количеству жертв... При определенных погодных условиях смертельные концентрации могут установиться в радиусе 20 миль (32 км) от места выброса».

ОГФУ не имеет коммерческой ценности: из него при дообогащении и при неимоверных затратах можно «выжать» до десяти процентов урана, который мы должны вернуть поставщикам «хвостов». Держать у себя отвалы голубокровным европейцам опасно, к тому же утилизация ОГФУ влетает в копеечку — 22 доллара за килограмм. Вот пусть Россия и раскошелится. Двадцать два доллара помножить на 100—125 миллионов килограммов — а столько нам подсудобливают на первых порах, — получается ощутимая экономия для бюджетов Великобритании с Францией и Германией. А российская власть заботы об экологической безопасности населения считает пережитком проклятого советского прошлого и деньги считать не привыкла: она перед народом за них не отчитывается.

При Ельцине ОГФУ начал медленно вползать в нашу страну в обход закона, контрабандными тропами, а Путин легализовал интервенцию радиоактивных отходов на просторы РФ.

По морю до Санкт-Петербурга, а дальше через полстраны в железнодорожных вагонах везут смертоносный груз на открытые площадки предприятий Росатома — Свердловска-44, Томска-7, Ангарска, Красноярска-45. Прижимистые европейцы заставляют нас при этом платить за свое высокотоксичное дерьмо по 60 центов за килограмм. Сейчас, по сведениям Гринпис, в России скопилось больше 800 тысяч тонн урановых «хвостов», правда, значительная их часть — доморощенная.

Авторитетные ученые-атомщики Соединенных Штатов безо всяких сомнений относят ОГФУ к ядерным отходам и проводят их захоронение. А нынешний руководитель Росатома Сергей Кириенко, известный миру лишь как творец опустошительного дефолта, уверяет общество в огромной ценности «хвостов» и призывает свозить их со всей планеты на русскую землю по 60 центов за килограмм. Дескать, лет через 10—20 из этого сырья можно научиться получать оксид для АЭС с реакторами на быстрых нейтронах.

Кириенко — один из опричников путинского режима и тоже горазд наводить тень на плетень. В России нет технологий переработки ОГФУ, что-то не очень совершенное предложили за громадные деньги французы. К тому же, себестоимость электроэнергии АЭС с реакторами на быстрых ней-

тронах непомерно высокая — недаром в мире таких станций раз-два — и обчелся. А сотни тысяч тонн смертельной заразы вечным грузом будут лежать под дождями в ржавых контейнерах, чадить и просачиваться в речки, отравляя страну.

Даже в этом кто-то найдет утешение: на сибирские территории, загаженные отвальным гексафторидом урана, не будет зариться Китай. А что до судьбы обитающего там русского народа, так его, как заявляют вожди Бнай Брита, накопилось больше, чем надо.

Объемы затрат России на экологическую помощь Западу Кремль старается держать в секрете. Но знакомые мне военные информацию от друзей получали полную. На свою Армию денег нет, а их швыряют под ноги натовцам. Разве не видит этого Путин? Они пока еще отделяли его от ельцинского Двора, от генеральной линии бывшего Кормчего.

Но дальнейшие шаги Владимира Владимировича окончательно развеяли их иллюзии. Военных, конечно, встревожило, что ельцинский протеже не начал выгребать справедливость из пепла, а принялся спешно свое владычество укреплять и накачивать могуществом придворную камарилью. Кое-какие преграды еще оставались на пути к узурпации власти — федерализм, самодовлеющий Совет Федерации, многопартийная система, не управляемая вожжами из Кремля. Различными кройками-перекройками все эти преграды сводились на нет. Разбухал репрессивный аппарат.

Но знакомых моих как военных интересовали в первую голову перспективы Вооруженных сил.

Играл желваками молодой президент, давая кому-то острастку с телеэкранов за развертывание натовских баз у самых российских границ. Западным генералам оставалось вытряхивать кое-что из штанов и втыкать штыки в землю. Не втыкали. Знали: это были слова. А на деле Путин продолжал политику Ельцина и добивал Армию.

Дружное трио — президент, ручная Госдума и беззаботный премьер Михаил Касьянов — повело тотальное наступление на социальные права военнослужащих.

Наперсточник никогда не признается, что собирается вас облопошить. Будет обещать только выигрыш. Плутовство с правдой не уживаются. И это благородное трио начало отбирать у нищих военных последнее, тоже «в целях повышения их материального благосостояния». Им чуть-чуть приподняли зарплату, тут же съеденную инфляцией. Зато выскребли многочисленными поправками из федеральных законов все преференции военных.

Олигархам снизили подоходный налог (с 35 до 13 процентов), а им ввели. Заставили раскошеливаться на земельные участки, где жены армейцев выхаживали петрушку с укропом. Отменили льготы по 50-процентной оплате жилья, коммунальных услуг и пользования телефоном. Лишили права на бесплатный проезд в общественном транспорте и так далее и так далее. Военных выставляли на паперть.

Этот крутой накат как бы венчал разгром и деградацию вооружений.

Люди из последних сил держались в частях, уповая на здравый смысл новой кремлевской власти. Надежды рухнули. Начался Великий Исход офицеров из Армии. За 2000 — 2002 годы из Вооруженных сил России уволилось 44 процента лейтенантов и старших лейтенантов, 33 процента капитанов, 30 процентов майоров. Половина выпускников военных училищ отказались от службы. Оставались ветераны, кому надо было продержаться до пенсии.

Перспективы Российской армии, а с ней и безопасности нашей страны стали ясны даже ребенку.

Мои знакомые больше не терзали себя разгадками истинного лица Путина. А только повторяли, насколько верна поговорка: «Кто от кого, тот и в того».

И когда в конце 2001 года Путин наградил Ельцина орденом «За заслуги перед Отечеством I степени», они уже без тени уважения к дарителю, с подначкой спрашивали меня: не знаю ли я, какое отечество имел в виду наследник «царя Бориса».

Ну откуда мне это знать!

Я только улыбался, читая рождественские сказки Бориса Николаевича и членов его семейки, как он среди мелких чиновников выискивал продолжателя своего бессмертного дела. В большом табуне замов руководителя администрации, менявшемся постоянно, приметил башковитого парня, готового лечь за Россию на амбразуру, и положил на него глаз. (Интересно, Путин здоровался с ним в коридоре, вынимая текст из кармана, или тогда он мог что-то говорить без бумажки?)

Годы тесного общения с Ельциным не позволяют мне верить розовым байкам. Партийно-вельможная выучка расходовать свое внимание на людей, в зависимости от их статуса, укоренилась в нем прочно. «Царь Борис» никогда не опускал взгляда на кадры ниже определенной планки, а должность зама руководителя Администрации была где-то там, в полуподвале. Она приобрела вес при политических недорослях, которые вообще не в состоянии обходиться без помочей.

У Ельцина был первый помощник Виктор Илюшин — его Борис Николаевич привез с собой в Москву из Свердловска и ставил намного выше всех из своей челяди. Так даже ему он отводил место только в своей передней. Однажды мы сидели с Ельциным вдвоем в его кабинете: пили чай за журнальным столиком и вели долгий разговор. У Илюшина, видимо, подпирало время, он тихо зашел и стал совать Борису Николаевичу какие-то бумаги. Ельцин, увлеченный беседой, отодвинул бумаги локтем, помощник опять подсунул их к нему. Дело есть дело.

— Вон отсюда! — сверкнул глазами Борис Николаевич.

Илюшин вздрогнул, повернулся и чуть слышными шагами удалился из кабинета.

Я начал выговаривать Ельцину: зачем же он так со своим давним соратником. Борис Николаевич меня остановил.

— Мы с вами политики, — сказал он и ткнул рукой в сторону двери, за которой только что скрылся Илюшин. — А они — прис-с-слуга!

Ельцин мало верил в бескорыстную преданность людей и старался подвесить свое окружение на прочные крючки. Совместные с охранником глубокие порезы на руках и смешение крови — не пьяная блажь Бориса Николаевича. Он считал, что этот гангстерский ритуал — клятва на крови — соединяет верность подельников намертво. И спокойно поручал им «особые миссии».

В неопровергнутом Кремлем интервью столичной газете («МК», 03.11.99 г.) Александр Коржаков рассказал, как Борис Николаевич дал ему указание «замочить» Юрия Михайловича Лужкова. Но он его не выполнил. На вопрос корреспондента: кого еще приказывал ему «замочить» Ельцин, Коржаков ответил: «Хасбулатова и Руцкого в 93-м году». Тоже не выполнил. И как бы в оправдание своей недисциплинированности побратим «царя Бориса» на крови пояснил: «Убить легко. Но потом надо убить того человека, который убил. Потом — через несколько минут — убить того человека, который убил того человека, который убил... И так целую цепочку, чтобы потом хотя бы на 90 процентов быть уверенным, что это не всплывет». Чуть-чуть раздражало обитателей Кремля, когда что-то подобное всплывало.

Материальными приманками или «тошными» поручениями Ельцин повязывал людей по рукам и ногам, чтобы не дать им возможность впоследствии отступить. Те, кто не хотел клевать на наживку, — уходили. Те, кто соглашался, — были в фаворе, быстро поднимались вверх по служебной лестнице.

Но каждого из таких, по правилам тайных братств, сначала подбирали и на чем-то испытывали очень близкие Ельцину люди. Затем уверенно рекомендовали вождю: «Вот тот человек, который готов выполнять любые дьявольские задания».

Невозможно было при позднем Ельцине, как говорится, за голубые глаза вспорхнуть из третьего ряда прислуги в первые ряды властителей.

И еще, в качестве допущения. Если «царь Борис» запросто поручал «замочить» преданного Лужкова, почему бы ему не дать кому-то задание организовать убийство готовившего его свержение Льва Рохлина? Представителям системной и внесистемной оппозиции это не по плечу, а вот НАДсистемная оппозиция, думаю, проверит, у кого, после ухода Коржакова, появился шрамик на руке от пореза и смешения крови с кровью хозяина Кремля. Тут не важно, кто нажимал на курок и кого обвинило наше левосудие. При умелой организации дела можно подвести под монастырь святую Деву Марию. Важно посмотреть, у кого с июля 98-го года бурно пошла в рост карьера и чьи доверенные люди после этого сами отправились на погост. От прямых свидетельств избавиться можно, а косвенные всегда выпирают острым углом

21

Борис Николаевич любил власть до беспамятства, не представлял своего существования без нее. Так, как акула не может жить без движения. И по доброй воле никогда не уступил бы трон кому-то другому. Он не надрывался на работе, чтобы устать. Нельзя быть президентом больше двух сроков подряд? Крючкотворство! Всегда найдутся поводы, чтобы перехитрить Конституцию.

Но здоровье Ельцина тревожило тех, кто не хотел выпускать Россию из своих лап. Пять инфарктов, забитые бляшками сосуды, аортокоронарное шунтирование — слишком много навалилось на Бориса Николаевича, чтобы безучастно надеяться на авось. Внезапная смерть президента могла привести к опасному вакууму власти и следом — к отвоеванию Кремля представителями патриотических сил.

Я тоже побывал на операционном столе в Кардиологическом центре Евгения Ивановича Чазова и из откровенных разговоров с врачами понял: после операции на сердце ты можешь тянуть еще долго, а можешь сковырнуться из-за рестеноза за первым поворотом. Все зависит от Бога и немного — от соблюдения тобой птичьей диеты (по-моему, на ее основе власть составляла «продовольственную корзину» для россиян).

Ельцин знал это. Возможно, ему подсказали: судьба проектов Всепланетной Олигархии важнее его любви к власти. Нельзя рисковать, необходимо подстраховаться и заблаговременно готовить операцию «Преемник». Надо двигать в продолжатели дела какого-нибудь надежного циника из молодой поросли, проверенного основательно, чтобы тот со своими компаньонами взял Россию за шкирку и лет 15—20 тряс ее, как грушу, не отпуская. До последнего плода. А потом отчалил с капитальцем в загодя подготовленные имения на европейских теплых берегах.

Готовя операцию, Борис Николаевич с удочкой на прикормленном месте или на вышке с карабином у оленьей привадки предавался итоговым размышлениям. Все ли он сделал из запланированного? Ему казалось, что почти все.

Он жил по внутренней установке: если ты задумал до корешков разрушить прежние устои отцов, нащупай точки невозврата и смело их проходи — через страдания людей, через пожарища, через кровь. Чтобы процессы, зачатые тобой, стали необратимыми. Это принцип всех революционеров-сатанистов.

Еще Достоевский вывернул в «Бесах» их суть наизнанку («разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми»). Первые революционеры-сатанисты в Кремле, духовные родители Бориса Николаевича, — Ленин, Троцкий, Свердлов — питали ненависть к писателю, ибо видели в «Бесах», как в зеркале, свое отражение. Они казнили царскую семью, чтобы, по словам Троцкого, «встряхнуть собственные ряды, показать, что отступать некуда». Они провели страну через точку невозврата.

В общежитии Академии общественных наук при ЦК КПСС, где рядовой секретарь обкома Ельцин был на партийных курсах, он взял со стола товарища «Бесы», вчитался в них и отшвырнул. Провинциальный функционер, еще близкий тогда к народу, он сам не понял, почему. Но ему стало не по себе: этот эпилептик словно залез в потаенные уголки души Бориса Николаевича. И дома, бывало, в душе булькала муть.

Проезжая не раз мимо Ипатьевского дома в Свердловске, Ельцин думал о судьбе Николая Второго. Царь втянул Россию в Первую мировую войну, довел страну до революции и гражданской войны, то есть набрал грехов выше макушки, но почему-то не подстраховался и не перебил немногочисленных врагов — отдал судьбу своей семьи на их усмотрение. Недальновидный либерал!

Во всем надо доходить до конца: не ты, так — тебя. В Ельцине иногда проявлялся дар предвидения: он мысленно ощущал себя на вершине власти и наблюдал, как другие революционеры хотели отнять эту власть и расправиться с его семьей. Но Борис Николаевич и в мыслях не собирался либеральничать с кем-то: не ты, так — тебя!

Ипатьевский дом, как символ заложничества семьи высокой властью отца, мозолил глаза не ему одному: вызывал недобрые ассоциации. В 75-м году бывший комсомольский вождь Карелии, Председатель КГБ СССР Юрий Андропов вышел с предложением в Политбюро ЦК КПСС о сносе особняка в Свердловске. Второй человек в партии Михаил Суслов его поддержал.

Но упрямый сибиряк Яков Рябов, первый секретарь Свердловского обкома, заартачился. Через своего приятеля и друга Брежнева Председателя Совмина России Михаила Соломенцева вышел на генсека: тот сказал, что не дело Политбюро заниматься судьбой старых построек в провинции. Рябов поднялся в секретари ЦК КПСС, но постепенно в результате кремлевских интриг стал терять вес. И сидевший в засаде Андропов позвонил в 77-м году новому свердловскому хозяину Ельцину: пора разрушать Ипатьевский дом. Тот взял под козырек и выполнил задание безо всяких задержек.

Решительность Бориса Николаевича понравилась сверхжесткому Андропову, ставшему генсеком. Он поручил секретарю ЦК КПСС Егору Лигачеву съездить в Свердловск и «посмотреть» Ельцина на предмет его перевода в Москву. Перевод состоялся уже при Горбачеве.

Борис Николаевич всегда поминал добрым словом Андропова. И теперь, предаваясь итоговым размышлениям, думал, что бывший генсек — сам большой мастер находить приключения на голову страны в Венгрии и Афганистане — верно приметил в нем авантюрную черту и готовность щелкать каблуками без размышлений.

Ему нравилось, не обращая внимания на вопли интеллигентов, сносить память в Свердловске об акции революционеров-сатанистов. Он гордился, что переплюнул их всех, этих горе-революционеров, и за короткое время разделил общество, как у Достоевского, «на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми». Одна десятая — это он с Семьей и его опора — олигархи.

И в самой стране он дал полный ход необратимым процессам. Пусть кто-то попытается сковырнуть ельцинизм. И пусть

попробует остановить эти процессы и повернуть вспять. Надорвется!

Пройдены точки невозврата в разрушении наукоемкого, высокотехнологичного производства. Нет дороги назад хотя бы к частичному восстановлению ВПК, Армии, Военно-морского флота. А промышленное оборудование, установленное еще в догорбачевские времена, отрабатывает последние сроки. Прошелся беспощадный каток и по селу: 29 тысяч русских деревень уже вымерли.

Вожди Всемирной Олигархии предупреждали Бориса Николаевича, чтобы он не давал в России широкий простор конкуренции и частной собственности. Это поднимет страну и позволит ей встроиться в мировую систему разделения труда. Он и не давал. К частной собственности причислили в основном имущество, экспроприированное у народа группой людей — они только высасывали прибыли для себя да чиновников-распорядителей и сплавляли за рубеж. Удалось похерить все стимулы для производительного труда, зато как нигде была открыта дорога спекуляции и паразитированию. Воруй-страна получилась на сто процентов.

Еще Ельцину советовали отдать в заложники Соединенным Штатам активы России в виде какого-нибудь Стабилизационного фонда. Для гарантий. Если запахнет жареным и кремлевский режим закачается, можно заморозить эти активы, как поступили когда-то с Японией, и оставить страну на бобах. Это охладит претендентов на власть.

Свободных денег было немного, к тому же Борис Николаевич не нуждался в лишних подпорках. А вот преемнику надо бы подсказать. Надежное дело. Вдруг у него не хватит сил удержать в руках власть. Американцы летом 41-го года, под шумок войны в Европе, начали захват территорий в тихоокеанском регионе. Японцы, их друзья, стали активно противодействовать. И тогда США вместе с Великобританией заморозили в своих банках все авуары Страны восходящего солнца. И наложили эмбарго на экспорт в нее чугуна, стали, нефти, других стратегических материалов. На все требования разморозить авуары янки отвечали отказом. И тогда император Хирохито принял решение атаковать базу в Перл-Харборе.

У японцев были мощный флот и авиация, думал Борис Николаевич, но все равно они плохо кончили. А Россия в случае чего даже дернуться не сможет — нечем. Эмбарго на поставки всего — от утюгов до продуктов питания — погрузит страну в голод и каменный век. Для нации, бросившей плодородные земли на произвол сорняков, продовольственная блокада — не шутка.

Сложнее довести к точке невозврата души людей. Но очень старался на этом поприще Ельцин. На старшее поколение воздействовать бесполезно, его только могила исправит — туда и сводит людей мизерная пенсия. А вот влиянием на будущее России — на молодежь и детей — пришлось заниматься вплотную. Через внутреннее опустошение их поколений можно подавить Волю и Дух русского народа. И тогда некому будет останавливать падение и отыгрывать назад.

Ельцин отдал СМИ в руки олигархата — ему готовить себе из народа рабочий скот. И телевидение занимается этим активно («одно или два поколения разврата теперь необходимо: разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо!» — «Бесы»). Дети-убийцы, дети-наркоманы, дети-сифилитики, дети-бродяги становятся привычным явлением для России.

Так расцвела преступность — организованные группировки, банды, перестрелки, что чеченизацию страны можно считать завершенной. Русский человек, обычный трудяга, опасается выйти на улицу, ему нечем стало кормить, не на что лечить и учить детей — неграмотных уже два миллиона подростков. Борис Николаевич знал, что его обвинили в геноциде народа. Значит, следили за работой своего президента, оценивали ее плоды. Он основательно порушил здравоохранение, но медики докладывали, что практически здоровых детей осталось целых десять процентов. До физического и морального умерщвления нации — еще пахать да пахать.

Как большинство советских людей его поколения, Ельцин был атеистом. И навряд ли задавался вопросом: существует Создатель или не существует. Но в погоне за голосами избирателей начал появляться под телекамеры на богослужениях. Он и в храм нес заразу: плодил олигархов от церкви, разрешая высшим чинам Патриархии беспошлинный ввоз табака и спиртного для перепродажи пастве в России. Те, возможно, дурачили его обещанием добыть по блату пропуск в рай.

Если бы Бог спросил Ельцина, зачем ему, русскому человеку, надо было глумиться над страной с таким хладнокровием, то Борис Николаевич, наверное, не смог бы ответить. Как не может объяснить серийный насильник-маньяк природу своих поступков. В его сердце однажды побеждает маленький дьявол, выталкивает все светлое, как кукушонок других птенцов из гнезда, вырастает, распирая мерзостью грудь, набирается сил и начинает определять поведение человека.

Говорят, упоение полновластьем засасывает. Над одной безответной личностью или над беспомощной толпой — все равно. Чья-то приниженность, слабая воля пьянит человека с дьяволом в сердце, разливает по организму приятную сладость. (Рык Ельцина на тусовке чиновников: «Не так сели!», и все повскакивали, затряслись, начали суетиться. А ему приятно видеть их ничтожество. Или паханский рык Бориса Николаевича: «Мы сметем этих Рохлиных!» И никто не сказал хозяину Кремля, что это язык уголовного авторитета, не спросил, кому он давал таким заявлением команду-отмашку, а телевидение радостно распускало голубые слюни: какой у нас решительный президент.)

Все мы своей податливостью, своим дофенизмом, своим долготерпением подпитывали дьявола в сердце «царя Бориса».

Президент по нотам провел операцию «Преемник». Наследник, как трамвай, поставлен на рельсы ельцинизма — ни вправо, ни влево с них не сойдет. Сам Ельцин получил железные гарантии для себя и членов семьи. Все они упакованы под завязку. Что еще? Возможно, он, как и Горбачев, о чем я говорил в конце предыдущей главы, долго думал всем семейством над текстом рапорта начальнику штаба Всемирной Олигархии. Изложить предстояло самую суть. Текст, как предполагаю, мог быть таким:

«Сэр! Имею честь донести и Вам и всему влиятельному руководству Бнай Брита, что вторая фаза спецоперации под кодовым название «Триндец России как державе и как суверенному государству» тоже завершена успешно.

Напрасно ответственный за первую фазу операции «Триндец Советскому Союзу» любимец Запада Горби опасался пробуждения народа. Народ в прострации. А кто и просыпался, то «иных уж нет, а те далече».

Предлагаю усилить в мировой прессе апологию итогов моей президентской деятельности. И прошу приравнять мощность тротилового эквивалента моей власти к эквиваленту власти г-на Горбачева.

Дежурство передаю надежному парню Владимиру Путину, обученному разводить простаков еще советской школой КГБ. Я направлял в Вашингтон руководителя своей Администрации г-на Волошина. Он подробно информировал Ваших замов по кадрам: почему Путин, и какие грузила будут удерживать его в заданной плоскости. Ваши замы согласились: только представитель теневой политики в Кремле — гарантия преемственности власти.

Я благословил своего наследника: «Ученик, превзойди учителя!» Впереди завершающая фаза спецоперации под кодовым названием «Триндец русскому народу».

База мной для этого заложена основательная. Энергичный наследник разовьет успех.

Да помогут нам трусость и жадность людей!»

С чувством исполненного долга Ельцин стал перебирать скопившиеся документы: какие для истории, а какие — в огонь. Особых перемен в его жизни не будет: то же царское поместье под скромным псевдонимом «госдача», охрана, почетный эскорт, повара и виночерпии, прислуга, охотничьи угодья, президентский самолет для поездок на дружеские пикники. Без кабинета в Кремле? Так он как раз для того, чтобы иметь все вышеперечисленное. И телевидения Ельцин наелся досыта. Пусть к нему привыкает наследник — прежде Путин сторонился публичности. Но власть засосет — за уши не оттянешь от телекамер.

Знал экс-президент: его имя будет кому защищать от плевков. Он повсюду ронял капли дьявола из своего сердца: создал надежный пласт паразитов — захватчиков чужого добра, ростовщиков, посредников, крышевателей... Сублимация проходимцев во власть тоже пополнила ряды его почитателей. И человеческий мусор, возведенный в элиту общества, будет воздыхателем Бориса Николаевича

Все, в ком говорит не совесть, а бурчит лишь ненасытная утроба, — станут адвокатами ельцинизма. Им не нужны натовские экспедиционные корпуса с напалмовскими баллонами. Они сами способны выжечь будущее русского народа дотла.

...Борис Николаевич подумал: нет, не напрасно он жил. Сколько ему осталось еще? Но это теперь интереса для Бнай Брита не представляло: мавр-марионетка сделал свое дело...

Глава VI

Лев Рохлин, или Открой, стучится Сталин!

1

С генералом Рохлиным я раньше не был знаком. Знал из прессы, что это успешный и авторитетный командир Восьмого гвардейского корпуса, лучше других проявивший себя в Чеченской войне. Ельцин награждал его золотой звездой Героя, но он отказался: за гражданскую бойню стыдно получать ордена.

Интеллектуальные инвалиды от власти всегда подсовывали себе под мышки костыли из ярких личностей. Вот и Виктор Черномырдин, «паровоз» блока «Наш дом — Россия» (НДР), включил Льва Яковлевича в 95-м на парламентских выборах в тройку лидеров федерального списка. У самого «паровоза» пару не было отродясь, и генералу пришлось тащить на себе в Госдуму весь состав с порожняком. Кое-как доволок.

Когда мы с Рохлиным сдружились, я узнал, что он тоже родом из Казахстана: только не с Восточного, а Западного — с Аральска. По журналистским делам мне не раз приходилось бывать в том краю. Более безотрадного места я не видел. Пески, такары, солончаки. Летом за 40 градусов жары, а зимой под 40 — мороза — и непрестанные пыльные бури. Мелкий и соленый песок забивает рот, уши, глаза. Даже выносливые казахи стараются не селиться на берегах пустынного моря.

Какой бедой занесло сюда после войны еврея, отца Льва Яковлевича, генерал сам не знал. Только все-таки появился, подарил русской женщине Ксении Гончаровой двоих детей, потом заделал на прощание сына и тут же исчез навсегда. Мы еще пошутили на сей счет с генералом: есть на Арале местечко Барса-Кельмес, что в переводе с казахского: «пойдешь — не вернешься». Там якобы издавна хозяйничают НЛО. Не иначе, это придумали неверные мужики.

К чести Льва Яковлевича, он не отказался ни от фамилии, ни от принадлежности к отцовскому племени, что иногда пытались использовать его недруги-шовинисты. А он был начисто лишен каких-либо национальных предрассудков, осуждал деление человечества по расовым признакам, чем покорял нормальных людей.

Познакомились мы с генералом летом 97-го года. Я давно ушел из власти и создавал независимую телекомпанию ТВ-3, испытывая на себе чиновничьи ухищрения в выколачивании подачек. Однажды зазвонил телефон.

— Михаил Никифорович? — спросил голос. — Это Рохлин Лев Яковлевич, председатель комитета Госдумы. Отношусь к вам с глубоким почтением и хочу встретиться.

К вечеру он подъехал в мой офис в Доме на Набережной, с небольшой кожаной папкой. У него было усталое озабоченное лицо, а во взгляде чувствовалось добросердечие. Спросил, почему я ушел из политики, и, выслушав, сказал: а вот его угораздило в нее влезть, теперь столько узнал потайного — душа за Россию болит. Высокие слова у Льва Яковлевича не звучали напыщенно.

Он был откровенен, мне показалось, до дна. И верил, что я этой откровенностью не воспользуюсь в дурных целях. Очевидно, получил гарантии от кого-то из наших общих знакомых.

Генерал не собирался в политику: военный должен заниматься своим делом. Но премьер Черномырдин, возглавивший НДР, уламывал: надо подпереть крепким плечом партию власти. Конечно же, в интересах России — своих интересов Виктор Степанович никогда не держал даже в мыслях. Премьер сказал, что это не за так: они с Ельциным сделают для Рохлина все, что тот захочет. Возможно, подразумевались вилла на деньги «Газпрома», машины, квартиры. А генерал попросил помочь в перевооружении своего гвардейского корпуса и обеспечить его офицеров жильем. К тому же, ни нормальных бань у солдат, ни столовых.

Это мелочи для правительства, сказал ему премьер-вербовщик. Все будет сделано, как только закончатся выборы. Пусть Рохлин находится постоянно на связи и контролирует выполнение.

Выборы прошли, и сколько ни пытался победивший Лев Яковлевич пробиться на прием к Черномырдину — все впустую. По телефону его с премьером тоже не соединяли. О своих обещаниях Виктор Степанович тут же забыл. Ему было все равно, кому крутить шарики — пенсионерам, шахтерам или товарищу по предвыборному блоку. Во вранье он не уступал даже маэстро Ельцину.

Ну обманули так обманули — генерал уж ни на что не надеялся. А встречи с премьером добивался как председатель парламентского комитета по обороне. У Льва Яковлевича накопилось к Черномырдину много вопросов. И не только к нему.

Ельцин с Грачевым до зубов вооружили бородачей Дудаева и бросили против них молоденьких необученных русских ребят без нормальной огневой поддержки. (Помните, как грачевские штурмовики бомбили в Грозном здание банка, скрывая чьи-то следы, а не оборонительные рубежи сепаратистов.) Полноценную артподготовку проводить было нечем — каждый снаряд на счету, как у Красной Армии в 41-м году. Проблемы с патронами, с транспортом для переброски боеприпасов и подкреплений.

За два дня (с 31-го декабря по 1 января 95-го) в бездарной грозненской операции погибло полторы тысячи наших солдат и офицеров, ранения получили две с половиной тысячи. В Афганистане, где воевал Лев Яковлевич, даже за год таких потерь не несли. Ребята генерала брали дворец Дудаева тоже «на пупке», но хитростью, вопреки дуроломным приказам из Москвы — потому и убитых были единицы.

Рохлин думал тогда, что наша Армия еще с горбаческой поры окончательно обнищала, если русскому солдату вместо патронов в бою приходилось использовать саперную лопату и штык. Но в Госдуме, затребовав у Минобороны документы и получив их, он сделал для себя безрадостное открытие.

Бородатые ваххабиты были вооружены для ближнего боя новейшими огнеметами «Шмель», ПТУРами, «подствольниками», а наши пацаны с цыплячьими шеями экономили каждый патрон. И в то время, когда они истекали кровью, не дождавшись подмоги (поддатый Грачев сказал за рюмкой коньяка поддатому Ельцину: «Мальчики умирали с улыбкой на устах»), со складов войсковой части 30184 в Моздоке отправляли самолетами Ил-76 и Ан-12 (68 рейсов!) 1300 тонн боеприпасов.

Из Генштаба Рохлину отписали, что эта секретная операция проводилась с ведома Президента РФ и «во исполнение решения Правительства Российской Федерации». По указаниям свыше Минобороны переправил в Армению также 50 новых танков Т-72, только что прибывших из Омска, 36 гаубиц Д-30, 18 гаубиц Д-20, 18 гаубиц Д-1, 18 систем залпового огня «Град», 40 зенитных ракетных комплексов «Игла», 200 ракет к ним, 12 600 артиллерийских снарядов и многое другое.

Передача вооружений Россией Армении — по версии властей, безвозмездная — проходила тайно, без заключения межгосударственных договоров, а командовала всем коммерческая фирма «РРР», близкая к окружению Ельцина. Как это повлияло на масштабы гибели русских солдат в Чеченской войне, точно не посчитать. А вот финансовые потери страны генерал определил — более миллиарда долларов. Эти деньги

достались околокремлевской мафии. На них, сказал мне Лев Яковлевич, можно было построить 30 тысяч квартир для военнослужащих.

На закрытом заседании Госдумы он озвучил эту информацию. Из Минобороны, из других закрытых ведомств к нему потянулись честные люди с новыми разоблачительными документами (некоторые данные он позднее передал мне — часть из них я использовал в предыдущей главе). Генерал занялся расследованием урановой сделки Гор — Черномырдин и тайного вывоза в США золота, редкоземельных материалов, другого стратегического сырья. Оказалось, многие хранители дворцовых секретов, ошарашенные размахами грабежа народа, собирали по-тихому компру на «беспредельщика» Ельцина и ждали появления не болтуна-хитрована, а волевой порядочной личности, чтобы слить ей накопленное.

Рохлин еще рассчитывал на мужской разговор с президентом, долго добивался с ним встречи. А кто он такой — ни олигарх с чемоданом «откатов», ни посланец начальствующего Бнай Брита, ни даже поп-звезда на прокат, чтобы тратить на него время. Разговаривать с ним не собирались. Наоборот, генерала начали прижимать и травить в подневольной прессе. Он распространил обращение к Ельцину: «Вы обманули народ... Вы сдали свою армию...» В Кремле напряглись: это говорил не безвредный пушистый Зюганов, а боевой авторитетный в стране генерал. За Ельциным стояли трусливые олигархи, готовые слинять за рубеж при первых раскатах выстрелов, и чинуши из Минобороны с большими карманами, набитыми «зеленью», за Рохлиным — патриоты и все те, кто научился не бояться смерти в чеченской «зеленке».

Зачем Лев Яковлевич пришел ко мне? Он поездил по регионам, побывал во многих гарнизонах: люди уже созрели для решительных действий, только ждали своего закоперщика. Безграничная наглость Семьи, бесстыдство и жадность ее прихлебателей, растущие селевые потоки коррупции и бесправия достали народ. Рохлин задумал создать протестное «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) — искал сподвижников среди известных политиков-государственников. В его кожаной папке лежали черновые наброски Декларации ДПА, воззваний, уставных документов. Он хотел, чтобы я вчитался в них повнимательнее и привел в надлежащий вид. И еще он хотел, чтобы я стал членом ДПА.

Прямота Льва Яковлевича мне понравилась — не терплю криводушия в людях. Откровенность за откровенность: к тому

времени я тоже окончательно понял, что продолжение ельцинского правления — катастрофа для страны. Но выковырнуть Бориса Николаевича из трона какими-то процедурными рычагами не получится. Во-первых, все рычаги Ельцин с олигархатом прибрали к своим рукам, а во-вторых, он плевал и всегда будет плевать на Конституцию: чуть что не так — разогнать, трахнуть газом. Расстрелять!

Рохлину я сказал:

— Я офицер запаса, командир артиллерийской батареи, но официально вступать в ДПА не намерен. Это нецелесообразно, это может повредить делу. Потому что многие помнят меня как человека из команды Ельцина и начнут подозревать ДПА в связях с Кремлем. Они же не знают наших отношений с президентом. Но я за ДПА и буду помогать вам всем, чем смогу. Я к вашим услугам!

Он оставил документы, над которыми мне пришлось основательно поработать. Потом мы встречались еще, еще и еще — думаю, ФСБ вело подсчет нашим постоянным контактам в течение нескольких месяцев. Он приводил ко мне для обсуждения перспектив ДПА ученых, полковников, генералов — в Госдуме за Львом Яковлевичем и его гостями уже присматривали вовсю.

Самым доверенным человеком у Рохлина был зять Сергей Виленович Абакумов — умница — успешный бизнесмен. Все свои деньги он вкладывал в дело тестя. (После убийства генерала его строительный бизнес разорили и не давали вздохнуть).

Втроем мы прикидывали разные варианты. Готов ли Рохлин использовать ДПА как трамплин для избрания в президенты России — сторонников у него набралось бы достаточно? Страна нуждалась в своем Де Голле. «Ни при каких обстоятельствах, ради такого не стоило разводить бодягу с Движением» — это была твердая позиция генерала. (Да и кто бы дал ему возможность хотя бы зарегистрироваться кандидатом!). После убийства Льва Яковлевича борзописцы от олигархата врали обществу: он задумывал военный мятеж, чтобы самому занять кремлевский трон и стать диктатором. Говорю как на духу: это совсем не так. Рохлин вообще не помышлял о политической карьере (прикипел к армии) и деспотическими замашками не отличался — диктаторы не берегут так жизнь своих солдат, как это делал генерал на Чеченской войне.

Хотя именно такой человек, как Рохлин, лучше других подходил к роли диктатора, конечно, в хорошем понимании этого слова, к роли объединителя и спасителя нации. Он прошел

все войны, нанюхался горькой правды в окопах, поднимал ребят и ходил вместе с ними в атаку под пулями. Как ел в молодости щи из солдатского котелка, так и в звании генерал-лейтенанта, в должностях комкора и председателя думского комитета не нажил себе никаких капиталов. Альтруист, готовый лечь костьми за интересы народа. И люди были готовы идти за ним. Как раз такие диктаторы выводили свои страны из разрухи в процветающие державы — через мобилизацию нации, через индустриализацию, через беспощадное отношение к воровству и коррупции.

Да, он горел желанием и ставил своей целью отстранить Семью от власти, чтобы предотвратить окончательное крушение России. Отстранить, принять участие в формировании Комитета Национального Спасения (КНС) — и отойти в сторону. А уже КНС должен был по Конституции провести демократические выборы президента, за которыми вчерашние хозяева страны — нувориши с шакальей завистью следили бы из тюрем или из зарубежного далека. Чубайсам с чубайсятами, наверно, страшно подумать, что ельцинский помазанник на царство мог пролететь мимо трона, как продовольственные деньги над Петербургом, доверенные Путину для спасения горожан в 91-м.

Рохлин согласился, что члены ДПА должны располагаться на двух уровнях. На первом — это открытое политическое движение, где собраны офицеры запаса, родители солдат срочной службы, казачество, интеллигенция, рабочие, шахтеры, моряки... Они участвуют в демонстрациях и других уличных акциях, не опасаясь «топтунов» . А на втором, как бы подпольном уровне — это тайная группа верных соратников из действующих генералов Минобороны, МВД, ФСБ и действующих командиров войсковых подразделений. Им нельзя засвечиваться на публике, чтобы сразу не угодить под ельцинский нож. Они должны контактировать только с лидером ДПА и готовить к общей операции свои участки.

К моему удивлению, среди действующих генералов и командиров войсковых частей нашлось немало решительных патриотов, готовых постоять за страну. Они поверили в искренность и способности Рохлина. («Топтуны» президента работали спустя рукава, не обеспечивали хозяина Кремля точной информацией. После убийства Льва Яковлевича перепуганный Ельцин был вынужден провести массовую чистку командного состава «по площадям»: под нож попали причастные и непричастные.)

Семью ненавидели — что естественно! — те, у кого высасывал кровь этот спрут. Но даже некоторые попутчики Кремля не прочь были помочь генералу положить конец затянувшемуся «царству троглодита». С одним знакомым банкиром я договорился о выделении для нужд ДПА крупной суммы. Поехали с Рохлиным в банк.

— Лев Яковлевич, — сказал я ему по дороге, — не раскрывайте полностью карты. Черт знает этих банкиров, вдруг в Кремль настучит. Скажите, что деньги нужны на газеты, боевые листки — на пропаганду идей ДПА.

Кофе, французский коньяк, полутемная комната, обнюханная секьюрити, — все по западному стандарту. И приветливый хозяин, российский Ротшильд, без всякой фанаберии, с интересом взиравший на мятежного генерала. Рохлин изложил ему версию с пропагандой идей, которую мы обговорили в машине.

— Что вы мне голову морочите — боевые листки, газеты, — завелся банкир. — Не для этого генералы объединяются. Семья всех подняла против себя — какие еще призывы нужны? Я коммунистам устал давать деньги на их пропаганду — а толку? Где действия? Вы мне прямо скажите, сколько вам надо средств на гранатометы, на снайперские винтовки, на автоматы, на взрывчатку, чтобы поднять до неба кортеж. Я дам.

— Мы не террористы, — сказал ему Рохлин, — у нас легальная зарегистрированная организация. Мы пользуемся другими методами.

Они стали обсуждать детали финансовой помощи. Я их оставил, чтобы не мешать.

Что за манера у новых русских: чуть что, так сразу — взрывчатка. У генерала не было этих мыслей. Он опирался на признанное ООН право любого народа восставать против тиранической системы. Если хунта, узурпировавшая власть, перекрыла все демократические пути к смене режима, у нации не остается иного выбора, кроме как массовыми выступлениями, акциями неповиновения, всеобщими стачками прогнать поработителей.

Через дарительные ельцинские указы, через залоговые аукционы, через финансовые аферы олигархи рассовывали по карманам все, что еще не было разворовано. А рабочий люд, в том числе военнослужащие, месяцами сидел без зарплаты.. Страна кипела. 23 февраля 98-го ДПА вывело на Лубянскую площадь больше двухсот тысяч человек. Рохлин сказал с трибуны, что Ельцина больше нельзя оставлять у власти. Кремль не решился посылать омоновцев разгонять митингующих. Но

к следующему разу дубинки готовились (и Рохлин эту информацию имел).

А в следующий раз — в конце лета — генерал с командой намеревались вывести на улицы еще больше людей — приезжие шахтеры должны были занять места на Горбатом мосту и вокруг Белого дома. Требование: отставка президента и правительства.

И как только омоновцы с дубинками начинали выдвигаться на позиции для атаки, в Москву вводились войсковые части. Министр обороны с другими ельцинистами отсекались от управления, командующие округов симпатизировали замыслам ДПА. А войска вводились для защиты народа от произвола властей и беспредела ментов. Читатель может легко представить себе поведение наших доблестных омоновцев в такой ситуации, привыкших охаживать дубинками только безоружных людей. Руки вверх и возгласы: «Мы больше не будем, мы вместе с народом!» — вот их предсказуемая реакция.

По понятным причинам, я не любопытствовал сокровенными планами генерала: знал только то, чем он считал возможным делиться со мной. У них в армейской группе прошли дискуссии, какими должны быть конкретные действия. Ельцина решено было блокировать на даче — вырубить связь, электроэнергию, забить помехами сотовые телефоны, обесточить ядерный чемоданчик — и принудить уйти добровольно в отставку, передав по Конституции полномочия премьеру.

А уже премьер с согласия спикеров верхней и нижней палат парламента, и выполняя волю народа, поручал ДПА совместно с другими политическими движениями сформировать временно, до новых выборов, Комитет Национального Спасения, а сам уходил в отставку. Армия не с ними, народ не с ними, на Абрамовичей где сядешь, там и сползешь, обмазав власть в дерьме окончательно — другого выхода у них не было. («Власть валялась на дороге».)

В процессе дискуссий вставал вопрос: а вдруг Ельцин попросит военной помощи у Запада и НАТО отправит ему на выручку десантные части. Президенту спровоцировать бои в столице России — раз плюнуть. Кто-то предложил: на первом же этапе операции предупредить Бориса Николаевича, что если натовцы засуетятся со спасительными мерами, по ельцинской даче наши военные летчики отбомбятся по полной программе. Ельцин любил бомбить свои города, обстреливать свой парламент, но превыше всего ставил личную безопасность и безопасность драгоценной семьи (к нему приходил во сне по ночам Ипатьевский дом в Свердловске).

После принятия отставки от Бориса Николаевича ему с домочадцами давали возможность отбыть за рубеж, в жаркие объятия кураторов (естественно, без сундуков). На всякий случай военные продумывали, как перекрыть взлетные полосы московских аэродромов и вокзалы. Баловни режима Шаймиевы и Рахимовы (как это было в 93-м) могли попытаться послать «царю Борису» подкрепление. Все охранные структуры олигархов предстояло разоружить, распустить. Их провокации должны были безжалостно пресекаться. Словом, обсасывались мельчайшие детали.

Рохлина пасли все плотнее и бесцеремоннее. Он приезжал ко мне в офис — один или с кем-то, и в колодце двора Дома на Набережной, напротив наших окон, сразу появлялись серенькие «Жигули». Однажды мы проверили топтунов. Я попросил ребят позвонить мне с неподконтрольного телефона. Они позвонили:

— Генерал у тебя?

— У меня.

— Мы давно собрались и ждем вас, — соврали ребята.

— Все, прямо сейчас выходим и будем у вас минут через 15-20, — тоже соврал я серьезным голосом. Водить за нос «хвосты» меня научила еще собкоровская работа в «Правде» по Казахстану, когда республиканские власти донимали слежкой журналистов центральных газет.

Мы приникли к щелкам закрытых жалюзей и увидели, как «Жигули» тут же сорвались с места и переместились к парадному подъезду, чтобы «сопровождать» нашу машину.

К стене дома, рядом с моими окнами, топтуны прикрепили монтажную люльку. Она висела без дела, но как только приезжал генерал, в люльке появлялись двое «рабочих» со швабрами и, поднявшись до уровня моих окон, начинали лениво водить ими по стене. Что называется, откровеннее некуда.

Как-то я привез к себе на дачу надежных губернаторов, подъехал Рохлин — они стали обсуждать возможный состав КНС. Пока жена накрывала стол, я вышел на крыльцо: с левой стороны от дома и с правой, в переулках, уже стояли на часах две серенькие «усатые машины» «Жигули». (От рассмотрения персоналий в состав КНС я всегда старался держаться подальше. Возвращаться во власть отказался при первых же встречах с генералом. И считал, что в ней нечего делать всем, кто был в правительствах Ельцина — Гайдара — Черномырдина. Для ДПА я выступал в роли бескорыстного «сводника».)

От моей дачи до дачи Рохлина в Клокове, если добираться прямиком по берегу Десны, около двух километров. Дачей

Рохлина она только называлась: ее строил из дешевых силикатных блоков зять Льва Яковлевича Сергей Абакумов. И обстановка в доме была спартанская: старые, когда-то, где-то списанные кровати и диваны — все деньги шли на «дело революции».

По предварительной договоренности с генералом, без телефона, я уходил в лес, и там меня, как бы проезжая мимо, подбирала «Нива» с зашторенными окнами, завозила в гараж рохлинской дачи, из которого внутренняя дверь вела на цокольный этаж. Там располагалась просторная комната, обшитая вагонкой, со столом и деревянными лавками — за этим столом мы и работали.

На единственном небольшом окошке комнаты помощники Льва Яковлевича развесили алюминиевую фольгу — от прослушивания. Потому что напротив, через поляну, начинался лесок, и на двух крайних елях топтуны соорудили что-то вроде лабаза: посменно следили оттуда, не хоронясь, за домом. Когда меня подвозила «Нива», я припадал на минутку к дыркам в фольге. На лабазе наблюдалось шевеление: топтуны тщетно пялились биноклями в сторону дома — кого же там черт притащил.

Однажды военный вертолет, доставивший к Рохлину генералов, завис для острастки над краем леса и коснулся колесами верхушек деревьев, обжитых сексотами. Топтуны посыпались с лабаза, как горох. А генералы, выйдя из вертолета, смотрели с поляны на них и похохатывали.

— Неаккуратно работаете, — сказал я Льву Яковлевичу словами Васькова из «А зори здесь тихие...». — Ох, неаккуратно.

Для своей затеи Рохлин был опасно доверчивым, даже беспечным. Скажем, приводил он ко мне пару раз генерала, а потом этот генерал выветрился из его окружения. Спрашиваю: «Где он?» «Отказался дальше идти — семья, дети. Я ему верю, он порядочный». Хорошо, что порядочный, только надо заранее определяться с психологическими возможностями соратников.

Или предложил один из губернаторов отвезти к себе в регион и спрятать на время в укромном месте жену и сына Льва Яковлевича — Тамару Павловну и Игоря. Ни в какую! Рохлин почему-то предполагал, что если Кремль решит его ликвидировать, то постарается чужими руками организовать бытовуху, скорее всего пьяную драку. «А я же теперь пить не могу», — смеялся наивный Лев Яковлевич, весь израненный и заштопанный эскулапами. Сколько раз я сидел с ним в компаниях, он действительно плескал на донышко несколько капель вод-

ки, заполнял остальную часть рюмки минеральной водой и пригублял содержимое.

Ему посоветовали сделать своим первым замом по ДПА влиятельного думского депутата от КПРФ Виктора Илюхина. Сделал. На вопрос близких друзей — почему? — отвечал, что Илюхин на вершине айсберга и в глубинные замыслы Движения не посвящен. Зато способен привести за собой часть улицы. Какая там улица! Илюхин давно прикипел задом к теплому депутатскому креслу, воспринимался решительными людьми как заскорузлый чиновник.

Прозрел с большим опозданием и сетовал, что думские коммунисты во главе с Зюгановым не только не помогают, а наоборот, вставляют палки в колеса. А что он хотел? Верхушка КПРФ не бойцы с баррикад — это покорная оппозиция, которая все время боялась запрещения Ельциным партии. Запрети ее этот сатрап, пришлось бы не имитировать борьбу с компрадорским режимом в уютных аудиториях, а вставать вместе с народом под холодные ветры лишений. Потому-то сытая головка КПРФ сама старалась не гневить Кремль и своих товарищей попридерживала.

Помню, в 95-м мы, большая группа депутатов Госдумы, инициировали голосование за отставку правительства Черномырдина. Уговорили фракцию Зюганова — она нас поддержала, и решение прошло. Черномырдин с компашкой начал было собирать манатки. Но Ельцин зарычал, и Госдуму заставили голосовать повторно.

— Мы стоим до конца, — сказал я Геннадию Андреевичу Зюганову от имени группы. — А вы держитесь?

— Держимся. Хватит им страну раздевать, — уверенно заявил он.

Разговор был вечером. А утром вся фракция КПРФ, включая Зюганова с Илюхиным, проголосовала за доверие правительству Черномырдина. Нам для его низложения голосов не хватило. Видимо, ночью с комверхушкой поговорили. Комфорт дороже принципов.

И Рохлину зюгановская фракция ударила в спину в самый напряженный момент. По требованию Кремля в конце мая 98-го коммунисты вместе с ельцинистами проголосовали за снятие Льва Яковлевича с поста председателя комитета по обороне. Это для того, чтобы у генерала стало меньше возможностей готовить задуманное. Голосовал за снятие Рохлина и Виктор Илюхин. (А после убийства Льва Яковлевича он провозгласил себя его преемником и потихоньку слил ДПА в канализационную трубу.)

Все это, впрочем, не мешало харизматичному генералу двигаться к цели. Готовились к массовым выступлениям шахтеры, казаки, бюджетники. На середину июля были запланированы крупномасштабные военные учения в примосковской зоне. А противодействие недругов и «подставы» товарищей были Рохлину как взрывы-сигналы петард на рельсах для машиниста тяжелого поезда: впереди опасный участок, нужна предельная внимательность. Генерал стал отходить понемногу в тень.

В предпоследнюю нашу встречу мы с ним не нашли общего языка. Он сообщил, что ему звонил по поручению Ельцина глава президентской администрации Валентин Юмашев, предлагал на выбор несколько высоких должностей, только бы Лев Яковлевич «завязал» с ДПА. Рохлин отослал его вместе с Борисом Николаевичем в знакомые всем места. Но не поэтому поводу мы разошлись с генералом. Я спросил его, кого они в «генштабе» Движения наметили порекомендовать главой КНС на переходный период? И услышал неожиданный ответ: Юрия Лужкова. Мы пили чай за журнальным столиком, так я чуть чашку не уронил. Стоило ли огород городить: хрен редьки не слаще.

— Это же временно, — вскинул брови Лев Яковлевич. — Без использования инфраструктуры и поддержки столичных служб нам не обойтись.

Я пытался объяснить генералу, что московскому клану очень рискованно класть палец в рот. Лужковская группировка, основательно прополов столицу, давно рвется на российский оперативный простор. Как клещ во власть вцепится — не отдерешь. Но слова мои на Льва Яковлевича не действовали. Может, потому, что он знал гораздо больше меня. И дальше смотрел.

Мы не встречались долгое время.

Как-то мне позвонили поздним-препоздним вечером. Мужской суховатый голос дважды переспросил: я это или не я?

— Да я это, я, что вы хотели?

Он, не называя себя, представился знакомым Василия (этим именем для конспирации генерал называл своих агентов в службе безопасности президента) и без всяких предисловий проговорил:

— Вас заказали. Отодвиньтесь от Рохлина.

Я сразу не врубился и спросил: как это понимать?

— Отодвиньтесь от Рохлина, пока не поздно. Больше говорить не могу, — и в трубке — короткие гудки.

Он так и произносил «отодвиньтесь!», будто я у стенки стоял.

Предупреждение доброжелателя из старой коржаковской команды? Попытка нагнать страху? Не поймешь. Или меня оберегали от Рохлина или Рохлина от меня? Задали нам задачку.

Созвонился на всякий случай с генералом — мы встретились на открытом поле совхоза «Птичное», мимо которого пролегал путь Льва Яковлевича на дачу, в Клоково. Как оказалось, это была наша последняя встреча. Внешне он был спокоен, но внутреннее напряжение чувствовалось. Я сказал ему о звонке. Он попросил меня быть острожным и прекратить с ним временно все контакты.

Я буду передавать сейчас то — конечно, не слово в слово, — что говорил Рохлин дальше. Этим же, насколько мне известно, он делился со своим зятем Сергеем Абакумовым, а может быть, еще с кем-то. Не могу ручаться за достоверность фактов: за что, как говорится, купил, за то и продаю. Но утаивать последний разговор с генералом не имею морального права. Пусть он даже воспринимается как предположение.

Лев Яковлевич сказал, что по информации его агентов из службы безопасности Семьи, четверка в составе Бориса Ельцина, дочери-имиджмейкера Татьяны Дьяченко, руководителя администрации Валентина Юмашева и зама руководителя Александра Волошина обсуждали варианты устранения лидера ДПА. Любые решения — автокатастрофа или пуля снайпера в людном месте — посчитали неприемлемыми, опасными для власти. Нужно организовать хитрую бытовую загогулину, чтоб была с «изюминкой».

Кому поручить?

Рассматривали кандидатуру зама руководителя администрации Евгения Савостьянова. В свое время он был начальником управления КГБ по Москве и Московской области. Вертели так и эдак — отклонили. Психологически не готов. Набрался правозащитного мусора, работая с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Гавриилом Поповым, а в КГБ его занесло случайным порывом ветра. Демократ и чистоплюй. А нужен гэбист бериевской школы.

Татьяна Дьяченко с Юмашевым сказали Ельцину, что есть подходящий человек с хорошей выучкой — Тихий. Таким псевдонимом (Рохлин до разговора со мной не вычислил его) они нарекли другого кремлевского чиновника. «У него холодные глаза и холодный рассудок». Работайте, сказал им Ельцин, сделает — рассчитаемся. Если надо, пусть подключит грушников.

— Я не остановлюсь, успеть бы, — сказал генерал.

На том мы с ним расстались.

Не знаю, работала ли кремлевская чета, когда и с кем? Но как-то так получилось, что в те же сроки убить Льва Яковлевича решилась его жена — Тамара Павловна. Мыкалась с ним годами по гарнизонам, стала генеральшей, супругой любимого публикой депутата — пожить бы в свое удовольствие, пошиковать, потусоваться на элитных приемах. А муж по-прежнему довольствовался только зарплатой, не балуя семью, ввязался в борьбу с властью. Невыносимо! Вот, с точки зрения церберов олигархата, и мотив для убийства. Но это мотив для человека с холодными глазами и пустой душой, привыкшего к роскошеству, а не для женщины с больным ребенком, у которой, кроме жалованья главы семьи, — никаких источников существования.

Правда, граждан малоимущих в современной России на всех ярусах власти встречают лишь холодные глаза. Нарофоминский судья, впаявший срок жене покойного генерала, прямо так и подводил ее к тюремной камере в обвинительном приговоре: «В связи с тем, что Рохлин активно занимался политической деятельностью, а Тамара Павловна Рохлина в этом видела угрозу безопасности семьи, поэтому она его убила». Помри, жрец ельцинской Фемиды, лучше не напишешь!

Как была история темной для современников, так и останется темной для наших потомков. Рука какого дьявола с холодными рыбьими глазами закручивала сценарий?

Об этом убийстве много писали, и время кое-что расставило по местам. Вдаваться в детали не буду, тем более: Тамара Павловна на свободе. Напомню только, что ранним утром 3 июля 98-го жену генерала запугиванием и психотропными препаратами вынудили пойти на самооговор. («Три киллера в масках внезапно возникли под утро на кухне, заткнули ей рот, затащили на второй этаж. Там, прячась за ее спиной, подвели к кровати и в упор выстрелили из пистолета с глушителем в висок спящего генерала». Провели манипуляции с наградным оружием — для отпечатков пальцев вдовы. Могли ее рукой нажать на курок, чтобы сломать окончательно психику. Потом избили Тамару Павловну — экспертиза зафиксировала «телесные повреждения, нанесенные 20 различными травмирующими предметами: носками ботинок и кулаками» — и удалились. Она в шесть утра позвонила врачу сына Игоря: «Эти суки приказали взять вину на себя. Если не возьму, они расправятся с сыном и дочерью. Я все беру на себя». Взяла. Вскоре пришла в себя и одумалась.)

Власть торжествовала. Это чувствовалось по реакции Семьи и ее покоехранителей, по злорадству телекомпаний, под-

контрольных олигархату. Гладко получилось. Они не стали делать даже приличествующую паузу — мол, следствие идет, разберемся. В то же утро Емельянов, помощник «человека, похожего на генпрокурора Скуратова», ткнул пальцем для журналистов во вдову: вот убийца!

Шеф ФСБ Ковалев и шеф МВД Степашин, будто только что развеявшие по Галактике чеченских боевиков и сиявшие, как медаль «За победу...», причалили на автокаравеллах к невзрачной рабоче-крестьянской даче Рохлина, брезгливо повертели носами — и к микрофонам: все ясно, генерала убила его жена. И никакой политической подоплеки.

Правда, налетевшие с ними ищейки тщетно рылись в чемоданах и ящиках. Дочь Льва Яковлевича Елена вспоминала, как раздавались в доме разочарованно-раздраженные голоса: «Говорили, что у Рохлина горы компромата, а тут ничего нет». В думском кабинете генерала тоже прощупали сейф. С трофеями ребятам не повезло. Нашли дурака-охотника, чтобы он порох держал в сырых местах!

Наверно, и впрямь вдова Рохлина была недовольна бузотерством супруга. Наверно, говорила ему, как говорят в сердцах иногда жены полушутя-полусерьезно любимым мужьям: «Я тебя когда-нибудь кокну». Без всякого «наверно» ей хотелось пожить спокойно и хорошо. Но как жить в государстве с такой изуродованной властью? Моральную ряху этой власти она разглядела — до морщин, до волосатых бородавок — в прокурорских кабинетах Емельянова и Соловьева, где допрашивали ее. Не кабинеты, а притоны для развратников — на стенах что-то вроде плакатов: «Кончил дело — вымой тело», «Ловись, девка большая, ловись, девка маленькая», «Счастливые трусов не надевают», «Долг нагишом платят»...

И на фоне этих изящных правоохранительных афоризмов довольные и сальные физиономии отрыгающих сытостью следователей: «Признавайся в убийстве, а не то посадим еще дочь и зятя». Они, голубые мундиры — верные слуги олигархата, и очень гордились этим, чувствовали свою безнаказанность. (Потом они, по заявлениям адвокатов, многократно нарушали закон, специально искажали смысл показаний в протоколах допросов.) В этих кабинетах Тамару Павловну впервые пронзила мысль, что тысячу раз был прав Лев Яковлевич, задумавший избавить Россию от ельцинского режима.

В минувшее десятилетие общественная мысль нашей страны находилась в состоянии полудремы. Высокие цены на энергоносители прикрывали нарастающие проблемы, как свежий пушистый снег непривлекательную помойку. Из клю-

вов олигархов, таскавших журавлиными клиньями капиталы туда, за бугор, выпадало кое-что на родную землю. Интеллигенция, ползая на карачках, выискивала эти крошки в пожухлой траве и особо не возникала. Капали, как скупая слеза, добавки к пенсиям и зарплатам, которые, правда, тут же съедали инфляция и неуклонно растущие тарифы тех же олигархов-монополистов. Трубадуры режима убаюкивали страну: «Россия встает с колен».

Но вот снег подтаял, и население обнаружило, что помойка-то не уменьшилась, а разрослась, стала принимать угрожающие размеры. Кремлевская власть пустила коту под хвост целое десятилетие.

И вопрос, откуда взялась такая невежественная власть, потерявший было первоначальную остроту, вновь приобрел актуальность. Почему недоверчивый, мнительный Ельцин открыл табакерку для того, а не для иного наследника? На каких тайных опорах держится преемственность власти Семьи и в целом олигархата? Началось сопоставление давних фактов, восстановление хронологий событий. Словом, пошел процесс возвращения к анализу косвенных признаков. И в этом анализе журналистов все чаще стала всплывать история с убийством Льва Рохлина.

Вспомните рассказ Коржакова, как Ельцин заказывал ему уничтожение Хасбулатова, Руцкого и Лужкова. Александр Васильевич поручение не выполнил и объяснял корреспонденту «МК»: «Убить легко. Но потом надо убить того человека, который убил. Потом... убить того человека, который убил того человека, который убил...» У них там в КГБ (затем — в ФСБ) устанавливали четкий порядок и очередность изготовления жмуриков.

Три киллера в масках, выполнившие 3 июля чей-то заказ в доме Рохлина, удалились под утро. А днем в окрестном леске были обнаружены три сильно обгоревших трупа, со следами ранений от пуль. Медэксперты установили, что это мужчины крепкого телосложения от 25 до 30 лет. Следователи (у которых в кабинете висели плакаты «Долг нагишом платят») запаслись милицейской справкой, что трупы там лежали давно. Это в небольшом-то лесочке, куда гастарбайтеры — строители дач бегали справлять нужду постоянно? Они и наткнулись на тела, по их словам, еще дымящиеся. Я осматривал тем днем этот лесок и говорил с напуганными рабочими с Украины. Теперь-то ни для кого не секрет, как наша доблестная милиция умеет подтасовывать факты в угоду властям.

Что-что, а криминальные правила современная жизнь нас заставила выучить. Помня слова генерала на поле совхоза «Птичное», я стал ждать, когда подойдет очередь следующего трупа, возможно, координатора операции. И в какую сторону, как стрелка компаса, укажут его связи прижизненные. Труп мог появиться вскоре, если человеку не вполне доверяли. А мог «подождать» какое-то время. Но даже самый надежный, доверенный человек не имел права очень долго оставаться в живых. Береженого у заплечных дел мастеров черт бережет.

Вместе с другими я обратил внимание на внезапную смерть 42-летнего здоровяка Романа Цепова. Как оказалось, его отравили большой дозой лекарственного препарата и он скончался от поражения спинного мозга (уголовное дело возбуждалось по статье 105 УК РФ — умышленное убийство, но, насколько известно, результатов не дало).

Цепов фигура неоднозначная. Окончил училище внутренних войск МВД, имел тесные контакты с оргпреступными группировками. Создал охранную фирму «Балтик Эскорт», которая охраняла в Питере жену Анатолия Собчака Людмилу Нарусову, дочь-тусовщицу Ксению и, говорят, Владимира Путина. Роману приписывали прочные связи с министром Рашидом Нургалиевым и Игорем Сечиным. Похоронили Цепова под автоматные салюты на мемориальном кладбище, рядом с могилами погибших моряков «Курска». На похоронах присутствовал нынешний начальник путинской охраны Виктор Золотов (угрюмая острота рохлинцев: «Чтоб удостовериться»).

Совпадение?

Именно с июля 98-го начался стремительный карьерный взлет Владимира Путина, в общем-то, заштатного чиновника Кремля. Причем июльское назначение Владимира Владимировича на пост директора ФСБ происходило в какой-то странной горячке.

Вот как рассказал об этом эпизоде журналистам «Версии» предшественник Путина Николай Ковалев, во всем и всегда верный Семье: «Кириенко (только что назначенный премьером для проведения дефолта. — *Авт.*) спешно улетел в Шуйскую Чупу, где отдыхал президент. И к вечеру вернулся с подписанным указом. Я потом сказал ему: «Сергей Владиленович, вы, по моим подсчетам, спалили тонн семь керосина, чтобы подписать один этот указ». Зачем такая спешка? Ведь это была суббота, а в понедельник президент вернулся в Москву. Все происходило в чрезвычайной спешке. *Ночью, в субботу,* Кириенко огласил указ. И *ночью же, в субботу*, я передавал дела Владимиру Путину. Всего за 20 минут я передал Федеральную

службу безопасности страны новому директору. Такого еще не было...»

Чтобы ради тебя такой шухер — «ночью», «за 20 минут»? Да еще когда дело касалось огромной секретной службы... Это надо было чем-то сильно угодить опасливому президенту.

И дальше безостановочный марш-бросок к главному российскому трону. Марш-бросок человека, лишь шапочно знакомого Ельцину, не проверенного им на умение разбираться в острых управленческих ситуациях, к тому же с длинным хвостом провальной работы в Питере, без знания экономики.

Совпадение?

Их, совпадений, набралось многовато. Над ними, оценивая итоги работы и поведение Путина, все глубже задумываются вменяемые граждане.

В Семье, в правящих кабинетах олигархата это почувствовали. Как будто у них стало где-то чуть-чуть протекать. Там интервью очевидцев, здесь признания свидетелей. Забеспокоились. Вот с сантехническим инструментом («где тут течь?») появилась в Интернете из небытия Татьяна Дьяченко и принялась уточнять в своих блогах, почему «папа» выбрал все-таки Путина. Оказывается, «папе» нравилась «Володина улыбка». А походка? Ну зачем же родного отца выставлять помимо всего еще и гомиком. Или совсем уже невероятный довод: Путин отказался подслушивать Гришу Явлинского. И «папа» очень одобрил этот поступок. Интересно, когда же матерый хищник успел превратиться в вегетарианца? Говорили же Тане: не сходись близко с Чубайсом, заразишься тяжелой формой вранья — до смерти не вылечишься.

О чем теперь рассуждать? Мы заимели то, что видим. И пожинаем то, что посеяли. Нет Рохлина, нет и Ельцина. Они лежат в одной московской земле: генерал на простом Троекуровском, а экс-президент на VIP-Новодевичьем кладбище.

Могилу Бориса Николаевича запеленали в прочное покрывало из цемента и мраморных плиток — в виде российского флага. Семья, наверно, побаивалась мести вандалов и придумала этот странный ход. А получился символ. Получилось подобие саркофага, какие возводят над разрушенными ядерными реакторами (так упаковывали в бетон четвертый блок Чернобыльской АЭС). Чтобы обезопасить окружающих от вредного излучения. Чтобы уменьшить в России площади поражения изотопами ельцинизма.

А могила Льва Яковлевича, возле которой всегда видишь молодых суровых людей, тоже символ. Она ухожена, не выделяется изысками — доступна всегда и для всех. Вокруг нее рас-

пространяется какая-то особая аура. Как будто происходит зарядка прохожих волей к борьбе, начатой генералом.

Два поля излучения с разных точек Москвы, с разных погостов сталкиваются в крутой сшибке где-то над нами и в нас. Как сталкивались несовместимые взгляды на будущее России при жизни этих людей. Только здесь победу уже не купишь раздачами должностей и наймом киллеров. Здесь в равной борьбе за сознание передюжит лишь то, в чем больше созидательной силы.

2

Сделаю небольшую прогулку по черновым заготовкам литературного классика.

Путешественник Гулливер у Джонатана Свифта посетил интересное государство под названием Лапута и поделился увиденным. Большая страна в стадии переходного периода реформирования, с губернаторами, с вертикалью власти. На верху этой вертикали удобная площадка — укрывище для ареопага (летучий остров) с зубчатыми стенами, куда стекаются налоги от подданных и откуда безопаснее грозить этим подданным кулаком.

Управляют Лапутой сиамские близнецы, именуемые в народе тандемом. Управляют по очереди. Какой-то срок одна голова сросшихся двойняшек называет себя президентом, другая — премьер-министром. А потом — наоборот. Иногда верноподданные сбиваются с толку, путают, какой голове отвешивать низкий поклон, а какой — еще ниже.

Это особый вид двойняшек. Миру хорошо известны случаи срастания братских тел у грудной клетки, у ягодиц, срастание боками и так далее. А тут Природа прямо-таки удивила: сиамские близнецы накрепко срослись карманами. У одного брата — он считается старшим, поскольку появился на свет несколькими историческими секундами раньше, — карман очень большой, у другого, естественно, поменьше. С годами у двойняшек даже образовалась общая кровеносная система. Одна — младшая голова это постоянно подчеркивает: «Мы одной крови». На что другая, старшая, вносит поправку: но с разными карманами. Это чтобы чиновники-лапутяне, припадая к близнецам с подношениями, соображали что к чему.

Страна сиамским близнецам досталась порядком разграбленной. До них на верхней точке вертикали власти сидел глава многодетной семьи — его дуботрясы любили пошиковать. Но все равно в подземных хранилищах остается еще мно-

го добра. Двойняшки не жалуются: на их век хватит, а страна пусть плывет себе без руля и ветрил.

Они попали на вершину ареопага по воле случая. Жили в приморском городе, который враги когда-то долго держали в осаде и нещадно томили голодом. Осада забылась, большинство горожан отошло, стало относиться к еде как все нормальные люди. Но к некоторым перешла с генами болезненная страсть к поглощению. Среди них — и сиамские близнецы. Прежний глава ареопата, тоже известный чревоугодник, это заметил и приблизил к себе двойняшек для сохранения преемственности власти.

За собой близнецы притянули из приморского города кучу друзей, подверженных той же страсти. Другими, к примеру мыслительными, способностями Бог приморских артельщиков незаслуженно обделил. Лапутяне определяют их по такому признаку: брюхо сытое, уже не лезет, а глаза все равно голодные и холодные.

Своих подданных тандем любит и презирает. Говорит им ласковые слова (вроде бы любит), а делает только пакости (нет, не уважает). Постоянно спускает на землю плотные клубы тумана, которые прозвали реформами, а когда эти клубы рассеиваются, граждане обнаруживают себя без порток и сандалий. Деньги, собранные с лапутян якобы для улучшения их жизни, а также откаты сиамские близнецы прячут в карманах и затем тайно отправляют за пределы страны — туда, где в будущем намереваются провести остаток счастливых лет, подальше от босяков-соотечественников. Там доверенный человек тандема, один из казначеев президента-предшественника, уже строит каменные жилища с бассейнами, пляжами и садами.

Имеется в Лапуте даже парламент, правда, в правилах строго оговорено: он — не место для дискуссий. Депутаты прислуживают только тандему с его друзьями, а у рядовых граждан своими законами отнимают последнее. Каждое заседание парламента открывается и закрывается гимном:

Замочим в сортире любых подлецов,

Кто косо посмотрит на Близнецов!

Кстати, под этот же гимн вооруженные дубинками отряды особого назначения ходят по площадям и высматривают подозрительных граждан, в чьих глазах не светится радость от созерцания развешанных всюду портретов тандема. Таких людей воспитывают сначала дубинками, затем ведут в суд для порки большими штрафами. Шалят по большим и малым дорогам разбойники, но на них уже сил не хватает: все заняты поисками недовольных и охраной ареопага от народа.

Близнецы регулируют, чтобы квалифицированное большинство в парламенте непременно было у ТТРЧ — Товарищества Тайно Разбогатевших Чиновников под легальным названием «Единая Лапута». На вопрос Гулливера, чем занимается ТТРЧ, его члены полушепотом отвечают: «Воруем с позволения Близнецов. И об их карманах не забываем. Так и живем в Единстве». Губернаторы и мэры сами приписаны к товариществу, а кроме того получают задания с летучего острова: сколько процентов голосов они должны отписать «Единой Лапуте». Выборы, конечно, проходят, но только для вида, для потехи тандема. Другие затеи ему приелись давно. Как голосуют граждане и какой получается результат — разница между вином и мочой.

Чиновники в губерниях строго выполняют задания ареопага, иначе их погонят по одному месту метелкой. А это большие потери. Каждый мэр или губернатор заплатил за свою должность серьезные деньги обитателям летучего острова и отбить их намерен стократно.

Была у чиновников очень грамотная идея, чтобы «Единая Лапута» получала на каждых выборах 120 процентов голосов. Она трансформирует в законы желания и замыслы сиамских близнецов, тем самым подтверждалась бы всякий раз сверхгениальность тандема. Но ареопаг заморского пиратского государства, которому предшественник близнецов подчинил добровольно свою страну и с которым сами братья, сросшиеся карманами, согласовывают каждый свой шаг, запретил. Пираты любят играть в демократию, даже грабят и убивают с веселыми криками: «Мы несем вам свободу!». Они сказали, что для приличия парламент надо разбавлять небольшой группкой беззубых фрондеров. Погоды там фрондеры не делают, зато всюду говорят, не переставая, о равных возможностях всех разнообразных товариществ. И даже оппозиции.

Оппозицию сиамские близнецы делят на системную и внесистемную. Внесистемная — это известные лапутяне с острыми зубами. Их держат в холодных загонах вместе с плебсом. А те, кто выдрал себе зубы по собственной воле и подпилил язык, становятся системной оппозицией. Их иногда подпускают к системе. Системой здесь зовут корыто с добротной пищей, которую делят между активными восхвалителями близнецов.

Обустройством страны в Лапуте не занимаются с давних пор. Все ветшает, всюду трущобы. За эти трущобы тандем с друзьями приморского города заставляет граждан платить с каждым месяцем больше и больше — нужны деньги на строи-

тельство себе новых дворцов, на прислугу, на многочисленную охрану, на ненасытных любовниц.

И губернаторы с мэрами за ними тянутся изо всех сил. Тоже дворцы, прислуга... Тоже ключи от подземных хранилищ, до коих не дошли пока руки тандема. Тоже реформы, хоть и на местном уровне, но с плотным туманом. Поскольку заниматься своей работой, то есть обслуживать лапутян, у чиновников стало считаться дурным тоном, а свободного времени навалом, градоначальники с губернаторами ударились в изобретательство. За это их называют учеными, академиками. И даже к названию страны предлагают добавить новое имя: Лапута-Большая Академия. Одни губернаторы-академики придумывают, как загрязнять воду отходами жизнедеятельности ареопага, другие — как очищать ее при помощи верхнего белья спикера нижней палаты парламента.

Наиболее плодовитым среди изобретателей-академиков считается мэр столичного города. Он ходит в кожаной кепке, в которую встроено что-то вроде антенны для ловли идей. Как только чья-то идея коснулась антенны, он торопится к себе в кабинет составлять заявку на изобретение. Правда, это связано с немалым риском для здоровья. Потому что бежать приходится по улицам, которые постоянно проваливаются, и по руинам домов.

Одни считают самым удачным изобретением академика-мэра улей с новой формой летка-отверстия, куда пчелы должны заползать не передом, а задом. Очень эстетично: так удаляются в глубину сцены артисты от благодарной публики. Другие отдают предпочтение революционному открытию мэра при выпечке расстегаев и пирожков. У пирожка-ретрограда «всего шесть защипов», а изобретатель увеличил их «до восьми».

А еще...

Извините, читатель, я немного увлекся. Эту часть рассказа Гулливера Свифт, по всей видимости, сократил в романе при его редактировании. («Эта книга вышла бы, по крайне мере, в два раза объемистее, если б я не взял на себя смелость выкинуть бесчисленное множество страниц». — Дж.Свифт «Путешествия Гулливера»). Нетерпеливая публика всегда хочет добраться до финала скорее, а переходный период реформ интересует ее меньше всего. И чтобы не занимать у массового читателя драгоценное время, опытный романист перемести́л своего героя в Лапуту, уже реформированную сиамскими близнецами. Где Гулливер после долгого перерыва пообщался с изобретателями Большой Академии.

Результаты диковинного устройства власти и проведенных ею уникальных реформ определили, а точнее продиктовали, тематику исследовательских работ.

Первый посттандемский изобретатель, с которым встретился герой Свифта, «восемь лет разрабатывал проект извлечения из огурцов солнечных лучей». Для обогрева помещений. Гулливер, правда, не сказал, что Лапута была вынуждена этим заняться после радикальной реформы единой энергетической системы. Но внимательному читателю все понятно без лишних слов. Зато Гулливер уточнил, что огурцы «были очень дороги». За годы правления сиамских близнецов импортировать стали даже капусту и огурцы. Потому что в стране успешно осуществлялся «один из двух великих замыслов — обсеменение полей мякиной».

Рассказчик поведал нам, как обстановка вынудила лапутян начать «пахать землю свиньями» и выводить «породу голых овец» — из-за отсутствия металла на плуги и ножницы. И, наконец, путешественнику представили самого авторитетного изобретателя (не бывшего ли мэра столичного города?): «он занимался превращением человеческих экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались». (Все цитаты из романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера».) Голод не тетка: куда толкали народ реформами-растащиловками, там оказались и сами.

3

Владимир Путин в кабине военного самолета. Владимир Путин в подводной лодке. Владимир Путин на палубе крейсера — в тельняшке и морской пилотке. Указывает, как надо расправляться с врагом. Крутой мачо, надежный защитник отечества. Эти кадры центральное телевидение без устали крутило днями и вечерами. Образ смелого заступника нации должен был впечататься в сознание каждого, особенно людей с погонами. Впечатался? Считают ли армейцы своего главноначальника примером для подражания?

О всех судить не берусь, сошлюсь на тех, с кем много приходилось общаться. За Путиным, признавались мне знакомые командиры, в офицерских кругах стойко закрепилась кличка «Маршал Петен». Я-то вначале подумал, что родилось это из-за созвучия фамилий столь, казалось бы, непохожих политиков. Но ребята хорошо образованные, учились еще в советское время, сказали: нет, в кличке не схожесть фамилий, а историческая параллель. Пусть и не стопроцентно точная.

Напомню, в июле 40-го года Анри Петен согласился стать марионеткой фашистских оккупантов, был ими провозглашен «главой Французского государства» и наделен диктаторскими полномочиями. Он призвал нацию сотрудничать с Гитлером, пресекал любые попытки сопротивления, разоружая отряды. Вдвоем с премьером-напарником Пьером Ловалем маршал Петен организовывал облавы и обеспечил принудительную отправку в Германию 750 тысяч французских рабочих. В 45-м Верховный суд приговорил Петена к расстрелу, но генерал де Голль учел заслуги маршала в Первую мировую войну (победа над немцами под Верденом) и заменил расстрел на пожизненное заключение. Напарник по тандему Пьер Ловаль скрывался от гнева народа в Испании, затем в Австрии, однако был пойман, осужден и расстрелян.

Сравнение казалось натянутым: не маловато ли правды заложено под него? Но это точка зрения постороннего, неинформированного человека. А у военных, поживших в окопах и познавших предательство Кремля, полный охват проблемы, свои резоны. Нам, гражданским, полезно прислушиваться к этим резонам и чаще задаваться вопросом: а делает ли что-то нынешняя власть для укрепления безопасности страны от внешних угроз или настырно продолжает вести «вышистскую» капитулянтскую политику Ельцина. Потому что когда начнет звонить колокол, то есть падать бомбы на голову неприкрытой России, он будет звонить по нам с вами, по нашим братьям, сестрам и детям.

Подстегивание ратификации договора СНВ-2 и провоцирование Великого Исхода Армии офицеров, о чем уже говорилось, не было спонтанным движением Путина. Как показало время, это явилось только началом продуманных многоходовок, большой двойной игры со своей страной. Каждый новый шаг Владимира Владимировича все больше высвечивает его политическое лицо.

Большой удачей советской внешней политики считалась закладка на Кубе разведцентра Лурдес, под Гаваной. Через него наша страна получала до 70 процентов стратегической развединформации о США — там было установлено новейшее электронное оборудование и работало около тысячи профессионалов 6-го управления ГРУ. Круглосуточный перехват радио- и телефонных переговоров на территории Соединенных Штатов, запись и анализ информации с американских спутников связи, слежка за стратегическими ядерными силами и своевременное обнаружение превентивной атаки меж-

континентальных баллистических ракет по их стартовым факелам — вот неполный перечень занятий разведцентра.

Американцы обложили нас новейшими РЛС — на Аляске, в Гренландии, Англии, Литве, Эстонии, Латвии. А мы свою станцию под Красноярском взорвали, другие отдали Украине, Азербайджану, Казахстану, Прибалтике. Стали глухими тетерями и слепыми котятами. Единственной «замочной скважиной», через которую можно было подсмотреть за тем, что замышляют ковбои, — оставался Лурдес. Даже пофигист Ельцин не поддался давлению США и не ликвидировал разведцентр, а выделил 100 миллионов долларов на модернизацию оборудования.

В декабре двухтысячного только что отинаугурированный Владимир Владимирович прибыл на Кубу. Заглянул в разведцентр. Под аплодисменты грушников погрозил в своей манере: да я им, да мы их! И заверил, что из Лурдеса Россия не уйдет.

Он привез с собой на Кубу олигархов, обшаривших к тому времени все сусеки в своей стране. Они знали, что Фидель Кастро должен нам около 20 миллиардов долларов, и желали бы примазаться к этим деньгам. Путина олигархи держали за лоббиста. Глава «ИНТЕРРОСА» Владимир Потанин хотел стать владельцем никилевого комбината. Но все никилевые и медные рудники с заводами, созданными, между прочим, при помощи СССР, Кастро уже отдал в долгосрочную концессию Китаю. Нефтяные олигархи нацелились на месторождения в Мексиканском заливе, однако там уже обосновались испанцы. Непруха, одним словом. А зачем Куба российскому олигархату, если с нее не соберешь приличного урожая баксов!

Летом 2001 года гостивший в Словении президент Всея Мира Джорж Буш пригласил Владимира Владимировича прошвырнуться в Любляну: говорил о Лурдесе. Выразил недовольство затяжкой с ликвидацией шпионского пункта. А для бывшего службиста из КГБ достаточно даже намека начальства. И разведцентр в Лурдесе был закрыт — Буш публично хвалил Путина за дружеское решение.

Правда, эти сюжеты наше телевидение не показывало. Кремль шепотом объяснил, что платить ежегодно по 200 миллионов долларов за аренду Лурдеса страна не намерена: надо беречь народные деньги. Надо! А разве нельзя было увязать судьбу разведцентра хотя бы с частью кубинских долгов России? Вот и коллекционеру яхт и зарубежных футбольных клубов Роману Абрамовичу Кремль деньги нашел — выкупил у него через «Газпром» за 13 миллиардов долларов «Сибнефть», задарма отданную олигарху Борисом Ельциным.

Да и не такой уж и скряга вождь единороссов, чтобы дрожать над каждой копейкой налогоплательщиков. Он напрощал долгов различным государствам, где властвуют проводники американской политики, на целых 40 миллиардов, в том числе Ираку — 8 и Афганистану — 11 миллиардов. Соединенные Штаты бомбят города не согласных становиться марионетками и отдавать нефть, мы должны оплачивать их восстановление. Средств на это янки тратить не желают. Директор Всемирного банка по России Кристалина Георгиева так и объяснила нашей озадаченной публике: «Если иракская проблема не будет быстро решена, это отразится на экономике США, а проблемы США станут проблемами всей глобальной экономики». Сказано откровенно, без кремлевских ужимок.

Мы остались без глаз и ушей. Но до сохранения ли Лурдеса президенту России, когда надо срочно выручать погрязшие в милитаризме Соединенные Штаты, а с ними Всепланетную Олигархию. Путин с первых минут своего президентства перенял диктаторские замашки Ельцина распоряжаться капиталами России с редким самоуправством. Нам пора уже браться за составление реестра потерь от деятельности чиновников высшего уровня и готовить им счета к оплате. Личных денег для возмещения потерь у них, по разным источникам, вполне достаточно.

Раздражало американских гегемонистов и наличие у России удобного стратегического объекта — военно-морской базы Камрань. По эффективности это, наверно, не Лурдес, но российская группировка, надежно укрытая в Южном Вьетнаме, подрывала на Тихоокеанском театре монополию США с их базами на Филиппинах и Окинаве.

В шестидесятых Камрань занимали американцы, оттуда вели бомбардировочные налеты на мирные города, потом, в 75-м, под напором вьетнамцев и оружия СССР убрались восвояси. Восток любит торг, у него нет друзей, а есть только выгода. Ханой маневрировал между Москвой и Пекином — кто больше отвалит за Камрань, пока в 79-м Китай не начал против Вьетнама полномасштабную войну. СССР опять помогал «героическому народу», за что получил Камрань в бесплатную аренду на 25 лет — до 2004 года. А дальше? Дальше, как принято всюду, — новый переговорный процесс.

В Камрань Советский Союз вложил немалые средства. На века. Построил семь причалов для 15-й эскадры Тихоокеанского флота, два аэродрома для стратегических бомбардировщиков-ракетоносцев с крылатыми ракетами (Ту-95) и противолодочных самолетов (Ту-142), станцию электронно-

го слежения за окрестными морями, разместил эскадрилью МиГ-25, заложил ремонтные и заправочные базы — ну и многое другое. Группировка плотно контролировала Юго-Восточную Азию и стратегические проходы из Тихого океана в Индийский — в Персидский залив.

За ельцинское десятилетие техническая база Камрани пообветшала, как обветшал весь наш флот. А обстановка в мире вновь поднимала значение военного кулака в глубоководном заливе Кэм Ран Бэй. США, поматросив и бросив Россию, стали показывать волчьи клыки: вышли из договора по ПРО, наращивали силы в Европе и Азии.

Вьетнамское руководство считало, что для России в этом регионе опять наступал момент истины, и к первому приезду Путина в Ханой в 2001 году готовило предложения по будущей судьбе Камрани. Восток действительно любит торг: хозяева намекали, что янки предложили им за базу большие деньги, но пусть даже за меньшую сумму в стране остаются и дальше — с 2005 года российские моряки. Были у Ханоя и другие домашние заготовки: в оплату за базу русские отдадут Вьетнаму два-три причала под гражданские корабли или создадут еще одно совместное предприятие, подобное «Вьетсовпетро».

В первый приезд Путина во Вьетнам его встречали по одежке как лидера большой страны, а уже во время второго смотрели на Владимира Владимировича, по восточным понятиям, как на заурядного предпринимателя. Умный Восток отличать научился: какой кормчий личность, а какой — только функция. В данном случае функция олигархата.

Путин таскал за собой целый кагал — олигархов, чиновников, прочих бездельников. Свите хотелось взглянуть на живого динозавра российской экономики — совместное предприятие «Вьетсовпетро». Взглянуть — и умертвить.

На это чудо из далекого прошлого желал посмотреть и сам президент. Что он и сделал.

«Вьетсовпетро» как акционерное СП на паритетных началах было создано в 1981 году госструктурами СССР и Вьетнама. И продолжало добывать небольшое количество нефти на шельфе по законам китайского социализма юго-восточной страны. Вьетнамцы не дали Чубайсу забраться приватизационными сапогами в преуспевающее СП: есть межправительственное соглашение до декабря 2010 года, есть утвержденные правила — по ним и работаем. Срок истечет — тогда приходите с новыми предложениями.

Социализм, говорил Ленин, это учет и контроль. Ельцинизм — ни учета, ни контроля: сплошное бесчинство власти.

Две системы с помощью «Вьетсовпетро» наглядно демонстрировали народу свои качества. Маленькое российско-вьетнамское предприятие давало в бюджет нашей страны дохода с прибылей больше, чем вся остальная федеральная собственность, вместе взятая, включая такие гиганты, как «Газпром», «Роснефть», РАО «ЕЭС России», Сбербанк, Аэрофлот и Международные авиалинии.

За счет одной такой СП-невелички можно было арендовать по новым условиям две Камрани. А все потому, что воровать социалисты не позволяли. «Вьетсовпетро» высветило масштабы присвоения прибылей российскими чиновниками-олигархами — десятки миллиардов долларов. Для нуворишей в Кремле и правительстве организационно-правовая форма СП была разоблачительной. Они боролись за ее изменение. И удача не обошла их: после истечения срока договора ЧСП «Вьетсовпетро» превратится в закрытое от глаз контролеров Общество с ограниченной ответственностью.

Во вторую поездку в Ханой Путин захватил своего старого приятеля Петра Авена. Президент Альфа-банка решил приватизировать вьетнамскую собственность в телекоммуникационной сфере и опутать Юго-Восточную Азию сетью своих ростовщических пунктов. Толкачом, как я рассказывал в предыдущей главе, выступал Владимир Владимирович: вопрос российская сторона включила даже в повестку переговоров руководителей государств.

Проталкивая бизнес Авена, приходилось, видимо, делать уступки на других направлениях? Каких? Об этом можно судить по результатам двух визитов. Довольный Авен сообщал журналистам, что его участие в поездке с президентом было продиктовано интересами «Альфы» к банковскому и телекоммуникационному рынкам Вьетнама. Деловой человек. А чьими интересами были продиктованы поездки самого Путина? Здесь Кремлю не отмахнуться привычными пиаровскими «ля-ля, тополя». Как говорится, выкладывайте, господа переговорщики, сухой остаток на стол! А он такой: в 2002 году Россия досрочно ушла из Камрани и Путин простил богатеющему Вьетнаму долг в 9 миллиардов долларов.

По закону сохранения бабок, если у государства убыло, значит в чьих-то карманах прибыло. Будущим разыскникам исчезнувших капиталов страны надлежит взять Юго-Восточную Азию на заметку.

А какие мотивы или чья воля двигали Путиным, когда он отдавал распоряжение о снятии с боевого дежурства последнюю дивизию БЖРК с грозными ракетами «Скальпель»? Про-

шло больше года, как США демонстративно вышли из договора ПРО-72, как, не торопясь, начали перебрасывать половину семидесятитысячной группировки из Германии на базы НАТО по периметру западных российских границ, оснащать их крылатыми ракетами, увеличили производство высокоточного оружия нападения, а президент РФ как ни в чем не бывало убирает важный элемент безопасности своей страны, сдерживающий агрессора. Снова «дружеское решение» в пользу ненасытных гегемонистов?

4

Как ни крути, а бывшие азиатские республики СССР оглядывались по старой привычке на Москву. Им недоставало финансов, американцы лезли с предложениями за небольшие деньги обосноваться на их территориях со своими базами, но местные власти ждали, как поведет себя Кремль. Со времен прапрадедов это зона жизненных интересов России, куда она вложила сотни миллиардов долларов. А дай американцам палец — откусят по локоть. И начнут с удобных плацдармов давить на Россию. Не сбрендили же в Кремле окончательно, чтобы не понимать этого.

И вдруг после 11 сентября 2001 года Путин стал лично обзванивать глав центральноазиатских государств и рекомендовать им размещать базы НАТО на своих территориях (об этом признался тогдашний министр обороны Сергей Иванов в ходе поездки по США. — «Независимая газета», 09.04.04 г.). Не иначе, как по указанию начальства из Вашингтона? От себя Иванов заявил: временное размещение американских и натовских баз на пространствах Содружества отвечает интересам России. Любят питерские в Кремле и около Кремля подавать свои интересы как интересы страны. И пускать пыль в глаза тоже любят: слышали же хоть краем уха, что понятие «временное» американцы воспринимают как «вечное», это могут подтвердить жители Окинавы, Филиппин, многих латиноамериканских и европейских государств, где и сегодня расположены базы США, размещенные «временно» в 1945 году.

По стратегии своей национальной безопасности на XXI век, утвержденной еще в 1998 году, американцы оставляют за собой право применять военную силу против стран, развитие которых не будет удовлетворять Соединенные Штаты. И с этой целью Америка создает эффективные рычаги воздействия (читай: широкую сеть военных баз) на государства и группы государств, потенциально способных бросить вызов США. Две «особенно неприятные» страны по замыслам янки,

должны быть крепко опутаны военными базами — Китай и Иран. Для запугивания слабонервного Запада был придуман жуткий Бармалей — мифическая Аль-Каида, и дело пошло.

Оккупация Ирака и Афганистана — в рамках этой стратегии. И звонки Путина руководителям центральноазиатских государств — тоже. После откровенного лоббирования российским президентом интересов НАТО военные базы США появились в таджикских Душанбе и Кулябе, узбекских Ханабаде и Кокайды, киргизском Манасе и других местах. В Казахстане американцы построили казармы для военного контингента в Атырау и намечают развернуть базы в Шимкенте и Алматы. Военные США размещены в Азербайджане, на очереди Туркмения.

Элита «южного подбрюшья» России стала воспринимать некогда сильного и щедрого северного соседа как мальчика на побегушках у США. И начала переводить свои страны на двусторонний формат отношений с НАТО, в обход региональных структур, вымученных Кремлем, — ОДКБ и ШОС. Зачем возиться с прислужником, когда лучше иметь дело с самим хозяином. И вот уже замаячила антимосковская суть такого сотрудничества. В бывшей союзной республике, например, где треть населения — русские, теперь «основным геополитическим основанием партнерства Казахстана и НАТО является противовес попыткам геополитического (потенциально военного) давления со стороны России и Китая».

Припадки неврастении Америки вокруг иранской угрозы миру такая же бодяга, как давние страшилки Вашингтона про ядерное оружие Ирака, которого, естественно, не оказалось. Зато был притянут за уши повод для вторжения в богатую нефтью страну.

Янки не могут не блефовать, потому что по той же их стратегии на XXI век Каспийский регион уже объявлен зоной жизненно важных интересов США и включен в боевые планы и пространства оперативной ответственности американских вооруженных сил.

У Вашингтона губа не дура. По оценкам экспертов ОПЕК, потенциальные ресурсы нефти в прикаспийской зоне составляют 23 миллиарда тонн, а газа — около 7 триллионов кубометров. Расшвырять всех и стать полновластными хозяевами этого региона — вот цель США. Они уже начали милитаризацию бассейна, организовав патрулирование моря в рамках программы «Инициатива по охране Каспия», их компания «Шеврон» получила на 40 лет одно из крупнейших месторо-

ждений, а геологи НАТО, как у себя дома, ковыряют землю на предмет новых находок.

Россия не дергается. Она, считают янки, у них давно в кармане: кремлевское руководство плевало на будущее своей страны — его личное будущее не связано с ее интересами. А уж коли ядерная Россия носится с белым флагом, что остается делать слабым в военном отношении Казахстану, Азербайджану и Туркмении. Они вынуждены пристраиваться к наглым, но сильным гегемонистам.

И только Иран с 67 миллионным населением не намерен склонять знамена перед Америкой — готов постоять за Каспий, который иногда называют вторым Персидским заливом. Со времен Туркманчайского мирного договора (1828 г.) море принадлежало только России и Ирану, причем «кроме Российской державы, никакая другая держава не может иметь на Каспийском море военного флага (статья YIII). Всегда было спокойствие в этом регионе, и Тегеран стремится, чтобы оно сохранялось и дальше, чтобы заокеанские провокаторы не лезли сюда со своими запалами для поджога межэтнических конфликтов.

Поэтому Ирану гегемонисты вынесли приговор: сначала окружить его, как удавкой, кольцом военных баз, затем попытаться нанести смертельный удар. Иран — крупнейший поставщик нефти в Китай, и попутно намечается лишить набирающую мощь Поднебесную надежного источника сырья. Тегеран крайне удивлен и встревожен тем обстоятельством, что сумасшедшей Америке помогает в прошлом дружественный ему Кремль.

Взрывы в московском метро, закладки взрывчатки в питерские экспрессы и все остальное — откуда это идет? Гадаем, где центр, посылающий смерть в российские города. А может, как раз оттуда растут ноги террористических акций — финансовые, организационные? Может, отчаявшись достучаться до здравого смысла в Кремле, исламисты — противники гегемонии США провоцируют актами россиян, стараются переполнить нашу чашу терпения, чтобы народ вымел беспомощный проамериканский режим поганой метлой. Непосредственных организаторов и исполнителей терактов найти не составляет труда — ненавистников сегодняшней власти в России хоть пруд пруди.

Еще недальновиднее ведет себя Кремль, дергая за хвост китайского дракона. Не надо забывать предостерегающие слова Наполеона Бонапарта о Китае: «Пусть спит! Когда он проснется, он потрясет мир». Бнай Брит видит в Поднебесной

угрозу своему царствованию на планете, не военную — экономическую. Как видел ее когда-то в СССР. От стремительного восхождения Китая к Олимпу у американцев бегут мурашки по коже: пройдет какое-то время — и лопнет пузырь США, набитый пустыми долларами. А это катастрофа. И потому китайцев нужно остановить любыми способами. Повсюду янки ищут подельников.

Пролоббированные Кремлем натовские военные базы в Центральной Азии заставили Пекин сильно насторожиться. Американцы с помощью России готовят удавку Китаю? С базы в Бишкеке, например, для авиации США стали досягаемы западные районы Поднебесной. Таких вещей китайцы не прощают. Не зря же против двух российских бригад за Уралом появилась 300-тысячная группировка НОАК.

Путин понял, что переступил через опасную черту. Убоялся и как бы откупился от Китая, подарив ему два острова на Амуре, площадью 337 квадратных километров — Тарабарова и Большой Уссурийский (захотел — простил кому-то многомиллиардные долги, захотел — отдал территории, словом, повелитель Всея Руси). А дальше-то что? Неужели американцы намерены продолжать Большую игру против Китая без пособничества Кремля? Навряд ли: назвался груздем — полезай в кузов.

И вот генсек НАТО Андерс Фог Рассмуссен уже озвучивает команду гегемонистов российским властям: «необходимо создать единую систему противоракетной обороны от Ванкувера до Владивостока». Кого и от кого прикрывать на этом пространстве? США от Китая. Если американцы нанесут превентивный удар по Поднебесной, Китай ответит — у него примерно 500 ядерных зарядов. А траектория полета межконтинентальных баллистических ракет к Нью-Йорку и Вашингтону как раз должна пролегать над восточной частью России и Канадой. Вот тут-то нам и рекомендуют строить высокий забор против китайских ракет, чтобы уберечь драгоценную Америку от возмездия.

В таком случае Китай будет просто вынужден нанести первые ядерные удары по России и поломать этот забор.

Гадать не берусь, как Кремль отнесется к инициативе натовского начальства. Хотелось бы, чтобы послал его вместе с генштабом Бнай Брита ко всем чертям. Но что-то гложет сомнение. Ведь поведение наших крупных чиновников часто диктуют не интересы страны, а счета в западных банках. Эти заразы, контролеры Бнай Брита, все про всех знают, отслеживают движение капиталов. И всегда могут конфисковать у ос-

лушников в загранбанках трудами праведными заработанные копейки. Так что выбор у чиновников очень тяжелый — не позавидуешь.

Вон как крутилась путинская команда при ратификации соглашения в конце мая 2007 года о статусе натовских Сил на просторах России: и хотелось, и кололось, и мама-Родина не велела. Но Владимир Владимирович в начале июня собирался на встречу Большой восьмерки, где ему предстояло пообниматься с веселым дружком Берлускони и вести разговор с суровым распорядителем планеты Земля — президентом Соединенных Штатов. А распорядитель-хозяин требовал ни много ни мало — оформить юридически право войск НАТО свободно передвигаться по России. И узаконить их пребывание на Русской земле.

Документы о «Статусе Сил» Бнай Брита в нашей стране составляли еще при Ельцине, но они были опаснее гремучей змеи, и таскать их по инстанциям дрейфили. По сути это копии с небольшими поправками лондонского соглашения 1951 года «НАТО СОФРА» («между сторонами Североатлантического договора о статусе их Сил»), которым закреплялось право американских войск на длительное размещение в странах Европы. Согласно тому договору, «выражение «Силы» означает личный состав сухопутных, военно-морских или военно-воздушных сил одной Договаривающейся Стороны во время его пребывания на территории другой Договаривающейся Стороны».

В той же Франции, Бельгии, Италии, Дании эти «Силы» нужны были янки в революционные 50-е годы для подстраховки от сдвига Европы к левизне. Сейчас американцы подкрадываются к своим жертвам под ласковой тенью программы «Партнерство ради мира». Агрессоры всегда болтают о мире больше других.

А почему они насильничали с Кремлем? Он и так давно расслабился перед Вашингтоном и, по слухам, получает немалое удовольствие. А потому, в первую очередь, что с размещением баз в странах Содружества Россия стала позарез нужна США для транзита по ее территории вооружений к границам Ирана и Китая. (Вот отбомбятся те по нашим коммуникациям в случае военного столкновения с Америкой как по натовским союзничкам). США все и всегда делают «на взаимной основе»: они якобы тоже могут пустить наши войска на свою территорию. Кто-нибудь может в это поверить?

И второе не менее важное обстоятельство юридического оформления расквартирования у нас натовских частей — воз-

можность Бнай Брита на законных правах прийти в тяжелый момент на помощь олигархату под видом защиты стратегических ядерных объектов или спасения экосистем. Такую власть в Кремле Вашингтон обязан беречь как зеницу ока.

Путин внес соглашение «О статусе Сил» на ратификацию в Думу. А там уж постарались не подкачать. В грызловской Думе подолгу лежат нетронутыми необходимые стране законопроекты, но она готова разбиться в лепешку, чтобы любая вредоносная инициатива Владимира Владимировича влетала, как пуля, в повестку дня. В авральном режиме, с нарушением регламентных норм соглашение было ратифицировано. Как раз к поездке Путина на саммит Большой восьмерки: дорого яичко к веселой гулянке на затратной для страны свиданке.

Машина НАТО вползла в Россию. Перед ней учтиво распахнула ворота кремлевская камарилья.

Можно было подумать, что грызловское племя едроссов спешило с ратификацией от избытка патриотических чувств. Ведь эпоха ельцинско-путинского правления сотворила такую стихию в России (как раз для заклятых врагов), что натовцы должны были переломать ноги на наших дорогах, передохнуть от поддельных лекарств и продуктов, перемерзнуть в трущобах из-за зверских тарифов на газ и электроэнергию, не заводить моторы из-за бешеных цен на горючее.

Но нет, депутаты услужливо оградили гостей-хозяев от испытаний, ниспосланных нашим гражданам властью, и, например, записали в законе о ратификации, что допускается «ввод на таможенную территорию Российской Федерации нефтепродуктов, предназначенных для использования в процессе эксплуатации служебных транспортных средств, летательных аппаратов и судов, принадлежащих Силам или гражданскому компоненту, с освобождением от уплаты таможенных пошлин и налогов».

Военнослужащих НАТО «Соглашение» освободило также от паспортно-визового контроля при въезде и выезде через границу РФ и от таможенных проверок. А янки еще те контрабандисты и торгаши! Известно, что участники «контртеррористической операции» в Афганистане вовсю крышуют производителей героина. За определенные доли. С приходом американцев в эту страну его ежегодное производство выросло в 40 раз — до 17 тысяч тонн. (Ежегодно же, по данным ООН, от афганского героина умирает 100 тысяч человек). Без таможенного контроля через Таджикистан военные НАТО наладили каналы поставок героина и в Россию. А у нас и без того уже пять миллионов наркоманов. На окраинах городов централь-

ных областей появились так называемые молодежные кладбища. Даже в Сибири имеются села, где сто процентов молодежи — наркоманы.

Прямо-таки стелется кремлевская власть перед натовским солдафоном: и под божницу его сажает в красном углу, и рассольчик подает на похмелье утрами в постельку. Но хам-солдафон не ведает благодарности: больше тридцати лет не хочет отменить дискриминационную торговую поправку Джексона-Вэника, а когда Израиль решил продать Москве пять систем беспилотной авиации Bird Eye, так Пентагон врезал ему по рукам: не сметь оснащать современной техникой кремлевских туземцев! Становится даже обидно за нецарское отношение к нашим уступчивым вождям со стороны сиволапых ковбоев. И стыдно за себя, соотечественника этих вождей.

5

Такое впечатление, будто нация махнула рукой на свою страну. Каждый год в России пропадает без вести до 50 тысяч человек — а нам до лампочки. Истребляются леса, олигархи травят ядами реки, вырубаются заповедные реликтовые рощи под дворцы нуворишей — а нам до фени. Вновь по приказу путинского правительства потекло в Байкал дерьмо с ЦБК — а нам плевать. В стране, щедрой ресурсами, минимальный размер оплаты труда в 15 раз меньше, чем в таких небогатых государствах, как Бельгия и Ирландия, — не задевает, перебьемся. В России полтора миллиона чиновников — втрое больше, чем в СССР, они не служат людям, а давят их откатами, поборами, взятками — но нас не колышет...

Кто-то там наверху колобродит, хапает, выпускает кровь из России, сдает ее супостатам за тридцать сребреников, а народ сопит тихо в две дырки, словно не ему здесь жить, плодить детей и внуков, ухаживать за могилами предков. Кремлевскую власть это лишь раззадоривает, она заходит все дальше и дальше.

Цугом тянут Россию к обрыву — президент Медведев, премьер Путин, парламент. Дмитрий Анатольевич старательно тянет с новыми силами, но опытные ветераны в упряжке все же наступают ему на пятки.

Кремль с компаньонами отказался использовать благоприятную мировую конъюнктуру и диверсифицировать экономику. Не в его это планах. Народный капитал он отправляет заложником в США, как русские князья в XIII веке, утвержденные Великим ханом Золотой Орды, отдавали ему сыновей в качестве гарантии своей вассальной верности. Продолжается со-

циальная деградация и примитивизация экономики, ее нефтегазовый крен растет угрожающе. В период кризиса 2009 года финансовую помощь государства получали в основном ростовщики и олигархи, ориентированные на Запад.

Уничтожается все, что хоть как-то обеспечивало независимость нашей страны.

Помнится, еще при Гайдаре на заседании президиума правительства один из ультралибералов-министров предложил приватизировать Воткинский завод. Мол, ракет у нас предостаточно, и надо освобождать уникальные мощности. Вел заседание Ельцин, еще тот, наполовину советский. Он, сморщившись, посмотрел на министра, как на мокрицу, и произнес:

— Да нас расстреляют за это. И правильно сделают.

Тогда у него это вырвалось непроизвольно, как отрыжка здравого смысла, — потом-то он прошелся по ВПК огнем и мечом. Но даже Борис Николаевич кое-чего сторонился, понимал, что есть у государства такие точки опоры, сдвигать которые категорически запрещено — придавит тебя самого. На них надо бы нарисовать для недорослей-политиков черепа с костями крест-накрест, как на трансформаторных будках, и написать: «Не трогай. Убьет!».

Но дотянулись-таки до них руки Медведева с Путиным. Указом № 526 от 11 мая 2009 года президент исключил из перечня стратегических девять предприятий: среди них Московский институт теплотехники, где разрабатывалось ядерное оружие, а также Воткинский завод (Удмуртия) и объединение «Баррикады» (Волгоград), которые это оружие производили.

Не успела страна ахнуть, как в середине июня распоряжением 824-р за подписью Путина все девять стратегических объектов пустили в приватизацию. Какая удивительная синхронность у нашего тандема!

Что ждет Воткинский завод, догадаться можно по уже определившейся судьбе объединения «Баррикады». Два эти предприятия были связаны: если пусковую установку ракеты «Точка У» проектировали и производили в Волгограде, то саму ракету — в Удмуртии. На неповторимом оборудовании Воткинский завод выпускал «Сатану» и «Булаву». На «Баррикадах» тоже уникальное оборудование — на нем делали ракеты «Искандер-М», «Тополь-М», «Пионер», «Ока», корабельно-зенитные ракетные комплексы. И вот это оборудование вместе с цехами и остальными зданиями пустили с молотка.

Операция проводилась по тысячу раз проверенной схеме: у государственного стратегического предприятия, выполнявшего заказы правительства, почему-то не нашлось денег в

кризисную пору на уплату налога (своему приятелю банкиру Петру Авену Путин миллиарды наскреб из бюджета, а «Баррикадам», естественно, ничего не досталось), и его посчитали банкротом. Купило завод со всеми потрохами за мизерные 978 миллионов рублей ЗАО «Русспецсталь» с уставным капиталом три миллиона рублей. А ЗАО слито с фирмой «Промимпекс». А фирма записана за «Рособоронэкспортом». А «Рособоронэкспорт» принадлежит «Ростехнологиям». А «Ростехнологиями» командует другой приятель Путина, знакомый еще по совместным походам в пивные Дрездена, Сергей Чемезов. Тоже прикомандирован к «Единой России» в качестве довеска к вождю. Надо быть опытным следопытом, чтобы распутывать выкрутасы таких мастеров камуфляжа, занесенных во власть с андроповских закоулков.

Новые хозяева «Баррикад» уже прикидывают: эти толстые стальные листы, предназначенные для ракет, пойдут на нефтехранилища, эти — на трубы, а на оборудовании можно что-то лепить для «Газпрома». Все для сырьевого фронта! Все для победы нефтегазовой олигархии!

Нефтепроводы, газопроводы — в Европу, Японию, на Балканы. Вместо перерабатывающих заводов с каждым годом новые трассы: без анализа их целесообразности, эффективности. «Вождям так желается» — вот аргумент. Скорее опустошить ресурсы страны, а деньги за них отправить в Америку! Половина России топит печи углем, кизяком и дровами, а кому газ достался, готовы от него отказаться, потому что тарифы на внутреннем рынке только с 2000 по 2010 год правительство тандема взвинтило в восемь с лишним раз, подгоняя их к мировым ценам. И это в добывающей стране, где 60 процентов территории — вечная мерзлота, а большинство населения — нищие. О запредельной стоимости горючего много сказано и без меня. А что еще остается ждать от безответственной власти, если она не подотчетна народу.

(Кстати, мне приходилось встречаться с геологами — коллегами ушедшего из жизни первооткрывателя сибирской нефти и моего друга Фармана Салманова, о котором я уже говорил. Они вместе с ним исходили тайгу и тундру, превосходно знают положение дел. При тех ничтожных объемах поисково-разведочного бурения, что мы наблюдаем сегодня, и при том хищническом использовании месторождений олигархатом, когда коэффициент извлечения нефти всего 30 процентов — вместо принятых 60-65, запасы сырья в основных наших регионах — Волго-Уральском и Западно-Сибирском истощаются на глазах. По категориям А (Ц-1) и В (Ц-2) — раз-

веданные месторождения и требующие доразведки — нефти там осталось на 9 — 10 лет. Все побасенки о неисчерпаемости этих главных провинций — блеф. Может быть, потому у Путина с «Единой Россией» программы-манилки для электората заканчиваются 2020 годом? Посидеть еще десять лет на трубе, пока она теплая от пульсирующего сока земли, а там придется спрыгнуть в какую-нибудь дальнюю сторону.

Не поднимая особого шума, тандем собирается бросить 400 миллиардов рублей на поиски нефти в Восточно-Сибирской провинции. Геологи не сомневаются: бросит! И, наверное, найдет кое-что еще. Почему «еще»? Да потому что эти геологи со своими коллегами в советское время облазили Восточную Сибирь, оконтурили перспективные участки скважинами и посчитали запасы наиболее крупных групп месторождений — Талаконского, Ванкорского, Чаядинского. Найденное один из первооткрывателей охарактеризовал как «детишкам на молочишко».

Вдобавок там такие тяжелые геологические условия, что дешевле будет покупать нефть, чем тащить ее с большой глубины из-под гранитной платформы: добыча окажется рентабельной только при условии, что мировые цены за баррель не опустятся ниже 140—150 долларов. Строить при таких обстоятельствах разорительный нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан — авантюра чистейшей воды. Если, конечно, этот проект не затеян специально для распилки бюджетных миллиардов.

Разинуть бы рот на каспийскую нефть, да пустят ли туда завтра сегодняшние грехи нашей власти? Поддакивая во всем Америке, она словно бы согласилась уже с ее претензиями на регион и с тем, что Каспий, как объявили янки, является зоной жизненно важных интересов США и включен в боевые планы и пространства оперативной ответственности их вооруженных сил.

Правители, легко пускающие в распыл такие заводы, как Воткинский и «Баррикады», способны ли сказать когда-нибудь Вашингтону «нет»? Для меня ответ очевиден.

Не зря шустрят олигархи со стыренными у нации капиталами вокруг месторождений в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Слиняют туда, будут с яхт любоваться лазурной гладью морей, а России оставят загаженные земли и пустые чумазые трубы как памятник начхательства русских людей на свою судьбу и их тупого преклонения перед выскочками от власти.)

А политики США не имеют таких широких просторов для самоуправства. Шаг влево или шаг вправо от интересов страны, и прощай карьера — здравствуй, независимый прокурор! Республиканец ты или демократ, народу плевать на твои партийные взгляды, следуй общей цели — стратегии национальной безопасности на XXI век. По ней у нации с бизоньими чугунными лбами нет на планете друзей, а есть только объекты для экспансии военного кулака.

Лидеры США, республиканцы или демократы — без разницы — к очередным саммитам «восьмерки» напяливают на себя одну и ту же маску доброжелательности (приглядитесь, она засалилась), похлопывают с улыбкой по плечу наших вождей. И тем, вчерашним помощникам у помощников, посредственным ученикам негодных учителей, грудь распирает самодовольство: «Вон главы хваленого Китая в тени, а мы на одной доске с хозяином вашингтонского Белого дома. Значит, мы равные, мы великие». «Пусть ребята потешат свое самолюбие, пусть поиграют во взрослых — не долго осталось», — думают янки и знай себе готовятся к броску на восток. Мудрые лидеры Поднебесной не лезут лобызаться с фарисейством Америки, а без лишнего шума укрепляют свою страну.

И реформы армии США — под эти цели: ограждение страны частоколом ПРО, массовое производство высокоточного оружия, в том числе на деньги России. На солдат США навесили средств индивидуальной защиты, как на мулов, — приборы ночного видения, спутниковая связь, другая аппаратура. И среди них бронежилеты надежно предохраняют от поражения пулями автомата Калашникова. После «точечных ударов» по объектам противника американцам предстоит зачищать районы боевых действий от живой силы, вооруженной «калашами». На неподконтрольных США территориях это оружие у Китая и у нас.

Реформы Российской армии многим кажутся бесцельными, бестолковыми, ради процесса. Только это не так. Процесс, надо сказать, хорошо управляем, с запланированным финалом: свести на нет обороноспособность страны. Излишне нагружать читателя фактами, я и без того привел их достаточно.

Для чиновников, у которых Россия — только место охоты, а добычу они отвозят и складывают в иных широтах, считается святотатством перечить Западу. Нельзя подрубать сук, куда думаешь примоститься с уютом после удачного промысла.

Враг не там — там друзья и партнеры по бизнесу. Враг здесь: это те, кто не согласен вымирать без сопротивления. Кто воз-

мущается беспределом, кто пытается помешать превращению России в покорную колонию Бнай Брита.

Если имеется стратегия национальной безопасности у Вашингтона, почему бы не утвердить подобную Москве. Только должна она соответствовать политике Кремля и называться «стратегией безопасности олигархии».

Ее формула проста: «Разоружаясь на внешнем фронте, основательно вооружаемся на внутреннем!». И средств для этого не жалеть.

В то время, когда голодранцы-солдаты ужатой Российской армии перед современной технической упакованностью противника беззащитны, что наглядно показала грузинская военная кампания, вооруженные силы для войны с народом — ОМОН, ОДОН, СОБР, Спецназ и другие — экипированы по последним стандартам и под завязку.

У Внутренних войск МВД собственные авиационные, танковые, артиллерийские, морские части. Даже создано Разведывательное Управление ВВМВД, которое берет на карандаш «антитандемовские элементы». Правда, теракты предупреждать там, видимо, не учат.

Отдельная дивизия оперативного назначения (ОДОН), насчитывающая десять тысяч человек и нацеленная на подавление протестных выступлений в Москве, оснащена сотнями единиц бронетехники, вертолетами, артиллерией. О таких мелочах в арсеналах милицейских подразделений, как американский распылитель газов ХМ 37 или израильский суперброневик-водомет «Мактаз», прозванные поставщиками «усмирителями русских», даже говорить неудобно.

Напрасно клевещут на кремлевскую власть оппозиционеры, будто она совсем не думает о развитии отечественного производства, а посадила страну на импорт. Вот на этом фронте «импортозамещение и модернизация» идут полным ходом. Заказы в российские города из Москвы на спецтехнику против несогласных с режимом растут.

Например, почти давший дуба завод противопожарного оборудования в Варгашах Курганской области стал захлебываться от финансового потока — ему тандемократия поручила делать большую партию водометных броневиков. На базе автомобиля «Урал» для разгона массовых демонстраций приспосабливают цистерну, емкостью девять тысяч литров. Для демонстраций менее массовых ставят цистерны на КамАЗы. И для совсем никудышных акций водометы и краскометы приноравливают к «Газелям».

А сколько у нас других, кроме эмвэдэшных, вооруженных подразделений, предназначенных для защиты олигархата от населения, — с вертолетами, бронемашинами, пулеметами, гранатометами, автоматами, пистолетами! Официальная статистика в стране сродни представлениям иллюзионистов на цирковой арене. Лукавый Госкомстат, насчитывающий, между прочим, 30 тысяч штыков, подчинен Правительству РФ и выполняет функции прачечной для отбеливания его нечистой политики. С помощью путинских методик — кривых зеркал он из мухи-успеха лепит слона, а убийственные результаты крупных волюнтаристских просчетов тандема отражает, уменьшая до размеров блохи.

Но и к нейтральной цифири бывает трудно пробиться: административная реформа все так переломала, запутала в ведомствах, что точно никто не знает — сколько чего и где. Приходится этим заниматься профессионалам из независимых структур. Так вот в целом, как подсчитало агентство РиФ, по России сегодня такая картина с заслонами от покушений на кремлевский режим:

— Личный состав ФСБ, ФСО, ФПС, ФАПСИ, СВР насчитывает 2 140 000 человек;

— штатные сотрудники МВД, ФСИН, МЧС, ФМС, Минюста и прокуратуры составляют 2 539 000 человек;

— персонал частных охранных структур, секьюрити и т.п. — 1 975 000 человек.

Итого получается шесть миллионов шестьсот пятьдесят четыре тысячи качков. Какая силища! Она существует, по официальной версии, вроде бы для борьбы с криминалом, во благо рядовых граждан России. Правда, криминал об этом не предупредили, и он гуляет вовсю: страна завалена трупами. Как заявил на международной конференции «Современные технологии безопасности в России» знаток гэбистских секретов депутат Госдумы Геннадий Гудков: «Мы в год теряем больше людей, чем потерял СССР за десять лет боевых действий в Афганистане».

Между тем, в Афганистане погибло 15 тысяч советских военнослужащих. А в современной России ежегодно фиксируется до 140 тысяч криминальных смертей — считай, девять Афганистанов.

Значительная часть качков, оплачиваемая народом, не борется с криминалом, а прислуживает ему и сама по уши в криминальной грязи.

К шести с половиной миллионам силовиков надо добавить еще два миллиона «полусиловиков»: чиновников таможен, на-

логовых, санитарных инспекций, а также лицензирующих, контролирующих, регистрационных и прочих органов. Они тоже заточены Системой на репрессивные функции: и по командам власти, и по собственной инициативе.

Нелояльных к режиму они разоряют надуманными запретами и различными санкциями, а остальных бесправных давят взятками и поборами. Считается, что на взятки и подкуп должностных лиц население вынуждено тратить ежегодно около 33 миллиардов долларов.

Обществу все время обещают решительную борьбу с коррупцией: сначала Путин, затем Медведев. Но ее не будет, ее не может быть сейчас в принципе. Коррупция — не недостаток режима тандема. Она — его суть. Тандем вышел из пеленок ельцинского беззакония, вскормлен молоком коррупции и не способен жить в другой среде. Как не могут приспособиться к проточной воде существа, выросшие в болотной тине.

6

Все годы режим с корнем вырывал в системе управления необходимые стране, но неудобные для себя рычаги — общественный контроль за чиновниками, ответственность перед народом за результаты работы, приоритет высокого профессионализма при назначениях над кумовством и землячеством — и низводил государственные отношения до торгашеской одноклеточной философии «ты мне — я тебе». Подрубишь две-три опоры тандема — расползутся тенета, обрушится вся конструкция нынешней власти. Какой может быть разговор о борьбе с коррупцией!

Антисфен из Афин предупреждал: «Государства погибают тогда, когда перестают отличать дурных от хороших». Простая формула, но глубокая по значению. Россия уже прошла этот путь и двинулась дальше: хорошие для сегодняшней власти те, кто сумел обокрасть других и поделиться с чиновниками. А люди, на грабеж не готовые, люди с христианской моралью в душе, не способные паразитировать на чужом труде и несчастье, — лузеры, неудачники и заслуживают презрения. Их слишком много, их пока большинство — Системе приходится без устали крутить жернова для перемалывания в пыль этого племени.

Стало модным корить русскую нацию за индифферентность и долготерпение. И толковать ее самоубийственную нынешнюю покорность как результат родового проклятия. Мы, дескать, тавром клейменные, другими быть не можем.

При этом за скобками остается, что русский народ не однажды вставал насмерть против захватчиков и многих потерял в нескончаемой череде революций. Нет, мы такие же, как остальные народы Европы: в чем-то лучше, в чем-то хуже. (Как и вся Европа, мы во всем отличались только от американской нации. Она формировалась из эмигрантов, отторгнутых Старым Светом, — авантюристов, искателей легкой наживы, преступников и прочих отморозков. И с первых дней возвела в главную норму бытия право силы и денег. Французский историк Алексис де Токвиль, проехавший по США в 30-х годах XIX века, с ужасом писал в книге «О демократии в Америке»: «Страсть американцев к приобретению богатств превзошла обыкновенные пределы человеческой алчности». У нас русская общинность всегда придерживала стремление ненасытных к личному обогащению. Теперь Всепланетная Олигархия внедряет в России американскую мораль, ломая руками Кремля наши вековые устои. Американская мораль — агрессивное невежество и бездуховность. Это точно подметил в одной из своих статей русский философ Василий Розанов: «Суть «янки» и состоит в том, что, торжественно поставив огромный сапог из американского бизона на академический стол, он увенчал его лаврами, снятыми с голов Гомера, Данта, Шекспира, Мильтона».)

Фокус в том, что ни одна нация, даже с устоявшимися цивилизованными традициями, не застрахована от пагубных эпидемий, поражающих нравственность, если разносчиком заразы становится бесстыдная верхушка авантюристов. При определенных исторических обстоятельствах народ теряет бдительность, расслюнявливается и попадает в хитрые сети демагогов-проходимцев. Спохватывается, да поздно: вместо обещанного рая — кромешный ад. А сдать назад не получается: авантюристы уже обезопасили свою власть, окружив частоколом из миллионов штыков, и начали превращать людей в безмозглых скотов.

Культурную немецкую нацию, давшую миру Канта, Гегеля, Шиллера, Гете и еще целую плеяду гениев, гитлеризм всего за несколько лет превратил в скопище варваров. Не фюрер с больной рукой, не хромой Геббельс, а миллионы немцев-здоровяков вешали и расстреливали людей, уничтожали в газовых камерах, сжигали или закапывали живьем. И при этом охотно фотографировались с победной улыбкой на фоне трупов стариков и детей.

Великая Италия Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело под фашистским сапогом Муссолини скатилась до уров-

ня подручных палачей из вермахта. А благородную Испанию Эль Греко, Веласкеса, Гойи, Сервантеса франкизм сделал страной доносчиков, стукачей и братоубийц.

Каждый из этих народов выбирался из кошмара по-своему, но все с колоссальными потерями и серьезными последствиями для будущих поколений. Многое в итоге зависело от внутренней энергии, сохранившейся в нации после крушения.

Везде — в Германии, Италии, Испании — перевод граждан из человеческого состояния в состояние животного осуществлялся по одной схеме: через унижение бедностью и произволом. И в России ельцинизм-путинизм использует те же рецепты. Они, такие рецепты, для всех народов и во все времена.

Это неправда, как некоторые считают, что Путин с Медведевым не понимают, какая политика ведется ими в отношении русской нации. (В понятие «русская нация» включаю не один русский этнос, а и другие народы, составляющие Российское государство, — нет теперь в документах графы «национальность».) Дескать, ребята думают прежде всего о шкурных своих интересах, о благополучии корешей и не догадываются, чем это кончится. Думаю, все они понимают.

На это указывают их последовательные, просчитанные шаги по обездоливанию населения, сопровождаемые постоянным циничным враньем для прикрытия истинных целей. На это же указывает бессменность команды тандема, состоящей из весьма специфических чиновников, типа Чубайсов, Кудриных, Кириенков, Христенков, Грызловых, Зурабовых и прочих Сурковых с Дворковичами. (Кстати, Сурков выходец из «Альфа-банка» Петра Авена — путинского фаворита, Дворковича же управляться с русским народом натаскивали янки в университете Дьюка, что в Северной Каролине.)

А политика, в общем-то, прозрачная. Богатства России — наследство Советского Союза — догрызает кремлевская мафия с близкими олигархами, капиталы текут за рубеж, а страна должна оставаться бедной и не выползать из режима тяжелого выживания, куда ее спихнул ельцинизм. Открыть человеку свое конкурентоспособное производство в России — дело почти безнадежное: целенаправленно высокие налоги, целенаправленно высокие тарифы, целенаправленно высокие арендные ставки, а также поощряемые властью рэкет, поборы. Опять-таки целенаправленно режим стимулирует плутовство ростовщиков, почему-то именуемых у нас коммерческими банками и паразитирующих на марже с дешевых западных кредитов, — для них вложение капиталов в развитие производства что зайцу курево. Нуворишам-работодателям тандем

с карманным парламентом целенаправленно дозволяют оплачивать наемный труд в ничтожных размерах — людей принуждают идти на помойку, в бомжи, спиваться от безысходности. Или — грабить других.

Все население выстраивают в очередь за милостью к власти: рядом с просьбами позволить выжить (по уровню жизни Россия занимает 71-е место в мире) — просьбы не отнимать полученное честным трудом. И все, не встроенные в коррумпированные схемы «ты мне — я тебе» и оттого уже определившиеся или потенциальные недруги режима, — интеллигенты, военные, ученые, производители товаров, рабочие, крестьяне — обязаны свыкнуться с ролью маленьких ничтожных человечков.

Они составляют ядро нации, поэтому должны быть морально раздавлены. Ломка личностей — обязанность тех самых шести с половиной миллионов силовиков, плюс двух миллионов «подсиловиков», а коли надо, то и других отрядов чиновников.

Унижением бедностью и произволом проводится естественный отбор в нации. По одну сторону «холуйствующее бездумье» — это «наши» для тандема. За прогорклую корку хлеба они готовы льститься к любым проходимцам от власти. По другую сторону — здравомыслие, люди с гражданским достоинством. Это «не наши». Они носятся с высокими целями спасения Родины, возрождения социального государства, потому не хотят становиться бессловесными винтиками чуждого им режима.

В стране-паразите, живущей продажей сырья и пошлинами от всеохватывающего импорта, Системе не нужны люди с созидательными началами, тем более ершистые, неуступчивые. Они «не наши». Они — избыточное население России, поскольку нет им места в спекулятивно-сырьевой экономике.

Почему с каждым годом тандем делает медицинскую помощь в России все более недоступной? Почему, разрывая в телеобещаниях тельняшку на загорелой груди, тем не менее не сдерживает скачкообразный рост цен на лекарства и опасные потоки снадобий-подделок? Да потому что здоровье должно быть не по карману «избыточному населению». От невостребованности и ее социальных и медицинских последствий оно убывает со скоростью, заданной механиками Бнай Брита. Если убойной силы поддельных лекарств недостаточно, им помогут косить «лишний народ» фальсифицированные продукты питания в магазинах. С февраля 2010 года тандем отменил обязательную сертификацию пищевой продукции.

Для активных «не наших» — вдвойне — втройне невыносимые условия. Разорение бизнеса, ограничения при устройстве на высокооплачиваемую работу — набор подлых средств у режима большой. Им нельзя давать объединяться — этой команде следует любой регистрирующий орган — наиболее авторитетных из них убирают с дороги, не церемонясь.

«Наши» быстро приспосабливаются к новым условиям. Правда, каждый из них подозревает, что другой приспособился лучше его, и за это ненавидит другого. Зависть и взаимное недоверие, страх и сплошное мошенничество становятся нормой жизни. И все это в одном флаконе с озверением общества.

Приспособиться, выжить — не цели для нации. Других задач с этим режимом русский народ перед собой поставить не может. А без цели политическая нация деградирует, исчезает (советская нация ставила целью устранить национальную рознь, создать бесклассовое, высокообразованное культурное общество, в чем преуспело и чем, в частности, вызвала решительные действия Всепланетной Олигархии против страны).

Пережидая ненастье в безветренных закутках, мы тихо умираем, как великая нация. Это тоже цель, но не наша. Это установка современной Золотой Орды — Бнай Брита, выполняемая его вассалами.

В результате их политики, с помощью «наших», русские должны пройти через очередной шок и в конце концов осознать себя малым народом. Нас приучают стыдиться того, что Россия «захапала» для себя громадные территории, напичканные ресурсами. Надо восстановить справедливость — поделиться с ханствами Золотой Орды. Русских, с одобрения прозападных толкователей истории из Кремля, принуждают постоянно каяться в чужих грехах и брать на себя вину за все войны, катастрофы, расстрелы и чуть ли не за Всемирный потоп и гибель динозавров на планете.

Никогда раньше не тратила Россия на пропагандистскую машину такие колоссальные средства — больше двух миллиардов долларов ежегодно. Нет денег на детсады, больницы, рушатся ветхие школы, но все есть для пропагандистского мастодонта — его режим кормит от пуза.

В телекомпаниях сидят только «наши», в печатных СМИ, подконтрольных олигархату, — тоже: своими болезнетворными программами и публикациями они помогают власти лепить из подрастающего поколения «холопствующее бездумье». Воспевание насилия и моральной развязности, возведение в кумиры бездарей с мохнатыми лапами или богачей,

обокравших народ, и ерничание над бескорыстием патриотов — все это подсказки для дезориентированной молодежи «делать жизнь с кого». А параллельно тяжелый каток путинизма ползет на школу — идет ее коммерциализация, обрушается качество среднего образования. Цель школьных реформ тоже просвечивает: убить в подростке творческие начала и превратить его в механическую куклу.

Все указывает на продуманность Кремлем комплексных мер по подготовке живых роботов для обслуживания сырьевого придатка Всепланетной Олигархии.

Чем дальше в лес, тем больше народ понимает, что нацию эти вожди ведут, кажись, в непролазную топь.

Даже среди стран СНГ Россия сегодня в числе худших по экономическим показателям. Три триллиона рублей, выделенных из бюджета на антикризисные меры, Путин с Медведевым рассовали по дружкам-приятелям (средства тут же уползли за рубеж), раздарили ростовщикам, а недобитые Ельциным обрабатывающая промышленность, электронная и другие, где средоточие инноваций, остались без помощи государства и рухнули основательно. Их додушит повышение Единого социального налога, замысленное правительством. Ученые, изобретатели для режима тоже «не наши». Им отведены маргинальные зоны. По сравнению с советским временем поток инноваций упал в 15 раз. Сегодня только одна фирма «Панасоник» регистрирует патентов на изобретения в четыре раза больше, чем вся Россия. По объему производства комбайнов наша страна вернулась в 1933 год, тракторов — в 1931-й, вагонов — в 1910-й, тканей и обуви — в 1900 год ...

Вопросы к тандему толпятся обманутыми дольщиками у закрытых дверей прощелыги-застройщика.

Поэтому пропагандистский мастодонт должен устраивать нарастающий победный грохот и заглушать голоса сомнения в правильности курса Кремля. Российское телевидение неустанно громоздит светлый образ тандема, возвеличивая каждый его шаг. С телеэкранов от любого телодвижения или слова Путина и Медведева должно веять мудростью, заботой о благе народа, да что там преуменьшать — даже святостью.

Опять-таки никогда еще на моей памяти (за полвека наблюдений!) не пиарились первые лица государства так навязчиво и так показушно, как это делают Дмитрий Анатольевич с Владимиром Владимировичем. Премьер вызывает к себе министра — обычный рабочий момент. Для этого и существует глава правительства, чтобы постоянно общаться с его членами и разбираться в общем хозяйстве: без рекламы и глазею-

щей публики. Но нет, тащат на рандеву телекамеры — сюжет-побрякушка идет в эфир. Событие! Народ должен видеть: вождь едроссов работает, пашет, как раб на галерах. Народ и видит: была это не деловая встреча, а мелкотравчатая пиар-акция. Значит, общение премьера с членами кабинета — явление чрезвычайно редкое.

Или губернатор попал на прием к президенту. Снова камеры, снова имиджмейкеры рассовывают сюжет-пустышку по всем каналам. Событие! И снова у телезрителя вопрос: связь у хозяина Кремля с регионами — тоже сродни происшествию?

Догорбачевские генсеки в Советском Союзе ежедневно обзванивали обкомы поочередно, справлялись у секретарей: как обстоят дела, нужна ли помощь Москвы. И, приезжая в столицу, секретари свободно шли к руководителю государства решать проблемы своих регионов.

Все проходило без помпы, без телевизионной толчеи. Народу дела нет до того, какие приятные слова кто кому говорит в Кремле, — интересуют его результаты. Руководители СССР это знали и не устраивали шапито из своих кабинетов. Но если результаты не получаются, остается бросать всю мощь вертикали на пиар-акции.

Физиономия режима Кремля вроде та же, авторитарная по существу, а вот манеры его властвования и цели совершенно разные — противоположные. Продуктивная созидательная работа любит тишину. Видимость этой работы, балабонство, а тем более надувательство не могут обходиться без пиара и балагана.

При той власти, например, в начале 80-х без всякого ажиотажа был создан многоцелевой истребитель Су-27 для своих ВВС. Его модифицировали, увеличив дальность полета, добавив также электроники, и назвали Су-35. По наследству он достался новой власти, в единичных экземплярах. А что наш режим делает со всем наследством, думаю, рассказывать не надо: крадучись выносит из дома и продает. Так спускает добро мот-вертопрах, оставленное ему дедушкой с бабушкой.

Су-35 еще при Ельцине выставили на тендер в Дубае. Объединенным Арабским Эмиратам машина очень понравилась (все-таки сделано в СССР) — маневренная, скоростная, находчивая в бою. Но арабы предпочли французский «Мираж», хотя Су-35 лучше и дешевле.

Потом с этим самолетом бродила по планете команда Путина. В течение десятилетия, отвлекаясь на время от распилки ракет, разгрома офицерского корпуса и братания с НАТОвцами, выставляла его на тендерах в Малайзии, Южной Корее,

Бразилии... Хотела толкнуть Су-35 хоть черту лысому, но никто не брал. Почему? Объяснили: покупатель предпочитает те самолеты, которые приняты на вооружение в стране-продавце. Как говорится, что ем сам, тем и угощаю — не опасайтесь! А ВВС России такими самолетами не располагали: основной парк — Су-24, выпуска середины 70-х годов.

И вот в конце февраля 2008 года, накануне президентских выборов, в подмосковный Жуковский приезжают хозяин Кремля Владимир Путин и кандидат на его место Дмитрий Медведев. С ними, естественно, армия «наших» создателей светлого образа питерской спарки, телекамеры, микрофоны. Президент с кандидатом ходят вокруг других машин и особо тщательно осматривают старичка Су-35. Разговоры на камеры: это суперсамолет будущего, неосуществимая мечта конкурентов, оснастим двумя десятками таких вооруженные силы России. И вообще развитие авиации надо считать общенациональной задачей.

Понятно, что это только слова. Надо-то надо, однако за время правления Путина при золотом дожде нефтедолларов из 1200 самолетов на всю страну осталось 650. Третья часть из них не может подняться в воздух. А у тех, что поднимается, от старости и усталости металла случаются в небе разрушения киля и других узлов. Ясно, что тогда происходит с пилотами.

Не для покаяния же приехала пара весельчаков на летное поле в сопровождении табора «наших». Через телевидение подается сигнал потенциальным покупателям СУ-35: самолет будет принят на вооружение. А тупеющему электорату тоже разводка-сигнал: Медведев еще не стал президентом, а печется о безопасности Родины. Блин, какая находка для страны!

Я смотрел сюжеты об этом представлении и вспомнил казахскую поговорку:

Гонят одну овцу, а свистят на всю степь.

Вообще богатое наследство Советского Союза выступает как ангел-хранитель режима олигархата. Не будь его, кремлевскую камарилью давно бы ждал крах со всеми вытекающими последствиями. Но задел, созданный предыдущими поколениями (разведанные ресурсы, нефте- и газопроводы, запасы урана, вооружений, инфраструктура, заводы, электростанции, сданные «под ключ» научные разработки и т.д.) настолько велик, что до сих пор позволяет власти держаться на плаву, имитировать, паразитируя, бурную деятельность и даже возвещать о якобы своих успехах.

Тут тандем просто караулит моменты, стараясь использовать любое лыко в строку и всласть попиариться. Касается ли

это запуска почти завершенных когда-то крупных проектов или удачной мировой конъюнктуры цен на припасенное укокошенной державой добро для потомков — все на саморекламу. Муха на спине взмыленного вола: «Мы пахали!» Даже в демографическую трагедию тандем умудряется подмешивать пиаровскую бурду.

Людоедская Великая Отечественная заставила страну жить по демографическим циклам. Послевоенный взлет рождаемости дал массу новых рожениц только через два десятилетия. А те увеличили ресурс для восполнения населения еще через двадцать лет. Правда, к середине 80-х демографическая волна начала затухать, и Советское правительство приняло комплекс мер для стимулирования рождаемости. Был увеличен с полутора до трех лет отпуск по уходу за ребенком, значительно повысились пособия для детей, для многодетных семей выделяли вне очереди квартиры, бесплатные путевки в дома отдыха и многое другое.

И это подхлестнуло процесс: число будущих рожениц заметно выросло. Время пришло исполнять им свои детородные функции как раз в период путинско-медведевского дежурства по России. Докатилось-таки до нас эхо 80-х, добралась волна до пустынного берега.

Сейчас трудно назвать точное число жителей в нашей стране. Перепись населения в 2002 году проводилась без общественного контроля, под диктовку чиновников. И очень формально (например, ни в мою семью, ни к моим друзьям и соседям никто тогда даже не заглянул). Власть везде научилась считать нас без нас, выдавая на-гора нужные себе цифры.

В благополучных центрах «убыль» населения была зафиксирована, а в регионах с худшими условиями жизни, откуда люд валил в поисках лучшей доли, народу, по сравнению с 1989 годом, даже прибавилось. Специалистам это указывает на серьезные искажения в данных переписи: от численности населения в регионах зависит величина дотационных отчислений им из Москвы, к тому же с миллионами «мертвых душ» легко фальсифицировать результаты выборных кампаний.

В зону сплошных надувательств мы превратили Россию, где куда бы ни повернулся, одни только «псевдо»: псевдостатистика, псевдоуспехи, псевдоповышение пенсий, псевдорост производства, псевдовыборы, псевдоотчеты правительства перед псевдопарламентом, псевдоборьба с ворьем и псевдозабота о людях!..

Официальные статистики говорят, что мы потеряли за ельцинско-путинско-медведевское правление всего семь мил-

лионов человек и осталось нас еще почти 142 миллиона. Откуда они берут цифры, если даже перепись не внесла ясности, одному тандему известно. По трагедиям в школе Беслана и на подлодке «Курск» люди поняли, что власть не очень-то интересуется точными данными, заменяя подсчеты враньем. И здесь ей не может быть веры.

Независимые исследователи полагают, что реформы Бнай Брита «съели» 15 миллионов россиян (называю самую щадящую цифру) и нас всего осталось 134 миллиона. И это только первая ударная демографическая волна. Темпы депопуляции увеличатся, поскольку впереди одна репродуктивная яма за другой. Даже путинский санчо панса министр образования Андрей Фурсенко признался «Эху Москвы», что через три-четыре года в стране будет вдвое меньше студентов, чем сейчас, и в школах некому станет учиться.

Все проекты, заявленные кремлевской властью как бы в пользу народа, проваливаются. А «Гарвардский проект» Бнай Брита тихим сапом продвигается вперед: по нему «достаточный уровень населения» для России — 35 миллионов человек. Крайний срок выполнения задачи — 2050 год.

Казалось бы, ни в жизнь не придумать изворотливому Кремлю на этом фронте повода для привычного бахвальства. Но тут докатилось то самое эхо 80-х, подползла цикличная волна временного всплеска рождаемости. Опять ангел-хранитель залетел с теплым коммунистическим приветом из раскулаченного нуворишами Отечества.

На ловца и зверь бежит. И вот уже Путин с победным видом топчется на демографической теме. За ним — Медведев. Ответы на «неожиданные» вопросы по телевидению, трансляции с разных трескучих заседаний. Оказывается, в роддомах оживление «благодаря реализации национальных проектов», курируемых тандемом. И только. А дальше: «Зафиксирована устойчивая тенденция», «усилия дают положительный результат» и все в том же духе.

Какие усилия власти, какое участие приняла она пусть даже во временном росте рождаемости? То, что отдала детсады под торговые фирмы, магазины и рестораны? Или то, что все меньше больниц для безопасных нормальных родов, а ребенка обычной семьи почти невозможно поднять из-за бешеных цен на детскую одежду, продукты и медицинскую помощь? (Цинизм власти настолько чудовищен, что, запрещая ввоз молока в Россию из Белоруссии, Путин без стеснения мотивировал это дешевизной продукции братской страны. Там батька Лукашенко поддерживает село. Мол, нашим торгошам-нуво-

ришам придется снижать цены для населения, подстраиваясь под белорусов. А нувориши — опора путинизма, их интересы священны). А нищенская подачка под видом материнского капитала — натужный пиар Кремля.

Ведь все подогнано властью так — препона к препоне, как гробовая доска к другой гробовой доске, — чтобы люди не рожали, чтобы население убывало с нарастающей скоростью. Нищета и бесправие — главные преграды росту рождаемости.

Даже в семье, где благополучный муж имеет работу, завтрашнего дня боятся. Потому что все может рухнуть в один момент из-за несчастного случая: 200 тысяч человек ежегодно получают травмы на производстве, 14 тысяч становятся инвалидами, тысячи гибнут. В погоне за легкой наживой олигархи перестали обеспечивать безопасность рабочих мест, зато через псевдопарламент пролоббировали такие законы, что семьи погибших и инвалидов остаются без средств к существованию. Откуда у нас два миллиона сирот? Частично — из этих семей.

Женщины наблюдательны — их не обманешь. Рожать? В такой стране, без будущего, ни в коем случае! И отправляются делать аборты: ежегодно число их увеличилось до полутора миллионов. Это столько же женщин, сколько отваживаются рожать.

Министр Татьяна Голикова предлагает бороться с абортами просто: разъяснительной работой, то есть пиаром. Наверно, что-то получится, если она возьмется пропагандировать личный опыт. Мол, если у людей нет денег и жилья, пусть поступают, как Голикова с мужем, тоже министром Виктором Христенко. В центре Москвы, в особо охраняемом природном парке, где намечали разместить спортивные площадки для детворы, группа нуворишей возвела себе элитный поселок «Остров фантазий». На скромные чиновничьи зарплаты там заимела квартиру площадью 218,6 м² и семья Христенко-Голиковой. Эксперты оценили «конуру» в 2,5 миллиона долларов.

Кто-нибудь в таком случае подбросит Голиковой вопросик: где чиновники наскребли столько денег? И зря будет стараться. Ответ на него звучал многократно из кремлевских кабинетов: знать это — не дело общественности, без сопливых разберемся. Режим тандема дал безграничную свободу коррупции, воровству — пользуйтесь!

Дать-то дал, но только Уголовный кодекс применяет избирательно, считают потенциальные роженицы: «Себе и близким «нашим» все, «не нашим» — закон!» Лучше не связываться. И отказываются продолжать род. Страшно давать жизнь ре-

бенку в стране, где дети сотнями гибнут от произвола милиции и педофилов, а полтора миллиона российских девушек, не надеясь дома на биржу труда, зарабатывают проституцией в странах Европы и Азии. Вместо машин и электроники некогда великая Россия под управлением тандема торгует женщинами и детьми.

И на этом фоне Путин с Медведевым трезвонят о своих достижениях. Ну что тут поделаешь, уже некого больше гнать, последняя овца сдохла, а они все свистят на всю степь.

7

«Блаженны в единовластных правлениях вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами» (Александр Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»). Может, блаженны они оттого, что испытывают чувства глубокой радости от больших дел на пользу Российскому государству? А мы и я, в частности, не видим, не понимаем этого в силу своей ограниченности.

Мне хотелось бы избежать любой однобокости в толковании характера нынешней власти. И я готов добавить светлых тонов в свое описание — с лупой ищу положительные черты в солидарном царствовании тандема. Медведев — тень Путина. А что зрение тратить на тень! Поэтому смотреть надо на политические телодвижения Владимира Владимировича.

Утверждение первое обожателей Путина: он поднял экономику, больше денег появилось в стране. По выражению едроссов, мы встали с колен.

Если брать отвлеченные цифры, все это так — валовой продукт вырос, пополнился бюджет. Правда, и мир не стоял эти годы на месте: показатели многих соседних стран были выше российских. Но за фасад приятной цифири для нашего государства заглянуть все-таки стоит.

Это был сиюминутный успех, который завтра, скорее всего, обернется окончательным экономическим разгромом России. Мне ситуация напоминает первые дни похода Тухачевского на Варшаву: поляки как бы лениво сопротивлялись, расступаясь перед ним, вытягивали его подальше от баз, питавших вооружениями и провиантом, затем сжали клещами и уничтожили армию. Капитуляция.

Нас тоже втаскивали в ловушку — внезапным ростом цен на энергоносители. Сырая нефть дорожала стабильно, Путин потирал руки: только вперед с трубопроводами и танкерами — все обозы с обрабатывающими, наукоемкими отраслями, даже сельским хозяйством и фармацевтикой уже не нуж-

ны. Как я упоминал, сколько сил набралось, бросили на добычу и экспорт сырья.

Закрылись 70 тысяч заводов и фабрик, даже трусы начали везти из-за бугра. «А что вы будете есть, во что одеваться, чем сеять, пахать и лечиться?» — спросил Булат-Здравый Смысл. «Все куплю», — сказало Злато-Кремлевское беспутство. — Мы энергетическая держава, всех задавим». «Давите, давите», — поддакивали нам с Запада и, ухмыляясь, заманивали поглубже в ловушку очередными скачками цен.

Не мог Путин не знать, что это элемент Большой Игры: полный военный контроль над Россией должен подкрепиться полным экономическим контролем, стало быть, и демографическим. Не будешь же выжигать русское население демонстративно напалмом с натовских штурмовиков, надо, чтобы оно массово вымирало «добровольно», в результате неблагоприятных внутренних обстоятельств. Полный внешний контроль легко их создает — блокадой.

Костью в горле Всепланетной Олигархии стоял прежде ОПЕК. Он контролировал цены на нефть, устанавливая их по соотношению реального спроса в мире и предложения. Сложной системой финансовых комбинаций у ОПЕК этот контроль отобрали — он перешел на Уолл-стрит. А Уолл-стрит сделал его инструментом в Большой Игре Бнай Брита.

Торги фьючерсами на биржах Нью-Йорка и Лондона запустили в продажу огромные потоки «нефти на бумаге». Экономика давно переела, а спекулятивная система продолжала и продолжает надувать контрактами пузырь. Уолл-стрит может в любой момент поднять цены еще выше, а может обрушить их ниже плинтуса — зависит от целей. Хотя финальная цель у гегемонистов одна, применимая ко всем богатым недрами государствам: сначала посадить их на сырьевую иглу, затем обвалами цен спихнуть в долговую яму. А там, с переходом на глобофашизм, решать — с кем и как поступать.

Правители других стран — экспортеров нефти заметили мышеловку и постарались провести экономику стороной, а Путин толкнул Россию к «бесплатному сыру». (Больше всех потерь из-за первой серии падения цен на нефть уже сегодня понесла наша страна.) Но это был только пробный запуск сложного финансового механизма, сконструированного в Нью-Йорке.

Не надо к бабке ходить, чтобы узнать: нас ждут вторая и третья, намного превосходящие первую, ударные волны кризиса, организованные Уолл-стрит. Наставники Кремля дождутся 2012 года, помогут тандему сымитировать выборы, застрахо-

вать их власть от случайностей новым частоколом штыков, а затем весело пустят с горки цены на нефть.

В мире полно месторождений, где себестоимость добычи энергоносителей намного меньше, чем в морозной России. По нижним планкам и будут выстраивать цены на нефть. А нам придется закрутить вентили на трубопроводах — не будешь же тратить рубль, чтобы вернуть копейку. Вот и «взял» Тухачевский — Путин Варшаву — капитуляция. Обозы уничтожены или разграблены мародерами. Мор. «Какая вам помощь? — с консолидированным высокомерием буркнет Запад. — У вас такие просторы, подыхайте, если ума не хватает нормально жить. Пусть эти территории осваивают другие».

Утверждение второе сторонников Путина: он повысил жизнеспособность государства, погасив в регионах очаги самостийности. В подтверждение этих выводов приводят успокоение Чечни и смиренность местных чиновников во главе с губернаторами.

Да, информацию из мятежной республики нам сцеживают вполне благоприятную. Теперь там, судя по телесюжетам, строят, гуляют на праздниках — душа действительно радуется. Путин нашел ключи к решению горской проблемы! Надолго ли и, главное, на каких условиях? На этот вопрос самый точный ответ дает лозунг, распространенный сегодня в Чечне: «Аллах над нами, Россия под нами!».

Я рассказывал в предыдущей главе, как в 1921-м, тяжелом году для страны, вайнахи собрали учредительный съезд и создали Горскую республику, объединившую Чечню, Ингушетию, Кабарду, Карачай и Балкарию. Последователи имама Шамиля — вожди республики согласились оставить свое новообразование в составе РСФСР, но только формально и при двух непременных условиях: во-первых, горцы не станут признавать законы Москвы, а будут жить по адатам («Государство — это ничто, клан — все»), а во-вторых, русские должны убраться из Вайнахии, освободив земли джигитам.

Тогда центральная власть озадачилась: невозможно же совмещать в одном государстве цивилизованные нормы со средневековыми обычаями. Это первопричина вооруженных конфликтов — не сегодня, так завтра.

Владимира Владимировича, похоже, такие вопросы не занимают. Он согласился на оба условия и как широкий человек еще добавил третье: федеральный Центр за счет русских регионов будет обеспечивать бесконтрольную кастовую систему Чечни большими финансами (до 30 миллиардов рублей ежегодно).

У Рамзана Кадырова два идеала: Шамиль Басаев и Владимир Путин (Басаев научил его бесшабашности, а Путин — изворотливости, умению говорить одно, а делать другое). Он не приемлет светских правил и не скрывает, что воссоздает исламскую Чечню — кланово-родовую систему, с адатами, с доисторическими законами гор.

Пока у матери-России есть деньги, пока она выкармливает детище Кадырова, исламской Чечне с ней по пути. А что будет завтра? Об этом можно судить по парусам — под какие ветры настраивает их тейп беной.

Тех вайнахов, кто воевал с сепаратистами на стороне Центра или настроен пророссийски, называют «федеральными чеченцами». Участь их незавидная. Кого-то при загадочных обстоятельствах расстреливают в Москве, кого-то выдавливают из власти. И заменяют «нужными людьми». К примеру, вместо одного из последних «федеральных чеченцев» в госструктурах — сенатора Муссы Умарова по рекомендации руководства «Единой России» в Совет Федерации от Чечни кооптировали Зияда Сабсаби. Он араб, родился в Сирии, там закончил Дамасский университет. Приехал на Кавказ в смутные времена и был советником у муфтия Ахмада Кадырова, когда тот объявил России «священный джихад». Теперь обслуживает его сына.

Без лишнего шума остатки русских выталкивают из республики. Угрозами, экономическим давлением. Сейчас русское гражданское население в Чечне составляет уже меньше одного процента.

Зря изощряется оппозиция, навешивая на Путина разные клички: нет, на карцевского доцента он не похож. По тому, как закручивает Владимир Владимирович комбинации-многоходовки, видно: умеет человек заглядывать в завтра. Только одним ли содержанием наполнено это «завтра» для него лично и для всей страны? Государство не имеет права не заботиться о своих дальних перспективах. А политик может. Если ставит целью не служение этому государству, а использование его на какое-то время. А там — хоть трава не расти. Главное, чтобы зеленели газоны, скажем, в Сардинии.

По примеру Чечни, выдаваемой Путиным за эталон отношений с Москвой, диким феодализмом заражаются республики Северного Кавказа, даже те, где всегда практиковался внутриобщественный диалог и был какой-то порядок.

Рамзан Кадыров словно бы говорит другим горцам-руководителям: «Делайте, как я, и вы будете купаться в золоте». И они делают. Кремль покупает верхушку республик бескон-

трольными дотационными средствами, не особо заботясь о развитии производства (но доноры — русские регионы скоро сами останутся без штанов). Идет жуткое расслоение общества. Правящие кланы-режимы держатся на штыках, но могут чебурахнуться в одночасье, поскольку не имеют другой опоры. Там, где русский тянется от беспредела к бутылке водки, горец — к оружию.

Так что кавказский котел закипает. Экстремизм набирает силу: снова бродит по Кавказу призрак Горской республики, независимой от России. Независимой от неуклюжей политики Кремля, с его неприемлемой для мусульман современной антикультурой и развратным телевидением. На что будут жить? Добычей от привычных набегов на слабых соседей и наркотрафиком — каналы транспортировки героина из Афганистана в Россию и Европу уже налаживаются.

Температуру сепаратистских опасностей всегда можно определить по отношению к русским. Их гонят с насиженных мест. А те, что остались? Как показывают социологические опросы, открыто говорят об ограничении своих прав и собираются куда-нибудь уехать 57% русских в Ингушетии, 40% — в Чечне, 29% — в Кабардино-Балкарии, 25% — в Карачаево-Черкесии и 17% — в Дагестане.

Так выглядит умиротворение Чечни по-путински: перевел на «потом» стрелки часового механизма фугаса и прикрыл его для маскировки словесным тряпьем.

И другие регионы России Кремль вроде бы привязал к себе лояльностью чиновников. За эту лояльность дал право на вседозволенность, возведя в норму круговую поруку. Но опыт показывает, в том числе и опыт Советского Союза, что из чиновников получаются ненадежные сирены.

Тотальный контроль за финансовыми потоками России — вот что заботит прежде всего Организованную Путинскую Группировку (ОПГ). Чтобы ни одна «деньга» не проскользнула мимо ее карманов.

А еще ОПГ всеми силами мешает росту национального сознания русских людей — боится прихода народной власти со всеми вытекающими последствиями. Она использует мусульманских наемников для запугивания недовольных режимом. Пугая население мифической угрозой «русского фашизма», поощряет расползание по России исламского экстремизма.

По вине Путина и К° российские законы не работают в республиках Северного Кавказа. По вине Кремля к концу 2013 года — внимание, читатель! — во всех субъектах Федерации (кроме Чукотки) уже обосновались ваххабитские общины.

Может быть, они изготавливаются в ожидании команды к массовому джихаду против России... А что же чиновники русских областей – они не чувствуют холодка ваххабитских кинжалов у своего горла? Чего-то не понимают?

Они и сами это хорошо понимают. Не случайно же вместе с федеральными бюрократами сейчас активно готовят себе запасные аэродромы, скупая собственность в странах Европы, и региональные чинуши. Крысы заранее чувствуют, когда корабль пойдет ко дну. По данным независимых исследователей, за годы правления Путина — Медведева нувориши от власти на покупку недвижимости в Англии, Испании, Италии, Франции, Хорватии, Греции и других государствах потратили около ста миллиардов долларов.

Не случайно и другое: усиливается охрана губернаторов с мэрами крупных городов, и не только. Они чувствуют себя, как на чужой земле, будто гауляйтеры на оккупированной территории: быстрее мимо народа в свою берлогу или на чиновничью сходку — в кортежах, за бронированными стеклами.

На всех уровнях — от Кремля до Тьмутараканска — власть самоизолировалась от общества, превратилась в улицу с односторонним движением. И борзеет на глазах. А что же народ, который ее породил и над которым она глумится? Его путинизм шаг за шагом отодвигал от управления страной — отменой референдумов, упразднением выборного Совета Федерации и одномандатных округов, низведением всего парламента до уровня полового олигархата, запретом митингов, забастовок, полицейскими акциями против создания гражданского общества и многим другим.

Даже таракан, когда бежит по столу, останавливается у края. Эта власть края не знает. Она постаралась вырвать из рук народа все правовые инструменты контроля над собой. И вырвала. Но народ стал вспоминать, что под лавкой у него всегда что-то припасено. Не впервой попадать в капкан узурпации. В нем начал пробуждаться Емелька Пугачев. Пока еще, зевая спросонок, но уже разминаясь для предстоящего дела. Потому-то чинуши собираются смазывать пятки, чувствуя временность своего положения.

8

Ельцин начинал, Путин завершил создание модели государства в виде перевернутой пирамиды. Вершина пирамиды — его личная власть, на ней держится вся конструкция. И эту неустойчивую постройку едроссы выдают за образец

высокой жизнеспособности страны. Хотя обреченность такой модели заложена законом природы.

Пока на основание пирамиды не жали большие проблемы, пока ее вершина — власть Путина, опиралась на прочное наследство СССР, хлипкая конструкция, шатаясь, держалась. Но опора подтаяла, сверху начали давить тяжелые социальные неурядицы, как глыбы льда на хрупкую крышку, — конструкция стала заваливаться. Крен еще особо в глаза не бросается, но процесс, что называется, пошел.

Щели, откуда может сквозить персональная опасность Путину, хорошо зашпаклеваны, все подмято под нахальный абсолютизм. Казалось, бояться нечего: тандем с близким окружением «наших» сам сочиняет удобные для себя законы, сам их принимает, сам решает, сколько отнимать денег у регионов, сам распоряжается собственностью страны, сам судит и сажает людей в тюрьму, сам щедро вознаграждается и так же щедро восхваляет себя в собственных средствах массовой информации. Беспрецедентное объединение властей в одних руках!

Но эта Система, как черная дыра, очень прожорлива. Она способна выживать разве что на базе сильной, захлебывающейся в деньгах экономики. А ее нет, она вообще загибается из-за этой Системы. И поскольку основная часть ничтожных российских доходов течет за рубеж и разворовывается «нашими», приходится выдавливать последнее из стабильных регионов, превращая их в нестабильные.

Оттуда и начинает сквозить опасность для путинской постройки барачного типа.

Гауляйтерам с шатией-братией и самим надо кормиться на своих территориях. А еще нужна доля громадному аппарату присмотра за гауляйтерами: не утаили ли они часть барышей от московских назначителей, не оставили ли каких-нибудь ниток на обобранном населении? Для пригляда за назначенными Кремлем гауляйтерами-губернаторами вождь едроссов назначил еще восемь рейхсляйтеров-полпредов президента, возглавивших федеральные округа. (Подозревают, что по границам этих округов Бнай Брит планирует расчленять Россию югославским методом.)

В ненасытное чрево своей Системы, для ее поддержания, Путин с Тенью засовывают последнее: отобранные у науки финансы, а у населения льготы, бесплатную медицину, бесплатное образование — все, на чем держалось уважение к государству. А в регионах, чтобы избежать коллапса после проходов федеральных Мамаев, вынуждены повышать постоянно

налоги на жилье и земельные участки, плату за проезд и коммунальные услуги, стоимость аренды помещений, торговых мест, билетов в бани, кинотеатры и проч.

Все издержки Системы, а точнее тяжелые последствия тупикового путинского владычества, сваливают на плечи народа. Жизненный уровень падает. Тандем понимает, что предел терпения у нации наступил, и еще сильнее свистит на всю степь, перемежая тошнотворный пиар с угрозами «экстремистам» и ужесточением полицейских мер. Не очень-то пугают людей бледные от праздности кулачки питерской парочки: почти половина опрошенных в регионах уже готова выйти на баррикады.

«Не нужна Москва нашей области, — все чаще слышу в поездках, — она стала враждебна России, надо отчаливать от нее». И бизнес, и власть на местах не являют собой монолит. Федеральные назначенцы и представители так называемого большого бизнеса держатся за Москву. Но их мало. Зато остальные, зажатые двойным гнетом, идею разрыва с кремлевской властью приветствуют: не способна она выполнять свои функции, кроме фискальных. Не скажу, что центробежные силы выпряглись окончательно. Однако настроения в народе такие: найдись талантливые демагоги-сепаратисты — и он за ними пойдет. А головастая, но очень злая от безнадеги молодежь подрастает.

Хотя в Кремле, возможно, спокойно воспримут и такое развитие событий. Пожмут плечами на известие об эксцессах в регионах: «Пусть пока хоть формально, по примеру Чечни, числят себя субъектами России». Для сбора налогов при этом переадресуют из самостийных территорий штаб-квартиры доноров-корпораций, доноров-холдингов, доноров-компаний в Питер и Москву. Не в единстве страны счастье творцов Системы, а в деньгах!

Путина считают сторонником жесткого централизма. Каждый державник, и я том числе, тоже за централизм власти в России. Так что стоим мы вроде бы на одной платформе. Исторический опыт помог выбрать позицию. Правда, вкладываем мы в это понятие разное содержание.

Дважды наша страна отказывалась от централизма и дважды летела в пропасть.

Один раз, при Керенском — Ленине, вынув скрепляющий стержень самодержавия и передав всю власть Советам, — империя посыпалась, на ее территории образовалась масса незалежных республик. Другой стержень — партийный аппарат, выстроенный Сталиным, удержал и скрепил страну.

Второй раз беда подкралась при Горбачеве, о чем я упоминал, когда он удалил цементирующую сердцевину — КПСС, не заменил ее прямыми выборами Президента СССР, а перевел многонациональный Советский Союз на парламентский путь. Это добило страну. Парламентаризм не для нас.

Но и в централизме бывает больше разрушительных сил, чем созидательных. В зависимости от того, в какую сторону наклонит нация свое государство с лезвия бритвы. Представим наивно, что, принимая от Ельцина скипетр, Путин стоял перед выбором: кем войти в историю — крупной государственной личностью масштаба Столыпина или заурядным политиком с несмываемой печатью Семьи. Однако не пойдем за простодушным мнением, будто он с ходу мог круто менять курс первого президента РФ. Но по прошествии какого-то времени, когда теряли остроту — что не исключено — заложенные Семьей в тайниках материалы-разоблачители, возможность для выбора все-таки открывалась.

Он состоял в следующем: или упрочивать разрушительный паханский централизм (паханат), заложенный Ельциным, или постепенно выруливать на демократический централизм с его мощной подъемной силой. Все зависело от духовных качеств самого Путина. Любые модели паханского централизма — белого, голубого, коричневого — основаны, как известно, на правовом беспределе и грубом волюнтаризме, а демократический — на воле народа (не путать с организационным строением КПСС). У Паханата отсутствуют критерии во всех сферах, не знает он меры в отношениях Центра с регионами — перекручивает гайки и срывает резьбу.

Переход к демократическому централизму предусматривал, в первую очередь, обновление некоторых глав российской Конституции. Тех глав, которые не выдержали испытания временем и не работали на стабильность государства. Как член Конституционного совещания, созданного указом Ельцина летом 93-го, я помню ту авральную обстановку при подготовке проекта Основного закона.

Это был базар. Нас собралось более 800 человек, разбитых на группы, в которые начальниками президент назначил таких «великих демократов», как Виктор Черномырдин и Анатолий Собчак. Один из них на дух не переносил малейшего контроля над правительством, другой, став мэром, по-диктаторски игнорировал решения депутатов Петросовета. Мы несли им свои предложения, они их фильтровали по своему «самовластному» вкусу и что-то передавали «наверх».

А там, как я понял из разговоров с Ельциным, варился настоящий проект документа с использованием выгодных для Кремля компонентов из основных законов США и Франции. Мы были только массовкой, кардебалетом — сольную партию, правда за кулисами, исполнял с помощниками придворный юрист Сергей Шахрай (у нас даже примета была: если Борис Николаевич выделял Шахраю охрану, значит Кремль задумал большую пакость — или ОПУС выползет из норы, или указ № 1400). На все критические замечания членов Конституционного совещания Ельцин успокоительно говорил: «Это переходный документ, чтобы стабилизировать власть. Поживем какое-то время и начнем корректировать статьи». Он, как всегда, лукавил и стягивал на себя полномочия отнюдь не для стабилизации обстановки. Почему и спешил, по выражению Бурбулиса, протащить Конституцию через задницу.

Путин мог предложить изменения в Конституцию для усиления сдержек и противовесов. Здравый смысл требовал чаще и шире выносить вопросы на всенародное обсуждение. Италия, к примеру, наевшись досыта паханского буйства Муссолини, сразу после войны внесла в Конституцию такие нормы, как «народное вето» (по требованию 500 тысяч избирателей проводились референдумы для отмены ущемляющих интересы населения законов и приравненных к ним актов высшей власти) и «народная инициатива» (не мене 50 тысяч избирателей имели право вносить свои проекты законов, с обязательным их рассмотрением двумя палатами парламента).

Тот же здравый смысл диктовал необходимость ограничить полномочия президента определенными рамками, за которыми уже начинался маразм, и упростить механизм отрешения от власти главы государства в качестве профилактической меры против злоупотребления должностью. А обе палаты Федерального собрания должны были формироваться только по мажоритарной системе (пусть партии идут в народ, а не народ — в услужение к партиям) и получить широкие права контроля за деятельностью исполнительной власти — через парламентские расследования, через выражение недоверия плутоватым членам правительства, с обязательным их отстранением и т.д.

Такой порядок — действенное средство от коррупции. Он очистил бы обе ветви власти от проходимцев и непрофессионалов, купивших доходные места. И это ставило бы заслоны против укоренения кастовости в обществе — опаснейшего врага гражданского мира, когда одна, не лучшая часть нации бессменно властвует, а другая, более одаренная, вынуждена

прозябать в несправедливости и копить силы на революцию. Конституция должна закладывать четкие механизмы вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, задействовать все социальные лифты для беспрепятственного перемещения активных групп населения из одного сословия в другое, чтобы не оставлять лазеек для вырождения демократического централизма в паханский.

В иерархии властей иную ступеньку определяет здравый смысл для судебной власти. Глава о ней — седьмая — расположена в хвосте ельцинской Конституции — туда и в жизни загнал ее олигархат, сделав придатком и даже цербером политической системы.

Закрытый порядок наделения полномочиями через Кремль делает судей, с одной стороны, инопланетянами для народа, недоступной кастой, а с другой — понуждает их прислуживать работодателю. Судебную власть ельцинская Конституция поставила лишь в независимость от общества, но положила под бюрократию, которая вся плотно соединена пуповиной с Кремлем. Для паханата это естественно, выгодно, а для демократического государства недопустимо, поскольку ставит над законом часть нации.

Выборы судей на альтернативной основе (они практикуются в Швейцарии и 30 штатах Америки) снижает их зависимость от властей, от чиновничества и заставляет честнее служить закону. Хотя бы из-за боязни быть забаллотированными на новых выборах (через два или четыре года). Выборные народные судьи в Советском Союзе — помню это прекрасно — гораздо меньше лебезили перед чиновничеством, чем нынешние. И часто находились с ними даже в состоянии холодной войны. Газеты той поры нередко писали о конфликтах между судьями и партийными функционерами, обычно принимая сторону служителей Фемиды.

Заинтересованный в сохранении и укреплении государства политик должен понимать, что Россия — это, к примеру, не Великобритания, где вообще нет Основного закона страны как такового. Там устойчивые вековые традиции, и вся жизнь строится на совокупности давних законов и прецедентов. Скажем, Билль о правах, гарантирующий британцам свободы, принят еще в 1689 году. Им вполне хватает общих деклараций, пригодных на все столетия.

Россия — страна коловратных традиций. После каждого переворота — верхушечного или иного — флаги меняют цвета: то, что вчера считалось доблестью и геройством, сегодня преследуется, и наоборот. Даже одному поколению приходи-

лось несколько раз начинать свои отношения с государством «с чистого листа».

Нация выросла на пренебрежении к правовым актам, а чиновники наловчились любую недоговоренность документов трактовать на свой лад. Если напишешь «дважды два» и через знак равенства не поставишь «четыре», то они обязательно начнут приспосабливать в конце свои цифры: один результатом обозначит «три», другой — «пять», третий — «десять». Поэтому традиционные голые декларации о свободах, кочующие по конституциям цивилизованных стран и эффективно там работающие, в России часто оказываются пустым звуком.

Для обуздания бюрократической самочинности в выполнении норм Конституции в ней самой должно быть больше однозначности и конкретики (юристы-теоретики схватятся за голову!). Это практикуют государства, где распространен правовой нигилизм. То есть наши родные братья. Если статья конституции дает право проводить мирные митинги и собрания без предварительного разрешения, то дальше должно следовать положение о неотвратимости уголовного наказания чиновников за воспрепятствование этим мероприятиям.

Похожая ситуация со свободой слова и правом граждан на получение достоверной информации. Это пустые декларации Основного закона, если в нем не прописан пункт о недопустимости монополизации средств массовой информации государственными органами, физическими, юридическими лицами и не обозначена неминуемость уголовного наказания загребущим рукам. Прямое нарушение Конституции даже Хозяином Кремля чревато импичментом.

Диктаторские полномочия президента в ельцинской Конституции расписаны с любовью, густо, подробно, но в наделении граждан правами она — документ намеков. Сплошные отсылки. Намекнула на права и отослала за ними или в исполнительную власть, или в парламент. А там будут думать еще долго-предолго, сколько отщипнуть от своей вольницы и сунуть в открытый рот граждан.

Вот, например, положения первой и второй глав никто не волен пересмотреть (даже Бог!), кроме Конституционного собрания. Порядок его формирования и созыва должен установить федеральный закон. Конституция живет уже 120 лет, а закон принимать не спешат. На обсуждение проблем с пчелами и презервативами у парламента времени хоть завались, а тут что-то не выгорает. Случайность? Едва ли. Ведь именно в этих главах фишки ельцинской Конституции — право власти передавать природные ресурсы в частные руки. Собственники — а

это Абрамовичи, Дерипаски, Потанины, Усмановы, Алекперовы и другие — могут свободно, по своему усмотрению пользоваться всеми недрами России.

Да, очень старался Борис Николаевич спрятать от нации кончик иглы со смертью сырьевой олигархии страны.

Я прошелся только по Конституции, не открывая Америк. А паханат заложил вокруг столько противодемократических мин, что на их обезвреживание новому лидеру требовались силы и воля.

Гипотетически, повторяюсь, перед Путиным открывались многообещающие дороги, куда он должен был повернуть государство с курса опустошительного. Но, как видим, не повернул, а все годы доводил до готовности ельцинские незавершенки, дополняя ельцинизм от себя усилением волюнтаризма, безграничным бесстыдством власти, ее дремучей некомпетентностью и жестокостью. Он и не мог повернуть — откуда у людей эти надежды? — потому что Природа вложила в него иное качество безусловных рефлексов.

Родоначальник знаменитой цирковой династии Владимир Леонидович Дуров увлекался экспериментами. Рассказывают, как он долго наблюдал за воробьями, птицы всегда прыгают одновременно на двух лапках. Такими их слепила природа. Циркач задумал научить воробья ходить, переставляя лапки попеременно, как это делают те же скворцы. Целых два года бился экспериментатор над перевоспитанием упрямой твари. Безрезультатно. И заключил: воробьи дрессировке не поддаются.

Каждому свое — это о всем живом на планете, в том числе и о человеке. Сколько бы ни учили иных, попавших в большую политику, не прыгать, как воробей, от добычи к добыче, а размеренно переступать с ноги на ногу, склевывая вредителей урожаев, — бесполезно. Жаль, некому передавать нашему электорату умение отличать кандидатов на президентских выборах не по словам — по рефлексам.

Врожденные рефлексы Путина, о чем говорилось, проявились давно. К ним добавлялись рефлексы условные: от пронырливых гэбистов он набрался лукавства и алчности, от Собчака — нарциссизма и хлестаковщины, от Ельцина — угрюмого презрения к судьбе нации. Все эти качества в бесконтрольной обстановке Кремля развивались, а после внутреннего брожения и смешивания выдали диффузный продукт нагора большой разрушительной силы.

И кадры вождь едроссов подбирал по своему образу и подобию. Говоря без обиняков, мы имеем сегодня у власти самую

беспомощную и в то же время наиболее опасную для страны команду. За все советские и послесоветские годы.

Тандем пытается управлять государством как единой табачной фабрикой. Эта система вошла в острое противоречие с экономической реальностью, которая уже не приемлет единообразия и тупого распорядительства. Стараясь управлять всем и вся, Кремль вынужден постоянно усложнять структуру исполнительной власти, разрыхляя «вертикаль» и сажая на одну и ту же функцию множество нахлебников. Всюду параллелизм, сутолока, бестолковщина. Суть дела тонет в бумагах, из которых лишь изредка выглядывает объективная информация. Власть погрязла в пустопорожности, отдаляясь от реальности дальше и дальше. Она исчерпала свои управленческие ресурсы и выронила поводья.

Природа не терпит пустоты. Там, откуда путинизм по своей недееспособности окончательно вытеснил государство, стали царствовать пещерные порядки временщиков-олигархов. Власть попала в унизительную зависимость от кучки толстосумов. А Путин-то, по заявлениям едросовских аллилуйщиков, вроде бы прижучил олигархов. Надо же такое придумать! Тройку нуворишей вождь «наших» и вправду загнал за Можай, да только не по причине тяги к порядку — те ребята хотели быть круче его и сразу начали щелкать по носу путинской спеси. А потерпели бы, как остальные, спрятав на время свою гордыню в штаны, нашли бы общие интересы с новым хозяином Кремля и теперь безо всякого спроса вывозили бы за бугор остатки России подальше от трупного запаха власти.

В конце путинского президентского срока оборонщики страны вдруг снова подняли большую тревогу: тихим сапом Владимир Потанин заключал с американцами невероятный контракт. По нему «Норильский Никель» обязался оптом, на долгие годы вперед, продать компании «OM Group» весь производимый в России кобальт — несколько тысяч тонн. За эту услугу Потанину с приятелями переходили от американцев в собственность крупные заводы в Финляндии и Австралии — дочки «OM Group».

Кобальт — ценнейший стратегический металл, его мировой рынок всего 60 тысяч тонн в год. Он используется в сфере высоких технологий, в производстве специальных и сверхпрочных сплавов для авиа- и ракетных двигателей. На его основе разработана ториево-кобальтовая бомба «поганка-вонючка» — та самая нейтронная, которая не вызывает при взрыве ударной волны, оставляя нетронутыми дома, но сильно заражает местность, убивая все живое. Весьма сподручное

Бнай Бриту средство для искусственного регулирования численности населения на планете.

В результате контракта «OM Group» становился монополистом на рынке кобальта во всем мире. Предприятиям оборонной и других высокотехнологичных отраслей предстояло теперь идти за российским металлом с поклоном к американцам — продадут или не продадут? А компания «OM Group» еще на стадии подготовки контракта увеличила цену на кобальт на 50 процентов, а позже на столько же. Монополист — что хочет, то и диктует.

Оборонщики кинулись к министру промышленности и торговли Виктору Христенко: надо сорвать антироссийскую сделку Потанина! Там никакой реакции, только беспомощное мычание. И в Минобороны, в ФСБ, где обожают лепить перед телекамерами шпионов из беззащитных бедолаг, тоже разводили руками. И кое-кто, устремляя взгляд к потолку, строил догадки: видать большой человек вошел в долю с олигархом. В условиях цепной коррупции это давно считается нормой.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) все же направила в ОАО «Норильский Никель» запрос с требованием предоставить информацию по сделке. Потанин с командой даже не ответили. Да кто она для них такая — эта ФАС: слабый писк представителя власти, купленной олигархами с потрохами и потому зависимой-перезависимой. Словом, некому было помешать сделке.

«Да кто она такая — эта Россия, чтобы с ней считаться», — может сказать Потанин о стране в целом. Потому что его фирмы, через которые он вместе с Олегом Дерипаской и Алишером Усмановым полностью контролируют «Норильский Никель», зарегистрированы в кипрских и других офшорах. А компании Дерипаски — на островах Джерси и Британских Виргинских. А компании Усманова — рядом с фирмами владельца «Северстали», для которого наше Отечество тоже лишь место для сафари.

Житель Лондона Роман Абрамович, основной владелец холдинга «Евраз Групп», давно уже де-юре отчалил от России. Центральный офис холдинга находится в герцогстве Люксембург, там же зарегистрирована сама компания. До нее наши законы дотянуться не могут, по этой причине акциями «Евраз Групп» торгуют только на Лондонской фондовой бирже и в России в оборот не пускают. Словом, абсолютно чужая для нас структура, как десятки английских или американских компаний. Зачем тогда о ней говорить? А затем, что де-факто

владелец самых длинных яхт в мире отрываться от кормилицы-России не собирался.

В собственности холдинга Абрамовича Нижнетагильский, Западно-Сибирский, Новокузнецкий и прочие крупнейшие металлургические комбинаты, шахты Кузбасса, в том числе «Распадская» — могильщик горняков, Находкинский морской порт и многое другое. Предприятия тужатся из последних советских сил, а прибыли — до 90 процентов олигарх со товарищи переводит себе в дивиденды и отправляет за рубеж. Эти прибыли немалые — исчисляются миллиардами долларов, потому что работягам хозяева платят копейки, на обновление производства и меры безопасности труда не тратятся.

По такой же схеме выкачивает активы России остальная олигархическая братия — сотни миллиардов долларов. Затем с микроскопической долей увезенного заявляются — пинком в дверь — в распорядительные органы нашей страны для скупки по дешевке новых порций собственности. И Кремль развешивает с телеэкранов лапшу: в Россию прут иностранные инвестиции — какой благоприятный климат создали едроссы под мудрым руководством вождя!

Произошла интересная эволюция, не замеченная Дарвиным: превращение «новых русских» в «новых иностранцев». Покровитель этих «новых» Владимир Путин по-мичурински выпестывает экзотический для России сорт фрукта — «человекоподобный»: налог на дивиденды установил сиротский — от девяти до нуля процентов. А в кризисных 2008—2009 годах, когда «новые иностранцы» стали хлопать себя ладонями по якобы совсем пустым карманам и грозить невыплатой зарплаты рабочему люду, тандем вывалил им в качестве помощи бюджетные миллиарды. То есть те средства, которые собрал с того самого рабочего люда в виде налогов, пошлин, штрафов и других выдумок власти.

Иначе нельзя: «новые иностранцы» переросли из хозяев градообразующей собственности в государствообразующую и государствоуправляющую корпорацию. Эти деньги, естественно, тоже побежали в офшоры. От спячки экономики страна зарастает крапивой и лопухами, зато движение капитала, как видим, налажено четко. И лишь в одну сторону.

Через офшоры из России вывезли за рубеж и превратили в собственность иностранцев энергетические ресурсы, прибыльные заводы, золотодобывающие предприятия Восточной Сибири и Дальнего Востока. Некоторые называют это скрытой концессией. Но концессия — аренда, а тут полномоч-

ные чинуши просто-напросто раздаривают страну. На каких условиях?

По оценкам экспертов, до 70 процентов экономики уже не принадлежит России. Как были, так и остаются на месте построенные в советское время комбинаты, заводы, горнорудные предприятия, трубопроводы. Но все это де-юре не наше. Наши грязь и гарь от них, залежи вредных отходов, тысячи трупов русских людей после аварий и взрывов. И территория тоже не наша, она поделена между новыми и старыми иностранцами: на какой-то части устроил свой концлагерь для населения один олигарх, еще на какой-то — другой. Там соревнуются между собой садистские порядки помещицы Салтычихи и пушкинского крепостника Троекурова.

Сами олигархи могут обретаться в Лондонах, Парижах, на виллах средиземноморского побережья. Здесь их представляет менеджмент — наемники из числа наших соотечественников. Об их бесчеловечности ходят легенды. Еще во время фашистской оккупации было замечено, что наибольшей жестокостью отличались полицаи из наших. Даже немцы удивлялись. Хотя чему тут удивляться: наемники старались и сегодня стараются выслужиться перед хозяевами чрезмерной свирепостью, чтобы на ограблении и втаптывании в дерьмо подневольных заработать себе пайку побольше.

Вседозволенность паразитов и бесправие рабочего люда нарастают. Верховная власть купается в самолюбовании, чиновничество бездельничает, подстегиваемое только взятками, общество в тревоге чего-то ждет. А деградация морали, культуры, науки, всего остального идет полным ходом.

Россия шаг за шагом опускается в ад. Уже тошнит людей от серного запаха преисподней.

Не только у меня — у многих от наблюдения за современной жизнью ощущение дежавю. Все это уже было с нашей страной. Было с нашим народом. Когда? А попробуем вспомнить.

9

В нашей стране с «непредсказуемым прошлым» с каждой сменой властей предшествующие события в угоду новых вождей или политической конъюнктуре искажались и искажаются пропагандой до неузнаваемости. Умышленный субъективизм в оценках личностей, подлитый в речи и публикации, всегда ставил своей целью оправдать действующий на данный момент режим. Режимы менялись, сдвигались акценты в оценках, но что-то приблизительное в сознании поколений откла-

дывалось. На этом строятся упрощенные выводы обывателей, далеких от политических хитростей, о том или ином историческом деятеле.

Вот и о появлении Сталина как вождя, о взятии им под контроль страны гуляет искривленным зеркалом миф: Ленин оставил после себя на хозяйстве Иосифа Джугашвили (Кобу), а он, пользуясь властью, растолкал локтями интеллигентных соратников, пересажал их и установил личную диктатуру. Это мнение закладывалось на песке либерально-антидержавной пропаганды, без какого-либо учета реалий тех трагических лет.

Сталин был инородным телом в команде Ленина. Предлагая на Шестой Пражской конференции РСДРП заочно кооптировать его в состав ЦК, Владимир Ильич даже не помнил фамилии выдвиженца («Надо того грузина»), а приближал будущего вождя в знак благодарности за деньги, добытые тем для большевиков «Тифлисской экспроприацией».

Коба слыл патриотом своего государства, Ленин же презирал русских и все русское. Своему другу Георгию Соломону он говорил: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, это только этап, через который мы приходим к мировой революции» (Г. Соломон «Ленин и его семья (Ульяновы)», Париж, изд-во «Мишель», 1929—1931). Более радикального мнения о стране и ее населении придерживался Лев Троцкий: это хворост в топку мировой революции.

Он и стал после октябрьского переворота вторым, а может быть, первым в большевистской команде («Вот пришла великая революция, — вещал трудящимся председатель Петроградского ЧК Моисей Урицкий, — и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого».) Ему вторил Анатолий Луначарский: «Троцкий бесспорно превосходит его (Ленина): он более блестящ, он более ярок, он более подвижен»). При Ленине, отодвинутом в сторону, насаждался культ личности Льва Давидовича: пресса называла его «сверхчеловеком», «главным архитектором революции», в Троцк были переименованы город Гатчина под Петроградом и несколько других населенных пунктов. Было издано 17 томов сочинений и речей Льва Давидовича. И еще больше — о нем самом. Как нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Троцкий при Ленине и после него фактически управлял страной, расставив на ключевые посты своих людей.

А что Сталин? Заштатный нарком по национальным делам, потом, в апреле 1922 года, ему всучили, как им казалось, тоже

побочную должность — генсек ЦК РКП(б). На заседании Политбюро стать генсеком предложили сначала Троцкому. Он отказался: намечалось-то наводить канцелярский порядок в работе Секретариата. Отказались и другие. Но Сталин Ленину отказать не мог.

В его подчинении насчитывалось всего-то 325 сотрудников партаппарата, а вся работа была «бумажная»: протоколы собрания, пленумов, съездов. Троцкий с командой делали жизнь, ворошили страну, а Кобе предстояло в бухгалтерских нарукавниках перебирать учетные карточки. Его с издевкой называли «товарищ Картотеков».

Не вырастают крупные протестные фигуры на ровном месте. Для этого общество должно попасть в турбулентную зону социально-политических кризисов, устать от бесчинства и безответственности властей, возненавидеть их. Антироссийская команда Троцкого все это обеспечила лихо и в короткие сроки. Страна созрела для появления диктатора — защитника национальных интересов.

Это уловил Феликс Дзержинский. В письме председателю ВСНХ Куйбышеву от 3 июля 1926 года он предсказывал: «Дорогой Валериан! Мы из этого паралича не выберемся без хирургии, без смелости, без молнии. Все ждут этой хирургии... Сейчас мы в болоте. Недовольства и ожиданий кругом, всюду. У нас сейчас нет единой линии и твердой власти... Если не найдем этой линии и темпа — оппозиция наша будет расти и страна тогда найдет своего диктатора».

Сталин-явление вызревал из ситуации. Она его выносила, как мать вынашивает свой плод, вскормила молоком ненависти к ворюгам, лицемерам, губителям Отечества и дала стране крутого вождя, не знавшего пощады. Как эта ситуация возникла? Вернусь ко времени приготовления большевистского переворота.

Покинув в 1916 году Европу, интернациональный революционер Троцкий с семьей жил в Нью-Йорке. Его дядя банкир Абрам Животовский ввел племянника в круг молодого тогда Бнай Брита, который уже пропихнул в президенты США своего человека — Вудро Вильсона. Льва Давидовича окружили заботой. «Его власть была столь большой, — вспоминал полковник Маклин, — что поступали приказы оказывать ему всяческое содействие». (Энтони Саттон. «Уолл-стрит и большевистская революция». Арлингтон Хаус, 1974).

После Февральской революции в нашей стране Бнай Брит собрал большую команду во главе с Троцким, посадил на пароход и, снабдив крупной суммой, отправил в Россию: «Власть

там валяется на земле, надо ее подбирать». И сосредоточить в руках американских ставленников.

Льву Давидовичу как сильно нашкодившему гражданину России въезд к нам был заказан. Но не срывать же дело из-за такой мелочи. Президент США Вудро Вильсон сам выдал Троцкому американский паспорт, к нему прилагались виза для въезда в Россию и британская транзитная виза. В одночасье Лев Давидович, не меняя фамилии, стал янки с паспортом-вездеходом. С приключениями десант Бнай Брита во главе с Троцким добрался до России. Правительство Керенского распадалось, власть действительно валялась в пыли.

В сентябре Госдеп США получил от своего посла из Петербурга Фрэнсиса, связанного с Троцким, телеграмму о подготовке к большевистскому перевороту и сроках его проведения. И Госдеп, и британское правительство предупредили своих граждан в России о необходимости отъезда из страны «по крайней мере за шесть недель до начала большевистской фазы революции». (Э.Саттон. Там же.) И переворот свершился. Им непосредственно руководили в основном Троцкий с Урицким, тоже прибывшим на пароходе из США и тоже с американским паспортом.

Американцы спешили с забросом группы Льва Давидовича, потому что имели информацию от своих послов из Европы: Германия готовит большевистский десант в Россию во главе с Лениным. Владимир Ильич узнал о Февральской революции, проживая в Швейцарии, там его и еще 35 человек погрузили в вагон и через немецкую территорию повезли в нашу страну. Немцы, наверное, тоже сказали: хватит революционерам просиживать в пивнушках штаны, власть валяется в пыли — пусть делом займутся под контролем Берлина.

Тогда западный мир еще не был консолидирован в волчью стаю, тем более шла война, и каждое государство боролось за овладение Россией порознь.

Так недруги Ленин и Троцкий оказались в одно время в одном месте, с одной задачей, но нацеленные на разные результаты.

Лев Давидович не был большевиком (присоединился к ним со своими товарищами только по приезде из США, летом 1917-го, ради объединения сил для переворота). Он вообще не отягощал себя принципами — причаливал к тем берегам, где звенела монета. Ленин еще в 1911 году в заметке «О краске стыда у иудушки Троцкого» писал: «Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию. После пленума

ослабел ЦК, укрепились впередовцы — обзавелись деньгами». И Лев Давидович переметнулся к ним.

Троцкий мог смело говорить о себе словами Петра Верховенского из достоевских «Бесов»: «Я мошенник, а не социалист». Ленин вынужденно вошел с ним в альянс, потому что за спиной «иудушки» стояли большие деньги Америки.

В отличие от российских большевиков Троцкий в понятие «мировая революция» вкладывал создание Соединенных Штатов Мира — в нынешней терминологии Всепланетной Олигархии, где нашей стране отводилось место поставщика ресурсов и рабской силы.

Заказчики октябрьского переворота из Америки строго контролировали своего агента. В декабре 1917-го в Госдеп поступил отчет посла в России Фрэнсиса, где говорилось, что генерал Уильям В. Джудсон нанес несогласованный визит Троцкому и обнаружил в Смольном немцев. Разгильдяйство, выходило, что «надежда» денежных мешков Америки не способен выполнить поручение. Уже в 1918-м рассерженный президент США Вудро Вильсон в записке госсекретарю Роберту Ленсингу предложил подумать «о расчленении России по крайней мере на пять частей — Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину».

С Троцким, видимо, поработали — он резко активизировался. Ленин разгребал кучи крупных проблем выживания государства, а Лев Давидович подминал под себя реальную власть, упрочивал свои позиции. Армия и флот в его руках, многие руководители ЧК и депутатских Советов — тоже. Повсюду Троцкий назначил людей, приехавших с ним из США или рекомендованных близкими: замы наркома армии и флота — Склянский и Гиршфельд, члены Военного совета — Петч и Шородак, руководители Военного комитета Москвы — Думнис и Штейнгард, военный комендант Петрограда — Цейгер, командующий Московским военным округом — Буткус, комиссары этого округа — Медкас и Губельман, комиссар Петроградского военного округа — Гутпис, главный комиссар по реквизициям — Зусманович, комиссары армий и фронтов — Шульман, Бруно, Спиро и многие другие.

На организованных комиссарами митингах таскали партреты Троцкого и превозносили его заслуги. (А через несколько лет, уже без комиссаров-затейников, толпы стояли темными вечерами на площадях с теми же портретами, перечеркнутыми крест-накрест и, двигая факелами вверх-вниз, зловеще скандировали: «Смерть! Смерть! Смерть!») Троцкий считал, что Ленин занимал его место на высшей ступени иерархии

власти, и это у него сидело в печенках. После выстрела Фанни Каплан, бросив дела, Лев Давидович мгновенно примчался в Москву с намерением возглавить страну в случае смерти вождя. Это и скоропалительная ликвидация Фанни Каплан, спрятавшая концы в воду, вызвала подозрения в причастности подручных Троцкого к покушению. Ленин, а с ним и другие члены «его гвардии» стали всерьез опасаться «Нового Наполеона». Роптали, но у того шустряка все уже было схвачено.

В свою команду он умудрился втащить и белых генералов, наиболее отличившихся в зверствах во время Гражданской войны. В Военную Академию Генштаба, к примеру, назначил преподавателем генерала Слащева — командующего войсками в Крыму у Врангеля. Яков Александрович велел курсантам называть себя «Слащев-Крымский» и не стеснялся рассказывать, как предал своего прежнего патрона, сбежав из Константинополя и прихватив кучу ценных документов — для архивов Троцкого. А курсанты именовали его вешателем: на станции Джанкой Слащев приказал повесить на фонарных столбах всех комсомольцев — рабочих, студентов, парней и девушек. И в академии не скрывал своего подвига. Этого палача Михаил Булгаков вывел в образе генерала Хлудова. В конце концов один из слушателей Слащева не вытерпел и пристрелил его из пистолета.

Глубоко втиснулся Троцкий даже в сферу финансов. С его подачи был образован коммерческий банк для внешней торговли «Роскомбанк» во главе с комбинатором Ашбергом. С ним Троцкий сблизился в Нью-Йорке. Через банк шли крупные платежи за товары, заказанные Советской Россией за рубежом. Через несколько лет от услуг Ашберга пришлось отказаться: выяснилось, что значительную часть средств он переводил на свои личные счета и счета покровителей.

Многое передал через поколения нынешним российским вождям посланник молодого Бнай Брита. Мода вести себя как на захваченной территории и вызывающе шиковать на виду у бедной страны — тоже оттуда.

Троцкий любил жить на широкую ногу. В историю вошла его передвижная крепость под названием «Поезд Предреввоенсовета». О «поезде» писал впоследствии сам Лев Давидович, опуская шокирующие подробности.

Оборудование для крепости изготовили в США и в Россию доставили пароходами. «Поездом» назывались два больших состава с бронированными паровозами и бронированными салон-вагонами, где «руководил революцией», отдыхал или обедал, мылся в бане или связывался по радио с тринадцатью

станциями западного мира «полководец». США предоставили ему самую мощную на тот момент мобильную радиостанцию. С ее помощью он получал из разведцентров данные о дислокации, численности, вооружении «русских националистических формирований» — так Бнай Брит называл отряды сопротивления засланным комиссарам, в том числе отряд восставших крестьян Ярославской губернии.

А в разведцентры точную информацию передавали внедренные в эти отряды западные советники. В «поезде» были электростанция, гаражи с двумя локомобилями, тремя «паккардами», шестью легковыми и грузовыми «фиатами», «лянчами», «непирами», а также цистерна с бензином, телеграф, типография, вагон с оружием и склад с подарками для приманки крестьян (часы, золотые и серебряные украшения, портсигары — все конфисковано у граждан или снято с убитых). Большой штат стенографисток, секретарей, команда музыкантов из 30 человек.

Но этим «полководец», не служивший в армии ни одного дня, не удовлетворился: послал секретаря по особым поручениям Барычкина организовать еще один состав. Тот доложился в Московский военный округ: «Довожу до вашего сведения, что мною сформирован экстренный поезд т.Троцкому. В состав поезда вошли следующие части: два самолета с авиаторами и механиками, при авиационном отряде имеется один полуторатонный грузовой автомобиль; шесть самокатов; три шофера-мотоциклиста; одна цистерна бензина; два грузовых автомобиля. Поезд отправлен 10-го августа в 23 часа в сопровождении команды охраны». Видимо, не везде помогали краденые часы, и самолеты предусмотрительно заготовили, если срочно придется смываться с членом реввоенсовета Смидовичем.

Главным содержанием «поезда» был отряд из тысячи бойцов-карателей в черных кожаных куртках — с маузерами и пулеметами. Основной состав карателей — латыши. Им хорошо платили. Начальники составов Петерсон и Чикколини приравнивались к командирам дивизии, комендант — к командирам полка, бойцы тоже получали на уровне военных начальников. В стране гуляли тиф и голод — от «поезда», от карателей веяло сытостью.

Троцкий оставлял в наркомате своего верного зама, молоденького врача Ероима Склянского (поднимать тревогу, если что-то не так!) и отправлялся в «поезде» наводить порядки в России. Нургалиевских ОМОНовцев у него под руками быть не могло, транспортных самолетов для их переброски в не-

спокойные регионы — тоже. Приходилось самому возить латышей, чтобы они принуждали русских идти брат на брата.

Крестьяне не хотели воевать против своих, но заявлялся «полководец», латыши устраивали облавы и сгоняли мужиков к «поезду». Так велась мобилизация народа на защиту власти посланцев Бнай Брита. Играл оркестр, со специальной платформы Троцкий бросал в толпу зажигательные речи: «Вы должны знать, что впереди вас может ждать смерть с почетом, а сзади —неизбежная смерть с позором!» Он напирал на необходимость жертв ради мировой революции, ради создания Соединенных Штатов Мира (стенографистки фиксировали каждое слово, машинистки печатали в трех экземплярах — один для архива, для истории). Необученных крестьян толкали в бой против таких же крестьян, а сзади латыши устраивали заградотряды с пулеметами.

Многие, побросав оружие, убегали еще до сражений. Тогда из их деревень брали заложников и помещали в концлагеря. Через определенное время расстреливали. Концлагерь — черное детище Троцкого. В сколоченных наспех полках, не выполнивших задание, выдергивали из строя каждого десятого и тоже расстреливали. Уничтожение русских было поставлено на поток. Можно представить, что стало бы со страной, окажись на вершине власти бнайбритовец Троцкий с командой.

НЭПу с его оценками в нашей стране повезло. Десятилетиями шли мы под знаменем Ленина и НЭП должны были превозносить как гениальное изобретение вождя. Потом Кремль заговорил о рыночной панацее, и НЭП подвернулся под руку в качестве положительного примера. К тому же был неплохой повод попинать память Сталина за его нежелание дать людям экономическую свободу.

Сейчас не имеет значения, что, по признаниям некоторых большевиков, не сам железный марксист Ленин придумал эту политику — ему ее порекомендовали банкиры, кружившие вокруг Троцкого. Она могла дать хороший эффект, не заложи в нее кто-то второе дно. Ильич как хозяин Кремля вынужден был защищать вроде бы инициативу Политбюро. Дело в другом. Золотой червонец, прибавка необходимых продуктов на рынках — все это так. Вопрос возникает: а сколько частники добавили этих продуктов? Через два года после введения НЭПа — в 1923-м — провели перепись всех предприятий. И выяснилось, что государственный сектор давал 92,4 процента продукции, частный — 4,9 и кооперативы — 2,7 процента. Откуда тогда в магазинах той же Москвы появились продук-

ты, правда, лишь по карману очень немногим. (Недоступность цен всегда создает иллюзию насыщения рынка.)

Не буду злоупотреблять цифрами — современному читателю они ничего не дают. Приведу свидетельство проводника нэпа Александра Бармина, обожателя Троцкого, активного участника событий тех лет, сбежавшего позже за рубеж. Он сам наблюдал, как нэпманы «доводили предприятия до злонамеренного банкротства», чтобы приобрести их за взятку чиновникам по бросовым ценам.

Бармин, в частности, рассказал: «Продукция социалистического сектора, как правило, не шла напрямую к потребителям, а попадала в руки нэпманов, которые продавали ее с наценкой в несколько сотен процентов. В результате таких спекуляций и расширения черного рынка, подрыва национализированных отраслей экономики *в стране появились крупные частные капиталы* (выделено мной. — *Авт.*). Рабочие уже были не в состоянии платить высокую квартирную плату за хорошие квартиры, в которые их переселили после революции, и постепенно возвращались в трущебы» (А.Бармин «Соколы Троцкого»).

Примерно в то же время сторонники Троцкого Каменев и Зиновьев пробивали идею «открытых границ». Социализм, утверждали они, по своей природе интернационален и предполагает ликвидацию границ, по крайней мере, между основными индустриальными странами. С бесконтрольным движением капиталов через систему коммерческих банков и прочими атрибутами.

Вы здесь не видите сходства с тем, как все начиналось при Горбачеве — Ельцине? Сначала экономические реформы 88-го — перекачка госресурсов в карманы частников, позволившая дельцам обзавестись крупными капиталами. Затем безбрежная либерализация внешнеэкономического и банковского сектора. А потом уже раздача собственности «своим», то есть приватизация по-ельцински и по-путински с беспрепятственным выводом активов из нашей страны.

О приватизации тогдашняя команда Бнай Брита, естественно, не заикалась. Но логика ее действий к этому вела. А превращение троцкистов из коммунистов в капиталистов произошло бы моментально. Так это случилось со многими партийными бюрократами 90-х.

Удивительное дело, пролетело почти три четверти века, а рецепты у Бнай Брита не изменились.

Система государственного снабжения предприятий, как и в горбачевско-ельцинские времена, разрушалась на глазах —

сырье и материалы уходили налево через кооперативы и частные фирмы. Масштабы, конечно, еще были не те — страна не прошла через индустриализацию. Но все же. К примеру, в Сибкрайсоюз правительство направило большое количество закупленных в Англии пил для лесодобывающих предприятий, однако до лесорубов они не дошли — через частную фирму «Баканов, Лисицын, Вагин и Казаков» их переправили обратно в Москву, где продали на рынках. Из Иркутской губернии, Ойротской и других областей перестало поступать на переработку заводам золото — его у добытчиков активно скупали валютчики.

Нэп разрешил частное производство и продажу спиртного. До десяти процентов крестьянских хозяйств переключились на сверхприбыльное дело. В год на производство спиртного зелья переводилось до 100 миллионов пудов хлеба. Россию погружали в пьяное состояние.

В Москве открывались казино, стаями бродили проститутки. В ресторанах нэпманы гуляли вместе с чиновниками. Коррупция стала набирать обороты. В судах слушались одни и те же дела: взятки, взятки, взятки.

Без взятки нельзя было получить в аренду землю, фабрику, магазин. Особенно это явление распространилось в Ленинграде — сегодняшнем поставщике руководящих кадров России. Число распорядительных и контролирующих учреждений выросло там до 3115, в которых скопилось 171 тысяча чиновников. Даже рабочих в городе было меньше. Чиновникам хотелось жить лучше других — в вымогательствах у населения они не стеснялись. Их кто-то ловил? Конечно. Правда, следователи и судьи Ленинграда тоже любили взятки — пойманных отпускали. Только одна выездная сессия Верховного суда РСФСР в 1924 году рассмотрела в городе на Неве сразу 42 уголовных дела ответственных судебно-следственных работников. Всех осудили, 17 человек приговорили к расстрелу.

Вседозволенность спекулянтов и жуликов вызывала зубную боль у народа. Крепла оппозиция политике власти.

Троцкий все время настаивал на заманивании иностранцев в Россию: цивилизация, деньги. Даже сам взялся руководить Главным концессионным комитетом. По заявкам концессионеров им были выделены для вырубки миллионы гектаров леса (один «Японский лесной синдикат» получил 1 100 000 гектаров в районах Амура, Охотска и Усть-Камчатска) и лучшие месторождения полезных ископаемых. В России обосновались 123 компании из США, Англии, Германии, Франции.

Деньги? Никто из западных капиталистов не собирался тратить их на развитие нашей промышленности. Зачем выращивать конкурентов! Им нужны были древесина, меха, лен и, естественно, полезные ископаемые. К 1928 году на долю концессионеров приходилось 0,75 процента от всех капвложений в развитие промышленности. Зато свинца для вывоза они добывали 62 процента, марганца — 40, золота — 35, меди — 12 процентов.

Чем помогали они нашей экономике, можно увидеть на типичном примере деятельности акционерной компании «Лена Голдфис Лимитед». Хотя она и считалась английской, но основная часть ее акций принадлежала выходцу из России родственнику Троцкого нью-йоркскому банкиру Григорию Бененсону. Он обещал большевикам конвертировать большую рублевую сумму в фунты стерлингов, но слова, что в таких случаях часто бывает, не сдержал. Однако власть интернационалистов благоговела перед ним, как и перед всей иностранщиной.

«Лена Голдфис» получила в свое распоряжение территорию от Уральского хребта до Якутска — для добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов. Только на Среднем Урале ей были переданы Ревдинский, Биссертский и Северский металлургические заводы (выходит, и до Абрамовича на Западе водились «великие металлурги», зачатые брошенной Родиной), Дегтярское и Зюзенское месторождения меди, Ревдинские железные рудники, Егоршинские угольные копи.

Компанию заставили взять на себя обязательства руководствоваться советским трудовым законодательством и вкладывать средства в модернизацию производства. Она взяла. Но куда там! С предприятий высасывали последние соки, рабочих эксплуатировали по-черному. И то и дело переставали платить зарплату. А когда профсоюзы начинали готовиться к забастовкам, бежали в правительство за финансовой помощью. Правительство, боясь всероссийских стачек, раскошеливалось. (Совсем как во времена Путина). Ничего, кроме вреда, «Лена Голдфис» стране не принесла, зато сама поживилась на славу. В 1930 году Сталин приказал расторгнуть с ней договор. С другими концессионерами — тоже.

Их оторвали от корыта, и они еще долго преследовали Советский Союз. В 1959 году западная пресса много шумела о «деле Вейламан» — уроженке России и гражданке США. У нас об этом «деле» мало кто слышал. Вейламан была когда-то акционеркой «Лена Голдфис» и почти через тридцать лет после ликвидации компании обратилась в Нью-Йоркский междуна-

родный суд с иском к СССР: ей не выплачивают дивиденды по акциям, Советский Союз отказался их выкупать.

Абсурд чистейшей воды, но иску дали ход. Нас всегда шпыняли и будут шпынять «западные друзья». В трех нью-йоркских банках были заблокированы счета Госбанка СССР, хотя сумма иска составляла 55 тысяч долларов. Пришлось мобилизовать дипломатов, финансистов, юристов. Потратили много времени, пока не сторговались с нью-йоркским «Chase Manhattan Bank»: советские деньги, требуемые истицей, он перевел к себе — перемещение средств между американскими банками разрешалось. Наши активы освободили от «заморозки», а госпожа Вейламан была вынуждена обращаться с иском уже к США. Там ей, естественно, показали кукиш.

Легко влезть в петлю, трудно из нее выбираться. А Бнай Брит петли ставить умеет. Да так, чтобы за них цеплялось не одно поколение.

Ну а насчет пользы от экспорта западной цивилизации в нашу страну лучше было бы помалкивать Троцкому. Многие граждане уже наелись этой «цивилизации» досыта.

По России шли жуткие слухи о концентрационных лагерях на севере европейской части страны, созданных американцами, англичанами и французами. Эти господа без спроса забрались в нашу страну и стали заводить фашистские порядки. В лагеря были помещены 52 тысячи человек для заготовки и отправки на Запад леса. Работать заставляли с 5 часов утра до 11 часов ночи, выдавая каждому в сутки по 200 граммов галет, 175 граммов консервов, 42 грамма риса и 10 граммов соли. Самую мрачную известность приобрел Мудьюгский концлагерь в Белом море, где каторжным трудом и издевательствами «цивилизованные работодатели» доводили русских людей до смерти (температура в бараках была не выше минус 8 градусов). К 1920 году в Мудьюгском концлагере появилось около ста братских могил.

Из Приморья и Приамурья американцы вывозили лес, пушнину, золото и тоже бесчинствовали вовсю. Они сожгли 25 деревень и сел, а жителей сгоняли для работы в концлагерь.

Россия понимала, что ее, вчерашнюю передовую империю, раздирают на части, ведут к самоуничтожению. Демагогия Троцкого с компанией о завтрашнем благоденствии под властью Мирового правительства при наложении на реальность выглядела циничным издевательством. Власть скомпрометировала себя окончательно. В стране то и дело вспыхивали бунты — в Архангельской области, в Сибири, на Дальнем Востоке. Соколы Троцкого жестоко подавляли их военной силой.

Один из таких соколов, Михаил Тухачевский, прошелся на Тамбовщине огнем артиллерии по многим недовольным деревням и селам — сжег их. А леса, где прятались крестьяне с семьями, обработал химическими снарядами с отравляющими веществами. Шли массовые расстрелы заложников и всех, кого удалось схватить на улицах. (Из приказа Полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11.06.21 г.: «Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда; в случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье».) Эти ребята ради удержания своей власти готовы были идти на полное истребление русской нации.

Но ведь сама власть в их руках генерировала нескончаемую гражданскую войну — и горячую, и холодную. Говоря «мы из этого паралича не выберемся без хирургии», Дзержинский, очевидно, подразумевал наведение порядка в команде. Сталин тоже был за хирургию. Но подразумевал под этим полную смену команды и смену курса России от обеспечения интересов Бнай Брита — к ее национальным интересам.

Во время агонии Ленина и сразу после его смерти в Кремле между вождями шла грызня за верховенство. Они топили друг друга взаимными обвинениями. «Товарищ Картотеков» был, что называется, на десятых ролях и в борьбу не ввязывался. Нельзя рвать зеленый виноград — набьешь оскомину. Ему, генсеку умирающей партии, казалось, ничего не светило. Тех, кто находился ближе к рычагам управления, уже мало интересовала РКП(б) — это всего лишь ступенька для восхождения к власти, а дальше совсем другие цели, далекие от социализма. Даже финансирование парткомов «товарищу Картотекову» надо было всегда выцарапывать.

И в народе настроения изменились. НЭП и засилье иностранцев с замашками палачей нанесли по ленинской партии ощутимый удар. Из нее бежали: идейные — из-за несогласия с политикой ЦК, приспособленцы — из-за возможности разбогатеть в другом месте. Уход в нэпманы, в спекулянты позволял сколотить капиталы, тогда как нищета партработников той поры была притчей во языцех. С мест поступали данные о численном составе РКП(б) (общие сведения разные, по одним из них — около 390 тысяч человек), но Сталин догадывался, что в этой цифре до трети «мертвых душ». Люди покидали партию, а функционеры-секретари приукрашивали отчеты.

Он ездил по регионам, знакомился с людьми, приглядывался к ним. В свою особую картотеку заносил фамилии понравившихся твердых мужиков — потом выдвигал их на клю-

чевые посты, проводил в состав ЦК. Говорил: «Пусть бегут из партии карьеристы, на их место зовите болеющих за страну».

На этих же принципах организовал так называемый ленинский призыв в РКП(б). Численность партии выросла вдвое, ее состав стал другим: преобладали коммунисты из регионов, крепче привязанные к интересам России. Это была уже не ленинская партия, а сталинская.

Генсеку удалось расширить численный состав ЦК и провести туда многих своих людей. Самоуверенный Троцкий с товарищами свысока наблюдали за возней, как они называли, «серого пятна партии». И не заметили, как стали составлять в ЦК меньшинство. Коба их обыграл.

Нет нужды углубляться в подробности той борьбы — о ней писано-переписано. Итог: Троцкий и все его ставленники были отстранены от рычагов управления — страна начала восстанавливать свой суверенитет. Тяжелым путем индустриализации, создания научной базы и наведения порядка она стала выбираться из разрухи, превратившись со временем в сверхдержаву.

Дойную корову — Россию — Сталин вырвал из клещей Запада, и наше государство пытались тут же задушить блокадами. Запретили фирмам покупать у Советского Союза пушнину, золото, минеральное сырье. Даже на поставки леса, этого сверхликвидного товара, ввели эмбарго. А валюта на индустриализацию стране была очень нужна. Запад соглашался брать у нас только пшеницу, рассчитывая вызвать продовольственный кризис. А позже Запад усиленно науськивал Гитлера на СССР.

Такое оно лицо «цивилизованного» мира, под который нас все время хотят подстелить.

Посланцы Бнай Брита в России — мастера демагогии и заразили тогда демагогией партию. Выметать их из власти Сталин мог, лишь используя демагогию. В речах он постоянно опирался на постулаты марксизма, на авторитет Ленина. Не переходя на личности, говорил о явном несоответствии дел учению.

Это обезоруживало противников и впечатляло аудиторию. Потом Сталина начнут обвинять, будто он отошел от ленинских принципов. Это не так. Основной принцип Ленина, Троцкого и всей команды — террор. Коба не отступил от него. Только у тех террор был направлен против русской нации, а Сталин придал ему интернациональный характер, направляя острие топора в первую очередь против самих зачинщиков антирусского террора (о репрессиях 37-го года разговор осо-

бый — я сказал об этом в главе III). Поэтому так ненавидят Сталина потомки этих зачинщиков — прямые и идейные.

Наглядный пример с женским концлагерем в Московском Новоспасском монастыре. Туда в 1920 году заключили и дочь Льва Николаевича Толстого — Александру, где она сидела вместе с русскими графинями, княгинями, женами офицеров. Над ними издевались молодые стриженые особы в кожаных куртках, которых позже назвали «Швондерами женского пола». Как им нравилось изгаляться над цветом нации! А с падением власти посланцев Запада монастырь стал местом заключения «Швондеров женского пола».

И коррумпированные чиновники со спекулянтами-паразитами пошли по этапу. У их потомков тоже зубной скрежет при упоминании Кобы.

Хочу ли я дать этим рассказом оценку личности Сталина? Нет, делать какие-то свои заключения в данном случае не собираюсь. Пусть события сами говорят за себя. Все сегодняшние высказывания о генсеке, звучат ли они из уст тракториста или президента изнасилованной России, субъективное, личное мнение — не больше. Это дело вкуса каждого: одному в людях нравится воля, другому — дорогие часы на руке.

Объективную оценку ушедшему главе государства дает только состояние государства, которое он после себя оставляет. Посмотреть на состояние государства после Михаила Сергеевича Горбачева — вот и оценка ему. Посмотреть на состояние страны после Ельцина — тоже оценка, справедливее не придумать. И к Путину, и к Медведеву подойдут с тем же критерием.

Все эти фонды и премии имени президентов — кормушки для жучков, не догрызших казну в свое время. И пропагандистская сивуха с этикетками «Горбачев», «Ельцин», «Путин», которой старательно спаивают народ, не способна делать из него дальтоника — путать белое с серым. У обмана тоже есть пределы возможного. Сквозь пыль заказной похвальбы или конъюнктурного шельмования люди думающие различают силуэты величия лидеров нации: кто из них действительно большая фигура, а кто так себе — нравственный карлик.

После обработки моих мозгов хрущевским двадцатым съездом КПСС я не любил «деспота Сталина». И не хотел о нем никогда говорить. Но вот архивные тайники Кремля мне сказали: «Не ходи, парень, слепо за чужим мнением, попробуй-ка сам разобраться во всем». Я попробовал — и делюсь некоторыми впечатлениями. Как неравнодушному гражданину страны мне больше импонирует, когда глава моего государства си-

дит на равных с руководителями других великих держав (так, например, было в Ялте). И мне совсем не по душе, если вижу президента моей страны как бы на приставном стульчике возле кресел западных лидеров. Ты понимаешь, что этот стульчик держат до тех пор, пока у России что-то еще остается от мощи СССР.

Личности такого масштаба, как Сталин, однозначными быть не могут. А он неоднозначен вдвойне, втройне, если не учитывать ту обстановку, которая была на планете.

Природа везде закладывает последовательность. В растительном мире цветение сада сменяется жухлыми листьями. У человеческого дыхания свой ритм: вдох — выдох, вдох — выдох. И в политике всех государств одно сменяется через цикл другим: вслед за либерализацией общественных отношений идет ужесточение нравов, усиление экстремизма. Явление это всеохватно.

Эпоха Сталина попала в зону ужесточения, экстремизма. Террор катился по Европе и Азии — диктаторские режимы, концлагеря. Фашизм, именуемый мягко расизмом, поразил Соединенные Штаты. В 1922 году «самый демократичный суд» в мире — Верховный суд США принял постановление, согласно которому иммигрантам монголоидной расы запрещалось давать американское гражданство. А в 1941 году янки соорудили у себя десять концлагерей для японцев, проживающих на территории страны и являющихся ее гражданами. В лагеря поместили 120 тысяч человек — депортация по-американски. И никто в западном мире не вякнул о жестокостях режима США. А затем по Америке разгуливал маккартизм — охота на тех, кто не солидарен с Бнай Бритом.

Даже в совестливой Канаде разделение людей по этническим признакам было возведено в государственную политику. В 1938 году Германия захватила Судеты, и оттуда побежали враги Гитлера. Канада согласилась принять три тысячи немцев, но только шесть еврейских семей. На журналистский вопрос «почему?» госсекретарь этой страны Блэйр ответил: «Даже один еврей — это слишком много!» Сталин тогда дал «добро» на въезд в СССР отвергнутых Западом беженцев.

Как интернационалист и радетель о благе Отечества он принимал всех невзирая на национальности и сажал воров невзирая на ранги. Правда, пользовался методами, какими пользовался мир того времени. Просто Бнай Брит выделил именно его для злобной атаки, потому что не может простить своего поражения и будет дальше мстить через своих подпевал в Кремле. У Сталина, как любого другого вождя, была собствен-

ная система координат, но она не могла радикально отличаться от общей системы. Так на одной грядке из одних и тех же семян не растут разные овощи.

10

Точного совпадения параллелей в политике не бывает. Но аналогии настоящего с прошлым России просматриваются по сути. Мы поднялись по спирали и вышли на прежний круг. В финале и там разруха в результате гражданской войны режима с народом, и здесь разруха — как продукт усилий Кремля по деиндустриализации страны и демонтажу всего того, на чем держался ее суверенитет.

Нынешняя власть погрузилась всецело в заботы о своем личном обогащении и прислужничество западным покровителям, причем даже не старается это скрывать. Контроль над сырьевыми источниками России утрачен, а все виды ресурсов перекачиваются за рубеж. По прикидкам экономистов, вывод ельцинистами капиталов — легальных и нелегальных — составил примерно два триллиона долларов.

Усиливая эксплуатацию и чиновничий произвол, власть беспрестанно придумывает новые меры, которые толкают вверх уровень бедности. Нацию загоняют в угол.

К роскошествам наш люд не привык и терпел бы лишения, будь они вызваны общей бедой — либо войной, либо необходимостью залечивать раны после нашествия западных варваров. Правда, терпеть готов вместе со всеми. Но войны нет, в стране ресурсов больше чем надо, а жизнь все хуже и хуже. Причем чем хуже живется простому народу, тем богаче делаются чиновничество и всякие шаромыжники, облепившие власть.

Русскую натуру, у которой справедливость на первом месте, это приводит в негодование.

А негодование вызрело в ярость, когда вся эта мразь стала кичиться своей вседозволенностью, выставляя на показ украденные богатства. Потешаясь при этом с экранов ТВ над теми, кого она облапошила. Долой стыд, пусть торжествует презрение к «маленькому» человеку!

«Поезда Троцкого» — кортежи с мигалками — безнаказанно калечат и убивают бесправных людей, «латыши Троцкого» — менты — ломятся в двери с облавами, «проститутки Троцкого» — попса — ложатся под грязные деньги на виду у детей. И повсюду, что называется, «мертвые с косами стоят», т.е. катится вал беззакония под лозунгом ельцинизма: «Мир дворцам нуворишей — война хижинам плебеев!». Не нравит-

ся? Тогда вот вам репрессии. Сочлененные в мафию представители власти с выгребателями недр, ростовщиками, спекулянтами и рэкетирами ведут себя как пьяная солдатня вражеской армии на оккупированной территории.

Все это наслаивается в сознании людей и нестерпимо давит на чувство достоинства, заставляя включать генетическую память. Без хозяина — страна сирота. А кто был твердым хозяином, который не хапал сам и бросал гнить в тюрьмах высокопоставленное жулье? Сталин! Своей семье после смерти вождь оставил «пять курительных трубок, два кителя белого цвета, два кителя серого цвета... коробку нижнего белья» (из описи имущества), а для общества — мощную ядерную державу. К его призраку обращается теперь мысль втоптанных в унижение: «Вернись!».

Сталин все настойчивее стучится в двери России. Неслучайно вокруг его имени разгорается нешуточный спор. Опросы населения фиксируют рост доверия к вождю. А реакция на это Кремля, «наших» и олигархического телевидения однозначная: скрежет зубовный. Для них только от имени генералиссимуса уже веет холодными ветрами Колымы.

Генетическая память народа поднимает из временных глубин не Сталина — человека, не усатого рябого грузина, с его слабостями, восточной хитростью и сверхподозрительностью. Эти «мелкие» детали давно забылись. В общественном мнении востребован и утверждается Сталин — символ, Сталин — мечта о справедливом порядке, Сталин — укротитель антирусской разнузданности. Мода на «Сталина — бескорыстного», готового идти на все ради блага Отечества, при нынешнем уровне развязности паханата, видимо, приобретет размах эпидемии.

Общество созревает до готовности встретить аплодисментами диктатора новой формации, и Кремль сам ведет его к этому, потеряв чувство самосохранения. Общество, наученное горьким опытом СССР, на сей раз, возможно, не станет терзаться в сомнениях, а сразу выберет определенную позицию перед чертой «или — или»: или летальный исход для страны, или «хирургия» в понимании Сталина.

Мне как демократу первой волны — нас называют наивными идеалистами — хотелось жить в государстве, где все сбалансировано и направлено на благо людей: ответственный президент, полноценный парламент, независимые суды и средства массовой информации. Никто не мог бы забраться за правами в огород другой власти или злоупотреблять положением в корыстных целях, потому что взаимоконтроль и

система сдержек не позволяли этого сделать. Они не позволяли бы также ущемлять как политические, так и экономические свободы и утверждать неравенство граждан перед законом. Мы по наказам народа начинали этот процесс.

Не получилось.

Мы, и я в том числе, помогли прийти к власти Ельцину, проигнорировав по недомыслию евангельскую заповедь: «Остерегайтесь лжепророков. Они приходят к вам в овечьем обличии, на самом же деле они — волки свирепые. По плодам деяний вы узнаете их» (Новый завет, от Матфея). Один он не в силах был развернуть в противоположную сторону начатый в России процесс. Многие способствовали ему: съезд народных депутатов РСФСР оттачивал волку зубы, пока он не загрыз съезд, интеллигенция науськивала, чтобы он рвал этими зубами законы, а мы, журналисты, выдавали людям звериный рык за овечье блеянье. Да и толпы доверчивых граждан митинговали в поддержку Бориса Николаевича.

И воцарился ельцинизм на долгие годы: тарантул нарыл глубокие норы и наплодил себе на смену тарантулят, которые, подрастая, поражают ядом того же вида.

История давала нам шанс обустроиться на демократических принципах. Но истинная демократия оказалась обществу в тягость. Нас все время водили поводыри. Как бы не заблудиться без них! Проще свалить все полномочия в один сундук и соорудить из него для вождя подобие трона. Самодержавная психология. Пусть думает за всех и о всех заботится. Но «волки в овечьем обличии» о всех заботиться не хотят — только о себе. И умыслы у них совсем другие. А попроси скомпрометировавших себя квазицарей освободить трон — не получится: приросли к нему задницами. Если приспичит, без «хирургии» не обойтись.

Радикальные либералы, недовольные темпами сдачи интересов России, стали называть политику Путина неосталинизмом. Но это по недоразумению. Во-первых, все уже сдано. А во-вторых, зачем смешить народ — какой из Путина Сталин. Это антипод генералиссимуса. Из Путина Сталин, как из чайника паровоз.

Все, кажется, делает Кремль, чтобы сохранить в незыблемости свою диктатуру. Чтобы не дать личности заявить о себе народу. Во властные структуры кадры подбираются через процедуры моральной и интеллектуальной стерилизации. Политические евнухи произвести диктатора, тем более со знаком плюс, не способны. В разрешенных режимом партиях и движениях будущим Сталиным тоже не место.

Но современные народные вожди рождаются не в тиши кабинетов, а на улицах, в цехах, на судоверфях, как это было с Лехом Валенсом. Их выносит наверх девятый вал недовольства.

Режим может надежно спрятаться от опасности — за крепостными стенами, за бронетехникой внутренних войск, за щитами ОМОНа. Но при этом невзначай поскользнется на арбузной корке и расшибет себе голову. А арбузных корок под ногами власти сегодня хоть отбавляй.

Одна из них — запредельная изношенность основных систем жизнеобеспечения: инженерного оборудования ЖКХ, газо-электро-тепло- и водосетей. За туманом кремлевской говорильни о какой-то фантомной модернизации скрывается повсеместная деградация инфраструктуры — в тысячи населенных пунктов не могут из-за бездорожья проехать ни пожарные команды, ни скорая помощь, от Москвы до Владивостока нет до сих пор непрерывной автострады.

С бездорожьем народ как-то свыкся. А вот прижмет мороз, увеличится в городах нагрузка на дряхлые сети — и начнется их массовый выход из строя. Потому что к каждой трубе, каждому трансформатору присосались десятками коммунальные фирмы-паразиты: они вместе с властью обирают население, а прокладкой новых сетей и капитальным ремонтом старых никто не занимается. Все держится на честном слове.

Для сухой травы социального напряжения достаточно одной искры, а массовый выход из строя систем жизнеобеспечения выдает их снопами. Без воды, без тепла, без света, с забитой отходами канализацией — тут миллионы выйдут на улицы. Даже европейцы предупреждают: «не шутите с инфраструктурой, хоть немного вкладывайте в нее, не разворовывайте все до копейки. Опасно». А как пьяный от вседозволенности режим может не воровать! Такие масштабные акции всегда меняют расстановку сил в государственной власти.

Энергия протеста выплеснет наверх целую группу организаторов-патриотов, уже из ее среды выдвинется тот лидер, которому сначала предстоит разобраться с самим Паханатом и его дармоедами, затем вместе с нищим народом приняться за реиндустриализацию страны, за создание принципиально новой промышленной системы и восстановление тесных связей с СНГ, поскольку в глобальном мире из-за тяжелых климатических условий не вся наша продукция способна быть конкурентоспособной.

Еще одна арбузная корка — до предела изношенное производство в моногородах, где проживает 14 миллионов человек. А рядом — армия, поставленная на уши «табуреточником»,

за ней — балансирующие на канате между жизнью и смертью шахтеры, металлурги...

Победный запах массовых протестов опять привлечет немало прохвостов с известными именами: они будут отсиживаться в уютных подвалах, «жевать бутерброды, запивая их водкой и коньяком», а в финале полезут на танковую броню и трибуны, предлагая себя в вожди. «Остерегайтесь лжепророков».

Многие эксперты считают, что время пошло. Россия с Бнай Бритом выходят на позицию друг против друга, как ковбои из вестернов: кто сумеет первым выхватить пистолет и сделать выстрел на поражение. Или Всепланетной Олигархии все-таки удастся довести численность русского народа до 35 миллионов, или народ протрет глаза и у края обрыва сбросит с себя ярмо.

Пессимистов на сей счет много. Себя отношу к оптимистам (неисправимы наивные идеалисты?). Коли без диктатуры не получается, так пусть она будет на благо Отечества и народа.

Другая эпоха? Другая расстановка сил на планете? Да, все другое. И все то же самое.

Накачал мышцы мировой жандарм — США. Они вцепились в горло России, кажется, не вырвешься и даже шага не сделаешь без их воли — так обложил гарантиями свою власть паханат. Да только надорвалась уже Америка в трудах по управлению миром, и время стало работать против нее.

Гегемонистов подвела страсть к езде на чужом горбу. Они захотели жить без заводского дыма, имея при этом дешевую и качественную продукцию, и вывели свою промышленность в Азиатско-Тихоокеанский регион. За США потянулись Франция и Германия (немцы в результате этого уже потеряли два с половиной миллиона рабочих мест). Товары Китая, Таиланда, Малайзии и других стран заполонили западный мир и выкачивают из него деньги. Партнеры США по разным агрессиям уже столкнулись с дефицитом системы пенсионного обеспечения, у американцев он на пороге.

Запад разучился работать, играя в финансовые бирюльки, и расплачивается за это перемещением центра мировой экономики в зону китайского влияния. Юань готовится стать главной валютой. Азиаты скупают в Америке пакеты акций высокотехнологичных предприятий, многочисленных банков и берут под контроль трубопроводные сети. Степень деградации государства проще всего определить по уровню изношенности национальной инфраструктуры. В России, как уже говорилось, он запредельный. Думалось, что США, выка-

чивая ресурсы из стран-сателлитов, тащат их к себе для создания гражданам всех удобств. Ан нет!

Бнай Брит даже в собственном доме умудряется замутить финансовые потоки. Вдруг остро стал вопрос: куда испарялись деньги, выделяемые на инфраструктуру? Почти тридцать лет в нее вкладывались мизерные средства, как-то разом начала давать о себе знать неисправность тысяч мостов, дамб, плотин и шлюзов, энергосистем и водопроводов. Строители подсчитали, что в ближайшие пять лет на ремонт систем жизнеобеспечения потребуется 1,6 триллиона долларов.

У США, наверно, голова пошла кругом от напирающих проблем. Как остановить процесс экономической деградации, как сдержать наступление Китая с его соседями и не дать рухнуть доллару, что предпринять против распространения ислама в стране? Да и Запад, согнанный американцами в стойло «постиндустриального неолиберализма», нажил себе грыжу и вот-вот начнет разбегаться в разные стороны. Он вспомнил о классических трудах Маркса.

Последовательность, заложенная природой: выдох-вдох, либерализация порядков — их ужесточение для восстановления растраченных сил... К новой эпохе топает человечество?

Может статься, что Америке скоро будет не до России. А Китай, наоборот, прибавит в интересе к нашей стране. В экономическом и другом противостоянии с США ему будет выгодно иметь по соседству суверенное государство с независимой политикой, а не клеврета опасного конкурента.

У меня есть давний приятель из военно-космической отрасли, назову его Сергеем Сергеевичем. Авторитетный в своих кругах человек и хороший прорицатель. О многих больших событиях он говорил мне, что дело кончится тем, а не этим, и редко когда ошибался. Сергей Сергеевич давно предсказал разрастание конфликта на Северном Кавказе и крах идеи с образованием российско-белорусского государства: Путин никогда не решится перечить американцам, не желающим объединения славян.

Встречаясь, мы иногда обсуждали с приятелем и тему будущего России. В этот раз тоже завели о ней разговор. Он уверен, что кремлевский режим себя исчерпал, находится в полной изоляции от народа и все остальное — дело времени. Я рассказал Сергею Сергеевичу притчу, услышанную от моего любимого учителя. Им был декан факультета журналистики нашего университета Михаил Иванович Дмитровский. Этот мудрый и храбрый человек прошел войну с первых и до по-

следних дней, многого там навидался — нам, студентам, рассказывал некоторые истории, облекая их в притчи.

Под Смоленском в 41-м взвод лейтенанта Дмитровского отражал атаку вражеской пехоты и танков. Жара, пыль, грохот и гарь, немцы перли нагло, обрабатывая позиции русских пулями и снарядами. В момент, когда рвутся у слабых нервы, красноармеец плюхнулся на дно окопа лицом вниз, зажал уши руками и начал причитать: «Они не должны нас победить, они не должны нас победить...» Дмитровский дал красноармейцу хорошего пинка в зад и закричал:

— Встань, мать твою за ногу. Чтобы нас не победили надо подниматься под пули и самим побеждать...

Красноармеец поднялся, стрелял, да еще как. И, наверное, многие так преодолели в себе трусость — потому мы и победили врага.

Нами, студентами, этот рассказ воспринимался как наставление: не ходи в журналистику, если хочешь отлеживаться на дне окопа. Борьба за справедливость и против коррупции всегда требует мужества.

Я спросил Сергея Сергеевича: на что он надеется? Вся сегодняшняя, так называемая, элита примостилась на дне окопа и от страха мочится под себя.

— Какую элиту ты имеешь в виду? — взорвался мой приятель. — Попса — это элита? Нынешние писатели с безликими актеришками — это элита? Политологи, чиновники от разрешенных движений и партий — это элита? VIP-попы, лебезящие перед нуворишами, — тоже элита? Нет, все это отравленный продукт олигархата. На раздачу портфелей они, конечно, прибегут первыми. Но элита — не они. Будущая элита пока не открывает своего лица, не маячит на телеэкранах. Власть о ней знает и потому вместе с олигархами пакует чемоданы.

— Жаль, что эти чемоданы очень объемистые — все вывезут, — пошутил я.

— Пусть вывозят, — серьезно ответил Сергей Сергеевич, — заработаем. А им эти чемоданы все равно не пригодятся.

— Почему?

— Вот смотри, — тихо сказал Сергей Сергеевич и достал из портфеля бумаги: схемы, комментарии к ним. И мы углубились в чтение.

Вокруг Земли по широтной, полярной орбите — от полюса к полюсу — летают группами низковысотные спутники — американские, китайские, наши. Планета вращается в меридиальном направлении, и благодаря двум различным вращательным траекториям каждый искусственный спутник Земли

(ИСЗ) оказывается на какое-то время над нужной ему территорией. Это спутники-шпионы: они следят за нами, мы — по старой привычке, за странами НАТО.

Для удержания ИСЗ на нужной орбитальной высоте — примерно 270 километров — на них ставят двигатели. Энергию двигателям наших спутников дают ядерные установки «Бук» (на быстрых нейтронах) и «Топаз». Топливо — плутоний-238. Он настолько опасен, что по окончании срока службы ИСЗ реакторы боятся возвращать на Землю, а отделяют от аппаратов и выводят на высокую «орбиту захоронения» — около тысячи километров от поверхности планеты (так «консервируют» на 200 лет).

Это американцы посчитали, что радиоактивных выбросов 450 граммов плутония-238 при его равномерном распределении достаточно, чтобы вызвать рак у всех людей, населяющих Землю. А гуманисты-гегемонисты из пальца данные не высасывают. В 40—70-х годах США провели радиационные эксперименты над своими людьми — заражению подверглись более 23 тысяч человек, часто не подозревающих об этом. В том числе около ста школьников из штата Массачусетс. Когда министр энергетики США О`Лири прознала об этом в 90-х, то подняла шум и заявила: «Я могу сравнить это только с нацистской Германией».

Американцы стали играть с плутонием-238, как с огнем. В 2008 году, отрабатывая систему ПРО, они сбили ракетой свой спутник-шпион USA-193 с ядерно-изотопным устройством, где было около килограмма плутония-238. Радиоактивные выбросы рассеялись над Тихим океаном. (Китайцы в ответ сбили свой спутник «Фэнъюнь», показывая, что не думают уступать янки.) А еще раньше американцы снарядили космический зонд «Кассини» радиоизотопным генератором с 32,7 килограммами плутония-238 и отправили его гулять по Галактике. В 1999 году он вынырнул из мглы и пролетел всего в пятистах километрах от Земли. Если бы «Кассини» вошел в атмосферу, то, по оценке НАСА, от рака могли погибнуть до пяти миллиардов человек.

— А теперь к сути, — сказал Сергей Сергеевич, когда закончил знакомить меня с общим раскладом. — Знаешь, сколько российских ворюг уже купили себе жилье в Британии? Больше двухсот тысяч человек. Пойдешь по Лондону, и будешь спотыкаться о наших чиновников. А знаешь, сколько недвижимости они приготовили для своей построссийской жизни во Франции или на островах Италии? В наших реестрах собраны все данные.

— Ну и что, — ответил я, — уедут и будут там в свое удовольствие, как Абрамович, кататься на яхтах, а твои реестры повесят на гвоздике в туалете.

— Э, нет, — твердо сказал Сергей Сергеевич. — Я для чего тебе принес материалы по спутниковым ядерным установкам «Бук» и «Топаз»? Реестры — это цели для них. Устроим аварию спутника над тем же Лондоном, распылим изотопы плутония-238, и все двести тысяч воров скорчатся, подыхая от рака, — с любовницами, прислугой, домочадцами. Потом извинимся по примеру американцев: они бомбят и извиняются, бомбят и извиняются. Никто не прекословит.

Похоже, он не шутил. И на мой вопрос: а как же остальные британцы — там их миллионы, ответил: — Их ставленники миллионами русских изводят — это тебе нормально? У британцев есть время подумать над выбором. У тебя остались связи с журналистами, попроси, чтобы предупредили и англичан, и итальянцев, и французов: пусть гонят к чертовой матери со своей территории все российское ворье и разрывают с ними сделки на продажу недвижимости. Хотя они плевали на судьбу русских людей, у нас сердце отходчивое.

Я не мог поверить в серьезность таких намерений, поскольку слышал где-то, что проект с использованием «Топаза» и «Бука» закрыт. И напомнил об этом Сергею Сергеевичу.

— Для кого закрыт, — сказал он, — а для кого-то открыт или откроют по первой команде. Все «бронепоезда» стоят на запасном пути. Думаешь, руководители-дилетанты, пристроенные Путиными — Медведевыми, что-нибудь понимают в своих хозяйствах? Полное невежество! И это хорошо для сохранения военного потенциала. Грамотные мерзавцы давно бы все раскурочили, а так пилят себе бабло и пусть пока пилят. Убегут — будет чем догонять.

Я сказал приятелю, что не могу признать в нем прежнего Сергея Сергеевича — ровного и даже застенчивого. А тут вижу неистового Емельку Пугачева с оголенной ядерной саблей.

— Достали, — просто ответил Сергей Сергеевич. — Всех они нас достали. Ниже пригибать голову — шея сломается. Пора выпрямляться.

...Теперь я стал видеть сны реже. В молодые годы, бывало, припал к подушке и получай — то грезы, то кошмары. В зависимости от душевного состояния. А сейчас натопчешься за день с маленьким внуком, выльешь все эмоции и спишь без задних ног.

Зато я стал видеть цветные сны. Редко — но видеть. Они запоминаются. Одно такое видение явилось мне недавно. Мо-

жет быть, под впечатлением рассказа Сергея Сергеевича? Возможно.

Вижу зал в голубом интерьере: ковры, гобелены. За высокими окнами бассейн, ухоженные лужайки. По всем признакам — вилла. А по залу осторожно ступает человек в желтом радиационно-защитном костюме, в противогазе, с дозиметром.

Подходит к столу, на который безжизненно упала голова хозяина. Кто это — сзади не определишь. Хорошо видна только распростертая на столе правая рука с зажатым посиневшими пальцами «паркером». На руке Breguet Marine. Кто-нибудь понимает что-то в часах?

Человек в желтом костюме медленным движением черной перчатки вытягивает из-под руки хозяина недописанный лист бумаги и долго держит его перед собой. Мне удалось запомнить часть текста:

«Сэр! С прискорбием доношу Вам и всему влиятельному руководству Бнай Брита, что третья, завершающая фаза спецоперации под кодовым названием «Трындец русскому народу» провалилась. У меня до сих пор болит зад от крепкого пендаля. Опять недооценили мы духа...»

Дальше слова запрыгали, и по бумаге потянулась кривая угасающая линия.

Странный сон. Черт знает что, наслушаешься друзей — хоть спать не ложись. Сейчас припомню, когда он привиделся. Да, это было в ночь со среды на четверг. Именно так. Хотя мне совсем не хочется такого финала. Пусть пендаль будет, а остального не надо.

Интервью

Ельцину было все равно, какое государство возглавлять

(Интервью с М.Н Полтораниным. Впервые опубликована на Фонтанкару 08.12.2011)

— 20 лет назад было подписано Беловежское соглашение. Какую роль в тех событиях сыграл ваш бывший патрон — Борис Николаевич Ельцин? Ведь, как ни крути, Вискули — его рук дело.

— Он сыграл решающую роль. Ему было ничего не жалко. Ему было все равно: возглавлять ли демократическое государство, фашистское, какое угодно — лишь бы быть во власти. Лишь бы быть никому не подконтрольным. Он сошелся с Горбачевым, которому тоже было в общем-то на все наплевать, и они только «рисовали» борьбу между собой. Но на самом-то деле никакой борьбы не было! Они в буквальном смысле договаривались ночами.

Ельцин почти 4 часа проторчал у Горбачева перед поездкой в Белоруссию. Причем его ждали Гайдар, Шахрай, Бурбулис. Команда собралась, а Ельцин еще получает последние наставления от Горбачева перед Беловежской пущей. Потом выскакивает: «Мне надо ехать, встретиться с Кравчуком! Михаил Сергеевич сказал: «Ты там с ним поговори». Ну что это такое? Ехать поговорить с Кравчуком в Белоруссию, когда тот возглавляет Украину. Не в Кремле, не в Москве, да еще с такой командой, специально подобранной для этих целей. Так что, конечно, это все было подготовлено.

А вскоре Ельцину прислали Джеффри Сакса — под «крышей» Международного валютного фонда — который с 1991 по 1994 год был руководителем группы его экономических советников. Это и была команда Бориса Николаевича.

— Ну, кое-что в заслугу ельцинскому правительству все-таки поставить можно. Вы ведь там были первым российским министром печати. При вас, Михаил Никифорович, случился настоящий расцвет отечественной журналистики...

— Да, работал в ранге вице-премьера, но Ельцин меня членом своей команды не считал, хотя я был одним из тех, кто

был ближе всего к Ельцину с самого начала его «демократической» карьеры. Ельцин со временем перестал меня ставить в известность о многих вопросах, перестал с собой куда-то брать...

Но это не мешало мне в работе. Я тогда занимался демократизацией средств массовой информации. Мы приняли Закон о печати. Потом мое министерство подготовило Закон о СМИ. Через Ельцина я пробил господдержку независимых районных и городских газет. Правительство выделяло под это деньги из бюджета. Я создал Дом российской прессы в здании, которое у нас потом отобрал Совет Федерации. «Выбирайте любое здание в Москве», — сказал мне тогда Ельцин, которому очень понравилась моя идея. (Вообще моя идея была создать такие Дома прессы в каждом областном центре.) Мне понравилось здание КГБ на Лубянке (смеется).

Доложил Ельцину полушутя. Он всерьез: «Езжайте, смотрите!» Баранников (в то время — министр безопасности России. — *Ред.*), конечно, обалдел. Но я действительно приехал. Полазил. А там кабинеты — клетки, клетки, клетки... Говорю: «Нет, не подойдет! Нам же надо холлы, чтобы проводить пресс-конференции». Ну а в том здании это все было...

— ...И Ельцин вам его отдал? Погодите, так в этом же здании располагался Госстрой, где Борис Николаевич работал во время опалы, после изгнания из Политбюро?

— Да! Я у него там много раз бывал. Это как заходишь, на третьем этаже, слева. Ельцин очень обрадовался моей идее...

— ...потому что неприятно было вспоминать госстроевские времена?

— Не-е-ет... Ему было приятно потому, что я всем говорил, что идея создать Дом российской прессы — идея Ельцина. «О, Михаил Никифорович! Спасибо! Журналисты теперь будут меня очень любить!» Так было. А я играл на этом деле.

Так вот в этом здании мы собирались внедрить традицию — устраивать прощание с умершими журналистами. И даже провели первые похороны. Это был известный журналист-международник, работавший в Японии... (Задумывается.)

— Цветов?

— Да, Цветов. Он был единственным, с кем мы попрощались в этом здании.

Но главным предназначением Дома российской прессы было, конечно, то, что мы предоставляли различным независимым изданиям площади в этом здании и платили за них аренду.

— Вы сказали, что Ельцин хотел выглядеть в глазах журналистов демократом. Как Борис Николаевич относился к нашему брату на самом деле?

— Нужны ему были журналисты, он мне каждый день звонил с утра: «Ну есть кто? Ну как там?» Это было, когда я работал и в «Московской правде», и позже — когда он ушел в Госстрой, а я ушел в АПН. Он просто заколебал меня и моего соседа по кабинету — Альберта Сироткина. Я куда-то уматываю, а Ельцин продолжает звонить. Ему надо, надо, надо...

— А чего он домогался-то?

— Чтобы я его связывал с корреспондентами. Пробивал интервью. Он же в то время «закрытый» был. Так что выход Ельцина «в свет» в те времена был моих рук делом. Более того, я сам за него иногда давал интервью, если его не было...

— Присылали тексты от его имени?

— Нет, прямо за него наговаривал. (Смеется.)

— Но самая-то интересная в этом смысле история — это «настоящее» выступление Ельцина на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года, которое ходило в самиздате. Говорят, что Ельцин ничего подобного не говорил, а за него задним числом текст сочинили вы?

— Да, сочинил. Мой текст был совершенно другая песня, как говорят в Одессе. Я объясню, почему я так поступил. Они (члены ЦК КПСС. — *Ред.*) ведь хамы. Ельцин действительно выступил плохо, но потом игра пошла не по правилам. Когда он пришел с этого пленума, я ему говорю: «Что ж вы сделали?!» Ельцин мне показывает манжеты рукавов рубашки, где у него написаны слова. Шпаргалка. Но я-то вижу по тексту выступления, что он скачет как козел: «Мы опаздываем с перестройкой... Вместо того чтобы проблемы поднимать, мы опять начинаем славословить... Михаилу Сергеевичу много поддакиваем...» И — все! Ничего особенного нет. Вот если бы это выступление, как было положено, опубликовали тогда, люди бы почитали. Увидели, что там ничего особенного нет. И спросили бы: «А за что вы на человека-то окрысились?»

—...То есть вы сказали за Ельцина то, что должен был сказать он?

— Да! Врезал им по первое число!

— Как запустили в массы?

— В Академии общественных наук при ЦК КПСС было совещание редакторов областных, городских и республиканских газет Советского Союза. Меня пригласили туда выступить. А я уже уходил из «Московской правды», но еще там сидел. Ребята все знакомые. Часто общаемся. Тем более что я от

«Правды» мотался по всей стране. Пришел, начинаю выступать. Меня перебивают: «О чем говорил Ельцин? Почему такой шум?» Его же тогда обливали помоями со страшной силой. Отвечаю: «Сам не знаю. Выступление не яркое...» — «Не может этого быть! Достань это выступление».

Я пришел домой и его нафигачил. Пришел в «Московскую правду». Мы на ротапринте кучу экземпляров отпечатали. Помоему, штук сто. И я все раздал. А редакторы развезли по Союзу. И некоторые молодежные газеты дали его у себя! И Прибалтика дала, и Киргизия дала. Дальний Восток дал. И пошлопоехало по стране. И мало того, что дали в газеты, их же еще распечатывали.

— *Борис Николаевич знал?*

— Нет! Он лежал в больнице. Я к нему потом ездил. И потом-то сказал.

— *Не рассердился?*

— Расцеловал меня, когда я ему принес, показал. (Смеется.) Так он (Ельцин. — *Ред.*) ко мне и прицепился. А я уже, честно говоря, начинал видеть, что Борис Николаевич популист. Но раз человека бьют... А мы же сибиряки. Я — сибиряк из старообрядцев-кержаков. Так вот когда при мне мужика бьют неправильным путем — кучей, я всегда буду защищать. Я его и защищал.

— *Как на Ельцина выходили западные журналисты?*

— Западники стали выходить на меня после моего знаменитого интервью в «Коррьере делла Сера». В 1988 году весной на две полосы. Называлось «Как они казнили Бориса Ельцина». Западная пресса, в принципе, не любит перепечатки, им же подавай эксклюзив. А здесь, по-моему, 14 газет и журналов перепечатали это интервью. Английских, французских, американских... И поперли ко мне, чтобы я вытащил Ельцина на интервью. Ко мне обратился Егор Яковлев. Он тогда работал главным редактором «Московских новостей». Говорит: «Давай у нас сделаем беседу с Ельциным». Я сам ему ничего не предлагал. Значит, ему Яковлев Александр Николаевич (в то время — член Политбюро. — *Ред.*) сказал. Я поехал к Ельцину. Ему какую-то дачку дали после больницы. Деревянная, маленькая. Где мы с ним полдня и просидели. Я сделал большую беседу. Но ее мурыжили-мурыжили, а потом все вычеркнули на фиг. Я в своей книге «Власть в тротиловом эквиваленте» даже об этом говорю. Оставили только кусочек. Да и то дали его не на русском языке, а в немецкоязычном издании.

— *Ельцин вам действительно доверял проводить конфиденциальные переговоры с другими политиками от его имени?*

— Правда. Когда я отказался от премьерства, потом отказался Юра (Рыжов. — *Ред.*) — это был посол во Франции. Очень сильно хотел идти туда (на должность премьер-министра России. — *Ред.*) Бурбулис. Просто рвался. Он вообще рвался к власти: в вице-президенты хотел, потом создал себе службу госсекретаря, потом хотел в премьеры. Но Ельцин его уже терпеть не мог. Помню, когда он уже Бурбулиса снял, Бурбулис у меня сидел вечером. Долго сидел. Чего-то канючил-канючил. Жена напекла беляшей. Мы выпили, полопали беляшей. На следующий день захожу к Ельцину, а он мне: «А чего это вы Бурбулиса привечаете у себя?» Я: «Пусть ваши п...здоболы, — прямо так и говорю, — которые за нами следят, пусть лучше следят за врагами, которые пакостят, а не за своими». — «Да ладно, ладно! Я просто так». — «Я же не из тех, которые сразу отворачиваются от человека, которого только что выгнали. Борис Николаевич, кто к вам приходил, когда вас выгнали с должности первого секретаря горкома?» Он: «Ладно, ладно, я сдаюсь...» Я с ним не церемонился.

...Значит, один отказался от премьерства, другой... Ельцин мне тогда говорит: «Бурбулис рвется. Попов Гавриил рвется. Даже Хасбулатов!» Я говорю: «Может, Явлинского?» — «Ну поговорите с ним». А эта программа «500 дней» — фигня, конечно, а не программа. Мы брали ее для того, чтобы перо вставить той команде экономистов, которая была при Горбачеве и похерила Явлинского. Это мы с Ельциным между собой так решили, хотя Верховный Совет и взял ее за основу

Звоню Григорию. А у меня была литровая бутылка виски. Явлинский приехал ко мне. И приволокся Олег Попцов (в то время — председатель Всероссийской государственной телерадиокомпании. — *Ред.*). Сидели втроем. У меня от Олега никогда не было никаких секретов. Уговаривали Григория. Он отнекивался, отнекивался... Он же такой парень. Но к 12 часам сказал: «Я согласен!»

—*...Когда виски кончилось?*

—...У нас еще какая-то бутылочка была маленькая. Мы ее тоже выпили. (Смеется.) Говорю: «Тогда утром я звоню Борису Николаевичу. Будь на связи, никуда не исчезай». Утром Ельцин говорит: «Пусть Явлинский приезжает ко мне». Григорий приехал. Они совсем недолго посидели. Звоню Борису Николаевичу. Он: «Явлинский отказался». — «Как отказался?!» — «Он, — говорит, — слишком много требовать стал от меня. Сказал: «Я согласен только в том случае, если вы не будете вообще лезть в дела правительства». Президенту! Мол, вы буде-

те как английская королева». Ельцина это, конечно, возмутило: «Нет, я на это не пойду!»

— Кто спровоцировал войну в Чечне? Не сам же Борис Николаевич, проснувшись однажды, решил вдруг ввести войска.

—...Сначала же он вводил войска в Чечню в 1991 году. Я сам встречался с Джохаром Дудаевым. Он видел, когда и как там начиналась катавасия. Запал-то шел с Запада. Оттуда приехали эмиссары. И начали раскручивать ситуацию. А помогал им раскручивать не кто иной, как Завгаев. Который сначала был 1-м секретарем Чечено-Ингушского обкома. Потом председателем Верховного Совета республики. Потом эта же группа националистов, которая пришла из Саудовской Аравии, его и вытолкала. Они стали звать Дудаева, который тогда служил командиром дивизии стратегических бомбардировщиков. Их-то самих никто не знает, а он — генерал. А чеченцы любят военных.

Так они Дудаева и притащили. Чтобы он отколол Северный Кавказ от России. И там действительно все закипело. Между дудаевцами и завгаевцами. Но самое интересное, что Дудаева провоцировал Хасбулатов, потому что у него были очень плохие отношения с Завгаевым. Завгаев был из одного тейпа, а Хасбулатов из другого. Хасбулатов хотел укрепиться за счет Дудаева, столкнув всю эту завгаевскую компанию. Там же если чеченец из какого-то тейпа приходит к власти, то остальные места во власти получают люди из этого тейпа. Так что их потом надо выковыривать по одному. Вот Хасбулатов и хотел выковырять завгаевцев с помощью Дудаева.

Дудаев понял, что его по-черному используют и те и те. И когда мы с ним встретились, он мне все это объяснил. Сказал, что его хотят сделать непризнанным вождем по типу Шамиля. И попросил: «Поговори с Ельциным. Пусть он меня назначит главой администрации Чечено-Ингушетии. И даст еще одну звезду — генерал-лейтенанта». Потому что генерал-майором тогда был руководитель Ингушетии Руслан Аушев. Дудаев считал, что в такой ситуации он должен иметь две звезды. «Когда я буду утвержден Ельциным, — говорил он мне, — я буду чиновником, и если я что-то буду делать не так, то президент меня всегда сможет снять. Я же, как чиновник с полномочиями от президента России, буду выдавливать всю эту шпану, всех этих экстремистов за рубеж». Мы договорились.

Я приехал. Доложил все Ельцину. Уж не знаю, кто — Хасбулатов или кто-то другой — убедил его, что Полторанин вне национальной политики, не знает Кавказ. И Ельцин отказался приглашать Дудаева. Хотя до этого обрадовался моему пред-

ложению и даже меня расцеловал. А Дудаев все ждал и ждал. А в это время Ельцина уговорили подписать указ о введении военного положения в Чечне. И 7 ноября 1991 года через Ингушетию пошли танки и бэтээры из Моздока. Вайнахи в Назрани вытащили женщин, положили их на дорогу, перегородили ими путь. И ни один танк и бэтээр не прошел.

А Джохар Дудаев тогда сказал: «Вы меня хотели обмануть?! Нет, ребята! С вами я дел иметь не буду...» И пошло-поехало. И его действительно потом поддерживал Хасбулатов. Но самое интересное, поддерживал и Гайдар. Гайдар тогда «работал» на Хасбулатова за то, что тот не поднимал вопрос о его отставке. Идет, скажем, заседание правительства. Я поднимаю вопрос: «В чем дело? Мы гоним нефть в Грозный. Дудаев ее продает. — А он ее продал на миллиард долларов! — На эти деньги они на Западе покупают оружие, снабжают боевиков. Почему мы так делаем?» — «Видите ли, там нефтеперерабатывающий завод, на котором производят авиационные масла». А мы ни грамма этого масла так и не получили. Оно тоже уходило на Запад.

— В начале 1990-х вы были председателем специальной комиссии по архивам при президенте России. «Золото партии» — блеф?

— Блеф! Нет, ну золото было. Оно уходило. Но это было золото народа, а не партии. Оно уходило через Московский народный банк. Через его филиалы в Бейруте, Берлине, Женеве. Вывозилось самолетами «Аэрофлота». Деревянные ящики засовывали под сиденья. А золото, между прочим, четыре девятки. Якобы для того, чтобы закупать зерно и так далее. На самом же деле на эти две тысячи тонн золота купили всего две партии туалетного мыла, которое пришло в Советский Союз. Все остальное ушло по разным счетам. Его же там сразу продавали и западным ювелирам. Они охотно покупали такое золото. Особенно активно это происходило в горбачевское время. Он же затеял продавать его на западных биржах. А под этот шумок его и вывезли.

— Кручина обо всем этом знал?

— Знал, конечно. У меня с ним были очень хорошие отношения. Классный мужик. Это Горбачев его толкал создавать совместные предприятия. Управделами ЦК КПСС и какая-нибудь фирма, например, в Австрии. В Финляндии и в Австрии они в основном любили. А когда Горбачев занялся разоружением, через эти фирмы продавали технику: танки, ракеты и так далее. И эти деньги не шли в Советский Союз. Их вкладывали там же на Западе в качестве взноса в создание какой-ни-

будь фирмы. Так все и было. Поэтому, говоря «блеф», я имею в виду лишь то, что это не золото партии, а золото народа.

— *Кручина был повязан?*

— Да.

— *Его убили?*

— Конечно, убили. Чтобы Кручина сам прыгнул?! Он ничего лично не украл. У него ничего не было. Бессребреник. А операции эти он проводил для страны. Но столько, сколько знал он, не знал, конечно, никто. Я там рассекречивал документы, поэтому знаю, что многое там до сих пор не рассекречено. Потому что там остались такие занозы в правительствах многих стран!.. Они были созданы Кручиной на эти деньги.

— *Почему же вы не рассекретили эту информацию, Михаил Никифорович?*

— Тогда бы пришлось выдавать агентов. Людей, которые работали на Советский Союз, на Россию. И продолжают работать. Их нельзя выдавать. И эти секреты мы спрятали дальше. В книге я напечатал только один маленький документ. Что на нас работала Индира Ганди. И получала деньги от КГБ. И то я там убрал фамилию посредника, через которого мы ей деньги давали. Мы смотрели ведь не только архивы ЦК. Но и архивы КГБ, военные архивы. Я сам лично лазил во все эти подвалы. Смотрел «особые папки», которые до сих пор нельзя публиковать.

— *Что было критерием?*

— Интересы государства.

— *Например?*

— Ну, например, был единственный документ, который выскочил помимо моей воли и который нельзя было никому давать. Я его вытащил. Бурбулис взял у меня его посмотреть. Утащил куда-то. И не принес. А его нельзя было давать. Это был список корреспондентов зарубежных изданий: «The New York Times», «New York Herald Tribune», английских газет, которые получали зарплату в КГБ. Ну, нельзя же было такой документ печатать! Спрашивал у Бурбулиса, куда он его дел. «Я потерял!» А я боялся, что он куда-нибудь его «спустит». Но пока про это не слышал.

— *А много у России секретов в принципе?*

— У нас сегодня фактически не осталось секретов. Мы даже сами научили американцев, как взрывать московское метро. Наше Министерство обороны предоставило им такую информацию. У нас же под метро — самое-самое. Я туда спускался. Там закрытый центр ядерных сил. Если начинается война,

все туда спускаются. И там есть кабинеты, спальни... Все это на толстых пружинах...

— Комнаты на пружинах? Чтобы амортизировать взрывную волну?

— Да. Ведь этот центр может вынести два прямых ядерных удара. Там все сиденья... Знаете, как коров подвешивали? Так вот там так же все сиденья висят. Там есть свои электростанции. Бассейны. Бани. Запас еды на два месяца.

И вот наши отдали американцам все данные по этому центру. Что в таком-то месте крышка люка сделана из стали и урановой керамики. Значит, туда нужна определенная сила заряда. Значит, это можно сделать только с помощью высокоточного оружия с самолета. И так далее. Все сдали! Все открыли! Мы голые сейчас.

— Из нашей истории что-нибудь сенсационное накопали?

— А вы знаете, например, что знаменитое «дело Госплана» — не выдумка, а правда? Когда в 1949 году выяснилось, что в США откуда-то становится известно о наших внутренних экономических делах, под подозрение попал Госплан. Дело в том, что если раньше почти все решения по отечественной экономике исходили из Политбюро, то со временем эти функции на себя перетянуло это ведомство. Связано это было с тем, что экономика СССР насчитывала уже более 300 отраслей, управлять которыми чисто физически из Кремля было невозможно. Госплан стал фигурой. В Госплан послали комиссию во главе с членом ЦК ВКП(б) Андреевым, которая по результатам работы 22 августа 1949 года подготовила записку «О пропаже секретных документов в Госплане СССР».

Я назову вам лишь несколько из этих документов... Например, «О расчетах нефтеперевозок». Здесь приводятся данные о пропускной способности нефтепроводов и объемов перевозок нефти по железнодорожному, морскому и речному транспорту. Следующий документ, № 4103 на шести листах, — «Об организации производства локационных станций». Его значение понятно. Далее. Документ № 2663 — «О развитии добычи марганцевой руды». Вы, конечно, знаете, какое значение имеет марганец для военной промышленности. Или вот. Документы Министерства цветной металлургии — «Отчетные данные о производстве свинца, кобальта, рафинированной меди и численности работников в этой отрасли». Документы по авиабензину и авиамаслам. Сколько и где у нас их производится. И так далее.

После этого и появилось «дело Госплана». Но позже Хрущев подал это расследование только как пример сталинской бес-

почвенной тирании. А ведь на самом деле Вознесенский действительно продавал все эти документы с группой подручных ему людей. Кстати, Госплан всегда привлекал внимание Запада. Не зря же, когда к власти пришел Андропов, он первым делом создал в этом ведомстве отдел безопасности. Возглавлять который поручил генералу КГБ Устинову. Ему дали еще 10 человек, и они стали наводить в Госплане порядок.

— Ну а вы лично-то замечали что-то неладное в этом смысле в советское время?

— Конечно! И не только замечал, но и пытался осознать некоторые странные вещи. Например, в 1986 году я, работая в «Правде», встретился в Баку с бывшим председателем Госплана Байбаковым, которого только что отстранил от должности Горбачев. Байбакова избирали в ЦК от Азербайджана, где проходил съезд местной компартии, который я освещал. Нас поселили в резиденцию, в которой в свое время еще останавливался Брежнев, где мы с Николаем Константиновичем три дня жили, обо всем болтали по ночам.

И я его спрашивал о том, почему в нашей экономике такой хаос. Почему, когда «Уралмаш» стал производить потрясающие блюминги-1300 и на них стали поступать заказы со всего света, Госплан тут же выдал предписание, что эти блюминги должны весить на полторы тысячи тонн больше. Или почему, когда был достроен нефтепровод Омск — Павлодар, оборудование для нефтеперерабатывающих заводов стали завозить в Навои — в Узбекистан, за 3 тысячи километров от Павлодара. Или — переброска северных рек. Рассказал ему о хаосе на Карагандинском металлургическом комбинате. (Кстати, именно тогда я познакомил мир с его парторгом — Назарбаевым.)

«Все это глупость или предательство?» — напрямую спросил я в тот раз Байбакова. «Конечно, предательство, — не задумываясь, ответил он. — Госплан стал государством в государстве, и мы отчасти потеряли над ним контроль, потому что там собралась жуткая публика...» Я потом увидел, что это за публика. Эти люди появились в команде Горбачева, а когда правительство создавал Ельцин, к нам туда тоже понабежала шпана из структур советского Госплана. У меня есть справочники советского Госплана и его структур, не поленитесь, посмотрите, увидите, сколько будет знакомых фамилий. К примеру, зять Косыгина — Гвишиани, который создавал Международный институт прикладного системного анализа в Лаксенбурге в Австрии, где потом натаскивали Авена, Гайдара, Чубайса, Шохина и так далее.

— Тем не менее согласитесь, что жизнь в позднем Советском Союзе была, мягко говоря, не сахар. Да и индустриальная мощь уже была далеко не та, что раньше. Разве не так?

— Я вам сейчас приведу несколько цифр: что производит сегодня Россия в сравнении с тем, что она производила в 1990 году в составе СССР. Например, металлорежущие станки мы сегодня производим только 2% от того, что производила РСФСР. Автоматические линии для металлообработки — 0,5%. Ткацкие станки вообще прекратили выпускать. Зерна — 83%. Крупный рогатый скот — осталось 36% от того, что было. Производство мяса — 66%. Потребление продуктов питания на душу населения: мяса — 88%, молоко — 63%, рыба — 73%, яйца — 88%. И так далее.

Никакого голода в последние годы существования советской власти не было. Просто-напросто продолжалась операция по уничтожению страны. Начал этим заниматься Горбачев. Например, принимая Закон о кооперации. Ведь из-за этого закона любая фабрика по производству кастрюль, которая получала из Госснаба фонды — алюминий, теперь создавала при себе кооператив с родственниками директора в учредителях и через него гнала алюминий на Запад. Так в течение года все и вымели! Так что объективных предпосылок для распада Советского Союза не было.

— Горбачев отдавал приказы по Вильнюсу или по Тбилиси?

— Такие приказы никогда письменно не отдаются. Это только Ельцин отдал в 1993 году (о расстреле здания Верхового Совета. — *Ред.*). Да и то только после того, как Паша (Грачев — в то время министр обороны. — *Ред.*) сказал: «Я без приказа ничего делать не буду».

— Кого прослушивали в СССР, вы не интересовались?

— Вообще, имели право прослушивать всех, кроме депутатов. А членов правительства могли. Хотя смотря какой член правительства. Если министр культуры, то на фига его прослушивать? А если министр вооружения, то его, конечно, на контроль ставить надо, чтобы видеть, не идут ли какие-нибудь ненужные звонки.

— Бориса Николаевича тоже прослушивали?

— Коржаков прослушивал. Не всех, а Бориса Николаевича надо было прослушивать. Понимаете, Борис Николаевич ведь не сам командовал. С одной стороны у него был Джеффри Сакс, о котором я вам говорил. А он, как вы понимаете, был не один. А с другой — на жену Ельцина воздействовали. Воздействовали на кадровую политику в правительстве. Один раз даже полезли ко мне. Наина Иосифовна начала ко-

мандовать: «Назначьте того, снимите этого!» Я пришел к Ельцину: «Борис Николаевич, чего она команды раздает? Остановите свою жену». — «Ладно, не обращайте внимания!» А потом, когда злой, она ему надует в уши, сорвется: «Ну-ка, поставьте того-то и того-то!»

— ..Я так понимаю, идет речь о возникновении феномена Семьи. Но до этого они были скромными людьми?

— Они никогда не были скромными. Они всегда были неискренними. Они все время играли. Ельцин играл, что он ходит пешком и ездит на троллейбусе. А за этим троллейбусом всегда шла его машина. Он проедет две остановки. Все увидят: о, Ельцин на общественном транспорте! А он потом выходит, наодеколоненным платочком вытирает руки от тех, с кем поздоровался, садится в машину и едет дальше.

Или. Помните, было: ах, Наина Иосифовна по магазинам сама ходит, стоит за хлебом в очереди. Так вот на самом деле, даже когда Ельцина сняли, все оставалось по-прежнему. Помню, он лежал на Мичуринском в больнице, мы собрались к нему ехать. Я подхожу к их дому. И вижу: подается «Чайка». Выходит Наина. Мы сели. Поехали. Она говорит водителю: «Заедем в магазин заказов за «кремлевкой». Продукты и все прочее. То есть они всем продолжали пользоваться, а вокруг верещали, что ходят в районную поликлинику и так далее. Никуда они не ходили!

— Вы знали Юмашева?

— Никогда не видел, удивительное дело. Хотя он мне всегда присылал поздравления с праздниками, даже когда уже был руководителем администрации президента.

Вообще, у меня было особое положение. Все министры и даже вице-премьеры, если хотели увидеться с Ельциным, сначала выходили на Илюшина Виктора Васильевича — первого помощника президента. Он узнавал график. Когда можно к президенту заходить. Я через Илюшина не зашел ни разу. У меня к Ельцину был прямой доступ. Как правило, когда я подолгу засиживался у Ельцина, Илюшин подходил ко мне: «О чем вы там говорили?» Ему страшно не нравилось, что я обхожу его.

— 20 лет назад Ельцин не поздравил «дорогих россиян» с Новым годом. Говорили, что от усиленной «работы с документами».

— Нет, тогда просто сумятица была. Не было такого, чтобы он напился. Зато я помню, как делили «Останкино»! В 1992 году в Бишкеке собралась компашка — саммит СНГ. Назарбаев, Ельцин, Кравчук, Шушкевич и так далее, чтобы делить первый канал среди республик. Тогда же все делили. Я выступил. Ска-

зал, что мы не можем раздирать «Останкино», потому что это единый комплекс. «У каждой республики есть своя телекомпания, а у России никогда не было. Так что «Останкино» теперь принадлежит России». Я говорил долго. Но выглядело это убедительно. Со мной согласились.

Потом я поругался с Кравчуком. Ушел. Они сели выпивать. Вдруг прибегает Саша Коржаков: «Тебя зовут». Прихожу. Борис Николаевич начинает меня мирить с Кравчуком. Выпили, помирились. И надо было ехать открывать Русский университет в Бишкеке. А Ельцин стоять не может. С одной стороны его подпирает Бурбулис, я придерживаю. Но он все равно валится, не может говорить. И все телекомпании это снимают. Когда все закончилось, я обратился к журналистам. Говорю: «Во-первых, Ельцин устал. Во-вторых, это Восток — такое гостеприимство не каждый выдержит. Я вас прошу по-товарищески: не показывайте эту сцену». И надо отдать должное, ни одна компания ни одного кадра не дала по этому поводу. Вот какое уважение было к нам — к министерству, ко мне лично. И Ельцин это знал, долго помнил, но потом забыл...

— Когда последний раз виделись с Ельциным?

— Я встречался с ним последний раз в 1996 году. Когда были выборы президента, они звали меня, чтобы я пошел в его команду. Но я сказал, что сам буду голосовать против Ельцина и буду всех к этому призывать. И с тех пор — все.

На самом деле, я гораздо раньше увидел, куда он попер страну. И начал выступать против этого. Ему это не нравилось. Он считал, что мы друзья. Кореша до гробовой доски. Поэтому я должен быть таким же негодяем, как и он. И когда Ельцин окончательно увидел, что я не пойду за ним дальше, стал помаленьку отдаляться, отдаляться... А потом я его и вовсе обвинил, что он начинает строить полицейское государство. Причем сказал это с трибуны парламента. Ельцин очень сильно на меня осерчал: «Зачем вы так громко говорите?!» Я ответил: «Я буду это на каждом углу говорить!»

— Не боитесь, что на вас посыплется град упреков в лицемерии? Мол, столько проработал с Ельциным, а потом...

— Не боюсь! Потому что я работал рядом с Ельциным не ради должности, а ради идеи. А моя идея, как я уже говорил, заключалась лишь в том, чтобы сделать средства массовой информации подлинно независимыми. Я считаю, что без свободных СМИ не может нормально существовать ни одно государство. Потому что в противном случае оно потонет в коррупции. А если у СМИ будут условия для независимой работы, государство будет крепкое.

И я эти условия создавал. И мы в общем-то во многом тогда преуспели. Вы это должны помнить. После чего я сказал, что буду закрывать Министерство печати. Даже если останусь безработным. Потому что если мы будем это министерство оставлять, уже создав демократию, то у нас начнется обратный процесс закручивания гаек. Чем-то ведь этому министерству заниматься надо будет.

— Вы дали путевку в жизнь многим не только именитым журналистам, но и даже журналистским коллективам...

— Действительно, я создавал не только газеты, но и давал частоты для радио и телекомпаний. Без денег! Это сейчас все делается только за взятку. ...И куда я сегодня ни приеду, мне везде показывают мои приказы о создании этих компаний. Среди них очень много региональных. Но вы должны понимать, что сегодняшние региональные телекомпании — на Дальнем Востоке, в Сибири — сильнее НТВ, ВГТРК, Первого канала. Потому что эти каналы просто скурвились. Они утонули в деньгах. В так называемой помойке. А началось это после того, как я ушел и олигархи скупили СМИ.

Что делает тот же Первый канал сегодня? Хиханьки-хаханьки, и больше ничего! А телевидение ведь — это инструмент общества. С его помощью можно проповедовать либо зло, либо добро. Если вы хотите, чтобы страна жила, надо проповедовать добро. А сегодня проповедуется только зло. А ведь этого не должно быть. И власть должна что-то предпринимать, чтобы этого не было!

Беседовал Лев Сирин

Реформаторы приходят к власти

(Интервью М.Н. Полторанина журналу Форбс)

Российское правительство, сформированное в ноябре 1991 года, состояло из двух основных групп: реформаторов из команды Гайдара, отвечавших за экономический блок, и политических соратников президента Ельцина. Министр печати и информации Михаил Полторанин относился ко второй группе. К тому времени он был «ельцинистом» со стажем: на посту редактора «Московской правды» Полторанин до последнего поддерживал первого секретаря Московского горкома КПСС. После отставки Ельцина осенью 1987 года он даже распространил поддельную речь шефа на партийном пленуме, в которой содержались упреки в адрес Раисы Горбачевой. На этого «волка политического пиара» и возлагалась ответст-

венность за пропагандистское обеспечение реформ. Люди из команды Гайдара упрекают Полторанина в том, что эту работу он провалил. Полторанин, в 1993 году окончательно разошедшийся с Ельциным, относится к бывшим попутчикам с плохо скрываемой ненавистью.

Силаев был плохим премьером

— Что случилось с премьером Силаевым в дни августовского путча? 20 августа он куда-то пропал. Не помните, что с ним было?

— Конечно, помню. Он сбежал. Он все это воспринял всерьез. На самом деле никакой угрозы не было.

— Вы считаете, за путчем стоял Горбачев?

— Горбачев с Ельциным вместе. Путч был разыгран. Потом он стал выходить из-под контроля благодаря председателю Комитета госбезопасности Крючкову. И когда стали чувствовать, что он выходит из-под контроля, Крючков попытался обдурить Ельцина.

Это все было сделано, чтобы разрушить КПСС как систему, которая сдерживала Советский Союз.

20-го Бурбулис при мне позвонил Крючкову и сказал: «Если не прекратишь, я тебе жопу натяну на голову».

— Это дословная цитата?

— Да. А Ельцин сбежал в подвал с Юрием Лужковым. Как вспоминает Коржаков, они там жевали бутерброды, запивали водкой и коньяком. Мы в это время торчали в Белом доме. Народ, который потом выбросили на обочину, мерз под дождем на баррикадах. А Силаев сбежал и отпустил весь свой аппарат.

У него на шестом этаже был кабинет окнами на американское посольство. Я поднялся туда — темнота полная. Названивали телефоны. Я включил настольную лампу в приемной, сел за его стол и всю ночь с 20-го на 21-е там просидел, потому что все звонили. С ЗИЛа звонили: «Кого присылать? Сколько автобусов поставить?» Звонили шахтеры из Новокузнецка, звонили из Перми, другие [трудовые] коллективы. А кого присылать? Если будет штурм, этих же ребят под нож пустят. Я просто давал всем отбой: не надо никого присылать.

Потом уже, когда все прошло и нужно было лицо Силаева как-то сохранить, я предложил Ельцину: «Давайте пошлем его с Руцким вместе за Горбачевым». И Ельцин говорит: «Да, давайте». Послали Силаева. И у него немножко расправились крылья героя, когда он вернулся и сходил с трапа самолета вместе с Горбачевым.

— Зачем понадобилось спасать лицо премьеру? Чтобы показать единство российской власти?

— У нас были непростые отношения с Силаевым. Потому что он плохой был премьер, честно говоря. И это проявилось [1 октября], когда в Алма-Ате подписывалось знаменитое соглашение экономическое.

— За Россию его подписывал вице-премьер Евгений Сабуров, Силаев уже не был тогда премьером.

— Да, они там с Сабуровым были. И в Алма-Ате подписали такой пункт, что цена на нефть, газ, то есть на все наши углеводороды, определяется голосованием. Допустим, Киргизия, Армения, Украина, Молдова, Грузия проголосовали за цену нашей нефти — $10 за тонну. И по этой цене мы должны продавать. Я говорю: «Что за идиотизм!»

И мы тогда выступили против этого соглашения — я, Шахрай, Николай Федоров, который был тогда министром юстиции.

— Давайте отмотаем пленку назад. После того как Ельцина избрали президентом, он во второй раз назначил премьером Силаева, хотя отовсюду уже слышались голоса, что Силаев — слабый премьер, не тянет. Почему Ельцин все равно выдвинул Силаева?

— Я думаю, Ельцин просто предугадывал, знал, что произойдет дальше.

— И ему не нужен был сильный премьер?

— Ему никогда не нужен был сильный премьер.

— После победы на выборах Ельцин создал Государственный совет. Зачем понадобилось создавать новый орган?

— Это идея Бурбулиса. Ельцин назначил его госсекретарем, и нужно было, чтобы под ним была какая-то структура. Вот он и придумал этот Госсовет. Я был членом этого Госсовета. Мы там просто собирались и в общем-то ничего не решали.

— Но в сентябре именно Госсовет заказал группе Гайдара готовить программу реформ. Выходит, этот орган все-таки сыграл значимую роль?

— Конечно, заказчиком был не весь Госсовет, а Бурбулис. И вообще, тогда искали программу, искали людей, которые могли бы что-то делать. Это естественно. Старое правительство не могло этим заниматься. Кто-то из министров оставался, кто-то уходил, а Госсовет искал. И искали не так, что Иванов будет такую-то концепцию развития России предлагать, Петров такую-то, а мы будем выбирать. Искали уже под концепцию. Под ельцинскую концепцию.

— И в чем она заключалась?

— Концепция заключалась в разрушении России. Еще до путча у нас с Ельциным был серьезный разговор. Мы поехали командой на Истринское водохранилище, сели вдвоем с ним в лодку, уплыли, купались, плавали — обмывали его президентство.

Обсуждали будущее России, в частности концепцию (Михаила — Forbes) Малея.

— Приватизационную?

— А от приватизации шла экономическая и политическая модель государства. Или ты делаешь народный капитализм методом приватизации, как Малей предлагал. Когда постепенно, поэтапно... Ну, вы знаете, что он там предлагал, сейчас не буду вдаваться. И тогда все становятся собственниками. Это японский путь, японский капитализм. И когда люди все станут собственниками, весь средний класс, им уже будет выгодно влиять на производство, они уже будут смотреть, того они директора выбирают или не того, потому что от него их дивиденды будут зависеть. И тогда, естественно, люди будут влиять на власть. Чья собственность — того и государство.

А второй путь — это путь грабежа. У всех отобрать и отдать кучке. На эту кучку потом власти президента-диктатора опереться. Это полицейское и олигархическое государство.

— Я хотел бы высказать методологическое пожелание. В 1993 году вы окончательно рассорились с Ельциным. Было бы лучше, если бы вы описывали более ранние события так, как воспринимали их тогда, а не в переосмысленном виде.

— Я так и делаю.

Малея я пытался защитить, потому что его травили. Тогда еще не было даже духа Чубайса. Был такой председатель комитета в Верховном совете России Сергей Красавченко. И с ним питерский экономист — [депутат] Петр Филиппов. И эти псевдолибералы давили на Ельцина.

И как раз на водохранилище Ельцин и выложил, что советовался в Америке со специалистами и т. д. Они ему не рекомендовали концепцию Малея, потому что она приведет к тому, что коммунисты вернутся к власти. А предложили свою: все и сразу. Отобрать, раздать и т. д.

Вот это уже у него в голове сложилось. Но у него был не развал, конечно, экономики в задачах, а не допустить возвращения коммунистов к власти. А при поэтапном подходе был возможен возврат к старым порядкам.

— Иными словами, летом, до того как стало понятно, что Союз развалился, главной идеей Ельцина в экономической сфере была радикальная приватизация?

— Да.

— После путча возникла затяжная пауза. Сначала Ельцин уехал на две недели в Латвию. Ему нужно было снять психологическое напряжение после путча?

— А с чего перенапряжение? 20 августа в Белый дом привезли кучу противогазов — это было, когда он еще не испугался. Смотрю — белый противогаз. Взял его (четвертый номер, как сейчас помню) и понес Ельцину. Он посмотрел и говорит: «Белый, да еще и противогаз? И вы туда же?» (Вроде: и вы в эти игры играете?). Даже по этой фразе видно было, что не чувствовал он угрозы. И не устал он, конечно.

— 18 сентября, после возвращения в Москву, у Ельцина было что-то вроде сердечного приступа.

— Я не помню этот эпизод.

— То есть у него не было тогда проблем со здоровьем?

— У него всегда сердце болело, так что я даже не обращал внимания.

Как-то еще в 1987 году вызывают меня в отдел пропаганды ЦК — по указанию друга нашего Егора Лигачева. И говорят: мы тебя главным редактором «Московской правды» поставили, а ты с Ельциным связался. Направь записку в ЦК против Ельцина.

Послал я их. Спускаюсь из ЦК к Ельцину в кабинет, начинаю ему рассказывать: «Будьте аккуратны, осторожны... Диким не будьте. Я чувствую, вокруг вас начинает все сгущаться, готовится какая-то фигня». Он ходит по кабинету, потом пиджак снимает и начинает рукой массировать в области сердца.

— После того как Ельцин вернулся в сентябре из Юрмалы в Москву, он предпринимал попытки найти нового премьера?

— Он в октябре поговорил с Юрой Рыжовым, ректором авиационного института. Рыжов был из наших, член межрегиональной депутатской группы, Ельцин хорошо к нему относился.

Мы, кстати, с Рыжовым во время путча вместе сидели, ждали атаку. В Белом доме выключили свет, а у него была бутылка французского вина красного сухого. И он: «Давай выпьем?» И нечем открыть. Мы какой-то карандаш у Бурбулиса взяли, проталкивали туда пробку. Все-таки смогли вино открыть.

Но Рыжов отказался.

— А как в списке кандидатов появился Святослав Федоров?

— Глазник? Я считаю, что это миф.

Ничего Ельцин не предлагал ему: он к Федорову относился весьма и весьма настороженно. Он его невзлюбил с 1989 года, когда московская группа союзных депутатов провела у Федорова первое заседание. Мы прорабатывали, как нам начинать съезд, кто где должен выступать. Но все это, естественно, ушло в КГБ. Договорились мы через два дня у Федорова встретиться. Приезжаем, а ворота закрыты. Федоров получил деньги, кредит большой от союзного премьера Рыжкова на этот свой бизнес.

А я ехал как раз в машине с Ельциным. Мы приехали, ворота закрыты. И Святослав нам сказал: «Извините, мужики, я деньги взял. Мне сказали, Рыжков: если пустишь их, мы у тебя деньги отберем». И вот топтались мы у этих ворот, Ельцин чертыхался, а потом сказал: «Мог бы позвонить, предупредить». И мы искали, куда податься. С нами один чуть ли не академик был, который сказал: «Поехали к нам в Институт США и Канады». И мы на другой конец города, на юго-запад, поперлись.

— То есть Федорова вычеркиваем?

— Вычеркиваем абсолютно.

— А, скажем, Юрий Владимирович Скоков, к которому, как я понимаю, Ельцин в те времена относился весьма почтительно?

— Он очень уважал его и очень боялся.

— Почему боялся?

— Скоков самостоятельный, а ему не надо было самостоятельных. Ельцин его тащил еще в московском горкоме. Скоков был генеральным директором НПО «Квант». И очень там сильные дела шли. Ельцин туда съездил, влюбился в него, потом мне рассказывал. Потом он вытащил его на заседании бюро горкома. И прилюдно поучал: «Давайте брать на вооружение (передовой опыт)!» А как его возьмешь — там половина закрытого (оборонного. — Forbes) производства.

Ельцин ему еще до Силаева обещал пост премьера. Я однажды Ельцина спрашиваю: «А почему вы Скокова не берете?» — «Он матерится много». Я говорю: «Подумаешь, все матерятся». Ну, это отвод такой.

Скокова он не хотел. Даже когда Гайдара сняли, Скоков был первый по рейтингу голосований, а не Черномырдин. А он: Черномырдин. Тот мягкий с начальством, как воск.

— А в сентябре — октябре 1991 года у Ельцина со Скоковым были беседы? Мол, что вы предлагаете, Юрий Владимирович?

— Нет, не было. Потому что он знал, что Скоков есть Скоков. У него в октябре был разговор с Явлинским.

Ельцин попросил позвать к нему Явлинского. Он говорит: «Поговорите с Явлинским. Но утрясите его...» Явлинский — человек импульсивный. Когда у нас Силаев был премьером, он же плюнул, ушел в отставку. Помните это дело?

— По словам Явлинского, он узнал, что Ельцин ведет двойную игру. Якобы Ельцин использовал «500 дней» как таран против Горбачева. А делать ничего из этого плана не собирался.

— Ельцин всегда вел двойную игру. Явлинский вам Америку открыл, что ли? Так вот Ельцин мне говорит: «Поговорите с Явлинским. Поговорите в том смысле, чтобы взять его премьером на какое-то время. Но чтобы он работал под моим контролем. А не просто говорил: я, мол, самостоятельно решаю. Президент сам по себе, премьер сам по себе». Я пригласил Гришу Явлинского к себе, я еще сидел на Качалова. И приехал (руководитель российского республиканского телевидения. — Forbes) Олег Попцов, и мы втроем сидели полночи. Я купил бутылку виски большую, и мы ее «уговорили». И Гриша Явлинский согласился. Рано утром я позвонил Ельцину и сказал, что с Явлинским договорился — он согласен работать, когда ему подъехать? Он сказал: «Пусть подъедет в 12 дня».

— Какое это число?

— Откуда я знаю?!

— Но это было уже после возвращения Ельцина из Сочи?

— Это была середина октября. Потому что со мной он говорил в конце октября.

А Явлинский пришел к нему, стал говорить и, в общем, ушел ни с чем. Потом я звоню Ельцину: «Борис Николаевич, был?» — «Был» — «И что?» — «Нет, мы не договорились. Явлинский есть Явлинский. Он сказал, что согласен работать, но по своей, а не по чужой программе. У вас, Борис Николаевич, дела политические и т. д. А у меня экономика. А Ельцин: «Так не подойдет».

«Он, наверное, боится. Он все время болтает, а когда конкретно дело делать, он не хочет», — Ельцин мне так сказал.

— Ельцин же потом не лез особо в экономику?

— Как не лез?

— А в чем проявлялось то, что он лез в экономику?

— А в том, что у него был главный советник, приставленный Джеффри Сакс. Он привез огромную пачку документов и планов обвальной приватизации, приехал сюда с мандатом МВФ. И эти документы переводились на русский язык, а потом их запускали в виде указов, законов. До России Сакс испытал шоковую терапию на Боливии в 1985 году — там в нищету рухнуло 70% населения.

— Это еще что за истории? Сакс же работал напрямую с Гайдаром.

— Нет. Гайдар — это марионетка. Он сам выбрал для себя эту роль.

А потом Ельцин предложил стать премьером мне. Своеобразный зиц-председатель. Тогда ко мне парламент хорошо относился, с Хасбулатовым мы были в дружбе, потому что вместе законопроекты писали. Он трубку курил, похаживал по кабинету. Я сидел записывал. Хасбулатову это нравилось. В тандеме так работали.

И Ельцин мне говорит: «Вас утвердит Верховный совет, поработаем. Я понимаю, что грязная работа, запустим все это дело. А потом я отведу вас в сторону». Я говорю: «Нет, я вообще не хочу это делать». И отказался. Я, конечно, не маэстро в экономике, но и не марионетка. И он даже обиделся немного.

Тогда он мне говорит: «Там Бурбулис на 15-й даче держит команду. Я прошу вас съездить, посмотреть. Все равно вы еще думайте над вопросом». Приехал я в Архангельское. Прохожу мимо дачи генерала Константина Кобеца, который был с Ельциным после путча в хороших отношениях. Кобец на грядке ковырялся. Там у него в октябре уже какая-то тыква лежала желтая. И он вытянулся и закричал: «Здравия желаю, товарищ премьер-министр». Я говорю: «Кончай орать, откуда ты знаешь?» — «Я все знаю». Уже от Ельцина что-то просочилось.

И у Гайдара я почувствовал, что какая-то утечка была. Они отнеслись ко мне как к инспектору. Я приехал. Там Петя Авен сидит, Леша Головков. Он у нас был в МДГ секретарем. Еще кто-то сидел. А что мне там было смотреть? Я и так уже от Ельцина знал, кто будет диктовать реформы.

— А разговор с Ельциным был какой? «Вы, Михаил Никифорович, будете премьером, а вот эти ребята будут заниматься экономикой».

— Я ему сказал, что у меня нет команды. И потом я не знаю многих вещей. По крайней мере финансово-кредитной системы. Он говорит: вот есть экономисты, посмотрите. Я посмотрел. Мне не понравились ребята. И я тогда позвонил Ельцину, он сказал «Приезжайте». Я приехал. А он говорит: «А что если я сам? Пусть они вот так же работают командой, а я буду во главе правительства». Я тогда никому утечку не дал. Он через несколько дней это обнародовал.

— 28 октября на пятом съезде российских депутатов.

— Мы как раз до съезда и проговорили. Он сказал мне: «Я решил так, но очень прошу вас помогать мне. Помогать, помогать, помогать».

— А откуда всплыла идея назначить вас вице-премьером — координатором?

— Идея была, откуда же Ельцин берет на себя премьерство, а я как бы правая рука между ним и всей этой группой экономической. И координирую всю деятельность правительства. Из этой идеи ничего бы не вышло, конечно. Или ты премьер — и решай все вопросы.

— Или ты, действительно, ходишь и крутишься между...

— Но мы в конце концов отошли от этого, остановились на том, что я должен помогать.

— А с Бурбулисом у вас тогда какие были отношения?

— Нормальные.

— То есть вы делали общее дело или между вами была какая-то конкуренция?

— Насчет того, что я хотел Бурбулиса подсидеть... У меня этого и не было. Ведь Ельцин не хотел Бурбулиса на главу правительства. Потому что знал, что Бурбулиса никто не утвердит. Он знал, что Гена Бурбулис не занимается такими делами — Бурбулис был помощник у него. Он все лез с советами. Уже потом, я чувствую, Ельцин от него притомился. И когда Бурбулис однажды внес проект указа о полномочиях госсекретаря, Ельцин позвонил и говорит: «Можете подъехать?» — «Могу». Я подъехал, и он Бурбулиса подозвал. И он стал при Бурбулисе читать этот проект, иезуит такой, да? А в этом проекте указа все полномочия президента переданы Бурбулису. Я говорю: «Гена, совсем ох...ел?» — «Ты чего при президенте материшься!» И вот Ельцин говорит: «Смотрите, что он делает?» Вот такие были дела.

— Ельцин не любил мат. Как он отнесся к вашей реплике?

— Если ввернуть словцо, то нормально. Ему понравилось, наоборот. А сплошной мат он не любил.

— Мы еще не перебрали двух человек. Во-первых, Олега Михайловича Лобова, который с Ельциным был больше 20 лет знаком, еще со Свердловска. И даже ездил организовывать подпольное правительство.

— Лобов тогда не рассматривался. Может быть, после Гайдара Ельцин его и рассматривал, а тогда нет. По крайней мере мне неизвестно.

— А сабуровская группа? Они после скандала из-за алматинского соглашения совсем выпали?

— Женя (Сабуров) выпал. И хотя в Алма-Ате была не его, а силаевская штука, он почему-то ушел в тень. Он уехал в Крым, я к нему еще приезжал в гости.

Реформа и последствия

— Ваша концепция такая: Ельцин уже летом 1991 года понимал, что хочет быстрой, радикальной реформы.

— Определился он уже.

— Под это надо было подбирать людей. И подходящие люди нашлись в виде кружка Гайдара.

— Надо было найти подходящих людей, которые, с одной стороны, были ему верны — вот почему он ко мне приставал с этим делом. С другой стороны, люди, которые не имели бы амбиций никаких и беспрекословно выполняли то, что он скажет.

Он знал, что со Скоковым такого не будет. А с этими молодыми ребятами все это возможно вполне. Им надо расти, им нужно делать карьеру и т. д. Он определился и искал именно по этим параметрам людей.

— А в чем тогда смысл разговоров с Рыжовым?

— Он хотел, чтобы Рыжов был витриной — такой популярный премьер. Юра был нейтральный, анекдотчик, веселый человек, со всеми у него хорошие отношения. В то же время он академик, глыба в глазах интеллигенции.

— С оборонкой связан...

— Да. Хотя он и не экономист, они были друзьями с Ельциным. Мы все вместе были в Координационном совете межрегиональной группы. Но Юра Рыжов сказал нет, потому что он более прагматичный. Потом он о своей репутации заботился больше, чем Ельцин о его репутации заботился, я бы так сказал. И Гриша Явлинский тоже нюхом своим учуял, что его куда-то не туда толкают, и ушел.

— Но если бы Ельцин принял его условия, у Явлинского не было бы повода отказываться.

— Ельцин в той ситуации не мог принять его условия. Он уже согласился стать заложником МВФ за кредиты. А планы МВФ и планы Явлинского — две большие разницы.

— Для Ельцина стало сюрпризом, что 1992 год оказался настолько тяжелым?

— Стало.

— То есть с командой, которая ему готовила экономическую реформу, он не обсуждал цену, тяжесть, продолжительность реформ?

— Нет, он не знал ничего, он не понимал.

— И не задавал вопросов: сколько это продлится?

— Ему Гайдар напел, что пройдет полгода, может быть восемь месяцев, и Россия начнет подниматься, подниматься.

— В речи Ельцина на съезде было сказано, что с осени 1992 года начнется улучшение.

— Да. Начнет подниматься. И он стал интервью давать и все прочее. А я давал интервью, по-моему, «Известиям» где-то в мае или июне 1992 года, что обрушение такое сейчас будет, что мы не поднимемся минимум лет пять и дна не достигнем. Ельцину притащили это интервью, и на заседании правительства Ельцин говорит: «Михаил Никифорович, давайте что-то одно говорить. Я говорю одно, а вы совершенно другое. Вроде мы одна команда» и все прочее. А я: «Я буду говорить только то, что я говорю». Ельцин: «В каком смысле?» «А в таком, что ничего этого не будет. Мы же видим, мы нарушили очередность реформ. Потому что сначала надо было провести приватизацию аккуратно. А потом уже либерализацию цен». Мы провели либерализацию цен при монополии полной. А раз при монополии полной, значит это неизбежно вызывает взрыв гиперинфляции, бешеный рост цен. И стал объяснять. «Но Егор Тимурович говорит же, что так будет». — «Егор Тимурович пусть своему отцу рассказывает это». Мы тогда поругались с ним. И я все равно продолжал это делать.

— А о том, что Гайдар обещал Ельцину: выход из этой жесткой ситуации будет быстрым, — вам кто-то рассказывал или вы присутствовали при этом разговоре?

— Присутствовал. Он ему как начнет рассказывать... А Ельцин же никогда книг не читал, у него в общем-то интеллектуальная база слабоватая была. А Гайдар как начнет терминологией сыпать, красивые такие слова. Жужжание такое идет, и Ельцин почти засыпает, ему нравится, что с ним такими научными терминами говорят, он уже забыл, о чем он там спрашивал, и все прочее.

— На заседаниях правительства это происходило?

— Не всего правительства, а на президиуме. Или просто Ельцин нас собирал в Кремле, в Ореховой комнате. Меня, Гайдара, Бурбулиса. Ельцин думал, что пойдет разрушение всей этой базы, падение производства и т. д. Но что коллапс будет, он не ожидал. И, как упрямый мужик, твердил, что будет хорошо.

Вместо послесловия

Народ и власть. Читая Михаила Полторанина

Как бы власть не устраивала очень многое для того, чтобы от народа страны скрыть свои не телевизионно рекламируемые, а подлинные дела, — постепенно, через время, всплывают и документы, и свидетельства очевидцев. И по самой обычной жизни дела их проявляются, мы все знаем на себе, как и чем.

Интересно, что многое из бывшего секретным и ранее ходило среди народа слухами, догадками, проявлялось в разговорах понимающих происходящее без извращений через полуправду и ложь обслуживающих верха журналистов. Но во всем, особенно в делах, напрямую влияющих на жизнь народа в измененном государстве, нужны подтверждения очевидцев.

Для суда времени.

Михаил Полторанин оказался рядом с Ельциным и до его президентства, и в годы президентства. Постепенно от Ельцина удаляясь, до полного в нем разочарования и последующего отвержения. Ну, это его личное дело, а вот то, что он и во многом вместе с Ельциным участвовал, и придумывал для него варианты действий, и многое происходило на его глазах, что он знал и видел — это и ценно в его книге.

Страшно, одновременно. Суть его книги — власть в нашей стране предает народ. Предает государство.

Как народ в России относится к власти?

С недоверием, с презрением, с отвращением, с подозрительностью — понятно. Отстраним эти направления, оставив и всегда в народе присутствующее, — с надеждой.

С уверенностью, власть предать весь народ, всю страну не хочет, не может и себе ни в коем случае не позволит. «Не настолько же они идиоты», — скажет по этой теме обычный гражданин в полной уверенности. Особенно в той стране, СССР, где США многие десятилетия считались, не без фактических оснований, врагами СССР.

Победить СССР для США было мечтой ну самой пресамой. Ту нашу страну, во многом отказывающую себе в устройстве бытовом ради своей военной защиты.

Нельзя победить военным образом? Думали, каким же, и придумали. Найти предателя на самом верху в системе управления страной, связать его либо через тщеславную глупость, либо через ведро орденов и шкафа с деньгами, а самое лучшее — фактами предательства, — нашли, придумали, как сделать.

Измененная система управления любой физический предмет выведет не куда следует, начиная с простейшего велосипеда и заканчивая космическими аппаратами. Для системы управления государством остаются работающими те же правила.

В истории России и СССР ни один руководитель страны — от царей до генсеков, — предателем не был. Исторический результат, для них. Рядом предавали, — Мазепы, Курбские, Власовы. Но они были не на самом верху власти, намного ниже.

Первым из верховных руководителей страны предал Горбачев. Доказывать и приводить примеры тут не надо. Как происходило — читайте подробности, многие, в книге М.Полторанина. А результаты его предательства мы все ощутили на себе так, что до сих пор чувствуем ну буквально каждый день. Например, и на том, что многие семьи бывшего СССР вдруг увидели своих родственников за границами, в бывших советских республиками, в образе иностранцев.

Вторым, пошедшим продолжателем по его пути, стал Ельцин. Да просто жутко становится от многих фактов, рассказанных М.Полтораниным в его книге. Ниже — два абзаца из нее.

Всего за 34,5 тысячи долларов получил Пентагон технические расчеты наших оборонщиков на предмет уничтожения Московского метрополитена. Американское управление по специальным видам вооружений заказало российской стороне многовариантное моделирование с помощью ЭВМ последствий взрывов над разными участками метро зарядов мощностью в один, десять и пятьдесят килотонн тротилового эквивалента. Интересовали, конечно, подъездные сети подземки к резервным командным пунктам, оборудованным на случай войны — а исполнители использовали секретные данные о «болевых точках» метро. Цена всем стараниям — те самые 34,5 тысячи долларов. Плюс зарплата из российского бюджета и похвала отцов олигархата.

Американцы получили все, что хотели: какие линии и станции подземки не выдержат нажима взрывных устройств обозначенных мощностей. Хочешь, используй крылатые ракеты, а хочешь — закладывай боеприпасы ранцевых типов.

Где напрямую через чиновников разных уровней, а где зигзагами — через братство неправительственных организаций, подкармливаемых грантами, заокеанские наставники «царя Бориса» выведали строжайшие тайны нашей страны. Им раскрыли организационную структуру группировки ракетных войск стратегического назначения, местоположение хранилищ ядерных запасов, рассчитали эффективность высотных атомных взрывов на новые телекоммуникационные сети и проч. и проч.».

А что в эти же времена думает народ о своей самой верхней власти? Что она заботится о безопасности страны и вылавливает шпионов? Но что сами чиновники под управлением президента занимаются процитированным выше — в плохом сне только и приснится?

Как же надо ненавидеть свою страну родную, свой народ, чтобы вот так и поступать...

Американские советники при самом Ельцине в московском Кремле, американские советники в правительстве России, — они очень хотели сильной экономически и политически, независимой от них нашей страны? Имеющей самое современное оружие для защиты от них?

Как рассказывает в книге М.Полторанин, хотели и советовали, и настаивали на непременном исполнении вот чего: уничтожение наилучших ракет, уничтожение авиации и военно-морского флота, уничтожение тысяч заводов и фабрик, начиная с оборонных, уничтожение сельского хозяйства, чтобы народ в нашей стране и накормить себя не смог, и в любой день вдруг узнал настоящий голод, в случае своего бунта. Уничтожение бесплатного образования, бесплатной медицины, бесплатных квартир для граждан, замена традиционной русской культуры пошлятиной и омерзением. Проклинаемые до сих пор гайдаровские сумасшедшие повышения цен на продукты.

М.Полторанин придумал для своей книги? А мы все эти года, начиная с горбачевщины, увидели другое? И продолжаем видеть каждый день другое, хорошее для народа?

Нет, тут и никакие примеры не нужны, все всё знают.

Еще цитата из книги М.Полторанина.

«Итоги правления Ельцина в цифрах известны. Напомню некоторые из них:

— бюджет страны сократился в 13 раз;

— население уменьшилось на 10 миллионов человек;

— по уровню жизни Россия переместилась с 25-го на 68-е место;

— в 20 раз увеличилось количество бедных;

— в 48 раз выросла детская смертность от наркотиков;

— в 2,5 раза выросла смертность младенцев;

— примерно в два раза сократилось производство сельхозпродукции;

— в 2,3 раза упал выпуск машиностроительной продукции;

— в 5 раз сократился объем капиталовложений; и проч. и проч».

Каждая цифра страшная. И на глазах народов России вот за эти самые цифры, за которыми и смерти людей, и ужасы уничтожения нашей страны, Ельцину недавно изготовили и открыли — торжественно, — памятник. Кто? Видимо те, кто его дело иначе, но продолжают.

Но действиями такими своими всех нас заставляя верить не в справедливость историческую, не в справедливость жизненную, — в противоположное: как хорошо быть предателем своего народа.

Почему же продолжатели Ельцина не взяли для себя рубежом предела уничтожения страны показанные выше цифры и не сказали народу: мы ставим для себя задачей избавиться от движения гибельного, мы избавим народ от нищеты, болезней, увеличим бюджет, восстановим промышленное производство и свое сельское хозяйство?

Им некогда. На лыжах катаются, в красивых местах. Помня, созидание для них — только слова.

В книге своей М.Полторанин рассказывает и о последующих главных дирижерах, заставляя знать факты и на их основании думать.

Почему произошло предательство, со всеми дальнейшими повторениями, в управлении СССР и России?

Главная причина — у народа отсутствует, полностью, контроль над действиями власти.

В стране на сегодня сверху выстроена такая система, что не то, что президента — антинародного районного депутата народ, по Конституции являющийся носителем власти, снять не может. Народ носителем власти является, на деле, в единственном варианте, он носит власть на своей шее, как хомут. Им управляющий.

«Жак Ширак станет первым французским президентом, привлеченным к суду после своей отставки. Процесс, который открывается в понедельник в Париже, касается двух дел, возбужденных в связи с подозрениями в создании фиктивных рабочих мест в мэрии французской столицы.

Бывший глава государства, которому сейчас 78 лет, лишился юридической неприкосновенности после ухода с поста президента республики».

Вот такая цитата из новостей. Вот и причина подумать, нужно сделать ответственным перед законами страны любого, начиная с самого верхнего уничтожителя всего хорошего для страны и народа.

Но ведь у бывшего президента Ширака дела — детские шалости по сравнению узнанного всеми нами не из газет, — из своих жизней. Не тех на работу принял? А вот если бы уничтожил с помощью США всего одну ракетную дивизию стратегического назначения, уничтожил бы только треть сельского хозяйства — позавидовать остается, что в других странах и для высших начальников есть конкретная ответственность.

Кто и когда спросит с Горбачева и остальных, последующих?

Никогда — отвечать бесполезно. Потому что кроме судебной ответственности есть и историческая, о которой безумцы не помнят.

«Никогда не говорите «никогда» — умное высказывание...

Название книги М. Полторанина — «Власть в тротиловом эквиваленте». В уничтожительном своем значении, в переводе с «тротилового» на русский язык.

Ю. Панченко

Массово-политическое издание

Михаил Николаевич Полторанин

ВЛАСТЬ В ТРОТИЛОВОМ ЭКВИВАЛЕНТЕ. ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

Редактор О.В. Селин
Художник И.М. Хотич

ООО «ТД Алгоритм»

Смотрите книжные новинки на сайте https://algoritm-kniga.ru

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: http://algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 04.06.17. Подписано в печать 29.06.17.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 18. Тираж 1500 экз. Заказ №